

Российская Академия Наук

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ТРУДЫ
ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

2023

Том 13

Ответственный редактор
академик РАН В.А. ТИШКОВ

МОСКВА, 2024

УДК 001.32
ББК 72.3
Т 78

Издание основано в 2003 году

Редакционная коллегия:

В.Л. КЛЯУС, Н.А. МАКАРОВ, А.М. МОЛДОВАН, Е.И. ПИВОВАР,
Н.В. ТАРАСОВА (составитель), В.А. ТИШКОВ (ответственный редактор)

Рецензенты:

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук Д.М. БОНДАРЕНКО
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук А.В. ДЫБО

Научно-организационная подготовка А.А. САРИБЕГЯН

Т 78 **Труды Отделения историко-филологических наук РАН.** / Отд-ние
ист.-филол. наук РАН. – М.: РАН, 2024 – 428 с.
2023. Том 13 / отв. ред. В.А. Тишков; [сост. Н.В. Тарасова]. – 2024. - 428 с.

ISBN 978-5-907645-23-3

Тринадцатый том ежегодника «Труды Отделения историко-филологических наук РАН» представляет материалы научных сессий общих собраний и заседаний бюро ОИФН РАН. Авторами первой части (научная сессия «Культурное наследие России: академическая наука и практика», 22 мая 2023 г.) обсуждаются проблемы изучения и сохранения научного, археологического, музейного, архитектурного, литературного наследия нашей страны. Во второй части опубликованы материалы научной сессии «Трёхсотлетие российской науки» (11 декабря 2023 г.), в которых история Российской академии наук рассматривается через этапы и события, определившие тенденции развития отечественной науки в XVIII-XX вв. Авторы докладов стратегической сессии бюро ОИФН РАН «Информационные технологии и мониторинг этнокультурных и языковых трансформаций в России» (18 октября 2023 г.) дают представление о работе по созданию информационных ресурсов изучения, сохранения, популяризации знаний об этнической, фольклорной и языковой культуре народов Российской Федерации. Также в книге публикуются статьи членов РАН, профессоров РАН, представителей вузов по вопросам истории, филологии, истории науки, культурного и научного наследия.

Для историков, филологов, культурологов, широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907645-23-3

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2024
© Тарасова Н.В., составление, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тишков В.А.</i> Предисловие	6
--------------------------------------	---

Часть 1

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Культурное наследие России: академическая наука и практика» (22 мая 2023 г.)

<i>Пиотровский М.Б.</i> Мосты культуры и войны памяти	14
<i>Макаров Н.А.</i> Московский Кремль как археологический памятник	31
<i>Швидковский Д.О.</i> Восстановление исторического облика России: архитектурные проблемы	50
<i>Дмитриева Е.Е.</i> «Тарас Бульба» Гоголя: прагматика vs герменевтика	59

Часть 2

Научная сессия Общего собрания Отделения историко-филологических наук РАН «Трёхсотлетие российской науки» (11 декабря 2023 г.)

<i>Басаргина Е.Ю.</i> Столетний юбилей Академии наук в 1826 г.	80
<i>Фандо Р.А.</i> 300 лет служения человечеству. Открытия Российской академии наук, изменившие мир	95
<i>Батурин Ю.М.</i> Неархимедова мера истории	109
<i>Бондарь Л.Д., Тункина И.В.</i> Академия наук СССР и Белорусская академия наук в начале 1930-х гг.: наставничество и взаимодействие	126
<i>Побережников И.В., Артёмов Е.Т.</i> Наука и технологии в контексте советской позднеиндустриальной модернизации	136
<i>Рынков В.М.</i> Новосибирский Академгородок: технология «броска» советской науки на восток	143

Часть 3
Стратегическая сессия Бюро
Отделения историко-филологических наук РАН
«Информационные технологии и мониторинг
этнокультурных и языковых трансформаций в России»
(18 октября 2023 г.)

<i>Павленко О.В., Борисов Н.А., Баскакова И.А.</i> «Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры»: исследовательский и просветительский ресурс по цифровизации и популяризации природного и культурного наследия коренных народов России	155
<i>Черных А.В., Чернышева Ю.С.</i> Реестры объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации: опыт и новые задачи	170
<i>Муллонен И.И., Новак И.П., Родионова А.П., Крижановская Н.Б.</i> Открытый корпус вепского и карельского языков: структура, функциональность, перспективы развития	187
<i>Силантьев И.В., Кошкарёва Н.Б., Федина Н.Н., Шапошникова И.В., Кузьмина Е.Н., Гриневич А.А., Шахов П.С., Тирон Е.Л.</i> Электронные базы данных языков и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока	197

Часть 4
Актуальные вопросы гуманитарных наук

<i>Аллатов В.М.</i> Факторы, способствующие исчезновению языков, и факторы, способствующие их сохранению	206
<i>Бурлак С.А.</i> Языковое родство и языковые контакты	213
<i>Пивовар Е.И., Катагощина М.В.</i> Российское интеллектуальное зарубежье XX – начала XXI века: глобальные миграции идей и технологий	237
<i>Зайцев И.В.</i> Коран Узбека: ильханидская рукопись для золотоордынского хана	254
<i>Сиренов А.В.</i> Дискуссия о типах письма древнерусских рукописей	265
<i>Черкасов П.П.</i> Попытка реставрации монархии во Франции в 1873 году (по свидетельству российского посла князя Н.А. Орлова)	275
<i>Репина Л.П.</i> «Спасительные гавани» историка, или о пользе изучения интеллектуальных традиций	289

Часть 5

Из истории науки

<i>Алиева А.И.</i> Фольклор, этнография, религиозные верования ингушей в российских научных изданиях второй половины XIX – начала XX вв.	306
<i>Вахромеева О.Б.</i> К истории списка трудов Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской	339
<i>Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.</i> «...поставить русскую науку в благоприятные условия для плодотворной научной работы». М.И. Ростовцев о политике археологических исследований	361
<i>Батурин Ю.М.</i> Академия наук и успехи космонавтики (малоизвестные страницы истории)	391
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	420
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424

ПРЕДИСЛОВИЕ

В.А. Тишков

академик РАН, ответственный редактор издания

Очередной 13-й выпуск научных трудов Отделения историко-филологических наук РАН (ОИФН РАН) содержит научные статьи, подготовленные на основе проведённых научных сессий общего собрания членов ОИФН РАН и докладов, сделанных на заседаниях Бюро ОИФН РАН в 2023 году. Ряд статей предложен членами РАН и другими известными учёными. В целом выпуск отражает современный уровень и тематику академических исследований, выполняемых в научно-исследовательских институтах и ведущих вузах нашей страны.

В первой части публикуются материалы научной сессии общего собрания ОИФН РАН по теме культурного наследия России, а именно – что и как изучают историки и филологи в данной области и как соучаствуют в общественных практиках сохранения наследия и просвещения населения о культурном богатстве нашей страны. Академик РАН М.Б. Пиотровский обратился к вопросу мировых культурных взаимодействий и о том, каким образом на эту сферу общероссийской и международной жизни воздействуют т.н. войны памяти: борьба политических сил, общественных активистов, гуманитарной интеллигенции и ревизионистов разного толка за «правильные» трактовки событий и процессов прошлого. Это включает вопросы принадлежности тех или иных произведений искусства и их авторов, проблемы реституции и обменов культурными достижениями и произведениями искусства. Как отмечает директор крупнейшего музея России и мира, музеи являются и представляются обществом мостами между культурами и инструментом диалогов между ними. В то же время они могут быть и орудиями войн памяти и сведения реальных и «фантомных» счётов. Детище Века Просвещения и хранители его ценностных подходов, музеи сегодня оказываются в центре культурных войн, порождённых сменой ориентиров мирового порядка, и становятся мишенями «культуры отмены» как воображаемых символов прошлых несправедливостей. Они являются средоточием дебатов о национальных ценностях и одной из основ культурного и патриотического воспитания. Опыт мировых и российских музеев обязывает их быть арбитром и образцом цивилизованного подхода к диалогам культур.

Академик РАН Н.А. Макаров сообщает о результатах руководимых им раскопок на территории Московского Кремля, благодаря которым восстанавливается далёкое прошлое нашей столицы. В статье рассматриваются специфика Кремля как археологического памятника и особенности его культурного слоя. В этом отношении характер Кремля определяется многообразием разновременных древностей в толще культурных отложений в самых разных сочетаниях, соседством остатков исторических построек Нового времени с культурными отложениями древнейшей поры. Раскопки новейшего времени дали обширный материал для реконструкции освоения Боровицкого холма и формирования го-

родской застройки ранней Москвы и открыли перспективу музейного экспонирования остатков исторических построек XVI-XVII веков. К этой же теме, но в большей мере в искусствоведческом аспекте, обращается академик РААСН и РАХ, доктор искусствоведения Швидковский Д.О., делая попытку восстановить исторический облик России по её архитектурному наследию. Его статья посвящена проблемам сохранения архитектурного и градостроительного наследия России. Подчёркивается необходимость комплексного научного подхода к определению роли памятников прошлого в пространственном развитии страны: преобразованию агломераций, малых и средних поселений, фиксации, изучению, охране и реставрации исторических зданий во всём разнообразии их палитры как выражения духовного содержания национальных традиций.

В этом же разделе публикуется литературоведческая статья члена-корреспондента РАН Дмитриевой Е.Е. о гоголевском произведении «Тарас Бульба» как объекте смысловых дебатов среди литературных критиков и собственно читательской публики. Повесть мыслится одними как апология малороссийской вольницы, другими, напротив, – как апология российской государственности. Связано это отчасти с наличием двух редакций «Тараса Бульбы», различных между собой не только лексическими и стилевыми расхождениями, но и заложенной в них идеологической программой. В статье рассматриваются история изменения, а также причины, по которым в разные времена и в разных регионах (России, Украине, Польше) приоритет отдавался то первой, то второй редакции. Современные ей читатели и критики по-разному оценили повесть в обеих её редакциях, и они прошли мимо тех «взрывоопасных» моментов повести, которые позже, в основном с конца XIX века, стали предметом большого спора. Такая попытка поставить гоголевский текст на своё первоначальное место, уяснив одновременно те семантические приращения и потери, которые позже в ней возникли, представлена в статье как опыт «обратного перевода», поскольку разные культурные явления переводятся на иные, первоначально им чуждые культурные языки, часто с переосмыслением их содержания. Поэтому необходимо уметь «переводить назад» смыслы литературных текстов, возвращая им первоначальное содержание.

Вторая часть издания представляет материалы научной сессии общего собрания ОИФН РАН, приуроченной к 300-летию Российской академии наук. Статья д.и.н. Басаргиной Е.Ю. посвящена празднованию 100-летнего юбилея Академии наук в 1826 году. Празднование юбилеев Академии наук является стойкой традицией, а в XX столетии они даже стали всенародными торжествами. Юбилеи – повод осмыслить пройденный путь, возможность апеллировать к государственной власти ради повышения авторитета своей корпорации и консолидации научного сообщества. Состоявшееся в начале царствования Николая I празднование столетнего юбилея Императорской Академии наук стало важной вехой в истории Академии наук. Её Президент С.С. Уваров умело распорядился возможностью обратиться к императору как покровителю науки и представил Академию наук во всём её блеске. Кульминацией праздничных мероприятий стало подношение членам императорской

фамилии памятной медали, изготовленной медальером Ф.П. Толстым. Юбилей имел значение своего рода рекламной акции и повысил интерес общества к деятельности Академии.

Открытиям учёных Российской академии наук, которые в подлинном смысле изменили мир, посвящена статья д.и.н. Р.А. Фандо. К 300-летию юбилею РАН силами сотрудников Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН был разработан интернет-портал, на котором представлена информация о важнейших научных открытиях российских учёных, которые привели к прорывам в формировании и развитии фундаментальных представлений об устройстве мира. Таким образом, была начата работа по представлению в онлайн-пространстве основанной на результатах исторических исследований информации о достижениях российских учёных в области гуманитарных и естественных наук. Эта информация даёт возможность оценить вклад Академии наук в развитие научного знания и технологий в мировом масштабе. Здесь же член-корреспондент РАН Батуринов Ю.М. рассматривает проблему описания исторических процессов не только посредством выявления причинно-следственных связей между событиями, но также и как суммарный результат идей, мыслей, чувств, эмоций, действующих на исторической сцене акторов в контексте законов природы. Показываются некоторые подходы к решению поставленной проблемы, включая единство и механизм сопряжения природы и духовного мира человека как факторов, существенно влияющих на историю.

К.и.н. Л.Д. Бондарь и член-корреспондент РАН И.В. Тункина в статье «Академия наук СССР и Белорусская академия наук в начале 1930-х гг.: наставничество и взаимодействие» рассмотрели создание в 1928 г. Белорусской академии наук и её сотрудничество с АН СССР. Это сотрудничество было необходимо молодой академии для получения методической помощи в реализации крупных проектов. В 1930 г. был подписан договор о социалистическом соревновании между тремя академиями: Всесоюзной, Всеукраинской и Белорусской. Последовавшие далее мероприятия превратили АН СССР в действительно всесоюзное научное учреждение, ориентированное на оказание методической помощи республиканским академическим центрам. Это было драматическое время разрушения старой академической школы и централизации науки, а фундаментальные исследования зачастую должны были отступить на задний план перед хозяйственными задачами. Во многом благодаря межреспубликанскому сотрудничеству Академия наук в начале 1930-х гг. пережила время подъёма научного энтузиазма и развития научного взаимодействия.

Особый сюжет рассмотрен в статье члена-корреспондента РАН И.В. Побеженикова и д.и.н. Е.Т. Артёмова о взаимодействии науки и технологий в контексте советской позднеиндустриальной модернизации. Обоснована взаимосвязь высоких темпов экономического роста с наращиванием научно-технической деятельности, которая предусматривала проведение исследований по всему «фронту» современной науки и приоритетное внимание ключевым направлениям научно-технического прогресса: атомный проект, ракетно-космическая программа, создание электронной промышленности, вычислительной

техники. Выявлены этапы научно-технологической политики, внедрение научных разработок в производство в рамках атомного проекта, передача технологий из отраслей ОПК в гражданские отрасли. Замедление темпов научно-технического прогресса привело к утрате динамизма советской экономики, что обернулось её кризисом. К этой же теме можно отнести статью д.и.н. Рынкova В.М. о создании Академгородка в Новосибирске. Создание Сибирского отделения АН СССР явилось условием для научного и технологического прорыва, развития в Сибири наукоёмких производств. Основатели Академгородка разработали и реализовали социальные технологии, получившие название «треугольник Лаврентьева» и рассчитанные на долговременный эффект. Выстроив горизонтальные и вертикальные связи, Президиум СО РАН добился того, что сибирская наука стала заметной частью научного потенциала страны, по многим направлениям прочно удерживала лидирующие позиции. Сибирское отделение Академии наук являлось мощным фактором развития всей советской науки. Укрепляя научный потенциал восточных регионов, оно наращивало число научных центров, которые обеспечили рост научного потенциала не только в своём регионе, но и для страны в целом.

Часть третья – это материалы сессии Бюро ОИФН РАН по теме информационных технологий в языковых и этнокультурных трансформациях в России. Учёные из РГГУ д.и.н. Павленко О.В., д.полит.н. Борисов Н.А., к.и.н. Баскакова И.А. дают описание научно-образовательного и просветительского проекта «Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры»: исследовательский и просветительский ресурс по цифровизации и популяризации природного и культурного наследия коренных народов России». Этот атлас готовится с участием ведущих институтов, находящихся под научно-методическим руководством ОИФН РАН, и Ассоциацией коренных малочисленных народов Российской Федерации и содержит актуальные сведения по истории, этнографии и положению с этническими языками среди этой части населения страны.

Член-корреспондент РАН А.В. Черных и Ю.С. Чернышева рассматривают проблему реестров объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации и освещают проводимую работу в сфере нематериального этнокультурного достояния. Авторы определяют правовые и организационные основы данной деятельности, анализируют опыт создания федеральных реестров объектов и подходы к современной практике. Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния – современный информационный ресурс, содержащий научную информацию, визуальные и аудиоматериалы об объекте нематериального этнокультурного достояния. Реестр выступает важным образовательным ресурсом, основой для формирования научно-популярного контента в сфере нематериального этнокультурного достояния, реализации культурных проектов и инициатив.

Член-корреспондент РАН Муллонен И.И., к.ф.н. Новак И.П., к.ф.н. Родионова А.П., Кржижановская Н.Б. сообщают о создании корпуса вепсского и карельского языков. ВепКар – Открытый корпус вепсского и карельского языков,

ведущий свою историю с 2009 г. Тогда была начата работа над «Корпусом вепского языка», а в 2016 г. было принято решение расширить его за счёт карельского языка. За годы работы над ресурсом языковедами ИЯЛИ КарНЦ РАН и программистами ИПМИ КарНЦ РАН была проделана работа по его наполнению не только текстами, но и словарями, а также инструментами, обеспечивающими возможность проведения научных исследований. В корпус включены около 6 тыс. текстов (2 млн. словоупотреблений) на диалектах и нормированных вариантах карельского и вепского языков, более 67 тыс. словарных статей. ВепКар стал базой для исследования прибалтийско-финских языков Северо-Запада России. Материалы корпуса используются для разработки новых словарей и грамматик, редактирования правил и норм новописьменных вариантов языков, в обучающих процессах. При условии расширения объёма и структурного потенциала платформы, в будущем эти данные планируется направить на решение таких задач, как, например, распознавание и синтез речи, машинный перевод, построение компьютерных моделей карельского и вепского языков.

Группа учёных под руководством члена-корреспондента РАН И.В. Силантьева описывает электронные базы данных языков и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, которые созданы в Институте филологии СО РАН и развивают разные типы фольклорных и лингвистических электронных ресурсов, включая материалы по языкам автохтонных народов и переселенческих групп населения Сибири и Дальнего Востока. Эти ресурсы предназначены, во-первых, для хранения образцовых текстов, представляющих собой эталоны вербальной культуры в их исконной форме; во-вторых, для лингвистической обработки больших массивов текстов, представленных, в соответствии с международными стандартами, с глоссированием и поморфемным переводом, что обеспечивает возможность их использования в сравнительно-сопоставительных и типологических исследованиях; в-третьих, для обеспечения исследования вербальных и этномызыкальных культур оригинальным интерактивным инструментарием. Все электронные ресурсы направлены на отражение вербальных культур населения Сибири и Дальнего Востока, способствуют сохранению и развитию фольклорных традиций и языковой культуры в их локальных проявлениях и укреплению этнических идентичностей.

Четвертая часть ежегодника содержит статьи по ряду актуальных проблем отечественной филологии и историописания. Академик РАН Алпатов В.М. обращается к анализу факторов, способствующих исчезновению языков, и факторов, способствующих их сохранению. Речь идёт о феномене языкового сдвига как объективного процесса изменения языковой ситуации, смены языка его носителями. К способствующим вытеснению языков факторам относятся физическое уничтожение носителей, их малое количество, интенсивные языковые контакты, освоение территории, низкая престижность языка среди носителей или их соседей, отсутствие этнонационального самосознания. К факторам, способствующим сохранению языков, относятся отсутствие или незначительное количество контактов с другими языками, развитое языковое самосознание, «эффект бабушки», экспрессивная роль языка, отсутствие в го-

сударстве единого господствующего языка, повышение уровня жизни. Языковая политика может в зависимости от направленности способствовать и вытеснению, и сохранению языка. Всё большую роль в определении судьбы языков играют учёные, общественные активисты, современные информационные технологии.

В рамках лингвистической тематики профессор РАН, д.ф.н. Бурлак С.А. освещает проблемы языкового родства и языковых контактов. Для определения языкового родства необходимо отличать языковые элементы, наследуемые от праязыка, от элементов, проникающих в язык в результате контактов. В статье рассматриваются факторы, влияющие на картину возникновения и исчезновения тех или иных элементов языка в результате языковых контактов. Для понимания характера языковых изменений имеет смысл выделять контакты поверхностные (когда все члены языкового сообщества обладают полной компетенцией в одном языке, а другим владеют лишь немногие и/или в слабой степени), билингвальные (когда все члены сообщества обладают полной компетенцией в обоих контактирующих языках) и деградационные (когда язык передаётся через носителей, не обладающих в нём полной компетенцией). Характер контактного влияния определяется возрастом, в котором происходит усвоение одного и другого языка, и частотностью предъявляемых человеку элементов (лексем, произнесений, грамматических конструкций) обоих контактирующих языков.

В части исторической тематики академик РАН Е.И. Пивовар и к.и.н. М.В. Катагощина рассматривают российское интеллектуальное зарубежье XX – начала XXI века в контексте глобальных миграции идей и технологий. Российское зарубежье – феномен мировой истории и культуры, возникший вследствие масштабных миграционных процессов конца XIX – начала XXI в. Одной из особенностей миграционных потоков с территории Российской империи, СССР, постсоветского пространства является высокий процент представителей интеллектуальной элиты, включая деятелей академической науки, университетскую профессуру, молодых специалистов. Статья посвящена исторической роли российского научного зарубежья в мировом и отечественном научно-технологическом развитии. Авторы показали, что существенный вклад российского научного зарубежья в развитие принимающих стран сопровождался взаимодействием с научным сообществом на родине, которое заключалось в восприятии и развитии коллегами в СССР/России научных идей и открытий, принадлежавших российским учёным-эмигрантам, в репатриации деятелей науки, совместных международных проектах, академической мобильности и научно-информационного обмена.

Статья профессора РАН, д.и.н. Зайцева И.В. излагает историю Корана Узбека – ильханидской рукописи XIV века, изготовленной для золотоордынского хана, «султана султанов Узбека», властелина Золотой Орды, незадолго до этого принявшего ислам. Рукопись хранится ныне в турецкой Кютахье, а её переписчиком был тот же мастер, который переписал 30-томный список Корана, давно известный учёным под названием «хамаданского Корана Олджейту».

Он находился на службе у Рашид ад-Дина. Каким образом и при каких обстоятельствах золотоордынский владыка получил роскошную рукопись, созданную профессиональным придворным хулагуидским мастером книжного дела? Автор полагает, что произойти это могло во время похода Узбека на Дербенд осенью 1318 года. Скрипторий Рашид ад-Дина работал до дня казни этого везира в 1318 году. Смерть всемогущего везира сделала разом безработными какое-то количество профессиональных переписчиков и декораторов. Один из них, вероятно, и решил посвятить великолепно выполненную Священную книгу мусульман новому чингизидскому покровителю, который принял ислам из рук ширванских проповедников.

Член-корреспондент РАН А.В. Сиренов обращается к дискуссии об основных типах письма древнерусских рукописей. Автор предлагает рассматривать этот вопрос с учётом контекста латинской и греческой средневековой традиции, чему посвящён крупный научный проект «История письма европейской цивилизации». Это проект был реализован в 2020-2024 гг. рядом академических институтов (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека РАН, Архив РАН, институты Академии наук Республики Татарстан).

Член-корреспондент РАН Черкасов П.П. описывает попытку реставрации монархии во Франции в 1873 году (по свидетельству российского посла князя Н.А. Орлова). В статье исследован один из драматичных эпизодов в истории Третьей республики, связанный с попыткой сторонников монархии в 1873 г. ликвидировать республиканский режим, возникший во Франции после крушения Второй империи в сентябре 1870 года. Главным источником для автора статьи послужила секретная дипломатическая корреспонденция, которую направлял из Парижа в Санкт-Петербург посол России князь Николай Алексеевич Орлов. Русский дипломат был хорошо информирован, благодаря постоянному общению с президентом П. де Мак-Магоном, его министрами и депутатами Национального собрания, а также с лидерами монархических фракций – орлеанистами, легитимистами и бонапартистами. Депеши и аналитические записки Орлова, адресованные императору Александру II и канцлеру князю Горчакову, содержат уникальный материал о попытке монархической реставрации. Отчёты графа Орлова из Парижа отмечены достоверностью и объективностью, что делает их важным историческим источником.

Член-корреспондент РАН Л.П. Репина обращается к теме о пользе изучения интеллектуальных традиций. В её статье рассматриваются теоретические проблемы изучения интеллектуальных традиций в контексте интеллектуальной культуры и дискуссий о методе и статусе гуманитарного знания конца XIX – начала XX столетия и на материале истории понятий как нового научного направления, формирование которого происходило в конце XX – начале XXI века. Автор подчёркивает связь изучения истории интеллектуальных традиций с функционированием интеллектуальных сообществ разного типа. Обсуждаются последствия серии методологических поворотов и изменения в категориально-понятийном арсенале современной исторической науки.

Сборник трудов ОИФН включают статьи по истории ряда научных направлений (**пятая часть**). Д.ф.н. Алиева А.И. рассматривает фольклор и религиозные верования ингушей в российских научных изданиях второй половины XIX – начала XX вв. Впервые в истории российского академического кавказоведения охарактеризована совокупность исследований, опубликованных в XIX – начале XX вв. в российских (в том числе в кавказских) изданиях сотрудниками Императорской Петербургской академии наук, россиянами, состоявшими на военной или гражданской службе на Кавказе, и первыми представителями ингушской интеллигенции. Статья д.и.н. О.Б. Вахромеевой посвящена истории списка трудов Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (1874-1939), чей 150-летний юбилей со дня рождения отмечается в 2024 году. Добиаш-Рождественская была выдающимся историком культуры западного Средневековья, талантливым палеографом, представителем петербургской научной школы медиевистики и основателем нового направления латинской палеографии в советской России. Она ушла из жизни накануне Второй мировой войны, поэтому интерес к изучению её научного наследия пришёл на вторую половину XX в., но он не ослабевает и в наши дни. В статье представлен сводный хронологический перечень работ историка, составленный на основе библиографий, генеральных каталогов Библиотеки РАН и РНБ, эпистолярных источников, неопубликованных списков трудов учёного.

Доктор культурологии Ананьев В.Г. и академик РАН Бухарин М.Д. впервые публикуют текст доклада крупнейшего российского антиковеда первой половины XX в. академика М.И. Ростовцева (1870-1952) «Раскопки и охрана памятников, добытых путем раскопок», подготовленного весной 1917 г. для работы подкомиссии по музейному делу и охране памятников комиссии по вопросу создания особого министерства искусств, действовавшей весной-летом 1917 г. при Институте истории искусств в Петрограде. Текст приводится по автографу, отложившемуся в архивном фонде Института истории искусств в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

В завершении сборника трудов публикуется статья члена-корреспондента РАН Ю.М. Батурина о малоизвестных страницах истории связи Академии наук и становлением советской космонавтики. Автор описывает роль Академии наук в исследовании космического пространства от теоретика космонавтики К.Э. Циолковского до современных экспериментов на Международной космической станции. Подчёркивается значение Всесоюзной конференции по исследованию стратосферы в 1934 году, на которой делали доклады К.Э. Циолковский и С.П. Королёв. Рассказывается о не прекращавшихся во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. научных экспериментах, проводимых с помощью высотных ракет. Обсуждаются подготовка к запуску первого искусственного спутника Земли и первый полёт человека в космос. Данный обзор сделан учёным, который лично принимал участие в космических полётах и удостоен звания Героя России.

Часть 1
НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ:
АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА»
(22 мая 2023 г.)

Мосты культуры и войны памяти

М.Б. Пиотровский

Аннотация. Музеи, хранители исторической и культурной памяти, традиционно являются и представляются обществом мостами между культурами и инструментом диалогов между ними. В тоже время они могут быть и орудиями войн памяти и сведения реальных и «фантомных» счетов. Детище Века Просвещения и хранители его ценностных подходов, музеи сегодня оказываются в центре культурных войн, порождённых сменой ориентиров мирового порядка, и становятся мишенями «культуры отмены» видящих в них символы старинных несправедливостей. Музеи являются средоточием споров о национальных ценностях в потоке дискуссий об апроприации, атрибуции, реституции, партиципации. Огромный опыт мировых и российских музеев обязывает их быть арбитром и образцом цивилизованного подхода к диалогам культур. Они же являются исследователями сложного процесса становления нового культурного мирового порядка.

Ключевые слова: музей, мост культур, войны памяти, культура отмены, апроприация, атрибуция, реституция, партиципация, деколонизация, интеллектуальная собственность.

Академическая наука и практика использования культурного наследия переплетаются в жизни музея, который всегда является одновременно и механизмом сохранения наследия, и важнейшей его частью, нуждающейся в сбережении.

Дитя эллинизма (Александрийский Мусейон) и Века просвещения, музей сегодня популярен и как место создания смыслов и знаний, и как сакральное хранилище исторической памяти, и как некое убежище от мирской суеты. Эта популярность делает музеи соблазнительной добычей для далёких от академизма практик и деятельности, носящей часто весьма разноречивый и даже противоречивый характер. Музеи, особенно так называемые энциклопедические (или универсальные), давно признаны мостами между культурами и также – между обывателем и высокой культурой. Они соединяют и примиряют людей.

В то же самое время, музеи, особенно национальные, призваны стимулировать гордость собственной культурой или историей и потому могут служить полем для войн памяти, споров о старых обидах и о собственности на те или иные победы и беды. В потенции музей может быть основой и для доброго диалога культур, и для войн памяти. Эта возможность заложена в принципиальной открытости и демократичности музея, как института, оперирующего подлинными вещами и демократично оставляющего поле для интерпретации исследователем, просветителем или зрителем-посетителем.

Эволюция отношений между музеем и обществом отразилась в борьбе за новое определение музея, разгоревшееся на нескольких сессиях ИКОМ, Международного комитета музеев при ЮНЕСКО. Определение 2001 г. звучало так: «Музей – это действующая на постоянной основе некоммерческая организация, которая служит обществу, его развитию и открыта для общественности, которая приобретает, сохраняет, исследует, передаёт информацию и выставляет в целях изучения, образования и развлечения материальные свидетельства о наследии человечества и среды его обитания»¹.

Однако это определение, основанное на классической пятёрке: собирать, хранить, изучать, представлять и передавать, давно вошло в противоречие с новой волной деколонизации и общественного активизма. Многочисленные и жаркие споры в течение нескольких лет завершились компромиссом.

Согласованное определение было принято на Генеральной конференции ИКОМ 24 августа 2022 г. Оно гласит: «Музей – это некоммерческое, действующее на постоянной основе учреждение на службе обществу, которое изучает, собирает, хранит, интерпретирует и экспонирует материальное и нематериальное наследие. Открытые для публики, доступные и инклюзивные, музеи способствуют многообразию культур и устойчивому развитию общества. Музеи осуществляют свою деятельность и коммуникацию на основе принципов этики и профессионализма при участии сообществ, предлагая разнообразный опыт в целях образования, организации досуга, рефлексии и обмена знаниями»².

Изменилось многое, но положительным считается то, что в определение удалось не впустить такие понятия, разобщающие музейное сообщество, как «деколонизация», «репатриация» и «реституция».

Эта новая формулировка, вернее – набор формулировок, выражает общую тенденцию размывания функции музея как научного учреждения – хранителя и исследователя, и усиление его значения как института гражданского общества участника и особо – площадки для социальных сражений. По большому счёту – это часть большого процесса в рамках новорождённой «культуры отмены», когда культура перестаёт считаться чем-то особенным и исключительным. Культура отмены порождает отмену культуры. Частью этого движения являются и попытки отмены русской культуры в рамках противодействия стремлению России изменить мировой порядок. Следующим этапом является

¹ См. Этический кодекс ИКОМ / <https://icom-russia.com/data/ustavnnye-dokumenty/>

² См. <https://icom.museum/en/resources/standards-guidelines/museum-definition/>

уже собственно и отмена самих музеев как особого и частично сакрального института, а также решительное отвержение его роли арбитра и судьи в культурном диалоге.

Само собой разумеется, что я утрирую ситуацию, но мы имеем дело с весьма агрессивными группами, уже во многом затрудняющие и меняющие привычную деятельность музея. Культурное наследие всегда может стать объектом манипуляций. Всё обостряется той культурной блокадой, которая создаётся вокруг России. Этот частный случай общего процесса сейчас требует не только анализа, но и действия. И это ещё один аспект сочетания в музее академической науки и практики.

Мосты культуры оказываются под угрозой как практической, так и интеллектуальной: войны памяти ведут к их разведению или разрушению. Но именно наука позволяет этому разрушению противостоять, что и делают мировые музеи, привыкшие ощущать себя священными хранителями и жрецами национального и мирового наследия. Сочетание музейной серьёзности с публицистическим пафосом и особыми эмоциями ангажированных зрителей создаёт обстановку, оказывающуюся серьёзным вызовом музею как институту. Ответы на эти вызовы есть, и важно, чтобы музеи были готовы и хотели на эти вызовы отвечать.

В сегодняшнем музейном пространстве, мировом и российском, можно выделить пять направлений активности, по которым в публичном поле и в общественном пространстве на музеи ведётся серьёзная атака. Первое – это, собственно, отмена музеев как института, с утверждением, что музеи по существу не то, чтобы не нужны, но являются соучастниками вредных дел и даже преступлений против многих народов и их наследия. Это выражается в двух формулах, одна из которых: «музеи – хранители краденого». Пресса или, почти всегда, гиды туристических групп уверенно произносят, что большинство музеев мира хранят вещи, незаконно награбленные во время колониальных и не только колониальных войн [См. напр.: *Hicks*, 2022]. Лидирует в этом отношении Британский музей с Парфеноном [*St. Clair*, 2023; *Titi*, 2023], но это относится на самом деле ко всем музеям, и круг всё время расширяется. Этим обвинением активно пользуются как представители культурной элиты, так и религиозные организации разных стран. Для России это один из главных вызовов.

Повсюду вслед за постколониальным пафосом воскресают воспоминания о справедливых и несправедливых войнах, территориальных делениях государств, собирании памятников в столицы, цена приобретений сегодня представляется низкой и т.д. и вовсе не только в связи с колониями. Всё подкрепляется удачными и неудачными судебными исками, а сфера обвинений расширяется. В ответ музеи создают целые отделы по изучению истории происхождения своих экспонатов [См. напр.: *Sutton*, 2024]. С другой стороны, музеи, и это главное, рассказывают о том, что значительная часть их коллекций – вещи, спасённые от гибели в военных действиях, либо из-за небрежения, в том числе и религиозного. Многие из музейных экспонатов стали восприниматься в местах происхождения как особые ценности, уже благодаря известности, приобретённой пребыванием в музее. Музеям приходится напоминать

и о как бы всем известной своей функции – рассказе о культурах в формате диалога, который высвечивает как особенности каждого художественного мира, так и единство всех суверенных культур. Хорошим и свежим примером такого рассказа может служить новая постоянная экспозиция Эрмитажа «История древней письменности», где памятники клинописи, египетской иероглифики и всех изводов финикийского алфавита предстают как уникальный рассказ о процессе становления цивилизации. Такой музейный рассказ имеет как дидактическое, так и философское значение. Он уникален и увлекателен, и это возможно только в музее.

С этим сюжетом можно связать и другой упрёк-обвинение. Музеи забирают себе то, что не для них создавалось. Это отчасти верно, даже здания таких музеев как Эрмитаж и Лувр изначально создавались не для музея, не говоря уже о выставленной в них мебели. На самом деле это тоже принципиальный вопрос. Музеи, действительно, показывают памятники разных эпох и стран в своём собственном контексте исследования, рассказа, анализа и сравнения. В том и есть смысл музея – он даёт новую жизнь вещам, подлинный контекст которых часто вообще не существует. Собранные в музее вещи – это уже другой рассказ. При этом в музее памятники становятся всеобщим достоянием и всем доступны. Любой человек может восхищаться искусством русской и византийской иконописи в залах новых галерей Эрмитажа, представитель любой ветви христианства может поклониться этим иконам в музее. В храме же, где икона выполняет ритуальную функцию, рассматривать её художественные изыски, по меньшей мере, неприлично. И представителям других конфессий она недоступна ни для лицезрения, ни для поклонения. Старообрядцы не придут в никонианский собор. Об этом, в частности, напоминает наша выставка спасённых староверческих икон из Выга [Художественное наследие староверов Поморья: каталог выставки, 2023].

Ещё одна линия удара по музеям – изгнание музейных меценатов. Одна за другой следуют успешные политические кампании с требованием исключить из числа спонсоров и попечителей музеев корпорации, замешанные в производстве чего-то неприемлемого. Это может быть табак или слезоточивые гранаты, нефть или лекарства. Один за другим музеи снимают со своих зданий имена таких глобальных спонсоров, как Сейнсбери, Бритиш Петролиум и многих других, благодаря которым музейная инфраструктура в XX веке пережила необыкновенный расцвет. Более того, наличие корпоративных спонсоров обеспечивало музеям высокую степень независимости. Без них остаются два источника со значительно более диктаторскими манерами – государство и публика³.

В этих условиях музеи во всём мире и России перестраиваются, и достаточно успешно, но происходит это за счёт необходимости увеличения собствен-

³ Обобщение ситуации и материалы дискуссии см.: *Ван Мени П.* К методологии музеологии. М., 2018; *Ван Мени П., Мейер-ван Мени Л.* Новые тренды в музеологии. М., 2021; *Cuno J.* (ed.). *Whose Muse? Art Museum and the Public Trust*, Princeton. 2006; *Cuno J.* *Museums Matter. In Praise of the Encyclopedic Museums*. Chicago, 2011; *Holzl Ch., Pichorner F.* (Hgg). *Brauchen wir Museen*, Wien, 2014; *Museology and Values. Art and Human Dignity in the 21 Century.* *Verdin T., Filardi R., Turnhout*, 2019; *Bechtler C., Imhof D.* *Museum of the Future. Now What?* Geneva, 2021; *Under Discussion. The Encyclopedic Museum*. Grau D. (Ed.). Los Angeles, 2021.

ных доходов, что ставит под угрозу святую святых – некоммерческий характер музейной деятельности.

Другим (вторым) направлением и ключевым словом является «апроприация» и споры об её уместности. Раньше это называлось культурными заимствованиями, аккультурацией, ассимиляцией. Теперь активистами второй волны деколонизации ставится под вопрос вообще моральное право переноса элементов одной культуры в другую, что часто происходит с изменением их истинного смысла. Суть многовекового культурного взаимодействия, символом которого являются такие явления, как эллинизм, христианская культура, мусульманский мир, мир буддизма, сводятся к отрицательным сторонам глобализации и гипертрофированной заботе о праве интеллектуальной собственности. И тогда использование элементов дальневосточного национального костюма парижским модельером объявляется кражей, и государственные протесты вызывают выставки о культурных диалогах.

Предметом осуждения становятся как использование в декоре, так и демонстрация в музее африканских масок. Официальные протесты вызывает выставка влияний древнеегипетского искусства на культуру африканцев в древности и сейчас⁴. Или протесты против того, чтобы в фильме Клеопатру играла чернокожая актриса [Boztas, 2023; Cammis, 2016: 21-25; Abulafia, 2023]. Именно культурные заимствования, их история и их плодотворность являются важнейшим элементом и предметом музейных исследований и музейного показа: в них и интрига, и занимательность, и поучение; они проповедуют идеологию единства мировой культуры и открывают её механизмы. На самом деле наличие полемики в медийном и юридическом пространстве делает разговор о музейном пространстве более интересным и привлекательным. Примером выставки на эту тему может служить эрмитажная выставка «Египтомания» об истории включения художественных образов Древнего Египта в культурный код Европы и России и связь этого как с военными приключениями Наполеона, так и с интеллектуальными приключениями Шампольона [Египтомания. К 200-летию дешифровки египетских иероглифов Ж.-Ф. Шампольоном. Каталог выставки, 2023]. Другим примером является выставка «Русский стиль» о сознательном включении византийской художественной традиции в русскую [Гусева, 2023]. Собственно говоря, весь Эрмитаж, как и всякий универсальный музей – одна большая «апроприация» множества мировых культур.

Другой (третий) ключевой и любимый музеем термин – «атрибуция». Атрибуция произведений искусств, их происхождения и авторства – любимое направление музейной науки, сочетающее интуицию и тончайшие технологические методы. Дискуссии по поводу атрибуций идут в музейном мире и вне его постоянно [См. напр.: *Норман, Пиотровский*, 2023: 191-224]. Особо часто возникают споры вокруг великих мастеров, имевших большое количество талантливых учеников (Леонардо, Рембрандта, Рубенса), или вокруг знаменитых

⁴ См. например: Architects may boycott British Petroleum over BP deal // Museums Association, London, 18.01.2024 / www.museumsassociation.org.; *Valentine V*, 2019 Whitney Biennial: The Museum as a Site of Protest // Culture Type. 22.09.2019 / www.culturetype.com

брендов (Севр, Фаберже, Картье). Эрмитаж не раз делал и продолжает делать выставки дискуссии вокруг темы «атрибуций». Одна из последних «Загадки картин Леонардо» [Новые загадки картин Леонардо да Винчи. Каталог выставки, 2024]. Для музея это привычная работа, обновление знаний, тренировка профессионализма. Однако вне музея атрибуции имеют очень большие финансовые последствия и, что не менее важно, значение аргумента в национальных спорах об оригинальности и превосходстве.

В Академии наук хорошо помнят жёсткие споры советского процесса деколонизации о том, можно ли великих мусульманских учёных-выходцев из Средней Азии относить к арабскому наследию, о том, является ли персидским поэтом таджик Рудаки или азербайджанец Низами [См. напр.: *Долинина*, 1994: 301-310; *Шнирельман*, 2003].

Сегодня мы являемся свидетелями целой «войны этикеток». По требованию украинской диаспоры на этикетке картины Айвазовского в американском музее пишут «Украина», а потом меняют её под давлением армянской диаспоры [См. напр.: *Hemore*, 2023; *Matiossian*, 2023]. На самом деле, армянин Айвазовский жил в Российской империи, которой теперь нет. Проблемы часто возникают из-за излишнего стремления музеев казаться академичными и точно указывать места рождения художников и страны их происхождения или жизни. И тогда место смерти Репина получает несколько названий (и финское, и русское), и возникает проблема, как писать место рождения Екатерины Великой, сегодня оно Шецин, а не Штеттин, и, следовательно, Польша, а не Германия с Россией, должна ею гордиться. На самом деле избыточная информация создаёт поводы для ненужных споров. На этикетках картин Леонардо да Винчи в Эрмитаже в качестве места рождения указан населённый пункт без страны, а место смерти – Амбуаз, Франция. Академически это непоследовательно, но ведь Италии тогда не было, как не было раньше многих сегодняшних стран и наоборот – многие страны исчезли. Это расхождение между географическими пластами может вызывать официальные протесты, и музей должен учитывать, что многие древние города Шёлкового пути находятся сегодня в Китае. Сложно бывает выбрать надпись на карте, если выставка из арабской страны упоминает залив, который на одной стороне называется Персидским, а на другой стороне – Аравийским. Как ни назвать – последует официальный протест дипломатов одной из сторон. Музеям надо искать выходы и не слишком бравировать псевдоточностью. Лучше настроиться на разъяснение историко-культурных дефиниций, и тогда будут вполне уживаться термины «русский авангард», «советский авангард», «украинский авангард», «еврейский авангард» для одних и тех же художников. Искусство и его создатели даже формально принадлежат к наследию многих народов.

Самый больной в музейном пространстве вопрос (четвёртый) проистекает из всех предыдущих и называется «реституция» или «репатриация» – возвращение/передача музейных памятников в места их происхождения. На различные аспекты этой проблемы приходится сейчас большая часть публикаций на музейные темы. Ещё недавно основной поток реституционных требований был связан со Второй мировой войной и возвращением предметов искусства,

конфискованных у европейских евреев. Одновременно Германия стала требовать у России вернуть культурные ценности, перемещённые на территорию Советского Союза в качестве компенсации за уничтожение и разрушение нашего культурного наследия. Большая часть этих ценностей давно была передана при образовании ГДР. В результате был воссоздан знаменитый комплекс на Музейном острове. Объединённая Германия потребовала возвращения коллекций, по разным причинам оставшихся теперь уже в России. В свою очередь, Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, объявляющий все объекты компенсаторной реституции собственностью России. Юридически процесс повис в воздухе. Практически, музеи, в первую очередь Эрмитаж, сочли возможным и нужным исполнять свою профессиональную миссию – изучить эти памятники, отреставрировать и сделать доступными. Прошли серии выставок, подготовленных вместе с германскими коллегами, изданы подробные каталоги [См. напр.: *Норман, Пиотровский*, 2023: 94-220; *Cuno*, 2008; *Miles*, 2008].

Шумные истории вокруг «трофеев» Второй мировой войны стимулировали всплеск, а потом и мощный прилив реституционных требований к музеям. Символом всего процесса является давнее требование Греции вернуть на Акрополь рельефы, вывезенные и проданные лордом Элгином в Британский музей. Поток нескончаем: египтяне разыскивают и требуют вернуть многочисленные египетские древности, вывезенные нелегально, в частности, знаменитый бюст Нефертити; Турция ставит разрешения на работу европейских археологов в зависимость от успеха в возвращении вещей, найденных на территориях, сейчас принадлежащих Турции. Не иссякает поток африканских требований, среди которых особо выделяются Бенинские бронзы. Свои списки регулярно выставляют Индия, Непал, Китай, Япония. Идут суды, переговоры, тайные и явные сделки. Иногда вещи частично возвращаются в страны происхождения, иногда достигаются компромиссы о временном экспонировании. Порой полиция силой изымает сомнительные вещи даже из самого Метрополитена⁵. Потомки Казимира Малевича через суд получили и продали картины, после большой выставки оставшиеся в Европе и разошедшиеся по почтенным музеям [См. напр.: *Крынская*, 2015]. В России одним из главных субъектов требований к музеям выступает сейчас Церковь. Споры о праве владения или пользования идут иногда и между музеями.

Срабатывает постколониальный стереотип о криминальной природе музейных коллекций, а также тот факт, что в последние годы в результате активности аукционов и собирателей миллиардеров цены на предметы искусства фантастически возросли, и случившаяся некогда потеря любимой картины стала сейчас и потерей миллионов. Наконец, экспонирование в мировых музеях наследия той или иной страны, являющееся признанием его важности, пробуждает интерес и на родине вещей. Ситуация стала массовой. Политики набирают себе очки обещаниями и реальными передачами, активисты деколонизации устраивают шумные акции и протесты в СМИ, на улицах и внутри музеев. Круги

⁵ См. напр.: [*Норман, Пиотровский*, 2023: 96-112; Эпоха Меровингов – Европа без границ. Каталог выставки, 2007; Бронзовый век – Европа без границ. Каталог выставки, 2013; Железный век – Европа без границ. Каталог выставки, 2021].

от брошенных «камней» расходятся и начинают выключать в себя всё новые категории. Активисты начинают утверждать даже, что и покупка за деньги может считаться кражей – цена была несправедливой. Даже приобретение картин молодых африканских художников европейцами объявляется иногда разорением живого наследия. Музеи иногда обороняются, иногда соглашаются на передачи. Налицо серьёзные конфликты со смесью самых различных интересов.

На самом деле все эти и другие примеры требуют каждый раз индивидуального решения. Все ситуации и истории – разнообразны, как различны и возможные рецепты их решения. Эрмитаж имеет большой опыт реституционных эпизодов. После революции 1917 года эвакуированные в Москву коллекции Эрмитажа удалось вернуть в Петроград только после нескольких лет борьбы. Во время знаменитых переговоров в Бресте Германская сторона потребовала передачи ей коллекции картин из Касселя. Её захватил в своё время Наполеон и подарил Жозефине, чьи потомки продали собрание Александру Первому, который был согласен вернуть её в случае компенсации понесённых затрат. Сделка не состоялась. Не состоялась и передача в 1918 г. Однако в 1921 г. по Рижскому договору часть эрмитажных коллекций польского происхождения была передана Польше. Затем последовали многочисленные изъятия музейных экспонатов для пополнения музеев Москвы и других городов и массовая продажа правительством эрмитажных вещей за границу. После войны был расформирован Музей нового западного искусства, чьи коллекции были разделены между ГМИИ и Эрмитажем. В 2017 г. дирекция ГМИИ и группа московских коллекционеров инициировали кампанию по передаче в ГМИИ части произведений, переданных в Эрмитаж. Эрмитаж, правда, не стал требовать обратно переданных из его залов в Москву произведений Рембрандта, Боттичелли, Мурильо, Пуссена и Каналетто.

В связи с созданием ГДР советское правительство передало в Германию вывезенные в порядке компенсаторной реституции музейные предметы. В конце 90-х новая Германия предъявила претензии на оставшиеся в России коллекции – золото Шлимана, картины из частных коллекций. Новый российский закон предусматривал возможность передачи в Германию вещей, бывших собственностью церкви, и на этом основании специально принятым отдельным федеральным законом во Франкфурт на Одере были переданы хранившиеся в Эрмитаже и ГМИИ витражи из Мариенкирхе.

Ещё в 1989 г. Эрмитаж вернул в Казахстан ритуальный котёл из мавзолея Ахмеда Ясави, взятый некогда на временную выставку и спасённый тем от переплавки в ходе борьбы с исламом. Передача происходила внутри Музейного фонда СССР, частью которого Казахстан тогда был.

Показательным и поучительным стал эпизод передачи в Александро-Невскую Лавру декора гробницы святого Александра Невского. Вопросы церковной реституции в России довольно болезненны, так как в потенции могут резко обострять отношение между церковью и светскими учреждениями культуры. Надгробие более ста лет хранилось в Эрмитаже, который спас и неоднократно спасал его от переплавки. Мощи святого никогда в музее не хранились, давно уже пребывают в Лавре. В ходе многочисленных дискуссий музей отстаивал

схему разделения, видя в надгробии, в первую очередь, памятник русского барокко, достойного быть представленным в мировой музее, как образец высокого искусства. Церковь полагала иначе, и дискуссия продолжалась до 2023 г., когда в силу геополитических изменений сакральное значение гробницы Александра Невского приобрело новое звучание. В этом новом контексте Эрмитаж согласился на просьбу Патриарха соединить гробницу с мощами на территории Александро-Невской лавры. Был подписан договор о передаче монументального надгробия в Благовещенскую церковь на 49 лет. Памятник остаётся частью музейного фонда РФ. Эрмитаж и Лавра совместно контролируют температурно-влажностный режим: в церкви установлен специально сконструированный аппарат кондиционирования. От святого ждут чудес и помощи, а барочные ангелы и хвалебные стихи Ломоносова ждут следующего поворота судьбы. На самом деле, этот пример цивилизованного решения с возможностью перемен представляется образцом для многих реституционных решений. Пока же новости о разрушении музейных коллекций ради высшей справедливости стали чуть ли не главными событиями в музейном пространстве.

Пятый узел проблем называется «партиципацией» – активным участием музея в жизни общества и «общины» [См. напр.: *Ван Мени, Мейер-ван Мени*, 2021: С. 49-62]. Речь идёт о требовании, чтобы музей стал открытым полем для деятельности и пропаганды экологических, политических, гендерных и прочих активистов. На самом деле музеи всегда были и есть местом самых разных событий с подчёркнутым общественным звучанием. Прежде всего, это выставки, но сегодня ещё и музыкальные фестивали, дискуссии, экскурсии, медитации и медиации. Характер этой активности определяется всегда музеем и его миссией. Эрмитаж, например, вторгается в общественную жизнь не только часто спорными и возбуждающими выставками и постоянными экспозициями, но и музыкальными фестивалями, театральными мистериями, проведением в интерьерах музея различных конференций и форумов вплоть до Международного культурного форума.

Однако активная часть общества требует другого. Музейный интерьер и музейное содержание используется для не имеющих к нему отношения протестов. Яркий пример: многочисленные атаки на произведения искусства от «Моны Лизы» до «Подсолнухов» Ван Гога с целью громко донести до публики лозунги борцов за чистоту воздуха или против обнищания и голода, лозунги политической борьбы. Популярность музея и его экспонатов оказывается заложником чуждых музейному пространству сил. Другим аспектом партиципации является требование тесной связи с общиной, с тем территориальным коллективом, на земле которого находится музей. Так всегда и было, многочисленные мероприятия и кружки для детей, клубы для студентов, друзей и прочих категорий посетителей. Однако, зачастую от музея требуют большего – перемещение акцента на локальное в ущерб универсальной роли. Частью общего реституционного поветрия является требование вернуть объекты из больших музеев в места, из которых они происходят, часто речь идёт о музеях одной и той же страны. Это, кстати говоря, порой питается надеждой на раз-

витие локального туризма. Забота о духовном развитии жителей отдалённого селения вдруг превращается в беспокойство о деньгах.

В российском контексте возникают ситуации, требующие деликатного решения, например: можно ли разрешить активистам проводить молебен в залах Зимнего дворца или пройти крестным ходом в память об убиенной царской семье. На самом деле, для всего этого существует Большая церковь Зимнего дворца, где как раз и проходят поминальные службы, и где размещены мемориальные предметы, рассказывающие о трагических событиях в жизни династии. Это делается самим музеем по согласованию с митрополией. Музей сегодня достаточно активная в общественном плане институция, и посторонние в него вторжения излишни и противопоказаны. Важно, чтобы музей сохранял автономность в принятии решений. Одним из ярких примеров вторжения музея в общественную жизнь стал организованный Эрмитажем и ФСИН в 2024 г. конкурс среди заключённых по всей России на изобразительную реакцию на великое полотно Рембрандта «Возвращение блудного сына». Он стал примером того, как нестандартно можно включить в диалог с музеем людей и социальные группы, от него далёких. На самом деле, это часть широкой политики инклюзии, делающие музей частью жизни тех, кому по разным причинам недоступны его залы или его смыслы⁶.

В мире идёт серьёзный и напряжённый диалог между музейным миром и миром политического активизма, стремящегося использовать популярность музеев, размывая и уничтожая суть их миссии – хранение, изучение и демонстрацию памяти человечества. Напряжённость диалога определяется многими причинами: от обычного раздражения от прекрасного до финансовой и политической конкуренции. Есть, однако, несколько важных факторов сегодняшней жизни, усиливающих эту напряжённость именно в настоящее время. Один из них, яркий и громкий – это вторая волна антиколониальных и постколониальных процессов, объявляющих всю культурную политику Запада преступным ограблением колоний и обогащением колониальных держав. Музеи в глазах активистов являются чуть ли инициаторами и, точно, бенефициарами этого ограбления, а при этом ещё и создают искажённую картину мира по европоцентристской модели. Эта точка зрения, выливающаяся в бесконечные требования реституции и демонстративные акции, отрицает роль музеев как строителей диалога культур и выразителя культурного единства мира. Она, однако, справедливо видит в музеях порождение европейской культуры. Это так. Универсализм музеев рождён восторгом перед открывшимся Европе миром, той жадной жаждой знаний, которая сопутствовала жажде наживы, двигавшей международной политикой во все времена, а не только в эпоху европейских колониальных империй. Он же стал основой понимания единства мира и равенства культур, которое музей не только показывает, но и, во многом, создаёт.

⁶ Пример взвешенного подхода к пересмотру отношения к историческому наследию см. в статье бывшего директора Национальной галереи и Британского музея [MacGregor N. The National Trust must transcend the cultural wars // Financial Times, 28.04.2023].

Обострённый антиколониализм приводит к повсеместному уничтожению неудобных памятников тех событий, которые признаются сегодня позорными. Он же приводит к передаче предметов из музейного пространства в ведение общин, религиозных организаций и семей-правителей бывших колоний. Компромиссы и нормальные решения проблемы существуют и в теории, и на практике, но пока что многие памятники культурного наследия (той части, которая вдруг стала неудобной) обречены на низвержение и уничтожение. Это исторический процесс, эксцессы которого мы, учёные и музейщики, стараемся по возможности ограничить через развитие сотрудничества представителей разных культур в жизни музейной инфраструктуры по всему миру (развитие сети музеев, динамичные обмены, создание новых универсальных музеев, таких как Лувр Абу-Даби).

Другая мировая мода – расширение границ интеллектуальной собственности и серьёзные финансовые и репутационные аспекты её признания за тем или иным субъектом. Финансовые выгоды контроля над интеллектуальной собственностью создают дополнительные соблазны борьбы за неё. Право на интеллектуальную собственность оказывается похожим на право на наследование и влечёт за собой идею компенсации и дохода. Это придаёт дополнительные стимулы борьбе за атрибуцию, а затем и за передачу памятников древности.

Одним из действенных способов нейтрализации этого очень эмоционального стимула является сокращение ограничений на воспроизведение и использование памятников, хранящихся в музеях, постепенная демонстративная передача прав на изображения в сферу общественного достояния, как этот и делают сегодня многие музеи мира.

В любом случае эмоции единства мировой культуры, как общего достояния, противостоят удовольствиям и эмоциям права частной собственности. Это два важных психологических и экономических аспекта, между которыми и колеблются теории и реальность, академизм и практика в отношении культурного наследия всех и каждого народов.

Ситуация очень насыщена эмоционально, близка публицистике, но на самом деле является важным для изучения аспектом динамики развития роли культурного наследия в развитии человечества на всех его этапах. Музеи же являются и деятелями, и исследователями этого процесса одновременно.

Литература

- Бронзовый век – Европа без границ. Каталог выставки. СПб., 2013.
- Ван Мени П. К методологии музеологии. М., 2018.
- Ван Мени П., Мейер-ван Мени Л. Новые тренды в музеологии. М., 2021.
- Гусева Н.Ю. Русский стиль в искусстве. От Николая I до Николая II. СПб., 2023.
- Долинина А.А. «Невольник долга» (Научная биография академика И.Ю. Крачковского). СПб., 1994.
- Египтомания. К 200-летию дешифровки египетских иероглифов Ж.-Ф. Шампольном. Каталог выставки. СПб., 2023.

- Железный век – Европа без границ. Каталог выставки. СПб., 2021.
- Крынская С. Малевич и наследники // Артгид, 2015. Октябрь.
- Новые загадки картин Леонардо да Винчи. Каталог выставки. СПб., 2024.
- Норман Дж., Пиотровский М. Культура как скандал. Из истории Эрмитажа. М., 2023.
- Художественное наследие староверов Поморья: каталог выставки. СПб., 2023.
- Эпоха Меровингов – Европа без границ. Каталог выставки, М., 2007.
- Шницерльман В.А. Войны памяти: мифы идентичности и политика в Закавказье. М., 2003.
- Abulafia D. Why is Netflix pretending that Cleopatra was black? // The Spectator. London, 18.04.2023; Fear of a Black Cleopatra // The New York Times. 10.05.2023.
- Architects may boycott British Petroleum over BP deal // Museums Association, London, 18.01.2024. www.museumsassociation.org.
- Bechtler C., Imhof D. (Eds). Museum of the Future. Now What? Geneva. 2021.
- Boztas S. Dutch exhibition on Black culture and ancient Egypt faces social media backlash // The Art Newspaper. 19.05.2023.
- Cammis E. A Curatorial Dilemma: An Examination of Temporary Exhibitions Combining African and Egyptian Visual Culture // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. V.8, 2016.
- Cuno J. (Ed.). Whose Muse? Art Museum and the Public Trust, Princeton, 2006.
- Cuno, J. Who Owns Antiquity? The Battle Over Our Ancient Heritage. Princeton, 2008.
- Cuno J. Museums Matter. In Praise of the Encyclopedic Museums. Chicago, 2011.
- Hemore E. As the Met reclassifies Russian art as Ukrainian, not everyone is convinced // The Guardian, 19.03.2023.
- Hicks Dan. The British Museums. The Benin Bronzes, Colonial Violence and Cultural Restitution. London, 2022.
- Holzl Ch., Pichorner F. (Hgg). Brauchen wir Museen, Wien, 2014.
- MacGregor N. The National Trust must transcend the cultural wars // Financial Times. 28.04.2023.
- Matiossian V. The Met Shouldn't Have Reclassified Ivan Aivazovsky as «Ukrainian» // Hyperallergic. 21.02.2023.
- Miles M. Art as Plunder: The Ancient Origins of Debate About Cultural Property. Cambridge, 2008.
- Museology and Values. Art and Human Dignity in the 21 Century. Verdin T., Filardi R., Turnhout, 2019.
- St. Clair William. Who Saved the Parthenon? A New History of Acropolis Before, During and After the Greek Revolution. London, 2023.
- Sutton B. Metropolitan Museum hires Sotheby's veteran to lead its provenance research // The Art Newspaper, 22.03.2024.
- Titi C. The Parthenon Marbles and International Law. London, 2023.
- Valentine V., 2019 Whitney Biennial: The Museum as a Site of Protest / Culture Type, 22.09.2019. www/culturetype.com
- Under Discussion. The Encyclopedic Museum. Grau D. (Ed.). Los Angeles, 2021.

Иллюстрации

Деисусный чин. Ок. 1735 года. Выг. С ворот Выгорецкой обители. Выставка «Художественное наследие староверов Поморья в собрании Государственного Эрмитажа». 2023 г.
Фотограф А. Бронников

Складни. Выг. Выставка «Художественное наследие староверов Поморья в собрании Государственного Эрмитажа». 2023 г.
Фотограф А. Бронников

Постоянная экспозиция
«Древние письменности Ближнего и Среднего Востока» им. акад. Н.П. Лихачева.
Фотограф С. Рагина

Выставка «Египтомания. К 200-летию дешифровки египетских иероглифов
Ж.-Ф. Шампольоном». 2022 г.
Фотограф С. Рагина

Мемориальный комплекс гробницы благоверного князя Александра Невского. 1746-1752 гг.
Концертный зал Зимнего дворца.
Фотографы К. Синявский и С. Суетова

Мемориальный комплекс гробницы благоверного князя Александра Невского. Саркофаг.
Благовещенская церковь Александро-Невской лавры.
Фотограф С. Рагина

Выставка «Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до новой эры». 2020-2021 гг.
Фотограф А. Бронников

Леонардо да Винчи, последователь. Ангел.
Выставка «Новые загадки картин Леонардо да Винчи». 2024.
Фотограф П. Демидов

Инклюзивный проект «Искусство в ощущениях. Античность 2.0».
Тактильная копия леканы 4 в. до н.э.
Фотограф А. Бронников

Ян ван ден Хекке Старший. Роскошный натюрморт 1659-1675 гг.,
Выставка «Роскошный натюрморт». 2024.
Фотограф В. Тербенин

Московский Кремль как археологический памятник

Н.А. Макаров

Аннотация. В статье излагаются основные итоги исследований, проведённых Институтом археологии РАН в Московском Кремле, рассматривается специфика Кремля как археологического памятника и особенности его культурного слоя. Характер Кремля как археологического памятника определяется исключительным разнообразием разновременных древностей, присутствующих в толще культурных отложений в самых разнообразных сочетаниях, соседством остатков исторических построек Нового времени с культурными отложениями древнейшей поры, в том числе сохраняющими деревянные сооружения. Раскопки новейшего времени дали обширный материал для реконструкции динамики освоения Боровицкого холма и формирования городской застройки ранней Москвы и открыли перспективу музейного экспонирования остатков исторических построек XVI-XVII вв.

Ключевые слова: Московский Кремль, средневековая Русь, Московское царство, археологическое наследие, средневековые города, Приказы, московские монастыри.

Московский Кремль – исторический символ и сложный многослойный памятник. Сегодня он воспринимается в большей мере как образ национального наследия, как свидетельство исторических корней российской государственности, чем как реальный объект наследия, заключающий в себе следы исторической жизни различных эпох. Задача академической науки сделать так, чтобы Кремль оставался для нашего общества памятником, открывающим различные горизонты истории, источником новых знаний о прошлом. Современное притяжение к Кремлю как к объекту наследия подпитывается новыми научными исследованиями. Институт археологии РАН возобновил раскопки в Кремле в 2014 г. и с тех пор ведёт их почти ежегодно. В эту работу оказалась вовлечена большая группа исследователей разных специальностей, помимо археологов – историки архитектуры, эпиграфисты, нумизматы, палеоботаники, палеозоологи. Раскопки широко освещались в медиа, значительная часть новых материалов уже опубликована, результаты исследований на месте демонтированного 14 корпуса полностью введены в научный оборот [Древности Московского Кремля, 2022]. В этой книге представлена обновлённая версия ранней истории Кремля, но она не может быть окончательной, картина уточняется и корректируется по мере продолжения раскопок. Задача настоящей статьи – не столько суммировать результаты раскопок, сколько показать специфику археологического наследия Кремля, ценность и разнообразие его древностей, особые проблемы, с которыми археология сталкивается в Кремле, пытаясь согласовать ин-

интересы научного изучения древнейших культурных горизонтов и сохранения и музейного экспонирования исторических построек.

Насколько оправданы и целесообразны раскопки в Кремле, история которого, казалось бы, достаточно подробно отражена в письменных источниках? При огромном обилии архитектурных памятников на Боровицком холме и обилии исторических предметов, связанных с жизнью Кремля и институтами власти, в музейных собраниях, вторжение археологии на территорию Кремля может показаться избыточным. Сомневающимся стоит напомнить, что три первых века истории Москвы почти не оставили в современном ансамбле Кремля каких-либо следов, кроме церкви Рождества Богородицы на Сенях (1393 г.), скрытой постройками Теремного дворца. Постройки, которые видит современный посетитель Кремля, не древнее второй половины XV века. Но и Кремль раннего Нового времени, XVI-XVIII вв., был сильно видоизменён и утратил многие составляющие своего ансамбля: значительная часть старых зданий была снесена В.И. Баженовым в 1769-70 г. при подготовке строительства Большого Кремлёвского дворца, благоустройстве и строительстве 1840-х гг. и в советское время.

Археологические древности Кремля имеют ключевое значение для изучения культурных традиций Московской Руси XVI-XVII вв. и идентичности Московского царства. Однако интерес к Кремлю как археологическому памятнику традиционно связан с проблематикой начала Москвы, исторического облика города древнейшего времени, проблемами его пространственной локализации, исторической топографии и хронологии ранних горизонтов. Именно эти вопросы изначально воспринимались как большие исторические задачи, которые археология призвана решить, проводя раскопки и наблюдения в Кремле. Таким образом, археологическая работа в Московском Кремле сочетает в себе несколько направлений. Первое из них – поиски ранней Москвы, прояснение облика города XII-XIV вв. Второе – изучение утраченных построек, культурных отложений и исторической среды XVI-XIX вв. Третье, прикладное с точки зрения академической археологии, но, в действительности, не менее важное – оживление музейного пространства, возвращение в существующий исторический ансамбль ранее утраченных элементов.

Археологические находки из Кремля документировались учёными, начиная с 1840-х гг., но археологические работы в Кремле почти всегда велись в форме наблюдений при строительстве, реставрации и ремонте. Статус Кремля как особой территории сдерживал организацию полноценных раскопок. Прорывом в изучении кремлёвских древностей стали раскопки и широкие археологические наблюдения 1959-60-х гг., проводившиеся экспедицией Института археологии АН СССР и Музея Москвы под руководством Н.Н. Воронина и М.Г. Рабиновича в связи со строительством Дворца съездов и прокладкой новых коммуникаций по всей территории Кремля. Они выявили в Кремле, в западной его части, в котловане Дворца съездов и на участке у Троицкой башни, культурный слой и остатки укреплений XII в. [Воронин, Рабинович, 1963]. Это был большой успех академической науки, органично связанный

с общей активизацией исследования древнерусских городов и мощным импульсом новгородских раскопок. Но и после раскопок 1959-1960-х гг. наблюдения в строительных траншеях и котлованах оставались основной формой присутствия археологов в Кремле. Они позволили составить представление о характере культурных отложений на различных участках Кремля и дали ряд выдающихся находок (в том числе два клада украшений, связанных с монгольским разгромом Москвы в 1238 г.), но не могли обеспечить исследование культурного слоя в режиме академических раскопок, с полной расчисткой древних построек и сооружений. Тем не менее, материалы, собранные в ходе археологических наблюдений при строительстве и в реставрационных шурфах, стали важным, пожалуй, основным источником для реконструкции исторической топографии Кремля [Панова, 2013].

Новый этап исследований наступил в 2014 г., в связи с демонтажем здания 14-го корпуса Московского Кремля, бывшей Военной школы имени ВЦИК, построенной в 1930-1932 гг. на месте разрушенных Чудова и Вознесенского монастырей и Малого Николаевского дворца. Демонтаж 14-го корпуса сопровождался полноценными археологическими исследованиями – закладкой серии больших шурфов и раскопками в восточной части Кремля, на территории, где ранее располагались монастыри и дворец. Шурфами и раскопками 2016-2017 гг. была охвачена площадь более 600 кв.м. Открытие на этом участке культурного слоя домонгольского времени, монастырского некрополя и фундаментов монастырских построек обозначило перспективу музейного экспонирования кремлёвских древностей. Во исполнение поручения Президента РФ на базе раскопа создаётся Музей археологии Чудова монастыря. В музейных окнах на Ивановской площади представлены для обозрения остатки фундаментов трапезной Чудова монастыря и Малого Николаевского дворца.

Раскопки на месте Чудова монастыря продемонстрировали продуктивность изучения кремлевских древностей в медленном академическом режиме и поставили на повестку поиски участка для исследовательских раскопок, не связанных с реставрацией архитектурных памятников или благоустройством территории. Первые такие раскопки были организованы по поручению Президента РФ в 2019 г. в Большом сквере Кремля. Они продолжались три года и велись в открытом формате, предусматривавшим доступ посетителей Кремля на смотровые площадки у бортов раскопа. Вскрытая площадь, составлявшая около 300 кв.м, была небольшой по меркам раскопок в городах, но достаточной для прояснения стратиграфии культурных напластований, характера и динамики освоения этой части Боровицкого холма, ранее не затронутого археологическими наблюдениями.

Тогда же, в 2019-2023 гг., были заложены несколько небольших раскопов и шурфов на местах строительства и ремонта инженерных коммуникаций в Тайницком саду, у Боровицких ворот, между Дворцом съездов и Патриаршей палатой, во дворе Арсенала, у Троицкой башни. Переход превентивных археологических работ из формата наблюдений в режим спасательных раскопок с

охватом различных участков кремлевской территории, вместе с материалами раскопок на месте 14-го корпуса и в Большом сквере, дали возможность полнее раскрыть особенности Кремля как археологического памятника.

Главные итоги раскопок на месте 14-го корпуса – открытие в подвалах демонтированного здания советского времени непотревоженного культурного слоя домонгольского времени с остатками городских построек, подпольями с деревянной обшивкой и обширного монастырского некрополя. Эти объекты сохранились после выемки грунта на глубину около 3 м при строительстве 1930-1932 гг., которое, казалось бы, должно было полностью уничтожить следы древности. Под бетонной стяжкой подвалов удалось собрать представительную коллекцию датирующих вещей домонгольского времени, выявить остатки распушки, предшествовавшей застройке, и получить серию радиоуглеродных дат, устанавливающих принадлежность этого горизонта к последней трети XII – началу XIII вв. Раскопки показали, что домостроительство с устройством глубоких подполий под наземными жилыми постройками, обычное для Москвы XIV-XVII вв., получило распространение в городе в домонгольское время. Горизонт строительства первого собора Чуда Архангела Михаила – 1366 г. – отмечен в профилях раскопа прослойкой белокаменной крошки, однако, как было установлено, основная часть собора локализуется на участке, где выемка грунта была произведена на значительную глубину, уничтожив остатки древних построек.

Выйти на уровень культурных отложений XII-XV вв. в раскопах и шурфах на месте 14-го корпуса удалось не везде. На многих участках мы были вынуждены остановиться на уровне горизонтов XVII-XIX вв., чтобы сохранить и частично представить для экспонирования остатки фундаментов монастырских построек и Малого Николаевского дворца. Осталось неизвестным, сохранились ли на этих участках средневековые культурные напластования, или они были полностью уничтожены позднейшим строительством. При очевидном интересе к максимально широкому исследованию отложений ранней Москвы мы исходили из приоритетности сохранения остатков архитектурных памятников XVII-XIX вв. как важных компонентов кремлевского ансамбля и материальных свидетельств культурной политики и градостроительных решений «великого перелома».

Раскопки, начатые в 2019 г. в Большом Кремлевском сквере, к востоку от Архангельского собора, были нацелены на то, чтобы получить представление о стратиграфии культурных отложений в центральной части Московского Кремля и характере застройки края высокой коренной террасы Москвы-реки. Судя по актовым источникам, можно было полагать, что «за архангелом Михаилом» находился двор князя Владимира Андреевича Храброго, упомянутый в его духовной грамоте 1401-1402 гг. [ДДГ, 1950, № 17: 50]. После 1472 г. этот участок перешёл в великокняжеское владение и стал в 1492 г. местом размещения временного деревянного двора на время строительства новой резиденции великого князя [ПСРЛ, 1859: 225]. Со второй половины XVI в. здесь началось формирование нового административного центра Русского государства, разме-

щавшегося в перестраивавшихся и сменявших друг друга каменных зданиях: Посольской палате (1565 г.) и зданиях Старых Приказов («дьячих изб», 1591 г.) и Новых приказов (1675-1683 гг.) [*Забелин, 1905: 240-247*]. Двухэтажное, вытянутое вдоль Москвы-реки, здание Новых приказов было разобрано В.И. Баженовым в 1769-72 гг., после чего участок, на котором оно располагалось, не застраивался. Несмотря на шурфовку, проведённую в Большом сквере в 2018 г., до начала раскопок было трудно прогнозировать, что представляют собой остатки разобранных зданий XVI-XVII вв., и как соотносятся они с культурными напластованиями предшествующего времени. Мы предполагали, что средневековый культурный слой сохранился здесь на значительных участках и доступен для изучения. Однако после вскрытия верхних отложений выяснилось, что фундаменты зданий занимают около половины всей площади раскопа и открываются в нём как наиболее яркий и визуально значимый объект [*Макаров, Коваль, Яганов, Модин, Панченко, 2020*].

Остатки здания Новых приказов представляют собой фундаменты и нижнюю часть цоколя фасада огромной постройки, длиной около 200 м, выходившего на Ивановскую площадь. Ширина фундамента фасадной стены составляла два с половиной метра, глубина заложения фундаментов достигала двух метров, фундаменты были сложены из валунного камня и необработанных белокаменных блоков на известковом растворе. В их конструкции были использованы также белокаменные блоки от разнообразных кремлёвских построек, некоторые – с декоративными элементами. Были расчищены фундаменты продольной северной стены здания с внутрестенной камерой и продольных перегородок. Топографическая привязка открытых в раскопе архитектурных остатков к планам Кремля XVIII в. показывает, что раскопками вскрыта часть помещения Разрядного приказа, ведавшего военной службой и военными делами, и основание крыльца, ведшего на галерею к церквям Александра Невского и Михаила и Федора Черниговских, находившимся на втором этаже здания [*Вдовиченко, 2022 а: 419-436*].

От здания Старых Приказов (1591 г.) в раскоп попал небольшой фрагмент восточного поперечного корпуса, основание его западной стены и одна из внутренних перегородок. Внутри здания были настланы кирпичные полы «в ёлочку», в здание вело белокаменное крыльцо с лестницей, ступени которой значительно стёрты, что демонстрирует длительность их использования. Несмотря на то, что Старые Приказы были разобраны перед строительством нового здания правительства, фундаменты и цоколи стен XVI в. не были разобраны полностью и сохранились под землей в хорошем состоянии.

Раскопки дали толчок к новым архивным поискам, существенно расширившим документальную базу для реконструкции облика утраченных построек и позволившим точно привязать открытые участки зданий к планам Московского Кремля и к углублённому исследованию архитектурного облика Приказов [*Вдовиченко, 2022 а; Вдовиченко, 2022 б; Вдовиченко и др., 2023*]. Трёхмерная реконструкция, основанная на вновь найденных чертежах и документах, связанных со строительством Новых приказов, достоверно воссоздает сложную

двухэтажную постройку с богатым и разностильным фасадным декором, массивными выносными крыльцами и двумя церквями. Это было одно из первых зданий, в архитектурном убранстве которого появились элементы нарышкинского барокко, пришедшего на смену московскому узорочью. Новые приказы – одна из самых крупных гражданских построек Московской Руси. Построенное в одном из наиболее выгодных панорамных мест Москвы на кромке Кремлевского холма здание с фасадом, обращённым на Ивановскую площадь, формировало её как закрытое пространство. Размеры здания, мощные фундаменты из необработанных белокаменных блоков, заложенные на глубину более 2 м, новаторские элементы архитектурного убранства, наконец, присутствие в комплексе построек двух церквей с престолами, посвящёнными Александру Невскому и Михаилу и Федору Черниговским, характеризуют Новые приказы как выдающуюся постройку, призванную продемонстрировать могущество Московского царства и значимость приказной системы как центрального звена её властных институтов.

Однако главной целью раскопок изначально были поиски средневековых напластований и прояснение начальной истории освоения центральной части Кремлевского холма. В их результате установлено, что общая мощность культурного слоя здесь составляла от 4 до 6 м, и нижняя часть его осталась непо потревоженной между циклопическими кладками фундамента здания Приказов, хотя и не везде доступной для исследования, учитывая необходимость сохранения остатков зданий XVI-XVII вв. Самые древние отложения здесь относятся к раннему железному веку (середина I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.) и принадлежат городищу дьяковской культуры, находившемуся на мысу на краю береговой террасы Москвы-реки. Находки керамики раннего железного века были известны в этой части Кремля и раньше, но лишь раскопки 2019-2021 гг. дали материал, достаточный для однозначного определения характера и датировки памятника [*Лопатина, Коваль, 2022*]. Культурный слой второй половины XII – первой половины XIII в. в раскопе почти полностью переотложен, однако присутствие керамики и бытовых вещей этого времени определённо указывает на существование здесь домонгольской застройки. Культурный слой второй половины XIII – начала XVI вв. между фундаментами Приказов сохраняет изначальное стратиграфическое строение. В нём прослежены остатки 12 построек, относящихся не менее чем к пяти стратиграфическим ярусам. Это прорезающие друг друга котлованы погребов-подполий с мощными деревянными конструкциями, уже знакомые нам по раскопкам на других участках Кремля, и остатки печей. Все они сохранились фрагментарно, однако очевидно, что это остатки строений на городских усадьбах с плотной застройкой и устойчивой планировкой, сохранявшейся неизменной в течение почти двух столетий. Из культурного слоя XIV – первой половины XV вв. происходит ряд выразительных находок, отражающих высокое благосостояние и особый стиль жизни знати, в том числе многочисленные фрагменты поливной керамики византийского и восточного происхождения, фрагменты сирийского стеклянного кубка с золотой росписью, уникальный

сосуд с изображением человеческих личин, стиль для письма, книжные застёжки, шпора, гирька для взвешиваний с изображением льва. Характер этих находок и их хронологическая позиция хорошо согласуется со сведениями письменных источников о расположении «за архангилом Михаилом» двора князя Владимира Андреевича Серпуховского.

Ещё более яркие археологические материалы XIV-XV вв. были получены в результате раскопок, предварявших строительно-ремонтные работы в восточной части Кремля, в Тайницком саду. Здесь на небольшом участке исследован двухметровый влажный слой, сохраняющий предметы из органических материалов и деревянные постройки, с семью строительными ярусами построек, от начала XIV в. до первой четверти XV в. Деревянные сооружения вскрыты фрагментарно, это остатки больших срубных построек, дворовых вымосток и частоколов, разделявших усадьбы. Исключительную важность имеют редкие для средневековой Москвы дендродаты, полученные в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН А.А. Карпухиным для построек трёх строительных ярусов. Это – частокол 7-го яруса (1332 г.), срубная постройка 6-го яруса (сооружение 5, дендродаты: 1341, 1342, 1343 гг.) и срубная постройка 5-го яруса (сооружение 9, дендродаты: 1346, 1352 гг.). Таким образом, в Кремле впервые идентифицированы сооружения, возведённые во время княжений Ивана Калиты и Симеона Гордого. Вышележащие ярусы датированы с учётом их стратиграфического положения, вещевых находок и монет.

Набор вещевых находок из культурного слоя XIV – первой четверти XV вв. на участке, вскрытом в Тайницком саду в 2020 г., содержит как обычные для городского обихода бытовые и хозяйственные вещи, так и предметы, связанные с престижным стилем жизни и воинскими занятиями. Многочисленную группу в коллекции составляют предметы вооружения и воинского снаряжения. Среди них присутствуют такие необычные для древнерусских городских усадеб предметы, как навершия шлемов и 30 панцирных пластин с отверстиями для крепления, относившихся, скорее всего, к одному чешуйчатому доспеху. Ещё одна неординарная находка, относящаяся к мужскому воинскому костюму, – железная позолоченная ременная накладка с изображениями дракона и кошачьего хищника, имеющая, судя по форме и стилистике, китайское происхождение. Среди редких находок – крест-энколпион с рельефным изображением Распятия. Из трёх товарных пломб одна – западноевропейская, использовавшаяся для опломбирования тканей, производившихся в г. Турне, две другие – русские (определение члена-корреспондента РАН П.Г. Гайдукова). Одна из них – с двусторонней надписью на одной стороне – круговой: СЕ ПЕЧАТЬ, на другой – четырёхстрочной: КНЯЗЯВЕЛИКОГО. П.Г. Гайдуков указал 5 известных ему аналогичных пломб, все они происходят из раскопок в Москве: на Подоле Кремля, в Романовом дворе и на Софийской набережной. Среди находок, отражающих престижный стиль жизни, представлены также фрагменты кашинных сосудов с чёрной и синей росписью из нижеволжских центров Золотой Орды и поливной керамики из Юго-Восточного Крыма. В этом же слое собраны и разнообразные бытовые и хозяйственные предметы и

орудия труда, обычные для городских усадеб: железные ножи, обоймица ножа, шило, иглы, сверло, оселок, обломки жерновов, деревянное трепало для льна, ключи и замки разных типов, деревянная ложка, более 30 сундучных накладок и петель. Большинство предметов, которые можно рассматривать как маркеры высокого статуса и благосостояния, происходит из культурных напластований 1360-х – 1390-х гг. Присутствие в вещевой коллекции, наряду с предметами традиционного древнерусского облика, восточных и западных вещей – существенный штрих к характеристике культуры Москвы XIV – начала XV в. [Панченко, Макаров, Карпухин, Коваль, 2023].

В исследованиях по исторической топографии Московского Кремля на участке между Константино-Еленинской башней и ныне утраченной церковью Константина и Елены локализован двор Тимофея Васильевича Вельяминова, московского окольного, входившего в ближайшее окружение великого князя Дмитрия Ивановича, упомянутого в его второй духовной грамоте 1389 г. среди бояр, присутствовавших при её составлении. Основание для этой локализации – старое название Константино-Еленинской башни – «Тимофеевская», употреблявшееся в грамотах XV в., и сделанная в 1843 г. находка пергаменных документов, включающая, среди прочих, тарханную грамоту князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Микуле, написанную Тимофеем Васильевичем [Кучкин, 1995: 26; Кучкин, 1997]. Основываясь на плане 1843 г., документирующим место находки медного кувшина с грамотами [Панова, 2016], можно полагать, что исследованный в 2020 г. участок удалён от этой точки не более чем на 10 м. Таким образом, усадьбы середины – второй половины XIV в., вскрытые в раскопе, можно рассматривать как часть кремлевских дворовладений Тимофея Васильевича или его ближайших родственников, что в полной мере соответствует особому характеру собранных здесь артефактов.

По материалам раскопок 2020 г. в Тайницком саду Кремль XIV в. предстаёт перед нами как тесно застроенное городское пространство, с обычной для древнерусских городов усадебной организацией, частой сменой построек, разрушаемых пожарами, сочетанием на одних и тех же усадьбах следов повседневных хозяйственных занятий и присутствия социальной элиты, связанной с военным делом, административным управлением и торговлей. Это неожиданное сочетание простоты домашнего уклада и концентрации на усадьбах дорогих престижных вещей, необходимых их владельцам на военной службе и важных для обозначения их высокого социального положения.

Наиболее значительные площади были охвачены археологическими исследованиями в последние годы в юго-западной части Боровицкого холма, с внешней стороны кремлёвской стены, между Боровицкой башней и подошвой холма. Здесь при обустройстве входа в Кремль у Боровицкой башни раскопками и шурфами вскрыто более 500 кв.м. Раскопки показали, что современный рельеф склона Боровицкого холма на этом участке сформировался в результате подсыпок переотложенного культурного слоя, перенесённого с других участков, содержащего керамику и вещевые находки различных периодов, от XII-XIV вв. до XVIII-XIX вв. Стратифицированные отложения

XV-XVI вв. были выявлены здесь лишь в двух шурфах на склоне холма. Исследовать всю толщу напластований до материка на этом участке удалось не везде. Вопреки ожиданиям, новые раскопки не смогли прояснить начальную историю освоения этой части Боровицкого холма, которая в традиционной историографии часто рассматривается как древнейшее ядро домонгольской Москвы. Однако в толще переотложенных напластований здесь было обнаружено несколько редких находок, характеризующих внешние связи Москвы позднего средневековья и раннего Нового времени. Одна из них – половинка свинцовой английской текстильной пломбы с изображением геральдического щита, разделённого крестом с мечом, обращённым лезвием вверх и круговой надписью, указывающей на происхождение её из Лондона. По определению П.Г. Гайдукова, пломба датируется 1630-ми годами и представляет собой единственный экземпляр этого типа в коллекции из более 100 текстильных пломб, найденных в Москве. Другая находка – серебряный пражский грош Вацлава IV (1378-1419 гг.). Пражские гроши имели обращение в Великом княжестве Литовском в качестве денежной единицы, на Руси находки их немногочисленны. Монета из раскопок у Боровицкой башни – первая находка пражских грошей в Москве. Как полагает П.Г. Гайдуков, она может отражать торговые связи Москвы с Великим княжеством Литовским [Гайдуков, Панченко, 2024]. Мы видим, что даже переотложенные напластования в Кремле не утратили свой археологический потенциал и остаются источником неординарных находок, присутствие которых трудно прогнозировать.

Материалы по археологии Московского Кремля собираются по крупицам. Площади, вскрытые здесь раскопками, не сопоставимы с площадями, исследованными в Новгороде, Старой Рязани или Херсонесе. Рассчитывать на раскопки со вскрытием больших участков, обычные для других средневековых городов, здесь было бы нереалистично. Однако, выбирая для исследовательских раскопок в академическом режиме отдельные ключевые точки и проводя спасательные раскопки и наблюдения с полным охватом всех участков, затронутых земляными работами, связанными с современным благоустройством территории и реставрацией архитектурных памятников, мы стремимся извлечь максимум информации из небольших раскопов и постепенно приближаемся к реконструкции общей картины формирования города на Боровицком холме и развития его территориальной структуры.

Для понимания ранней истории Москвы существенно присутствие следов заселения домонгольского времени (часто переотложенных) на большинстве вскрытых в последнее время участков. Общая площадь с культурными напластованиями конца XII – первой половины XIII вв. в Кремле составляет около 14 га. Москва, таким образом, уже в домонгольское время сформировалась как крупный поселенческий центр с полноценной городской культурой и усадебной застройкой, занимающий срединное положение в иерархии городских центров.

Новые раскопки характеризуют период XIV – первой половины XV вв. как время роста и развития города, уплотнения усадебной застройки, частой

смены построек после пожаров, присутствия на городских усадьбах предметов, связанных с воинскими занятиями и повседневным обиходом знати. Это время накопления на многих участках мощного культурного слоя, насыщенного бытовыми отходами, но содержащего также дорогие и статусные вещи, указывающие на благосостояние и высокое социальное положение части обитателей Кремля. В материальной культуре удельного времени заметна восточная окраска. Археологический облик Кремля этой поры резко контрастирует с ситуацией, выявленной во многих других городах Северо-Восточной Руси (Суздаль, Владимир, Юрьев-Польской, Гороховец), в которых период XIV-XV вв. представлен бедными находками, а на многих участках культурный слой этого времени отсутствует. Документированная археологией динамика развития Москвы в XIV-XV вв. раскрывает материальную основу её политического возвышения.

Обращаясь к археологическим материалам XVI века, мы видим повсеместное наступление дворцовых и административных построек и монастырей на городские жилые дворы, перепланировку значительных участков, следы каменного строительства на местах, ранее занятых городскими усадьбами. При всём различии владельческих историй отдельных участков, их использования и застройки, общая археологическая картина этого времени на значительной части Кремля имеет много общего. Влажный культурный слой со щепой, навозом и остатками срубов прорезан фундаментами каменных построек и перекрыт прослойками кирпичного боя и извести. Новый этап российской истории, потребовавший реорганизации кремлёвского пространства для размещения разраставшихся построек, связанных с государевым двором и приказным управлением, а также репрезентацией Кремля как центра Московского царства, нашёл чёткое отражение в характере культурных отложений на Боровицком холме.

Московский Кремль, как археологический памятник, отличается от многих исторических городов России, известных нам по раскопкам последних десятилетий. Специфика состоит в том, что он заключает в себе исключительно разнообразные и разновременные древности в самых неожиданных сочетаниях. Грузики дьякова типа раннего железного века и остатки грандиозного здания Новых Приказов соседствуют здесь на одном участке и залегают на одной глубине. Средневековые напластования в Кремле на многих участках разрушены в период Московского царства, Российской империи и в советское время или перекрыты мощными прослойками строительного мусора. Они труднодоступны, выявление их на отдельных участках трудно прогнозируемо, но они присутствуют почти везде, а в отдельных случаях остатки усадебных комплексов, как и в Новгороде, могут быть связаны с известными историческими фигурами, такими как Владимир Андреевич Храбрый или Тимофей Васильевич Вельяминов. Материальные следы Нового времени в Московском Кремле более выразительны, их исторический контекст более понятен, именно они могут быть первоочередными объектами музейного показа. Среди них – остатки забытых построек, некогда занимавших важное место в кремлевском ансамбле. В яркой

статье «Основные вопросы археологии Москвы», изданной в 1947 г. в связи с юбилеем столицы, А.В. Арциховский сравнивал Москву, как археологический памятник, с Римом. Кремль в это время оставался недоступен для археологов, и Арциховский не располагал практически никакими археологическими материалами из этой части Москвы, кроме находок, полученных в XIX веке [Арциховский, 1947]. Сегодня мы видим, что для этого сравнения появились некоторые основания. Археология Кремля – это археология большой столицы, «Великого города», с причудливым нагромождением материалов различных эпох и большой хронологической глубиной.

Литература

Арциховский А.В. Основные вопросы археологии Москвы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 7. М.-Л., 1947. С. 7-22.

Вдовиченко М.В. Источники о сложении архитектурного облика набережных Приказов XVII в. // Краткие сообщения Института археологии. 2022 а. Вып. 267. С. 419-436.

Вдовиченко М.В. Архитектура Приказов XVII века в Московском Кремле: на границе художественных стилей // Архитектурное наследство. Вып. 77. СПб., 2022 б. С. 37-54.

Вдовиченко М.В., Еремеев В.Е., Затяева Е.К., Пророкова Е.Н., Фомичёва Ю.С. Опыт виртуальной трехмерной реконструкции здания приказов XVII в. в Московском Кремле // Архитектурная археология = Architectural archeology, № 5 / Институт археологии Российской академии наук. М.: Институт археологии РАН, 2023. С. 93-110.

Воронин Н.Н., Рабинович М.Г. Археологические работы в Московском Кремле // Советская археология.. 1963. № 1. С. 253-272.

Гайдуков П.Г., Панченко К.И. Пражский грош и английская текстильная пломба из раскопа 2021 г. у Боровицкой башни // Неизвестный Кремль. Под ред. Н.А. Макарова и В.Ю. Ковалья (в печати).

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.: АН СССР, 1950. 585 с.

Древности Московского Кремля. Археологические исследования на месте Чудова монастыря / Отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2022. 552 с.

Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. 1. М.: Тип. И.Н. Кушнерева и К°, 1905. 652 с.

Кучкин В.А. Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. 1995. № 2. С. 23-26.

Кучкин В.А. Забытый документ XIV в. из находки 1843 г. // Исторический архив. 1997. № 3. С. 14-20.

Лопатина О.А., Коваль В.Ю. Новые данные о Боровицком холме Москвы в железном веке (по керамическим материалам) // Российская археология. 2022. № 3. С. 152-167.

Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Яганов А.В., Модин Р.Н., Панченко К.И. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96-113.

Панова Т.Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: Таус, 2013. 408 с.

Панова Т.Д. Раскопки в Тайницком саду Кремля и история археологического изучения территории подола Боровицкого холма Москвы в XIX-XX вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 243. С. 92-106.

Панченко К.И., Макаров Н.А., Карпухин А.А., Коваль В.Ю. Усадьбы московской знати XIV-XV вв. на Подоле Московского Кремля // Российская археология. 2023. № 2. С. 64-80.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. 301 с.

Иллюстрации

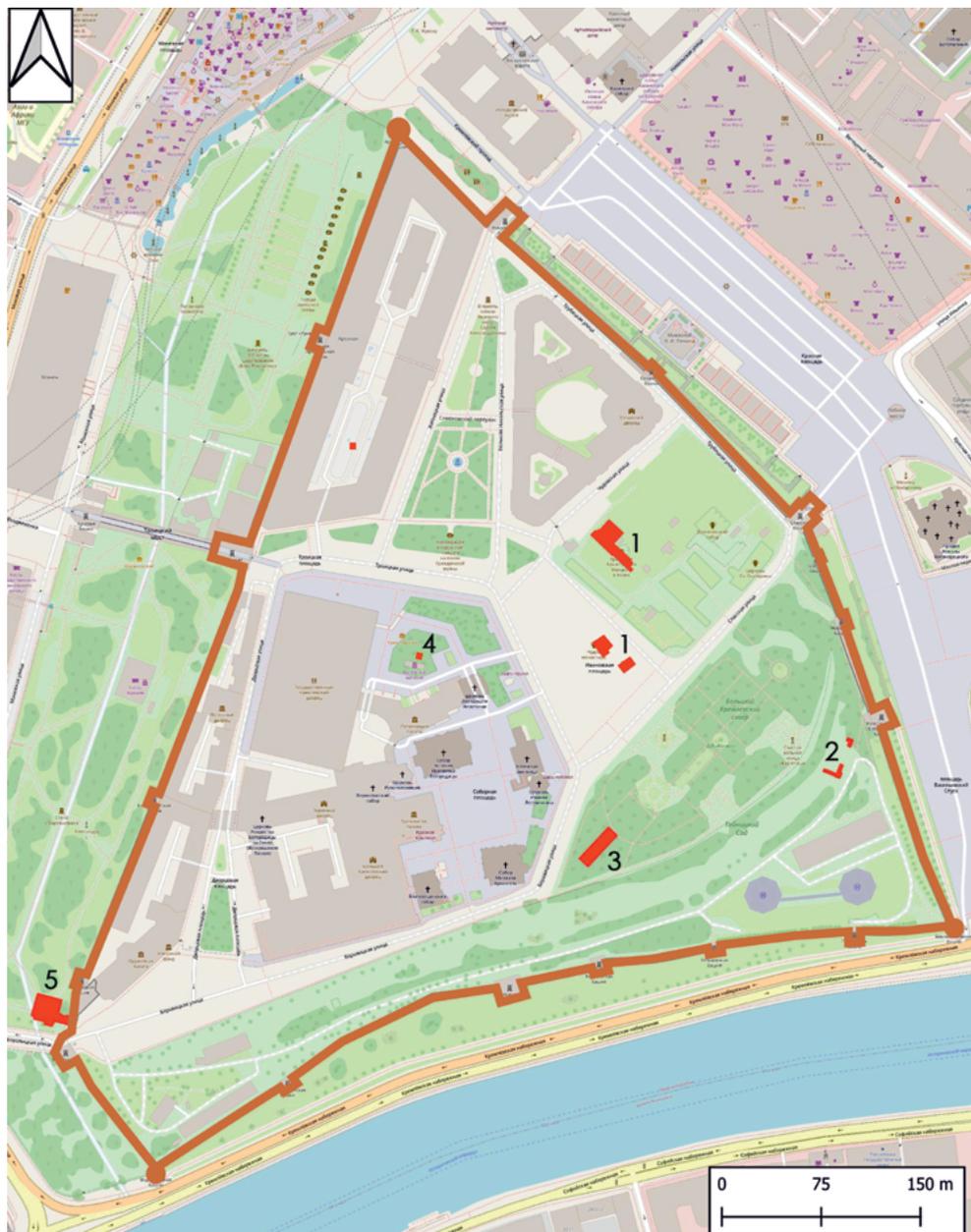

Рис.1. Московский Кремль. Схема расположения шурфов и раскопов ИА РАН 2014-2023 гг. 1 – раскоп и шурфы на участке 14-го корпуса; 2 – раскопы в Тайницком саду; 3 – раскоп в Большом сквере; 4 – шурф у Патриаршей палаты; 5 – раскоп и шурфы у Боровицкой башни

Рис.2. Раскоп в Большом Кремлёвском сквере. Расчистка фундаментов зданий Приказов

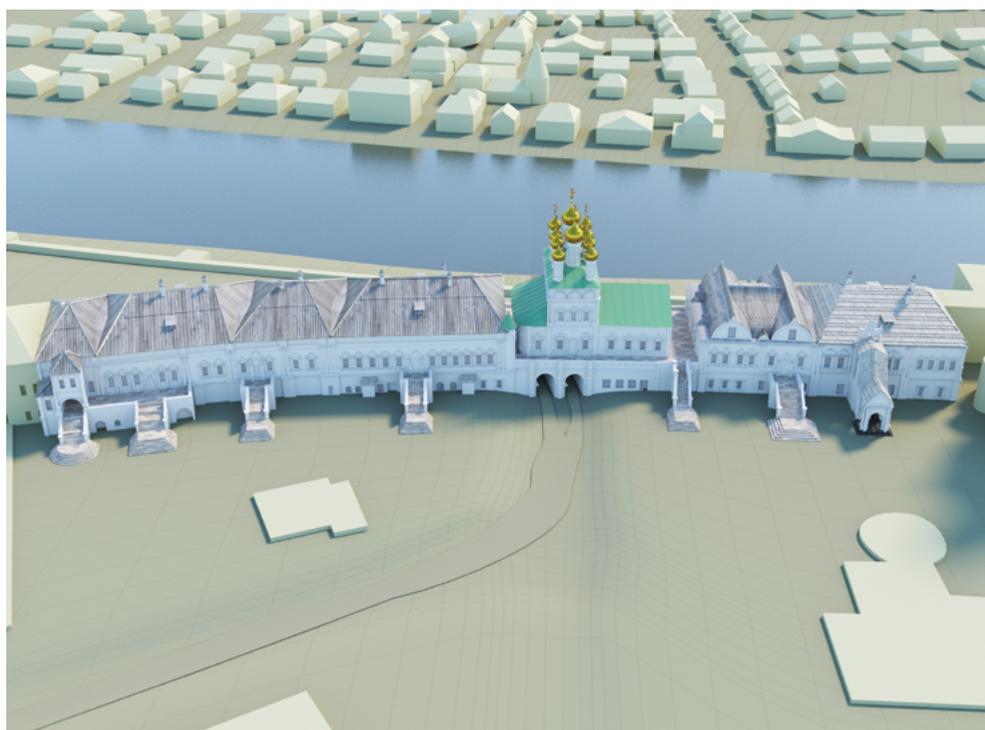

Рис.3. Трёхмерная реконструкция Новых приказов на период 1702-1703 гг. Северный фасад.

Рис.4. Фрагмент белокаменной фигуры двуглавого орла.
Декор здания Новый приказов

Рис. 5. Находки из культурного слоя XIV-XV вв. в Большом сквере:
1, 2 – писала; 3 – гирька «восточного» типа; 4 – обломок книжной застёжки;
5 – глазурованная чаша; 6 – обломок фишки; 7 – шахматная фигура
(1 – железо, 2-4 – медный сплав, 5 – керамика, 6, 7 – рог)

Рис. 6. Раскоп в Большом сквере. Подпол постройки конца XV в., сгоревшей в пожаре

Рис. 7. Находки из культурных отложений 4-го и 5-го ярусов в раскопе 2020 г. в Тайницком саду:

- 1-18 – панцирные пластины; 19 – кошелек; 20 – стиль для письма(?);
 21-22 – навершия шлемов; 23 – ременная накладка;
 24-25 – товарные пломбы (1-18, 21-22 – железо; 19 – кожа; 20 – рог;
 23 – железо с позолотой; 24-25 – свинец).

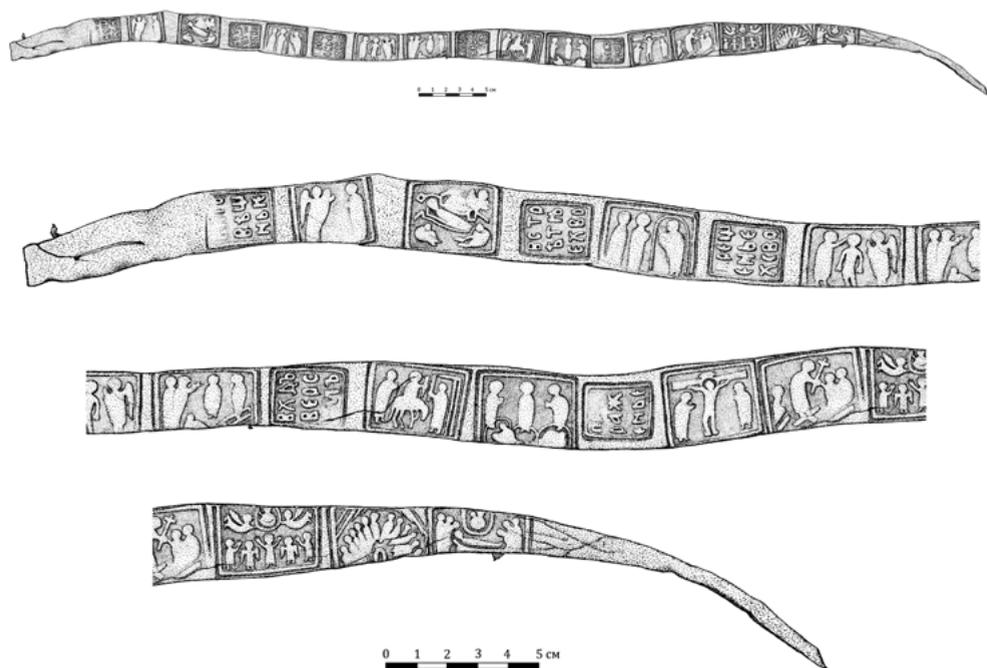

Рис. 8. Кожаный пояс с изображениями двенадцатых праздников из погребения в Тайницком саду. Последняя треть XIV – первая половина XV в.

Восстановление исторического облика России: архитектурные проблемы

Д.О. Швидковский

Аннотация. Статья посвящена проблемам сохранения исторического архитектурного и градостроительного наследия России. Подчёркивается необходимость комплексного научного подхода к определению роли памятников прошлого в пространственном развитии страны: преобразованию агломераций, малых и средних поселений, фиксации, изучению, охране и реставрации исторических зданий во всём разнообразии их палитры, как зримого выражения духовного содержания национальных традиций.

Ключевые слова: архитектура, градостроительство, исторические памятники, жизненная среда.

Сегодня особенно важным, жизненно важным для нашей страны стал профессиональный научный подход, призванный утвердить традиционные, сложенные веками духовные ценности как основу дальнейшего развития страны, её пространства и облика в неблагоприятных внешних условиях.

Трудная русская история XX столетия оставила неизгладимый след в характере жизненной среды России. Мы бесконечно много потеряли в ходе войн и революций и не меньше из-за негативного отношения к историческому наследию, преобладавшему в течение большей части советского времени. Исчезли десятки тысяч церквей и дворянских усадеб, почти вся индивидуальная застройка старинных городов, особенно характерная для нашей страны – деревенная, множество древних сёл.

Тем не менее, пока ещё сохраняется достаточно памятников архитектуры и градостроительства, чтобы можно было спасти и сохранить национальное своеобразие облика нашей страны в целом, имеющее непреходящее и принципиально важное значение для представлений о человеческой культуре и передающее красоту региональных школ, существующих по всей России, замечательных у каждого из народов и областей, составляющих нашу Родину. Процесс восстановления полного непрерываемого суверенитета России, инициированный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, может быть поддержан восстановлением и включением в современную жизнь всего исторического достояния страны, в нашем случае – наследия архитектуры, градостроительства и строительного искусства во всём его разнообразии.

Сегодня, когда российскую культуру на Западе пытаются отменить, любовь к её зримому, материальному, осязаемому выражению её в памятниках зодчества чувствуешь с особой остротой и силой. Можно повторить вслед за Иваном Сергеевичем Шмелёвым, говорившим, что мы все иностранные музеи «истоптали», а красоту своего наследия оставили на потом. А в Вологодской области мы все монастыри видели, или усадьбы и храмы в Калужском, Тульском или

Липецком крае? А древнейшие церкви Осетии – Алании? Буддийские памятники Бурятии? Мечети Татарстана, восходящие в Булгаре к X веку? Петроглифы Хабаровского края? А достаточно ли знаем памятники городов Поволжья, вроде бы легко доступных? Я только в прошлом году увидел поразительный Свяжск и его превосходно, на мой взгляд, отреставрированные монастыри и археологический музей дерева, безусловно, мирового уровня, без посещения которого не ощутить пространство позднесредневекового города.

Конечно, процессы утраты исторической памяти зодчества происходили практически на всей планете. Известный историк архитектуры Джон Харрис привёл статистические данные, что, например, в Англии усадьбы в течение 1960-1980-х годов исчезали, по крайней мере, по две каждый день. Новые технологии, радикальные перемены образа жизни, изменение инфраструктуры, установление радикально иного, чем в течение тысячелетий, соотношения городов и сельской местности привели к тому, что в ходе незначительного по историческим меркам временного интервала исчезновение наследия приобрело тотальный характер в масштабах всего пространства Земли. Это создало принципиально иную ситуацию как в отношениях новой среды и культурного наследия, так и в этическом представлении о связях старого и нового и в архитектуре, и градостроительстве, и строительном деле. Если в середине XX века, в эпоху так называемого интернационального стиля, зодчим и инженерам казалось, что произведения будущего будут прекраснее созданий прошлого, то сегодня стало понятным, что необходимо, чтобы и в грядущие века, и сегодня мы и наши потомки могли полно слышать голос прошлого, что историческое наследие – одно из главных двигателей создания благоприятной и в материальном, и в духовном смысле жизненной среды.

Сегодня архитектура – это не здания и города, а среда обитания человека во всём её многообразии. Материальная цивилизация, созданная людьми, – её важная, но отнюдь не единственная часть. Если рассматривать архитектуру как деятельность, меняющую облик нашей страны, то неизбежно приходишь к выводу, что она имеет глобальные ландшафтные, биосферные и ноосферные характеристики, что многократно подчёркивал академик В.А. Ильичёв. Её совершенная форма, таким образом, должна обладать своеобразием, по крайней мере, с трёх вышеупомянутых позиций. Иными словами, мы обязаны: не разрушать сложившийся пейзаж, компенсировать своё участие в биологическом сообществе и соответствовать системе исторических смыслов, накопленных в антропогенном пространстве.

Архитектура всегда в точности отражает жизнь человечества. И сегодня её охватило ощущение потерянности свойств искусства, вытесненного отнюдь не новыми технологиями проектирования и строительства, не изменением соотношения строительных материалов и характера инженерных систем, а установлением иных приоритетов рентабельности возведения зданий и перепланировки городов, победой краткосрочных экономических соображений над вечным художественным смыслом. Поэтому так важно сейчас вновь увидеть постоянные, заложенные даже не в историческую, а в генетическую память

основания архитектуры и градостроительства, которые хранят наследие прошедших, но живых в культуре и памяти нашего народа веков. Современное понимание зодчества, его содержания и предназначения предлагает принципиально новое представление об историческом наследии и его роли в нашей жизненной среде. Сегодня зодчество немыслимо без опоры на устойчивость – толерантность к природе, энергии, истории. Устойчивая архитектура – та, что бережёт целостность и красоту мира, как в его антропогенной, так и ландшафтной составляющих.

Архитектура, безусловно, не только и не столько искусство, но и наука, так считалось тысячелетиями. Пусть наука эстетизированная, но она управляется законами, выработанными благодаря долгим наблюдениям человечества над космосом, природой и самим собой. Может быть, она родилась в тот момент, когда пришло понимание, что красивое правильно. Монументальная архитектура возникла именно в эпоху соединения протонауки с протоискусством. Наиболее очевидным примером этой протонауки/протоискусства, связанной с представлением о космическом времени, является знаменитый Стоунхендж – дошедший до нас пример классики зодчества первобытного мира. Однако на много тысячелетий раньше Стоунхенджа подобные комплексы возникли на территории нашей страны, на Алтае и Урале, и сегодня являются древнейшими зримыми памятниками архитектурной археологии России и мира.

Без художественной и научной мысли строительство так же, как и любое массовое искусство, не способно вернуться к первоначальному единству искусства и природы. Оно обязано вновь научиться чувствовать естественные ритмы, энергию, масштаб, заново освоить умение «подхватывать» в своих формах рисунок ландшафта. И в то же время нужно помнить, что предшествовавшие поколения не только радикально изменили материальный мир, но многократно обдумали и оставили нам в наследство принципы отношения человеческой деятельности и природы, отразившие их важнейшие научные и художественные представления в наследии сменявшихся эпох.

История стала частью природы, неотменной составляющей жизненной среды. Сегодня, чтобы достичь настоящего, несиюминутного успеха, архитектору и строителю нужно добиться благосклонности двух вечных существ – природы и истории. Тогда творчество станет органической частью осмысленного и живого, не погибающего от пренебрежения экологией и историей пространства. Только в нём может родиться подлинная архитектура и вступить в диалог с историческим наследием.

Возможна новая классика, основанная на возрождении совершенных образов многих и различных культур. Правда, в этом случае прагматизм должен смениться стремлением к отношению к архитектуре как к искусству, и зодчество должно всерьёз вернуться к классическим законам витрувианской триады (польза, прочность, красота), распространив её последнюю составляющую – красоту – на все исторические традиционные строительные культуры и достичь их союза, абсолютно реального в России. Но и этого мало. Нужно восстановить первоначальное единство искусства и науки, доказавшего свою

плодотворность на протяжении ряда классических эпох. Строительная культура современного периода активно впитывает в себя научные идеи и информационные технологии, но обратный процесс практически не происходит, а это нужно изменить, особенно в архитектуре с её чувствительностью и умением воздействовать на красоту математических соотношений.

В наши дни положение особенно сложно: ещё никогда противопоставление норм искусства и науки ничем не контролируемой свободе пространственного самовыражения не достигало сегодняшней остроты. Встаёт вопрос, сохраняются ли вообще связи между стилистическими формами, заложенными в архитектурное и градостроительное наследие, и самыми современными видами художественного творчества? Очень многие отвечают на такой вопрос отрицательно. Тем самым ставится под сомнение и традиционная система художественного образования, и наследие классического искусства, в том числе, и в области архитектуры, которую постоянно атакуют упрощённые до неэстетичности технические решения. Это неправильно, вредно и не соответствует историческому развитию художественной ситуации, если её рассматривать в перспективе. На самом деле, искусство сегодняшнего дня интересно именно взаимосвязями своего древнего традиционного происхождения и включения в творческий процесс небывалых технологий. Исключение исторического элемента из этого нового единства было бы бездумным и бессмысленным обеднением возможностей творческих процессов.

Формирование смысловых структур современных образов зодчества предполагает включение в строительную ментальность целого ряда гуманитарных и точных наук – истории, психологии, науки о мышлении и восприятии, социологии, но, прежде всего, истории во всех её ипостасях – истории искусства, архитектуры, градостроительства, географии. Речь может идти о создании принципиально иной картины мира, продвижении его видения как процесса преемственного развития, в котором сохраняются черты, зафиксированные памятниками исторического наследия всех эпох развития России. Хочется верить, что это обогатит процесс выработки идей и принятия творческих решений, а может быть, и ляжет в основу будущей жизненной среды, по крайней мере, в замыслах и мечтах творцов зодчества и всех близких ему искусств и наук. Жизненная среда теперь может программироваться на основании многочисленных открытий историков, археологов, социологов, психологов, антропологов, ботаников. Архитектурный проект будущего, прежде всего, должен стать продуктом расчёта применяемых совместно достижений многих наук, выражающий и восстанавливающий гений места, созданный природой и нашими предками.

Для этого необходимо искреннее уважение к традициям строителей, архитекторов, градостроителей, представителей власти и общества, и оно может быть привито лишь последовательным их изучением, постепенным овладением видением формы, чувством пластики, ощущениями ритмов, заключённых в человеческом теле и природном пейзаже, параллельным с подробным знакомством с художественным развитием, всеми экспериментами, которые уже предпринимали люди, когда стремились создать отвечающее их чувствам

и времени искусство. И это ещё одна, наряду со слиянием в новаторстве, совместная задача искусства и науки в современном российском мире.

В условиях практически неконтролируемого развития техногенной цивилизации духовные свойства искусства зодчества, выраженные как в художественном наследии прошлого, так и в современном творчестве, становятся едва ли не единственным противовесом, способным поддержать духовность жизненной среды. Инженерная инновация без взаимодействия с искусством не может обеспечить развитие и даже сохранение характеристик антропогенного пространства, существенных для жизни человека, единства общества и укрепления государства. Многочисленные «языки» традиционного зодчества с различной грамматикой и многообразием алфавитов декора непременно создают не саму древнюю гармонию, но, по крайней мере, показывают пути трансформации архитектурных форм в целях расширения передаваемой ими ментальности.

Сегодняшняя архитектурная и строительная культура должна идти вперёд, непрестанно сверяясь с ходом истории. Причём, пытаюсь всмотреться всё дальше и дальше в глубину памяти нашего народа и природы России. Из настоящего дня, ещё не застывшего в неизменных формах, – через уравновешенность и каноны классицизма, к гармонии Ренессанса, к эмоциональности Средневековья, достигшей предела возможностей души, к универсализму классической античности, соединявшей человека, здания, пейзаж и космос одним пропорциональным строем, и, наконец, к истокам воплощения энергии и массы в очеловеченном пространстве древнейших сооружений протоискусства/протонауки. За нами – века и тысячелетия, сохранившиеся до наших дней художественные и духовные силы, которых никакое, даже самое несчастливое, будущее не сможет исчерпать, но памятники которых необходимо хранить и изучать.

Изучение исторических памятников нашей страны должно вестись и федеральными структурами, и исследователями всех регионов. Мы всё ещё не имеем полного реестра необходимых современности исторических зданий, ансамблей и ландшафтов, да и список признанных законодательно исторических поселений невозможно короток. В начале 1970-х годов по инициативе И.В. Маковецкого и моего отца, О.А. Швидковского, началась работа по созданию Свода памятников архитектуры и монументального искусства РСФСР, она продолжается полвека, но, увы, по постоянно нисходящей траектории. В 1990-е годы исчезли областные группы, работавшие в рамках Свода, и в наши дни эту работу продолжает лишь отдел из десятка энтузиастов в Государственном институте искусствознания Министерства культуры РФ, но даже эта небольшая группа каждый год открывает всё новые, зачастую поразительные памятники нашего наследия.

В СССР была создана одна из лучших в мире, если не лучшая, школа реставрации исторических памятников. Восстановление утраченного или разрушенного в годы Великой Отечественной войны придало ей настрой душевного и профессионального подъёма, и она жива благодаря нашим современным специалистам. Необходимо её сохранить и расширить, что мы в МАРХИ пы-

таемся делать, так же, как и в региональных архитектурно-строительных вузах, особенно в УрГАХУ, который возглавил известный мастер реставрации член-корреспондент РААСН А.В. Долгов.

Не менее сложным процессом, чем архитектурная реставрация, является реконструкция исторических городов, и здесь проблем бесконечно много. В советское время был подробно разработан и успешно применён лишь один способ трансформации исторических поселений в современном контексте – музеефикация старинного города или его части и превращение их в туристическую зону, как в Суздале, но это не решает все проблемы в данной области. Нам нужно найти более сложный путь – сохранение жизни древних городов, их пространственного и архитектурного своеобразия при совершенствовании комфортной среды и функциональной актуализации традиционных градостроительных образований. Это, на мой взгляд, проблема первостепенной важности в процессе восстановления исторического духовного и культурного суверенитета России.

У нас безгранично богатое наследие, хотя значительная его часть за XX век была легкомысленно и непродуманно растрачена. Инерция такого отношения к истории должна быть остановлена, исходя из ситуации наших дней, из потребности поднять в полный рост для всего человечества сохранённые у нас духовные и душевные качества нашего народа, выраженные в памятниках истории и культуры России. Наша Родина прекрасна своей природой, архитектурой, градостроительством, произведениями строительной культуры. Она должна такой и оставаться, и хочется мечтать о том, чтобы жизненная среда России усилиями современной науки и творчества сохраняла и приумножала дошедшие до нас сокровища.

Сохранение исторического наследия России должно осуществляться на всех уровнях преобразования пространства в процессе строительства на всей территории нашей Родины и отвечать поставленной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным задаче – соответствия нашей жизни традиционным ценностям человечества, прежде всего отечественным, спасённым и спасаемым именно в России ценой многовековых и приносимых сейчас жертв. Основы нашей культуры, возникшей из симбиоза многих культур, различных вер и представлений о благом и прекрасном народов нашей страны, имеют универсальный характер, как это показали в полной мере русские мыслители XIX столетия от Соловьёва и Достоевского до Данилевского и Вернадского, и что в XXI веке стало особенно очевидно, в частности, и в нашей области компетенции, благодаря тому, что в последние десятилетия исследователи смогли подробно проанализировать ход взаимодействия русской архитектурной культуры с традициями Запада и Востока. Это делает ещё более острым требование сохранения нашего исторического наследия, нужного не только нашей стране.

Структура материального, зримого наследия России отчётливо прослеживается на различных пространственных уровнях: начиная с систем организации территории, в которой отразилась связь развития территорий с основными политическими, экономическими, социальными и военными событиями истории

государства. Каждая эпоха, рождая свою мечту о России, скорее, своё видение благополучной жизни страны, и создавала на этой основе характерные пространственные структуры её территории, которые важны для её понимания и сегодня. Речь идёт о многих факторах – соотношении расселения и ландшафта, особенно древних речных и озёрных поселений нашей страны, и в Европейской её части, и в Сибири; прохождении континентальных евразийских торговых путей, шёлкового – между Западом и Востоком, с его несколькими ветвями, «из Варяг в Греки» с Севера на Юг, с Севера по Каме и Волге на Восток. Нельзя не упомянуть зависимости распределения городов от плодородности земель: например, возникновение суздальского Ополя влияло на создание системы поселений и начертания границ регионов, в частности, Новгородской и Владимирской земель, и особенно начертание границ леса со степью, требовавшая в течение как минимум тысячелетия строительства укрепленных городов. Привожу эти примеры, чтобы подчеркнуть, что система расселения России является фундаментом нашего наследия, который желательно учитывать.

Следующий пространственный уровень: градостроительное наследие нашей страны. Оно представляет собой конгломерат наслоений ряда эпох и их идеалов города. В большинстве случаев в наших поселениях сохранились средневековые элементы, расположение Кремлей и других оборонительных укреплений, сакральная топография храмов, начертание паутины переулков – даже в Москве. Не менее 500 городов России сохраняют планировку, связанную с представлением о регулярном городе эпохи Просвещения екатерининской и александровской эпохи. XVIII и XIX века заложили основу большинства сохранившихся промышленных городов, которые развивались от укрепленных поселений-заводов до городов-садов российских промышленников-меценатов. Наследие периода Российской империи эпохи от Петра Великого до Николая II во многом и сегодня определяет планировку и облик наших городов и может и должно являться той ценной частью прошлого, которая формирует черты традиционной российской идентичности, и должно учитываться в качестве памятников градостроительства или хотя бы неизменяемых структур исторических поселений. Близкая по типу, но более тяжёлая ситуация сложилась в отношении сельского наследия в связи с разрушением большей части усадеб и исчезновением огромного количества исторических сёл, что нанесло нашей экономике и демографии существенный ущерб.

Я абсолютно убеждён, что постулат М.М. Бахтина о полифоничности российской культуры распространяется на градостроительство, и что русский город по своей природе многообразен и в своей исторической, и в пространственной структуре, и самая серьёзная проблема его сегодняшнего развития заключается в нежелании с этим считаться. В результате происходят такие недопустимые явления, как попытка застроить историческую приволжскую часть Нижнего Новгорода многоэтажными башнями, уничтожающими панораму этого великого русского города, и вместе с ней подлинную память о том, что именно в этом месте в 1612 году усилиями Минина и Пожарского началось возрождение потерявшей суверенитет в период Смутного времени России. Причём ни с экономической,

ни с транспортной точки зрения нет препятствий создать «нижегородское сити» у недавно устроенного приречного парка, отделив его от важнейших памятников русской истории, как это было удачно сделано в Москве. Кстати, и с точки зрения архитектурной выразительности новой застройки наверняка получилось бы много лучше, и рентабельность не пострадала бы.

У разных частей города должны быть свои собственные времена, а не смесь древнего и актуального, только так возможно сохранить наше бесценное градостроительное наследие и любовь горожан к своим традициям, таким как камерность пространства арбатских или сретенских переулков Москвы. Отнюдь не хочу умалять историческое значение советского градостроительства как в крупных агломерациях, так и в моногородах и наукоградах. Нам нужно найти профессиональные подходы к использованию исторического промышленного строительства Петербурга, Твери, городов Урала, Подмосковья, к чему первыми обратились члены нашей Академии из Екатеринбурга. И поселения русского авангарда, отчасти сохранённые, отчасти исчезнувшие, например, в Иваново, и ансамбли эпохи восстановления страны после Великой Отечественной войны, как в Волгограде и Севастополе, заслуживают причисления к нашему историческому охраняемому законом наследию.

Хотелось бы подчеркнуть, в нашей стране существует сильная школа истории архитектуры, основанная академиками Н.И. Бруновым и А.Г. Габричевским, ещё более значительная по истории градостроительства в силу вклада академиков А.В. Бунина, Т.Ф. Саваренской, В.А. Лаврова, профессоров Л.М. Тверского, Г.В. Алферовой, Шкварикова, Н.Ф. Гуляницкого, Б.И. Оглы и ряда других. Теория охраны памятников архитектуры, теория и практика архитектурной реставрации находится у нас, несомненно, на мировом уровне и опережает его. О последнем свидетельствует долгая и в целом успешная борьба за сохранение наследия конструктивизма, промышленного наследия, а также постановка на охрану и реставрация памятников советских исторических стилей 1930-х – 1950-х годов, в последнее время получившая значительные масштабы, включая такие грандиозные комплексы, как ВДНХ. Пожалуй, это самый значительный по масштабу и качеству пример реставрации и сохранения памятников архитектуры послевоенного времени в мире. Нам остаётся в этой области много конкретных задач, не могу не упомянуть необходимость остановить проект перестройки одного из лучших произведений, созданных в эпоху Академии архитектуры СССР, – ансамбля Московского ипподрома академика И.В. Жолтовского, которому угрожает уничтожение в ближайшем будущем.

Наряду с позитивными достижениями в области сохранения отечественного наследия, на мой взгляд, крупнейшей проблемой, не решённой в современной архитектурной и градостроительной ментальности, остаётся определение того, что можно и нельзя делать при реконструкции исторического города, особенно это касается крупных и быстро развивающихся центров. Теперь уже для всех стало аксиомой, что памятники федерального значения разрушать нельзя, это запрещает закон, но свойств среды и пространства, силуэта и панора-

мы города это представление, увы, не касается, даже в рамках юридического мышления, а не только строительной практики. Необходимо в архитектурном и строительном образовании, в дополнительном образовании и при повышении квалификации представителей как градостроительного сообщества, так и деятелей соответствующих ветвей власти стремиться сформировать абсолютно уважительное, заинтересованное или хотя бы толерантное отношение к отечественному наследию, объяснить, что для укрепления патриотизма и чувства Родины у граждан России необходимо сохранение традиционных пространств и типов зданий и восстановление их, где это возможно.

«Тарас Бульба» Гоголя: прагматика vs герменевтика¹

Е.Е. Дмитриева

Аннотация. Одним из основных объектов герменевтического и когнитивного диссонанса в среде литературных критиков, да и просто читателей, интересующихся творчеством Н.В. Гоголя, стала в последние годы повесть «Тарас Бульба», мыслимая одними – как апология малороссийской вольницы, другими, напротив, – как апология российской государственности. Связано это отчасти с наличием двух редакций «Тараса Бульбы», принципиально различных между собой не только лексическими и стиливыми расхождениями, но и той идеологической программой, которая в них была заложена.

В статье рассматриваются те изменения, которые Гоголь внёс в редакцию 1842 года по сравнению с более ранней редакцией 1835 года, когда повесть впервые появилась в составе цикла «Миргород». А также причины, по которым в разные времена и в разных регионах (России, Украине, Польше) приоритет отдавался то первой, то второй редакции. Особое внимание уделено тому, как прореагировали и оценили повесть в обеих её редакциях современные ей читатели и критики, и почему они прошли мимо тех «взрывоопасных» моментов повести, которые позже, в основном с конца XIX века, стали предметом контроверзы. Такая попытка поставить гоголевский текст на своё первоначальное место, уяснив одновременно те семантические приращения и потери, которые позже в ней возникли, представлена в статье как опыт «обратного перевода» – в том значении, в каком термин этот ввёл в научный оборот известный германист и историк культуры А.В. Михайлов, считавший, что, поскольку «разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально им чуждые культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания», то необходимо «учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, «Миргород», первая и вторая редакция повести «Тарас Бульба», рецептивная история, обратный перевод, А.В. Михайлов.

Есть в бытии Гоголя некий парадокс. Один из наших христианнейших писателей, в поздние свои годы ещё и государственный, – он оказался писателем (мыслителем, пророком), вокруг дела и слова которого всегда кипели страсти. Кипят они и в наше время.

Одним из основных объектов полемики в среде литературных критиков, да и просто читателей, стала в последние годы, по вполне понятным причинам,

¹ Здесь публикуется текст статьи, вышедшей в журнале «Новый мир» (2024. № 1), с дополнениями и изменениями. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода».

повесть «Тарас Бульба», мыслимая одними – как апология малороссийской вольницы, другими, напротив, – как апология российской государственности, оказавшаяся, как тот младенец в известной притче о царе Соломоне, между двумя матерями, Россией и Украиной (только, в отличие от притчи, на роль той настоящей матери, которая была бы в состоянии уступить свои права, чтобы сохранить жизнь ребёнку, ни одна из национальных культур претендовать не может). Впрочем, ребёнок от этого не пострадал.

При этом ко всему добавляется ещё и вполне объективная текстологическая проблема, субъективное разрешение которой сопровождало восприятие и интерпретацию повести на протяжении всей истории её бытования. И связана она с наличием двух редакций «Тараса Бульбы», принципиально различных между собой не только лексическими и стилевыми расхождениями, но в первую очередь той идеологической программой, которая в них заложена.

Поскольку на протяжении долгого времени разногласия этих двух редакций не то, чтобы замалчивались (обе редакции в изданиях сочинений Н.В. Гоголя, как правило, печатались), но скорее ретушировались (более ранний текст чаще появлялся в разделе «Другие редакции», не слишком привлекая к себе внимание), то имеет смысл воскресить здесь хотя бы вкратце историю вопроса.

Впервые повесть «Тарас Бульба» появилась в печати в составе сборника «Миргород», две части которого с подзаголовком: «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”», вышли как единая книга весной 1835 года. В первую часть вошли «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба»; во вторую – «Вий» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Когда же в конце 30-х годов Гоголь задумал издание своих сочинений², в котором «Миргород» составил второй том, то для этого издания он существенно переработал текст «Тараса Бульбы» (как, собственно, и напечатанный в 1835 году в составе цикла «Арабески» текст повести «Портрет»). Переработка эта и вопрос, насколько сильно вторая редакция повести отличается от первой, и составили одну из центральных проблем гоголевской герменевтики и текстологии.

Существовавшее в советской и постсоветской текстологической традиции гласное и негласное правило уважать последнюю авторскую волю, отдавая предпочтение текстам, в позднейшие времена переработанным авторами, предопределило и сформировавшееся в гоголеведении советского периода представление о том, что «Тарас Бульба» 1842 года есть всё тот же текст, который был явлен читателям в 1835 году, но только улучшенный, усовершенствованный и, разумеется, более зрелый. Как писал Г.А. Гуковский, «те значительные изменения и добавления, которые Гоголь вносил в свои произведения вплоть до издания своих сочинений 1842 года, в том числе и <...> капитальная переработка “Тараса Бульбы”, – это явления и творческие усилия все того же момента развития Гоголя, <...> – это две редакции, две стадии доработки одного произ-

² Издание это вышло в 1842 году под названием: Сочинения Николая Гоголя. Т. 1–4. СПб.: в типографии А. Бородина и Ко.

ведения, одной книги. Это именно обстоятельство позволило самому Гоголю, капитально дописав “Тараса Бульбу”, не разрушить единство сборника-цикла и включить *нового* “Бульбу” в *старый* “Миргород”; ибо Гоголь правильно не усмотрел противоречия между старым окружением повести и новым текстом её» [Луковский, 1959: 170].

В следующем издании его сочинений, задуманном ещё в 1851 году, но вышедшем уже посмертно в 1855 году, при жизни Гоголя было отпечатано всего 9 листов, так что автор смог просмотреть корректуру «Тараса Бульбы» лишь до конца главы IX, внося в неё очень незначительную правку. Но в целом условие печатать первые четыре тома этого издания «без перемен с издания 1842 года» в отношении также и второго тома, включавшего в себя цикл «Миргород», было соблюдено.

И всё же, отметим, что устойчивая традиция считать «основным текстом» версию «Тараса Бульбы» 1842 года возникла не сразу. В следующем после посмертного собрания сочинений Гоголя, которое подготовил, по поручению его матери, в 1857 г. П. Кулиш, в основном тексте «Миргорода» (цикл был помещён тогда в первый том) оказалась редакция «Тараса Бульбы» 1835 года, в то время как редакция 1842 года была напечатана, скорее всего, из соображений хронологии, в томе третьем. В последующих переизданиях гоголевских сочинений 1862 и 1867 годов принцип этот был сохранён, и первое отдельное издание «Тараса Бульбы» – «для народного чтения» – также было ориентировано на первую редакцию повести.

И только в издании, наиболее авторитетном среди дореволюционных изданий сочинений Гоголя, осуществлённом усилиями Н.С. Тихонравова и В.И. Шенрока, в качестве основного текста была напечатана версия 1842 года [Сочинения Н.В. Гоголя, 1889, 1896, 10-изд. в 7 тт.].³ С тех пор, за малым исключением, так и повелось считать основным, или каноническим текстом версию «Тараса Бульбы» 1842 года. Именно её мы все читали в школе, и именно она породила ту обширную мифологию, которая сформировалась вокруг этого центрального и наиболее известного и в России, и за рубежом гоголевского текста. Представление это легло также в основу концепции «старого» академического собрания сочинений, вышедшего в период между 1937 и 1952 годами [Гоголь, 1937-1952, в 14 тт.], где цикл «Миргород» (второй том издания) включал в себя текст «Тараса Бульбы» 1842 года, в то время как редакция 1835 года была как раз-таки отнесена в раздел «Другие редакции», не привлекая к себе тем самым особого внимания читателей неспециалистов.

В настоящее время решение редакторов готовящегося «нового», второго по счёту академического собрания сочинений Гоголя [Гоголь, 2001-..., в 23 тт.] печатать *все* повести «Миргорода» в редакции 1835 года, т.е. той самой, которая и стала фактом русской литературы на исходе пушкинской эпохи, поместив вслед за циклом – как *самостоятельную* – редакцию 1842 года, вызвала бурное

³ Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым и Владимиром Шенроком.

неприятие ряда сотрудников. Неприятие это выразилось, в частности, в выступлениях на Учёном совете ИМЛИ РАН во время утверждения второго тома Гоголя и в опубликованной одним из сотрудников вслед за тем статье «“Тарас Бульба”: история и текстология» [Виноградов, 2023: 122-133]:

Вердикт, который известный гоголевед вынес наметившейся в своё время у П. Кулиша, а ныне – в новом академическом собрании сочинений Гоголя тенденции экспонирования двух редакций «Тараса Бульбы» не диахронически (основной текст + другая редакция, что в сущности предполагает и субъективно оценочный подход), но синхронически, сопоставляя обе версии как относительно самостоятельные и равно заслуживающие внимания, был таков: «Подмена второй, окончательной редакции “Тараса Бульбы” первой, менее совершенной, без речи о товариществе, и почти вдвое меньшей по объёму (девять глав – вместо итоговых двенадцати) стала для радикальной идеологии, после Кулиша, традиционной. Издателям, извращающим гоголевское произведение, было при этом невдомек, что к созданию “Тараса Бульбы” потомка трех малороссийских гетманов – Гоголя – подвигло не только отдаленное прошлое украинского казачества, но в гораздо большей мере ближайшая эпоха – религиозно-патриотическое одушевление русского народа в Отечественную войну 1812 года» [Виноградов, 2023: 127]. И далее: «Отступление от сложившихся научных принципов, авторитетных традиций в издании Гоголя явилось бы свидетельством деградации науки, профанацией академической текстологии. <...> В трагическую эпоху разгула украинского национализма новый подлог вряд ли можно оправдать какими-либо псевдонаучными, фейковыми аргументами» [Виноградов, 2023: 129-130].

Как одна из тех, кто ныне готовит издание второго тома ПСС и писем Гоголя (в 23 томах) и ответственный его редактор, будучи вынужденной ответить на обвинения в «фейковости» и «псевдонаучности», хочу, несколько опережая события, ещё раз подчеркнуть: мы не собираемся качественно противопоставлять «Тараса Бульбу» 1835 года версии 1842 года, привлекая тем самым повышенное внимание именно к раннему тексту в ущерб позднему. Речь идёт лишь о том, чтобы, печатая рядом оба текста, увидеть в них след той эволюции, творческой, идейной, нравственной, которую пережил Гоголь, с равным уважением и интересом отнестись к творчеству и его раннего периода, и более позднего.

Именно поэтому в отношении творческой и печатной истории повести «Тарас Бульба» имеет смысл совершить «обратный перевод» – в том значении, в каком термин этот ввёл в научный оборот известный германист и историк культуры А.В. Михайлов, считавший, что поскольку «разные культурные явления беспрестанно переводятся на иные, первоначально им чуждые культурные языки, часто с предельным переосмыслением их содержания», то необходимо «учиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места» [Михайлов, 2000: 16]. Попыткой поставить гоголевский текст на своё первоначальное место, уяснив одновременно те семантические приращения и потери, которые позже возникли, и является данная статья.

1835 versus 1842 (телеология внесённых изменений)

То, что Гоголь почти на треть увеличил объём повести, сделав из 9 глав 12 и придав позднейшей версии пророссийскую концовку, да ещё и с упоминанием грядущего русского царя, лежит, кажется, на поверхности и не вызывает разногласий у оппонентов. Стоит только сопоставить финальную (почти финальную, потому что за ней есть ещё почти не изменённый абзац) речь Тараса в обеих редакциях:

«Прощайте, пань-браты, товарищи!» говорил он им сверху: «вспоминайте иной час обо мне. Об участи же моей не заботьтесь! я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимут по кускам, и что кусочка моего тела не оставят на земле – да то уже мое дело... Будьте здоровы, пань-браты товарищи! Да глядите, прибывайте на следующее лето опять! да погуляйте хорошенько!..» удар обухом по голове пресек его речи.

Чорт побери! да есть ли что на свете, чего бы побоялся казак? (1835)

«Прощайте, товарищи!» кричал он им сверху: «Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак? Постоите же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымется из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорила ему!..» А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни и муки, и сила такая, которая бы пересилила русскую силу! (1842)

На самом деле, патетика речей Тараса и политическая воля его действий в поздней редакции начала усиливаться уже с главы III (первые две главы повести в обеих редакциях ещё достаточно близки между собой). И если в ранней редакции Тарас ещё *уговаривал* кошевого, не желавшего идти войной «в Турецчину, или на Татарву» (потому что «обещан Султану мир»), созвать раду, то в поздней он уже *хитростью спровоцировал её созыв*,строив попойку, после которой прежнего кошевого свергли и избрали нового.

К этому добавились эпический размах и квазигомеровское беспристрастие версии 1842 года, позволяющие словно с высоты смотреть и на своих, и на врагов. «Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от неукротимых стремлений, грозивших её опрокинуть. Короли польские, очутившиеся на месте удельных князей властителями этих пространных земель, хотя отдалёнными и слабыми, поняли значение козаков и выгоды такой бранной строптивой жизни. Они поощряли их и льстили этому расположению. Под их отдалённую властью гетманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа». Описание это пришло на смену отвлечённым рассуждениям 1835 года об историческом характере народа, объясняющем его правые и неправые деяния: «Такое понятие о праве весьма было извинительно народу, занимавшему опасные границы среди буйных соседей. И странно, если бы они поступили иначе. Татары раз десять перерывали своё шаткое перемирие и служили оболь-

стительным примером. Притом, как можно было таким гулливым рыцарям и в такой гулливый век пробыть несколько недель без войны».

Содержание главы IV редакции 1835 г., вобравшей в себя основной фабульный узел – описание войны, ведомой запорожцами с поляками, осаду Дубно, появление татарки, и, наконец, встречу проникшего в осаждённый город Андрия с прекрасной полячкой (недаром С.П. Шевырёв, восхитившийся повестью, всё же упрекнул Гоголя в «эскизности», т.е. беглости описаний⁴), – всё это в версии 1842 года заняло три новых главы. В них появились новые детали и подробности: своего рода антропология повседневности казацкого войска и его не знающей пощады свирепости («Пожары обхватывали деревни...», «Дыбом воздвигнулся бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полуидиотского века, которые пронесли везде запорожцы»). В поэтичные ночные пейзажи 1835 года («Ночь, июньская прекрасная ночь с бесчисленными звездами обнимала опустошенную землю...») в позднюю версию были введены натуралистические описания («Со всех сторон из травы уже стал подниматься густой храп спящего воинства...» и т.д.). Но одновременно появились и отсутствовавшие в ранней редакции лирические, авторские отступления, словно предвещающие, а может и повторяющие «лирические отступления» «Мёртвых душ» («Но неизвестно будущее, и стоит оно пред человеком подобно осеннему туману...»). Как заметил ещё В.В. Гиппиус, «в редакции «Миргорода» «динамика [была] дана самая стремительная, без всякого внимания к “закону замедления”, который в эстетике Галича предписан для эпоса. Во второй редакции, напротив, отзывается динамика классической трагедии с её единством времени» [Гиппиус, 1994: 62].

Но самые главные изменения затронули линию Андрия. Подробно оказалась прописанной картина осаждённого города и то впечатление на грани с потрясением, которое на Андрия произвела монастырская церковь и услышанные им звуки органа (глава VI). Изменилась существенно и сцена встречи Андрия с полячкой: «...уже нет ни “гебеновых бровей” панночки, ни ресниц, длинных как мечтания, ни электрически пламенной щеки, ни “у! какого лобзания”», – отмечал исследователь [Гиппиус, 1994: 61-62]. Но при этом само описание прекрасной полячки укрупнилось, как и усилилась мотивация того впечатления, которое она произвела на Андрия («То была прелестная, ветреная девушка; эта была красавица, женщина во всей развившейся красе своей. Полное чувство выражалось в ее поднятых глазах, не отрывки, не намеки на чувство, но все чувство»⁵).

По-новому сообщал Янкель Тарасу об измене Андрия, неожиданно поэтически (что, казалось бы, не вязалось с его обликом) описав его в новом роскош-

⁴ Гоголь, отмечал Шевырёв, увлекается «скорописью» и «слишком эскизует свои прекрасные создания. Даже самый Тарас Бульба отзывается скоростью эскиза». В последнем критик усмотрел отсутствия труда Гоголя над своими произведениями [Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. Отд. V: 406, 411].

⁵ Сравним в версии 1835 года: «Она была томна; она была бледна, но белизна ея была пронзительна, как сверкающая одежда серафима. Гебеновыя брови, тонкия, прекрасныя, придавали что-то стремительное ея лицу, обдающее священным трепетом сладкой боязни, в первый раз взглянувшего на нее...».

ном польском окружении и одеянии («Так, как солнце взглянет весною, когда в огороде всякая пташка пищит и поет, и всякая травка пахнет, так и он весь сияет в золоте, и коня ему дал воевода самого лучшего под верх: два ста червонных стоит один конь»)⁶. И в уста всё того же Янкеля оказалась вложенной своего рода репутация страсти («Коли человек влюбится, то он все равно, что подошва, которую коли размочишь в воде, возьми, согни – она и согнется»).

По-разному описана была и смерть Андрия от руки Тараса в обеих редакциях. В редакции 1835 года убийство совершалось почти стремительно: Янкель (глава V) сообщал об измене Андрия, и тут же в битве с поляками Бульба узнавал сына, который, «как подлый трус, спрятался за ряды своих солдат». А далее следовала сцена убиения, прописанная в стилистике малороссийских песен и дум («Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой барашек, почувствовавший смертельное железо, повис он головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова»⁷). А вслед за тем – сомнения «сыноубийцы», размышлявшего, «предать ли тело изменника на расхищение и поругание, чтобы хищные птицы растрепали его и сыромахи волки расшарпали и разнесли его желтые кости, или честно погребсти в земле?». Последнее в его действиях возобладало.

Не то в редакции 1842 года, где гибель Андрия была прописана одновременно и драматичнее, и жёстче, и происходила она уже в главе IX. Теперь Андрий уже не прятался трусливо за войско. Он – красивейший и храбрейший («Впереди других понесся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели черные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы»). И не услышал он окрик Тарасов: «Как? Своих? Своих? Чортов сын, своих бьешь?», не различил, «кто пред ним был, свои или другие какие: ничего не видел он. Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри...». Сам же Тарас в этой сцене был выведен Гоголем во всей его непримиримости и трагизме: не захотел он погребать Андрия, как того хотел Остап: «Погребут его и без нас! <...> будут у него плакальщики и утешницы!» И только глядел «долго на бездыханный труп. Он был и мертвый прекрасен...».

Тема трусости поляков, как и трусости Андрия, увидевшего отца, заданная в редакции 1835 года («Польские войска, которые было приняли их с стремительным упорством, начали отступать, пораженные робостью...»), сменилась в 1842 году эстетизированным описанием польских витязей, появившихся на стене города в роскошных одеждах, столь отличных от скромного одеяния казаков («Не любили козаки богато наряжаться на битвах...»). И одновременно их гордый индивидуализм («Не хотели гордые шляхтичи вмешаться в ряды с другими...»⁸) контрастно высветлял «святой закон [казацкого] товарищества».

⁶ Ср. в редакции 1835 г.: «Ваш сын Андрий, ой вей мир, что это за славный рыцарь!..» – «Ну?» – «Он теперь держит сторону Польши».

⁷ Впрочем, этот пассаж был сохранён и в редакции 1842 года.

⁸ О «распадении массового единства на эгоистические единичности» в польском войске см.: [Гуковский, 1959: 168].

Ещё одну особенность текста 1842 года составили многочисленные патетические речи, которые произносил не только Тарас, но и другие персонажи (речь «за святую православную веру...» Тараса в главе VIII, речь о товариществе в главе IX, предсмертная речь о грядущем русском царе в последней, 12-й главе; речь Касьяна Бовдюга «Пусть же славится до конца века Русская земля!», Мосия Шило «Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля...»). Примечательно, что в редакции 1835 года речь произносил один только кошевой, да и то в начале повести. Тем самым в редакции 1842 года рефреном начинала звучать – и это становилось особенно заметно на фоне ранней редакции – тема «русскости», православной веры и великого призвания России. Надо ли тогда удивляться, что в этой редакции заметно возросла и частотность употребления эпитета русский и топонима Россия⁹, а запорожец 1835 года превратился в «южного россиянина»¹⁰.

Традиционно считается, что редакция 1842 года в большей степени была стилистически ориентирована на украинский фольклор, в то время как редакция 1835 года имела все приметы исторического романа. Не опровергая в целом данную точку зрения, заметим, однако, следующее. Действительно, в тексте 1842 года появляется гораздо более отсылок к малороссийским песням и думам. Но, как представляется, главным для Гоголя становится не столько сообщить своему повествованию приметы фольклора (поэтические формулы и образность, заимствованные из фольклора, встречаются у него и в редакции 1835 года), сколько продемонстрировать, как, собственно, он это делал уже в цикле «Вечеров на хуторе близ Диканьки», сам процесс рождения легенды. [См.: *Гоголь*, 2003. Т. 1: 668, 718-719; см. также: *Овсянко-Куликовский*, 1909: 13; *Дмитриева*, 1992: 23; *Peace*, 1981: 14; *Perlina*, 1988: 57-69]. Так, если в

⁹ Собственно, в редакции 1835 года мы имеем всего три случая использования эпитета «русский»: когда речь идёт о «русском духовенстве», спасшем гетмана Потоцкого, о русской купчихе, с которой сравнивается «разъехавшаяся на полкомнаты» печь, и о «круге высшем», состоявшим «из польских и русских дворян», куда не допускались ученики бурсы. В редакции 1842 года мы имеем уже 24 случая употребления слова «русский» (в качестве эпитета и как существительное): «широкая разгульная замашка русской природы», «необыкновенное явление русской силы» (о казачестве), «бразничать, как только может один русский», «русский характер», «русско[е] дворянств[о]», на котором начало сказываться влияние Польши, «русски[е] витяз[и] на Украине» (над которыми «надругались ляхи»), «князя русского рода, свои князья, а не католические неверки», «русская душа» («так любить, как русская душа...»), «русское чувство» («крупница» которого есть даже «у последнего подлюки»), «русское духовенство», «православная русская вера», «русская сила» («Да разве найдутся на свете такие огни и муки, и сила такая, которая бы пересилила русскую силу»). Десять раз в разных контекстах, но с единым идейным наполнением, встречается словосочетание «русская земля» («мучения на русской земле от проклятых неверков», «таких, как в русской земле, не было таких товарищей», «что такое значит в русской земле товарищество», «Пусть же стоит на вечные времена православная русская земля», «Пусть же пропадут все враги, и ликует вечные веки русская земля!», «Пусть же славится до конца века русская земля!», «как умеют биться на русской земле», «Пусть же цветет вечно русская земля!», «Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом русская земля!», «Известно, какова в русской земле война, поднятая за веру», «подымется из русской земли свой царь»). Отметим, что в издании 1842 г. эпитет русский дается с прописной буквы.

¹⁰ Ср. описание в главе III: «...нужно было иметь только флегматическую наружность Запорожца, чтобы не смеяться ото всей души» (1835); «...нужно было иметь только одну хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранить во всё время неподвижное выражение лица и не моргнуть даже усом – резкая черта, которою отличается донине от других братьев своих южный россиянин» (1842). Об исторической и семантической значимости данной подмены см.: [*Хорошкевич*, 2012: 82].

1835 году время, описываемое в повести, имеет все приметы исторического («Все в светлице было убрано во вкусе того времени; а время это касалось XVI века, когда еще только что начинала рождаться мысль об Унии»), то в 1842 году оно уже полностью погружено в легенду («Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намеки остались только в песнях, да в народных думах»). Отсутствовавший ранее и введенный в главу IX новой редакции эпизод, в котором описывается, как сыновьям Тараса привезены были кипарисные образы из Межигорского киевского монастыря, заканчивается авторским раздумьем: «Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье ли на победу над врагом и потом весёлый *возврат на отчизну с добычей и славой на вечные песни бандуристам*, или же...» (здесь и далее курсив мой. – Е.Д.).

Ещё более отчётливо этот процесс перерождения истории в поэтический миф явлен в конце главы XVIII – в авторском описании-предвидении того, что ожидало казаков, и что они сами предвидели, выслушав первую патетическую речь Тараса: «Уже пусто было в ковших, а все еще стояли козаки, поднявши руки; хоть весело глядели очи их всех, просиявшие вином, но сильно задумались они. Не о корысти и военном прибытке теперь думали они, не о том, кому посчастливится набрать червонцев, дорогого оружия, шитых кафтанов и черкесских коней; но задумались они, как орлы, севшие на вершинах каменистых гор, обрывистых, высоких гор, с которых далеко видно расстилающееся беспредельное море, усыпанное, как мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, ограждённое по сторонам чуть видными тонкими поморьями, с прибережными, как мошки, городами и склонившимися, как мелкая травка, лесами. Как орлы озирали они вокруг себя очами все поле и чернеющую вдали судьбу свою. Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто их белыми торчащими костями, щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями. Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запекшимися в крови чубами и запущенными книзу усами. Будут орлы, налетев, выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! *Не погибает ни одно великодушное дело и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава. Будет, будет бандурист, с седою по грудь бороною, а может быть, полный зрелого мужества, но белоголовый старец, вещий духом, и скажет он про них свое густое, могучее слово. И пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них...».*

С другой стороны, надо признать и то, что вторая редакция, казалось бы, более погруженная, а точнее, нацеленная на легенду, оказывается вместе с тем в гораздо большей степени наполненной историческими реалиями, чем первая. Гораздо подробнее описаны битвы и даже тактика и стратегия, применявшиеся обеими враждующими сторонами (казаками и поляками). Появляется в 1842 г. большое количество новых «внесценических» персонажей, как имеющих исторические прототипы, так и вымышленных. Подробно описаны и казачьи

курени, с завидной детализацией все поименованные. В подробностях, отсутствовавших в редакции 1835 года, описан и опустошённый польский город (Дубно), как и увиденная Андрием мёртвая женщина с ребёнком (в 1835 она была лишь бегло упомянута)¹¹. А также сама сцена казни Остапа и реакция на неё жаждущих зрелища жителей Варшавы. В этом смысле можно сказать, что позднейшая редакция «Тараса Бульбы», изобилующая натуралистическими подробностями зверств, пыток, казней, насилия¹², представляла одновременно и как более «условно литературная», ибо вписывалась в оформившуюся уже и в западной, и в русской литературе моде на так называемую неистовую словесность, которая отразилась также и в незавершённой повести Гоголя, известной под названием «Кровавый бандурист»¹³.

Но, может быть основное – в контекст нашей попытки «обратного перевода» повести – заключалась в том, что версия 1842 года стала одновременно и многозначной, и двусмысленной, что позволяло впоследствии трактовать её диаметрально противоположным образом. То, что в ней прочитывалось как «государственно ориентированный пафос» [Виноградов, 2023: 124], апология «святой православной веры» и «православных христиан», а также борьба с «нечестивыми католиками» парадоксальным образом уравнивалось и корректировалось так называемым католическим эпизодом второй редакции – откровением Андрия, попавшего в католический храм, потрясённого «ревом органа» и священником, творящим молитву «о подкреплении падающего духа, о ниспослании терпения, об удалении искусителя» (гл. VI), подобно тому, как творит её и православный священник (см. гл. IV). Неслучайно традиционно отмечается мотивная и тематическая переключка второй редакции «Тараса Бульбы» с другими произведениями, над которыми Гоголь работал в тот же период, в частности с повестью «Рим», а также отражение в этой редакции католического эпизода в жизни самого Гоголя (1838-1839), к которому относятся дружба с П. Семененкой и Кайсевичем, а также активно занимавшейся католи-

¹¹ «Это было мертвое тело женщины, по-видимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя в искаженных, изможденных чертах ее нельзя было того видеть. На голове ее был красный шелковый платок; жемчуги или бусы в два ряда украшали ее наушники; две-три длинные, все в завитках, кудри выпадали из-под них на ее высохшую шею с натянувшимися жилами. Возле нее лежал ребенок, судорожно схвативший рукою за тощую грудь ее и скрутивший ее своими пальцами от невольной злости, не нашел в ней молока. Он уже не плакал и не кричал, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что он еще не умер или по крайней мере еще только готовился испустить последнее дыхание. Они поворотили в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся...». Ср. в редакции 1835 г.: «Среди самой дороги попался им самый ужасный поразительный предмет: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при последнем издыхании, стиснувшая зубами иссохшую свою руку. Содрогнувшись, спешил он вслед за татаркою...».

¹² См., напр., в главе V редакции 1842 года: «Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранные кожи с ног по колена у выпущенных на свободу – словом, крупною монетою отплачивали козаки прежние долги».

¹³ Это воздействие на Гоголя неистовой, или френетической литературы, отчётливо ощутила и императрица Александра Фёдоровна, которой в первых числах декабря 1842 года читали повесть «Тарас Бульба». Как свидетельствовал в письме к Я.К. Гроту П.А. Плетнёв, «Красоты его поразили ее; но она думает, что это злоупотребление таланта так ярко рисовать ужасы. Вот следствие французского вкуса» [Плетнёв, 1885. Т. 1: 654; см. также: Дроздов, 2013].

ческим прозелитизмом княгиней З.Н. Волконской [См.: *Кочубинский*, 1902. Кн. 2: 512-513; см. также: *Dmitrieva*, 2019: 137-172].

А та полонофобия, которая, действительно, усилилась во второй редакции (не случайно в Польше перевод повести «Тарас Бульба» впервые появился лишь в 2001 году [*Хорев*, 2012: 239]), «снялась» нескрываемым эстетическим восхищением, испытываемым перед красотой «польских витязей» и самой прекрасной полячки, в которой, в отличие от панночки «Вия», красота не демоническая, но божественная, сродни той, какую Гоголь описал в своём трактате «Женщина». По-видимому, не случайно появляются в 1842 году и слова о «безрасчетно великодушной женщине», созданной «на прекрасное сердечное движение», которая «с чудною женскою стремительностью» кидается на шею Андрию – и в описании этом уже словно предварено то, что скажет Гоголь о своей любимой женской героине – Улиньке из первого и второго тома «Мёртвых душ»¹⁴.

Парадоксы герменевтики

Первая реакция на «Тараса Бульбу» в середине 1830-х годов была почти единодушно энтузиастической. Вместе со «Старосветскими помещиками» повесть выделяли как лучшую из повестей цикла «Миргород», прочитывая её сквозь призму романтического историзма, сопоставляя с шиллеровыми «Разбойниками» [*А. в. м. л.*, 1835: 262-263], романами Вальтера Скотта, френетической словесностью, даже если по сравнению с тем, как повесть была переделана потом, элементов «неистовой словесности» в ней было не так уж много. Сразу же появилось и её сравнение с «гомERICESКОЙ эпопеей» [*Белинский*, 1953-1959. Т. 1: 259-307]. Как писал сам Гоголь в письме к В.А. Жуковскому от 18 апреля 1835 г., «...две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам».

Диссонансом в чреде благожелательных откликов на «Тараса Бульбу» прозвучал неожиданно отклик общавшегося с Гоголем И.И. Срезневского, назвавшего повесть: «дрянь и прочее в этом роде» [Цит. по: *Белинский*, 1953-1959. Т. 11: 419]. Был правда ещё и мягкий укол С.П. Шевырева, упрекнувшего Гоголя, как уже было сказано выше, в скорописи и «скорости эскиза» [Московский наблюдатель, 1835. Кн. 2: 406, 411].

Когда же «Тарас Бульба» появился в новой редакции, то поразительным образом изменения, внесённые Гоголем в текст повести в издании 1842 года, поначалу прошли словно незамеченные, какого-либо серьёзного осмысления не получив. «Что переделал он в *Ревизоре*? Он, помнится, переделал и Бульбу для нового издания своих сочинений – заметил ли ты это?», – вопрошал

¹⁴ Ср. слова прекрасной полячки, обращённые к Андрию в обеих редакциях: «А твои товарищи, а твой отец – ты должен идти к ним», говорила она тихо. Уста ее еще долго шевелились без слов, и глаза ее, полные слез, не сводились с него» (1835). «Не обманывай, рыцарь, и себя и меня», говорила она, качая тихо прекрасной головой своей: «знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня, знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут отец, товарищи, отчизна, – а мы враги тебе» (1842).

Н.М. Языков своего брата А.М. Языкова 21 февраля 1842 года [Литературное наследство, 1952. Т. 58: 616]. Заметил ли это Языков – о том мы не знаем, сведений об этом не сохранилось. Но в других отзывах в целом повторялось в отношении «Тараса Бульбы» 1842 года то, что уже было сказано в отношении его миргородской редакции: живописное описание казацкой старины, сравнение с гомеровской эпопеей, с «Дон-Кихотом» Сервантеса. Даже внимательный Белинский, хотя и увидел изменения, внесённые во вторую редакцию, и даже положительно оценил их, не усмотрел в них при этом качественного прорыва («Поэт чувствовал, что в первом издании «Тараса Бульбы» на многое только намекнуто и что многие струны исторической жизни Малороссии остались в нем нетронутыми. Как великий поэт и художник, верный однажды избранной идее, певец Бульбы не прибавил к своей поэме ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развил многие уже заключавшиеся в ее основной идее подробности» [Белинский, Т. 5: 660-661]).

Имела место, правда, и отрицательная реакция на внесённые Гоголем изменения. О.И. Сенковскому, например, не понравилась наметившаяся тенденция Гоголя придать повести то, что сам он определил, как «философскую важность»: «Автору показались его повести великими идеями, потому что они построены из крупных анекдотов, и он, поверив лести, стал приписывать им не только поэтическую, но даже и философскую важность. <...> из обширной по сюжету, но хорошо сжатой повести раскинулась целая украинская пустыня, и большая часть достоинств прежнего “Бульбы” утонула в степном ковыле» (курсив мой. – Е. Д.) [Библиотека для чтения, 1843: 23]. О том, что «стычки казаков под Дубно с польскими войсками, описанные в гомерическом духе, повредили своею неуместностью и быстроте действия и единству тона», написал (уже пять лет спустя после появления второй редакции) А.П. Милюков [Милюков, 1847: 213].

При этом, как бы положительно или отрицательно первые критики и читатели-современники ни оценивали обе редакции повести, они почти дружно не увидели (или не «считали») в ней то, что позже станет предметом мучительной контроверзы. В одном ряду первыми критиками как равно прекрасное, пусть и разное воплощение поэзии Запорожской Сечи, были восприняты оба сына Тараса. «Как чудно созданы эти Остап и Андрий, эта очаровательная Польшка?», – восклицал К.Н. Бестужев-Рюмин [К. Б. Р., 1847]. А.О. Смирнова-Россет сообщала Гоголю слышанные ею отзывы Ф.И. Толстого и Ф.И. Тютчева о «Тарасе Бульбе»: «Оба говорили, что ваша вся душа хохлацкая вылилась в “Тарасе Бульбе”, где с такой любовью вы выставили Тараса, Андрия и Остапа» (письмо к Гоголю от 3 ноября 1844 года).

В дальнейшем в рецептивной истории пути Остапа и Андрия разошлись, как разошлись они в сюжете самой повести, но не в том впечатлении, какое оба произвели на первых читателей. Связано это было с обнаружением – и произошло это значительно позже – мессианского подтекста «Тараса Бульбы». «Вся она, эта эпопея, может служить доказательством того, какая сила дается

человеку высокими интересами существования, верою, идеей отечества <...>. Что такое этот простейший Бульба <...> вся эта Сечь Запорожская с ее разгулом и вечным бражничеством? Но идея превращает Тараса Бульбу в величавого героя <...> в то время как <...> Андрий, отринувший эту идею, не устоявший перед искушением временного счастья, погибает жалко и низко» – писал в 1900 г. библиограф и критик Арсений Ив. Введенский, издавший в 1890-е годы немалое число русских классиков [Введенский, 1900: 91]. Вообще осмысление Андрия как предателя – в ранних отзывах о повести отсутствовавшее – получает «право гражданства» в основном на рубеже XIX и XX веков, войдя с этого времени и в толковательный канон. «Предателя» Андрия мстящему ему «патриоту» Тарасу противопоставляет Андрей Белый, находя, правда, предательству свой «лозунг» («Андрей не бесславно погиб; он погиб – с честью; у него есть лозунг и предательства: “Что мне отец, товарищи и отчизна?.. Кто сказал, что моя отчизна Украина? <...> Отчизна моя – ты! Вот моя отчизна!” <...> он в предательстве просиял: “так, как солнце... он весь сияет в золоте”») [Белый, 1934: 53].

Но в то время как Андрий, дважды предатель, в смысле политическом и конфессиональном, начинает мыслиться как эмблема раскола, принижение его роли – параллельно – вызывает и противодействие, выразившееся, в частности, в повышенном интересе к эстетической составляющей его образа. Свидетельство приверженности Гоголя к «античному» миропониманию и античному эросу увидел С.К. Шамбинаго, особенно настаивая на том, что Андрия «нельзя рассматривать как простого изменника. Его драма состоит в том, что человеческое представление об отчизне земной в нём заменилось постижением отчизны небесной. Драма является всякий раз там, где над божественным Эросом протянет руку обыденность» [Шамбинаго, 1911: 58]. Осмысление Андрия как «ренессансного человека» – способного к «духовному переживанию любви», «художника» и «гуманиста» присутствовало в работе В.Ф. Переверзева, считавшего Андрия наиболее удачным из всех казачьих типов [Переверзев, 1928].

«Гимн свободе человеческого духа, способного на самый крутой поворот в жизни», энтузиазм, «который питается из эстетического вдохновения», увидел в истории Андрия В.В. Зеньковский, сделав при том оговорку о принципиальном «аморализме» красоты и «эстетического возбуждения» [Зеньковский, 1994: 253]. В чём совпал с К.В. Мочульским, приблизительно в то же время сформулировавшим: «Для Андрия зов красоты сильнее чести, веры, родины. От одного ее дыхания рушатся все нравственные устои; красота по самой своей природе аморальна» [Мочульский, 1995: 17]. Продолжением и развитием этих идей стали работы Д. Чижевского, писавшего об эстетике эроса у Гоголя [Чижевский, 1951; 1995], а также Ю.В. Манна. «Под влиянием любви, – писал он, – человек на все может решиться. “Ночь перед Рождеством” только намекнула на такую возможность: Вакула вступил в союз с нечистой силой, но в конце концов веру не утратил и еще большее благочестие приобрел. Андрий

же пошел до конца – до вероотступничества и измены. <...> Поскольку сила любви непреложна и надлична, пораженного ею трудно в чем-либо винить...» [Манн, 2012: 419-420].¹⁵

Сравним это с мнением современного исследователя – оптика которого, надо признаться, имеет все шансы возобладать сегодня: «...имя, которое дает Тарас во второй редакции повести (глава седьмая) своему сыну-предателю – Иуда, отражает и собственно авторское отношение к поступку героя. На это же, в частности, указывает и сравнение предателя Андрия во второй редакции с “молодым борзым *псом*” – “красивейшим, быстрейшим и молодшим всех в *стае*”. Этим сравнением, по замечанию Е.И. Анненковой, Андрий “снижен” Гоголем “до природного, животного”» [Виноградов, 2009: 550].

Здесь, однако, впору задаться дополнительным вопросом: когда и, главное, почему в повести «Тарас Бульба» живые, исполненные поэзии картины казацкой старины, к которым так чувствительны были современники Гоголя, начинают превращаться в некий промыслительный урок, который Гоголь задаёт потомкам? И когда комизм отдельных сцен, преимущественно связанный с изображением Янкеля, начинает трактоваться как «духовная брань»?

Вообще, еврейская тема или то, что впоследствии стало трактоваться как юдофобство Гоголя, стало одним из наиболее взрывоопасных аспектов изучения и просто чтения «Тараса Бульбы». Но и эта тема в восприятии повести возникла не сразу. Вспомним, как «смешливый от природы» Н.В. Станкевич, как о нём вспоминал П.В. Анненков, «не мог никогда вспоминать некоторых подробностей в его (*Гоголя*. – Е. Д.) картинах без того, чтоб не потерять совершенно хладнокровия. Такое действие производило на него, например, воспоминание о жиде (в “Тарасе Бульбе”), который, сняв верхнюю одежду, стал вдруг похож на цыпленка» [Анненков, 1881: 305-306].

В этой сцене и в иных подобного рода описаниях при жизни Гоголя, да и позднее, виделся комизм, имевший в первую очередь народные истоки – изображение жидов в украинском вертепном театре, в быличках и проч. (кстати, давно уже замечено, что слово жид в гоголевские времена отнюдь не имело той отрицательной коннотации, которую приобрело позже) [Софронова, 2012: 64]. Как писал уже на исходе первого десятилетия двадцатого века А.Г. Горнфельд, «антисемитизм Гоголя не имеет ничего индивидуального, конкретного, не исходит из знакомства с современной действительностью: это – естественный отголосок традиционного теологического представления о неведомом мире еврейства...» [Горнфельд, 1910. Т. 6: 614; см. также: Виноградов, 2009: 538]. «Защитить» Гоголя от обвинений в юдофобии уже в советскую эпоху, когда из школьного изучения «Тараса Бульбы» упразднились описания еврейских сцен, пытались и в советские времена, например, С.И. Машинский.

¹⁵ То, что в «Тарасе Бульбе» толкуется как отпадение от истинной веры Андрия и соблазн его «презренным католичеством», может быть воспринято, если посмотреть с другой стороны, и как пробуждение героя к подлинной религиозности, к Богу, который начинает говорить с ним, в том числе, и на языке искусства (см.: [Дмитриева, 2008: 313-325]).

А между тем, слово «юдофобство» в отношении Гоголя было произнесено. И произнесено оно было не в гоголевские и постгоголевские времена, но в последней трети XIX века. Вопрос, поставленный в 1894 г. на заседании Брянского отделения Орловского комитета народных чтений об исключении «Тараса Бульбы» из публичных чтений, суждение В.Е. Жаботинского о том, что описание избиения евреев в «Тарасе Бульбе» «даже нельзя назвать ненавистью, или сочувствием казацкой расправе над жидами: это хуже...», – есть лишь некоторые свидетельства того, как болезненно стала восприниматься со временем данная тема, существенно омрачив и восприятие самой повести [*Жаботинский*, 1978: 87; см. подробнее: *Виноградов*, 2009]. В советский период к инвективам в юдофобстве естественно добавилось и обвинение Гоголя в «национализме, воинствующем православии <...> великодержавном шовинизме»¹⁶.

О том, как органически повесть Гоголя позволяла семантический перевёртыш, своего рода feed-back, свидетельствует ещё одна примечательная тенденция – увидеть в ней не юдофобию, а, напротив, интернационализм. «Гоголь, как великий реалист, несколько не лакировал нравов этого века, – писал в 1939 году литературный критик и исследователь творчества Н. Помяловского Б.Е. Вальбе, 10 лет спустя приговорённый к десяти годам лагерного заключения. – <...> На этом фоне весьма значительно отношение Тараса к еврею Янкелю, которое совсем непохоже <...> на националистическое ненавистничество. Тут, наоборот, какой-то в известной степени симбиоз еврея и казака, которые как-никак спасают друг другу жизнь <...> Думается, что в этом своеобразном симбиозе гений Гоголя тоже что-то нащупал...» [*Вальбе*, 1939: 3].

«Еврейский вопрос», поставленный повестью «Тарас Бульба», получил в последние десятилетия ещё один поворот. Не интернационализм, не след фольклорной традиции, и даже не юдофобство, но, вписанная в контекст высокого предназначения России и православной веры борьба «удерживающих» сил (жиды и поляки) и «апостасийных» (православное казачество) [*Есаулов*, 1997: 96]. Равно как и «невидимая брань», изображенная Гоголем как «одно из проявлений наблюдаемого им во всей мировой истории противостояния двух типов миропонимания и вытекающих отсюда образов жизни» – религиозного служения (казаки) и «любостяжания, составляющего для членов этого “братства” самый смысл и “поэзию” жизни» [*Виноградов*, 2009: 493]. «В решении «национального вопроса» Гоголь исходил из святоотеческого представления о существовании на земле народов «низших в делании добродетели», подводит итог своим размышлениям критик, ссылаясь на «Толкование на Апокалипсис Св. Андрея, Архиепископа Кесарийского» [*Виноградов*, 2009: 538].

Ещё одна взрывоопасная тема, имманентно заложенная в самой фабуле повести «Тарас Бульба», и которую поначалу читатели и критики почти не заметили, – тема русско-польских отношений и их освещения Гоголем. Невнимательность к этому аспекту в 1830-е и начале 1840-х годов тем более удивительна,

¹⁶ См.: [*Ликсанов*, 1933: 43, 137]. «Повесть испорчена юдофобством, православием...» [*Воронский*, 2011: 108].

что тема эта была хоть и историческая, но вписывалась в вполне современный контекст, а сложные взаимоотношения с Речью Посполитой в историческом прошлом естественно накладывались на ситуацию польского восстания 1830-1831 годов и имевшие место в русском обществе антипольские настроения, вызванные, в частности, дарованной ещё прежде Александром I Польше конституцией [Хорошкевич, 2012: 97].

Начало обсуждению данной проблемы, мимо которой первые критики прошли, было положено (очевидно, не случайно) польским критиком М.А. Грабовским, одним из основателей «польско-украинской школы»: «Гоголь ошибочно понимает историю Малороссии, даже самое происхождение украинского народа и козачества, – писал Грабовский в статье, посвящённой сочинениям Гоголя, – а потому и не мог уразуметь отношений их к Польше <...> Каковы были, и были ли жестокости поляков в отношении к Руси? <...> во время продолжительной вражды поляков с козаками взаимные клеветы беспрестанно кружились в народе» [Письмо Грабовского..., 1846: 51-60].

Уже упомянутый выше А.И. Милюков вторую редакцию «Тараса Бульбы» раскритиковал именно за сцены «стычек казаков под Дубно с польскими войсками, описанные в гомерическом духе», посчитав, что своей «неуместностью» они повредили «единству тона». А уже с середины 1850-х гг. разгорается знаменитая полемика П.А. Кулиша и М.А. Максимовича о степени этнографической (не)точности Гоголя в описании им Малороссии, в том числе и в «Тарасе Бульбе», подоплёкой которой была даже не столько этнографическая, сколько историческая «неточность» Гоголя – видение и понимание им истории Малороссии в её отношениях с Польшей [см. подробнее: Звиняцковский, 2010: 116-133]. В дальнейшем именно Кулиш, один из первых издателей Гоголя и его первый биограф, будет говорить об отсутствии у него знания истории и «сведений о малороссийской старине». Поначалу, правда, он объясняет это незнание тем, что во времена Гоголя «не было возможности знать Малороссию больше, нежели он знал» [Кулиш, 1857: 236-237]. Двадцать лет спустя Кулиш значительно резче сформулирует суть проблемы: «Наши малорусские повести, драмы, поэмы, лирические стихотворения, относящиеся к прошедшему, – пишет он в 1877 г., – исполнены детского лепета о той славе, которой гордились козаки <...> мы придавали разгульным добытчикам обеих берегов Днепра значение патриотов или защитников гонимой веры <...> мы опрокинули кверху дном историю Польши, сделав из нее что-то невероятное и невозможное. Начало этой фантазмагии, более вредоносной, нежели может показаться на поверхностный взгляд, положил, во-первых, неизвестный доселе автор так называемой Летописи Конисского (“История Руссов”), а во-вторых, основывавшийся на нем высокоталантливый автор “Тараса Бульбы”» [Кулиш, 1877: VII-VIII].

А ещё 10 лет спустя в частном письме Кулиш написал: «Что касается “Тараса Бульбы”, то второе, исправленное и дополненное издание этой мнимой исторической повести еще больше первого грешит против естественности общечеловеческих отношений, действительности былой польско-русской

жизни и возможности такой нации, какую представлена Гоголем Польша в борьбе с козаками. Историческая повесть-поэма Гоголя писана в то время, когда уже была издана «Капитанская дочка». <...> Но Гоголь стоял на точке зрения разрушителей культуры, а Пушкин смотрел на пугачевский бунт глазами ее созидателей. Один потратил силу творчества на возведение грубой толпы в достоинство героев чести, веры, патриотизма, и всего слабее оказался в сценах невозможного козацкого романа среди польских аристократов. Другой, соблюдая во всем художественную меру, особенно высок и трогателен там, где Гомер украинской козаччины является несостоятельным. Гоголь происходил от козаков; Пушкин – от козацких противников. Козацкий потомок был преисполнен веры в то, что существовало только в воображении фанатиков да в сердце беспощадных обманщиков массы. Потомок московского боярства основывал свое изучение эпохи на точных, самостоятельно штудированных документах, которые обнаруживали для него всякий вымысел, как обнаруживает его сама действительность» [Письма П.А. Кулиша к М.В. Юзефовичу, 1899: 191].

Из явно другой перспективы и как потенциально важный урок, который можно было извлечь из освещения Гоголем в «Тарасе Бульбе» темы польско-русских (малороссийских) отношений, о повести вспомнил Ф.М. Достоевский, сделавший в 1877 г. следующую запись в «Дневнике писателя»: «Что за трепетание, что за принижение перед Австрией! “Изволит, дескать, она осердиться!” У Гоголя атаман говорит казакам: “Милость чужого короля, да и не короля, а милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства”. Это атаман говорит про предателей. Неужели вам хочется, чтобы и русские, в трепете животного страха за свои интересы и деньги, склонялись точно так же перед каким-нибудь желтым чеботом?» [Достоевский, Т. 26: 61].¹⁷

В качестве аналога подобной инструментализации гоголевской повести уже в советскую эпоху, в период гражданской войны, можно назвать помещённую в еженедельнике «Вестник театра» (театральном органе А.В. Луначарского), среди сообщений о польских помещиках (панах), что «протянули руки к земле смоленских, витебских и других крестьян...», статью Н. Львова «Инсценировка “Тараса Бульбы”». В статье объяснялось, почему гоголевская повесть гораздо лучше поспекает за требованиями жизни, нежели новая драматургия.¹⁸

В завершении этой темы не могу не упомянуть о том, какой неожиданный поворот, возможно, наиболее парадоксальный, дал ей в «Мастерстве Гоголя» Андрей Белый, увидевший в предсмертной речи Тараса Бульбы такое же виртуальное предательство в отношении Украины, какое Андрий совершил, перейдя на сторону поляков: «Тарас пошел против родины, когда из огня он

¹⁷ Ср. отзыв о «Тарасе Бульбе» Л.Н. Толстого: «Всех учат тому, что Гоголь был велик, когда он писал свои повести, как “Тарас Бульба”, в которой восхваляются военные подвиги – убийство».

¹⁸ См. об этом: [Виноградов, 2009: 543]. О том, как проблема межнациональных (Россия, Украина, Польша) и межконфессиональных отношений аукнулась также и в цензурной истории «Тараса Бульбы», см.: [Виноградов, 2021].

бросил свой новый лозунг: “Подыметесь из русской земли... цари!” (ТБ); согнул бы выно и он перед длиннородым боярином-«москалем», как Андрей склонил голову перед ляхами, – доживи до времени Хмельницкого он» [*Бельй*, 1934: 54].

Возвращаясь к тому, с чего начиналась эта статья, позволю себе ещё раз подчеркнуть: и польский вопрос, и отношения малороссийского казачества с Россией, и тема народа, «низшего в делании добродетели», как и тема обернувшейся предательством страсти, – все эти темы и даже проблемы, так ярко определившие герменевтическую историю «Тараса Бульбы», стали предметом размышления лишь гораздо позднее, словно не затронув гоголевских первых критиков и его современников. Но и последующие оценки, вне знания и понимания которых наше сегодняшнее видение гоголевской повести просто невозможно, во многом зависели от того, в какой редакции эта повесть была прочитана. На протяжении XIX века возможность выбора редакции была, скорее всего, велика, хотя судя по всему, превалировала первая, которую в Украине (и не только) назовут сепаратистской. С конца 1880-х гг., с появлением издания Тихонравова, приоритет отдавался второй редакции.

Не это ли «двойное укоренение «Тараса Бульбы» в разных смысловых и исторических полях стало одной из причин тех противоречий, несведения концов с концами, которыми изобилует её герменевтика: вычитывания в повести полонофобии – и одновременно видения в ней следа пережитого Гоголем в Риме католического искусства; суждений о неортодоксальности гоголевского христианства, каким оно изображено в «Тарасе Бульбе» (Достоевский), и всё более доминирующей в современной критике тенденции усматривать в ней особый религиозный урок и смысл одновременно литургический и патриотический.

А в остатке остаётся сказанное Гоголем 22 марта 1835 г. – в день, когда он послал только что вышедшую книгу «Миргород» М.А. Максимовичу: «Посылаю тебе Миргород. Авось либо он тебе придется по душе. По крайней мере, я бы желал, чтобы он прогнал хандрическое твое расположение духа, которое, сколько я замечаю, иногда овладевает тобою и в Киеве. Ей Богу, мы все страшно отделились от наших первоначальных элементов. Мы никак не привыкнем (особенно ты) глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел козак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака? Послушай, брат: у нас на душе столько грустного и заунывного, что если позволять всему этому выходить в наружу, то это чорт знает что такое будет. Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее должна быть новая веселость».

И все же, в заключение, заметим: тот смысл, который автор вкладывает в своё произведение – а если оно имеет разные редакции, то и в разные редакции своего произведения – никогда не бывает равным тому, что прочитывают в нём позднейшие потомки. Очевидно, что создание художественного текста, даже вне зависимости от сознательной установки его автора, подпитывается контекстом, в котором оно возникает. Но и позднейшие прочтения отражают нередко даже не столько авторский замысел (понятие, более чем уязвимое), сколько

контекст той эпохи, которая это прочтение порождает и его подпитывает¹⁹. А потому и тот обратный перевод, который мы по необходимости должны совершать в отношении художественного текста, неотрывно связан и с, казалось бы, нередко противоречащей ему герменевтикой, составляя единое поле мировой – а в нашем случае – русской культуры и истории.

Литература

А. в. м. л. Мои коммеражы о соч. Н.В. Гоголя «Миргород» // Литературные прибавления к Русскому Инвалиду. 1835. № 33. 24 апреля.

Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки: Собр. ст. и заметок: 1849-1868 гг.: в 3 т. СПб., 1881. Т. 3.

Белинский В. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953-1959.

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 тт. М., 1953-1959.

Белый А. Мастерство Гоголя: Исследование / Предисл. Л. Каменева. М.–Л., 1934.

Библиотека для чтения. 1843. Т. 57. Отд. VI.

Вальбе Б.Е. Наш Гоголь. (К 130-летию со дня рождения) // Известия. (М.). 1939. № 75.

Введенский А.И. Общественное самосознание в русской литературе. СПб., 1900.

Виноградов И.А. Комментарий // Гоголь Н.В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Изд-е подгот. И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Виноградов И.А. Гоголь и цензура = N.V. Gogol and censorship: взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021.

Виноградов И.А. «Тарас Бульба»: история и текстология // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 1.

Воронский А.К. Гоголь / [вступ. ст.: Воропаев В.А.]. М.: Молодая гвардия, 2011.

Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь (Судьбы. Оценки. Воспоминания. XIX-XX вв.) / Предисл., сост. Л. Аллена. СПб., 1994.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1952.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003 –.

Гоголь Н.В. Полное собрания сочинений и писем Гоголя: в 23 т. М.: Наука, 2001.

Горнфельд А. Гоголь, Николай Васильевич // Еврейская Энциклопедия. СПб. 1910, Т. 6.

¹⁹ Один из ярчайших тому примеров – двухтомное издание комментария, учитывающего герменевтическую ситуацию драмы Эсхила «Агамемнон» [см.: *Bollack J., Judet de la Combe P.*, 1981].

Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.–Л., 1959.

Дмитриева Е.Е. Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. № 3.

Дмитриева Е.Е. Религия от искусства, или Вопрос о конфессиях в художественном мире Гоголя // Седьмые гоголевские чтения. Н.В. Гоголь и народная культура. М., 2008.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Октябрь. Гл. 3 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., «Наука», 1984.

Дроздов Н.А. Французская «неистовая словесность» в русской рецепции 1830-х годов. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. СПб., 2013.

Есаулов И.А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения: «Миргород» Н.В. Гоголя. М.: РГГУ, 1997.

Жаботинский Вл. Избранное. Иерусалим, 1978.

Звиняцковский В.Я. Дополнительный канон Гоголя: стратегия украинизации // Новое литературное обозрение. 2010. № 104.

Зеньковский В. Н.В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь (Судьбы. Оценки. Воспоминания. XIX-XX вв.) / Предисл., сост. Л. Аллена. СПб., 1994.

К. Б. Р. Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя. С. П. Б. 1847 // Нижегородские Губернские Ведомости. Редактор П. Мельников. 1847. 14 мая. № 30.

Кочубинский А. Будущим биографам Н.В. Гоголя // Вестник Европы. 1902. Кн. 2.

Кулиш П.А. Об отношении малороссийской словесности к общерусской. Эпilog к «Черной раде» // Черная рада. Хроника 1663 года. М., 1857.

Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1.

Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1952.

Манн Ю.В. Гоголь. Книга первая. Начало. 1809-1835. М., 2012.

Милюков А. Очерк истории русской поэзии. СПб., 1847.

Михайлов А.В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000.

Московский наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. Отд. V.

Мочульский К.В. Духовный путь Гоголя // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; Примеч. К.А. Александровой. М.: Изд-во «Республика», 1995.

Овсянко-Куликовский Д.Н. Гоголь в его произведениях. К 100-летию рождения великого писателя. 1809-1909. М., 1909.

Переверзев В.Ф. Творчество Гоголя. Иваново-Вознесенск, 1928.

Пиксанов Н. О классиках. М., 1933. С. 43, 137.

Письма П.А. Кулиша к М.В. Юзефовичу // Киевская старина. 1899. № 2.

Письмо Грабовского о сочинениях Гоголя // Современник. 1846. Т. 41.

Плетнёв П.А. Сочинения и переписка: В 3 т. СПб., 1885. Т. 1.

Софронова Л.А. «Свой»/«чужой» в ранних повестях Гоголя (москаль, лях, жид) // Н.В. Гоголь и славянские литературы. 2012.

Сочинения Н.В. Гоголя. 10-е изд.: В 7 т. Т. 1–5. М., 1889; Т. 6. М.; СПб., 1896; Т. 7. СПб., 1896.

Хорев В.А. «Тарас Бульба» в Польше // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М.: «Индрик», 2012.

Хорошкевич А.Л. К истории создания повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х гг. и мифа эпохи романтизма о славянском единстве // Н.В. Гоголь и славянские литературы / Отв. редактор Л.Н. Будагова. М.: Издательство «Индрик», 2012.

Чижевский Д.И. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. 1951. № 27. То же: Н.В. Гоголь, материалы и исследования. М., 1995.

Шамбинаго С. Трилогия романтизма. (Н.В. Гоголь). М., 1911.

Bollack J., Judet de la Combe P. L'Agamemnon d'Eschyle. Le texte et ses interpretations. Lille: Presses Universitaires de Lille. 1981 (2 vols.).

Dmitrieva E. Entre Moscou, Paris et Rome: Les salons de la princesse Zinaïda Volkonskaïa // Les Intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française Une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki. Sous la direction d'Alexandre Stroeve. Paris, 2019.

Peace R. The Enigma of Gogol. An examination of the Writings of N.V. Gogol and their Place in the Russian Literary Development. Cambridge, 1981.

Perlina N. Travels in the Land of Cockaigne, the Sluggards' Land and Dikanka: Mythological Roots of Gogol's Carnival Poetics // The Supernatural in Slavic and Baltic Literature: Essays in Honour of Victor Terras. Slavica Publishes. Columbus, 1988.

Часть 2
НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ОБЩЕГО СОБРАНИЯ ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
«ТРЕХСОТЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ НАУКИ»
(11 декабря 2023 г.)

Столетний юбилей Академии наук в 1826 г.

Е.Ю. Басаргина

Аннотация. Празднование юбилеев Академии наук является стойкой корпоративной традицией, а в XX столетии они даже стали всенародными торжествами. Юбилеи – это повод осмыслить пройденный путь, возможность апеллировать к государственной власти ради повышения авторитета своей корпорации и консолидации всего научного сообщества. Состоявшееся в начале царствования Николая I празднование столетнего юбилея Императорской Академии наук стало важной вехой в истории Академии наук и открыло новую эпоху в её развитии. Президент С.С. Уваров умело распорядился выпавшей ему возможностью обратиться к императору как покровителю науки и представил Академию наук во всём её блеске. Кульминацией праздничных мероприятий стало подношение членам императорской фамилии памятной медали, изготовленной медальером Ф.П. Толстым. Академик Ф.Б. Грефе написал на древнегреческом языке большую поэму, посвящённую столетию Академии наук. Юбилей имел значение своего рода рекламной акции и послужил активной пропаганде работ Академии наук и повышению интереса образованного общества к её деятельности.

Ключевые слова: история науки, Академия наук, юбилеи, коммеморация, юбилейная медаль, юбилейная поэма, вклад учёных, наука и общество.

С давних пор даты академических юбилеев имели политический и идеологический подтекст. Свой первый 50-летний юбилей Академия наук отметила 29 декабря 1776 г. Первоначально торжественное заседание было назначено на 1 августа 1776 г., так как считалось, что именно в этот день императрица Екатерина I почтила Академию своим присутствием [Протоколы заседаний Конференции..., 1900. Т. 3: 186]. Однако это было ошибкой: Екатерина I ни разу не была в Академии, академики были ей представлены в первый раз 15 августа 1725 г.

В 1776 г. императрица Екатерина II назначила собрание на 29 декабря и намеревалась присутствовать на заседании, от чего, однако, её удержала не-

благоприятная погода. Но с тех пор день 29 декабря стал традиционным днём годового собрания Академии, и высшее научное учреждение страны накрепко связало воедино свою историю с институтом монархии в России.

В этот день Академия отметила свой 100-летний юбилей, совпавший с началом царствования Николая I. Под гром пушек на Сенатской площади Россия вступила в новую историческую эпоху. Царский манифест 13 июля 1826 г. приписывал мятежный дух «не просвещению, но праздности ума», «пагубной роскоши полупознаний» [Полное собрание законов... Собр. 2-е. 1830. Т. 1. № 465]. А для того, чтобы вырастить образованную и лояльную к правительству элиту, следовало реформировать всю систему просвещения.

Важная роль в новой парадигме отводилась Академии наук, являвшейся по Регламенту, утверждённому 25 июля 1803 г. императором Александром I, «первым научным обществом империи». Академия была призвана «расширять пределы знаний человеческих, усовершенствовать науки, обогащать их новыми открытиями, распространять просвещение, направлять, колико возможно, познания ко благу общему, приспособляя к практическому употреблению теории и полезные следствия опытов и наблюдений» [Регламент Императорской Академии наук 1803 г., 2009, § 1: 81]. Помимо учёных обязанностей, общих для всех академий, Академия наук должна была выполнять ещё и практические: «обращать труды свои на благо России, распространяя познания естественных произведений империи, изыскивая средства к умножению таких, кои составляют предмет народной промышленности и торговли, к усовершенствованию фабрик, мануфактур, ремесел и художеств – сих источников богатств и силы государства» [Регламент Императорской Академии наук 1803 г., 2009, § 2: 81].

Академия наук вошла в состав Министерства народного просвещения с функциями одного из его департаментов. Ей предписывалось «входить во все, касающее до просвещения» и поддерживать тесные связи с университетами России [Регламент Императорской Академии наук 1803 г., 2009, § 8: 83].

Академия наук именовалась Императорской и находилась под покровительством императорского дома. Ещё в петровском «Проекте» говорилось, что Академия состоит «под ведением императора, яко протектора своего», но тогда подведомственность Академии наук лично главе государства означала её независимость от любого ведомства и от церкви [Проект положения об учреждении Академии наук и художеств 1724 г., 2009: 55]. С подчинением Министерству народного просвещения Академия наук была лишена этой важной привилегии. Отныне президент утратил право личного обращения к императору, доклады обо всех важнейших академических делах он представлял императору через министра народного просвещения. Однако император лично назначал её президента из лиц первых четырёх классов, что служило ограничением полномочий министра народного просвещения по отношению к Академии наук [Регламент Императорской Академии наук 1803 г., 2009, § 26: 87].

Президентом Академии наук с 1818 г. был Сергей Семенович Уваров (1786-1855). Крестник Екатерины II, С.С. Уваров принадлежал к той породе просве-

ценных чиновников, которые широко понимали свои задачи и готовы были их решать [Whittaker, 1984; Вумтекер, 1999; Шевченко, 2005; 2018 а; 2018 б; Басаргина, 2018: 332-357]. Смолоду его тянуло к людям культуры, и он умел находить общий язык с представителями противоположных направлений: входил в кружок А.Н. Оленина, литературное общество «Арзамас», не был чужд «Беседе любителей русского слова». Широкая эрудиция, незаурядные научные результаты и литературный дар снискали ему известность и уважение учёной Европы [Ouvvaroff, 1810; 1843; Uvarow, 1817; Уваров, 1813; 2010]. В 1811 г. он был избран почётным членом Академии наук.

В молодом возрасте С.С. Уваров связал свою жизнь с Министерством народного просвещения, заняв в конце декабря 1810 г., в возрасте 24 лет, ответственную должность попечителя С.-Петербургского учебного округа. Он был усердным поклонником университетского образования, которого сам не получил, и возглавил столичный учебный округ с намерением непременно открыть здесь университет. В начале 1819 г. он осуществил своё заветное желание — создал в Петербурге университет, который достоин того, чтобы носить его имя. Но в последние годы царствования Александра I С.С. Уваров попал в опалу, не смог отстоять Петербургский университет от нападков мракобесов и в 1821 г. вышел в отставку с должности попечителя. Некоторое время он подвизался в Министерстве финансов, используя своё новое служебное положение во благо Академии наук, с которой был связан в течение 37 лет, несмотря на все зигзаги своей карьеры. В начале царствования Николая I С.С. Уваров получил шанс вернуться в большую политику и не преминул им воспользоваться. В мае 1826 г. он поехал в Москву на коронацию нового императора и вспомнил об академическом юбилее.

С.С. Уварову предстояло назначить день торжественного собрания, и он остановился на дате публичного собрания в честь полувекового академического юбилея — 29 декабря, назначенной Екатериной II. Для Уварова было важно, что на том торжестве присутствовали родители Николая I — вел. кн. Павел Петрович и Мария Федоровна, ещё здравствовавшая в 1826 г.

С.С. Уваров старался изо всех сил представить вверенную его заботам Академию наук в лучшем виде и полагался на помощь своих подчинённых. Академию наук составляли действительные члены Академии наук (ординарные академики, экстраординарные академики и адъюнкты), которые состояли на государственной службе и получали жалованье, и не получающие денежного вознаграждения почётные члены и члены-корреспонденты. По Регламенту количество академиков составляло 18 человек, число адъюнктов доходило до 20; дополнительно вводилось звание экстраординарного академика как переходная степень от адъюнкта к ординарному академику.

В конце 1826 г. число ординарных академиков составляло 18 человек. Это математики П.Н. Фус (с 1825 г. он был ещё и конференц-секретарём) и Э.Д. Коллинс, астроном В.К. Вишневский, физики В.В. Петров и Г.Ф. Паррот, химики А.И. Шерер и Я.Д. Захаров, анатом П.А. Загорский, натуралисты Г.И. Лангсдорф и Н.Я. Озерецковский, зоолог Х.И. Пандер, ботаник К.А. Три-

ниус, экономисты А.К. Шторх и К.Ф. Герман, антиковеды Е.Е. Кёлер, Х.Ф. Грефе, историк Ф.И. Круг, востоковед Х.Д. Френ. Адъюнктов в составе Академии наук в то время не было, единственный экстраординарный академик – астроном П.В. Тарханов [Басаргина, 2021: 332-357].

Подготовка к юбилею началась с создания временного комитета в составе академиков В.К. Вишневского, К.А. Триниуса, Э.Д. Коллинса, П.Н. Фуса и Х.Ф. Грефе; для помощи в решении хозяйственных и финансовых вопросов был назначен советник Комитета правления А. Бекман [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 60 об., 66-66 об.]. На комитет возлагалась подготовка юбилейных мероприятий и наблюдение за ходом восстановительных работ академических зданий, а также приведение в порядок Книжной лавки, где хранились все академические издания с момента её основания. Благодаря произведённой инвентаризации издания были разобраны и упорядочены, и Уваров смог наладить регулярный книгообмен с научными учреждениями в России и Европе и предоставлять иностранным учёным интересующие их академические публикации. Целью книготорговли президент объявил «всевозможное распространение творений академических, и что за выручкою материальной стоимости оных, всякому дальнейшему барышу должно предпочитать всемерное усиление продажи» [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 312. Л. 5 об.].

Спешно приводилось в порядок главное здание Академии наук. Построенное ещё в 1780-е гг. по проекту Дж. Кваренги, оно стояло без внутренней отделки и было необитаемо. Помещение для большого конференц-зала не имело пола, хотя «главное неудобство и опасность залы происходит от потолка, с которого щекатурка с давнего времени обваливается» [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1825). Д. 51а. Л. 2об.]. К юбилею успели поменять крышу, покрасить фасад и отремонтировать парадное крыльцо с набережной Невы, правда, вместо чугунной балюстрады установили деревянные перила, на случай непогоды приготовили полотняный тент, чтобы натянуть его над крыльцом. Конференц-зал, предназначенный для юбилейного заседания, был капитально отремонтирован и со вкусом декорирован. В нём были укреплены перекрытия, отремонтирован потолок и настлан пол; стены отделаны искусственным мрамором, был расписан плафон. Под потолком проходил фриз работы скульптора Ф.-К. Гофферта с изображением выдающихся событий царствования Екатерины II; важным элементом убранства стали десюдепорты с орлами. Под креслами членов императорской фамилии положили ковры красного сукна.

К торжественному дню была изготовлена памятная медаль [Басаргина, Кирикова, 2018: 1244-1253]. Выбор символов и аллегорий, как и составление легенд, воплощавших идею, происходили в тесном сотрудничестве учёных и художника. Ответственный заказ поручили лучшему медальеру Монетного двора гр. Федору Петровичу Толстому (1783-1873), будущему вице-президенту Императорской Академии художеств. Его творчество отличалось органическим сочетанием монументальности, образности и простоты изображения.

Ф.П. Толстой выполнил эскиз медали и представил его на суд академиков. На аверсе был помещён антиквизированный портрет Николая I, повторяющий образ

императора на его коронационной медали, выполненной В.Е. Алексеевым. По кругу шла надпись: «Николай I императ[ор] и самоде[ржец] всерос[сийский], внизу: «юбилей столетия 1826». Для реверса художник предложил несколько вариантов. На одном рисунке художник создал сложную композицию с аллегорическим изображением Академии наук, которую он представил в образе полуобнажённой сидящей женщины. Но этот проект академики восприняли неоднозначно. Пышущая здоровьем, фривольно одетая дама, олицетворявшая Академию, показалась им слишком смелым решением, не соответствующим достоинству старейшего научного учреждения в России. Гораздо более подобающей и уместной, по их мнению, была бы фигура Афины-Паллады. Богиня мудрости и покровительница науки прочно вошла в академическую символику с того времени, когда в 1735 г. её изображение было помещено на академической печати.

Толстой выполнил четыре новых рисунка, представив на них Афины анфас и в профиль, в полном одеянии и во всеоружии [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 4. Л. 4-7]. Проект реверса откорректировал академик по греческим и римским древностям Е.Е. Кёлер. Он усадил Афины на трон, вложил ей в руку лавровый венок, которым она осеняла герму с изображениями Петра I и Александра I.

Девизы и надписи решили перевести на латинский язык, общепринятый язык эмблематического искусства. Е.Е. Кёлер предложил легенду для аверса. Вверху: «*Nicolaus I Imperator et Auctocrator omnium Rossorum*» (Николай I император и самодержец Всероссийский); внизу: «*Novi spes et praesidium saeculi*» (надежда и покров нового столетия). Для реверса он предложил такие надписи: по верхнему кругу: «*Conditori et sospitatori*» (Основателю и покровителю), на герме: «*Petro I et Alexandro I*» (Петру I и Александру I), внизу: «*Imperialis Academia scientiarum Petropolitana primis saecularibus sacris die ... MDCCCXXVI*» (Императорская С.-Петербургская Академия наук, при торжестве первого столетия в день ... 1826 г.).

Второй академик по греческой и римской словесности Ф.Б. Грефе предложил для реверса свой вариант надписи. Вверху: «*Divis suis conditoribus et sospitoribus*», на герме: «*a Petro I ad Alexandrum I*», внизу он оставил вариант надписи, предложенный Кёлером. Девиз имел значение: «Августейшим своим основателям и покровителям от Петра I до Александра I Императорская С.-Петербургская Академия наук, при торжестве первого столетия в день... 1826 г.». Не осмеливаясь судить учёный спор двух знатоков, Академия передала решение этого вопроса на усмотрение президента и министра народного просвещения [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 106 об. –107].

Окончательный проект Толстого и два варианта надписей были представлены императору. Он повелел заменить латинскую надпись русской. Кроме того, он вымарал верноподданнические слова о себе: «...надежда и покров нового столетия» [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 320. Л. 3, 6]. Теперь на аверсе медали был изображён Николай I и две надписи. По кругу: «Б[ожьей] М[илостью] НИКОЛАЙ I ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОС[С].». Внизу: «Г. ФЕОДОР ТОЛСТОЙ». На реверсе Афина осеняла лавровым венком герму с изображениями Петра I и Александра I. По верхнему ободку реверса начертано: «ОСНОВА-

ТЕЛЮ И ХРАНИТЕЛЯМ». Девиз был предложен Уваровым и сформулирован им так, чтобы «...не удаляться от предполагаемой латинской надписи». В обресе: «ИМПЕР.С.ПЕТЕР. АКАДЕМИЯ НАУК. ДЕКАБРЯ ХХІХ ДНЯ МDCCCXXVI Г.»; над обрезом у подножия трона: «СОЧ. и РЕЗ. Г. ФЕОД. ТОЛСТОЙ».

Илл. 1. Медаль в память столетнего юбилея Академии наук. 1826 г. Аверс и реверс. СПбФ АРАН. Р. XIII. Оп. 1. Д. 58

С помощью аллегорий медаль указала на давние глубокие связи Академии наук и императорского дома. Она представила учёному миру нового императора Николая I как просвещённого государя и покровителя науки, готового принять под свою опеку высшее научное учреждение страны.

Залогом успеха академического праздника Уваров считал присутствие на торжественном заседании членов императорской фамилии. Для приглашения царской семьи была отряжена специальная депутация. В её состав вошли министр народного просвещения А.С. Шишков, президент Академии наук С.С. Уваров, неперменный секретарь П.Н. Фус и вице-президент, старейший академик А.К. Шторх, некогда обучавший будущего императора политической экономии. В воскресенье 26 декабря 1826 г., после обедни, депутация была представлена императору и во время приёма обратилась к нему с просьбой о дозволении внести в список почётных членов имена наследника престола вел. кн. Александра Николаевича и великих князей Константина Павловича и Михаила Павловича. «Сколь велик был их радостный восторг», когда государь император не только дал на это согласие, но также «изъявил всемилостивейшую волю видеть и себя самого принятым в число почётных членов» [Собрание актов торжественного заседания 29 декабря 1826 года, 1827: 2].

Уваров продумал программу столетнего торжества до мельчайших подробностей и составил порядок церемонии. Подробно был расписан протокол встречи членов императорской семьи: «г. президент вместе с несколькими депутатами от Академии пойдут навстречу высоким гостям, чтобы встретить их точно у подножия лестницы, прежде чем они поднимутся и войдут в зал, где г. министр или г. президент представят им академиков». Лестницу и крыль-

цо устелили зелёным сукном; в конференц-зале, под кресла членов императорской фамилии, как уже говорилось выше, положили ковры красного сукна [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 1. Л. 14-16].

29 декабря 1826 г. Академия наук приветствовала блестящее собрание августейших особ. Своим посещением её удостоили император Николай Павлович, императрицы Александра Фёдоровна и Мария Фёдоровна, восьмилетний наследник вел. кн. Александр Николаевич, вел. кн. Михаил Павлович с супругой Еленой Павловной. Особенно примечательным было присутствие вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, которая за полстолетия пред тем посетила 50-летний юбилей. Таким образом, императрица-мать стала олицетворением живой связи времён и преемственности академических традиций.

На торжественном заседании присутствовали также члены Государственного совета, министры, сенаторы, представители высшего духовенства, дипломатический корпус и другие знатные особы.

Устроители торжества проявили большой политический такт при выборе языка выступлений. Президент С.С. Уваров открыл заседание приветственной речью на русском языке «О развитии науки в академии за время её существования», в которой назвал академию «первым хранилищем отечественного просвещения», призванным «распространять до отдалённых пределов России знания общепользные». Историю академии он представил как часть истории просвещённой монархии со времён Петра Великого до века Александра I. Особо он отметил заслуги русских учёных, прежде всего, М.В. Ломоносова. Исторический обзор успехов академии за первое столетие её деятельности конференц-секретарь, правнук Л. Эйлера П.Н. Фус (1798-1855) прочитал на французском языке, являвшемся в то время международным языком науки. В своей речи он дал оценку влияния Академии наук на успехи наук в Европе и значение для культурного роста России. В конце прозвучала речь старейшего академика А.К. Шторха со словами благодарности правительству [Собрание актов торжественного заседания 29 декабря 1826 года, 1827; Recueil des actes de la séance publique 29 Decembre 1826, 1827].

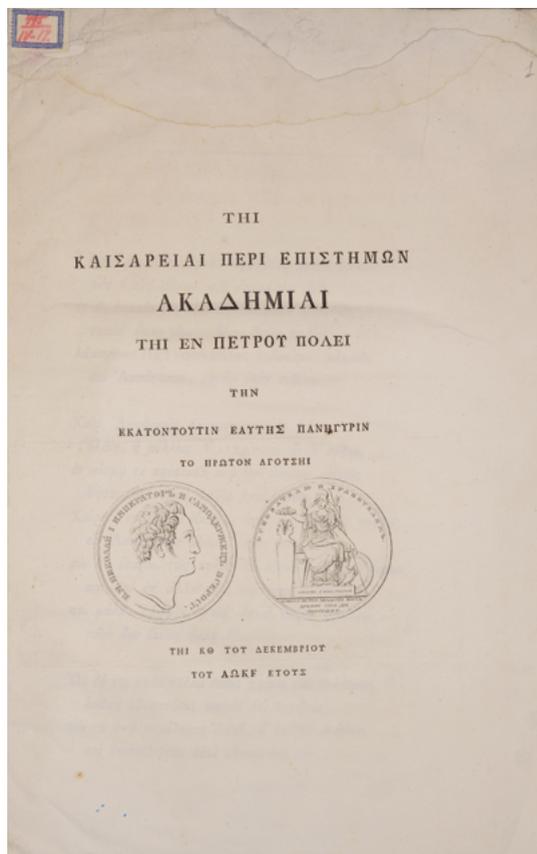
По окончании чтений была представлена программа конкурсных задач и объявлен список вновь избранных почётных членов и членов-корреспондентов, русских и иностранных. Список начинался именами императора и членов царской фамилии. В числе 16 иностранных почётных членов были немецкий поэт и натуралист И.В. Гете, президент Лондонского королевского общества Г. Деви, французский физик и математик С.Д. Пуассон, английский астроном Д.Ф. Гершель, немецкий историк Б.Г. Нибур, английский экономист Т.Р. Мальтус, немецкий антрополог И.Ф. Блуменбах. Большинство русских почётных членов составляли государственные деятели во главе с Николаем I и великими князьями, Д.Н. Блудов и А.Н. Голицын, а учёных представляли два профессора Дерптского университета – В.Я. Струве и И.Ф. Эверс. Почти все избранные отечественные члены-корреспонденты были профессора университетов: Петербургского – математик Д.С. Чижов, химик М.Ф. Соловьёв, экономист К.И. Арсеньев, Казанского – зоолог Э.И. Эйхвальд, физик А.Я. Купфер,

Московского – историки П.М. Строев и М.П. Погодин и др. Выборы одновременно более 50-ти отечественных и иностранных почётных членов и членов-корреспондентов содействовали укреплению авторитета Академии наук в России и способствовали расширению её международных связей. К такому приёму привлечения внимания к Академии наук С.С. Уваров прибегал неоднократно, до и после юбилейных торжеств.

Именитым гостям были вручены юбилейные медали: высочайшим особам поднесли золотые медали, остальным – бронзовые. Августейшим посетителям были представлены плоды напряженной издательской деятельности Академии наук за десять лет. Среди изданий была поэма на греческом языке, сочинённая «для достопамятного дня» (ΤΗΙ ΚΑΙΣΑΡΕΙΑΙ ΠΕΡΙ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ ΑΚΑΔΗΜΙΑΙ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥ ΠΟΛΕΙ ΤΗΝ ΕΚΑΤΟΝΤΟΥΤΙΝ ΕΑΥΤΗΣ ΠΑΝΗΓΥΡΙΝ ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ ΑΓΟΥΣΗ ΚΘ ΤΟΥ ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΥ ΗΙ ΤΟΥ ΑΩΚΣ ΕΤΟΥΣ, [Graefe, 1826]). Поэма была написана элегическим дистихом и сопровождалась авторским переводом с греческого на немецкий язык (Der Kaiserischen Akademie der

Wissenschaften zu St. Petersburg bei ihrer ersten Säkular Feier den XXIX Dezember MDCCCXXVI, [Graefe, 1826; Ермолаева, 2020]).

Автором поэмы был ординарный академик по греческой и римской словесности Федор Богданович Грефе (Христиан Фридрих, Christian Friedrich Graefe, 1780-1851). Учёный был признанным мастером филологической критики и в своих работах учитывал данные сравнительного языкознания. Своей широкой известностью в столичных кругах он был обязан в первую очередь покровительству С.С. Уварова, которого в течение 15 лет наставлял в древнегреческом языке. По словам Уварова, «со специальной эрудицией он соединял утончённость вкуса и проницательность ума – такие качества, при которых совершенно способен был доказать, что эти, так называемые мёртвые языки, на известной высоте понимания их, одушевлены более, чем когда-либо, и что многие из новейших языков пользу-

Илл. 2. Титульный лист поэмы Ф.Б. Грефе «Императорской академии наук в Санкт-Петербурге – на праздник ее первого столетия 29 декабря 1826 г.»

ются против них гораздо меньшим правом называться *живыми*» [Уваров, 1852: 48]. Став президентом, С.С. Уваров позаботился о том, чтобы его учёный друг стал академиком.

Ф.Б. Грефе обладал поэтическим даром и был искусным сочинителем стихов на древнегреческом и латинском языках. К столетнему юбилею Академии наук он написал большую поэму объёмом более 400 стихов. К 300-летию С.-Петербургский филиал Архива РАН подготовил перевод поэмы Ф.Б. Грефе на русский язык. Размером подлинника поэму перевела академический археолог и поэт Нина Владимировна Головачёва.

В прологе Ф.Б. Грефе воспевает Петербург и мощь Невы. С восхищением пишет он об основании Петром I Императорской Академии наук.

“Καὶ θυμῷ γήθησεν ΑΝΑΞ΄ σοφίης δ’ ἄθ’ ἑταῖρος,
καὶ Ἀκαδημείην εἶναι ἔνευσεν ἐμὴν
εἶναι ἔνευσεν ΑΝΑΞ΄ ὃ δ’ ἄρ’ οὐκέτι μέλλε τελέσσειν
αὐτός· ἰὼν δ’ ἔφθη πατρίδ’ ἐπουρανίην.
Δίη δ’ αὐτ’ ΑΛΟΧΩΙ πεφυλαγμένον ἔργον ἐτύχθη,
ἐν βουλήῃ πολέμῳ θ’ ἢ ΠΟΣΙΝ αὖξε μέγαν.
᾿Ως δὴ τοι μεγαθύμῳ ἐμῶν ἰότητι ΑΝΑΚΤΩΝ
ἔστ’ Ἀκαδημείη, τῇ ποτ’ ἔρημον ἔλος.”

“Und es erfreut sich des KAISERS Herz; und dem Wissen gewogen
winkt Er: „Der Wissenschaft werde geweiht ein Verein!“
Allso winket der KAISER. Doch nicht mehr sollt‘ Er es enden
Selber: denn früher noch gieng heim Er ins himmlische Land.
Und es verblieb die Gewähr verspart der Hohen GEMAHLIN,
IHR, die in Schlachten und Rath stützte den Hohen GEMAHL. –
Allso nach unsrer BEHERRSCHER erhabenen Willen erstandest
Akademie, Du hier, wo nur unwirthlicher Sumpf?”

«В радости ЦАРЬ пребывал, мудро решил ОН тогда:
Быть Академии здесь – такова МОЯ ЦАРСКАЯ воля!
Но не случилось ЕМУ это свершить самому.
ЦАРЬ, по воле судеб, слишком рано был взят небесами,
Правда, СУПРУГА ЕГО мужа достойной была:
Храм науки ОНА для России сумела построить.
Так Академия здесь, в бывшем болотном краю
Волей великой ЦАРЕЙ появилась во славу науки».

Следуя традициям панегирической поэзии, Ф.Б. Грефе прославляет членов императорской фамилии, покровительству которых Академия наук была обязана своим благоденствием. Наравне с Петром, Екатериной и Александром поэт возносит похвалы президенту Академии и своему патрону С.С. Уварову,

“καὶ μάλα, Σέργιε, χαῖρ’ ἐπειὴ τοιῶδε προέδρω
τοῖον ἔην ὄντως ἡμᾶρ ὀφειλόμενον”.

“auch Du, *Sergius*, freue Dich hoch: denn solchem Berather
ward solch Jubelfest wahrlich mit Rechte bewahrt”.

«Рад будь, Сергей, и ты – президент Академии славной
В этот торжественный день – ты ведь достоин его».

Ф.Б. Грефе воспевает Академию наук и сокровища академических музеев. Вначале он описывает мемориальные предметы кабинета Петра Великого: восковую персону императора, его личные вещи, трофеи и инструменты.

«Вот, смотрите: САМ ПЁТР, основатель Великий пред нами.
Больше правителей всех мы благодарны ЕМУ.
Воск материей был для создания ЦАРСКОЙ фигуры.
Мудрый ПРАВИТЕЛЬ и сам должен быть в жизни как воск
Для воспитания сердец у людей, ЕГО воле подвластных,
Будучи разумом САМ закалённым подобно скале».

Ф.Б. Грефе описывает палеонтологическую коллекцию и мамонта – украшение Зоологического музея. Сенсационную находку целого трупа шерстистого мамонта сделал адъютант М.И. Адамс и в 1806 г. доставил его с берегов р. Лены на берега Невы. Одними из первых эту диковинку осмотрели Александр I и его супруга Елизавета Алексеевна.

«Тайны будто раскрыв, свои недра Земля показала
И, первобытности сын, – мамонт свой облик явил.
Мощные бивни его и размеры слона-исполина
Прочно в основу легли многих преданий о нём.
Ты на гиганта взгляни: это – чудо животного мира,
Дальний потомок его, слон – будто бы карлик пред ним».

Поэт восхищается сокровищами Египетского музея, открытие которого в 1825 г. вызвало большой интерес в просвещённом петербургском обществе. Египетские древности были приобретены у Франсуа де Кастильоне и прибыли в Петербург из Александрии: здесь были мумии в саркофагах, фигурки ушебти, амулеты, папирусы и т. д.

«Как изумилась Нева, мёртвых увидев корабль.
Он от Нила пришёл. Мертвецов к нам привёз из Аида,
Чтобы чужой им судья тайны узнать их сумел.
Нам не ясно пока, чем прославились все эти люди.

Труд непростой предстоит, чтобы их мудрость постичь,
Часть ответов дадут письма на папирусных свитках:
Их иероглифы, ведь, сведений ценных полны.
Есть свидетель ещё – статуэтки на теле усопших:
Мёртвых судили они: как была прожита жизнь?
Мы же стремимся теперь прочить все священные свитки,
Чтобы культуру постичь канувшей в Лету страны».

Далее Ф.Б. Грефе перечисляет ценные экспонаты вверенного его заботам Минцкабинета и обращает внимание на «новое поступление» – медаль, посвящённую 100-летию Академии наук.

«Пред портретом лежит золотая медаль-посвященье,
От Академии знак тем, кто её опекал.
ПЁТР основал этот храм, АЛЕКСАНДР продолжал ЕГО дело.
Первый в начале стоял славного века его,
Ну, а второй завершил вековую историю храма.
И Академия, вот, третьего просит ЦАРЯ:
Будь, ГОСУДАРЬ, для неё покровителем в новом столетье!
И наших предков дары волей СВОЕЙ преумножь».

Юбилей 1826 г. послужил пропаганде работ Академии наук и повышению интереса образованного общества к её делам, а для самого С.С. Уварова стал поворотным моментом в карьере. Он обратил на себя внимание императора и вскоре занял должность министра народного просвещения.

Юбилей послужил толчком к реформе Академии наук и увеличению её бюджетных средств. Академические учёные подготовили новый штат и дополнительные пункты к Регламенту 1803 г. В мае 1827 г. Николай I поддержал оба проекта и распорядился внести их в Комитет министров [РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 307. Л. 30]. С.С. Уваров поспешил оповестить научное сообщество о том, что Академии наук предоставлены средства «присоединять к себе мужей, отличившихся на поприще наук и призывать таковых из дальних стран» [Recueil des Actes de la Séance Publique 29 Decembre 1827: 4]. Хотя война России с Турцией отдала реальный отпуск сумм (новый штат был утверждён только 30 января 1830 г.), одного «слова императорского» оказалось достаточно для того, чтобы привлечь в академию крупные научные силы.

В 1828-1829 гг. были избраны 10 действительных членов: три академика и семь адъюнктов. В академию поступили ординарными академиками зоолог Карл Бэр, минералог Адольф Купфер и химик-технолог Иосиф Гамель. Адъюнктами были избраны физик Генрих Ленц, химик Герман Гесс, ботаник Карл Мертенс, востоковед Якоб Шмидт, специалист по финно-угорским и кавказским языкам Иоганн-Андреас Шёгрэн и математики русского происхождения В.Я. Буняковский и М.В. Остроградский. В последующие годы в академию вступили зоолог Ф.Ф. Брандт и астроном В.Я. Струве. Эти учёные превратили

Академию наук в крупный научный центр и подняли её до уровня ведущих академий мира [Басаргина, 2018: 340-346; 2021: 24-69].

Впоследствии празднование юбилеев Академии наук стало стойкой корпоративной традицией. 29 декабря 1876 г. Академия наук справила своё 150-летие. Присутствовавший на торжественном заседании император Александр II обратился к академикам с приветственными словами: «Я благодарю Бога, что Он сподобил меня быть сегодня вместе с вами. 50 лет тому назад в этот день я был также здесь, в Академии, вместе с моею Бабушкой; но тогда я был в таком же возрасте, как этот молодой человек» (при этом Государь выдвинул вперёд своего Внука и потрепал его по щеке). Итак, желая вам ещё раз всего лучшего, я желал бы вместе с тем, чтобы и ему Господь Бог позволил, когда вы будете праздновать ваш 200-летний юбилей, находиться здесь вместе с вами, как я теперь» [Грот, 1911: 267]. Но связь времён и преемственность академических традиций прервались. Император Николай II не дожил до следующего юбилея.

В советское время очередной юбилей Академии наук праздновался 5-14 сентября 1925 г. Отмечалось 200-летие существования Академии наук: начала её деятельности и торжественного открытия в конце 1725 г. В тот памятный год в Петербург начали съезжаться учёные, приглашённые Петром и его помощниками; осенью начались первые заседания академического собрания, или Конференции. 20 ноября 1725 г. последовал указ Екатерины I об учреждении Академии наук и о назначении оной президентом лейб-медика Блюментроста [Полное собрание законов... Собр. 1-е. 1830. Т. 7. № 4807]. 27 декабря состоялось первое публичное заседание Академии наук.

200-летний юбилей был задуман как всенародное торжество и как крупный международный форум. Правительство, начинавшее преодолевать международную изоляцию, решило использовать науку в международной политике. Гражданам СССР юбилей продемонстрировал «единение науки и труда», а международному сообществу представил советское государство как центр современной науки. Накануне помпезного празднования юбилея был изменён статус Академии. 27 июля 1925 г. Российская академия наук была переименована в АН СССР и признана высшим всесоюзным учёным учреждением, состоящим при Совете народных комиссаров СССР [Собрание законов и распоряжений ... 1925. Отд. 1. № 48. Ст. 351: 712; Документы по истории Академии наук СССР. 1917-1925 гг., 1986: 323].

Позже полувековая периодичность была нарушена: в 1945 г. к окончанию Великой Отечественной войны были приурочены торжества в ознаменование 220-летия существования Академии наук СССР: юбилейная сессия состоялась 15 июня – 3 июля. По словам президента Академии наук В.Л. Комарова, «в дни величайшей исторической победы народ и правительство сделали юбилей Академии всенародным и общегосударственным праздником, окружили науку и учёных беспримерным почётом и заботой. Это стало общим признанием исключительного значения науки в современной жизни» [Юбилейная сессия Академии наук СССР, 1945: 56]. Участники торжества присутствовали на параде Победы.

7-10 октября 1975 г. как «большой смотр достижений» советской науки было отмечено 250-летие Академии наук СССР, которая превратилась в «подлинный штаб советской науки, ее ведущую силу» [Смотр достижений советской науки, 1975: 3; 250 лет Академии наук СССР – праздник советской науки, 1975: 4].

2-4 июня 1999 г. праздновали 275-летие Российской академии наук. В дни торжеств вышел Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, гласивший: «Учитывая выдающуюся роль отечественной науки в развитии государства и общества, следуя историческим традициям и в ознаменование 275-летия со дня основания в России Академии наук, постановляю: Установить День российской науки и отмечать его 8 февраля» [Указ Президента Российской Федерации от 7 июня 1999 г. № 717].

Дата праздника имеет символическое значение. 28 января / 8 февраля 1724 г. – день, когда из Сената был объявлен именной указ Петра Великого об учреждении Академии и о назначении ей содержания. Указ гласил: «Его императорское Величество указал учинить Академию...» [Указы ... императора Петра Великого, 1739. Ч. 4: 28; Полное собрание законов... 1830. Т. 7. № 4443].

8 февраля 2024 г. Российская академия наук отметила своё 300-летие, воздав должное основателю Академии наук Петру Великому, которому принадлежала мысль о высшем научном учреждении в России.

Литература

РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 307. По представлению президента Академии наук об исходатайствовании преобразования штата Академии, об утверждении штата и дополнительных пунктов Регламента. 1826-1830 гг.

РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 312. По представлению временного комитета, учрежденного президентом Академии наук, с представлением на утверждение сметы переделкам, назначенным президентом. 1826 г.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. *Protocoles de l'an 1826.*

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 1. Дело об отделке и украшении большого зала Конференции, предназначенного для проведения празднования столетия Академии наук. 1825-1826 гг.

СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2а. Д. 4. Рисунки золотой юбилейной медали к столетию Академии наук, исполненные графом Ф.П. Толстым и представленные 13 сентября 1826 г. на рассмотрение Конференции АН. 1826 г.

СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1825). Д. 51а. О перестройке и прочих приуготовлениях большого конференц-зала по случаю столетнего юбилея Академии и об учреждении для порядков временного комитета. 1825 г.

250 лет Академии наук СССР – праздник советской науки // Вестник Академии наук СССР. М., 1975. № 12. С. 3-67.

Басаргина Е.Ю. Академия наук в составе Министерства народного просвещения: баланс интересов (XIX – начало XX в.) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории. СПб., 2018. Кн. I. С. 305-463. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 9).

Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук в контексте государственной политики в области просвещения в первой половине XIX в. // Императорская Академия наук на пути обновления в 1801-1855 гг. исторические очерки / ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. СПб., 2021. С. 24-69. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 12).

Басаргина Е.Ю. Новая кадровая политика // Императорская Академия наук на пути обновления в 1801-1855 гг. исторические очерки / ред. и сост. Е.Ю. Басаргина. СПб., 2021. С. 70-149. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 12).

Басаргина Е.Ю., Кирикова О.А. Медаль в память столетнего юбилея Императорской академии наук // Вестник архивиста. М., 2018. № 4. С. 1244-1253.

Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999.

Грот Я.К. Из записок академика Я.К. Грота. Празднование полуторауголового юбилея Имп. Акад. наук в 1876 г. // Русский архив. М., 1911. Кн. 2. Вып. 6. С. 261-273.

Документы по истории Академии наук СССР. 1917-1925 гг. / сост. В.А. Тряскина. Л., 1986.

Ермолаева Е.Л. Петербургская мифология на древнегреческом в поэме Ф.Б. Грефе к 100-летию юбилею Императорской Академии наук (1826) // *Philologia Classica*. Petropoli, 2020. Vol. 15. Fasc. 2. 371-393

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 7. СПб., 1830. № 4443. С. 220-224 (28 января 1724 г. Именной, объявленный из Сената. Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Арнсбурга. С приложением проекта об учреждении Академии); № 4807. С. 553-554 (4 декабря 1725 г. Именной, данный Сенату. О заведении Академии наук и о назначении президентом оной лейб-медика Блюментроста).

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 1. СПб., 1830. № 465. С. 772-774 (13 июля 1826 г. Манифест «О совершении приговора над государственными преступниками»).

Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. // Уставы Российской академии наук. 1724-2009. М., 2009. С. 47-56.

Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. 3: 1771-1785. СПб., 1900.

Регламент Императорской Академии наук, 1803 г. // Уставы Российской академии наук. 1724-2009. М., 2009. С. 80-112.

Смотр достижений советской науки // Вестник Академии наук СССР. М., 1975. № 9. С. 3-35.

Собрание актов торжественного заседания Императорской Санктпетербургской Академии наук, бывшего по случаю празднования столетия её существования 29 декабря 1826 года. СПб., 1827.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР / Управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и Совета труда и обороны. Отдел 1. М., 1925. № 48. Ст. 351.

Уваров С.С. Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре // Чтения в беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чт. 13. С. 57-66.

Уваров С.С. Воспоминание об академике Фр. Грефе. Письмо президента Императорской Академии наук (Читано в заседании 6 февраля 1852 г.) // Учёные записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделению. СПб., 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 48 (С. 46-50)

Уваров С.С. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент.: В.С. Парсамов, С.В. Удалов; авт. пер. В.С. Парсамов. М., 2010.

Указ Президента Российской Федерации от 7 июня 1999 г. № 717 «Об установлении Дня российской науки». <http://kremlin.ru/acts/bank/13955> Дата обращения: 10.03.2024.

Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великаго самодержца всероссийскаго, состоявшаися с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число, 1725 году: напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской. – СПб., 1739. Ч. 4: Указы 1724 и за январь 1725 г.

Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров // Против течения. Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2005. С. 344-411.

Шевченко М.М. С.С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. М., 2018 а. № 1. С. 27-50.

Шевченко М.М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму: Альманах. М., 2018 б. № 1. С. 267-334.

Юбилейная сессия Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. М., 1945. № 7-8. С. 35-139.

Graefe Ch. F. Der Kaiserischen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg bei ihrer ersten Säkulär Feier den XXIX Dezember MDCCCXXVI. [SPb., 1826].

Graefe Ch. F. ΤΗ ΚΑΙΣΑΡΕΙΑΙ ΠΕΡΙ ΕΠΙΣΤΗΜΩΝ ΑΚΑΔΗΜΙΑΙ ΕΝ ΠΕΤΡΟΥ ΠΟΛΕΙ ΤΗΝ ΕΚΑΤΟΝΤΟΥΤΙΝ ΕΑΥΤΗΣ ΠΑΝΗΓΥΡΙΝ ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ ΑΓΟΥΣΗ ΚΘ ΤΟΥ ΔΕΚΕΜΒΡΙΟΥ ΗΙ ΤΟΥ ΑΩΚΣ ΕΤΟΥΣ. [SPb., 1826].

Ouvaroff S. Projet d'une Académie Asiatique. St. Petersburg, 1810.

Ouvaroff S. Études de philologie et de critique. St. Petersburg, 1843.

Recueil des Actes de la Séance Publique de l'Académie Imperiale des Sciences de St.Petersbourg tenue le 29 Decembre 1826. St. Petersburg, 1827.

Recueil des Actes de la Séance Publique de l'Académie Imperiale des Sciences de St.Petersbourg tenue le 29 Decembre 1827. St. Petersburg, 1828.

Uwarow S. Nonnos von Panopolis, der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Poesie. St. Petersburg, 1817.

Whittaker C.H. The origins of modern Russian education: an intellectual biography of count Sergei Uvarov, 1786-1855. De Kalb, 1984.

300 лет служения человечеству. Открытия Российской академии наук, изменившие мир

Р.А. Фандо

Аннотация. К 300-летию юбилею Российской академии наук силами сотрудников ИИЕТ РАН был разработан интернет-портал, на котором представлена информация о важнейших научных открытиях российских учёных, которые привели к прорывам в формировании и развитии фундаментальных представлений об устройстве мира, а также об изобретениях, изменивших жизнь человечества. Таким образом, была начата работа по представлению в онлайн-пространстве объективной, основанной на результатах исторических исследований информации о достижениях российских учёных в области гуманитарных и естественных наук. Эта информация даёт возможность оценить вклад Академии наук в развитие научного знания и технологий в общемировом масштабе. Проект имеет далеко идущие перспективы, так, запланировано дальнейшее пополнение контента интернет-портала с привлечением академических институтов, научных центров и ведущих вузов страны.

Ключевые слова: Российская академия наук, история науки, фундаментальные открытия, биографии учёных, интернет-портал, продвижение и популяризация научных знаний.

По истории создания и деятельности Академии наук написаны фундаментальные труды [История Академии наук СССР, 1958 (Т.1), 1964 (Т. 2); Князев, 1957; Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс Академии наук..., 2016; Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веков..., 2008; Соболев, 2012; Соболев, 1999; Летопись Российской Академии наук, 2000-2007], и до сих пор продолжают исследования в данном направлении [Смагина, 2021; Соболев, 2023; Архив истории науки и техники, 2023; Феклова, 2023]. В основном они касаются истории учреждений и жизни отдельных выдающихся учёных. В тени остаётся история идей, история выдающихся открытий и изобретений. Именно ради этого нового знания и создавалась Российская академия наук. Напомню, что в 1 параграфе Проекта положения об учреждении Академии наук было записано: «Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (изобретения) оные совершить и умножить тщатся» [Уставы Российской академии наук, 2009: 47].

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН) на протяжении более 90 лет (создан в 1932 г.) занимается изучением фундаментальных открытий мировой науки и техники. В Институте работают учёные различных научных специальностей: биологи, химики, географы, геологи,

техники, физики, математики. На базе института действует 5 диссертационных советов по 6 научным дисциплинам, некоторые советы – по биологическим, физико-математическим, геолого-минералогическим наукам, являются единственными советами в России по данным научным специальностям.

Естественно, что кроме проведения фундаментальных исследований институт занимается распространением научных знаний, в том числе их популяризацией. Данная деятельность является важной, в какой-то степени, государственной задачей, которая была поставлена ещё при учреждении Академии наук. В приведённом ранее Проекте положения об учреждении Академии наук и художеств указывалось, что Академия учреждается не только для развития наук, но и для их распространения в народе [Уставы Российской академии наук, 2009].

К сожалению, к научным и научно-популярным трудам, посвящённым истории Академии наук, сегодня, как правило, обращаются только профессиональные учёные или специалисты-историки. Для широкой публики основным источником информации сегодня является Интернет. В связи с этим особо важным нам показалось создание именно интернет-сайта, посвящённого истории Академии.

Коллективом ИИЕТ РАН было принято решение внести свой вклад в изучение и популяризацию истории Академии наук не только традиционным образом, то есть, проведя научные конференции, опубликовав научные труды по данной теме. Институт подготовил заявку на конкурс научно-просветительских проектов фонда «История Отечества» на создание интернет-портала «300 лет служения человечеству». Наш проект получил поддержку, и на протяжении нескольких последующих месяцев велась работа по его разработке и наполнению.

В рамках проекта был создан сайт, на котором в научно-популярной форме была представлена информация о важнейших научных открытиях, сделанных учёными Российской академии наук/Академии наук СССР и приведших к прорывам в развитии фундаментальных представлений об устройстве мира. Для создания такого портала сначала необходимо было провести специальное историческое исследование, определить круг важнейших открытий и изобретений российских учёных за 300 лет работы Российской академии наук, написать посвящённые им научно-популярные очерки. Очевидно, что российскими учёными за 300 лет работы Академии наук было сделано немало, в связи с чем необходимо было максимально объективно оценить значение конкретного открытия в контексте развития отдельных отраслей знаний и науки в целом. Написать историю каждого из «великих открытий» – масштабная задача, которая не могла быть решена в течение короткого периода времени. На первом этапе было решено подготовить и разместить на интернет-портале 50 научно-популярных статей по теме проекта. Необходимо было также в архивах и библиотеках подобрать иллюстративные материалы. Созданный портал, согласно нашей задумке, должен был иметь возможность дальнейшего пополнения и развития.

Работа над проектом велась в очень сжатые сроки: с 15 марта по 1 ноября 2023 г. В написании научно-популярных статей приняли участие более 30 авторов, главным образом, научные сотрудники ИИЕТ РАН. Авторы постарались в

максимально простой, доступной форме объяснить, в чём заключалась суть тех или иных открытий. К реализации проекта был привлечён Архив Российской академии наук. Его сотрудники подобрали и оцифровали для нас хранящиеся в фондах архива портреты выдающихся учёных – авторов крупнейших научных открытий и изобретений. Выполнение технической части работы по разработке и наполнению сайта взял на себя Российский технологический университет. Раньше этот вуз назывался Московским институтом радиотехники, электроники и автоматики, сейчас это один из крупнейших учебных и научных центров России в сфере информационных технологий. Финансовую и информационную поддержку нам оказал фонд «История Отечества».

25 октября 2023 г. был запущен созданный общими усилиями интернет-портал: <https://ras-history.ru/>. На главной странице сайта изображена Кунсткамера, поскольку она является одним из старейших учреждений в системе Академии наук, здесь располагался первый русский музей и академическая библиотека. По ссылке можно перейти на страницу с краткой информацией о данном проекте. Третья страница – это основная рабочая зона нашего портала. В левой её части размещены разделы с названиями научных отраслей: науки о Земле, биология, химия, физика, астрономия, техника и технические науки, общественные и гуманитарные науки, а также биографии учёных – авторов научных открытий. При нажатии на название раздела (научной отрасли) мы можем перелистывать расположенные в хронологическом порядке карточки с информацией о научных открытиях. На каждой карточке приведена иллюстрация, отображающая суть открытия, указаны фамилия и имя учёного, совершившего данное открытие и год, когда это открытие произошло. При нажатии на карточку открывается короткая статья, объёмом не более 3000 знаков, написанная в научно-популярном стиле о данном открытии. В конце статьи приведена гиперссылка на краткий биографический очерк об авторе данного научного открытия или изобретения. Тематические рамки интернет-портала очень широки. Здесь представлена информация об открытиях, начиная, например, с обнаружения Ломоносовым атмосферы на Венере в 1761 г. и заканчивая открытиями сегодняшнего времени.

Среди наиболее значимых открытий Академии в области физики приводятся следующие фундаментальные работы: изучение комбинированного рассеяния света, теория Вавилова-Черенкова, открытие низкотемпературной сверхпроводимости и сверхтекучести жидкого гелия, формулировка принципа автофузирования, обнаружение электронного парамагнитного резонанса, разработка проводниковых гетероструктур, создание квантовой теории калибровочных полей, советский атомный проект и др. За некоторые открытия отечественные физики получили Нобелевские премии. С 1956 г. по 1968 г. Нобелевской премии по физике были удостоены шесть отечественных и девять американских исследователей, что указывало на мировое научное лидерство этих двух сверхдержав. В 1958 г. за объяснение «эффекта Черенкова» премию получили П.А. Черенков, И.Е. Тамм, И.М. Франк, в 1962 г. – Л.Д. Ландау за разработку теории конденсированных сред и особенно жидкого гелия, в 1968 г. –

Н.М. Басов, А.М. Прохоров за фундаментальные работы в области квантовой электроники, что привело в итоге к созданию излучателей и усилителей на лазерно-мазерном принципе.

1950-1960-е годы для советской физики были наиболее успешными и по уровню достижений, и по широте охвата различных областей исследования, и по включённости физики в наукоёмкие, военные и мирные, технологии, и по той роли, которую учёные стали играть в обществе и государстве. Физическая наука в СССР стала вполне соизмерима с физикой США, научным лидером послевоенного периода. И сама по себе, и в своих технических приложениях с другими разделами точного естествознания: химией, механикой, математикой, астрономией, космическими исследованиями [Визгин, 2001].

Доминирующим фактором «взлёта» советской физики этого периода стала ядерно-оружейная программа, в которую были вовлечены выдающиеся учёные, инженеры, партийное руководство страны [там же]. В 1956 г. создаётся Объединённый институт ядерных исследований (ОИЯИ) в г. Дубне, а через год там запускают крупнейший в мире ускоритель заряженных частиц. В 1957 г. в ОИЯИ открывают новую элементарную частицу анти-сигма-минус-гиперон (В.И. Векслер, А.А. Кузнецов, М.И. Соловьёв, Н.М. Вирьясов, Е.Н. Кладницкая, А.В. Никитин) и запускают циклотрон для синтеза трансурановых элементов (Г.Н. Флёров). В 1950-е гг. начинает активно развиваться новое направление ядерной энергетики – управляемый термоядерный синтез (УТС) тяжёлых атомных ядер из более лёгких с целью получения энергии. И.В. Курчатов во время посещения Британского ядерного центра «Харуэлл» в 1956 г. высказал предложение о сотрудничестве учёных-атомщиков разных держав для реализации проекта УТС. Большое значение в реализации данного проекта сыграло конструкторское предложение О.А. Лаврентьева, а также теоретические разработки А.Д. Сахарова, И.Е. Тамма, Л.А. Арцимовича.

В 1950-е – 1960-е гг. стали издаваться новые академические журналы по различным отраслям физики: «Атомная энергия» (с 1956); «Кристаллография» (с 1956); «Оптика и спектроскопия» (с 1956); «Приборы и техника эксперимента» (с 1956); «Физика твёрдого тела» (с 1959); «Доклады АН СССР. Серия математика, физика» (с 1965); «Научно-технические проблемы горения и взрыва» (с 1965); «Ядерная физика» (с 1965); «Физика и техника полупроводников» (с 1967); «Теоретическая и математическая физика» (с 1969).

Среди прикладных работ советских физиков особое значение имели академические разработки атомного проекта, причём не только в области создания ядерного оружия, обеспечивающего обороноспособность нашего государства, но и в области использования мирного атома. Наша страна стала родиной первой атомной электростанции. Путь к её созданию пролегал через три великие державы: сначала учёные Третьего рейха описали процесс деления ядра атома, позже, в 1948 году, американцы построили первый ядерный реактор в Окридже, однако только в 1954 году была построена первая действующая атомная электростанция в Обнинске. Советский Союз был единственной страной в мире, которая строила и эксплуатировала атомный флот. Первый атом-

ный ледокол «Ленин» был спущен на воду в 1959 году. Корабль приводился в действие 3 ядерными реакторами, потреблявшими при полной загрузке около 2,7 килограмм урана-235 в течение 100 дней.

В настоящее время отечественные физики-ядерщики продолжают покорять новые научные вершины. Специалисты Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) в подмосковной Дубне ведут масштабную работу по запуску электронного коллайдера NICA, одной из самых масштабных установок класса «мегасайенс» в нашей стране. Новый коллайдер поможет учёным воссоздать состояние, в котором находилась Вселенная в первые мгновения после своего возникновения, а также даст мощный толчок для развития физики элементарных частиц, радиобиологии, космической медицины, материаловедения. В 2020-2022 гг. в Лаборатории ядерных реакций ОИЯИ были получены пять новых изотопов сверхтяжёлых элементов: лоуренсий-264, сиборгий-268, хассий-272, дармштадтий-276 и московий-286. Ю.Ц. Оганесян на протяжении более полувека занимается синтезом новых химических элементов на пучках тяжёлых ионов. В 1960-1970-х гг. им с сотрудниками были впервые проведены эксперименты по синтезу элементов порядковых номеров 104-108. Полученный в ОИЯИ 118-й химический элемент был назван в честь этого выдающегося учёного оганесонем.

Невозможно переоценить вклад Академии наук в реализацию космической программы. Идеи о пилотируемой космонавтике уходят своими корнями далеко в прошлое. Одним из пионеров отечественной космонавтики принято считать К.Э. Циолковского. Он в 1897 г. построил аэродинамическую трубу и предложил методику проведения опытов по изучению полётов с малыми скоростями. Эти идеи развивали Н.И. Кибальчич, Ю.В. Кондратюк, Ф.А. Цандер, А.А. Штернфельд.

В 1944 г. М.К. Тихонравову пришла идея о создании ракеты, способной отправлять в космос человека. Со стороны военного руководства это предложение не нашло поддержки, так как казалось невыполнимым и не имело ясных военно-оборонных задач. Тем не менее, план М.К. Тихонравова поддержали С.П. Королёв и А.А. Благонравов, благодаря им, в 1948 г. идея о пилотируемых ракетах получила новый импульс.

5 июля 1958 г. С.П. Королёв и М.К. Тихонравов направили в Центральный комитет КПСС докладную записку, в которой сообщили о разработке новых технических средств на базе межконтинентальной ракеты Р7 (дополнения её третьей и четвёртой ступенями). На базе новых ракет-носителей предлагалось размещать экипаж из 2-3 человек для изучения воздействия космических излучений и невесомости на организм человека и космических аппаратов для полёта к Венере и Марсу с последующим возвращением в район Земли и передачей информации о поверхности этих планет [Чеснов, 2004: 204-219].

В июне 1958 г. в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущёва поступила записка «Предложение о создании специализированного научного учреждения по медико-биологическим проблемам космических полетов», представленная А.Н. Бакулевым, В.В. Париным, В.Н. Черниговским и В.Я. Яздовским. Выда-

ющиеся учёные сообщали руководству страны, что в США уже начата масштабная работа по изучению физиологических возможностей человека в условиях, приближённых к космическим. Вскоре на правительственный уровень был вынесен вопрос о создании Института космической биологии и медицины (ИКБМ) АН СССР, данную идею поддержали и многие учёные. При поддержке избранного в 1961 г. президента Академии наук М.В. Келдыша были подготовлены соответствующие распоряжения о создании нового института. В 1963 г. ИКБМ был открыт, а его первым директором стал А.В. Лебединский.

В 1959 г. после выхода постановления Совета Министров СССР «Развитие исследований по космическому пространству» стала проводиться большая планомерная работа по реализации идей о пилотируемой космонавтике [Батурин, 2011]. 12 апреля 1961 года эта идея была реализована благодаря запуску в космос человека. Это событие имело огромное воздействие на всю мировую общественность. Первый космонавт Ю.А. Гагарин стал одним из самых популярных людей на планете. После его полёта вышли многочисленные научные статьи о дальнейших перспективах освоения космоса. В 1962 г. В.В. Добронравов писал: «Ю.А. Гагарин побывал там, где никогда еще не был ни один человек Земли <...> Проникновение человека в космос неизмеримо раздвигает границы нашего познания, обогащает науку и культуру. Полет Ю.А. Гагарина показал, что путь человеку в межпланетное пространство, к Луне, другим планетам в принципе открыт <...> Трудно пока представить, как будет происходить дальнейшее освоение космоса. Но ясно одно: человечество не может остановиться в начале пути к покорению космоса» [Добронравов, 1962: 11].

В феврале 1962 г. С.П. Королёв направил в Правительство письмо с просьбой привлечь к участию в космических полётах инженеров его конструкторского бюро и учёных Академии наук СССР. Данное предложение было продиктовано тем, что космонавты должны иметь специальные навыки эксплуатации техники и проведения научных экспериментов. 13 марта 1964 г. на заседании Военно-промышленной комиссии было принято решение поддержать инициативу Королёва и включить в состав экипажа учёного и врача [Добронравов, 1962].

Вскоре после знаменитого письма Королёва о важности участия АН СССР в проведении исследовательских и экспериментальных работ в космосе директор Института электросварки АН УССР Б.Е. Патон предложил проект по разработке методов сварки в космосе и применению их в дальнейшем при сборке и ремонте космических аппаратов. Эта инициатива была поддержана и профинансирована, в результате чего были созданы и апробированы способы резки и сварки различных металлов и сплавов в условиях космоса.

Большое значение в развитии космической отрасли играли исследования в области автоматизации и информатизации полётов. Начиная с 1956 г., в СССР наблюдалось стремительное проникновение информатики не только в космонавтику, но и во все сферы науки и экономики. С середины 1950-х гг. начинается производство нескольких типов ЭВМ. Широкому распространению информационных технологий способствовали масштабные события в данной отрасли

знаний. В 1956 г. состоялась сессия Академии наук СССР по научным проблемам автоматизации производства, и прошёл III Всесоюзный математический съезд, где также обсуждались вопросы программирования, в том же году в АН СССР была создана проблемная лаборатория управляющих машин и систем, позднее преобразованная в Институт электронных управляющих машин АН СССР. Создавались новые исследовательские лаборатории и центры, связанные с вычислительной математикой, программированием, разработкой ЭВМ. Издательства стали выпускать первые учебники и монографии по информатике. Вычислительные машины нашли своё применение в решении сложных задач, требующих анализа огромного массива данных [Прохоров, 2019].

В 1958 году были запущены в серию новые типы вычислительных машин: БЭСМ-2 (Москва, Ульяновск), М-20 (Москва, Казань), «Раздан» (Ереван), «Урал-1» (Пенза). В 1958-1959 гг. были созданы опытные образцы ЭВМ М-40 и М-50 для систем противоракетной обороны. И.С. Брук в 1958 г. представил в Президиум АН СССР проблемную записку «Разработка теории, принципов построения и применения специализированных и управляющих машин». Её появление стимулировало создание конструкторских бюро и лабораторий по созданию и использованию вычислительных машин. С.П. Прохоров отмечает, что в 1958 г. долгая и яростная идеологическая борьба с кибернетикой как буржуазной лженаукой закончилась полной победой кибернетики [Прохоров, 2019]. В 1959 г. в Академии наук СССР был образован Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», руководителем которого стал академик А.И. Берг.

Среди масштабных открытий в области биологии можно назвать обнаружение вируса, своего рода, неклеточной формы жизни. В 1892 г. была опубликована статья нашего соотечественника Д.И. Ивановского «О двух болезнях табака», в которой излагались результаты изучения мозаичной болезни этого растения в Крыму. Учёный установил, что причиной появления пятнистых листьев стала неизвестная ранее субстанция, которая в отличие от бактериальных клеток не задерживалась на поверхностях очищающих фильтров. Данная структура не имела клеточного строения и подвергалась кристаллизации как обычные молекулы, поэтому получила название «кристаллы Ивановского». Сегодня, когда человечество то и дело сталкивается с серьёзными эпидемиологическими проблемами, вызванными глобальным распространением различных вирусов, актуальными становятся вопросы расшифровки нуклеиновых кислот вирусов, генной терапии путём аденовирусной доставки, создания противораковых вакцин.

Проблемы наследственности и изменчивости признаков обсуждались в русской биологии уже на рубеже XIX и XX вв. Переоткрытие менделевских законов наследования широко было воспринято на западе, но в Россию пришло с незначительным опозданием. Несмотря на это менделизм достаточно быстро распространился в среде отечественных биологов, а к 1920-м годам в СССР сформировались две крупные научные генетические школы – ленинградская и московская. Период 1920-х – 1940-х гг. можно было бы назвать «золотыми го-

дами отечественной генетики», так как в данный промежуток времени в СССР произошли важнейшие открытия, давшие мощный импульс для развития биологической науки.

Отметим, что первым учёным, исследовавшим внутреннюю структуру гена, стал советский генетик А.С. Серебровский. Вместе со своими учениками он доказал (в противовес представлениям Томаса Моргана), что ген вовсе не является «единым и неделимым», а представляет собой сложную протяжённую структуру. В 1927 г. А.С. Серебровский приступил к постановке опытов по искусственному получению мутаций у дрозофилы. В результате полученных экспериментальных данных была выдвинута идея о возможности изменений не только последовательности генов, но и их внутренней структуры. Содержащая смелые для того времени выводы статья А.С. Серебровского, Н.П. Дубинина, И.И. Агола, В.Н. Слепкова и В.Е. Альтшулера под названием «Получение мутаций рентгеновскими лучами у дрозофилы» была напечатана в 1928 году в «Журнале экспериментальной биологии». Впоследствии доказательство делимости генов легло в основу работ по изучению молекул ДНК и РНК. К огромному сожалению, запрет на генетические исследования, наложенный после печально известной Сессии ВАСХНИЛ 1948 г., не позволил отечественным учёным продвинуться дальше в понимании сложной структуры гена, а европейским и американским учёным дал возможность занять лидирующие позиции в данном направлении исследований.

Академик АН СССР Н.И. Вавилов посвятил всю свою жизнь изучению культурных растений, преследуя благородную цель – повысить их урожайность. Важнейшим открытием учёного стал закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, который он сформулировал в 1920 г. на Всероссийском селекционном съезде и опубликовал в 1921 г.

Изучая многообразие растений различных семейств, учёный пришёл к выводу, что виды и роды, генетически близкие между собой, характеризуются тождественными рядами наследственной изменчивости с такой правильностью, что, зная ряд форм для одного вида, можно предвидеть нахождение тождественных форм других видов и родов. Чем ближе генетически расположены в общей системе роды и линнеоны, тем полнее тождество в рядах их изменчивости. Целые семейства растений характеризуются определённым циклом изменчивости, проходящей через все роды, составляющие семейство.

На примере семейства злаковых Н.И. Вавилов показал, что сходные морфологические формы можно обнаружить у целого ряда видов этого семейства. Например, чёрная окраска семян встречается у ржи, пшеницы, ячменя, кукурузы и ряда других форм, за исключением овса, проса и пырея. Множественность форм (полиморфизм) должна быть наиболее схожа у близких таксонов. По ряду изменчивости более близкими являются виды одного рода, нежели виды разных родов и тем более разных семейств. Таким образом, можно определить степень родства различных видов. Важнейшей задачей систематики, по мнению Н.И. Вавилова, является выработка единой системы, в основу которой должны быть поставлены специфические различия видов и родов.

Единство в изменчивости характеризует семейство злаковых, паслёновых, тыквенных, мальвовых и других и, по мнению учёного, присуще всем без исключения семействам растительного мира. Закономерности в полиморфизме близких видов и родов даёт возможность предсказать нахождение в природе или возможность получения искусственно, путём мутагенеза, или гибридизации, соответствующих форм. Например, Н.И. Вавиловым было доказано, что род рожь *Secale* повторяет род пшеницу *Triticum* по наличию некоторых морфологических особенностей. Были найдены признаки у ржи, которые ранее не встречались, а были известны лишь у пшеницы. Например, в 1917 г. в образцах мягкой пшеницы на Памире были найдены формы, лишённые язычка и ушек на листьях. На основании параллелизма рядов полиморфизма было выдвинуто предположение о существовании в природе формы ржи без язычка. В 1918 г. это предположение было подтверждено: такие формы были найдены при детальном изучении яровой памирской ржи. В литературе не было данных о существовании культурной ржи с опушенными колосьями. По аналогии с пшеницей Н.И. Вавилов выдвинул гипотезу о наличии в природе таких форм. В 1918 г. опушенные формы ржи были найдены среди памирских образцов, позднее также в Армении. Дикий ячмень был известен исключительно в виде озимых рас. Находки в Афганистане, Иране и Туркменистане доказали наличие ярового ячменя. В 1934 г. в Китае были обнаружены расы озимого голозерного ячменя, который был тоже гипотетически предположен учёными. На основании закона гомологических рядов были найдены также чечевица с зелёными семядолями, соя с гладкими бобами, арбузы с сегментированными плодами, дыни с сомкнутым кустом.

Исходя из поразительного сходства в фенотипической изменчивости в пределах одного и того же рода или близких родов, Н.И. Вавиловым было предложено наличие у них множества общих генов наряду со спецификой видов и родов. Был также установлен факт сходства мутаций у близкородственных форм.

Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости был впоследствии приложен и к организмам других царств. Были обнаружены сходства в морфологических особенностях животных близких групп: у них встречались похожие мутации, похожие заболевания. Таким образом, закон, сформулированный Н.И. Вавиловым, носит универсальный характер и отражает явления, характерные для всех представителей живого мира.

С целью изучения многообразия и географического распространения культурных растений Н.И. Вавилов с сотрудниками организовывали многочисленные экспедиции практически во все участки земного шара.

В некоторых районах наблюдалось большое количество культурных форм с проявлением доминантных генов и одновременно широкий диапазон генетической изменчивости признаков. Такие географические районы Н.И. Вавилов назвал центрами происхождения культурных растений. От центра к периферии распространения растений наблюдалось чёткое убывание доминантных форм: таким образом, процесс расселения культурных форм растений сопровождается проявлением рецессивных генов, что возможно при отсутствии генного обмена (например, географической изоляции).

Для важнейших культурных растений учёным было установлено 5 основных географических центров происхождения:

I. Юго-Западная Азия.

II. Горный Китай.

III. Горные районы Средиземноморского побережья.

IV. Горная Восточная Африка (Абиссиния и Эритрея).

V. Горные районы Нового Света (Мексика, Гватемала, Перу, Колумбия).

Кроме основных районов, по мнению учёного, существовали и второстепенные центры происхождения культур, как, например, островной азиатский (Япония, Ява, Суматра и др.).

Из Юго-Западной Азии происходят пшеница, рожь, бобовые культуры, лён, конопля, репа, морковь, чеснок, виноград, абрикос, груша. Родиной риса, чёрного перца считается Китай; капусты, сахарной свеклы, маслин, клевера, чечевицы – Средиземноморье. Абиссиния (прежнее название Эфиопии) – вероятный центр происхождения твёрдых сортов пшеницы, сорго, бананов, кофейного дерева, ячменя, гороха; горные районы Нового Света – картофеля, кукурузы, какао, тыквы, длинноволокнистого хлопчатника.

Начатую Н.И. Вавиловым работу по изучению центров происхождения культурных растений впоследствии продолжили другие ботаники. Учёными после ряда уточнений были выделены 7 центров: Южно-Азиатский тропический, Восточно-Азиатский, Юго-Западно-Азиатский, Средиземноморский, Абиссинский, Центрально-Американский, Южно-Американский, ещё позднее 12: Китайско-Японский, Индонезийско-Индокитайский, Австралийский, Индостанский, Среднеазиатский, Переднеазиатский, Средиземноморский, Африканский, Европейско-Сибирский, Центрально-Американский, Южно-Американский, Северо-Американский.

Изучение происхождения культурных растений привело Н.И. Вавилова к заключению, что центры происхождения культурных растений приурочены к древним очагам человеческой культуры и, соответственно, к центрам происхождения домашних животных. Такие районы получили названия центров доместикации, и в них наблюдается большое разнообразие форм домашних животных. В путешествиях по Африке, Азии внимание учёного привлёк тот факт, что наибольшая пестрота мастей коз и овец наблюдалась в Абиссинии, Эритрее, юго-восточном Афганистане – вероятных центрах формообразования сельскохозяйственных растений. Дальнейшие исследования палеонтологов и археологов подтвердили выдвинутые Н.И. Вавиловым предположения.

Идея о центрах происхождения важна с эволюционной точки зрения. Учёным географический процесс эволюции был определён как расхождение из основных центров формообразования скопления генов, убывания от центров к периферии доминантных генов и проявления рецессивных.

В области изучения веществ и их превращений отечественные исследователи также добились значительных успехов. В развитие термохимии большой вклад внёс академик Герман Иванович Гесс. До его работ тепловые явления исследовались многими учёными – Дж. Блэком, А. Лавуазье, Г. Дэви,

Дж. Дальтоном, В. Румфордом, М.В. Ломоносовым, Г. Рихманом. К началу экспериментов Г. Гесса был накоплен большой эмпирический материал, однако, обобщения и систематизации этих данных не было сделано. Первые его работы в области термохимии появились в 1830 г., а к концу 1830-х основная часть публикаций Г.И. Гесса была посвящена вопросам поглощения и выделения тепла при взаимодействии различных веществ. Им было установлено, что количество выделяемой теплоты связано со степенью сродства между реагирующими веществами, что предвосхитило понимание сущности химической реакции, заключающейся в образовании новых химических связей. В 1840 г. Гесс сформулировал основной закон термохимии, согласно которому тепловой эффект реакции не зависит от её промежуточных стадий, а определяется только состоянием исходных и конечных продуктов. Данный закон имеет большое практическое значение, так как позволяет определять значения тепловых эффектов реакций, идущих крайне медленно или же вообще практически не реализуемых на основе известных тепловых эффектов некоторых других реакций. Г.И. Гесс не только открыл основной закон термохимии, доказав его экспериментально, но и использовал его для расчёта энергетических балансов физико-химических процессов.

Вклад Г.И. Гесса в науку и научное образование не ограничивается его термохимическими работами. В XVIII в. России химию изучали по иностранным учебникам. Только к началу XIX в., в связи с открытием новых университетов, кафедр и научных лабораторий, возникла потребность в написании русскоязычного учебника по химии. Одним из наиболее успешных пособий, сочетавшим в себе научность содержания и доступность изложения материала, был учебник Г.И. Гесса «Основания чистой химии» (перв. изд. 1831), который стал активно использоваться в высших учебных заведениях России вплоть до середины 1860-х годов. Учебник Гесса с 1831 по 1849 г. выдержал семь изданий.

Другим масштабным открытием отечественной химической науки стало создание А.М. Бутлеровым теории химического строения органических веществ. До возникновения этой теории учёные сталкивались с постоянными трудностями при объяснении свойств различных веществ. Учёта только качественного и количественного состава соединений было недостаточно для понимания их химических и физических свойств. А.М. Бутлеров предположил, что атомы в молекулах соединяются в определённой последовательности с учётом их химического сродства, а порядок соединения определяет особенности тех или иных веществ. Впервые он публично изложил свою теорию 19 сентября 1861 года на заседании химической секции 36-го Съезда немецких врачей и естествоиспытателей в Шпейере, прочитав доклад «О химическом строении веществ».

В окончательном виде теория химического строения была изложена А.М. Бутлеровым в учебнике «Введение к полному изучению органической химии» (вып. 1-3, Казань, 1864-1866). Ее основные положения сводились к следующему:

1. В органическом соединении атомы располагаются в определённой последовательности согласно их химическому сродству (валентности).

2. Свойства органического соединения зависят не только от качественного и количественного состава, но и от химического строения молекул.

3. Изомерия вызывается различием в химическом строении соединений.

4. Для каждого соединения существует только одна формула химического строения независимо от места и способа его получения.

В дальнейшем теория строения органических веществ А.М. Бутлерова получила своё развитие в неорганической химии и позволила заранее предсказывать свойства веществ с известным химическим строением и наоборот синтезировать соединения с нужными свойствами.

Выдающимся открытием химии считается сформулированный Д.И. Менделеевым в 1869 г. периодический закон. Учёным было установлено, что физические и химические свойства элементов, проявляющиеся в свойствах простых и сложных тел, ими образуемых, находятся в периодической зависимости от их атомных весов (атомных масс). До формулировки закона учёный пришёл к двум важным выводам: атомный вес является одной из важнейших характеристик, определяющих основные свойства элементов, между свойствами элемента и величиной их атомного веса существует некоторое соотношение, повторяющееся периодически.

На пути создания рациональной классификации химических элементов Д.И. Менделеев столкнулся с существенными трудностями. Одна из них заключалась в сложности объединения в рамках единой системы элементов различных семейств: по современной терминологии s-, p-, d-элементов. На решение этой задачи у Менделеева ушло около года и девяти месяцев. Первый вариант периодической системы, так называемый «Опыт системы элементов» (1869 г.), представлял собой таблицу, в которой элементы двух разрядов (главных и побочных подгрупп) были разделены. В ноябре 1870 г. Менделеев предложил новую форму таблицы, названную им «Естественная система элементов», которая в настоящее время известна как короткопериодная. Кроме того, учёный, опираясь на открытый им закон, предсказал существование ранее неизвестных химических элементов – экаалюминия (галлия), экабора (скандия) и экасилиция (германия), а также уточнил атомные веса некоторых известных элементов (бериллия, индия, урана, церия, иттрия и др.).

Примеров выдающихся фундаментальных открытий можно привести множество, причём не только в естественных и точных науках, но и в сфере гуманитарного знания. Хочется верить, что нашу страну ждут новые открытия в прорывных исследованиях, а имена талантливых учёных, открывших человечеству новые знания и явления, навсегда войдут в историю мировой науки.

Таким образом, начатая нами работа по представлению в онлайн-пространстве объективной, основанной на результатах исторических исследований информации о достижениях российских учёных в области гуманитарных и естественных наук, даёт возможность оценить вклад Российской академии наук в развитие научного знания и технологий в общемировом масштабе. В течение 2024 юбилейного года и в ближайшей перспективе планируется дальнейшее

наполнение контента интернет-портала, с привлечением к этой работе заинтересованных исследователей из академических институтов и научных центров, а также ведущих вузов страны.

Литература

Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в.: очерки истории / составитель и отв. редактор И.В. Тункина. СПб.: Реноме, 2016. Кн. 1 – 2016. 702 с. Кн. 2 – 2016. 1345 с.

Архив истории науки и техники. VII (XVI) / отв. ред., сост. С.С. Илизаров. М.: Янус-К, 2023. 690 с.

Батурин Ю.М. Академия наук и космос. К 50-летию полёта Ю.А. Гагарина. М.: Архив РАН, 2011. 70 с.

Визгин В.П. «Золотые годы» советской физики // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2001. М.: Диполь-Т, 2001. С. 46-55.

Добронравов В.В. Что дал первый полет науке о Вселенной // Авиация и космонавтика. 1962. № 4. С.10-19.

Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веков: очерки истории. М.: Индрик, 2008. 655 с.

История Академии наук СССР / глав. ред. К.В. Островитянов. М.-Л.: Изд. АН СССР. Т. 1: 1724-1803. Т. 1 – 1958. 483 с.; Т. 2: 1803-1917. Т. 2 – 1964. 772 с.

Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1957. 159 с.

Летопись Российской Академии наук / гл. ред. Ю.С. Осипов СПб.: Наука, 2000–2007. Т. 1.: 1724–1802. / сост. Е.Ю. Басаргина и др., отв. ред. Н.И. Невская. 2000. 994 с.; Т. 2.: 1803–1860. / сост. В.И. Васильев и др., отв. ред. М.Ф. Хартанович. 2000. 620 с.; Т. 3.: 1861–1900. / сост. Е.Ю. Басаргина и др., отв. ред. М.Ф. Хартанович. 2003. 727 с.; Т. 4.: 1901–1934. / сост. К.Г. Большакова и др., отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. 2007. 1050 с.

Прохоров С.П. Вычислительная техника и становление новой науки – Информатики // Вихревая динамика развития науки и техники. СССР / Россия. Вторая половина XX века: Том III Самоорганизация, турбулентный переход и диссипация / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батурин. М.: ИИЕТ РАН; Саратов, ООО «Амирет», 2019. С. 385-403.

Смагина Г.И. «Служение на пользу Отечества»: Петербургская Академия наук в XVIII веке. СПб.: Росток, 2021. 448 с.

Соболев В.С. Для будущего России: деятельность Академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия. СПб.: Наука, 1999. 190 с.

Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего ...: Российская академия наук. Национальное культурное и научное наследие, 1880-1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 377 с.

Соболев В.С. Под сенью мирною Минервы: записки историка науки. СПб.: Скифия-принт, 2023. 403 с.

Уставы Российской академии наук. 1724-2009. М.: Наука, 2009. 367 с.

Феклова Т.Ю. От идеи до воплощения: экспедиции Академии наук в первой половине XIX в. СПб.: Скифия-принт, 2023. 208 с.

Чеснов В.М. Некоторые идеи развития космонавтики как идеи об освоении космического пространства // История социокультурных проблем науки и техники. М.: ИИЕТ РАН, 2004. С. 204-219.

Неархимедова мера истории

Ю.М. Батурин

Аннотация. Рассматривается проблема описания исторических процессов не только посредством выявления причинно-следственных связей между событиями, но также и как суммарный результат идей, мыслей, чувств, эмоций действующих на исторической сцене акторов в контексте законов природы. Столь сложное комплексное представление требует особого универсального языка. Обсуждается вопрос о принципиальной возможности такого специального языка. Показываются некоторые подходы к решению поставленной проблемы. Констатируется единство и механизм сопряжения природы и духовного мира человека как факторов, существенно влияющих на историю.

Ключевые слова: история, природа, человеческий фактор, языки описания, пространство восприятия, духовное пространство, р-Адические числа, адель.

«Но ты все расположил мерою, числом и весом»
(*Ветхий завет. Книга Премудрости Соломона. 11:21*)

120 лет назад В.О. Ключевский (1841-1911) отметил в дневнике, что пока выяснение исторических законов – не самая ближайшая задача, в отличие от метода изучения исторического процесса [*Ключевский, 2010. Дневник: 637*]. Сегодня эта мысль отнюдь не выглядит устаревшей. Предлагаемые размышления как раз о методе, но под необычным углом зрения.

Историк, математик и физик – об истории

История – наука о прошлом мира людей, которая стремится понять причинно-следственные связи событий в процессе его развития. Но мы упрощаем Историю, «сводя исторические явления к причинам и следствиям, придаём исторической жизни вид отчётливого, разумно-сознательного планомерного процесса, забывая, что в ней участвуют две силы, которым чужды эти логические определения – общество и внешняя природа», – совершенно справедливо заметил В.О. Ключевский [*Ключевский, 2010. Дневник: 635*].

Данные общественных наук историческая наука широко использует. Проиллюстрируем метафорически второй фактор из отмеченных великим историком. В.О. Ключевский как-то сравнил историю с недоигранной драмой [*Ключевский, 2010: 629*]. Пусть на исторической сцене действует человек, ещё лучше – персонажи, социум. Великий драматург История выстраивает сюжеты в соответствии с выбранной логикой причин и следствий: завязка, развитие действия, кульминация, развязка... В.О. Ключевский обратил внимание на то, что историки (реконструкторы и интерпретаторы минувших событий) не учитывают, что во время представления сама сцена, коей для Истории явля-

ется Природа (физический мир), ведёт себя по иным законам, им неведомым, а потому её поведение непонятно: то уменьшается, то увеличивается в размерах, меняет угол наклона, конфигурацию, трансформируется, т.е. фактически сама становится действующим актором. Что же происходит с разыгрываемым сюжетом? Некоторые персонажи скатываются под уклон и исчезают, другие начинают играть чужие роли. Словом, сюжет загадочным образом меняет себя, что обычно туманно объясняют стечением обстоятельств. Но на самом деле – это Природа, подчиняющаяся своим законам, продолжает свою мысль В.О. Ключевский, «делает исторический процесс похожим на движение щепки, брошенной в волнообразно текущий поток: разве здесь есть место для причинной связи и можно ли признать причиной движения щепки ту волну, на хребте которой мы ее видим в данное мгновение и которая сейчас же исчезнет, сменясь другою, сейчас же возникшей?» [Ключевский, 2010. Дневник: 635]. Физико-математический язык, объясняющий столь ярко описанную турбулентность, непривычен для историков и не используется ими. Историки используют, преимущественно, данные гуманитарных наук для объяснения хода Истории, учитывая природные явления лишь на крупных масштабах: Всемирный потоп, многомесячная засуха, «генерал Мороз», крупнейшее половодье века... Однако ошибочно думать, что стоит ввести на исторических факультетах курс физики, и дело наладится – историки, следуя подсказке В.О. Ключевского, научатся более адекватно повествовать историю.

Но преувеличение роли Природы, а такая опасность, безусловно, существует, очевидно, приводит к другой крайности, от которой предостерегал даже не историк, а математик, Н.В. Бугаев (1837-1903), член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, профессор Императорского Московского университета и отец поэта Андрея Белого: «Все чаще и чаще стали слышаться голоса, утверждающие с уверенностью, что природа равнодушна к целям человека, что она не знает ни добра, ни зла. Добро и зло, красота, справедливость и свобода, говорили они, суть иллюзии, созданные воображением человека... Стало преобладать чувство фатальности, роковой необходимости... Человек с его свободой, идеальными целями и возвышенными стремлениями вовлекался в общий водоворот роковой необходимости» [Бугаев, 1898: 11]. Полвека спустя физик, президент Академии наук СССР С.И. Вавилов, пришёл к тому же выводу: «Утверждение, что, несмотря на психику и сознание жизнь в среднем, статистически движется вполне закономерно, по законам естествознания – неверно» [Вавилов, 2012: 464]. Таким образом, с точки зрения и математика, и физика, историки правы в своём осторожном отношении к математике и физике. (Количественные методы в исторических исследованиях, если не считать уровень арифметики, применяются с середины XX века. В конце 1950-х годов придумали наукообразное понятие «квантитативные методы», а затем более элегантно – «клиометрия». Потом пришло время исторической информатики и моделирования [Бородкин, 2016]. Сделано много полезного и интересного. Но занимаются математическим и компьютерным моделированием, в основном, энтузиасты, которых, правда, становится

всё больше. И всё же «математическая история» остаётся периферийной зоной исторической науки).

Однако проблемная ситуация, лишь обозначенная в серьёзном методологическом замечании В.О. Ключевского, и на первый взгляд, снятая возражением математика Н.В. Бугаева и авторитетом физика С.И. Вавилова, не только сохраняется, но и, по сути, значительно сложнее и глубже. Проведём её декомпозицию для последующего анализа.

Два мира, четыре проблемы

Проблема № 1. Мы живём в физическом мире (мы – внутри него). Мы живём духовным миром (он – внутри нас). «Различают два рода фактов, входящих в область нашего сознания. Одни приобретаются внешними чувствами и наблюдением над явлениями внешнего мира, другие – наблюдением над внутренними операциями нашего духа и называются фактами внутреннего мира. Соответственно этим фактам и опыт получает название внешнего и внутреннего, – писал Н.В. Бугаев. – Факты внешнего мира составляют предмет наук физических, изучающих внешнюю природу. Факты внутреннего мира имеют в виду главным образом науки нравственные. Первые гораздо проще, и вся совокупность знаний, приобретенных наблюдением над внешнею природою, входит, как необходимый элемент, для верных заключений о фактах внутреннего мира. Науки нравственные сложнее, требуют больше методов исследований, и в выводах своих менее точны» [Бугаев, 1875: 9].

История как наука традиционно относится к гуманитарным наукам. Правильно ли игнорировать тот слой Истории, который формируется естественно-научными закономерностями, например, циклами, принципами самоорганизации и т.д.?

Проблема № 2. Оказывается, язык физики и математики, нужный для описания законов Природы (физического мира), точен лишь вследствие одного, но существенного упрощения – изъятия из него человека «с его свободою, идеальными целями и возвышенными стремлениями» [Бугаев, 1898: 11]. Э. Шредингер (1887-1961) – великий физик, лауреат Нобелевской премии, обратил наше внимание на то, что научная картина мира не содержит чувств, ощущений. Они систематически и последовательно удаляются из неё учёными-естественниками. «Умеренно удовлетворительная картина мира была достигнута высокой ценой: за счет удаления нас с картины и занятия позиции стороннего наблюдателя... Материальный мир построен исключительно ценой изъятия из него себя, то есть разума, удаления его» [Шредингер, 2000: 39-40]. И Шредингер, видя этот разрыв между научными знаниями о Природе и человеческими чувствами, ощущениями, делает вывод: «а) что все научное знание основано на чувственном восприятии; и б) что, тем не менее, у полученных таким образом научных представлений о естественных процессах отсутствуют все чувственные качества и потому научные представления не могут отражать их» [Шредингер, 2000: 95]. (Корректности ради необходимо уточнить часть (а) вывода Шредингера: многие явления реального мира недоступны органам чувств

человека, точнее, у него нет специальных органов для магниторецепции, поляризационной чувствительности, эхолокации для восприятия инфракрасного и ультрафиолетового излучения и др.)

Возникает вопрос: можно ли вернуть в научную картину мира разум и чувства? И надо ли это делать?

Проблема № 3. Языки гуманитарных наук, отображающие социум и внутренний мир человека (языки собственно истории, а также социологии, философии, психологии, юриспруденции и др.) – языки сложные, поскольку они должны не только называть даты, события, факты, имена, но и характеризовать мыслительные процессы, идеи, чувства, ощущения, эмоции их сопровождающие, духовный мир в целом. В силу своей сложности эти языки не универсальны. Более того, не универсальны даже языки литературы и искусства, которые пока более эффективны, чем наука, в проникновении во внутренний мир человека (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, И.Е. Репин, В.Г. Перов и многие другие).

Возникает вопрос, в какой мере и насколько широко нужно использовать эти языки, стремящиеся к сильной индивидуализации, в исторической науке?

Проблема № 4. Чтобы стать более аргументированной и объяснимой, История должна излагаться на профессиональных языках, принадлежащих двум указанным, не просто существенно отличающимся классам, но классам принципиально разным. Таким образом, историки (впрочем, не только они) оказываются в ситуации, когда и хорошо бы найти язык описания, работающий как в физическом, так и в духовном пространствах, но существует ли вообще такой универсальный язык (языки)? Проблему можно переформулировать в более общем виде, включив в неё не только историю, но и другие гуманитарные науки: найдётся ли природный континуум, непротиворечивым образом и на одном языке объединяющий физический и духовный миры?

Все четыре проблемы связаны с процедурой измерения, т.е. познания мира мерою и числом. (Взвешивание, упомянутое Соломоном, – измерение веса – частный случай измерения).

Физический мир и его мера

Окружающий (внешний) мир физик познаёт, наблюдая, обобщая, измеряя его и выражая результат числом. «Число и мера являются в современной науке самым могучим средством для оценки явлений природы», – пишет Н.В. Бугаев о естествознании [Бугаев, 1898: 4]. И добавляет о человеке: «Величина, количество суть основных понятий нашего рассудка» [Бугаев, 1875: 3].

Процедура измерения настолько важна, что стала одной из аксиом математики. Строгая формулировка Аксиомы Архимеда (именно так её называют) следующая: для любых двух положительных вещественных величин A и B можно найти такое натуральное число n , что имеет место неравенство:

$$(n - 1) A \leq B < n A$$

Смысл неравенства таков: для двух заданных отрезков разной длины, если отложить достаточное число раз меньший из них, всегда можно получить отрезок, превосходящий больший из них [Математическая энциклопедия, 1977: 327]. Или более подробно. Рассмотрим прямую линию и выберем на ней два отрезка разной длины, но начинающиеся в одной точке. Аксиома Архимеда утверждает, что если прикладывать меньший отрезок вдоль прямой достаточно большое число раз, то, в конце концов, мы непременно превзойдем длину второго, более длинного отрезка (рис.1). Легко увидеть, что здесь описана обычная процедура измерения – мы измеряем отрезок B мерой A (аксиому Архимеда иногда называют аксиомой измеримости).

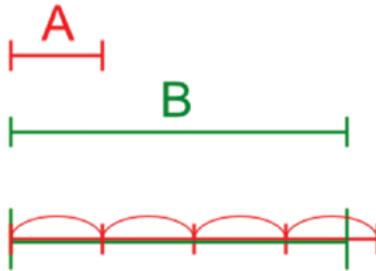

Рис.1. Аксиома Архимеда

Все измерения в физическом пространстве возможны только рациональными числами. Измерение тем точнее (насколько позволяет градуировка измерительного прибора), чем с большим количеством знаков после запятой получается результат измерения. Рациональные числа и только они являются подлинно «физическими» числами. Измерения, результат которых записывается с бесконечным количеством знаков после запятой (т.е. выражается иррациональным числом), невыполнимы. Рациональные и иррациональные числа объединяются понятием «вещественные числа» и легко визуализируются в виде числовой вещественной прямой, и это естественный континуум. Именно вещественными числами оперирует математический аппарат аналитического формулирования задач, использующий важную особенность вещественных чисел: любой интервал длины или времени можно уменьшать до бесконечности. Математически (но не физически) говоря, точность измерения можно повышать до любого нужного знака после запятой.

Число подводит нас к пониманию точности, а мера – к восприятию соразмерности, гармонии. Н.В. Бугаев отмечал, что перед учёным сразу после первоначальных обобщений «является вопрос о мере и числе, способным обрисовать явление при всех обстоятельствах. Вопрос о числе и мере сообщает науке ту положительность, которой она стремится достигнуть в последнее время» [Бугаев, 1898: 3]. Действительно, успехи, достигнутые в изучении и измерении физических процессов, несомненны, но ложку дегтя в «положительность науки» добавил С.И. Вавилов: «Естествознание развивается правильно, но в

теперешнем виде оно явно не все и ограничено загадкой сознания... Удивительное дело, естествоиспытатели все время забывают о самом несомненном, о сознании» [Вавилов, 2012: 343, 407]. С этой мыслью перейдём к следующей части нашего исследования – духовному пространству.

Измерение в духовном пространстве

Можно ли измерять мысли, чувства, эмоции? «Это требование числа и меры является злобою дня не одной современной науки, но и современного искусства и современных человеческих отношений. Найти меру в области мысли, воли и чувства – вот задача современного философа, политика и художника, – отмечает Н.В. Бугаев. – Человек стремится, при помощи числа и меры, возвыситься до идеального состояния, которое обуславливало полную власть над внешнею и внутреннею природою и вносило бы гармонию и эстетическое чувство в каждое проявление человеческого духа» [Бугаев, 1898: 3-4].

Нельзя сказать, что духовная сфера совершенно свободна от измерений. Можно вспомнить эмпирический закон Вебера-Фехнера, заключающийся в том, что интенсивность ощущения чего-либо линейно зависит от логарифма интенсивности раздражителя (стимула). Этот закон, в частности, лежит в основе шкалы звёздных величин, т.е. используется в астрономии. Но распространить использование физических величин для измерения большинства элементов духовного пространства невозможно. Причину этой трудности комментирует психолог и математик В.А. Лефевр (1936-2020): «Иногда число употребляется как характеристика интенсивности некоторого “переживания”. Возникает вопрос, каким образом мы можем измерять “человеческие переживания”? Для проведения подобной процедуры “измерения” у исследователя есть лишь один прибор – его собственная психика. Но этот прибор, который существенным образом отличается от измерительной рулетки: итогом его контакта с измеряемым объектом является не число, а “сопереживание” или “впечатление”. Исследователь должен совершить некоторую осознанную процедуру: свое “впечатление” он должен превратить в число» [Лефевр, 2003: 315].

Известны поразительные примеры интуитивного, непосредственного превращения впечатления в число. Так, на некоторых картинах Винсента ван Гога (1853-1890) изображены невидимые (!) глазу реальные вихревые потоки, возникающие, например, при истечении газа из сопла реактивного двигателя и соответствующие математической формуле турбулентного потока, выведенной А.Н. Колмогоровым (1903-1987) в 1941 году и уточнённой О.В. Доброчеевым в 1996 году. Если вместо скоростей точек в потоке рассматривать распределение яркостей на картине, окажется, что их спектры идентичны. Иными словами, завитки на ночном небе «Звёздной ночи» идеально воспроизводят процесс взаимодействия реальных турбулентных потоков воздуха со светом далёких звёзд, галактик и туманностей, заставляя их «моргать» и почти незаметно дрожать (рис. 2). И это феноменально, потому что так точно рассчитать турбулентный поток, как его нарисовал без каких-либо физических измерений Ван Гог, наука

сегодня не может! И теперь физики и химики нередко сравнивают, как с эталоном, турбулентные процессы, возникающие в их экспериментах, с картинами Ван Гога [Добро́чев, 2019: 101-102].

Рис. 2. Винсент ван Гог. Звёздная ночь. 1889.
Холст, масло. 73,7 × 92,1 см.
Музей современного искусства, Нью-Йорк

«Процедура измерения «психического» имеет мало общего с процедурами измерения, используемыми в естественных науках, – делает вывод В.А. Лефевр. – Число, “выражающее переживание”, используется психологом лишь как дань доминирующей сегодня естественно-научной традиции». [Лефевр, 2003: 315]. Чтобы произвести акт измерения в духовном пространстве, «исследователь должен забраться внутрь объекта, посмотреть на мир его глазами, но одновременно сохранить один глаз объективным, которым он мог бы анализировать то, что видит глаз, совместившийся с глазом объекта» (рис.3) [Лефевр, 2003: 318].

Рис. 3. Сопереживание (увидеть мир глазами объекта)

Если объектом исследования становится человек, то человек-исследователь вместе с ним образует систему (условную окружность), у которой два центра (рис. 4). Взаимодействие людей фактически означает исследование ими друг друга. По индукции получаем, что человечество (в лексике той же метафоры) – это большая условная окружность, центры которой везде.

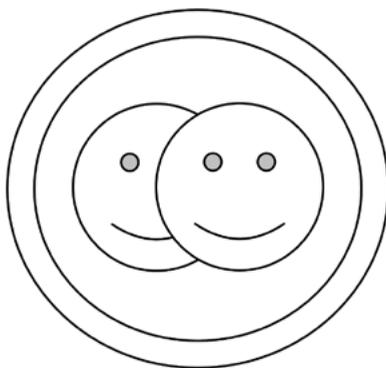

Рис. 4. Условная окружность с двумя центрами

Эта процедура принципиально отличается от измерения, проводимого физиком, и объясняет, почему из естественно-научной картины мира удалены чувства, ощущения, сопереживание: «Физику нет никакой необходимости смотреть на мир глазами объекта, чтобы понять, как этот объект устроен» [Лефевр, 2003: 318].

Пока мы описали процедуру измерения в духовном пространстве лишь качественно. А каково же математическое или естественно-научное представление этой процедуры?

Природа и мера духовного пространства

На этот вопрос В.А. Лефевр отвечает так: «Мы должны отказаться от понятия универсальной объективности, лежащей в основе естественно-научного подхода. “Психологическая действительность” – многолика. При переходе от одного исследователя к другому ракурс меняется столь разительно, что она всегда предстает уже иной. (Физический постулат о взаимозаменяемости приборов в этом случае несправедлив)» [Лефевр, 2003: 318]. То есть аксиома Архимеда в духовном пространстве не выполняется. Но задавать метрику (меру расстояния между двумя точками, а значит, и меру протяжённости в самом общем виде, например, времени – главного действующего лица в Истории) в нём всё равно необходимо.

Такая мера в духовном пространстве человека есть, и она совершенно непохожа на меру Архимеда. Среди свойств расстояния в физическом (евклидовом) пространстве с заданной метрикой выделим соблюдение неравенства треугольника: любая его сторона не больше суммы двух других сторон. Если

мы изменим это требование так, чтобы выполнялось усиленное неравенство треугольника: в любом треугольнике длина третьей стороны меньше или равна максимальной из длин двух других сторон, – то получим неархимедову метрику, которую называют ультраметрикой. Пространства, в которых задаётся ультраметрика, называются ультраметрическими. Они были введены в 1943 году французским математиком М. Краснером (1912-1985). В ультраметрических пространствах у треугольника не бывает самой длинной стороны: либо равны все три, либо одна короче, а остальные две – равны (рис.5).

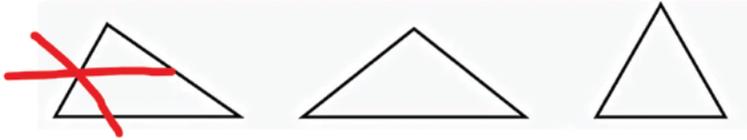

Рис. 5. Усиленное неравенство треугольника

Духовное пространство возникает при отказе от аксиомы Архимеда и введении ультраметрики, что на языке математиков называется переходом к неархимедову анализу. Геометрия духовного пространства неархимедова, она сильно отличается от привычной нам, но также демонстрирует полноценность и непротиворечивость. Свойство неархимедовости духовного пространства означает, что из любой его точки нельзя удалиться на расстояние, превышающее некоторую величину B , если делать шаги не более B . То есть, чтобы выйти за пределы круга с радиусом $R = B$, надо обязательно сделать шаг, превышающий радиус этого круга. Проиллюстрируем этот парадокс на примере гравюры Маурица К. Эшера (1898-1972).

Рис. 6. М.К. Эшер. Предел круга III. Гравюра. 1959

На гравюре «Предел круга III» (рис. 6) М.К. Эшер изобразил проекцию гиперболического пространства на плоскость. Ближе к краю рыбки становятся всё меньше и меньше из-за деформации искривленного пространства при отображении на плоский лист бумаги. На самом деле, все рыбки одинаковы по размеру, но они сжимаются, чтобы бесконечное пространство уместилось в окружность конечного радиуса R .

Любой процесс измерения предполагает, что мы задаём меру и коэффициент её возрастания или убывания. Выберем длину рыбки (они одинаковы) в качестве меры изображённого пространства. На рис. 1 мы должны были откладывать выбранную меру достаточное число раз (пусть для повышения точности измерения используется коэффициент убывания меры), чтобы выйти за пределы измеряемого пространства (большого отрезка). На рис. 6 так не получится: сколько не откладывай меру от центра к окружности, за её границей не окажешься, а значит, не узнаешь и радиуса (размера) окружности. Однако при противоположном движении, к её центру (используется коэффициент возрастания меры) размер рыбки (мера) быстро превзойдёт радиус R , замерщик окажется вне круга, и получит результат измерения.

Следовательно, неархимедовость духовного пространства не даст возможности использовать для измерения вещественные числа, обладающие интересным свойством: уменьшение меры повышает точность измерения. Но если мы применим коэффициент возрастания меры, то это приведёт к совершенно другой числовой системе, допускающей измерения в принципиально иных (неевклидовых) ментальных, чувственных, духовных пространствах [Хренников, 2003: 92].

(Прежде, чем перейти к описанию неархимедовой числовой системы, сделаем маленькое замечание в скобках. Согласно одной из интерпретаций теоремы Гёделя, чтобы познать систему, надо выйти за её пределы, т.е. в нашем примере сделать шаг за пределы рассматриваемой окружности. Таким образом, неархимедова мера способствует пониманию духовного пространства).

Суть неархимедовой меры мы пояснили художественным примером. А можно ли это сделать? «Целый разряд психических понятий, как, например, доброта, мужество, старание, допускает в нашем сознании разнообразные изменения по величине форм, интенсивности, но их математической теории не существует. Входить в область математического изучения, быть математическими могут только такие конкретные величины,.. для которых существуют единицы сравнения и приёмы измерения» [Бугаев, 1875: 5]. Эти слова были сказаны в 1875 году. Более века спустя для описания движения мыслей и эмоций стали использовать p -Адические пространства (разрывные, скачкообразные, ассоциативные) [Хренников, 2004: 315], описываемые системой введённых Куртом Гензелем (1861-1941) в 1897 году p -Адических чисел (p – от немецкого слова *Primzahl*, означающего простое число). К. Гензель понял, что если рациональные числа (дроби) с помощью модульной арифметики выразить через степени простого числа, то получается совершенно иной мир чисел.

p -Адическое число – элемент расширения поля рациональных чисел, получаемого на основе свойств делимости целых чисел на заданное простое число p . Это расширение есть пополнение поля рациональных чисел относительно неархимедова нормирования [Математическая энциклопедия, 1977: 99].

Но почему именно p -Адические числа выбраны для описания духовного пространства?

Математик А.М. Островский (1893-1986), ученик К. Гензеля, в 1916 году доказал ставшую знаменитой теорему: существуют два и только два естественных континуума – однородный вещественный и неоднородный, иерархический p -Адический (иначе говоря, рациональные числа можно пополнить до непрерывного множества только двумя способами: а) через вещественные числа; б) другим (и единственным!) строгим вариантом для описания мира являются p -Адические числа, в пространстве которых не выполняется аксиома Архимеда. Если первый континуум используется физиками для описания архимедова реального (материального) мира, то второй весьма удобен для описания неархимедова пространства мышления и эмоций.

Полученное p -Адическое пространство оказывается ультраметрическим. Даже интуитивно p -Адическая геометрия и геометрия ультраметрических пространств трудно представимы, настолько они необычны для нашей интуиции, со школьных лет воспитываемой на евклидовой геометрии [Хренников, 2004]. Но примерную графическую иллюстрацию можно дать, оговорив упрощения. На рис. 4 у нас получилось изображение 2-Адического числа, а на рис. 7 – более наглядно 3-Адическое число.

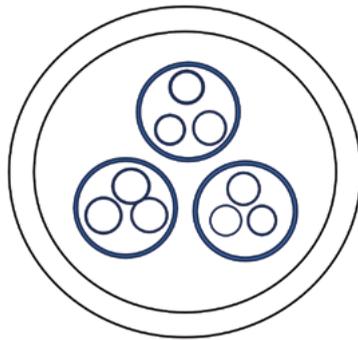

Рис. 7. Условное изображение 3-Адического числа
(будем считать, что пустот между кругами нет)

Мы видим, что любые два элемента ультраметрического (p -Адического) пространства либо не пересекаются, либо один из них содержится внутри другого. Элементы меньшего радиуса без пересечений и пустот помещаются внутри элементов большего радиуса, причём внутри любого из элементов расстояние между произвольными двумя точками всегда одно и то же и равно радиусу данного элемента. Обобщая, можно сказать, что любая точка p -Адического пространства оказывается его центром.

Необычная абстрактная конструкция, изобретённая К. Гензелем, и теорема, доказанная А.М. Островским, нашли применение в квантовой физике только в 1980-х годах, а для моделирования метального и духовного пространств – со всем недавно, на рубеже XX и XXI веков [Хренников, 2004: 12-15].

Итак, все измерения в физическом пространстве возможны только рациональными числами. Измерение будет тем точнее (насколько позволяет градуировка измерительного прибора), чем с большим количеством знаков после запятой получается результат измерения. Но измерения, результат которых записывается с бесконечным количеством знаков после запятой (т.е. выражается иррациональным числом) невыполнимы. В духовном пространстве можно проводить измерения в *p*-Адических числах и рассматривать «*p*-адические результаты как точные физические значения» [Хренников, 2003: 18]. При этом речь идёт не только об измерениях чувств, ощущений, эмоций в духовном пространстве, но возможны также введение *p*-Адической системы координат и выполнение соответствующих измерений в физическом пространстве [Хренников, 2003: 18].

Взаимосвязь физического и духовного пространств

Может показаться парадоксальным, что физическое (вещественное) пространство, в котором работают законы природы, а также по неполноте и неточно понятым законам осуществляется политика и разворачивается История, непрерывно, в то время как инициирующие исторические события самых разных масштабов – от глобальных до личных – мысли, идеи, чувства эмоции прерывны, скачкообразны. (Пространство будет непрерывным, если для любых двух его частей можно указать общую границу. Для наглядности упрощённый пример: одномерное физическое пространство (вещественная прямая) непрерывна, ибо для любых двух соседних отрезков можно указать границу/точку, их соединяющую). Точно также все точки физического (вещественного) пространства – однородны (равноправны), а духовное пространство, напротив, неоднородно, потому что мысли, идеи, чувства, эмоции неравноправны, их невозможно заменить одну на другую.

Взаимосвязь физического и духовного пространств осуществляется через их взаимное отображение. Будем называть отображением правило, по которому некоторым элементам (точкам) одного пространства ставится в соответствие один или несколько элементов (точек) другого пространства. Опишем подробнее, что мы понимаем под отображением физического пространства в пространство духовное и обратно. По-прежнему рассматриваем ментальное пространство как подпространство духовного пространства.

В.И. Вернадский (1863-1945) сформулировал провидческое для его времени суждение: «В анатомической структуре аппарата мысли – мозга» [Вернадский, 2013: 16], – внимание! – «должны наблюдаться процессы, нам пока неизвестные, перехода... физического состояния пространства с одной геометрической структурой в пространство с другой» [Вернадский, 2013: 16]. По существу

речь идёт о формировании образа Природы, т.е. отображении физической картины мира в ментальном пространстве. Обратное отображение обусловлено тем, что физический и духовный миры – реальности разные, но не являются независимыми. Выдающийся физик, и тоже Нобелевский лауреат Макс Борн (1882-1970) подчёркивал: «Мы, люди, являемся частью природы и подчинены ее законам» [Борн, 2004, 2004: 74]. Отображение духовного пространства в физическом пространстве, как мы увидели, следует из возможности применения математического аппарата, описывающего ментальные и духовные процессы, для фиксации и измерения происходящего в Природе. Смысл обратного отображения – естественное подчинение человека законам Природы.

С.И. Вавилов уловил тонкую взаимосвязь между физическим и духовным мирами: «Все содержимое мозга, все эти обобщённые наблюдения, сознательные и несознательные – итог ощущений... Связь с миром, увеличение запаса ощущений – необходимое условие познания» [Вавилов, 2012: 72]. А.В. Андреев очень точно назвал эту идею «концепцией о необходимости объективного мира для «увеличения запаса ощущений» [Андреев, 2022: 502]. Эти обратные связи «мир – разум» и «разум – мир» по сути и определяют структуру взаимного отображения физического и духовного пространств. Как всякая структура она может и должна быть изучена.

О разнице рассматриваемых пространств задумывался В.И. Вернадский (1863-1945): «Нигде в пределах косных естественных тел и явлений биосферы мы не выходим теперь из области геометрии евклидовой» [Вернадский, 2013: 439]. Несколько позже он уточняет: «Как только мы подходим к живым естественным телам, мы встречаемся с таким коренным изменением геометрических явлений, которые, мне кажется, не укладываются в рамки евклидовых геометрий любого измерения» [Вернадский, 2013: 439]. Но о каких геометриях идёт речь? И В.И. Вернадский в 1938 году выдвигает весьма нетривиальную гипотезу: «По-видимому, мы имеем дело внутри организмов с пространством, не отвечающим пространству Евклида, а отвечающей одной из форм пространства Римана. Мы сейчас имеем право допускать в пространстве, в котором мы живем, проявление геометрических свойств, отвечающих всем трем формам геометрии – Евклида, Лобачевского и Римана» [Вернадский, 2013: 16]. И сразу же, в сноске к этой мысли, он расширяет возможное множество геометрий: «Математическая мысль давно признала одинаковую допустимость в окружающей нас реальности исканий проявлений неевклидовых геометрий... Дело идет о геометрической разнородности пространства в нашей реальности. Пространство жизни иное, чем пространство косной материи» [Вернадский, 2013: 16].

Отображение физического пространства в пространство ментальное обеспечивает пространство восприятия. Его формирует мозг, и в нём не всё так, как в реальном мире (например, рельсы на горизонте сходятся, хотя в действительности они всегда параллельны). В 1947 году, буквально через 9 лет после удивительной догадки В.И. Вернадского о римановом характере рассматриваемых пространств Р.К. Луненбург (1903-1949) показал, что по своим свойствам пространство восприятия оказывается пространством Римана [Lunenburg, 1947].

Ещё через четверть века академик Б.В. Раушенбах (1915-2001) доказал, что пространство восприятия не просто риманово, но пространство Римана переменной кривизны [Раушенбах, 1975: 157-162]. То есть гипотеза В.И. Вернадского полностью подтвердилась. В.И. Вернадский не только предчувствовал, но и как учёный понимал, что вскоре математика уйдёт дальше, и при этом не подозревал, насколько близко он находится от важных открытий в математике. За развитием математических идей он следил через математический аппарат новых физических теорий. Необычная математическая конструкция, изобретённая немецким математиком Куртом Гензелем, и теорема Островского нашли применение в физике только в 1980-х гг., а тогда, к сожалению, прошли мимо внимания В.И. Вернадского, хотя его научный уровень был вполне достаточен, чтобы увидеть, насколько структура и особенности p -Адических чисел сочетается с его идеями.

Поясним теперь, что мы понимаем под отображением, на примере древней метафоры, идущей ещё от пифагорейцев и Платона и нашедшей изящную формулировку у Блеза Паскаля, процитированного Хорхе Л. Борхесом в коротком эссе «Сфера Паскаля»: «Природа – это бесконечная сфера, центр которой находится везде, а окружность нигде» [Борхес, 1992: 338]. Вспомним, что выше очень похожую метафорическую формулировку мы получили для человечества, его духовной сферы, как свойство ультраметрического пространства.

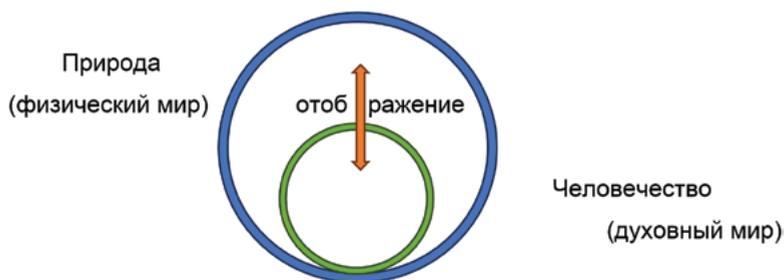

Рис. 8. Взаимные отображения физического и духовного пространств

Люди, как было отмечено, – сложнейшее устройство связи между физическим миром и миром духовным, обеспечивающим взаимное их отображение. Человек – точка сопряжения физического и духовного пространств, и как элемент Истории, творит её не только в соответствии со своими идеями, мыслями, чувствами, эмоциями, но и подчиняясь законам Природы (часто бессознательно). Природа (в том числе, живая природа, биосфера) описывается естественными науками, духовный мир человека и социум – науками гуманитарными. А «математика есть то звено, которое, – подчеркивает Н.В. Бугаев, – связывает науки внешнего и внутреннего мира» [Бугаев, 1875: 12]. Иначе говоря, принципиально возможно единое математическое описание физического и духовного миров. Заметим, что этот вывод, хотя и в предельно общем виде, был сделан в 1875 году!

К сожалению, подходы к единому математическому описанию физического и духовного миров пока только намечены. Как удивительно точно сказал один из выдающихся историков математики Морис Клайн (1908-1992): «Математика выполняет миссию посредника между человеком и природой, между внутренним миром человека и тем, что его окружает. Математика – это отличающийся необычайной смелостью линий грандиозный мост между нами и внешним миром. Горько сознавать, что концы его не закреплены ни в реальности, ни в умах людей» [Клайн, 1984: 383]. В контексте нашей темы это означает, что и математика пространства восприятия пока не разработана достаточно, а значит и «отличающийся необычайной смелостью линий грандиозный мост» между физическим и духовным пространствами формально ещё не скреплен с ними.

Вероятно, описанное представление механизма отображения, как пространства восприятия, – упрощение. Возможно, отображение осуществляется через цепочку пространств – пространство восприятия, ментальное пространство, когнитивное пространство, и тогда физическое пространство через них будет сопрягаться с духовным. Но в простейшей модели мы обсуждаем элементарный случай: физическое пространство сопрягается с ментальным через пространство восприятия, а термины «ментальный», «когнитивный», «духовный» рассматриваем как синонимы.

Адель и теоретическая история

Мы, наконец, подошли к ответу на поставленные в начале статьи вопросы: сопрягаются ли духовный мир человека и физический мир Природы, существует ли универсальный язык описания физического и духовного миров? О последнем философ, математик и священник Павел Флоренский (1882-1937) заметил: «сверх-рассудочный синтез... не есть нечто вовсе невиданное и неожиданное в науке. Он осуществляется очень часто, например, в построении, так называемых, иррациональных чисел» [Флоренский, 2017: 503]. Рациональные и иррациональные процессы осуществляются в разных «мирах», математически говоря, в разных пространствах, и в этом трудность их сопряжения.

Ответы на эти вопросы положительны. В каком же природном континууме непротиворечивым образом физический и духовный миры сочетаемы и окажутся объединены? Целостное описание обоих миров можно выполнить в адельных пространствах, построенных уже не на p -Адике, а на абстрактной конструкции чисел, названных математиками красивым именем «адель» [Математическая энциклопедия, 1977: 95].¹ Для этого требуется заменить p -Адикескую систему координат (p -Адикеского пространства) для фиксированного p , на адельную систему координат. Адельные числа были введены в математику на рубеже 1930-1940 годов французским математиком Клодом Шевалле. Суть адели в том, что она содержит в себе и вещественную, и все

¹ Французский математик Клод Шевалле (С. Chevalley), один из соавторов группы, писавшей под коллективным псевдонимом «Бурбаки», в 1936 для целей алгебраической теории чисел ввёл понятия «идель» (фр. «idèle» = id.el.) – идеальный элемент, и «адель» (аддитивный идель).

p -Адические координаты. Благодаря такой конструкции, естественным образом объединяющей вещественную и p -Адическую компоненты, адель демонстрирует свойства физического и духовного пространств одновременно. Математик Ю.И. Манин (1937-2023) уверен: «На фундаментальном уровне наш мир не является ни вещественным, ни p -адическим: он адельный. По каким-то причинам, связанным с физической природой нашей разновидности живой материи (возможно, с тем, что мы состоим из массивных частиц), мы обычно проецируем адельную картину в вещественную сторону. С тем же успехом мы могли бы духовно проецировать её в неархимедову сторону и вычислять наиболее важные вещи арифметически. «Вещественная» и «арифметическая» картины мира находятся в отношении дополнительности, напоминая отношение между сопряжёнными наблюдаемыми в квантовой механике» [Манин, 2008: 214]. Эту мысль он сформулировал в 1987 г., выступая с докладом на международной Летней школе по конформной инвариантности и струнной теории в румынском курортном городке Пояна Брашов в Карпатах. Уместно вспомнить тонкое замечание М. Борна: «Даже такая точная наука, как физика, была вынуждена использовать взаимно дополняющие (комплементарные) описания, которые дают верный образ мира только в том случае, если они сочетаются» [Борн, 2004: 74]. Столь же комплементарны (дополнительны по отношению друг к другу) физическое и духовное пространства.

Итак, проблема, 120 лет назад озаботившая В.О. Ключевского, на сегодняшний день решена лишь в принципе (интересно, что ключевую роль в поисках природного континуума физического и духовного миров играли российские учёные). Теперь нет сомнений, что движение Истории, как бурлящего потока, когда-нибудь удастся описать на языке адельных построений, но остаётся задача обратного, обогащённого перевода – с универсального языка на исторический. Скорее всего, давняя традиция математического моделирования исторических процессов, наконец, утвердившись на достаточно прочной междисциплинарной почве и сегодня развиваясь в русле исторической информатики, доказав свою практическую полезность, в не столь отдалённом будущем вызовет к жизни новое ответвление, которое условно можно назвать «адельная историческая информатика», «теоретическая история» или даже «математическая история». Завершим наши размышления словами не раз уже процитированного Н.В. Бугаева: «...многие исторические учения могут находить для себя ясное толкование в... математических соображениях» [Бугаев, 1875: 20].

Такова сложная наука – история, отсчитываемая своею мерою и числом со времён Геродота и продолжающая расширять свои горизонты.

Литература

- Андреев А.В.* Грезы президента. Из личных дневников академика С.И. Вавилова. М.: «Новое литературное обозрение», 2022. 728 с.
- Борн М.* Моя жизнь и взгляды. М.: Едиториал УРСС, 2004. 160 с.
- Бородкин Л.И.* Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. СПб.: Алетейя, 2016. 304 с.
- Борхес Х.Л.* Коллекция. Рассказы. Эссе. Стихотворения. СПб: Северо-Запад, 1992. 639 с.
- Бугаев Н.В.* Математика, как орудие научное и педагогическое. Речь, произнес. в торжеств. собр. Имп. Моск. ун-та 12 янв. 1869 г. 2-е изд. Москва: тип. И.И. Родзевича, 1875. 33 с.
- Бугаев Н.В.* Математика и научно-философское мирозерцание. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1898. 19 с.
- Вавилов С.И.* Дневники, 1909-1951. В 2 кн. М.: «Наука», 2012. Книга 2. 607 с.
- Вернадский В.И.* О состояниях пространства в геологических явлениях Земли на фоне роста науки XX столетия. Вернадский В.И. Собр. Соч. в 24 тт. Том десятый. Научная мысль как планетное явление. /Под ред. акад. Э.И. Галимова. М.: «Наука», 2013. Том 10. 478 с.
- Доброцеев О.В.* Механика очень больших систем природы, жизни и разума. М.: ТЕИС, 2019. 144 с.
- Клайн М.* Математика. Утрата определенности. М.: Мир, 1984. 434 с.
- Ключевский В.О.* Дневник. 1903 г., 25 февраля. В кн.: Ключевский В.О. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
- Ключевский В.О.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
- Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: «Когито-Центр», 2003. 496 с.
- Манин Ю.И.* Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2008. 400 с.
- Математическая энциклопедия. М.: «Советская энциклопедия», 1977. Том 1. 1151 с.
- Раушенбах Б.В.* Пространственные построения в древнерусской живописи. М.: «Наука», 1975. 184 с.
- Флоренский Павел* (свящ.). Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017. 906 с.
- Хренников А.Ю.* Неархимедов анализ и его приложения. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. 216 с.
- Хренников А.Ю.* Моделирование процессов мышления в r-адических системах координат. М.: Физматлит, 2004. 296 с.
- Шредингер Э.* Разум и материя. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. 93 с.
- Lunenburg R.K.* Mathematical analysis of binocular visions. Princeton: Princeton University Press, 1947. 104 p.

Академия наук СССР и Белорусская академия наук в начале 1930-х гг.: наставничество и взаимодействие

Л.Д. Бондарь, И.В. Тункина

Аннотация. Созданная в конце 1928 г. Белорусская академия наук фактически с первых дней своей работы проявляла инициативу по сотрудничеству с АН СССР. Молодой академии это сотрудничество было необходимо для получения методической помощи и консолидации усилий в реализации крупных проектов. Ошутимым посылом к активизации взаимодействия стало подписание в 1930 г. Договора о социалистическом соревновании между тремя академиями: Всесоюзной, Всеукраинской и Белорусской. Последовавшая далее череда мероприятий обусловила превращение АН СССР в действительно всесоюзное научное учреждение, ориентированное на оказание методической помощи республиканским академическим центрам. Это было трагическое время разрушения старой академической школы и централизации науки, а фундаментальные исследования зачастую должны были отступить на задний план перед крупнейшими народно-хозяйственными задачами. Вместе с тем во многом благодаря инициативе межреспубликанского сотрудничества, пребывавшая в Ленинграде Академия наук в начале 1930-х гг. пережила короткое время подъёма научного энтузиазма и развития научного взаимодействия.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Белорусская академия наук, 1930-е гг., сотрудничество, Договор о социалистическом соревновании.

Государственная организация науки в период становления советского государства в 1920-е гг. определила значительное внимание к развитию трёх существовавших в то время академий: Всесоюзной, Всеукраинской¹ и Белорусской². Академии наук СССР с её колоссальным научным потенциалом оказывались в роли наставника по отношению к академическим институтам союзных республик. В этом отношении первый состав Белорусской академии наук, в который в соответствии с Протоколом закрытого заседания Бюро ЦК КП(б)Б от 14 декабря 1928 г. (об учреждении Белорусской академии наук при СНК БССР и о её членском составе) [Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3124. Л. 210] вошли крупнейшие фигуры АН СССР: президент АН СССР Александр Петрович Карпинский (1846-1936), непреременный секретарь Сергей Федорович Ольденбург (1863-1934), академик Николай Яковлевич Марр (1864/65-1934), академик из «партийного спи-

¹ Основана в 1918 г. как Украинская академия наук (УАН), с 1921 г. – Всеукраинская академия наук (ВУАН), с 1936 г. – Академия наук Украинской ССР (АН УССР), с 1991 г. – Академия наук Украины (АН Украины), с 1994 г. и по настоящее время – Национальная академия наук Украины (НАНУ).

² Основана в 1928 г. как Белорусская академия наук (БАН), с 1936 г. – Академия наук Белорусской ССР (АН БССР), с 1991 г. – Академия наук Беларуси (АН Беларуси), с 1997 г. и по сегодняшний день – Национальная академия наук Беларуси (НАНБ).

ска» Михаил Николаевич Покровский (1868-1932) и единственный неакадемический учёный (академик АН СССР с 1931 г.), почвовед-агроном Василий Робертович Вильямс (1863-1939)³.

Уже через год после создания БАН в духе времени началась работа над документом, заложившим организационные основы взаимодействия и получившим большой резонанс в академической жизни. Этим документом стал трёхсторонний договор о социалистическом соревновании – между АН СССР, ВУАН и БАН.

Сохранившиеся архивные материалы отражают всю хронику разработки этого вопроса [Научно-организационные связи..., 2015: 24-25 (док. № 9-21); ср.: Митрякова, 1973]; договор, проект которого был утверждён на заседании Президиума АН СССР 27 февраля 1930 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 140. Л. 22], был подписан 3 марта 1930 г. на Общем собрании АН СССР. Подписантами выступили: от АН СССР – А.П. Карпинский, Г. М. Кржижановский, В.А. Зеленко, Н.А. Кузнец, от ВУАН – Л.А. Окиншевич, Н.Г. Холодный, А.Я. Артемский, от БАН – С.М. Некрашевич, Д.Ф. Жилунович [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 42–42 об.; опубл.: Документы по истории... 1988: 123-126; Научно-организационные связи..., 2015: 35-38].

Соревнование завершалось 1 марта 1931 г. Однако от инициативы не отказались и дальше: 25 ноября 1931 г. на Общем собрании АН СССР был утверждён текст нового трёхстороннего договора [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 67 об.] – до 31 декабря 1932 г., а «арбитраж» определялся «в составе представителей администрации и общественности каждой из соревнующихся академий, с привлечением широкого участия местной научной и рабочей общественности». Подписанный договор не выявлен⁴, однако официальные документы АН СССР сообщают об осуществлении контроля со стороны Президиума АН СССР над выполнением условий договора⁵. В документах белорусских архивов также находим отсылки к новому договору⁶. Проект договора на следующий период, до 31 декабря 1934 г., был рассмотрен на заседании Президиума АН СССР 21 марта 1933 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 15. Л. 62]; сохранилась его заверенная копия [СПбФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1 (1932-1933). Д. 111. Л. 65-69; опубл.: Научно-организационные связи..., 2015: 77-80].

³ Знаком признания белорусской науки стало, в свою очередь, избрание в состав АН СССР белорусских учёных. В числе первых были литературовед Иван Иванович Замотин (1873-1942) (член-корреспондент АН СССР с 1929 г.; дело об избрании [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 11. Д. 462]) и химик-органик Николай Александрович Прилежайев (1877-1944) (член-корреспондент АН СССР с 1933 г.).

⁴ Сохранился текст утверждённого проекта [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 70-75; опубл.: Научно-организационные связи..., 2015: 68-73].

⁵ Протокол Президиума АН СССР 14 мая 1932 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 33. Л. 112]; протокол Президиума АН СССР 19 декабря 1932 г. о необходимости подведения итогов выполнения договора на соцсоревнование между тремя академиями наук [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 33. Л. 226]; протокол Президиума АН СССР 27 января 1933 г. о ходе проверки исполнения договора о социалистическом соревновании между тремя академиями наук [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1933. Д. 15. Л. 5].

⁶ Таковым является документ, содержащий обязательства Института истории БАН на 1932 г. по реализации трёхстороннего договора [Центральный научный архив НАНБ (ЦНА НАНБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 67–68].

С этого времени политика АН СССР, переведённой из Ленинграда в Москву в 1934 г., претерпела определённые изменения. Протокольные материалы отражают продолжающееся стремление к кооперации, однако теперь оно мыслится не на трёхстороннем уровне, а действительно на всесоюзном, что, в частности, нашло отражение в воссоздании всесоюзных научных обществ, таких как Всесоюзное географическое общество при АН СССР. Один из этапов межреспубликанского сотрудничества оказался позади.

Если обратиться к сути трёхсторонних договоров начала 1930-х гг., то, несмотря на обозначение документа как «договора о социалистическом соревновании», цель его подписания состояла, прежде всего, в налаживании координации научных исследований трёх академий. Подписание договора действительно активизировало эти процессы. Текст договора 1930 г. завершался рекомендацией по заключению аналогичных документов о социалистическом соревновании между отдельными академическими институтами; этот призыв был дополнительно озвучен специальным постановлением Президиума АН СССР от 10 марта 1930 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 140. Л. 26].

Среди откликнувшихся на инициативу было Рукописное отделение Библиотеки академии наук СССР: на совещании отделения 7 июня 1930 г. директор библиотеки Иннокентий Иванович Яковкин (1881-1949) и бессменный руководитель отделения Всеволод Измаилович Срезневский (1867-1936), в ситуации сложного положения и отделения, и его руководителя [*Горяинов*. 2003: 246-248] в условиях продолжавшегося «академического дела» (1929-1931), инициировали расширение работ по выявлению материалов для Белорусской и Украинской АН в рамках заключённого трёхстороннего договора [СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3-1928. Д. 72. Л. 92]. Это стало посылком к дальнейшему активному сотрудничеству между библиотеками Ленинграда и Минска, налажившими интенсивный книгообмен, в результате которого фонды были пополнены многими изданиями⁷.

Этот трёхсторонний документ не воспринимался всецело как формальная директива и нашёл отклик не только у функционеров от науки. Так показательно, что в январе 1930 г., когда до заключения трёхстороннего договора в Минске было подписано аналогичное соглашение между ВУАН и БАН, к работе с этим документом был привлечён академик Евфимий Федорович Карский (1860-1931), внёсший в свое время свой значимый вклад в формирование белорусской академической и университетской науки; в СПбФ АРАН хранится выполненный им перевод на русский язык договора между ВУАН и БАН [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 8-11 об.].

Трёхсторонний договор 1930 г. получил значительный резонанс и определил планирование работ всех академических учреждений. В ноябре 1930 г. в учреждения АН СССР была направлена инструкция по составлению годового отчёта, в котором необходимо было отразить, «насколько работа в учрежде-

⁷ В фонде Библиотеки Академии наук в СПбФ АРАН сохранился целый ряд документов, отразивших эту практику [СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3-1931. Д. 39. Л. 21-22, 74, 82-83, 174, 176-177, 179].

нии шла в соответствии с <...> социалистическим соревнованием АН СССР с академиями Украинской и Белорусской» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 140. Л. 177]. Сохранились документы по планированию в контексте задач договора и материалы так называемых смотровых комиссий по выполнению договора в различных институтах: Геологическом и Минералогическом музеях АН СССР⁸, Археографической комиссии АН СССР, Институте по изучению народов СССР АН СССР (ИПИН), Архиве АН СССР, Постоянной словарной комиссии АН СССР и др.

Руководители учреждений – носители старых академических традиций – старались сохранить фундаментальность исследований институтов, оставаясь формально в рамках выдвигаемых условий. Так, директор Архива АН СССР в Ленинграде Георгий Алексеевич Князев (1887-1969) в своём письме в Президиум АН СССР от 30 марта 1930 г., отчитавшись о вовлечении коллектива в мероприятия по соцсоревнованию и ссылаясь на небольшую штатную численность возглавляемого им учреждения, сообщал о вызове на соревнование Археографической комиссии АН СССР, необходимость взаимодействия с которой объективно была обусловлена характером исследований обеих институций [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 85-86]⁹.

В рамки договора по социалистическому соревнованию Археографической комиссии АН СССР с Археографической комиссией БАН, заключённого 27 мая 1930 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 210-210 об.], наряду с необходимыми обязательствами по опубликованию «материалов по истории экономического развития России и, в частности, на текущий год – по формированию рабочего класса в феодально-крепостную эпоху»¹⁰, были вписаны планы «издать к юбилею (10-летию) Карельской республики писцовые книги об Обонежской пятине» [Писцовые книги Обонежской пятинины..., 1930]. Археографическая комиссия БАН, декларируя задачу издания «памятников, характеризующих истории развития экономических форм и классовой борьбы в Белоруссии в периоды феодализма и торгового капитала», включила в договор проект Дмитрия Ивановича Довгялло (1868-1942) по изданию «Белорусского архива» – сборника документов по истории Белоруссии XV-XVIII вв., первые два тома которого («Матэрыялы і дакументы да гісторыі Беларуска-Літоўскай дзяржавы (XVI-XVII ст.)» и «Літоўская метрыка (XV-XVI ст.)») были изданы Институтом белорусской культуры (Инбелкульт) в 1927 и 1928 г., третий же том («Менскія акты. Вып. 1 (XV-XVIII ст.)») увидел свет в 1930 г.¹¹

⁸ Эти институты стали инициаторами заключения трёхстороннего договора с родственными институтами ВУАН и БАН [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 396-398].

⁹ Сохранилось отдельное дело «По выполнению договора о соцсоревновании между Архивом АН СССР и Археографической комиссией Академии наук СССР» за 1930 г. [СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 20].

¹⁰ В этой связи планировалось и было осуществлено издание первых двух частей серии «Крепостная мануфактура в России», вышедшей в «Трудах Археографической комиссии АН СССР» под редакцией М.Н. Покровского: «Ч. I.: Тульские и каширские железные заводы» (Л., 1930) и «Ч. II: Олонечкие медные и железные заводы» (Л., 1931).

¹¹ Обозначенные в документе планы издания 4-го тома реализованы не были.

В письме исполняющего обязанности председателя Постоянной словарной комиссии АН СССР Е.Ф. Карского в секретариат АН СССР от 1 апреля 1930 г. среди формальных обязательств есть, в частности, пункты, действительно имевшие важное значение для реализации целей комиссии: «Установить связь со словарными комиссиями Укр[аинской]¹² и Белор[усской]¹³ АН путем обмена корректурами «Словарей» для установления параллелей в словах одного корня и значения¹⁴, «Установить тесное сотрудничество с Диалектологической ком[иссией] АН в деле собирания словарных материалов. Расширить связь с местными краеведческими организациями для той же цели» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 87], «Использовать экспедиции АН, особенно этнографические, поручая им собирать на местах словарные материалы» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 87].

Аналогично в протоколе совещания ИПИН 3 апреля 1930 г. находим следующие пункты: «а) ИПИН должен включить в основные положения о своей деятельности пункты об организационной работе по отношению к местным национальным краеведческим учреждениям и организациям; б) планы работ каждого сектора должны непременно включать в себя организационную деятельность, направленную к планированию, координированию и активизации местных научных учреждений, организаций и отдельных лиц; в) планы работ каждого сектора должны быть посланы на места для обсуждения и увязки с местными научными учреждениями и организациями»; «ИПИН должен всемерно содействовать включению в академические экспедиции местных работников, особенно из представителей местных национальностей». Целесообразно звучало высказанное в этом же документе намерение: «При разрешении вопроса о замещении должностей заведующих Украинскими и Белорусскими секторами¹⁵ ИПИН привлечь Всеукраинскую и Белорусскую АН» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 109].

Важно отметить, что в документах обеих комиссий была намечена работа с местными краеведческими кругами и привлечение их к экспедиционным академическим исследованиям. Формально это мог быть отклик на пункты договора: «5) Исходя из принципов социалистического строительства нац[иональных] культур, каждая из академий берет на себя обязательство расширения и углубления научного исследования народов СССР, оказывая помощь национальному культурному строительству, организуя для этого национальные научно-исследовательские учреждения. – 6) Каждая из академий обя-

¹² В 1930 г. разрозненные языковедческие комиссии ВУАН были объединены в Институт языкознания, который в настоящее время носит имя А.А. Потебни.

¹³ Словарная комиссия входила ещё в состав гуманитарной секции созданного в 1922 г. Института белорусской культуры.

¹⁴ Взаимодействие с белорусской комиссией действительно было налажено [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 230].

¹⁵ В составе ИПИН в тот период функционировали восемь секторов: Русский, Украинский, Белорусский, Северный, Североазиатский, Среднеазиатский, Кавказский, Волжский, – а также 3 секции: Статистико-географическая, Антропологическая и Фольклорная.

зуется рационализировать экспедиционное дело и научные командировки, стремясь к укреплению научных связей с местами и руководствуясь в первую очередь принципом целесообразного использования государственных средств и актуальностью намеченных экспедиций» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 42]. Вместе с тем это отражало методiku, прочно вошедшую в академическую практику в первое послеоктябрьское десятилетие, – вовлечение исследователей-краеведов и краеведческих обществ в академические работы. В.С. Соболев период с 1917 по 1927 г. назвал «золотым десятилетием отечественного краеведения» [Соболев, 2000]. Предшественник Белорусской академии наук – Институт белорусской культуры в 1920-е гг. в своей работе зачастую опирался на краеведческие общества, разворачивавшие в республике широкую деятельность и собравшие две всебелорусские конференции – в 1924 и 1929 г. [Гесь, 2001; II Усебеларуская Краязнаўчая Канферэнцыя, 1929]. В 1930 г. краеведение ещё рассматривалось как опора академических исследований, но скоро и это движение будет фактически уничтожено.

Основные цели трёхстороннего договора, конечно, были связаны с осуществлением планов социалистического строительства, требовавших приближения тематики научных исследований к запросам народного хозяйства страны, что предполагало взаимодействие в масштабах СССР. Хозяйственную подоплёку этого предприятия подчеркивает преамбула документа: «Бурный темп коллективизации и индустриализации нашей страны и переустройства всего народного хозяйства на социалистических основах требует напряженной научной работы от всех научно-исследовательских учреждений» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 42]. В процесс контроля и оценки работы академических учреждений в рамках этого договора был вовлечён производственно-экономический сектор страны. Сохранилось циркулярное письмо (телефонограмма) из секретариата АН СССР от 18 октября 1930 г. с просьбой направить представителя для участия в работе смотровых комиссий по исполнению договора, в числе адресатов которого – заводские комитеты Балтийского судостроительного и механического завода, завода «Электроаппарат», Кожевенного завода им. А.Н. Радищева, Ткацко-красильной фабрики им. А.И. Желябова, Писчебумажной фабрики им. Г.Е. Зиновьева [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 156, 164].

Вместе с тем нельзя отрицать определённого всплеска исследовательского энтузиазма, вызванного трёхсторонним договором и связанного с налаживанием межреспубликанского сотрудничества. Это дало толчок научным проектам, в числе которых – организация совместных комплексных экспедиций, таких как экспедиция трёх академий 1932 г. по изучению белорусского и украинского Полесья, целью которой стало как изучение состояния экономики, так и охраны памятников материальной культуры и пр.¹⁶

¹⁶ Документы по организации этой экспедиции см. [Научно-организационные связи... 2015: 109-118]. О других совместных научных предприятиях см. [Научно-организационные связи..., 2015: С. 81-140].

В рамках российско-белорусского сотрудничества была поднята тема, касавшаяся одного из крупнейших международных славистических проектов – Общеславянского лингвистического атласа. Это инициатива учёных Европы, фактически зародившаяся на I Международном съезде славистов, прошедшем в Праге, Брно и Братиславе 6-13 октября 1929 г. Идея была заложена трудами французского слависта Люсьена Теньера (*Lucien Tesnière*; 1893-1954), по инициативе которого, поддержанной Антуаном Мейе (*Paul Jules Antoine Meillet*; 1866-1936), в повестку дня съезда и был включён вопрос о едином Славянском языковом атласе, и принято решение о формировании международной комиссии для его разработки. Тогда проект атласа не был согласован; представители отдельных славянских стран не смогли прийти к единодушию в этом вопросе. Яркой негативной была позиция советской делегации, которая была сформирована на основе политических решений и в значительной мере состояла из учёных, далёких от славистики¹⁷. Тогда членом делегации Николаем Севастьяновичем Державиным (1877-1953), будущим академиком и директором Института славяноведения АН СССР, было высказано категоричное мнение против участия советских лингвистов в совместных зарубежных проектах, что позднее стало официальной позицией руководства Института языка и мышления АН СССР (ИЯМ) [*Бернштейн*, 1990: 7]. Между тем, в составе советской делегации на съезде находился славист, автор работы, в которой были затронуты вопросы славянской лингвогеографии [*Бузук*, 1929], с весны 1931 г. – директор Института языкознания БАН, Петр Афанасьевич Бузук (1891-1938). Его доклад на съезде также касался этой темы – «Лінгвістичная географія як дапаможны мэтод пры вывучэнні гісторыі мовы» [*Бернштейн*, 1990: 6]. На съезде П.А. Бузук не возразил выпадку Н.С. Державина, однако от идеи атласа, подпитываемой активной деятельностью Л. Теньера, не отказывался и в 1931 г. поставил этот вопрос на Президиуме БАН. Президиум нашёл возможным поддержать инициативу, и в письме, направленном по этому поводу в АН СССР 18 июня 1931 г., читаем следующее:

«На <...> I Международном конгрессе славянских филологов <...> было признано необходимым составление общего лингвистического атласа славянских языков, в виду того, что границы значительной части языковых явлений пересекают территории нескольких славянских языков. В комиссию для проведения этого постановления были избраны проф. [О.] Гу[й]ер (Чехословакия), [К.] Нитш (Польша), [А.] Белич (Югославия), [Л.] Теньер и [А.] Мейе (Франция) и [П.А.] Бузук (СССР); вхождение в комиссию представителя от советских ученых считал, между прочим, очень важным присутствовавший на съезде советник нашего полпредства т[ов]. [Н. М.] Калужный.

¹⁷ Член-корреспондент РАН, славист Григорий Андреевич Ильинский (1876-1937) в письме к академику Борису Михайловичу Ляпунову (1862-1943), приводимом в статье М.А. Робинсона, выражая негодование по поводу состава делегации, высказал свою убежденность, что он формировался под непосредственным руководством Н.Я. Марра – идеолога нового учения о языке, не получившего признания в европейской науке [*Робинсон*, 2013: 81].

Первым этапом работы указанной комиссии должен явиться целый ряд организационных моментов, установление наличного состава научных работников, которые смогли бы принять участие в указанной работе, выработка опросников-анкет и т. д. Организационная работа в этом направлении уже началась в буржуазных государствах, о чем двоекратно извещал т[ов]. [П.А.] Бузука секретарь названной комиссии страсбургский проф. [Л.] Теньер, справлявшийся о ходе работы в пределах СССР. Считая необходимым официальное оформление указанной работы по линии государственных научных учреждений Советского Союза – Коммунистической академии, НИЯЗ [Научно-исследовательский институт языкознания], Академии наук СССР, Украинской и Белорусской, каковыми должен быть поставлен, прежде всего, вопрос о тех научно-методологических требованиях и условиях (напр[имер], четкое классовое расслоение подлежащих изучению говоров, строгое отмежевание от возможных в подобном атласе панславистических тенденций), на каковых советские лингвисты могли бы войти в сотрудничестве с лингвистами буржуазных государств (без какового лингвистический атлас славянских языков сорвется), т[ов]. [П.А.] Бузук обратился с этим вопросом к Президиуму Белорусской академии наук.

Заслушавши информацию об этом вопросе т[ов]. [П.А.] Бузука, являющегося научным работником Белорусской академии наук, Президиум академии признал необходимым участие в составлении лингвистического атласа славянских языков. Поскольку т[ов]. [П.А.] Бузук является сотрудником Белорусской академии, поскольку соответствующими ее частями ведется уже работа по изучению говоров в социальном и географических разрезах и результаты такового смогут послужить материалом при создании марксистско-ленинской лингвистики, Президиум Белорусской академии наук предлагает сконцентрировать общее руководство этой работой в Белорусской академии наук, возложив на нее наблюдение за развертыванием в СССР работы по составлению лингвистического атласа славянских языков. Президиум БАН просит сообщить нам, не встречается ли с Вашей стороны возражений против поручения БАН этой работы и обращается к Комакадемии, к НИЯЗ и к Академии Наук УССР с просьбой высказаться о возможности и путях официального оформления и организации работы над данным вопросом» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 16. Д. 1. Л. 13-14].

Ответ на это предложение был сформулирован 3 октября 1931 г. на заседании Группы языка и литературы АН СССР (ГЯЛ), которую возглавлял Н.С. Державин. В обсуждении приняли участие академики В.М. Истрин, Б.М. Ляпунов и В.Н. Перетц, протокол же заседания сообщает, что ГЯЛ признала целесообразным оставить эту работу в АН СССР, передав её в Комиссию по русскому языку АН СССР (КРЯЗ), – «при сотрудничестве проф. Бузука» [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 16. Д. 1. Л. 11-12]¹⁸.

¹⁸ Предварительно, согласно протоколу, вопрос был обсуждён Отделом русской диалектологии КРЯЗ, чьё заключение и было представлено в ГЯЛ.

Это примечательные документы, касающиеся вопроса, который не получил тогда дальнейшей разработки ни на международном уровне в рамках консолидированной позиции, ни в АН СССР. Продолжать работу оказалось некому: П.А. Бузук в 1934 г. был вторично арестован (первый арест произошёл в 1930 г.) и в 1938 г. расстрелян, а КРЯЗ перешла в ИЯМ, в руководстве которого находились противники международного сотрудничества, и вопрос Общеславянского лингвистического атласа заглох сам собой¹⁹. Вернулись к этой теме только на IV Международном съезде славистов, который прошёл в Москве в 1958 г. [Бернштейн, 1990].

Важной составляющей наставнической работы АН СССР стала подготовка научных кадров для союзных республик, что было отражено в трёхстороннем договоре 1930 г. и осуществлялось на деле в форме подготовки аспирантов. Первая группа аспирантов в институты АН СССР была направлена Институтом аспирантуры БАН уже в 1931 г. [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 62. Л. 42-42 об.], а документы СПбФ АРАН и ЦНА НАНБ позволяют выявить 38 имён аспирантов АН СССР, прошедших обучение по направлению БАН до переезда АН СССР в Москву, в трёх секторах Комитета по подготовке кадров: физико-математическом, геологическом, биологическом [Научно-организационные связи..., 2015: 142-143].

Взаимодействие двух академий осуществлялось также в форме взаимного участия в работе сессий. В списке присутствующих на заседании Общего собрания АН СССР от 21 июня 1931 г. значатся представители БАН: президент П.О. Горин, А.К. Ленц, Я.Н. Афанасьев [СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 30]; в 1932 г. представители АН СССР были приглашены к участию в сессии БАН, посвящённой вопросам сельского хозяйства [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1932. Д. 33. Л. 223]; рассматривался вопрос выездной сессии АН СССР в Минске [СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 3 (протокол Общего собрания АН СССР 28 февраля 1932 г.)].

Историки науки советского времени, безусловно, видели позитивные результаты проведённых в эти годы усилий по координации исследований [Есаков, 1971: 217; Митрякова, 1973]. При этом объективно одним из важнейших результатов серии мероприятий, начало которым положил трёхсторонний договор 1930 г., стало превращение АН СССР в действительно всесоюзное научное учреждение, ориентированное на оказание методической помощи республиканским академическим центрам. Это было трагическое время разрушения старой академической школы и централизации науки, а фундаментальные гуманитарные исследования зачастую должны были отступить на задний план перед крупнейшими народно-хозяйственными задачами. Вместе с тем во многом благодаря инициативе межреспубликанского сотрудничества, пребывавшая в Ленинграде Академия наук в начале 1930-х гг. пережила короткое время подъёма научного энтузиазма и развития научного взаимодействия.

¹⁹ М.А. Робинсон предполагает, что руководитель ГЯЛ Н.С. Державин, решительно выступивший в Праге против идеи участия советских лингвистов в международном проекте по разработке атласа, на заседании ГЯЛ в 1931 г. не вступал в прения с академиками потому, что понимал, что КРЯЗ в скором времени перейдёт в ИЯМ, и это определит конец работы над атласом [Робинсон, 2013: 83].

Литература

- II Усебеларуская Краязнаўчая Канферэнцыя // Наш край. 1929. № 1. С. 49-72.
Бернштейн С.Б. Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 5-16.
Бузук П.А. Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі. Менск, 1929.
Гесь А.М. Першая Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Т. 12: Палікрат — Праметэй / рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мінск: БелЭн, 2001. С. 316.
Горяинов А.Н. Всеволод Измайлович Срезневский – археограф, славяновед и общественный деятель // Славянский альманах. 2002 / отв. ред. М.А. Робинсон. М., 2003. С. 237-252.
Документы по истории Академии Наук СССР: 1926-1934 гг. / сост. О.В. Иодко. Л.: Наука, 1988.
Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971.
Митрякова Н.М. Первый договор советских академий // Вестник АН СССР. 1973. № 6. С. 134-138.
Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР. 1929-1941: Сборник документов / сост. Л.Д. Бондарь, Н.В. Токарев, К.Г. Шишкина. Минск: Беларуская навука, 2015.
Писцовые книги Обонежской Пятины: 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М.Н. Покровского. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930 (Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР).
Робинсон М.А. Первый Международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования и неосуществленные проекты (по материалам переписки русских славистов) // Славянский мир: Общность и многообразие: К 1150-летию славянской письменности: 20-21 мая 2013 г.: Международная научная конференция: Тезисы. Ч. 1. М., 2013. С. 80-84.
Соболев В.С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 6. С. 535-541.

Наука и технологии в контексте советской позднеиндустриальной модернизации

И.В. Побережников, Е.Т. Артёмов

Аннотация. Взаимодействие науки и технологий рассматривается в контексте советской позднеиндустриальной модернизации. Обоснована взаимосвязь высоких темпов экономического роста с наращиванием научно-технической деятельности, которая предусматривала проведение масштабных исследований по всему «фронту» современной науки и приоритетное внимание ключевым направлениям научно-технического прогресса (атомный проект, ракетно-космическая программа, создание электронной промышленности, вычислительной техники). Выявлены этапы научно-технологической политики на протяжении позднесоветской модернизации. Особое внимание уделено взаимодействию науки и производства, внедрению научных разработок в производство в рамках атомного проекта. Акцентируется проблема трансфера технологий из отраслей ОПК в гражданские отрасли. Указаны причины замедления темпов научно-технического прогресса, приведшие к утрате былого динамизма советской экономики, что, в конечном счёте, обернулось её кризисом.

Ключевые слова: наука, технологии, позднеиндустриальная модернизация, научно-техническая деятельность, научно-техническая политика, атомный проект, ракетно-космическая программа, трансфер технологий.

История России в целом в современной литературе рассматривается в контексте различных теоретических подходов: цивилизационных, формационных, модернизационных, структурно-демографических, (нео)институциональных и др. При этом модернизационный подход является одним из наиболее востребованных и популярных. Его функциональность объясняется сфокусированностью на изучение реальных макропроцессов, формирующих модернизационный контекст (индустриализации, урбанизации, профессионализации и т.д.) [Побережников, 2006]. В последние десятилетия разработана концепция множественности модернов, предполагающая возможность различных вариантов («дорог»/ «ворот») включения в модерн [Эйзенштадт, Шлюхтер, 2007]. В этой связи советский вариант развития можно рассматривать как один из путей вхождения в модерн, который связывается с индустриализацией страны, ростом доли рабочих в социальной структуре, увеличением численности городского населения, заменой сословного принципа принципом классовых отношений, секуляризацией образования, распространением грамотности, ростом участия женщин в общественной жизни и производстве и т.д. При этом признаётся, что на советском этапе продолжают действовать механизмы, общие для модернизации, такие как структурно-функциональная дифференциация, то есть, по сути, нарастание специализации и разделения труда в социальном масштабе (дифференциации функций и структур); индустриализация

и научно-технологический прогресс как цели, определяющие силовой потенциал страны в мировом соревновании; трансфер технологий, их усвоение и адаптация [Побережников, 2023].

В советской модели модернизации ключевая роль отводилась внедрению научно-технических достижений в производство. Считалось, что только на этой основе можно обеспечить устойчиво высокие темпы экономического роста, «догнать и перегнать» развитые страны по подушевому уровню национального дохода. Было и понимание важности обладания технологическим суверенитетом. Тогда это называли технико-экономической независимостью. Её достижение рассматривалось в качестве необходимого уровня удовлетворения инновационных потребностей экономики и запросов вооружённых сил в современной технике. Как утверждал И.В. Сталин в своём программном выступлении в феврале 1946 г., это позволит гарантировать страну «от всяких неожиданностей» [Речь И.В. Сталина..., 1946]. Принципиальная установка на опережающее наращивание научно-технического потенциала и максимальное использование его возможностей сохраняла актуальность на протяжении всей советской эпохи.

Разумеется, конкретные приоритеты научно-технической политики менялись со временем. Схематично можно выделить в ней три основных этапа. В годы предвоенных пятилеток приоритет отдавался «освоению новейших достижений мировой науки и техники, переносу этого опыта в народное хозяйство страны». Поэтому главное внимание уделялось прикладному сектору науки, призванному обеспечить научно-техническое сопровождение производства.

В первое послевоенное десятилетие приоритеты изменились. Значимость использования зарубежного научно-технического опыта не отрицалась, но всё же главные усилия были направлены на развитие собственных возможностей. Именно в тот период были заложены основы собственной инновационной системы. В ряде отраслей промышленности начал формироваться единый научно-технический и производственный цикл, отправной стадией которого являлись фундаментальные исследования. Наиболее показательны – создание ядерного оружия, ракетно-космической и вычислительной техники, радиоэлектронного вооружения.

Третий этап охватывает время, начиная с «хрущёвского десятилетия» вплоть до конца «советского века». Его отличительной особенностью являлась установка на опережающее развитие исследований «по всему фронту современной науки» и создание действенных инновационных механизмов во всех отраслях производства. В 1970-е гг. Советский Союз по доле затрат на научно-техническую деятельность в валовом внутреннем продукте уже опережал все крупные страны за исключением США. А по абсолютным затратам на НИОКР (в переводе в доллары США по паритету покупательной способности) ненамного уступал всей Западной Европе.

В то же время, обозначилось снижение отдачи от соответствующих вложений. По имеющимся оценкам, эффективность затрат на науку, рассчитанная как отношение прироста выпуска наукоёмкой продукции к расходам на НИОКР, в

период 1971-1985 гг. устойчиво снижалась в среднем на 13-15% за пятилетку. В первую очередь, это объяснялось изъянами действовавшей экономической системы, порождавшей затянутость цикла «исследование – производство», и не стимулировало спрос на достижения науки. Замедление инновационной активности вело к ухудшению качественных параметров развития экономики и, в конечном счёте, к падению темпов её роста [Артемов, 2006].

В истории советской модернизации немало примеров успешного решения масштабных научно-производственных задач. Достаточно назвать создание ядерно-оружейного комплекса, ракетно-космической отрасли, перевод железнодорожного транспорта на электрическую и тепловозную тягу и т.д. Что касается атомного проекта, то эта проблема возникла ситуативно; для её решения устанавливался особый порядок работы. Главная цель советского атомного проекта заключалась в ликвидации монополии Соединённых Штатов Америки на ядерное оружие, которая после Хиросимы и Нагасаки стала восприниматься как прямая угроза самому существованию Советского Союза [Илькаев, 2013]. Так у страны появилась «задача номер один», так атомный проект стали называть даже в официальных документах.

Общую картину в данной области представляли лишь И.В. Сталин и возглавлявший работы по созданию ядерного оружия Л.П. Берия, а также несколько человек из числа главных администраторов и научных лидеров проекта. Все остальные партийно-правительственные «иерархи», руководители министерств и ведомств, выполнявшие в атомном проекте отдельные задания, не участвовали ни в определении стратегических направлений его реализации, ни в разработке текущих управленческих решений. Такой порядок планирования и организации работы открыл беспрецедентные возможности для мобилизации ресурсов в «обход» всех принятых планов «восстановления и развития народного хозяйства». Заявки атомного проекта на финансовые и материальные ресурсы удовлетворялись «независимо от степени обеспечения... других нужд». Кадровая проблема основного производства решалась путём отбора и мобилизации «лучших работников» страны. Чтобы эта система работала, была создана «управленческая вертикаль», подчинённая непосредственно И.В. Сталину. На её вершине находился Специальный комитет при Совете Министров СССР во главе с Л.П. Берией. Как директивный орган, он получил право в пределах своей компетенции давать поручения любым подразделениям государственной и партийной власти. Его исполнительные органы – Первое (ПГУ), а затем и Второе (ВГУ) главные управления при Совмине СССР – формулировали конкретные задания многочисленным участникам атомного проекта. Их своевременное и качественное выполнение жёстко контролировали так называемые уполномоченные Совета Министров СССР. Так управленческие и надзорные функции в атомном проекте оказались сосредоточены в одних руках, чего в советской практике хозяйствования ни прежде, ни позже не наблюдалось. Это позволяло Спецкомитету добиваться выполнения своих решений, игнорируя позицию отраслевых министерств, да и любых других властных инстанций.

Специфическую роль в атомном проекте играло годовое и пятилетнее планирование. Его показатели, утверждаемые Спецкомитетом, ни с кем не согласовывались. Необходимые для их достижения финансовые и материальные ресурсы детально даже не просчитывались. Планы работы, по существу, являлись внутренними «декларациями о намерениях». Но контрольные цифры выпуска «конечной продукции» – ядерных боезарядов – пересмотру не подлежали. Они устанавливались на грани технических возможностей. Тем не менее, каких-либо значимых отклонений от утверждённых параметров не наблюдалось. Так, пятилетним планом развития атомной промышленности на 1950-1954 гг. было предусмотрено изготовление «153 готовых изделий из плутония». Фактически удалось произвести 150 боезарядов. Это было впечатляющее совпадение планов и результатов [Артёмов, 2017].

Практика, принятая в атомном проекте, вызывала определённую напряжённость в управленческой вертикали. Однако жёсткая централизация власти позволяла легко блокировать проявления недовольства. К тому же большинство высших руководителей признавало необходимость чрезвычайных мер. Они понимали, что масштаб и сложность задачи создания ядерного оружия превышают адаптивные возможности стандартных методов управления и планирования. Вместе с тем в «руководящих кругах» осознали, что такая модель организации работы не подлежит тиражированию. Было ясно, что страна не может выдержать расширения числа «специальных» секторов производства, использующих ресурсы «по потребности». Поэтому даже программа создания ракетно-космической техники не получила таких полномочий, какими располагал атомный проект, а с окончанием сталинской эпохи и он был постепенно переведён на стандартные для советской экономики принципы планирования, организации и мотивации работы. Начало этому процессу положила ликвидация Спецкомитета. Для оперативного управления атомной отраслью создали Министерство среднего машиностроения. Однако ослабление централизованного начала в управлении экономикой привело к утрате должного контроля над его деятельностью. Фактически оно получило возможность беспрепятственно наращивать выпуск «готовой» продукции, пренебрегая критерием необходимости и достаточности. В 1986 г. СССР уже обладал 45 тыс. ядерных боезарядов. Это было в 2 раза больше, чем имели США. Очевидно, что для создания такого ядерного арсенала потребовались огромные затраты, которые легли непосильным бременем на экономику.

По имеющимся оценкам, в Советском Союзе в 1950-1980 гг. на НИОКР оборонного профиля приходилось от 50 до 80% общих затрат на научно-техническую деятельность. Естественно, возникала проблема передачи наработанных в нём технологий и технических решений в «гражданские» отрасли производства. Необходимость её решения хорошо осознавалась руководством страны.

Но результативность соответствующих мер была различной. Успешно, между прочим, переток научно-технических достижений из «оборонки» в гражданскую сферу осуществлялся в 1950-е гг. Можно привести ряд примеров ор-

ганизации подобного трансфера, имевшего далеко идущие последствия. Так, в мае 1950 г. Специальный комитет при Совмине СССР (руководящий орган атомного проекта) принял решение о широком использовании научно-технического задела, накопленного при разработке ядерного оружия. В частности, оно предусматривало создание ядерно-энергетических установок для электро- и теплогенерирующих станций и транспортных средств. В итоге уже в 1954 г. вошла в строй первая в мире атомная электростанция (Обнинская) с реактором, который первоначально разрабатывался для атомных подводных лодок. С этой даты начался отсчёт истории атомной энергетики [История взаимодействия..., 2018: 32]. А в 1959 г. ввели в эксплуатацию атомный ледокол «Ленин». Это было первое в мире надводное судно с атомной энергосиловой установкой [Скоренко, 2020: 79-81].

Плодотворным оказалось использование военно-технических достижений для развития гражданской авиации. Так, в июле 1955 г. свой первый полёт совершил реактивный пассажирский самолёт Ту-104, созданный на базе бомбардировщика ТУ-16. А в следующем году начались его регулярные рейсы [Наука и техника..., 1988: 155].

В ракетной отрасли попытки использования создаваемой техники в «мирных целях» предпринимались с начала её формирования. Уже первые образцы баллистических ракет были «приспособлены» для метеорологических исследований. Успехи в конструировании управляемой баллистической ракеты межконтинентальной дальности позволили принять решение о создании искусственного спутника Земли, который был выведен на орбиту в октябре 1957 г. [Советская космическая инициатива..., 2008: 64-66]. Это заложило основы широкого применения космической техники в народнохозяйственных и научных целях: изучение ионосферы, космического излучения, составление карт, поиск месторождений полезных ископаемых, развитие средств связи, телевидения и т.д. Были и успехи в «мирном использовании» вычислительной техники, первоначально разрабатывавшейся в интересах атомного проекта и ракетной программы.

Важным условием осуществления трансфера военно-технических достижений в гражданскую сферу являлось наличие жёсткой управленческой вертикали, позволявшей успешно преодолевать ведомственные барьеры. Однако по мере трансформации «командной экономики» в «экономику согласований и бюрократического торга», её возможности снижались. И это накладывало серьёзные ограничения на внедрение в производство самых передовых технологий.

Стремительное наращивание вложений в сферу НИОКР дало мощный импульс производству научных знаний «по всему фронту» современной науки. Советские учёные заняли самые передовые позиции в области математики и механики, ряда направлений физики и химии, изучения Земли и космического пространства. Несомненные успехи были достигнуты в практическом использовании результатов фундаментальных исследований в производстве. Правда, в начале 1960-х гг. произошло замедление темпов его роста. Ключевую роль сыграли «субъективные» факторы: втягивание страны в новый виток гонки во-

оружий и перераспределение ресурсов в интересах наращивания военной мощи в ущерб целям развития; непродуктивное реформирование действующей системы управления наукой и производством; ослабление властной вертикали, обернувшееся переходом от стратегии опережающего развития к планированию от достигнутого уровня [Артёмов, 2022]. После смещения Н.С. Хрущёва и отказа от «крайностей» в экономической политике, обстановку удалось стабилизировать. В результате 1950-е – 1960-е гг. оказались весьма удачными для советской экономики, о чём свидетельствуют данные как официальной статистики, так и альтернативные расчёты. И только с начала 1970-х гг. обозначилось прогрессирующее падение темпов экономического роста. Несмотря на наличие мощного научного потенциала, его темпы, рассчитанные как отношение прироста выпуска наукоёмкой продукции к затратам на НИОКР, в период с 1971 по 1985 гг. снижались в среднем на 13-15% за пятилетку [Варшавский, Сироткин, 1999: 344-348; Макаров, Варшавский, 2015: 815-817]. В результате наметилась сдача Советским Союзом позиций одного из мировых научно-технических лидеров, усилилась зависимость его экономики от импорта западных технологий, что сыграло свою роль в нарастании к концу советской эпохи кризисных явлений в развитии страны.

Литература

- Артёмов Е.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.
- Артёмов Е.Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.
- Артёмов Е.Т. Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущёва // Российская история. 2022. № 4. С. 186-198.
- Варшавский А.Е., Сироткин О.С. Проблемы российской науки // Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М.: Экономика, 1999. С. 344-364.
- Илькаев Р.И. Основные этапы атомного проекта // Успехи физических наук. 2013. Т. 183. № 5. С. 528-534.
- История взаимодействия ядерной энергии и общества в России / Н.В. Мельникова, Е.Т. Артёмов, А.Э. Бедель и др. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2018. 127 с.
- Макаров В., Варшавский А. Наука, высокотехнологичные отрасли и инновации // Экономика России. Оксфордский сборник. Кн. II. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 815-846.
- Наука и техника СССР. 1917-1987. Хроника. М.: Наука, 1988. 758 с.
- Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.

Побережников И.В. Модернизация в истории Российской империи и СССР: общие тренды и специфика // Столетие СССР: вопросы и ответы: сб. научных трудов. Екатеринбург, 2023. С. 115-131.

Речь И.В. Сталина перед избирателями // Правда. 1946. 10 февраля.

Скоренко Т. Изобретено в СССР. История изобретательской мысли с 1917 по 1991 год. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 515 с.

Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946-1964 гг. / Под ред. Ю.М. Багурина. М., Изд-во РФСофт, 2008. 416 с.

Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212-226.

Новосибирский Академгородок: технология «броска» советской науки на восток

В.М. Рынков

Аннотация. Создание Сибирского отделения и новосибирского Академгородка явилось условием для научного и технологического прорыва, быстрого развития в Сибири наукоёмких производств. Основатели Академгородка работали и реализовали точные социальные технологии, получившие название «треугольник Лаврентьева» и рассчитанные на долговременный эффект. Выстроив чёткие горизонтальные и вертикальные связи, сочетавшие плановость и творческое начало, Президиум СО РАН добился того, что сибирская наука стала заметной частью кадрового научного потенциала страны, по многим научным направлениям закрепила и прочно удерживала лидирующие позиции. Сибирское отделение являлось мощным фактором успешного развития всей советской науки.

Укрепляя научный потенциал восточных регионов, Сибирское отделение последовательно наращивало число научных центров. При сходстве наименований – томский, красноярский, иркутский, владивостокский академгородки, другие научные центры не повторяли полностью модель новосибирского Академгородка и не достигали его результатов. И, тем не менее, они обеспечили качественный рост научного потенциала не только в своём регионе, но и для страны в целом. Поэтому РАН шла и продолжает идти по пути создания новых отделений, которые выстраивают каждый собственную модель управления региональной наукой, но ориентируются неизменно на свой первый образец – Сибирское отделение АН СССР/РАН.

Ключевые слова: Академия наук, Сибирское отделение, Новосибирский научный центр, М.А. Лаврентьев, социальные технологии, история науки.

Ступени на пути к формированию «стратегии лидеров»

Создание Академии наук сделало возможным научное изучение Сибири. На смену походам сибирских воевод и служилых людей – первопроходцев, пришли академические экспедиции. При их организации на восток отправлялись члены Академии в сопровождении штата помощников, рисовальщиков, чучельников, переписчиков и многих других, работавших по составленной руководителями экспедиций программе. Такие экспедиции проводили длительное комплексное обследование территорий, по которым пролегал их маршрут – сбор и копирование документальных материалов, запись историй, преданий, фольклора, картографирование, геодезическую съёмку, зарисовку растений и животных, формирование коллекций исторических источников, геологических материалов, образцов растительного и животного мира. Так, Камчатская экспедиция длилась пять лет, Великая Северная экспедиция – десять лет.

Пока немногочисленные интеллектуальные силы России оставались сосредоточенными в столице и дворянских усадьбах центральной России, а основные её природные богатства располагались на Урале и за ним, в огромном редко заселённом крае, академические экспедиции предполагали хотя бы временное перенесение этих сил в Сибирь.

Экспедиционный период исследований продолжился достаточно долго, даже когда на смену академическим экспедициям пришли инициированные общественными организациями и ведомствами: к изучению азиатской части России подключилось Русское географическое общество, Археографическая комиссия, учреждения Министерств внутренних дел, государственных имуществ. Императорская академия наук принимала участие в подготовке многих из них. Но учёные прибывали в Сибирь из России или из-за границы только на время проведения полевых исследований. Со второй четверти XIX в. в лучшем случае образованные специалисты, подготовленные к самостоятельному изучению обширного сибирского края, его людей и природы, попадали в Сибирь не по своей воле. Первые поколения подолгу живших в Сибири исследователей – это ссыльные декабристы, участники польских восстаний, народники. Лишь к последней четверти XIX в. стала формироваться немногочисленная генерация сибиряков – исследователей Сибири и сопредельных территорий. Именно они впервые заговорили о существовании у Сибири собственных геополитических интересов, своей истории, о настоятельной необходимости формировать местную элиту, радевшую за нужды родного сибирского края. Так родилось сибирское областничество, общественно-политическое течение, созданное молодыми сибирскими интеллектуалами, понимавшими значимость исследования Сибири сибиряками.

За несколько последних десятилетий имперского периода истории Сибирь пережила очень серьёзные преобразования. Появились три высших учебных заведения: университет и политехнический институт в Томске и Восточный институт во Владивостоке. На повестке стояло открытие других вузов. Интеллигенция сибирских городов продемонстрировала достаточную зрелость, чтобы сформировать программу и проводить изучение родного края местными силами. Но это оставались преимущественно любительские инициативы. Академия наук направляла экспедиции в восточные регионы, подыскивая вспомогательный персонал из местной интеллигенции и студентов.

Первая попытка организовать самостоятельный общесибирский центр координации научного изучения общества и природы приходится на годы Гражданской войны. Есть смысл остановиться на этой истории подробнее.

Вопрос приобрёл актуальность по причине оторванности Сибири в условиях Гражданской войны от центра страны. Сибирь и Советскую Россию разделял фронт вооружённого противостояния. Утвердившаяся в антибольшевистском лагере идея федеративного устройства России, причём формирования не национального, а территориального устройства её субъектов, подталкивала к подготовке общесибирских органов управления не только в политической и административной сферах, но и в науке, культуре, образовании. При этом на

востоке России оказалось довольно много известных учёных – беженцев из центральных регионов. Они охотно включались в исследовательскую программу по изучению Сибири и, находясь в отрыве от столиц, поддержали идею формирования в Сибири сети самостоятельных научных учреждений.

Так родилась инициатива создания Института исследования Сибири, реализация которой стала предметом обсуждения на специально организованном в январе 1919 г. съезде в Томске [Труды съезда по организации Института исследования Сибири, 2019].

«Целью Института, – говорилось в «Положении об Институте исследования Сибири», принятом на общем собрании съезда 25 января 1919 г., – является планомерное научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и культурно-экономического его развития».

Председатель съезда Борис Петрович Вайнберг говорил, что Институт создается «не в виде безответственного объединения представителей различных учреждений, сходящихся на почве необязательных соглашений, не в виде сротка насильственно вырванных с мясом и кровью из различных ведомств частей их, которые вели до тех пор дело исследования Сибири, и не в виде величественной, но не лишенной опасности застыть в отвлеченной от практики формы Сибирской Академии Наук, а в виде гибкого, но тесного объединения ведомственности и общественности, практической жизни и науки, причем последняя должна быть не в названии Института, а в применяемых им методах исследования». Камень был брошен в ту Академию наук, которая отводила сибирякам роль вспомогательного персонала для экспедиций, организуемых под руководством столичных учёных.

Институт учредили на средства российского правительства, того, что действовало при Верховном правителе России А.В. Колчаке. Он сохранял все признаки общественного учреждения, независимого как в формировании планов работы, так и в формулировании своих экспертных предложений и оценок. Его директором стал известный сибирский геолог и бывший ректор Томского университета Василий Васильевич Сапожников, отказавшийся от занимаемого им поста Министра народного просвещения ради того, чтобы возглавить Институт. Резиденцией общесибирского научного учреждения избрали университетский Томск, но были созданы его Восточно-Сибирское отделение в Иркутске и Дальневосточное во Владивостоке, а также сформированы отделы: географический, естественно-исторический, технико-промышленный, историко-этнографический и экономико-статистический. Предполагалось набрать штат кадровых сотрудников Института. Тщательно продуманная схема организации и исследовательская программа остались в значительной мере нереализованными. Институт работал в условиях отступления колчаковской армии и установления советской власти и был закрыт большевиками летом 1920 г. Его работа – это первый шаг к созданию единого полидисциплинарного центра координации научных исследований на востоке России [см. подробнее: Журналы заседаний Совета института исследования Сибири..., 2008].

Ещё почти десятилетие этот первый опыт объединения научных сил огромного макрорегиона в едином многопрофильном учреждении будоражил умы уже советских учёных. Им представлялась правильной организация науки на востоке страны как советская модификация Института исследования Сибири. Достаточно вспомнить Первый краевой научно-исследовательский съезд, проходивший в 1925 г., участники которого открыто апеллировали к опыту съезда января 1920 г. и его детищу, общесибирскому научному институту, объединившему все основные научные направления.

Но в целом в 1920-1930-е годы возобладала экспедиционная форма исследования. В 1930 г. решением общего собрания АН СССР была создана постоянная комиссия по изучению Сибири по главе с академиком Александром Евгеньевичем Ферсманом. В последующие годы работали Кулундинская комплексная экспедиция Совета по изучению производительных сил АН СССР (1931-1934), Ангарское бюро АН СССР (1931-1934), комплексная экспедиция СОПС на БАМе (1932-1934) и ряд других. Помимо комплексных осуществляли свою деятельность около 250 целевых экспедиций.

Параллельно накапливался потенциал научных исследований в Сибири. Будучи центром огромного края, сначала Сибирского, а с 1925 г. – Западно-Сибирского, Новосибирск притягивает научные кадры, в том числе задействуя административные рычаги. В 1929-1931 гг. здесь создаётся десять исследовательских институтов, обслуживающих промышленность, и 12 прикладных, включая 5 – сельскохозяйственного профиля. Некоторые из них перебазировались из Томска.

С середины 1920-х годов родилось и альтернативное видение организации науки на востоке России, связанное с деятельностью Ферсмана, выдающегося геолога, основателя геохимии, человека поистине энциклопедических знаний и больших организаторских способностей. Именно он усиленно продвигал идею о создании на востоке страны филиалов Академии наук и перехода от вахтовой к стационарной науке с полным оснащением местных учреждений исследовательским оборудованием. В 1931 г. обсуждались перспективы создания Уральского, Западно-Сибирского и Дальневосточного отделений АН СССР. Но позже их стали именовать базами или филиалами.

27 июня 1932 г. принято решение об основании Уральского отделения в составе трёх институтов. При его открытии в штате состояли всего 50 сотрудников, из них научных – только 23. Позже отделение преобразовали в филиал и в 1936 г. даже хотели ликвидировать ввиду отсутствия кадров и средств на содержание [Сибирское отделение..., 2007: 67-69].

В 1932-1939 гг. существовал Дальневосточный филиал РАН, в структуре которого были в разное время два или три института. Его ликвидировали формально в связи с ухудшением международной обстановки, переподчинив его учреждения различным ведомствам. По-видимому, имела значение и недостаточная лояльность дальневосточного руководства к всесильному академику Т.Д. Лысенко.

Намеченный тогда же к открытию в Новосибирске Западно-Сибирский филиал, который планировался как самый крупный на востоке, состоящий из семи академических институтов, так и не был создан. В Академии наук СССР у такого «филиального» пути развития науки были и противники, весьма влиятельные. Они опасались распыления научных кадров. По их мнению, только высочайшая концентрация профессиональных учёных в Москве и Ленинграде позволяла советской науке успешно решать стоявшие перед ней задачи. К тому же, они не без основания отмечали очень незначительное количество в регионах лиц, обладавших достаточной квалификацией для проведения академических исследований на должном теоретическом уровне. Для того, чтобы ситуация изменилась, понадобились долгие годы. Создание Западно-Сибирского филиала в Новосибирские подтолкнула Великая Отечественная война, когда возникла необходимость срочно организовать прикладные исследования военно-промышленного назначения в глубоком тылу, а местный контингент учёных серьёзно усилился за счёт эвакуированных из центра страны. Но для более глубокой реорганизации науки в Сибири предпосылки не созрели даже тогда.

Создание Сибирского отделения

Такие предпосылки сформировались к началу 1950-х годов, когда руководители страны и АН СССР пришли к пониманию необходимости глубоких перемен в научной политике¹. Сама история, связанная с первоначальным замыслом создания Сибирского отделения АН СССР, хорошо известна. Михаил Алексеевич Лаврентьев, академик-секретарь отделения физики, член Президиума АН СССР, выразил озабоченность двумя проблемами: слабая связь институтов с производством и концентрация науки в двух крупнейших городах – Москве и Ленинграде. В этом вопросе он нашёл понимание у Сергея Алексеевича Христиановича, академика-секретаря технических наук и академика Сергея Львовича Соболева, в прошлом директора института математики, с опытом работы в Центральном аэрогидродинамическом институте. Таким образом, изначально всё шло вроде бы не от нужд Сибири и освоения её ресурсов. Это был совершенно новый вектор.

Приведём немного статистики – к 1953 г. в АН СССР работали около 30 тыс. чел, из них – 11,5 тыс. научных сотрудников. 85% кадров трудились в Москве и Ленинграде. Замысел заключался не просто в том, чтобы преобразовать филиал в отделение. Бюрократические переименования и смена статусов происходили и раньше и, как показывает опыт, имели обратимый характер. Теперь «бросок на восток» призван был одновременно придать новый импульс развитию Академии наук в целом, вывести советскую науку к новым организационным и технологическим рубежам. Он совпал по времени с поиском высшей

¹ В числе ключевых, но далеко не единственных, обсуждалась проблема внедрения научных разработок [см.: Иванов, 2000: 184-211].

партийно-советской властью новых форм организации науки и её взаимодействия с производством и получил поддержку Н.С. Хрущёва.

Вот как об этом написал в своих воспоминаниях сам М.А. Лаврентьев: «... Новый центр ни в коем случае не должен был стать только так называемым региональным. ... Собственно, как региональные возникли на первом этапе филиалы Академии наук: Якутский, Дальневосточный, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский. Но новый этап освоения Сибири породил и новые требования к науке, а именно: создание на востоке страны научных учреждений общетеоретического профиля, которые обеспечивали бы высокий уровень фундаментальных исследований, постоянное создание научного задела для практики» [Век Лаврентьева, 2000: 126].

Стоит обратиться к ключевому нормативному акту о создании Сибирского отделения – постановлению Совета министров СССР от 18 мая 1957 г. Во-первых, выделялись огромные средства для масштабного строительства наукограда нового типа: 60 млн. в качестве первого транша, а в пятилетней перспективе на научные учреждения Сибирского отделения до 900 млн. руб. Практика показала, что потребовались значительно более крупные бюджетные ассигнования. Новосибирский Академгородок планировали как замкнутое социально обустроенное пространство, где производственные помещения, жильё и досуговые учреждения будут находиться в шаговой доступности. Во-вторых, отраслевые научные приоритеты видны из перечня первых институтов, утверждённых упомянутым и последующими законодательными актами. Очевиден мощный крен в сторону «технологических» отраслей фундаментальной науки. В постановлении приоритет отдан физико-техническому, естественно-научному и экономическому направлениям с целью скорейшего развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока. В центре внимания оказались физика, химия, биология. Оставались и традиционно мощное в Сибири геологическое направление и экономика как наука, призванная решать прикладные задачи, связанные с расчётами по организации производства. Важно также, что все сибирские и дальневосточные действующие и вновь открываемые научные учреждения входили в структуру Сибирского отделения и подчинялись ему. Руководящий состав институтов подбирался президиумом СО АН СССР и утверждался Президиумом АН СССР. Сибирское отделение подчинялось не только Академии наук, но и Совету министров РСФСР [Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС..., 2010. Т. 2: 751-752].

Создание научных институтов происходило «под директоров»: приглашался выдающийся учёный, который определял направления работы своего будущего института и под них подбирал кадры по всей стране, в том числе приглашая коллективы целых научных подразделений из других городов. Они приступали к работе в составе новых институтов поначалу до того, как были построены сами институты и жильё для сотрудников. Поэтому часть из них, числясь в Сибирском отделении, какое-то время работали на своих прежних местах. Но Академгородок строился, и его жителями становились всё больше работников Новосибирского научного центра.

Поэтому залогом успешной реализации проекта стало быстрое и удобное строительство. Задача оказалась не из лёгких. Первоначально её возложили на Новосибирскобгэсстрой. В связи с недостатком строительных материалов, кадров и наличием у него другой профильной деятельности, строительство затягивалось, сроки сдачи объектов срывались. Лишь с созданием специального строительного предприятия «Сибкадемстрой» удалось выйти на запланированные сроки и масштабы деятельности. М.А. Лаврентьеву для этого порой приходилось использовать личные связи с лидером советского государства, к которому он имел возможность в случае необходимости обратиться за содействием.

Триединство: принципы научного строительства

Авторская модель комплексного научного центра получила название «Треугольник Лаврентьева». Она успешно действовала на протяжении четверти века. Между тем, сам основоположник Сибирского отделения не использовал хорошо известную сегодня метафору, которая «пошла в народ» в значительной мере благодаря усилиям освещавших деятельность руководителей сибирской науки талантливых публицистов [см.: *Ибрагимов, Притвиц*, 1989]. Но М.А. Лаврентьев предпочитал говорить о триединстве. Находясь в непрерывном поиске, он со времени формулирования идеи создания в Новосибирске крупного научного центра и до конца жизни варьировал формулировками, неизменно оставляя основу из трёх взаимодействующих идей. Председатель Сибирского отделения выводил эти принципы, как правило, с опорой на наиболее актуальные для того периода времени партийные документы и решения текущих форумов Коммунистической партии. Впрочем, в первые годы строительства Академгородка, Лаврентьев, который довольно много писал в советской прессе и часто давал интервью, предпочитал говорить о ходе строительства Академгородка и с гордостью сообщал общественности о складывавшихся научных направлениях. Очень много внимания он уделял первому набору сибирских академиков и членов-корреспондентов, справедливо видя в них складывание научных школ.

Сам Академгородок предстаёт в публицистике Лаврентьева Соцгородом, гармонично сочетающим удобство жизни и максимально комфортные условия для творческой работы. Он с гордостью рассказывал о ходе строительства жилья, растущей бытовой инфраструктуре наукограда, продуманности проектов институтских корпусов [*Лаврентьев*, 1958 а; *Лаврентьев*, 1958 б; *Новый научный центр...*, 1958: 27-29; *Лаврентьев, Черненко*, 1959: 65-67].

Впрочем, многое из реализованного в Академгородке М.А. Лаврентьев и его соратники принесли из багажа предыдущих лет. Ведь сами назревавшие в советской науке реформы требовали более тесной связи фундаментальных исследований с производством. В Академгородке предполагали идти сразу двумя встречными путями: строительство межинститутского опытного завода, направленного на реализацию разработок новосибирских институтов, и тес-

ную связь конкретных научных учреждений с новосибирскими заводами, готовыми совместно с учёными доводить опытные разработки до промышленного производства. И второе, касается подготовки научных кадров. Модель работы не так давно созданного МФТИ (1951 г.), в котором преподавательский состав набирался из лидеров научных направлений, а студенты сразу начинали работать в лабораториях научных институтов над воплощением практических задач и заканчивали вуз готовыми специалистами, способными со студенческой скамьи пополнить молодыми кадрами научные институты, была доработана и распространена на все направления подготовки. Новосибирский государственный университет стал частью Сибирского отделения и создавался как университет нового типа. Модель МФТИ была дополнена интенсивным поиском по всей Сибири талантливых, нестандартно мыслящих школьников. Для развития уникальных задатков при университете открыли специализированную физматшколу. Её учащихся ориентировали на поступление в НГУ. Большинство преподавателей университета работали в институтах, где студенты привлекались к практической работе и изначально готовились к тому, чтобы пополнить научные ряды. Достаточно сказать, что первый выпуск университета в 1963 г. составляли 60 студентов. Среди преподавательского состава были 4 академика и 6 членов-корреспондентов АН СССР. Сам курс тоже дал миру четырёх академиков и ещё многих выдающихся учёных.

Рефлексия по поводу принципов работы Новосибирского научного центра активно начинается к десятилетию Сибирского отделения. Интенсивные поиски продолжались в первой половине 1970-х годов. Триединство варьируется: наука, научно-технический прогресс, кадры; наука, техника, образование; наука, практика, кадры; наука, кадры, производство². Важно, что это именно единство трёх граней. М.А. Лаврентьев говорил о множестве «путепроводов», связывавших три основания научного строительства. И у каждого из члена триединства имелись разные грани преломления.

В отношении науки часто подчёркивались новые возможности междисциплинарного развития фундаментальных исследований; руководители институтов могли приглашать сотрудников под конкретные научные задачи. Субординация институтов проходила не через Москву, а здесь, в отделении, через Президиум, который мог ставить им общие задачи. Это создавало уникальные условия для развития междисциплинарности. Академгородок стал лицом динамично развивающейся советской науки, открытым для мировой науки. Новосибирские учёные имели возможность инициировать и успешно проводить множество международных мероприятий.

Вопрос об интеграции сибирской науки в мировую стал важным направлением комплексной работы. С 1960-х годов в Академгородок приезжали выступать с лекциями известные учёные из разных стран мира. Был налажен достаточно регулярный книгообмен не только со странами социалистическо-

² См. подробнее: [Лаврентьев, 1971; Лаврентьев, 1972 а; Лаврентьев, 1972 б; Лаврентьев, 1972; Гвишиани, Глушков, Лаврентьев, 1973; Лаврентьев, 1974; Лаврентьев, 1979].

го содружества, но и с ведущими научными центрами Запада. В Новосибирске проводились выставки, знакомившие сибирских учёных с достижениями западной науки и её опытом внедрения научных разработок в производство [см. подробнее: *Водичев*, 1990].

Для укрепления связи фундаментальной науки и производства шёл постоянный поиск новых форм. Политическое решение Н.С. Хрущёва о поддержке идеи М.А. Лаврентьева в значительной мере объяснялось продолжавшимся противостоянием СССР и Запада. Профиль большинства институтов был связан с военно-промышленными разработками. В Академгородке должен был сложиться пояс внедрения, состоящий из сибирских военно-промышленных предприятий. В новосибирских институтах много внимания уделялось прикладному аспекту, внедрению, работе с изготовителями, заказчиками, участию в совместных испытаниях. В самих академических учреждениях создавались конструкторские бюро. Впрочем, нельзя не признать, что эта составляющая треугольника несколько пробуксовывала, и постоянно приходилось говорить о недостаточности взаимодействия фундаментальной науки с реальным производством.

Вопрос о подготовке кадров также получал новые интерпретации. В частности, М.А. Лаврентьев говорил о том, что пояс внедрения должен прирастать сетью профессиональных училищ, техникумов, вузов, обеспечивать высококвалифицированными рабочими и инженерными кадрами промышленное производство с тем, чтобы всегда были молодые специалисты, способные выполнить самые сложные запросы науки по подготовке новых промышленных изделий или сложного научного оборудования.

Вопрос о кадрах имел ещё одно немаловажное преломление. Масштабное жилищное строительство и комфортные условия для занятия наукой, а также небывалые для традиционных советских научных центров возможности карьерного роста в недавно созданных институтах позволяли рассчитывать на прибытие в Академгородок лучших советских учёных.

Сибирская наука в контексте центрпериферийных отношений

Сибирское отделение задумывалось как система комплексных научных центров, охватывающих всю территорию макрорегиона. В целом, несмотря на трудности и проблемы, стратегию Сибирского отделения по расширению сети научных учреждений удалось реализовать. В 1960-е гг. укрепились Новосибирский, Иркутский и Якутский научные центры – те, в которых до 1957 г. действовали филиалы АН СССР. В конце 1960-х – 1970-е гг. началось активное развитие академических центров в Томске, Красноярске, Улан-Удэ. В 1990 г. были открыты научные центры в Кемерово, Тюмени и Омске [см. подробнее: *Куперитох*, 2006]. Но повторить масштаб Новосибирского академгородка и внедрить его социальные технологии больше нигде не удалось. В других научных центрах вакансии занимались преимущественно местными кадрами, разбросанность по городу сотрудников сделала невозможным организацию замкнутого социального пространства.

Вместе с тем, и в рамках Академии наук Новосибирский научный центр воспроизводил здесь, в Сибири, иерархию, во многом напомиравшую отношения между РАН и региональными филиалами до создания Сибирского отделения. В первое десятилетие Новосибирский научный центр поглощал 60% всех инвестиций в науку, предназначенных для восточных регионов. Тогда это оправдывалось необходимостью концентрации ресурсов для скорейшей организации Академгородка. Для второго десятилетия ставилась задача опережающего развития других научных центров. Но реально средства продолжали распределяться с прежним явным перекосом в пользу Новосибирского академгородка. И если в первое десятилетие многие институты в Красноярском и Иркутском научных центрах были очень тщательно профилированы и вписывались в Сибирское отделение как уникальные направления, то в последующем в научных центрах Сибири учреждалось много филиалов новосибирских академических институтов. Для огромного региона роль Новосибирска как централизованного начала в кадровой и научно-организационной сферах не ослабевала, а скорее даже усиливалась. В Новосибирске с конца 1970-х годов и до нынешних дней сконцентрировано около половины кадрового потенциала Сибирского отделения.

В новосибирском научном центре появились ещё два наукограда. Сибирское отделение ВАСХНИЛ было образовано 14 ноября 1969 г. Вскоре советское руководство приняло решение образовать специальные посёлки для каждого отделения – в Киеве, Ташкенте и Новосибирске. В результате под Новосибирском появился максимально приближенный к модели Академгородка вариант наукограда – Краснообск. Второй наукоград – Кольцово, создавался вокруг крупного градообразующего предприятия – Научно-производственного объединения «Вектор». Строительство современного посёлка городского типа при «Векторе» развернулось с 1974 г. Он во многом напоминал традиционный советский наукоград. В 1970 г. в Новосибирске учреждён Сибирский филиал Академии медицинских наук СССР. Недалеко от Академгородка был возведён комплекс медицинских институтов. В 1979 г. филиал преобразован в отделение. С этих пор Новосибирск гордо стали называть городом трёх академий, а концентрация научно-координационных функций только усилилась.

Сегодня, когда в Российскую академию наук включены сельскохозяйственная и медицинская академии, в составе её Сибирского отделения числятся 99 академиков и 101 член-корреспондент РАН. Сибирское отделение сегодня – это 9,5% кадрового состава академии, из них в Новосибирском научном центре работает около половины.

Создавая Сибирское отделение, организаторы сибирской науки думали о формировании здесь комплекса уникальных институтов и организации таких условий для их работы, что они вот уже несколько десятилетий прочно удерживают лидирующие позиции по своим научным направлениям. Модель Сибирского отделения в значительной мере учитывалась при создании новых отделений – Уральского и Дальневосточного. А в прошлом году оправданность вектора на децентрализацию закреплена созданием ещё одного отделения – Санкт-Петербургского.

Впрочем, не нужно испытывать иллюзий. Академгородок – это детище своего времени – эпохи «хрущёвской оттепели», тесного взаимодействия и взаимопонимания, сложившихся между основателями Сибирского отделения, лидерами научного мира и советскими политическими лидерами. Проект создания Новосибирского академгородка оказался необычайно успешен, потому что являлся тщательно продуманным комплексом уникальных новых прорывных социальных технологий, оптимально вписанных в советскую институциональную систему. Сегодня мы ещё имеем возможность пожинать плоды прежнего успеха Сибирского отделения. Но для новых серьёзных прорывов нужно искать другие социальные технологии.

Литература

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, 1922-1991. М., 2010. Т. 2: Академия наук в решениях Политбюро ЦК КПСС: Бюро президиума, Президиум, Секретариат ЦК КПСС. 1952-1958.

Век Лаврентьева / Отв. ред. Н.Л. Добрецова, Г.И. Марчука. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Филиал «Гео», 2000. 456 с.

Водичев Е.Г. Формирование и развитие международных связей Академической науки в Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1990. 224 с.

Гвишиани Д.М., Глушков В.М., Лаврентьев М.А. Наука, практика, кадры // Наука и управление. М.: Знание, 1973. 31 с.

Журналы заседаний Совета института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. 16 сентября 1920 г. / Отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. 264 с.

Ибрагимова З., Притвиц Н. Треугольник Лаврентьева. М.: Сов. Россия, 1989. 334 с.

Иванов К.В. Наука после Сталина: реформа Академии наук. 1954-1961 гг. // Науковедение, 2000. № 1. С. 184–211.

Куперитох Н.А. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск: Гео, 2006. 439 с.

Лаврентьев М.А. Молодая наука Сибири // Литературная газета. 1958 а. 18 декабря.

Лаврентьев М.А. Новое пополнение Сибирского отделения Академии наук СССР // Правда. 1958 б. 7 апреля.

Лаврентьев М.А. Наука. Научно-технический прогресс. Кадры // Советская Сибирь. 1971. 27 июля.

Лаврентьев М.А. Кадры для науки и производства // Труд. 1972 а. 23 февраля.

Лаврентьев М.А. Наука, техника, образование // Наука и жизнь. 1972 б. № 3. С. 99-103.

Лаврентьев М.А. Решает качество: [о создании при Новосибирском научном центре производственной базы для практической обработки законченных исследований и основных задачах НИИ и КБ] // Правда. 1972 в. 10 апреля;

Лаврентьев М.А. Триединство: наука – кадры – производство: [интервью с председателем Сибирского отделения Академии наук СССР Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым]; вела З. Ибрагимова // Экономика и организация промышленного производства. 1974. № 3. С. 4-13.

Лаврентьев М.А. Наука. Технический прогресс. Кадры: [выдержки из книги, готовящейся к публикации] // За науку в Сибири. 1979. 20 сентября.

Лаврентьев М.А. Черненко А.К. Развитие науки в Сибири // Вестник Академии наук СССР. 1959. № 1. С. 65-67.

Новый научный центр: [беседа с председателем Сибирского отделения Академии наук СССР Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым] // Культура и жизнь. 1958. № 10. С. 27-29;

Сибирское отделение. Исторический очерк / отв. ред. Н.Л. Добрецов, В.А. Ламин. Новосибирск, 2007.

Труды съезда по организации Института исследования Сибири / изд. под наблюдением В.П. Вейнберга. Томск: [Б. и.], 1919. 459 с.

Часть 3
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СЕССИЯ
БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
«ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И МОНИТОРИНГ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ»
(18 октября 2023 г.)

«Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры»: исследовательский и просветительский ресурс по цифровизации и популяризации природного и культурного наследия коренных народов России

О.В. Павленко, Н.А. Борисов, И.А. Баскакова

Аннотация. Статья посвящена опыту реализации проекта по цифровизации и популяризации природного и культурного наследия коренных народов России «Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры» как примера воплощения концепции гражданской науки – совместной работы учёных-профессионалов и энтузиастов. В статье подробно рассмотрены структура и контент Интерактивного атласа как результата сотрудничества представителей академического сообщества и общественных организаций коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проанализирован механизм совместной работы большого числа академических институтов, университетов и общественных организаций, а также трёхэтапная система отбора и верификации материалов. Представлено сравнение Интерактивного атласа и аналогичных российских и зарубежных проектов. Отмечена уникальность Интерактивного атласа как постоянно обновляющегося ресурса по изучению, сохранению и популяризации уникального природного и культурного наследия северных народов России. В процессе работы над Интерактивным атласом получил подтверждение тезис о том, что социально-культурные трансформации, затронувшие коренные малочисленные народы, привели к так называемому дрейфу идентичности, связанному со спецификой ответов КМНС на вызовы социально-экономической модернизации.

Ключевые слова: интерактивный атлас, коренные малочисленные народы, идентичность, гражданская наука, цифровая гуманитаристика, этнологические и социолингвистические исследования, картография.

Введение

Цифровая революция порождает новые серьёзные вызовы для гуманитарных наук. Меняются социокультурные контексты, экономические реалии, исследовательские практики и нормы, идёт процесс обновления ведущих институциональных дискурсов, что умножает риски, а с ними и пути их преодоления, усложняя прогнозирование и экспертизу сценариев будущего гуманитарных наук. Появляются новые междисциплинарные области исследования в формате цифровой и интегративной гуманитаристики. Новые вызовы заставляют исследователей разрабатывать и активно применять в своей практике цифровые платформы, основанные на массиве больших данных.

Вместе с тем миссия социально-гуманитарных наук в современных динамично изменяющихся и турбулентных условиях только усиливается. Она обусловлена гражданской ответственностью, служением обществу и Отечеству, передачей из поколения в поколение традиционных ценностей. Особое значение в этом отношении приобретает развитие гражданской науки, ориентированной на вовлечение различных общественных групп в научный поиск, а также масштабную просветительскую деятельность. Основная цель гражданской науки – это создание заинтересованной среды учёных-профессионалов и энтузиастов для продвижения и популяризации научных достижений. Как подчеркивает автор этого термина А. Ирвин, тогда значительно усиливается интерес к науке в различных слоях общества и в отдалённых регионах [Irwin, 2001]. По мнению российских исследователей Е.Н. Рассоловой и К.А. Галкина, именно стратегии диалога и соучастия являются залогом эффективного продвижения больших просветительских проектов [Рассолова, Галкин, 2023]. В настоящее время в формате гражданской науки реализуется ряд важных проектов в разных отраслях знания: исследования с использованием искусственного интеллекта [Вердиева, 2023]; научно-популярный туризм [Афанасьева, Логвина, Христов, 2023]; разметка корпусов текстов [Парамонов, Полетаев, 2023]; исследование микропластикового загрязнения Арктики [Ершова, Смолокуров, 2024]; изучение и сохранение культурного наследия [Куликов, 2016] и многие другие.

Таким образом, гражданская (или открытая) наука является важной формой взаимодействия учёных с обществом, с одной стороны, вовлекая в процесс исследования заинтересованных и увлечённых непрофессионалов, с другой стороны, – способствуя популяризации научного знания.

Одной из форм такого взаимодействия в мировом научно-образовательном пространстве являются создание и разработка цифровых платформ на картографической основе. В качестве примеров можно указать проект Africa Map¹, созданный Центром географического анализа Гарвардского университета, а также канадскую интерактивную карту Native-Land.ca². В то же время, первый

¹ AfricaMap // worldmap.maps.arcgis.com [Электронный ресурс] URL: <https://worldmap.maps.arcgis.com/home/item.html?id=88ea9d2834184e6a8b2cf176cc111e21> (дата обращения: 24.05.2024).

² Native Land Digital // native-land.ca [Электронный ресурс] URL: <https://native-land.ca/> (дата обращения: 24.05.2024).

проект представляет собой главным образом результаты академических исследований, а второй – результаты работы некоммерческой организации Native Land Digital без широкого привлечения специалистов из научных центров.

Кроме того, оба проекта, несмотря на их удобство и информативность, в первую очередь сосредоточены на картографических данных и не публикуют подробную информацию о каждом народе, а ведь именно это является целью мультимедийных проектов, так как цифровые портреты коренных народов служат для их представителей своеобразным мостом между миром науки и пониманием себя.

Интерактивный атлас как уникальный цифровой гуманитарный проект

Примером совместной работы представителей академического сообщества и общественных организаций коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации является реализация уникального цифрового проекта «Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры»³ (далее – Интерактивный атлас), превосходящий аналогичные зарубежные проекты как по масштабу материала, так и по географическому охвату.

Инициатива создания Интерактивного атласа исходила от Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Департамент координации деятельности образовательных организаций) во исполнение пункта 8 Поручения Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. № Пр-71⁴. Научным руководителем проекта является научный руководитель Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН академик РАН В.А. Тишков. Проект был реализован сотрудничеством академических институтов, университетов и общественных организаций. Координаторами проекта выступили Российский государственный гуманитарный университет и Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – Ассоциация КМНССиДВ РФ) совместно с Институтом этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Институтом языкознания РАН, Институтом лингвистических исследований РАН, Институтом общей генетики имени С.И. Вавилова РАН, Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова, Томским государственным университетом, Российским государственным педагогическим университетом имени А.И. Герцена, а также общественными организа-

³ Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры // ataskmns.ru [Электронный ресурс] URL: <https://ataskmns.ru/> (дата обращения: 24.05.2024).

⁴ Перечень поручений по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям (утв. Президентом РФ 16.01.2020 г. № Пр-71) // [legalacts.ru](https://legalacts.ru/doc/perechen-poruchenii-po-itogam-zasedaniya-soveta-po-mezhnhatsionalnym-otnoshenijam_1/?ysclid=lwkg9qf9dt347087883) [Электронный ресурс] URL: https://legalacts.ru/doc/perechen-poruchenii-po-itogam-zasedaniya-soveta-po-mezhnhatsionalnym-otnoshenijam_1/?ysclid=lwkg9qf9dt347087883 (дата обращения: 24.05.2024).

циями коренных малочисленных народов. Интерактивный атлас был включён в Национальный план по реализации Международного десятилетия языков коренных народов в России⁵.

Концептуальную основу Интерактивного атласа составили программные документы государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации⁶, направленные на формирование партнёрских отношений и обеспечение условий для повышения уровня их жизни, развития культуры, науки, образования.

Контент Интерактивного атласа включает в себя результаты многолетних исследований, разработок и экспедиций лингвистов, историков, фольклористов, этнологов и антропологов, а также оригинальные материалы, кино- и фотодокументы, представленные общинами коренных народов. Интерактивный атлас объединил сообщества учёных и общественных деятелей на основе принципа гражданской науки «о нас вместе с нами». Ежегодно над проектом работали около шестидесяти специалистов.

Перед создателями проекта стояла чрезвычайно сложная задача: воссоздать динамику расселения 40 коренных малочисленных народов, внесённых в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации⁷, и представить в динамике анализ социально-экономических, демографических, лингвистических, культурно-исторических процессов жизни и деятельности народов в целом и их отдельных выдающихся представителей.

Авторы проекта исходили из того, что взаимодействие традиций и инноваций в жизни коренных народов является не однонаправленным и линейным, но всегда насыщено встречными взаимодействиями и заимствованиями, своего рода стимулирующей конкуренцией. При этом технологические новшества, прежде всего, транспортно-коммуникационные, не разрушают, а преобразуют

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 204-р «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. в РФ Международного десятилетия языков коренных народов» // [garant.ru](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403414644/) [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403414644/> (дата обращения: 24.05.2024).

⁶ Об утверждении плана реализации в 2016–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // [government.ru](http://government.ru/docs/24308/) [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/docs/24308/> (дата обращения: 24.05.2024); Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года // scrf.gov.ru [Электронный ресурс] URL: http://www.scrf.gov.ru/security/economic/Arctic_strategy/ (дата обращения: 24.05.2024); Распоряжение Правительства РФ от 9 февраля 2022 г. № 204-р «Об утверждении плана основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. в РФ Международного десятилетия языков коренных народов» // [garant.ru](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403414644/) [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403414644/> (дата обращения: 24.05.2024); Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // [consultant.ru](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/c595db4951fa2b3967c0a1bcc5e5bbf7332e9c38/) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/c595db4951fa2b3967c0a1bcc5e5bbf7332e9c38/ (дата обращения: 24.05.2024).

⁷ Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от: 30 сентября 2000 г., 13 октября 2008 г., 18 мая, 17 июня, 2 сентября 2010 г., 26 декабря 2011 г., 25 августа 2015 г., 26 мая 2020 г., 18 декабря 2021 г.) [garant.ru](https://base.garant.ru/181870/) [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/181870/> (дата обращения: 24.05.2024).

кочевую культуру. В свою очередь, традиционные технологии «жизни-в-движении» представляют собой ресурс для обогащения современных стратегий освоения Арктики. Северная мобильность, включая номадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения Российской Арктики [Головнёв, Куканов, Перевалова, 2018: 342].

Уникальность проекта как в российском, так и в мировом научно-образовательном пространстве состоит в следующем.

Во-первых, проект представляет собой синергию академической и университетской научной мысли и общественных инициатив.

Каждый коллектив внёс неоценимый вклад в создание и разработку проекта. Специалистами Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее – МАЭ РАН или Кунсткамера) в 2021-2023 гг. были организованы экспедиции для подготовки материалов, что позволило обеспечить научную новизну и актуальность сведений, представить свежие фото- и видеоматериалы. Среди сотрудников МАЭ РАН большой вклад внесли директор МАЭ РАН член-корреспондент РАН, профессор, д.и.н. А.В. Головнев; заместитель директора по научной работе к.соц.н., В.Н. Давыдов; старший научный сотрудник Центра арктических исследований к.и.н. Т.С. Киссер; старший научный сотрудник, заведующий лабораторией музейных технологий к.и.н. С.Ю. Белорукова.

Сотрудники Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (далее – ИЭА РАН) использовали при подготовке статей ценные архивные материалы по этнологии и антропологии, а также внесли большой вклад в создание интерактивной карты КМНС России. Наибольшее количество материалов, подготовленных в ИЭА РАН, было предоставлено научным сотрудником Отдела Севера и Сибири, к.и.н. Е.А. Пивневой; ведущим научным сотрудником Отдела Севера и Сибири, к.и.н. Л.И. Миссоновой; старшим научным сотрудником Отдела Севера и Сибири, к.и.н. М.Г. Кучинским, а также директором ИЭА РАН в 2019-2024 гг., д.и.н. Д.А. Функом.

В свою очередь, лингвисты и филологи из Института лингвистических исследований РАН (далее – ИЛИ РАН) и Института языкознания РАН (далее – ИЯз РАН) представили в оцифрованном виде уникальные текстовые и аудиовизуальные материалы по языкам и языковой культуре КМНС России. Значительный вклад внесли директор ИЯз РАН д.ф.н. А.А. Кибрик, старший научный сотрудник Сектора ареальной лингвистики ИЯз РАН, к.ф.н. Ю.Б. Коряков, ведущий научный сотрудник, руководитель группы финно-угорских языков ИЯз РАН, д.ф.н., доцент Т.Б. Агранат; старший научный сотрудник Сектора типологии ИЯз РАН, к.ф.н. В.Ю. Гусева. В ИЛИ РАН считаем необходимым отметить приоритетный вклад директора института в 2017-2024 гг. члена-корреспондента РАН, д.ф.н. Е.В. Головки, заведующего Отделом языков народов Российской Федерации ИЛИ РАН, старшего научного сотрудника Отдела теории грамматики, к.ф.н. А.Ю. Урманчиевой; главного научного сотрудника Отдела языков народов Российской Федерации ИЛИ РАН, д.ф.н. А.М. Певнова.

Сотрудники Северного (Арктического) Федерального университета имени М.В. Ломоносова под руководством директора института стратегического развития Арктики САФУ, к.и.н. А.А. Сабурова представили комплексную информацию о социально-экономическом состоянии регионов, где проживают КМНС.

Специалистами Томского государственного университета под руководством заведующего лабораторией кафедры теоретических основ информатики В.Л. Гойко в 2022 г. была организована «Онлайн-школа прикладного анализа больших данных для молодых исследователей», которая включала занятия по работе с инструментами сбора данных, основам сетевого анализа, введение в текстовую аналитику при работе с языками коренных народов⁸.

Обширность потока информации и его поступление из нескольких источников потребовали разработки особого многоступенчатого механизма экспертизы, которая проходила в три этапа. На первом этапе её осуществлял научный руководитель проекта академик РАН В.А. Тишков. Под его руководством все три года реализовывались коммуникация с институтами РАН, разработка структуры Интерактивного атласа, верификация его контента, что позволяло находить оптимальный баланс между научными текстами и их общественными репрезентациями. На втором этапе огромную роль сыграла Ассоциация КМНССиДВ РФ, которая проводила повторную экспертизу всех материалов, представленных академическими исследователями. Неоценимый вклад в реализацию проекта внесли сотрудники Ассоциации, в том числе её президент, сенатор Российской Федерации Г.П. Ледков, вице-президент Н.Г. Вейсалова, специалисты по работе с регионами Е.Н. Бельды, С.Л. Чернышова⁹. На третьем этапе сотрудники РГГУ редактировали тексты, согласовывали необходимую правку с авторами, готовили текстовые, мультимедиа- и картографические материалы к размещению на сайте в соответствии с необходимыми техническими требованиями. Все три этапа работы координировал Проектный офис РГГУ, специально созданный для реализации проекта.

Таким образом, проект характеризуется уникальным сочетанием научной и общественной экспертизы, созданием уникальной среды взаимодействия учёных и представителей КМНС.

Во-вторых, для реализации проекта очень важным стал молодёжный фактор. В настоящее время приоритетное внимание уделяется поддержке творческой молодёжи из регионов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Уже в первый год работы над Интерактивным атласом мы были по-хорошему поражены той огромной креативной энергией и заинтересованностью, которая исходила от молодых северян. Они активно участвовали в конкурсах и мероприятиях про-

⁸ Школа прикладного анализа больших данных для исследователей КМНС // [ataskmns.ru](https://ataskmns.ru/page/ru/bigdata_school2022.html) [Электронный ресурс] URL: https://ataskmns.ru/page/ru/bigdata_school2022.html (дата обращения: 24.05.2024).

⁹ Сотрудники Ассоциации КМНССиДВ РФ также способствовали продвижению Интерактивного атласа в общественных объединениях, на различных площадках, участвовали в организации и проведении молодежных мероприятий.

екта¹⁰, были искренне вовлечены в разработку и наполнение Интерактивного атласа, участвовали в разработке дизайна портала, создавали мультфильмы на языках КМНС, участвовали в подготовке виртуальных экскурсий по музеям, создавали видеоряды об истории своего рода, семьи, места проживания. Всё это позволило наполнить Интерактивный атлас жизненной силой коренных народов, показать национальный характер, выявить значимые для исторической памяти народов события, тесные родовые и этноконфессиональные связи, которые являются каркасом идентичности для каждого из коренных народов.

В-третьих, уникальность Интерактивного атласа заключается в создании визуального картографического материала в синхронном и диахронном аспектах, отражающего процесс расселения КМНС в исторической ретроспективе на протяжении более чем пятисот лет с выделением памятных мест, природных объектов, промысловых территорий, что позволяет, помимо прочего, планировать и развивать туристическую деятельность на территориях расселения КМНС на основе достоверных научных данных.

В-четвёртых, Интерактивный атлас регулярно пополняется новым контентом (в том числе и рядовыми пользователями): это «живой» проект, который не заканчивается в связи с истечением срока реализации. Пользователи могут сами предлагать контент, который после согласования с экспертами размещается на сайте. Несколько раз в неделю на сайте Интерактивного атласа и в социальных сетях публикуются новости о событиях и мероприятиях, проводимых общественными организациями КМНС.

Кроме того, Интерактивный атлас сопрягается с образовательной платформой «SNOWORD»¹¹, которая позволяет внедрять материалы проекта в образовательные программы российских университетов. Пользователи Интерактивного атласа получили возможность начать изучать материалы платформы SNOWORD в Интерактивном атласе, а также в нужный момент бесшовно перейти на платформу SNOWORD и вернуться обратно в Интерактивный атлас. Информационный блок «SNOWORD» имеет специфическую структуру, связанную с необходимостью ссылаться на материалы платформы SNOWORD, а также хранить в Интерактивном атласе карточки курсов.

Интерактивный атлас – портал научных данных о многообразии коренных малочисленных народов России

Итогом трёхлетней работы стал яркий, наполненный актуальной информацией портал, который в удобном формате знакомит пользователей с историей и культурой сорока коренных народов (рис. 1).

¹⁰ В 2021-2022 гг. были проведены две стратегические сессии «Сохранение языков и культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с использованием цифровых технологий»; конкурсы «Молодые северяне о себе и своем народе», «Память Победы», благодаря чему был собран большой архив материалов о представителях КМНС – участниках Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

¹¹ Информационно-образовательная платформа «SNOWORD» // edu.snoword.ru/ [Электронный ресурс] URL: <https://edu.snoword.ru/> (дата обращения: 24.05.2024).

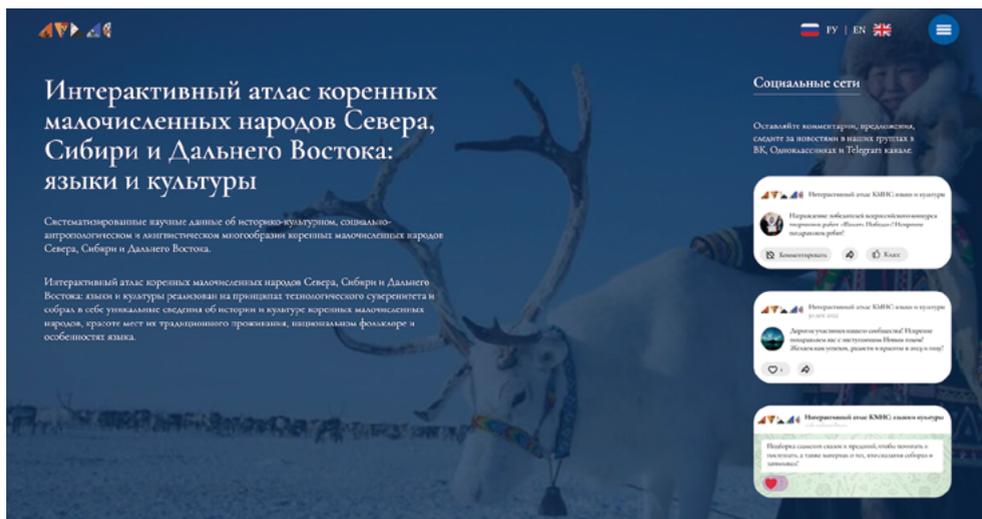

Рис. 1. Главная страница Интерактивного атласа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры

Описание каждого народа (рис. 2, рис. 3) включает:

- общие сведения (самоназвание, этнографические группы);
- краткую историческую справку;
- информацию об образе жизни;
- демографические данные;
- социолингвистические данные о языке;
- описание социально-экономических процессов;
- информацию о материальной и духовной культуре, современной культуре и творчестве, декоративно-прикладном искусстве;
- аудио-, видеоматериалы, фотографии и инфографики.

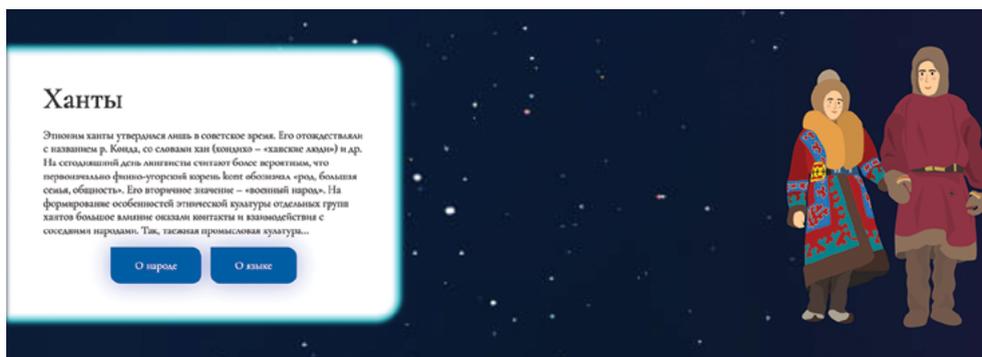

Рис. 2. Пример перехода на страницу о народе ханты

Ханты

Ханты – один из народов Западной Сибири, широко расселившиеся в Обско-Иртышском бассейне от Дудинки в Восточной Якутии до Обской губы на Севере. В административном отношении ханты относятся к Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам, территориально входящим в состав Тюменской области. Наибольшая их часть живет там же на севере Тюменской области. В древности предки хантов занимали территорию от впадины Оби на Севере до Барабинских степей на Юге и от Енисея на Востоке до Зурмань, включая бассейн рек Северная Сосьва, Алия, Пельма и Конда.

Рис. 3. Фрагмент страницы о народе ханты

В оформлении разделов, посвящённых каждому народу, использованы изображения представителей народов в национальной одежде (рис. 4) с кратким описанием и кнопками перехода к подробной информации (рис. 2). Большой вклад в создание дизайна Интерактивного атласа внесли Николай Апросимов и Кирилл Косыгин, молодые специалисты – представители коренных народов.

Рис. 4. Примеры дизайна изображений народов

При создании Интерактивного атласа был собран, систематизирован и актуализирован значительный объём данных о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

Интерактивный атлас способствует решению следующих значимых задач:

- содействие сохранению, популяризации и развитию традиционной культуры и языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока;
- привлечение талантливой молодёжи из числа коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока к участию в мероприятиях, направленных на поддержку инициатив и повышение социальной активности молодёжи;
- содействие укреплению связей между коренными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Цифровые карты в картографическом сервисе Интерактивного атласа включают основную информацию о территории традиционного проживания коренных народов с возможностью перехода на страницу, рассказывающую о народе и его языке (рис 5)¹².

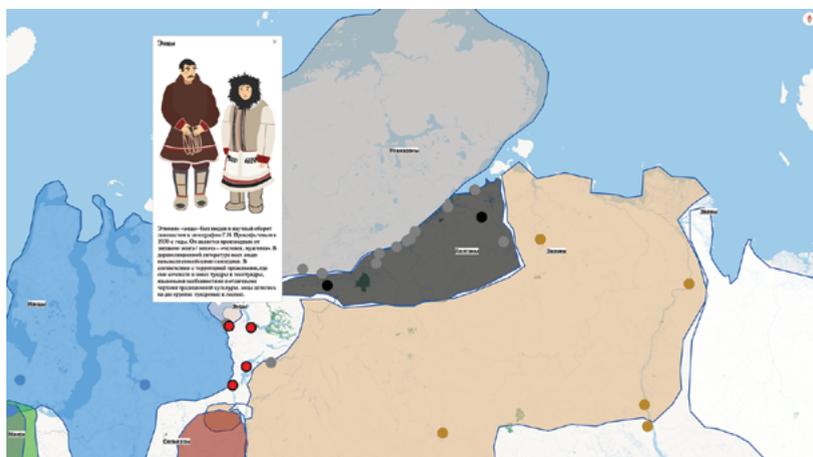

Рис. 5. Пример карты с указанием народа энцы

В картографическом сервисе также представлены карты появления населённых пунктов на территориях проживания коренных малочисленных народов. Благодаря использованию интерактивной шкалы (рис 6) возможно отследить динамику расселения каждого народа в различные временные периоды¹³.

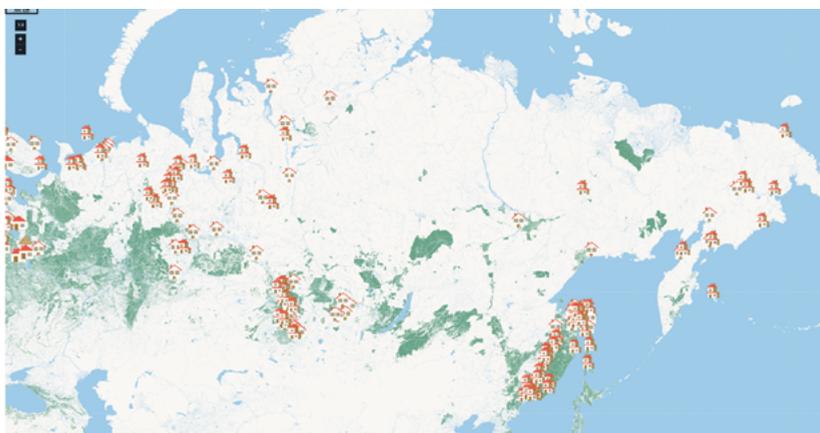

Рис. 6. Пример хронологической карты

¹² Интерактивный атлас // ataskmns.ru [Электронный ресурс] URL: <https://ataskmns.ru/ru/tiles/map> (дата обращения: 24.05.2024).

¹³ Хронологическая карта // ataskmns.ru [Электронный ресурс] URL: https://ataskmns.ru/ru/tiles/map_hronos (дата обращения: 24.05.2024).

Для удобства пользователей разработано мобильное приложение. Мобильное приложение бесплатное, доступно для скачивания пользователям как на сайте, так и через AppStore и Google Play.

Необходимо отметить, что при разработке программного обеспечения для Интерактивного атласа используются только российские и открытые технологии, независимые от западных производителей. Интерактивный атлас работает на российской операционной системе Астра-Линукс, что обеспечивает импортонезависимость, информационную безопасность и совместимость с российскими информационно-вычислительными комплексами, в частности, Атлас готов к работе на компьютерах с процессором Байкал.

Интерактивный атлас ежегодно дополняется новыми разделами. В 2023 г. для пользователей стали доступны виртуальные экскурсии по музеям, где представлены экспозиции, посвящённые истории и культуре коренных народов¹⁴. Создание этого раздела с большим энтузиазмом было встречено представителями общин КМНС, поэтому в Интерактивном атласе вместо запланированных пяти музеев представлены девять, а значительная часть экскурсий создана сотрудниками музеев – представителями КМНС при поддержке Ассоциации КМНСС и ДВ РФ (рис. 7).

Виртуальные экскурсии. Корякский окружной краеведческий музей

Корякский окружной краеведческий музей существует уже 88 лет, история его возникновения связана с работой Апполовского Краеведческого общества (АКО), организованного на Камчатке в 1928-1929 годах. Оно было создано как «единица краеведческой организации, объединяющая все отрасли округа... В отношении коренного населения АКО должно было сводить их с помощью отдельных кружков, организовывать сблиз рабочей пропаганды, решать вопросы о их состоянии на льготных условиях неимочного скота, развивать оленей, заниматься образовательной и просветительской деятельностью. Управляющим АКО был назначен И. И. Бонькин. В 1932г. ему было поручено создать музейный пункт в с. Кавказское Топольнинского района.

Часть 1

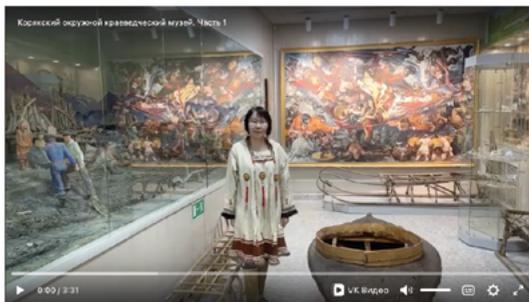

Рис. 7. Виртуальная экскурсия по Корякскому окружному краеведческому музею

В рамках работ над развитием Интерактивного атласа в 2023 г. была создана, наполнена материалами и опубликована его базовая английская версия (рис. 8)¹⁵. Она включает в себя перевод на английский язык главной страницы, хэдера и футера сайта картографии, а также перевод 30% сведений о коренных народах и их языках (рис. 9). Переводчики работали в тесной координации с авторами текстов, что позволило подобрать наиболее удачные термины для

¹⁴ Виртуальные экскурсии по музейным экспозициям о культуре коренных народов // [ataskmns.ru](https://ataskmns.ru/page/ru/museum.html) [Электронный ресурс] URL: <https://ataskmns.ru/page/ru/museum.html> (дата обращения: 24.05.2024).

¹⁵ Interactive atlas of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: languages and cultures // ataskmns.ru [Электронный ресурс] URL: <https://ataskmns.ru/page/en/index.html/> (дата обращения: 24.05.2024).

правильной передачи языковых и культурных реалий. Создание англоязычной версии поможет расширению аудитории проекта за счёт пользователей из стран Северной Америки и Скандинавии.

Рис. 8. Главная страница англоязычной версии сайта

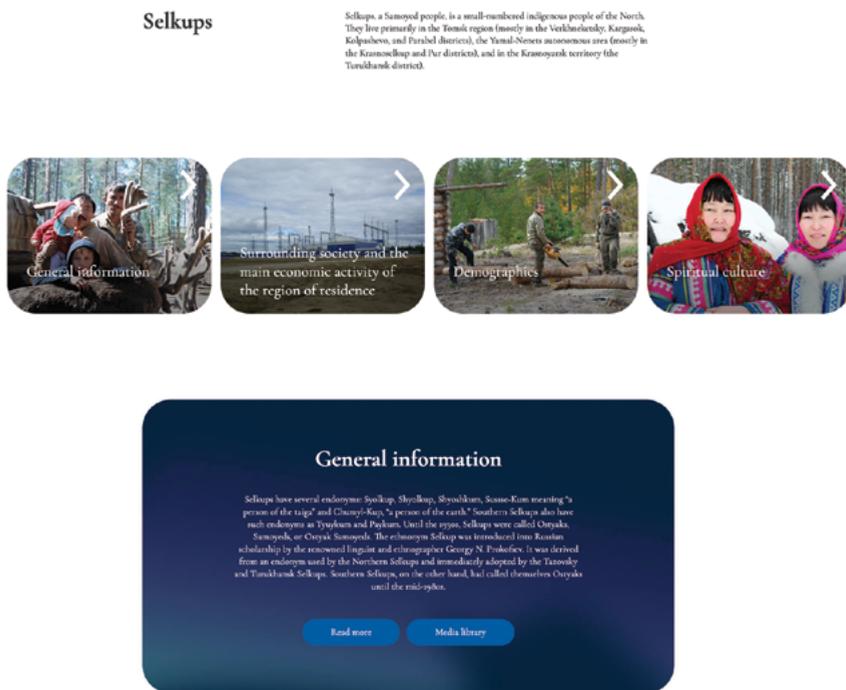

Рис. 9. Пример англоязычной страницы – народ селькупы

На различных общественных мероприятиях регулярно проходят презентации Интерактивного атласа, что, наряду с привлечением к реализации проекта представителей молодёжи КМНС, способствует росту его узнаваемости и популярности. Это подтверждается значительным увеличением ко-

личества посетителей сайта и подписчиков группы Интерактивного атласа в социальной сети «ВКонтакте»¹⁶ (более чем в 10 раз за 2023 г.) и других социальных сетях.

Интерактивный атлас иллюстрирует и исследует не только этническую карту России и географию расселения коренных народов, но и языковую картину, объединяя усилия специалистов разных областей. Обычно, как, например, в отечественных «Народах России»¹⁷, «Диалектологическом атласе русского языка»¹⁸, «Атласе народов Республики Башкортостан»¹⁹ делается акцент только на одной составляющей. В этом отношении опыт создателей Интерактивного атласа по синтезу лингвистических, этнологических и картографических материалов, а также их размещению в рамках одного портала по-настоящему уникален.

Интерактивный атлас получил широкую поддержку и одобрение со стороны как представителей органов государственной власти, так и общественных организаций КМНС. В частности, руководитель Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии О.А. Скуфинский в письме на имя Министра науки и высшего образования Российской Федерации выступил за продолжение реализации проекта в 2024 г. и отметил, что Интерактивный атлас «содержит систематизированные научные данные об историко-культурном, социально-антропологическом и лингвистическом разнообразии коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и представляет интерес для Росреестра».

По мнению представителей КМНС – активных пользователей сайта, научно-популярный характер его информации позволяет, с одной стороны, говорить о её научной обоснованности, с другой – об ориентированности на самый широкий круг пользователей. Позитивные отзывы были получены от председателя Союза коренных малочисленных народов Приморского края В.В. Андрейцева, президента Забайкальской региональной общественной организации «Ассоциация малочисленных народов Севера» В.А. Дармаевой, председателя Регионального общественного движения «Союз коренных народов Сахалина» С.Н. Санги, председателя Магаданской областной ассоциации малочисленных народов и этнических групп Севера Л.С. Щербаковой и многих других.

Заключение

Интерактивный атлас является одним из проектов сравнительно нового для России явления – гражданской науки. В процессе работы над Интерактивным атласом получил подтверждение тезис о том, что социально-культурные

¹⁶ Интерактивный атлас КМНС: языки и культуры // vk.com [Электронный ресурс] URL: <https://vk.com/ataskmns> (дата обращения: 24.05.2024).

¹⁷ Народы России // народы-россии.рф [Электронный ресурс] URL: народы-россии.рф (дата обращения: 24.05.2024).

¹⁸ Диалектический атлас русского языка // da.ruslang.ru [Электронный ресурс] URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 24.05.2024).

¹⁹ Атлас народов Республики Башкортостан // atlasrb.ru [Электронный ресурс] URL: <http://atlasrb.ru> (дата обращения: 24.05.2024).

трансформации, затронувшие коренные малочисленные народы, привели к так называемому дрейфу идентичности. Как полагает В.А. Тишков, «вместо возрождения, формирования, перехода, исчезновения этносов имеет место совсем другой процесс – это путешествие индивидуальной/коллективной идентичности по набору доступных в данный момент конфигураций или систем, причем в ряде случаев эти системы и возникают в результате дрейфа идентичности» [Тишков, 2003: 123]. Этническая идентичность, по мнению А.В. Головнёва, во все времена «не появлялась и не исчезала, а лишь меняла свой облик, дрейфуя между пиками и спадами политики, религии или экономики. Пока в ней что-то исчезает, что-то тут же появляется. Она похожа на реку, которая постоянно куда-то утекает и откуда-то прибывает» [Головнев, 2012: 11]. Это свидетельствует о нелинейных динамических процессах, затронувших коренные малочисленные народы Севера России, и специфике их ответов на вызовы социально-экономической модернизации, что убедительно демонстрируют материалы Интерактивного атласа.

Интерактивный атлас – пример успешного просветительского проекта, полностью отвечающего критериям гражданской науки, по своей тематике не имеющего аналогов ни в России, ни за рубежом. Интерактивный атлас является полностью импортонезависимым ИТ-решением, отвечающим всем требованиям к современным высокотехнологичным программным продуктам. В результате работы над проектом была создана эффективная сетевая структура, в которую включены университеты, академические институты, Ассоциация КМНСС и ДВ РФ и другие общественные организации, что способствует успешному развитию проекта в будущем, сохранению его привлекательности и актуальности. Интерактивный атлас по-новому раскрывает историю северных народов России, их лингвистическое и социально-культурное своеобразие, помогает сохранению, изучению и популяризации их уникального природного и культурного наследия.

Литература

Афанасьева А.В., Логвина Е.В., Христов Т.Т. Методологические основы научно-популярного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 5-25.

Вердиева Н.Н. Перспективы развития гражданской науки на основе технологий искусственного интеллекта // Информационные технологии. Проблемы и решения. 2023. № 3. С. 24-30.

Головнев А.В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3-12.

Головнёв А.В., Куканов Д.А., Перевалова Е.В. Арктика: атлас кочевых технологий. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 350 с.

Ершова А.А., Смолокуров А.В. Гражданская наука в исследованиях микропластикового загрязнения Российской Арктики // Арктика и инновации. 2024. № 1. С. 45-55.

Куликов В.А. Краудсорсинг в сохранении и изучении культурного наследия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 7. URL: <https://history.jes.su/s207987840001670-6-1>.

Парамонов И.В., Полетаев А.Ю. Разметка корпусов текстов по тональности и наличию иронии в рамках проекта гражданской науки // Моделирование и анализ информационных систем. 2023. № 1. С. 86-100.

Рассолова Е.Н., Галкин К.А. Взаимодействие гражданской науки с обществом: особенности и противоречия // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 4. С. 115-125.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Irwin A. Constructing the scientific citizen: Science and democracy in the biosciences // Public Understanding of Science. 2001. Vol. 10. № 1. P. 1-18.

Реестры объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации: опыт и новые задачи¹

А.В. Черных, Ю.С. Чернышева

Аннотация. В статье анализируется опыт работы в сфере нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации. Определяются правовые и организационные основы данной деятельности, анализируются опыт создания федеральных реестров объектов и основные подходы к современной практике в данном направлении. Обобщён значительный материал по региональному опыту работы, в том числе дан анализ существующим реестрам (каталогам) и другим информационным ресурсам в регионах России. Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния – современный информационный ресурс, содержащий научную информацию, визуальные и аудиоматериалы об объекте нематериального этнокультурного достояния. Реестр является важной частью работы в сфере документирования, изучения, сохранения и актуализации нематериального этнокультурного достояния, выступает важным образовательным ресурсом, основой для формирования научно-популярного контента в сфере нематериального этнокультурного достояния, реализации культурных проектов и инициатив.

Ключевые слова: нематериальное этнокультурное достояние, культурное наследие, реестр объектов нематериального этнокультурного достояния.

В последние годы значительно активизировалась работа в сфере нематериального этнокультурного достояния. Импульс деятельности придали принятие Федерального закона от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации», а также ряда нормативных актов, среди которых Постановление Правительства РФ № 1277 от 03.08.2023 в рамках реализации норм упомянутого выше Федерального закона, утверждающее «Положение о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации», а также «Концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года», утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 206-р. В разработке нормативной базы, закона, постановления, концепции принимали активное участие эксперты Государственного российского дома народного творчества

¹ Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков) в рамках проекта «Нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации как ресурс сохранения многообразия и формирования российской идентичности». № 123101600337-3.

им. В.Д. Поленова и федерального Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия из разных научных центров России. В настоящее время ГРДНТ им. В.Д. Поленова является организационным и методическим центром в сфере нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации.

Концепт «нематериальное культурное наследие» (далее также НКН) стал активно использоваться в мире и в России после принятия ЮНЕСКО 17 октября 2003 г. Конвенции о нематериальном культурном наследии. Это понятие, опубликованное и провозглашённое Конвенцией, стало основным, которым пользовались при обсуждении проблематики нематериального культурного наследия. С 2008 г. в список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО от России входят два объекта: якутский героический эпос «Олонхо» и «Культурное пространство и устное творчество семейских Забайкалья» [Cultural space..., 2024; Olonkho..., 2024]. В настоящее время в Список шедевров нематериального культурного наследия ЮНЕСКО объекты от России не включаются, так как Россия не ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО [НКН, 2020: 8]. Сегодня более 200 стран мира ратифицировало Конвенцию, но поскольку в Российской Федерации сложились свои особенности охраны нематериального культурного наследия, было принято решение не ратифицировать документ, а принять комплекс мер по сохранению культурного достояния народов нашей страны [Добровольская, 2021: 25]. Публикация Конвенции стала основой для начала введения понятия «нематериального культурного наследия» в общественную сферу Российской Федерации, а также активизации деятельности в сфере его сохранения и актуализации.

Как и в международном опыте работы с нематериальным культурным наследием, одним из основных направлений является формирование и ведение реестра объектов. В российском законе также провозглашено, что «создание Реестра объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы «Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации») является одним из ключевых мероприятий, направленных на систематизацию накопленных данных об объектах нематериального этнокультурного достояния народов России» [ФЗ № 402].

Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния (НЭД) – современный информационный ресурс, содержащий научную информацию, визуальные и аудиоматериалы об объекте нематериального этнокультурного достояния. Реестр является важной частью работы в сфере документирования, изучения, сохранения и актуализации нематериального этнокультурного достояния, выступает важным образовательным ресурсом, основой для формирования научно-популярного контента в сфере нематериального этнокультурного достояния, реализации культурных проектов и инициатив.

Главными задачами такого ресурса является презентация и популяризация этнокультурного достояния народов России, а также доступность материалов и возможность их использования в сфере научных исследований, образовательных практик и культурных проектов. Как отмечено на сайте правительства

РФ, «развитие такого ресурса позволит упростить изучение, использование, сохранение и популяризацию нематериального этнокультурного достояния» [Правительство утвердило положение о федеральном реестре... (обращение к эл. ресурсу)].

Федеральный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния

Работа по формированию реестров объектов нематериального этнокультурного достояния в Российской Федерации ведётся в течение двух последних десятилетий. В 2000-2010-е гг. в Российской Федерации разрабатывалось несколько пилотных каталогов. В 2008 г. была принята Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации. В рамках программы реализации Концепции было решено создавать на территории Российской Федерации банк данных (каталог) объектов НКН [Дуртова, 2018: 37]. Первый пилотный электронный каталог объектов НКН представлял реестр примеров работы с нематериальным культурным наследием, его выявление и фиксация и, прежде всего, использование в деятельности учреждений культуры страны [Добровольская, 2021: 25]. При его разработке «основные усилия были направлены на привлечение к этой деятельности региональных домов и центров народного творчества, создание её организационно-правовой основы» [Котельникова, 2023:14]. Деятельность по формированию реестра вызвала как изначальные методологические трудности, так и понимание необходимости тесного сотрудничества с научными центрами. В то же время, формировался банк информации об объектах, разрабатывались принципы их систематизации и структура описания [Русанова, 2023: 6; Котельникова, 2023: 14], этот опыт был применен и при работе над следующими каталогами.

В 2012 году был разработан новый вариант каталога с изменённой структурой, наполнение которого осуществлялось последовательно Государственным институтом искусствознания (г. Москва) и Государственным республиканским центром русского фольклора (г. Москва, с 2017 г. – структурное подразделение Государственного русского дома народного творчества им. В.Д. Поленова) [НКН, 2020: 9]. Проект нового каталога, составленный научным сообществом, был направлен на популяризацию наследия и использование представленных материалов в учебной и просветительской работе [Добровольская, 2021: 25]. В подготовке его материалов активное участие принимали фольклористы, этномузыкологи, этнологи, что определило большое число использованных материалов из фольклорных архивов и экспедиционных записей и особенность данного ресурса. В то же время, материалы данного каталога показывают неравномерность фольклорно-этнографического изучения регионов России, так как в некоторых субъектах представлены более 20 объектов НКН, в других они полностью отсутствуют. Созданный на портале «Культура. РФ» раздел «Нематериальное культурное наследие» и представляет данный каталог. Его достоинством является ориентация на широкую аудиторию, у материалов хорошая

навигация и мультимедийный ресурс, который представлен фото-, аудио- и видеоматериалами, большая часть которых представляет материалы фольклорных экспедиций. Всего на сайте «Культура. РФ» представлены 447 объекта, а его наполнение датировано с 2014 по 2021 гг. [Культура. РФ]. Другим ресурсом, на котором размещены данные материалы, список «Объекты нематериального культурного наследия» на портале открытых данных Министерства культуры Российской Федерации [Портал открытых данных Министерства культуры РФ]. На данном ресурсе содержится информация о 449 объектах, и он по материалам не полностью совпадает с объектами, размещёнными на сайте «Культура. РФ», и содержит только текстовую информацию об объекте.

В 2021 г. был запущен новый реестр объектов нематериального культурного наследия народов России [Реестр объектов НКН], в который в настоящее время внесены 166 объектов, представляющих 72 субъекта Российской Федерации, от которых размещены от 1 до 8 объектов от региона. В настоящее время в каталоге также представлены далеко не все этнические общности России.

Подходы к наполнению и содержанию федерального реестра являются результатом длительной совместной работы учёных и практиков, сотрудников Государственного Российского дома народного творчества им. В.Д. Поленова и учёных-экспертов федерального Экспертного совета по вопросам формирования реестра (каталога) объектов нематериального культурного наследия, определены высокие требования к составу и качеству материала об объекте, которые должны включать как научное описание объекта, в том числе с использованием родных языков, так и аудио- и визуальный контент, представляющий объект – архивные записи, музейные и архивные фотографии, документальные фильмы и хроники, а также современные визуальные материалы.

В настоящее время актуальными, открытыми для свободного доступа, представляются два каталога: это список объектов НКН, размещённый на сайте «Культура. РФ» в разделе «Традиции» под рубрикой «Нематериальное культурное наследие», в котором размещены 447 объектов и «Реестра объектов нематериального культурного наследия народов России». Создание нескольких каталогов (реестров) выявило проблемы, прежде всего, существование разных подходов к пониманию нематериального культурного наследия, целей и задач каталога, его целевой аудитории, а также разных учреждений, готовых к реализации наполнения каталога. Актуальным в настоящее время представляется интеграция двух вариантов каталога и создание единого с общими подходами каталога (реестра) объектов нематериального культурного наследия России. Очевидно, что решение этой задачи – перспектива ближайшего будущего.

Важной задачей в данном направлении является продолжение наполнения реестра, с учётом отражения в нём этнического многообразия России и представленности разных субъектов Российской Федерации. Активизация работ в данном направлении возможна как через реализацию проекта фольклорно-этнографических экспедиций, так и усиление деятельности регионов по выдвиганию региональных объектов НКН. Важным является также продвижение и популяризация реестра как значимого информационного ресурса в сфере НКН.

Принятие федерального закона ставит новые задачи в деятельности в сфере сохранения нематериального этнокультурного достояния (далее – НЭД). Требуется приведение в соответствие с федеральным законом региональной законодательной базы. Не менее важным представляется выстраивание единой системы работы федеральных и региональных экспертных советов, соответствие общим подходам федерального и региональных реестров (каталогов) объектов НЭД. Принятие закона внесёт изменения и в действующий федеральный реестр объектов НЭД, так как в документах закона провозглашено «создание Реестра объектов нематериального культурного наследия (государственной информационной системы «Федеральный государственный реестр объектов этнокультурного достояния Российской Федерации») является одним из ключевых мероприятий, направленных на систематизацию накопленных данных об объектах нематериального культурного наследия народов России» [Пояснительная записка].

Анализ материалов, размещённых в федеральном реестре, с одной стороны, показывает неравномерность количества объектов как по регионам России, так и по тематическим группам. Значительная часть материалов в настоящее время представляет фольклорные традиции и технологии народных промыслов и ремесел. Отчасти это объясняется тем, что именно в данных сферах накоплен значительный опыт работы учреждений культуры, наблюдается активность специалистов, занимающихся изучением фольклора в сфере нематериального культурного наследия, в то время как специалисты других профилей, например, занимающиеся изучением хозяйственных традиций и материальной культуры, в меньшей степени соотносят себя с данным направлением деятельности. Многие явления культуры, которые, несомненно, составляют значительную часть этнокультурного наследия, в настоящее время слабо востребованы и не представлены в деятельности учреждений культуры и общественных институтов. Сложности, например, возникают, при формировании объектов, характеризующих традиции хозяйственной деятельности народов России. Нет сомнения в том, что значительная часть хозяйственных традиций уникальна и достойна представлена в реестре, однако многие из приёмов традиционного хозяйствования вышли из активного бытования, сохраняются лишь в памяти старшего поколения и возникают трудности с возможностью их использования в рамках практической деятельности. Другой проблемой является противоречие между традициями и навыками хозяйствования, широко распространёнными в прошлом, но ограниченными в настоящее время рядом законодательных актов, как, например, традиционные приёмы рыболовства и т.д. При многообразии и разности регионов России сложности с формированием реестра и объектов нематериального культурного наследия возникают и у таких субъектов Российской Федерации, которые представлены городами Москва, Санкт-Петербург, Севастополь. Требуется обсуждения и этнокультурное достояние Калининградской области, представленное, как правило, традициями поздних переселенцев из разных регионов России, презентующих разные этнические сообщества. Все эти проблемы требуют целенаправленной исследовательской работы и широкого обсуждения в кругу специалистов.

Формирование как федерального, так и региональных реестров в настоящее время – непростая задача, даже с учётом того, что многие объекты нематериального культурного наследия изучены, и по ним имеются значительные научные исследования и материалы. Необходимы уточнения форм и особенностей современного бытования объектов, выполнение фото и видеофиксации, что не всегда выполнялось предшественниками.

Главными в выявлении и изучении НЭД остаются экспедиционные исследования, проводимые учёными и практиками. Другим каналом формирования реестра объектов являются описания местных организаций путём непосредственного наблюдения сохраняющихся народных промыслов и ремёсел, фольклорных коллективов, праздников и других форм НЭД. Несмотря на многолетнюю экспедиционную работу, в настоящее время при планировании экспедиций несколько по-иному расставляются акценты для выявления и документирования объектов НЭД. Проводится комплексная фиксация объекта, включающая не только сбор устных сведений, но и фото- и видеосъёмка. Наиболее плодотворная деятельность по выявлению и актуализации объектов НЭД происходит там, где выстроено взаимодействие домов народного творчества, других учреждений культуры и научных организаций, экспертов.

Региональные каталоги

Одной из особенностей России является формирование не только федерального, но и региональных реестров (каталогов) объектов нематериального этнокультурного достояния. Многие регионы уже на протяжении нескольких десятилетий проводят работу по наполнению данных информационных ресурсов. В настоящее время разные формы региональных каталогов представлены более чем в 70 субъектах РФ, и работа в данном направлении продолжается.

Цели и задачи формирования региональных каталогов объектов НЭД сформулированы в нормативно-правовых актах как федерального, так и регионального уровней. В федеральном законе заложены понятия объекта НЭД федерального, регионального и местного (муниципального уровней). Однако в настоящее время нет примера ведения отдельных муниципальных реестров.

В разных регионах подход и к форме, и к содержанию региональных каталогов отличается. С появлением федерального закона, регулирующего деятельность в сфере НЭД, региональные реестры стали приводиться к единому образцу. При этом вопрос формата остаётся актуальным. Основная форма ведения региональных реестров – отдельные сайты или разделы на сайтах домов народного творчества и региональных министерств. Подробный анализ региональных каталогов предпринят омским исследователем М.Л. Бережновой [Бережнова, 2022], отметим лишь несколько моментов. Несомненный плюс такого формата в доступности материалов для широкой общественности. При этом возможность копирования и скачивания материалов доступна не на всех платформах, а ведь именно эта возможность является основой для популяризации и актуализации культурного наследия, поскольку позволяет использовать мате-

риалы учреждениям культуры, образования, некоммерческим организациям и прочим в своей работе. Например, в региональном каталоге Забайкальского края [Региональный каталог объектов ОНЭД], Республики Алтай [Государственный реестр объектов НКН Республики Алтай] и ряда других регионов представлены только текстовые описания без аудиовизуального сопровождения. Хотя в целом для большинства региональных каталогов эта проблема не характерна.

Среди регионов есть практика составления интерактивной карты, на которой размещены объекты НЭД. Так, в Архангельской области функционирует «Фольклорная карта» [Фольклорная карта Архангельской области], в Тюменской – «Интерактивная фольклорная карта юга Тюменской области» [Интерактивная фольклорная карта], в Республике Башкортостан – «Электронный реестр объектов» с привязкой объекта на карте [Единый Реестр объектов НЭД народов Республики Башкортостан]. Такая форма позволяет визуализировать объекты НЭД на карте региона и отметить несколько важных моментов. Во-первых, удобство для исследователей, поскольку легко определяются районы, в которых работа с НЭД требует особого внимания и экспедиционных исследований. Во-вторых, для жителей и гостей региона такая карта может служить навигатором туристических маршрутов, поскольку у каждого объекта, как правило, указывается способ сохранения в деятельности учреждений культуры и даже приводится список конкретных ансамблей, творческих групп и тематических мероприятий и фестивалей, на которых с этим явлением культуры можно познакомиться. Такие карты вполне могут быть использованы и местными органами власти для развития туристического потенциала региона.

Анализируя региональные реестры в виде электронных баз данных и сайтов, стоит отметить ещё одно важное качество – возможность оперативного внесения необходимых изменений и пополнения каталога. В то время как издательская работа требует большого количества времени и затрат, то ведение сайта (или даже просто базы в Excel-формате, как, например, в Белгородской области [Единый реестр объектов НКН Белгородской области]) позволяет представлять самую актуальную информацию. За последние два года (в сравнении с данными, приведёнными М.Л. Бережновой [Бережнова, 2022]) региональные электронные каталоги пополнились новыми объектами нематериального этнокультурного достояния: например, во Владимирской и Воронежских областях – на 2 объекта, в Калужской – на 6, в Липецкой области – на 8, в Ивановской – на 9. В целом за последние несколько лет региональные реестры существенно пополнились новыми объектами, а в некоторых регионах, где реестров не было, эта работа началась. Так, например, в Самарской области [Приказ № 49] и Приморском крае [Приказ № 36пр-172] в 2022 и 2023 году соответственно начали действовать законодательные акты, регулирующие деятельность по работе с НЭД и региональные реестры. И именно благодаря работе сайтов и электронных баз данных пользователь может в реальном времени узнать актуальную информацию.

Рассматривая региональные каталоги и объекты, предоставляющие регионы в федеральном каталоге [Реестр объектов НКН], можно сделать несколь-

ко выводов. Регионы Центрального федерального округа представлены в федеральном реестре в большем объёме (16 из 17 регионов или 0,94%), также как регионы СФО (9 из 10 или 0,9%), СЗФО (9 из 10 или 0,9%), УФО (5 из 6 или 0,83%). Слабее всего на федеральном уровне представлены НЭД регионов ЮФО – практически только половина регионов (4 из 7) подготовили объекты для федерального реестра. При этом, если рассматривать региональные каталоги, то в Центральном и Южном федеральных округах такие каталоги есть во всех регионах (тут стоит заметить, что не во всех регионах эти каталоги заполнены, где-то размещены только 1-2 объекта, как, например, в Тамбовской области); в СФО и СКФО региональные каталоги отсутствуют в двух регионах (в Кемеровской области и Карачаево-Черкесской Республике, соответственно). В ДВФО, ПФО и УФО реестры отсутствуют в двух регионах – Приморском крае и Чукотском автономном округе, Пензенской и Нижегородской областях, Свердловской области и Ямало-Ненецком автономном округе, хотя, например, в Приморском есть закон о создании регионального реестра (это было отмечено выше), а на сайте Центра русского фольклора ГРДНТ им. В.Д. Поленова представлена подборка объектов НКН Свердловской области [Объекты НКН Свердловской области].

Одной из проблем наполнения региональных каталогов является существенный перевес количества объектов титульной нации региона (особенно в национальных республиках) по отношению к объектам других этнических групп. Это отмечает и М.Л. Бережнова [Бережнова, 2022], и подтверждается при анализе региональных каталогов. При этом нужно сказать, что в целом по России национальные республики и автономные округа менее включены в работу с НЭД, поскольку 0,81% (или 22 из 27 (22 республики и 4 автономных округа и 1 автономная область считались вместе)) из них имеют свои каталоги в сравнении с 0,91% областей (42 из 46) и 0,89% краёв (8 из 9).

Анализ форм каталогов объектов нематериального этнокультурного достояния в разных регионах страны показывает, что универсального формата таких каталогов не существует. Каждая из форм – сайт, книжное издание или электронная база данных – имеет свои достоинства и недостатки. При этом стоит отметить, что наиболее эффективным является комплексный подход к работе с нематериальным этнокультурным наследием, когда в регионе работают сразу в нескольких форматах. Так, можно отметить положительный опыт Тюменской области, где функционирует фольклорная интерактивная карта, ведётся электронный Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Тюменской области [Реестр объектов НЭД Тюменской области]. Кроме этого, в 2022 году в области силами АНО ТО «Дом ремёсел» и клуба «Тюменский областной дом этнографии и фольклора им. Ф.К. Зобнина и П.А. Городцова» был реализован проект «Наше наследие» по сохранению и популяризации нематериального культурного наследия народов Тюменской области при поддержке Департамента культуры Тюменской области. В Республике Марий Эл, помимо ведения реестра в электронном виде и проведения ежегодных конкурсов на лучшее оформление объектов нематериального культурного наследия «Насле-

дие предков – наше достояние», с 2016 года ведётся издательская деятельность в рамках работы с НЭД. Так, в период с 2016-2023 годы были изданы 7 сборников с описанием объектов НЭД, в том числе с аудиовизуальным приложением на DVD-дисках [Наследие предков, 2023; Легенды, 2022; Наследие предков, 2021; Легенды и предания, 2020; НКН Республики Марий Эл, 2020; НКН Республики Марий Эл, 2018; НКН Республики Марий Эл, 2016].

Комплексный подход к работе с НЭД можно отметить и в Вологодской области. Прежде всего стоит сказать о нормативно-правовом обеспечении данной сферы в регионе: ещё в 2019 году вступил в силу закон Вологодской области от 15 января 2019 года № 4483-ОЗ «О традиционной народной культуре Вологодской области», который регулирует отношения в сфере традиционной народной культуры области и направлен на создание условий для сохранения традиционной народной культуры области, отдельное внимание уделено сохранению нематериальных объектов традиционной народной культуры области. В прошлом году Департаментом культуры Вологодской области был издан приказ от 23 июня 2023 года № 65 «О Региональном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Вологодской области» и принято Положение о региональном реестре, которым определяется порядок его формирования, ведения и использования. Хотя законотворческая деятельность в данном направлении в Вологодской области берёт своё начало ещё в прошлом веке – Постановлением губернатора Вологодской области от 09.01.1996 года № 11 «О концепции развития культуры и искусства в Вологодской области», Постановлением Коллегии департамента культуры Вологодской области от 28.04.1999 года «О работе по сохранению, изучению, развитию народной культуры: социальные образовательные аспекты деятельности» были определены приоритетные направления развития культуры и искусства в области с учётом уникального богатства, самобытности и разнообразия историко-культурного наследия, а также перспективы дальнейшего развития и формирования единого культурного пространства. Законодательное обеспечение деятельности в сфере НЭД в регионе – один из показателей заинтересованности органов законодательной власти в этой сфере, демонстрирующий комплексность подхода.

В регионе также действует портал «Фолквологда» [Фолквологда], который посвящён сохранению, изучению, актуализации и поддержке нематериального этнокультурного достояния Вологодской области и создан для обеспечения свободного доступа к аудио- и видеозаписям, собранных в ходе фольклорно-этнографических экспедиций по районам Вологодской области. Авторы отмечают: «На сайте вы найдете достоверную информацию о традиционной культуре для научных исследований, публикаций и образовательных программ. Наши ресурсы могут быть полезны при подготовке и проведении этнокультурных мероприятий, а также в деятельности фольклорно-этнографических коллективов» [Фолквологда]. На портале представлены два основных раздела – Реестр нематериального этнокультурного достояния Вологодской области и Фонд традиционной народной культуры Вологодской области. Данный проект реа-

лизуется специалистами Центра народной культуры Вологодской области, и, следует отметить, проделанная работа вызывает высокие оценки – авторам не только удаётся систематизировать и представлять сведения о нематериальной культуре области на едином ресурсе, но и собирать их из разных архивов: в настоящее время на портале представлены 8959 объектов из собраний трёх учреждений региона.

Помимо этого, в регионе ведётся научно-исследовательская и издательская работа с НЭД. Так, в 2020 году вышел сборник «Нематериальные объекты традиционной народной культуры Вологодской области: современное состояние и вопросы сохранения» [Нематериальные объекты ..., 2020], регулярно выходят издания, посвящённые методической работе с НЭД, все они представлены на официальном сайте Центра народной культуры г. Вологда [Издания ...].

В Республике Татарстан также уделяется особое внимание работе с НЭД – обеспечена нормативно-правовая база в виде Закона от 26.05.2017 № 34-ЗРТ «О нематериальном культурном наследии в Республике Татарстан», регулирующего отношения в области выявления, сохранения, изучения, использования и популяризации объектов НКН. На сайте Ресурсного центра внедрения инноваций и сохранения традиций в сфере культуры Республики Татарстан («Таткультурресурсцентр») представлен реестр объектов НЭД [Реестр ОНЭД РТ] в виде интерактивной карты, где представлены 59 объектов из разных районов республики и демонстрирующих, что немаловажно, разные этнические группы, проживающие в регионе – татары, крымские татары, русские, чуваша, марийцы, удмурты, мордва. Одна из особенностей данного реестра в том, что объекты достаточно равномерно рассредоточены по территории региона, представляя таким образом не только ряд муниципальных образований, а показывая нематериальное культурное наследие народов республики в целом. Однако нужно заметить, что над содержанием (описательная часть и аудиовизуальное приложение) авторам нужно ещё серьёзно поработать, поскольку в них содержатся ошибки и неточности, которые могут создать у обычного пользователя ложное и искажённое представление о тех или иных явлениях культуры.

Можно отметить проводимую работу и в Республике Башкортостан, где ещё с 2012 года начата работа с законодательством в данной сфере – Приказом Министерства культуры РБ № 399 от 24.10.2012 года «О создании Единого Реестра объектов нематериального культурного наследия народов Республики Башкортостан» и Законом Республики Башкортостан от 25.06.2020 года «О нематериальном культурном наследии Республики Башкортостан» определяются основные задачи по выявлению, фиксации и охране объектов НКН республики, а также оптимизации возможностей поиска, отбора, систематизации, навигации по имеющимся записям объектам традиционной культуры. Кроме того, проводятся регулярные заседания Экспертного совета по внесению объектов в Единый Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния народов РБ. Так, в 2023 году состоялось три заседания – в марте, сентябре и декабре, по результатам которых в реестр были внесены 23, 38 и 39 объектов соответственно. Нужно сказать, что оформление и содержание регионального

реестра в Башкортостане очень структурировано, максимально приближено к оформлению федерального реестра, что изначально задаёт высокую планку при подготовке описания объекта и позволяет региональные объекты подавать на рассмотрение на федеральный уровень практически без дополнительной научной и исследовательской работы.

В целом в регионах работа с нематериальным этнокультурным достоянием ведётся планомерно и регулярно, о чём свидетельствуют и различные форматы представления объектов НЭД регионального уровня (электронные каталоги и базы данных, книжные издания, интерактивные карты), и разнообразие форм работы по сохранению, актуализации и популяризации этих объектов (конкурсы, проекты и т.д.). В большинстве регионов страны эта работа ведётся не один десяток лет, в других – получила толчок к развитию с 2022 года с появлением нового федерального закона.

Публикация материалов об объектах нематериального этнокультурного достояния

Кроме формирования реестра объектов, одной из традиционных форм документирования и популяризации НЭД является публикация материалов, каталогов, научных исследований и научно-популярных изданий. В таком формате работает не один регион страны. Например, существуют реестры объектов нематериального культурного наследия в Белгородской [Единый реестр объектов, 2010], Кировской областях [Каталог объектов НКН Кировской области, 2020] Красноярском крае [Каталог объектов НКН Красноярского края, 2020; Каталог объектов НКН Красноярского края, 2021]. В этом контексте также можно отметить несколько интересных региональных проектов:

– Каталоги объектов НКН Республики Коми [Усть-Цилемская горка, 2019; Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми, 2020; 2021; 2021a].

– Серии изданий «Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл» [Наследие предков, 2023; Легенды, 2022; Наследие предков, 2021; Легенды и предания, 2020; НКН Республики Марий Эл, 2020; НКН Республики Марий Эл, 2018; НКН Республики Марий Эл, 2016].

– Серия изданий «Фольклорный архив. Пермский край», представляющих объекты НКН Пермского края [Русские сказки Пермского края..., 2020; Сказки Евдокии Никитичны Трясциной, 2020; Песенная традиция, 2021; Песенная традиция деревни Суюрка, 2021; Традиционная культура русских заводских поселений Урала, 2021; Русские сказки Пермского края..., 2022].

Однако презентация каталогов в виде изданий имеет ряд недостатков, среди которых нужно отметить ограниченность ресурса (тиража) и отсутствие аудиовизуального сопровождения (видео- и аудиоприложения, в первую очередь). Хотя в некоторых регионах эту проблему решили. Так, в Пермском крае один из объектов нематериального культурного наследия (входит в региональный и федеральный реестры) «Творческое наследие сказочницы Евдокии Никитичны

Трясциной из села Русский Сарс Октябрьского района Пермского края» представлен и в виде самостоятельного научного издания [Сказки Евдокии Никитичны Трясциной, 2020], имеющего аудио- и видеоприложение на флешке. Разумеется, готовить монографии для каждого объекта НЭД – задача сложная и не всегда необходимая. В случае Пермского края сыграло значение многолетнее сотрудничество академического института и краевого учреждения культуры, о котором подробно уже было написано [Добровольская, 2023]. Сотрудничество такого же формата известно и в Республике Коми, где в 2021 году вышло трёхтомное издание «Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми» [Усть-Цилемская горка..., 2019; Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми, 2020; 2021; 2021a], подготовленное совместными усилиями специалистов Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина и Центра народного творчества и повышения квалификации Республики Коми. Это не единственные примеры, однако, есть смысл развивать такое сотрудничество науки и культуры в работе с НЭД и в других регионах страны.

Нестандартный подход к работе с НЭД в Челябинской области – уже в третий раз ОГБУК «Челябинский государственный центр народного творчества» проводит Областной конкурс фольклорно-этнографических материалов, полевых исследований и фиксации традиционных ремесленных технологий «Хранители памяти», одной из задач которого является пополнение Единого реестра объектов нематериального культурного наследия Челябинской области [Областной конкурс...]. По результатам конкурса прошлых лет (2021-2022 гг.) были изданы два сборника «Каталог объектов нематериального культурного наследия Челябинской области «Хранители памяти» [Каталог НКН Челябинской области, 2021-2022], в которых приводятся описание объектов НЭД, зафиксированных в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в рамках конкурса. Такой подход позволяет не только выявить объекты, но и привлечь к работе с НКН местных специалистов. Подобный конкурс проводится и Республиканским научно-методическим центром народного творчества и культурно-досуговой деятельности Марий Эл [Положение о проведении...].

Заключение

Таким образом, следует констатировать, что в последние два десятилетия в России проводилась активная работа по выявлению, описанию и каталогизации объектов нематериального этнокультурного достояния. За этот период был собран значительный комплекс материалов, началась разработка теоретических и методологических подходов к пониманию концепта «нематериальное этнокультурное наследие», описанию объектов, выработке критериев и практической работе с реестром (каталогом) объектов. Особенно активизировалась данная деятельность в последние несколько лет, импульс этому был придан принятием закона и других нормативно-правовых актов.

Особенностью Российской Федерации является деятельность в данном направлении как на федеральном, так и на региональном уровне, как и создание и функционирование как федерального, так и региональных каталогов. В настоящее время ведётся активная работа по наполнению федерального реестра, а также разработка и наполнение региональных каталогов. Так как данная работа имеет новаторский характер, возникает множество вопросов теоретического и методологического плана. По-прежнему существуют различия в подходах к наполнению и содержанию реестров в разных регионах страны.

Следует отметить, что реестры объектов нематериального этнокультурного наследия в настоящее время являются важным ресурсом информации для широкого круга пользователей о фольклоре и этнографии народов России. При всей их неполноте, в настоящее время нет других столь массовых ресурсов с подобного рода аутентичным контентом, в которых представлены материалы фольклорных архивов, видеофильмы и другие сведения. В сложной современной ситуации с фольклорными и этнографическими архивами, которые в большинстве своём недоступны для широкого круга пользователей, данные реестры решают задачу как доступности материалов, так и популяризации наследия.

В настоящее время идёт активная работа по наполнению и продвижению данных реестров, и от того, как будет выстроена система работы с данными реестрами, зависит то, превратится ли данный ресурс или система ресурсов в значительную научную базу по фольклору и этнографии страны. При этом успех данного начинания во многом обусловлен системной работой нескольких институтов – учреждений культуры и практиков, научных и вузовских центров при активной заинтересованности органов власти. При комплексном и качественном выстраивании дальнейшей работы с федеральными и региональными реестрами, эта система информационных ресурсов может стать масштабным проектом, решающим целый комплекс задач документирования, сохранения, презентации и популяризации этнокультурного достояния.

Литература

Бережнова М.Л. Системы сохранения и использования нематериального культурного наследия в Российской Федерации // Энциклопедия нематериального культурного наследия России. Посвящается Году культурного наследия народов России. М.: Институт Наследия, 2022 г. С.41-63.

Государственный реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Алтай. [Электронный ресурс]. URL: <https://rcnt04.ru/wp-content/uploads/2018/05/Госреестр-объектов-нематериального-культурного-наследия-Республики-Алтай.pdf> (дата обращения 15.04.2024).

Добровольская В.Е. О Каталоге объектов нематериального культурного наследия народов РФ // Живая старина. 2021. №4 (112). С. 25.

Добровольская В.Е., Чернышева Ю.С. Русское сказочное наследие как объект нематериального этнокультурного достояния: проблемы актуализации ис-

пользования в деятельности учреждений культуры // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 4. С. 11-21.

Единый реестр объектов нематериального культурного наследия Белгородской области: Издание первое / Сост. и науч. ред. В.А. Котеля. Белгород: издание ГБУК «БГЦНТ», 2010. 182 с.

Единый реестр объектов нематериального культурного наследия Белгородской области. [Электронный ресурс]. URL: https://old.bgcnt.ru/assets/files/CULTURAL_HERITAGE/EDITIONS/REGISTER/20_REGISTER-3_KOT-F4.xls (дата обращения 15.04.2024).

Единый Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния народов Республики Башкортостан. [Электронный ресурс]. URL: <https://nknrb.ru/> (дата обращения 15.04.2024).

Издания, выпущенные Областным научно-методическим центром культуры в 2000-2021 гг. [Электронный ресурс]. URL.: <https://onmck.ru/resources/publication/> (дата обращения 15.04.2024).

Интерактивная фольклорная карта юга Тюменской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://folkprostranstvo-72.ru/> (дата обращения 15.04.2024).

Каталог объектов нематериального культурного наследия Челябинской области «Хранители памяти». Вып. 1, 2. Отв. за вып. Е.И. Артюшкина; сост. Е.В. Саттарова. 2021-2022 гг.

Каталог объектов нематериального культурного наследия Кировской области: методическое пособие / О.Н. Чепурная, В.А. Поздеев, М.А. Валовая, Т.А. Шулепова, Л.В. Пятакова, В.П. Повышева / под ред. О.Н. Чепурной. – Киров: КОГАУК «Областной Дом народного творчества», 2020. Выпуск 8. 171 с.

Каталог объектов нематериального культурного наследия Красноярского края / сост. С.В. Калинина; ГЦНТ. Красноярск: ООО «Типография КАСС», 2020. 56 с.

Каталог объектов нематериального культурного наследия Красноярского края. Вып. 2. / сост. С.В. Калинина; отв. за выпуск Л.Н. Романова; ГЦНТ. Красноярск: ООО «Типография КАСС», 2021. 56 с.

Котельникова Н.Е. Система категорий в реестре объектов нематериального этнокультурного достояния народов России // Методика работы с объектами нематериального этнокультурного достояния народов России: Материалы межрегионального семинара-практикума по выявлению, сохранению, популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния народов Российской Федерации (Воронеж, 9-12 ноября 2023 г.) / Сост. И.М. Глинко, М.В. Русанова. М.: ГРНДНТ им. В.Д. Поленова, 2023. С. 14-19.

Культура. РФ. [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.culture.ru/> (дата обращения 15.04.2024).

Легенды, заговоры, религиозные традиции земли марийской/ ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; Сост. Б.А. Дмитриев. Йошкар-Ола, 2022. 48 с.

Легенды и предания земли марийской/ ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; Сост. Б.А. Дмитриев. - Йошкар-Ола, 2020. 52 с.

Наследие предков – наше достояние: Объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып.5/ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; Сост. А.Ю. Романова. Йошкар-Ола, 2021. 92 с.

Наследие предков – наше достояние: Объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып.6 /ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; Сост. А.Ю. Романова. Йошкар-Ола, 2023. 51 с.

Нематериальные объекты традиционной народной культуры Вологодской области: современное состояние и вопросы сохранения: материалы областной научно-практической конференции / Департамент культуры и туризма Вологодской области, Центр народной культуры Вологодской области; научный редактор, составитель С.Р. Кулева; Вологда: ЦНК. 2020. 95 с.

НКН, 2020 – Нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации: Иллюстрированный альманах / Сост. В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова, М.В. Русанова. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2020 – 348 с.

Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: Информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып.2/ ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД». Йошкар-Ола, 2016. 124 с. (DVD диск).

Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: информационно-методические материалы, объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып. 3 / [сост. Е. И. Тихонова]. Йошкар-Ола, 2018. 79 с.

Нематериальное культурное наследие Республики Марий Эл: Объекты нематериального культурного наследия Республики Марий Эл. Вып.4/ГБУК РМЭ «РНМЦ НТ и КДД»; Сост. Е.И. Тихонова. Йошкар-Ола, 2020. 108 с.

Областной конкурс «Хранители памяти – 2023». [Электронный ресурс]. URL: <https://ocnt.ru/event/polozheniya-i-usloviya/3014/> (дата обращения 15.04.2024).

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 1. Обрядовые, празднично-игровые и конфессиональные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2020. 376 с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 3. Народное исполнительство, эпические, песенно-музыкальные, инструментальные и танцевальные традиции. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. 180с.

Объекты нематериального культурного наследия Республики Коми: [в 3 т.]. Т. 2. Народное декоративно-прикладное искусство, промыслы, ремесла, народное знание. Сыктывкар: Государственное автономное учреждение Республики Коми «Центр народного творчества и повышения квалификации», 2021. 240 с.

Объекты нематериального культурного наследия Свердловской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.folkcentr.ru/category/map-russia/>

sverdlovskaya-oblast/obekty-nematerialnogo-kulturnogo-naslediya-sverdlovskaya-oblast/ (дата обращения 15.04.2024).

Песенная традиция русских сел Октябрьского района Пермского края в записях конца XX в. (под общ. ред. А.В. Черных). / А.В. Черных (отв. ред.), О.С. Сивков, И.И. Русинова, Ю.С. Чернышева, М.Е. Суханова, Е.Н. Свалова. СПб.: Маматов, 2021. 456 с. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»).

Песенная традиция деревни Суюрка Куединского района Пермского края: свадебный фольклор / А.В. Черных (отв. ред.), Г.Н. Мехнецова, А.А. Мехнецов, О.С. Сивков, И.И. Русинова, М.Е. Суханова. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб: Изд-во «Маматов», 2021. 188 с.

Положение о проведении III республиканского конкурса на лучшее оформление объектов нематериального культурного наследия «Наследие предков – наше достояние». [Электронный ресурс]. URL: <https://rnmс-rme.ru/meropriyatiya/show-jumping/docs/2022/Наследие%20предков%20-%20наше%20достояние.pdf>(дата обращения 15.04.2024).

Портал открытых данных Министерства культуры РФ [Электронный ресурс]. URL.: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-folklore#a:eyJ0YWliOiJidWlsZF9wYXNzcG9ydCJ9> (дата обращения 15.04.2024).

Пояснительная записка к проекту федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/102232-8> (дата обращения 15.04.2024).

Правительство утвердило положение о федеральном реестре объектов НЭД народов России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/49222/> (дата обращения 15.04.2024).

Приказ министерства культуры и архивного дела Приморского края от 10.07.2023 № 36пр-172 «Об организации работы по выявлению, изучению, учету, сохранению, актуализации и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния Приморского края».

Приказ Министерства культуры Самарской области от 21 июня 2022 г. № 49 «О работе по сохранению нематериального культурного наследия Самарской области».

Пуртова Т.В. Нематериальное культурное наследие: проблемы терминологии // Традиционная культура 2018. №1. С.37-39.

Региональный каталог объектов ОНЭД Забайкальского края. [Электронный ресурс]. URL: <https://umckchita.ru/category/традиционная-культура/региональный-каталог-объектов-онэд/> (дата обращения 15.04.2024).

Реестр ОНЭД Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <https://tatcultresurs.ru/onkn/table> (дата обращения 15.04.2024).

Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России. [Электронный ресурс]. URL.: <https://rusfolknsledie.ru/#/main> (дата обращения 15.04.2024).

Реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Тюменской области. [Электронный ресурс]. URL: https://admtymen.ru/ogv_ru/society/culture/object_nOIKN.htm (дата обращения 15.04.2024).

Русанова М.В. От составителей // Методика работы с объектами нематериального этнокультурного достояния народов России: Материалы межрегионального семинара-практикума по выявлению, сохранению, популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния народов Российской Федерации (Воронеж, 9-12 ноября 2023 г.) / Сост. И.М. Глинко, М.В. Русанова. М.: ГРНДНТ им. В.Д. Поленова, 2023. С. 5-7

Русские сказки Пермского края в записях конца XX – начала XXI в. / А.В. Черных (отв. ред.), В.Е. Добровольская, И.И. Русинова, И.А. Подюков, М.Е. Суханова, О.С. Сивков, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, С.Ю. Королева (серия «Фольклорный архив. Пермский край»). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. 240 с.

Русские сказки Пермского края из рукописных собраний XX века / А.В. Черных [и др.]; под общ. ред. А. В. Черных; Администрация губернатора Перм. края, Департ. внутр. политики [и др.]. (Фольклорный архив. Пермский край). СПб.: Маматов, 2022. 332 с.

Сказки Евдокии Никитичны Трясиной / В.Е. Добровольская, Г.Н. Мехнецова, И.И. Русинова, О.С. Сивков, М.Е. Суханова, А.В. Черных (отв. ред.). СПб.: Изд-во «Маматов», 2020. 192 с.

Традиционная культура русских заводских поселений Урала: Курашимский завод: материалы и исследования: коллективная монография / А.В. Черных (отв. ред.), И.И. Русинова, Ю.А. Кашаева, А.В. Вострокнутов, Д.И. Вайман, С.Ю. Королёва, О.С. Сивков, М.А. Брюханова. Санкт-Петербург: Маматов, 2021. 484 с. (Серия «Фольклорный архив. Пермский край»).

Усть-Цилемская горка – жемчужина Русского Севера. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2019. 136 с.

Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации».

Фолквологда. [Электронный ресурс]. URL.: <https://folkvologda.ru/about/reg/> (дата обращения 15.04.2024).

Фольклорная карта Архангельской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://folkarh.ru/> (дата обращения 15.04.2024).

Cultural space and oral culture of the Semeiskie. [Электронный ресурс]. URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/cultural-space-and-oral-culture-of-the-semeiskie-00017> (дата обращения 15.04.2024).

Olonkho, Yakut heroic epos. [Электронный ресурс]. URL.: <https://ich.unesco.org/en/RL/olonkho-yakut-heroic-epos-00145> (дата обращения 15.04.2024).

Открытый корпус вепского и карельского языков: структура, функциональность, перспективы развития¹

И.И. Муллерен, И.П. Новак, А.П. Родионова, Н.Б. Крижановская

Аннотация. ВепКар – Открытый корпус вепского и карельского языков, ведущий свою историю с 2009 г. Тогда была начата работа над «Корпусом вепского языка», а в 2016 г. было принято решение расширить его за счёт языка титульного этноса Карелии – карельского. За годы работы над ресурсом языковедами ИЯЛИ КарНЦ РАН и программистами ИПМИ КарНЦ РАН была проделана большая работа по его наполнению не только текстами, но и словарями, а также инструментами, обеспечивающими удобную работу и возможность проведения научных исследований. В настоящий момент в корпусе размещено около 6 тыс. текстов (2 млн. словоупотреблений) на диалектах и нормированных вариантах карельского и вепского языков, более 67 тыс. словарных статей. ВепКар стал базой для исследования прибалтийско-финских языков Северо-Запада России. Материалы корпуса активно используются в процессах разработки новых словарей и грамматик, редактирования правил и норм новописьменных вариантов языков, в обучающих процессах. Они послужили основой для таких ресурсов, как Аудиокарта прибалтийско-финских языков Карелии, Приложение для проверки орфографии и Мультимедийный словарь карельского языка LiPaS. При условии дальнейшего расширения объёма и структурного потенциала платформы в будущем эти данные планируется направить на решение таких сложных задач как, например, распознавание и синтез речи, машинный перевод, построение компьютерных моделей карельского и вепского языков.

Ключевые слова: карельский язык; вепский язык; корпусная лингвистика; Открытый корпус вепского и карельского языков.

Развитие корпусной лингвистики в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук стало возможным благодаря тесной и плодотворной работе с программистами и исследователями Института прикладных математических исследований Карельского научного центра Российской академии наук.

Открытый корпус вепского и карельского языков, созданный с целью сохранения языкового богатства и последующего изучения прибалтийско-финских языков Карелии, их развития и популяризации, ведёт свою историю с 2009 г., когда под руководством д.ф.н. Н.Г. Зайцевой была начата работа над «Корпусом вепского языка²», который включил в себя пять текстовых под-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания ФГБУ ФИЦ «Карельский научный центр Российской академии наук»

² См. <http://vepsian.krc.karelia.ru/about/>

корпусов (диалектные тексты, два подкорпуса фольклорных текстов и два младодописменных корпуса), электронный словарь и системы поиска [Бойко и др., 2021: 102; Родионова и др., 2023: 343]. «Корпус вепского языка» оказал большую помощь в подготовке «Орфографического словаря вепского языка» в процессе отбора форм для создания правил орфографии [Зайцева и др., 2012].

В 2016 г. было принято решение расширить корпус за счёт включения в него языка титульного этноса Карелии – карельского, поскольку для карельского народа проблемы, связанные с ревитализацией языка, не менее актуальны, чем для вепского. Оба языка находятся под серьёзной угрозой исчезновения. Новый корпус получил название «Открытый корпус вепского и карельского языков», сокращенно – ВепКар (<http://dictorpus.krc.karelia.ru>). За эти годы языковедами и математиками КарНЦ РАН была проделана большая работа по наполнению ресурса не только текстами, но и словарями, а также инструментами, обеспечивающими удобную работу в корпусе и возможность проведения научных исследований.

В первые годы корпус развивался благодаря поддержке Программы Отделения историко-филологических наук РАН и грантам [Зайцева, Крижановская, 2018]. С 2021 г. направление корпусной лингвистики было включено в план научно-исследовательской работы сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Структура и функциональность корпуса ВепКар

ВепКар – это электронный открытый динамический многоязычный разножанровый полнотекстовый диахронический размеченный смешанный многофункциональный языковой корпус (рис. 1).

Рис. 1. Структура ВепКар. Данные по состоянию на 4 марта 2024 г.

Открытость корпуса подразумевает наличие свободного доступа и отсутствие ограничений на использование материалов. Динамичность – его постоянное пополнение. Сегодня ВепКар представлен 6 тыс. текстами (2 млн. словоупотреблений). Источниками для пополнения служат периодические издания, сборники диалектных и фольклорных текстов, учебные пособия, художественные произведения. Наполнение ресурса осуществляется по соглашению с издательствами и авторами текстов. Неисчерпаемым источником материалов остаются архивы. Все тексты размещаются полностью, а не фрагментарно (полнотекстовость).

Корпус ВепКар состоит из подкорпусов. Одним из параметров их выделения является языковая принадлежность текстов. В корпусе представлен один вепсский и три карельских подкорпуса [Крижановский и др., 2019: 289]. Причиной выделения последних послужила диалектная разобщённость карельского языка. В нём функционируют три наречия (собственно карельское, ливвиковское и людиковское), на каждом из которых уже на протяжении 30 лет развивается и внедряется через систему образования и СМИ своя новописьменная традиция [Бойко и др., 2021: 105]. Наличие нормированных вариантов позволяет, с одной стороны, отталкиваться от них в процессе обработки текстов, а с другой – перепроверять существующие нормы и, в случае выявления несоответствий, корректировать их. В связи с этим важно отметить, что практически все редакторы корпуса являются членами Республиканской термино-орфографической комиссии по карельскому и вепсскому языкам при Главе Республики Карелия. Кроме того, многоязычность корпуса подразумевает наличие текстов с параллельным выровненным по предложениям переводом на русский язык (рис. 2).

Savina Renata Jurjevna. Ristitun uskond

подкорпус: художественные тексты

жанр: литературная (авторская) сказка

источник: Савина Рената Юрьевна, *Kodima*. № 11., 2022, с. 8

Savina Renata Jurjevna

Ristitun uskond

Вепсский
Младописьменный вепсский

Minun baboi eli vanhas karjalaizes küläs kaiken elon. Hänen elos oli äi jügeduzid, no hän nikonz ei lanktend opalaha. Hän vägesti kaikid jügeduzid. Minä ihastun hänehe. Kerdan minä küzuin baboil, kuspäi hänes or
"Minä en sanu Jumalale minun jügeduzile, miše minäi om Jum sanoid. Aig mäni, necešpäi virk minäi omištan baboile.

ihastuda VERB (2)
восхищаться)

индикатив, презент, 1 л.,
ед. ч., полож. ф.

Савина Рената Юрьевна

Сказка о человеческой вере

Русский

Моя бабушка всю жизнь прожила в старой карельской деревне. Ее жизнь была тяжелой, но она никогда не унывала. Она справлялась со всеми трудностями. Я восхищаюсь ей. Однажды я спросила как ей удается быть такой сильной. Бабушка ответила: "Я не говорю Богу о своих проблемах, а, наоборот, всем своим проблемам я говорю, что со мной Бог". Я запомнила ее слова. Спустя годы из этой фразы у меня родилась сказка, которую я посвящаю памяти моей бабушки.

Рис. 2. Пример текста из корпуса ВепКар с параллельным переводом на русский язык. Полный текст см. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/4611>

По стилистической принадлежности текстов в корпусе ВепКар сложились следующие подкорпусы: публицистический, художественный, диалектный, библейский, фольклорный (разножанровость) (рис. 3). Наличие жанровой системы позволяет, исходя из определённых задач, оформлять тематические коллекции текстов [Бойко и др., 2021: 107]. Сегодня на сайте корпуса представлены три оформленные фольклорные коллекции: вепские причитания, карельские руны и карельские предания³. Так, например, коллекция «Карельские руны» была подготовлена в рамках проведения в республике в 2021 г. Года карельских рун. К данной работе активно подключились фольклористы ИЯЛИ КарНЦ РАН. Для создания коллекции ими не только были отобраны, загружены в корпус и переведены 99 текстов, но и произведена их подробная классификация по сюжетам и темам. В коллекции «Вепские причитания» представлены свадебные и похоронно-поминальные причитания, их классификация дана исходя из локальных традиций.

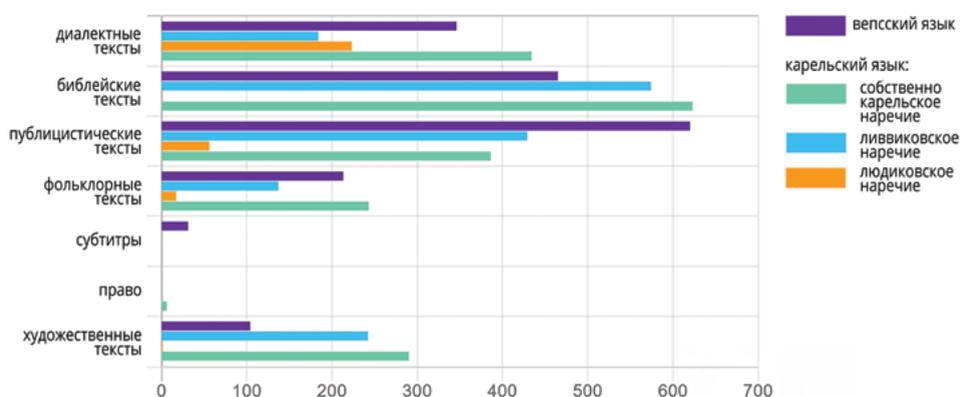

Рис. 3. Подкорпусы ВепКар. Соотношение текстов на вепском и карельском языках в подкорпусах. Данные по состоянию на 4 марта 2024 г. Актуальную информацию см. http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/stats/by_corpus

Рост подкорпуса художественных текстов открывает перспективы для исследования литературоведами прозы и поэзии на национальных языках. Можно, например, изучать произведения отдельно взятого автора (как вариант, на основе статистики использования им определённых частей речи, деминутивов, фразеологизмов и т.д.). А диалектные бытовые тексты, содержащие ценный этнографический материал, в свою очередь, могут быть полезны этнологам.

Основу диахронического корпуса составляют тексты, записанные в середине XX в. Самый ранний из представленных текстов (текст руны) был зафиксирован в 1888 г. ВепКар постоянно пополняется как материалами из свежих номеров газет на карельском и вепском языках, так и расшифровками полевых материалов ежегодных экспедиций.

³ См. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/collection>

В корпусе представлены три вида *разметки* (рис. 2):

- метатекстовая (название текста, дата создания, автор, жанр, место записи и др.);
- морфологическая (у слов в текстах указаны части речи и морфологические признаки);
- семантическая (слова в текстах связаны со значениями словарных статей).

Возможность морфологической и семантической разметки обеспечивает связь корпуса текстов со словарем (67 тыс. словарных статей) (рис. 1). Все загружаемые тексты автоматически размечаются: т.е. для каждого слова производится поиск соответствия в словаре. Контекст при морфологическом анализе не учитывается, анализатор выдает все возможные леммы для заданной словоформы. Обученная на массивах текстов программа в дальнейшем сможет прогнозировать нужные формы имён при глаголах (глагольное управление), определять

окончания именных и глагольных словоформ.

Сегодня автоматическая разметка достигла 78% благодаря двум вещам:

1) в словарь корпуса включены все изданные словари нормированных вариантов ливвиковского карельского и вепсского языков. С июля 2023 г. ведётся загрузка словарных статей рукописи Большого словаря собственно карельского языка П.М. Зайкова;

2) кроме слов в начальной форме в словаре представлены полные словоизменительные парадигмы (рис. 4). Разработанные алгоритмы генерации словоформ по всем подкорпусам позволили автоматически получить более 2,5 миллионов словоформ [Новак и др., 2020: 681]. При внесении нового слова редактором указываются одна-две основы, по которым генерируются полные парадигмы (более 40 форм для имён, 150 – для глаголов), параллельно производится поиск соответствий для всех новых введённых словоформ по текстам.

№	грамматические признаки	Новописьменный тверской (121)
Индикатив, презенс, положительные формы		
1.	1 л., ед. ч.	<u>elän</u>
2.	2 л., ед. ч.	<u>elät</u>
3.	3 л., ед. ч.	<u>eläy</u>
4.	1 л., мн. ч.	<u>elämmä</u>
5.	2 л., мн. ч.	<u>elättä</u>
6.	3 л., мн. ч.	<u>eletäh</u>
7.	ед. ч., коннегатив	<u>elä</u>
8.	мн. ч., коннегатив	<u>eletä</u>
Индикатив, презенс, отрицательные формы		
9.	1 л., ед. ч.	en elä
10.	2 л., ед. ч.	et elä
11.	3 л., ед. ч.	ei elä
12.	1 л., мн. ч.	emmä elä
13.	2 л., мн. ч.	että elä
14.	3 л., мн. ч.	ei eletä

Рис. 4. Фрагмент словоизменительной парадигмы глагола eliä. Полную информацию см. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/23142>

Suaharuo himottau

Карельский: собственно карельское наречие
Толмачевский

Oi. Midä elettih? Ka täššä juablokka oli issutettu, pellot. Voinan jälgie ev midä šyvvä. Niin ka lumi šulau, Lidanke lähemmä,

jälgi NOUN (1) след, отпечаток; отметина) +

jälgi NOUN (2) остаток чего-л., след) +

jälgi NOUN (3) колея) +

новое значение / лемма

partitiv, ед. ч. +

diedo oli elošša, tuaton tuatto, diedo. Diedo tuli. Storožana ruado, melliččiä, tädä kladovoloida storožuičči. Diedo tulou, a mie iten. Suaharuo šain, a riputtua-to miula ei šua. Ka i issun i iten. Hiän šano... Tuli da i šanou: "Midä itet?" Lau: "Muamo tulou, milma rubieu pergamah." "Mintän?" "Ka, - lau, - šain suaharot. Otin palazen, kive vaš. Nu, ka moni palas't'a oli. - Lau,

Рис. 5. Проверка экспертом автоматической разметки и выбор правильного значения и грамматических признаков слова в тексте

Добавить словоформу

Matičalla oli nuagla.

В матице был гоозде. (Suaharuo himottau)

исправить слово в тексте

Словоформа

Matičalla

Лемма

Возможно, это один из следующих вариантов?

- Matičča, имя собственное, адессив-аллатив, ед. ч. (51.28%)
- matičča, существительное, адессив-аллатив, ед. ч. (46.15%)
- matičča, прилагательное, адессив-аллатив, ед. ч. (2.56%)

Значение для предсказанной леммы

Рис. 6. Разметка «нового» слова, т. е. не найденной в словаре словоформы. В данном окошке предлагается выбрать лемму (начальную форму) из списка, создать новую или воспользоваться предсказанием системы

Редакторами корпуса производится проверка автоматической разметки, снятие омонимии, а также ручная разметка нераспознанных программой слов. На рис. 5 приведён пример автоматической разметки художественного текста. Редактор, кликая на иконку "+", выбирает верное значение и подходящие грамматические признаки.

При клике на неразмеченное слово открывается окно (рис. 6), в котором можно вручную выбрать или создать новую лемму (с полной парадигмой). Редактору помогает модуль-предсказатель, который предлагает грамматические признаки слова.

ВепКар – смешанный корпус. Кроме письменных текстов с 2022 г. он постепенно наполняется аудиозаписями звучащей речи (в настоящий момент в нём представлено уже более 100 фрагментов⁴).

Многофункциональность корпуса заключается в том, что он предназначен как для обычных пользователей, так и для исследовательских целей. Любой желающий может пользоваться ВепКаром как электронной библиотекой и как полноценным электронным словарём. В этом помогает удобная система поиска. Языковеды используют программы обработки, поиска и представления данных для ре-

⁴ См. http://dictopus.krc.karelia.ru/ru/corpus/speech_corpus

шения своих конкретных научных задач в области изучения лексики и грамматики карельского и вепского языков. Так, система лексико-грамматического поиска позволяет выбирать из текстов примеры заданной последовательности лемм и/или словоформ, обладающих определёнными грамматическими характеристиками, что позволяет отфильтровывать сложные грамматические конструкции (рис. 7). Частотные словари⁵ выступают базой для статистических исследований, а обратные помогают разобраться со словоизменительными типами имён и глаголов.

Расширенный поиск ↓

Язык: карельский: ливвиковское наречие (489) | Подкорпус: | по 10 записей ИСКАТЬ

Слово 1: olla | Часть речи: VERB | Грамматические признаки: COND | Расстояние: от 1 до 1

Слово 2: | Часть речи: VERB | Грамматические признаки: ACT,V.PTCP_PST

Найдено 32 текста, 44 вхождения.

[Уточнить запрос](#)

- Igor' Petrov. [Ristilahten tora](#) (Oma Mua. № 11; № 14; № 15; № 16; № 17, 2017, с. 10; 10; 10; 10) →
← Sobimuksen peittolizävykses oli sanottu, ku ruoččiloi sode-avus **olis** pidänh suaha Korelan ujezdu Korelan linnanke (nygoine Priozerskan linnu). →
- Juuli Kähäri. [Minun hiihtoloma](#) (Oma Mua. № 12, 2017, с. 10)
← Tama loma on olluh ylen vessel da toivozin, ku se ei vie **olis** loppunuh.
- Fodorova Anni (nygöi Ivanova). [Kargiet voinuaijat](#) (Oma mua. № 24, 2017, с. 8)
← Kai kylä **ollus** palanuh, ku vahnembat ei ehtittys. →
- Irina Kudeľnikova. [Bul'uu borkananke](#) (Oma mua. № 1, 2018, с. 11)
← Äijan rahvastu **olluzin** parandannuh, a työ kallehen syomizen kaimaitto!
- Ol'ga Ogneva. [Ongo Korzal kaimua?](#) (Oma mua. № 23, 2018, с. 6-7)
← Korzan kylän alustettih karjalazet, ga mis **olis** voinnuh lahtie kylän nimi? →

Рис. 7. С помощью лексико-грамматического поиска найдены примеры употребления ливвиковских глаголов в форме перфекта кондиционала

Кроме того, на основе данных корпуса разрабатываются приложения с упрощённым интерфейсом, более понятные широкой публике. К таким относятся Аудиокарта прибалтийско-финских языков Карелии⁶, Приложение для проверки орфографии⁷. Продолжается работа над Мультимедийным словарём карельского языка LiPaS⁸, содержащим материалы на ливвиковском новописьменном варианте. Целевой аудиторией этого проекта являются, в первую очередь, школьники, студенты, слушатели курсов карельского языка, преподаватели.

⁵ Частотный словарь лемм, размеченных в тексте (<http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/frequency/lemmas>); обратный словарь лемм (http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/dict/reverse_lemma).

⁶ См. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/audiotext/map>

⁷ См. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/spellchecking>

⁸ См. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/olodict>

Словарная статья словаря (рис. 8) содержит заголовочное слово на карельском языке, грамматическую информацию (с полной словоизменительной парадигмой), перевод значений слова на русский язык и контекстные примеры его употребления (в том числе в составе устойчивых выражений), мультимедийный контент (аудиофайлы, иллюстрации). Словник формируется автоматически из текстов корпуса, программа также предлагает иллюстративный материал для каждой словарной статьи.

LiPaS Livin paginan sanat
Мультимедийный словарь карельского языка

English

Нужна помощь?

Поиск по алфавиту
ahven

Поиск по данным
ahven | a

толкование
тема
понятие
часть речи
 с фото
 точный поиск
ОЧИСТИТЬ

A B C D E F G H I J K L M N O P R S T U V Y Z Ä Ç Š Ž

Ahven

Часть речи: существительное
ОКУНЬ

1. **Ahvenet** ollah ei ylen suuret, vie poljat.
Окуни *су́ще* не крупны́е, *су́ще* малы́е.

2. **Ahven** kudou hätken, tedri kilmiučou hätken.
Окунь *нерастится* долго, *тетереж* *тянется* долго.

3. Vie sanotah: **ahven** ahaval kudou, a särgi släi lämmäl.
Еще *говорят*: окунь в холодную *суюгу* *погоды* *нерастится*, а *плотва* в *теплую*.

Словоформы		
	Ед.ч.	Мн.ч.
Номинатив	ahven	ahvenet
Аккузатив	ahven, ahvenen	ahvenet
Генитив	ahvenen	ahvenien
Паргитив	ahvendu	ahvenil
Эссив	ahvenenu	ahveninnu
Транслатив	ahvenekse	ahvenikse
Абессив	ahvenettah	ahvenittah
Инессив	ahvenes	ahvenis
Элатив	ahvenes, ahvenespäl	ahvenis, ahvenispäl
Иллатив	ahveneh	ahvenih
Адессив	ahvenel	ahvenil
Аблатив	ahvenel, ahvenelpai	ahvenil, ahvenipai
Аллатив	ahveneie	ahvenieie
Комитатив	ahvenenke	ahvenienke, ahveninneh
Пролатив	ahveneci	ahvenici
Аппроксиматив	ahvenelluo	ahvenelluo
Инструктив	—	ahvenin
Терминатив	ahvenessah	ahvenissah

Рис. 8. Пример словарной статьи имени существительного ahven. Полную информацию см. http://dictopus.krc.karelia.ru/ru/olodict?limit_num=5&page=5&search_lemma=ahven

Перспективы развития корпуса ВепКар

На ближайшие годы работа по развитию корпуса ВепКар запланирована в нескольких основных направлениях.

1. Расширение корпуса текстов за счёт наполнения существующих подкорпусов и создания новых. Особый интерес сегодня представляет, например, подкорпус памятников карельской и вепской письменности. Планомерная работа в этом направлении позволит в будущем получать выборки материалов

для разработки и настройки различных автоматизированных систем (машинный перевод, распознавание речи и пр.). Карельский и вепский языки – языки малоресурсные, поэтому проблема дефицита языкового материала для решения таких масштабных задач является особо актуальной. Кроме того, предполагается также добавление новой метаразметки в целях привлечения к корпусу специалистов литературоведов, фольклористов, этнографов.

2. Наполнение словаря корпуса как за счёт разметки текстов, так и за счёт внесения данных из печатных словарей, в том числе диалектных. На основе словаря корпуса планируется продолжение работы по созданию удобных многофункциональных мультимедийных учебных и популярных словарей, в первую очередь, для новописьменных вариантов карельского и вепского языков, звучащих словников диалектной речи.

3. Завершение работ по созданию «золотого стандарта» или размеченной вручную части корпуса, которая в дальнейшем будет использована в различных экспериментах, направленных на разработку программы для автоматического снятия грамматической омонимии. Важно отметить, что работа по разметке корпуса продвигается в разы медленнее, чем загрузка текстов с их привязкой к метаданным, ввиду трудозатратности процесса и небольшого числа квалифицированных редакторов.

4. Если до настоящего момента упор был сделан на наполнение корпуса материалами и развитие его инструментальной базы, то теперь, когда набран минимально необходимый объём данных, перед коллективом поставлена задача активизации исследовательской деятельности по самым разным направлениям: диалектология, языковое нормирование, лексикография и пр. Представляется, что платформа ВепКар в обозримом будущем могла бы стать источником для междисциплинарных исследований в рамках филологических и исторических наук.

5. Развитие корпуса производится и за счёт расширения направлений взаимодействия с пользователями. ВепКар пока ещё остаётся востребованным ресурсом лишь для ограниченного круга лиц – финно-угроведов, студентов и преподавателей. Между тем, как показал проведённый в 2023 г. Марафон записи образцов карельской и вепской диалектной речи «Слушаю родной говор», формат обратной связи с потенциальными пользователями платформы положительно воспринимается населением и специалистами. Коллектив ВепКара планирует проводить мастер-классы по корпусной грамотности для заинтересованных лиц, разрабатывать игры и квесты на материалах корпуса, устраивать акции по сбору звучащей речи (запись приветов с малой родины, сбор топонимических преданий и пр.). Языковеды и фольклористы ИЯЛИ КарНЦ РАН крайне заинтересованы в проведении подобных мероприятий, поскольку возможности посетить все населённые пункты, в которых ещё можно записать стремительно угасающую вепскую и карельскую речь, нет.

Успешное достижение поставленных целей опирается в одну основную проблему – проблему развития кадрового потенциала. Костяк сотрудников, регулярно задействованных в работе над корпусом, сегодня составляет восемь

человек, из них пять языковедов, занимающихся непосредственно работой в корпусе (разметка, перевод текстов, наполнение словарей, проведение экспериментов, крайне необходимых для отлаживания работы лингвистических инструментов), два математика-программиста, обеспечивающих работу системы, и один инженер, пополняющий базу текстами.

Кадровую проблему удаётся частично решать благодаря:

– грантовой поддержке. Например, разработка и наполнение Речевого подкорпуса были осуществлены за счёт средств регионального гранта РНФ;

– привлечению коллег неязыковедческих направлений. Так, разработкой подкорпуса карельских рун занимался фольклорист ИЯЛИ КарНЦ РАН;

– привлечению студентов Петрозаводского государственного университета.

В ходе ежегодной диалектологической практики студенты-филологи занимаются подготовкой к загрузке в корпус образцов диалектной речи и словарного материала. А студентами-математиками на базе ВепКара разрабатываются удобные мобильные приложения.

Литература

Бойко Т.П., Зайцева Н.Г., Крижановская Н.Б., Крижановский А.А., Новак И.П., Пеллинен Н.А., Родионова А.П., Трубина Е.Д. Лингвистический корпус ВепКар – «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2021. № 7. С. 100-115.

Зайцева Н.Г., Крижановская Н.Б. Корпусная лингвистика в прибалтийско-финском исследовательском пространстве (на материале Корпуса вепского языка и Открытого корпуса вепского и карельского языков) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 3. 2018. С. 264-273. [Электронный ресурс]. URL: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1062> (дата обращения: 04.03.2024)

Зайцева Н.Г., Харитонова Е.Е., Жукова О.Ю. Орфографический словарь вепского языка. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 432 с.

Крижановский А.А., Крижановская Н.Б., Новак И.П. Представление диалектов в Открытом корпусе вепского и карельского языков (ВепКар) // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2019». СПб, 2019. С. 288-295.

Новак И.П., Крижановская Н.Б., Бойко Т.П., Пеллинен Н.А. Разработка правил генерации именных словоформ для новописьменных вариантов карельского языка // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 679-691.

Родионова А.П., Крижановская Н.Б., Пеллинен Н.А. Речевой корпус ВепКар как инструмент сохранения диалектной речи прибалтийско-финских народов Карелии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. № 3. С. 343-351.

Электронные базы данных языков и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока

И.В. Силантьев, Н.Б. Кошкарёва, Н.Н. Федина, И.В. Шапошникова,
Е.Н. Кузьмина, А.А. Гриневич, П.С. Шахов, Е.Л. Тирон

Аннотация. В Институте филологии СО РАН созданы и развиваются разные типы фольклорных и лингвистических электронных ресурсов, включающих материалы по языкам коренных и переселенческих народов Сибири и Дальнего Востока. Они предназначены для разных целей: во-первых, для хранения образцовых текстов, представляющих собой эталоны вербальной культуры в их исконной форме; во-вторых, для лингвистической обработки больших массивов текстов, представленных, в соответствии с международными стандартами, с глоссированием и поморфемным переводом, что обеспечивает возможность их использования в сравнительно-сопоставительных и типологических исследованиях; в-третьих, для обеспечения исследования вербальных и этномузыкальных культур оригинальным интерактивным инструментарием. Все электронные ресурсы направлены на многоаспектное отражение вербальных культур Сибири и Дальнего Востока, способствуют сохранению и развитию фольклорных традиций и языковой культуры в её лучших локальных проявлениях и укреплению этнических идентичностей.

Ключевые слова: языки, фольклор, этномузыкальные и вербальные культуры, коренные и переселенческие народы Сибири и Дальнего Востока, русский язык в Сибири, электронные ресурсы, фольклорные и лингвистические базы данных.

В Институте филологии Сибирского отделения РАН разрабатываются разнообразные электронные ресурсы и базы данных, включающие материалы по языкам и фольклору коренных и переселенческих народов Сибири и Дальнего Востока. Они находятся в свободном доступе на сайте института¹. Некоторые из них подготовлены в рамках мегапроекта «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Минобрнауки России (2019-2021 гг.) и являются результатом работы Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока, другие созданы в результате выполнения грантов, преимущественно РНФ.

Отличительной особенностью электронных ресурсов Института филологии СО РАН является их комплексный характер: все они интегрируют различные направления деятельности института в русле комплексных исследований языков, фольклора, литературы, вербальной культуры народов Сибири и Дальнего Востока.

¹ <https://www.philology.nsc.ru/resources/index.php>

Фольклорные базы данных

В институте разрабатываются специализированные электронные ресурсы, в которых представлены многообразные фольклорные традиции народов сибирско-дальневосточного региона.

Одним из крупнейших электронных собраний фольклора народов Сибири и Дальнего Востока является электронная версия академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»² (руководитель Е.Н. Кузьмина). Это фундаментальный проект, представляющий собой новый тип публикации и исследования произведений устно-поэтического творчества. Тексты представлены на языке оригинала и в русском переводе, без каких-либо искажений и литературного вмешательства, с обязательным сохранением подлинной народной речи, диалектных форм языка. Аналитические статьи, сопровождающие публикацию текстов, включают филологические, музыковедческие и этнографические комментарии, что делает данное собрание ценным источником сведений о разных сторонах вербальных культур разных народов.

Электронный портал «Фольклор народов Сибири»³ (руководитель А.А. Гривневич) является виртуальной исследовательской средой для проведения сравнительно-исторических исследований в области фольклора. Портал предоставляет инструментарий для сравнительного изучения фольклорных произведений – семантическую разметку текстов на основе онтологического подхода. Для образца и упрощённого начала работы с порталом разработано несколько онтологий, которые доступны любому зарегистрированному пользователю. Метаданные размечаются на основе онтологии фольклорных жанров, позволяющей охарактеризовать каждый публикуемый ресурс с точки зрения жанровой характеристики, указать национальный термин, которым традиционно обозначаются произведения подобного типа, отнести фольклорный образец к универсальной жанровой категории.

На материале бурятского фольклора разработана модель описания эпических текстов. Она содержит параметры для характеристики действующих лиц, их облика, еды, жилища, предметов, психологических состояний, событий и пр. Эта сеть взаимосвязанных понятий может быть применена и к другим родственным традициям.

Размещённая на портале онтология «Культурные универсалии народов Сибири» предлагает ряд концептов, характеризующих общие явления в различных сибирских языковых традициях. Например, в ней представлена модель описания эмоций и чувств, которые в фольклоре традиционно связаны с частями тела. Чтобы отобразить эту особенность в онтологии, между классами «Эмоции» и «Части тела» установлена связь, позволяющая указывать названия частей тела при описании эмоций. Все разработанные онтологии являются масштабируемыми и могут быть дополнены при необходимости. Инструменты

² <https://www.philology.nsc.ru/resources/pamyatniki.php>

³ <https://www.philology.nsc.ru/resources/portal.php>

портала позволяют пользователям создавать собственные семантические сети взаимосвязанных понятий, посвящённых любому исследовательскому вопросу в области фольклора. Одни и те же сущности, размеченные в разных текстах, отображаются в едином реестре, который показывает параллели в разных языковых культурах и служит для навигации по ресурсам базы данных.

В настоящее время база данных портала содержит большую коллекцию на русском языке (фольклор русских в Сибири) и развивающиеся коллекции на бурятском, корякском и аллоторском языках общим объёмом более 1500 текстов и иных ресурсов.

Сотрудники института разрабатывают уникальные ресурсы, посвящённые музыкальным культурам народов Российской Федерации, аналогам которых в научной практике изучения этномызыкального наследия фактически нет.

Ресурс «Песенная традиция овюрских тувинцев в условиях сельско-городской миграции» (руководитель Е.Л. Тирон; грант РФФИ № 22-28-01475) демонстрирует трансформацию тувинской песенной традиции в контексте усилившейся миграции сельского населения в город. В 2022 г. проведено полевое исследование состояния песенной традиции овюрских тувинцев в сёлах Овюрского района Республики Тыва и в г. Кызыле. Экспедиция 2022 г. прошла по маршруту разведывательной музыкально-этнографической экспедиции Института филологии СО РАН 2009 года. Проведение повторных экспедиций на регулярной основе позволяет осуществлять мониторинг состояния традиционной музыкальной культуры.

В проведении полевого исследования активно использовались возможности социальных сетей. Так, для оповещения местного населения о музыкально-этнографической экспедиции были задействованы группа проекта в социальной сети VK, официальные группы администрации района, местные СМИ, а также местные блогеры. В публикациях была размещена информация о цели, сроках и населённых пунктах работы учёных, представление команды собирателей. Такая форма помогала при поиске информантов – знатоков песенной традиции.

Подготовленная в рамках проекта коллективная монография «Песенная традиция в контексте сельско-городской миграции» (Е.Л. Тирон, А.В. Байыр-оол, И.С. Тарбастаева) сопровождается аудиовизуальным приложением (около 600 аудиовидеозаписей), размещённым на одном из популярных видеохостингов⁴, а также в социальной группе проекта в VK. Такое представление результатов исследования обеспечивает их доступность для широкой общественности, а также способствует живому интересу местных жителей к своей традиционной культуре.

Проект «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» (руководитель П.С. Шахов; грант РФФИ № 19-78-10113) посвящён сопоставительному изучению автохтонных и переселенческих народов Поволжья – чувашей, мордвы и удмуртов поволжского и сибирского бытования. Научный коллектив объединяет фольклористов Института фило-

⁴ <https://rutube.ru/plst/567250/>

логии СО РАН и специалистов из поволжских научных центров – Саранска (Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), Ижевска (Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН) и Чебоксар (Чувашский государственный институт гуманитарных наук).

В результате выполнения проекта сформирован круг одновременных аудиоисточников (архивных и современных полевых записей) по локальным песенным фольклорным традициям – сибирским и поволжским, связанным с местами выхода сибирских переселенцев.

Выявленные аудиоисточники одновременных фольклорных записей 1970-х – 2020-х гг. используются для создания интерактивного электронного атласа. Создание такого ресурса на фоне угасания фольклорных традиций имеет большую социокультурную значимость.

Электронный атлас фольклорных текстов⁵ носит экспериментальный характер, так как связан с точечным картографированием взамен фронтальному районированию, принятому в традиционной картографии. Новаторский характер атласа связан также с созданием обобщённых унифицированных указателей по разным фольклорным традициям, каждая из которых представляет собой относительную целостность. В электронном атласе каждый фольклорный текст подаётся на языке оригинала с параллельным переводом на русский язык и сопровождается аудиоисточником. К тексту добавлены общие сведения (этнос, язык, место записи, исполнители, собиратели, год записи, место хранения источника, номер коллекции), содержательные характеристики (жанр, этнографический комплекс, тематика), аналитические данные (структура стиха, музыкально-поэтическая композиция, фактура, слоговая музыкально-ритмическая форма и др.), а также сведения о вариантах текста из электронного атласа.

Часть параметров доступны в качестве фильтров на интерактивной карте. Геометка на карте показывает место фиксации фольклорного текста, цветом обозначен этнос и добавлена информация о количестве представленных образцов, записанных в данном населённом пункте. При выборе какого-либо параметра из набора фильтров на карте остаётся определённая комбинация геометок, к которым привязаны фольклорные тексты, соответствующие фильтру (например, Красноярский край представлен чувашскими, удмуртскими и мокша-мордовскими материалами). Карта переключается в списочный формат отображения текстов (например, в Красноярском крае – 35 образцов). В атласе также реализована возможность полнотекстового поиска по заголовкам и поэтическим текстам.

В настоящее время в атласе размещены более 200 текстов, распределённых более или менее равномерно между этносами.

Атлас снабжён слогоритмическим модулем для описания особенностей напевов представленных песен. С помощью виртуальной клавиатуры этномузыкологи Института филологии СО РАН осуществляют набор музыкально-слового ритма напевов по трём уровням – ритмические группы / формулы, ритмические периоды, слогоритмические композиции в целом. После

⁵ <http://folkmap.philology.nsc.ru>

введения данных появляется возможность поиска по этим трём уровням через картографические фильтры.

Все электронные ресурсы, разрабатываемые сотрудниками Института филологии СО РАН, носят междисциплинарный характер. Так, один из проектов молодых учёных под руководством Н.Н. Феединой, поддержанный РФФ (№ 17-78-20185), был посвящён тексту как явлению культуры и его значению для сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона. Работа велась по четырём направлениям: лингвистическому, фольклористическому, этномузыковедческому и литературоведческому.

Лингвистический аспект исследования направлен на отражение звучащего текста в письменной форме. Были проанализированы первые письменные тексты на алтайском, чалканском и тувинском языках в сопоставлении с современными текстами-самозаписями, что позволило выявить изменения, произошедшие в языке в неглубокой диахронии. Фольклорные исследования посвящены хакасскому героическому эпосу (алыптых нымах) с целью выявления типичных образов в этнической культуре. Проведено этномузыковедческое исследование фольклорной традиции тувинцев-тоджинцев и выявлены дифференцирующие признаки протяжных и скорых песен (жанров ыр и кожамык). Литературоведческие исследования связаны с изучением стиля произведений корякского писателя середины XX в. Кецай Кеккетына (на корякском языке).

В рамках проекта создан электронный ресурс «Тексты в этнической культуре народов сибирско-дальневосточного региона»⁶, где размещены произведения на национальных языках: алтайском, теленгитском, чалканском, хакасском, тувинском, тувинском-тоджинском, корякском-чавчувенском, алюторском, эрзя-мордовском. Собранные материалы продемонстрировали значительные отличия многих исследованных территориальных разновидностей языков от литературных норм, поэтому в базе данных некоторые алтайские, тувинские и корякские идиомы представлены самостоятельно. В настоящее время в базе данных проекта размещены более 150 текстов на 12 языках сибирских народов.

В базе данных реализована система поиска по этническому (или субэтническому) признаку, типу порождения текста (авторский, фольклорный), форме бытования (устный, рукописный, книжный), а также по жанровым типам, таким как автобиографические нарративы, нарративы-пересказы, сказки, исторические предания, песни, рассказы, очерки, стихотворения. Классификация также учитывает внутрижанровые разновидности. Например, песенные тексты подразделяются на лирические, круговые, личные и др., очерки – на событийные и портретные и т. п.

На сайте описываемого электронного ресурса представлены расшифровки устных, рукописных, книжных текстов на исследуемых языках, многие из них сопровождаются нотированием и глоссированием. Глоссирование выполнено по международным стандартам, что даёт возможность использовать представленный языковой материал для типологических исследований. Объём глосси-

⁶ <https://text.philology.nsc.ru/about.php>

рованного корпуса составляет 25 текстов, 1346 предложений, 10048 словоупотреблений. Для скачивания доступны нотные тексты и сканированные копии источников. Более половины текстов на национальных языках сопровождаются аудиофайлами.

В рамках проекта изучалась также актуальная для малочисленных народов проблема вариативности национальной орфографии, которая препятствует нормализации письменной формы языка. В результате выполнения проекта формулируются рекомендации, направленные на стабилизацию письменных норм, что в конечном итоге способствует развитию литературных норм для языков коренных малочисленных народов РФ, обеспечивает стабильность и преемственность в сфере образования на родных языках.

Лингвистические базы данных

Лингвистические базы данных разрабатываются на материале языков коренных народов РФ, а также на основе русского языка применительно к особенностям его бытования на территории Сибири и Дальнего Востока. Все базы данных также носят комплексный характер, их материалы демонстрируют не только собственно лексические и грамматические особенности языков, но и отражают культурные процессы на синхронном срезе и в неглубокой диахронной перспективе, актуальной для текущего момента.

Одним из таких проектов является электронный диалектологический атлас уральских языков, распространённых на территории Ямало-Ненецкого автономного округа⁷, а также развивающийся на его основе электронный словарь языков народов Сибири и Дальнего Востока (руководитель Н.Б. Кошкарёва), включающий в настоящий момент данные по 12 урало-алтайским языкам (около 19000 лексических единиц), среди них такие тюркские языки, как алтайский, чалканский, тувинский, хакасский, шорский, барабинско-татарский, якутский. По тунгусо-маньчжурским языкам введены данные по ульчскому языку, ведётся подготовка к введению данных по удэгейскому, эвенкийскому и орокскому языкам. Из финно-угорских языков представлены языки казымских, приуральских, шурышкарских и сургутских хантов, а также ямальские говоры коми-зырянского языка. Самодийские языки представлены ненецкими идиомами – языками тундровых и лесных ненцев, а также северными диалектами селькупского языка. Подавляющее большинство материалов в словаре является результатом полевых исследований сотрудников Института филологии СО РАН.

Отличительной особенностью словаря является его полнотекстовый характер и значительный объём словарных статей. В них даётся максимально исчерпывающее описание лексического значения слова: его прямые и переносные значения, примеры словосочетаний и предложений, иллюстрирующих употребление, фразеологические единицы, отсылки к вариантам данного слова в других диалектах, указываются по возможности синонимы и

⁷ <https://www.philology.nsc.ru/resources/atlas.php>

антонимы. Для некоторых языков, таких как хантыйский и ненецкий, объём словаря насчитывает несколько тысяч слов (от 4 до 6 и даже более тысяч слов). В словаре ставится цель показать лексическое богатство сибирских языков, зафиксировать максимально полно возможности реализации значений в разнообразных контекстах.

Поскольку существование подавляющего большинства языков Сибири и Дальнего Востока находится под угрозой, в словарных статьях размещаются аудиофайлы, представляющие собой записи отдельных слов, сочетаний и выражений, что обеспечивает возможность использования данного словаря как источника для фонетических исследований, а для носителей языка позволяет соотнести написание и произношение. Это тем более важно, что многие исследуемые языки являются младописьменными, в которых орфографические и графические традиции всё ещё не устоялись, и орфографическая вариативность оборачивается трудностями на письме и при чтении текстов.

В словаре предусмотрены возможности поиска по разным основаниям: по частям речи, по ключевым словам перевода, по грамматическим и семантическим пометам и т.д. Также реализована возможность отражения данных на лингвистических картах, которые в перспективе помогут создать многомерные описания ареальных контактов на территории Сибири и Дальнего Востока, уточнить границы распространения тех или иных диалектных явлений, построить новые изоглоссы. Функционал словаря постоянно дополняется и обновляется. В настоящее время сотрудники Сектора языков народов Сибири работают над онтологическими разметками, которые позволяют представить информацию о лексическом фонде в идеографическом ключе.

Другой тип электронных баз – это текстовые базы данных, размеченные при помощи специальной программы FIELD WORKS, находящейся в свободном доступе и предназначенной для автоматической разметки текста. В рамках мегапроекта созданы базы данных для сибирского говора вепсского языка, для хантыйского и ненецкого языков. Представление лингвистической информации сопровождается традиционными метаданными о месте и времени сбора материала, об исполнителе и т.д. Тексты приводятся в глоссированной форме. В первой строке даётся запись предложения, во второй – разбивка слова на морфемы, в третьей – поморфемный перевод, в четвёртой – факультативно, при необходимости, буквальный перевод на русский язык, и в последней строке – литературный перевод. Такой способ представления позволяет использовать материалы сибирских языков для сравнительно-сопоставительных и типологических исследований, обеспечивает возможность сохранения языковых данных и их последующего использования в учебных целях, для написания академических грамматик и словарей. Общая база текстов составляет 24000 слов, 15750 предложений, 4200 морфем в словаре. База текстов на сургутском хантыйском – 10044 слов, 7139 предложений, 1176 морфем в словаре. База текстов на тундровом ненецком – 13072 слов, 8440 предложений, 2260 морфем в словаре. База текстов на вепсском (сибирский диалект) – 1023 слов, 164 предложений, 686 морфем в словаре.

Ещё один крупный проект, который осуществляется в секторе русского языка в Сибири под руководством И.В. Шапошниковой, – «Русская региональная ассоциативная база данных: Сибирь и Дальний Восток» (СИБАС)⁸. Проект выполняется на материалах эмпирической базы ассоциативно-вербальных данных, пополняемой в сотрудничестве с Новосибирским государственным университетом.

Феномен русской языковой личности (РЯЛ) эксплицируется в эксперименте на модель ассоциативно-вербальной сети, которая позволяет изучать смысловую динамику языковой личности, в первую очередь молодого поколения, и показывает обрастание историко-культурной основы значений слов инвариантами личностных смыслов.

Расширение экспериментальной базы изучения РЯЛ в пределах нескольких поколений даёт динамическую системную модель векторов смыслообразования, репрезентативную по отношению к образу мира носителей русского языка и российской культуры. Увидеть закономерности в изменении доминант у разных поколений россиян можно только на материалах больших, репрезентативных для целой страны и её регионов баз данных, таких как СИБАС.

СИБАС содержит основной корпус и подкорпусы. Основной корпус ассоциаций создаётся как пополняемая эмпирическая база для построения ассоциативно-вербальной модели русской языковой личности студенческой молодёжи Сибири и Дальнего Востока XXI в. Наличие такой эталонной для азиатских регионов РФ базы данных создаёт условия для изучения активной грамматики и флуктуаций актуальных смыслов как по временной оси – «по вертикали», так и «по горизонтали» – в сравнении с данными ассоциативных баз других регионов России. Кроме того, массовый характер и значительный охват по времени проводимых экспериментов позволяет не только исследовать динамику смысловых акцентуаций, но и выявить ассоциативные доминанты русской языковой личности.

В структуре основного корпуса ассоциаций и подкорпусов СИБАС две части: 1) массив эмпирических данных, полученных экспериментальным путём, который находится в открытом доступе для пользователя; 2) исследовательская часть, включающая информацию об уже завершённых и текущих проектах, в которых используются эмпирические материалы СИБАС. Обе части постоянно обновляются по мере накопления новых данных и результатов реализации конкретных проектов. В настоящее время доступны для исследования основной корпус и подкорпусы со всем встроенным инструментарием обработки данных, а также новейшие материалы в формате ассоциативных словарей.

Общий объём базы – более 5000 слов-стимулов и более 1000000 словоупотреблений – обратных реакций.

Заключение

Использование интерактивных технологий позволяет в режиме реального времени пополнять данные, интегрируя в единое информационное пространство результаты текущих и предшествующих исследований.

⁸ <http://adictru.nsu.ru>

В Институте филологии СО РАН созданы и развиваются разные типы электронных ресурсов: одни из них предназначены для хранения образцовых текстов, представляющих собой эталоны вербальной культуры в их исконной форме; другие отражают результаты лингвистической обработки больших массивов текстов, представленных, в соответствии с международными стандартами, с глоссированием и поморфемным переводом, что обеспечивает возможность их использования в сравнительно-сопоставительных и типологических исследованиях и расширяет фактическую основу для проведения крупномасштабных лингвистических проектов; третьи содержат оригинальный, разработанный сотрудниками института инструментарий для анализа языка и фольклора.

Особую ценность представляют ресурсы, показывающие синхронное состояние этномызыкальных культур, которые пользуются большой популярностью у носителей этих языков и культур. Собирая в полевых условиях фактический материал, исследователи обрабатывают его и представляют на сайте института в доступном для носителей культурных традиций виде. Тем самым сайт Института филологии СО РАН становится важным источником информации не только для учёных, но и для языковых и культурных сообществ на территории Сибири и Дальнего Востока.

Создаваемые в Институте филологии СО РАН ресурсы, направленные на многоаспектное отражение вербальных культур народов, населяющих территорию Сибири и Дальнего Востока, способствуют сохранению и развитию фольклорных традиций и языковой культуры в её лучших локальных проявлениях и укреплению этнических идентичностей.

Часть 4 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Факторы, способствующие исчезновению языков, и факторы, способствующие их сохранению

В.М. Алпатов

Аннотация. Языковой сдвиг – объективный процесс, но он может быть замедлен или ускорен, а иногда повёрнут вспять. К способствующим вытеснению языков факторам относятся физическое уничтожение носителей, их малое количество, интенсивные языковые контакты, освоение территории, низкая престижность языка среди носителей или их соседей, отсутствие национального самосознания. К факторам, способствующим сохранению языков, относятся отсутствие или незначительное количество контактов с другими языками, развитое языковое самосознание, «эффект бабушки», экспрессивная роль языка, отсутствие в государстве единого господствующего языка, повышение уровня жизни. Языковая политика может в зависимости от направленности способствовать и вытеснению, и сохранению языка.

Ключевые слова: Вытеснение языков, сохранение языков, языковые контакты, престижность языка, языковая политика.

К сожалению, мы знаем много давних и недавних примеров исчезновения языков и диалектов, их количество в мире постоянно сокращается. «Языки в контакте легко делаются языками в конфликте» [Edwards, 1994: 89], и конфликты нередко кончаются гибелью одного из языков. Одних языков уже нет, другие ещё существуют, но их исчезновение в ближайшее время неизбежно. Вымирание языков – общемировой процесс.

Исчезновение языка – последняя стадия языкового сдвига, основанного на языковых контактах. Промежуточные стадии связаны с двуязычием (многоязычием). Эти промежуточные стадии могут сохраняться надолго, и процесс иногда может быть повёрнут вспять. Если вытеснение языка к настоящему времени ещё не дошло до полного исчезновения, то можно предсказывать разные варианты развития событий, хотя прогнозы всегда делать очень сложно. Можно выделить как факторы, способствующие исчезновению языка, так и факторы, тормозящие его. Редко действует только один фактор, обычно значима их совокупность.

Факторы, способствующие исчезновению языка

1. *Физическое уничтожение носителей*

Это бывало в истории вследствие войн или стихийных бедствий. Сейчас такое «окончательное решение» кажется невозможным. Однако вспомним недавнюю судьбу идиша на оккупированных фашистской Германией территориях; правда, в резком снижении числа носителей этого языка причина была не единственной (см. ниже). А от стихийных бедствий никто не застрахован. Катастрофическое цунами в Индийском океане в 2004 г. сократило число носителей малых австроазиатских языков, иногда, возможно, до полного исчезновения [Погибенко, 2012].

2. *Малое количество носителей*

Очевидно, что чем меньше носителей языка, тем при прочих равных условиях они скорее исчезнут. Например, в гибели айнского языка сыграла роль, в том числе, и их небольшая численность. На Хоккайдо их было не больше нескольких десятков тысяч, а на Сахалине ко времени прихода русских всего несколько тысяч. Но на идише ещё в начале XX в. говорили миллионы, а значительное сокращение его носителей произошло не только за счёт их физического уничтожения. Везде, в том числе там, где уничтожения носителей не было (США, не оккупированная часть СССР и др.), идиш вытеснялся из обихода, в том числе и самими его носителями: упала престижность.

3. *Интенсивные языковые контакты*

Айнский язык был устойчив, пока контакты его носителей с другими народами отсутствовали или были незначительными. Когда во второй половине XIX в. Хоккайдо начал интенсивно заселяться японцами, айнский язык стал вымирать. Как правило, и в нашей стране расширение контактов с русскими способствует сокращению использования малых языков. Даже если носители господствующего языка дружелюбны к носителям малого языка (чего очень часто не бывает), они (сознательно или бессознательно) будут говорить на привычном языке и принуждать собеседников к его использованию.

4. *Освоение территории*

Само расширение контактов происходит не беспричинно и очень часто связано с экономическим или техническим освоением той или иной территории, которое всегда связано с притоком населения, как правило, отличного по языку от аборигенов. Так было и на Хоккайдо, и на Аляске, и в Сибири, на Дальнем Востоке и на российском Севере. Примером может служить языковая ситуация в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах России. Они были образованы в 1930 г., когда здесь основное население составляли ханты, манси и ненцы, сохранявшие традиционный, прежде всего, оленеводческий уклад. Затем с начала 1960-х гг. при сохранении прежнего административного

деления активно развернулась добыча нефти и газа, и теперь это важные индустриальные территории России. Но вся индустрия ведётся силами приезжего населения, говорящего на русском языке, а теперь и его потомков. Ханты, манси и ненцы не играют заметной роли в нефтяной и газовой промышленности и в основном сохраняют традиционный уклад, который, однако, теперь имеет в регионе второстепенное значение. Это не способствует сохранению коренных языков (хотя ни один из вышеназванных языков пока не вымер). Впрочем, там есть всё же один противодействующий фактор, о котором будет сказано ниже.

5. Отсутствие национального самосознания

Кроме вышеупомянутых объективных факторов, ускорять вымирание языков могут субъективные: традиции, образ жизни, национальный характер. Вот что писал о сахалинских айнах А.П. Чехов, побывавший на Сахалине в 1890 г.: «Они кротки, безответны» [Чехов, 1956: 219]; «Они не воинственны, не терпят насилия; покорять, поработать или вытеснять их было нетрудно» [Чехов, 1956: 221]. И Чехов указывал: «Не подлежит сомнению всё-таки, что племя это исчезает и притом с необыкновенною быстротой» [Чехов, 1956: 218]. Правда, на Сахалине число айнов уменьшалось также и из-за переселений на Хоккайдо, но и там язык стал вымирать.

6. Низкая престижность языка

Этот субъективный фактор также играет немалую роль (показательна судьба идиша). Носители многих малых языков не видят ценности в языке, который часто невозможно употреблять в современных сферах жизни. Во время школьной реформы 1958 г. в СССР родители получили ранее отсутствовавшее право выбора школы для своих детей, в том числе выбора между русской и национальной школой. После этого количество национальных школ и учеников в них во многих регионах заметно сократилось. Подобные явления отмечаются не только для СССР: сами меньшинства нередко выступали против школьного обучения детей на материнских языках, поскольку они затрудняют овладение более важным языком, в случае СССР (и современной России) русским. А в США, как аборигены, так и потомки переселенцев заинтересованы, прежде всего, в знании английского языка.

7. Позиция соседей

По сравнению с другими государствами, образовавшимися на месте СССР, в России было немного языковых войн и острых языковых конфликтов. Однако малые языки остаются в тяжёлом положении, в том числе из-за позиции носителей преобладающего, прежде всего, русского языка. Если для носителей малого языка его престижность может быть различной, то для носителей преобладающего языка она при любой языковой политике обычно оказывается низкой. Когда в 90-х годах прошлого века в Адыгее пытались законодательно установить норму, согласно которой глава субъекта федерации должен владеть адыгейским языком, то это вызвало протест русскоязычного населения.

Все попытки распространения русско-национального многоязычия в России последних десятилетий наталкивались на стихийное противодействие одноязычных носителей русского языка (знание или незнание иностранных языков в этом случае неважно), которые активно или пассивно боролись с этим, либо уезжали, но отвергали вариант перехода от русского одноязычия к двуязычию (многоязычию). Для граждан с материнским русским языком может быть престижен, помимо русского, иностранный язык, но, как правило, не язык своего меньшинства. И это не специфически российское явление: в США также относятся к малым языкам англоязычное большинство. Международная роль этого языка только усиливает такое представление.

8. Языковая политика

Этот фактор может действовать и в ту, и в другую сторону, и способствовать, и противостоять языковому сдвигу в зависимости от того, какая политика осуществляется. Поскольку чаще всего языковая политика бывает направлена на поддержку взаимопонимания, то в большинстве случаев она способствует языковому сдвигу.

Однако наряду с факторами, способствующими языковому сдвигу, имеются и факторы, ему противостоящие. В истории были примеры не только вымирания, но и (значительно реже) возрождения языков.

Факторы, способствующие сохранению языка

1. Отсутствие контактов

Очевидно, что если некоторое человеческое сообщество живёт обособленно и не контактирует или очень мало контактирует с более многочисленными и/или более агрессивными соседями, то его язык может быть устойчив. И сейчас лингвисты активно изучают такие языки в бассейне Амазонки или на Новой Гвинее. Те же айны сохраняли язык на большей части Хоккайдо до начала массового заселения острова японцами и на Сахалине до появления там русских. Такая ситуация могла длиться веками, но может и быстро разрушиться.

2. Национальное самосознание

Этот фактор относится к субъективным, и его значение может меняться, но он может оказывать значительное влияние на развитие языковой ситуации.

Его неучёт может привести к ошибочным прогнозам, которые могут давать и крупнейшие учёные и мыслители. Ф. Энгельс в 1851 г. писал про чехов, хорватов (далматинцев) и словенцев (каринтийцев): «Неизбежная участь этих умирающих наций состоит в том, чтобы дать завершиться этому процессу разложения и поглощения более сильными соседями», в том числе и в языке, поскольку у них «почти с незапамятных времён для всех надобностей цивилизации нет иного языка, кроме немецкого» [Маркс, Энгельс, 1957: 84]. Такой вывод делали тогда многие. Например, Чехия в 1620-1918 гг. находилась под властью Австрии, и чешский язык активно вытеснялся немецким. Прекрати-

лась литература, язык был исключён из официальной жизни, в городах чехи стали говорить по-немецки. Говорили по-чешски лишь в деревне, и казалось, что скоро перейдут на немецкий язык и там. Однако к середине XIX в. началось культурное возрождение. Деятели чешской культуры создали новые нормы литературного языка и нашли возможность использовать его «для всех надобностей цивилизации», развилась литература. Затем было выдвинуто требование «культурно-национальной автономии» в составе Австрии (с 1867 г. Австро-Венгрии), в которую должно было входить и расширение прав языков меньшинств. Далее, с 1918 г. – независимость. В течение всего XX века в нашей стране был популярен роман чешского писателя Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», одна из главных тем которого – издевательство над снизившим престижность немецким языком. Аналогичные процессы происходили у словаков, словенцев, хорватов. Сыграли роль два фактора: сначала подъём национального самосознания, а затем изменение границ.

Однако внешне похожая политическая ситуация в Ирландии дала иные результаты: ирландский язык играет роль национального символа и может использоваться в католическом богослужении (английский язык ассоциируется с протестантством), но в обиходе (кроме сельской «глубинки») обычно не используется.

3. «Эффект бабушки»

Этот эффект можно считать разновидностью национального самосознания, появляющейся у носителей языков, которым грозит исчезновение. Оказывается, что одна и та же женщина, знающая малочисленный язык, ведёт себя по-разному в качестве матери и бабушки. Как мать она, прежде всего, заботится об успехах своих детей и следит за тем, чтобы они осваивали господствующий язык. Однако, став бабушкой, она же начинает думать о том, чтобы её язык не пропал, и старается в какой-то степени передать его внукам; это, в частности, отмечали для носителей малых языков Сибири и Дальнего Востока [Вахтин, 2001: 284].

4. Экспрессия

Возможно, видимо, сохранение престижа если не во всём, то хотя бы в каких-то сферах, прежде всего, эмоциональных, и это может хотя бы замедлять вытеснение языка. Как говорила одна норвежская саамка, она владела норвежским языком, но плакать могла лишь на своём языке [Skumabb-Kangas, 1983: 48-54]. Жительница Мартиники, где до недавнего времени господствовал креольский язык, сейчас вытесняемый стандартным французским языком, говорила: «Я использую креольский язык, когда я раздражена, поскольку чувствую себя комфортнее в выражении своих эмоций» [Невежина, 2019: 77]. Иногда говорят о сентиментальной функции языка в отличие от инструментальной, язык меньшинства часто сохраняется в сентиментальной функции дольше. И ещё фактор. Может ли, например, поднять престиж языков народов Сибири развитие в нём оленеводческой терминологии, которая не может быть адекват-

но переведена на русский язык? Пока и в этих сферах нет гарантий, что они повлияют на сохранность языка.

5. Отсутствие единого господствующего языка

Среди стран Европы особой языковой ситуацией и языковой политикой издавна отличалась Швейцария. Это государство исторически сложилось не «сверху», а «снизу»: через объединение административных единиц – кантонов, где говорили на разных языках (немецком, французском, итальянском). Существует и особый малочисленный язык: ретороманский. В каждом кантоне говорят на своём языке, а в центральных учреждениях преобладает многоязычие. Пример Швейцарии, вероятно, учитывался при формировании советской языковой политики (см. ниже), хотя реальная ситуация там была другой. Достаточно указать на то, что три государственных языка Швейцарии являются государственными и в других странах. Нечто похожее есть и в Индии, где среди национальных языков ни один не распространён во всей стране и является официальным лишь в пределах отдельных штатов (попытка сделать таким языком хинди в 1960-х гг. привела к человеческим жертвам и была прекращена). Общим языком всей Индии является лишь английский. Однако такая языковая политика развивает функции сравнительно крупных официальных языков штатов и не предохраняет от исчезновения не имеющие формального статуса малые языки.

6. Языковая политика

Языковая политика, в той или иной мере направленная на сохранение языков меньшинств, бывает достаточно разнообразной. Исторически первой была коренизация, так называлась языковая политика в Советской России // СССР в первые годы после революции. Новая власть поставила задачу развития каждого из языков народов многонационального государства. Цель заключалась в том, чтобы каждый гражданин независимо от национальной принадлежности мог пользоваться во всех сферах жизни материнским языком и овладеть на нём высотами мировой культуры. Несомненно, при этом учитывался швейцарский опыт, но цели были намного грандиознее. Такая политика отсрочила вымирание ряда языков, но не могла остановить объективные процессы.

7. Повышение уровня жизни

Заметное изменение не только языковой политики, но и бытового отношения к малым языкам в Европе произошло в период повышения уровня жизни. Борьба за выживание не способствует сохранению малых языков. А в более спокойной обстановке можно и возвращаться к национальным корням, и помогать соседям. На это, конечно, накладываются национальные традиции. Идеи «плавильного котла», сплочения всех жителей США на основе общих ценностей, включая английский язык, не способствуют уважению к языкам меньшинств, а в Японии сильны представления об уникальности своего языка. И эти страны отстают в данном отношении от Европы с её давними традициями

многоязычия. А в России до всего этого пока совсем далёко, но отмечают такой факт. В уже упоминавшихся Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в отличие от многих других регионов России, уровень жизни сейчас несколько выше, чем у их соседей. И как раз там ситуация с малыми языками стала менее угрожающей, несмотря на интенсивные контакты с носителями русского языка. Во всяком случае, меры по спасению этих языков там оказываются эффективнее, чем в бедных регионах.

Но, разумеется, никакие меры не могут заставить говорить на малом языке за пределами собственного этнического круга; эти языки во многом играют символическую роль, хотя для мало вовлечённых в общественную жизнь граждан, особенно для женщин, язык меньшинства может быть и наиболее употребительным. Языковой сдвиг можно замедлить, в определённых условиях он может быть повернут вспять, как это случилось с языками Восточной Европы, но прекратить его нельзя. И всегда для сохранения малых языков нужна целенаправленная государственная политика.

Литература

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Европейский университет, 2001.

Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений, изд. 2-е, т.8. М., 1957.

Невежина Е.А. Метод анкетирования в изучении этнолингвистического дискурса (на материале французского языка) // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблемы метода. Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Пенза: ПГУ, 2019.

Погибенко Т.Г. Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции. М., 2012.

Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Собрание сочинений. Т.9. М.: Гослитиздат, 1956.

Edwards J. Multilingualism. London-New York, 1994,

Skumabb-Kangas T. Bilingualism or Not. The Education of Minorities. Clevedon, 1983.

Языковое родство и языковые контакты

С.А. Бурлак

Аннотация. Для определения языкового родства необходимо отличать языковые элементы, наследуемые от праязыка, от элементов, проникающих в язык в результате контактов. В статье рассматриваются факторы, влияющие на картину возникновения и исчезновения тех или иных элементов языка в результате языковых контактов. Для понимания характера языковых изменений имеет смысл выделять контакты поверхностные (когда все члены языкового сообщества обладают полной компетенцией в одном языке, а другим владеют лишь немногие и/или в слабой степени), билингвальные (когда все члены сообщества обладают полной компетенцией в обоих контактирующих языках) и деградационные (когда язык передаётся через носителей, не обладающих в нём полной компетенцией). Характер контактного влияния определяется возрастом, в котором происходит усвоение одного и другого языка, и частотностью предъявляемых человеку элементов (лексем, произнесений, грамматических конструкций) обоих контактирующих языков; это связано с тем, что языковой опыт представлен в мозге человека в виде комплекса нейронных ансамблей; формирование этих ансамблей имеет нейробиологическую природу (описываемую правилом Хебба) и различается во время чувствительного периода и после его окончания.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, языковые контакты, усвоение языка, нейронные ансамбли, правило Хебба.

Общность элементов в разных языках может быть обусловлена – если отвлечься от случайных совпадений – как общим происхождением, так и языковыми контактами. Последствия языковых контактов могут быть самыми разнообразными – от проникновения незначительного количества заимствований до радикальнейшей грамматической перестройки и даже исчезновения одних языков и появления других. В ходе контактов заимствоваться может не только лексика, заимствован может быть «любой языковой материал – звуки, фонологические правила, грамматические морфемы, синтаксические конструкции, семантические ассоциации, дискурсивные стратегии и что угодно ещё» [Campbell, 2004: 57; Dixon, 1997]. В данной статье мы сосредоточимся лишь на тех аспектах языковых контактов, которые релевантны для понимания механизмов языковых изменений и доказательства языкового родства; язык, испытывающий влияние, будет называться языком-реципиентом, а язык, распространяющий своё влияние на язык-реципиент, – языком-источником.

Большую часть своей истории люди жили, окружённые соседними племенами, говорившими на других языках. Даже если какие-то группы людей проникали на незаселённые территории – при расселении по всем материкам во время выхода *Homo sapiens* из Африки, при освоении Севера после ухода

ледника, при заселении островов отдалённой Океании и т.д. – туда через небольшое (по меркам сравнительно-исторического языкознания) время устремились другие группы людей, говорившие на других языках.

Охотники-собиратели не могли жить большими группами: среда не может прокормить более 0,01–0,5 чел. на 1 км², а возможности добывать пищу ограничены той площадью, которую реально обойти пешком, так что средний размер группы составляет порядка 25 человек [Хрисанфова, Перевозчиков, 2005: 108]. При этом минимальная жизнеспособная популяция (т.е. такая, которая позволит виду при отсутствии притока генов от других популяций существовать в долгосрочной перспективе, несмотря на возможные неудачные стечения природных, генетических и демографических обстоятельств) для крупных приматов составляет не менее тысячи особей [см., например, Frankham et al. 2014; Harcourt, 2002]. Соответственно, в долгосрочной перспективе выживают группы охотников-собирателей, поддерживающие такие отношения с соседними группами, которые позволяют рассчитывать на их поддержку в трудные времена, а также хотя бы иногда обмениваться генетическим материалом.

Для поддержания отношений с соседними группами необходимо хотя бы в какой-то мере знать их языки. При этом, поскольку способы добычи пищи у охотников-собирателей (а также у ранних земледельцев и скотоводов) предполагают достаточно обособленное существование групп, каждая группа может поддерживать свой язык, отличный от языков соседних групп – общение внутри группы происходит в настолько большей мере, чем общение с представителями соседних групп, что даже первоначально единый язык в таких условиях неминуемо разделится на отдельные идиомы.

Таким образом, до появления производящего хозяйства порядка 12 тысяч лет назад ни один язык не мог существовать длительное время без контакта с другими.

Поскольку близкородственные браки ведут к накоплению вредных мутаций, лучшей выживаемости (при жизни малыми группами) способствуют брачные нормы, которые в целях предотвращения близкого родства между мужем и женой требуют, чтобы супруги относились как минимум к разным брачным классам (так что подходящей невесты среди женщин нужного возраста в своей группе может не найтись), а часто и просто к разным племенам. Такой была ситуация, например, в австралийском Арнемленде до европейцев: маленькие группы аборигенов были разделены на кланы, родовые половины, брачные классы, и это сильно ограничивало выбор возможных кандидатов для вступления в брак, во многих случаях вынуждая искать брачного партнёра за пределами своей группы – в том числе, среди тех, кто говорит на другом языке [Heath, 1978: 14–21]. В таких условиях дети растут, слыша с рождения, как минимум, два языка – язык матери и язык отца (а иногда и ещё больше, поскольку другие родственники по браку могут быть и из других племён). Подобные ситуации могут служить источником возникновения различий между «мужским» и «женским» вариантами того или иного языка [см., например: Dunn, 1999: 30].

И даже в нынешнем мире бóльшая часть людей живёт в условиях постоянного языкового контакта: «примерно две трети детей мира рождаются и живут в двуязычном окружении и способны свободно говорить на двух языках» [*Crystal*, 1997: 14, цит. по: *Вахтин, Головкин*, 2004: 115].

Огромные территории, заселённые людьми, говорящими на одном и том же языке и только на нём, появляются, по-видимому, не ранее, чем появляется в данном ареале достаточно развитое производящее хозяйство – земледелие и/или скотоводство, – поскольку только оно может обеспечить численность и плотность населения, достаточную для того, чтобы находить брачных партнёров, говорящих на том же языке, было легко. Кроме того, производящее хозяйство даёт возможность вытеснять с прежних территорий окрестные племена охотников и собирателей, так что те либо уходят в другие места, либо перенимают способ хозяйствования – а вместе с ним зачастую и язык, что ещё больше увеличивает количество монолингвов, компактно проживающих на одной территории.

При достижении первых тысяч населения можно практиковать эндогамные брачные стратегии – так, чтобы подавляющее большинство браков заключалось среди носителей одного языка и дети с рождения учили только один язык – язык своего поселения. Таковы носители арчинского языка в Дагестане, их около 1200 [*Dobrushina*, 2013], или носители языка фанг в Камеруне, их примерно 5000 [*Mve et al.*, 2019: 175]. Но даже в этих случаях хозяйственные и культурные взаимодействия с соседними группами приводят к тому, что в более старшем возрасте все выучивают язык хотя бы одной соседней группы, а чаще – нескольких [*Dobrushina*, 2013; *Mve et al.*, 2019: 176 с лит.].

На большинстве территорий производящее хозяйство насчитывает лишь немногие тысячи лет, при этом достичь такой численности и плотности населения, чтобы реально было прожить целую жизнь, не имея дела с другими языками (и даже соседними диалектами), получается далеко не сразу. Но даже этот сравнительно небольшой период широкого распространения одноязычия заканчивается с наступлением глобализации. Поэтому, если хочется наиболее адекватным реальности образом понимать развитие языков (в особенности – праязыков, восстанавливаемых для дописьменного периода), необходимо учитывать языковые контакты и уметь отличать то, что приобретено в результате наследования от языка-предка, от того, что появилось в языке вследствие контактов с другими языками. Кроме того, существуют ареально-генетические сходства: языки, происходящие от одного общего предка, контактируя между собой, могут приобретать некоторые общие черты с большей лёгкостью, чем языки разных семей, а также могут сохранять в каких-то аспектах больше общего наследия, чем их родственники, не контактировавшие с ними.

Языковые контакты бывают очень разнообразны – и в разных ситуациях их влияние на развитие языка будет различным. Для результата контактов важны как собственно лингвистические, так и социальные параметры: степень родства языка-источника и языка-реципиента, степень их типологического сходства, престижность знания языка-источника, престижность знания языка-ре-

ципиента, наличие смешанных поселений, смешанных браков, где с детьми говорят на обоих языках, процент людей, владеющих обоими языками (и степень этого владения), сферы, где применяется тот и другой язык (и в принципе доля ситуаций, где применяется один язык и где применяется другой). Лингвистические параметры определяют лёгкость проникновения в язык-реципиент тех или иных элементов языка-источника, социальные – определяют частотность, с которой человеку предъявляются элементы контактирующих языков (при наличии лингвистического сходства для проникновения элемента в язык-реципиент достаточно меньшей частотности). У одного языка может быть одновременно несколько контактных ситуаций разного типа с различными другими языками [см., например: *Dobrushina*, 2013].

Существуют разные модели многоязычия. В наиболее простом случае один из языков используется для общения с носителями своего языка, а другой – с теми, кто этим языком не владеет и не входит в данное сообщество. В этом случае новые поколения носителей этого языка успевают услышать на нём разговоры на любые темы, речь носителей любых социальных групп в коммуникативных ситуациях любого типа и, соответственно, овладеть всеми словами и конструкциями, необходимыми для полноценного общения на этом языке.

Многоязычие может быть ценимо по самым разным причинам [*Pakendorf et al.*, 2021: 843 с лит.], от чисто эстетических (как часть красоты мира) до вполне утилитарных – стремления поддерживать отличие своей группы от другой, стремления поддерживать добрососедские отношения с другой группой, стремления заручиться поддержкой духов другой группы, желания проявлять вежливость в разговоре. Например, если носителю языка А что-то нужно от носителя языка В, он начинает разговор на языке В [*Khanina, Meyerhoff*, 2018]. Люди, владеющие несколькими языками, могут цениться как носители большего, чем у одноязычных, жизненного опыта [*Khanina*, 2021: 1072].

Если всё общество является двуязычным (или многоязычным), разные языки могут брать на себя функции языковых регистров – их распределение может зависеть от того, к какой социальной группе принадлежат собеседники, а может – от темы беседы или даже от места, где она происходит [*Vaxtin, Головкин*, 2004: 101]. Люди могут считать один язык более подходящим для какой-то тематики, чем другой. Например, исследование, проведённое в Израиле среди двуязычных мусульман, показало, что на иврите эти люди с большей готовностью внимают научной аргументации, чем религиозной, а на арабском – наоборот [*Vaxtin, Головкин*, 2004: 88 с лит.].

В таких случаях влияние одного языка на другой будет весьма ощутимым. Если одни и те же люди в разных ситуациях используют разные языки, это значит, что все (или практически все) члены языкового сообщества владеют (в достаточной степени) обоими языками – иначе подобные практики не могли бы распространиться. Если и тот, и другой язык звучат в окружении человека достаточно часто, они оба вносят значительный вклад в формирование привычек к тому или иному произношению, грамматическим конструкциям, чле-

нению окружающей действительности на элементы, соответствующие отдельным лексемам. Если какие-то темы обслуживаются в основном одним языком, элементы другого языка (на котором могли бы обсуждаться эти темы, если бы второго языка не было) могут быть забыты (или не успеть развиваться) – и соответственно, при необходимости заменены на заимствования (во втором случае – созданы за счёт заимствования).

Если люди владеют – хотя бы в какой-то степени – несколькими языками, они могут использовать в своей речи переключение кодов – т.е. использование в речи фрагментов двух языков попеременно. Переключение кодов может породиться трудностями в использовании того или иного языка, но может представлять собой и вполне сознательную коммуникативную практику [Matras, 2020]. При этом для вставления в свою речь элементов чужого языка достаточно минимального его знания [Matras, 2020: 117]. Цели у переключения кодов могут быть различными: цитирование речи носителей другого языка (или своей речи, обращённой к ним), описание каких-то действий, выполненных с применением другого языка и использованием терминов, для которых в родном языке нет аналогов (например, так описывают свои взаимодействия с органами власти представители национальных меньшинств; так говорят специалисты, читавшие литературу по своей специальности практически исключительно на иностранном языке, и т.д.), демонстрация уважения к носителю языка, на котором человек не может построить целостное высказывание (в этом случае он вставляет элементы этого языка в высказывание, построенное на привычном языке), демонстрация собственной идентичности как человека, владеющего несколькими языками. Например, «двухязычные жители Найроби (Кения) используют переключение кодов «английский – суахили», чтобы одновременно продемонстрировать две самоидентификации: «африканец» и «образованный»» [Вахтин, Головкин, 2004: 101], филологи-классики обильно используют в речи цитаты из латинских и греческих авторов.

Существуют разные степени смешения языков в процессе порождения речи – может различаться частота чередования фрагментов на разных языках, длина отдельных фрагментов (от единичных слов до целых абзацев); фразы на одном используемом языке могут сопровождаться их переводами на другой [Matras, 2020: 111]. Если для какого-то слова одного языка нет легко вспоминаемого аналога в другом, это может приводить к тому, что в речь на этом другом языке будет вставлено не только само это слово, но и слова, синтаксически связанные с ним [Matras, 2020: 111].

Различается переключение кодов, которое происходит по воле носителя языка и преследует какую-то цель (нередко сходную с использованием разных стилей и регистров в рамках одного языка), и смешение кодов, которое связывается скорее с недостаточной компетентностью носителя языка или с тем, что ему безразлично, на каком языке он говорит [Holmes, Wilson, 2022: 54]: какое слово первым придёт в голову, то и будет вставлено в высказывание, независимо от того, на каком языке это высказывание было начато, ср., например: «*Ego designs могут носить любого возраста, любого shape, size,*

height, и он timeless... Он очень affordable...» [Очень..., 2010]. От обычного коммуникативного поведения смешение кодов отличается своей несистемностью [ср. *Matras*, 2020: 117]. В результате, если человек не помнит слов (или их сочетаний) в точности, для него не существует возможности предсказать, какие слова каким языковым моделям должны соответствовать. Например, должно ли слово *shape* в высказываниях, подобных вышеприведённым, быть мужского рода (и согласовываться с прилагательным), но при этом не склоняться (в отличие от *возраста*)? Или можно сказать *любого шейна*, или *любой шейны*, или *любой shape*? Должно ли слово *affordable* произноситься в полном соответствии с англоязычными нормами, или можно какие-то из его звуков произнести по-русски? Кроме того, слыша конкретное высказывание, невозможно предсказать, произойдёт в нём смешение кодов или нет, и если да, то в какой момент [*Holmes, Wilson*, 2022: 51]. Вероятно, именно по такой причине, несмотря на очень широкое распространение двуязычия, смешанные языки встречаются чрезвычайно редко.

Ещё один важный фактор, влияющий на результаты языковых контактов – престиж. Престиж языка (или диалекта) зависит от того, являются ли члены говорящей на нём группы богатыми, социально успешными, высоко стоят на иерархической лестнице или нет. В культурах охотников-собирателей или ранних земледельцев и скотоводов большой престиж одного из языков может быть связан с тем, какая из групп более многочисленна или заняла данную территорию раньше [*Pakendorf et al.*, 2021: 853–854 с лит.]. Кроме того, важен и эмоциональный аспект – кажется ли говорящий на этом языке / диалекте человеком приятным, добрым, надёжным и т.п. Если носители низкостатусного идиома считают, что их язык / диалект является не только менее престижным, но и менее предпочтительным с эмоциональной точки зрения, они не только реже используют этот идиом в речи, но и могут избрать стратегию не обучать ему своих детей, что приведёт к языковому сдвигу [*Вахтин, Головкин*, 2004: 95].

Бывает так, что язык пользуется престижем, но при этом используется лишь в церемониальных контекстах (и от него, соответственно, остаётся только высокий регистр) – так устроены многие сообщества в Западной Африке [*Lüpke, Watson*, 2021: 533]. В этом случае влияние престижного языка в качестве источника будет минимальным и коснётся, в первую очередь, культурной лексики.

В ситуации, когда ни один из контактирующих языков не является доминирующим, престижность знания языка может определяться этнической идентичностью. Например, в бассейне реки Ваупес (притока Амазонки) в Колумбии и Бразилии живёт сообщество, говорящее примерно на 20 языках, в котором сохранность языков обеспечивается брачными обычаями [*Jackson*, 1974]. Каждая деревня представляет собой один длинный дом с отдельным очагом для каждой семьи, мужчины берут себе жён из соседних деревень, женщины выходят замуж в соседние деревни. Мужчины говорят между собой на языке своей деревни, этот же язык используют женщины, обращаясь к мужчинам (но между собой женщины могут говорить и на другом языке, если обе собеседницы его знают). Для того, чтобы успешно вступить в брак, необходимо чисто говорить на языке своей деревни (потому что сочетаться браком могут только люди, у которых раз-

ные отцовские языки: люди с тем же отцовским языком считаются братьями и сёстрами, так что брак между ними невозможен) [*Jackson*, 1974: 63].

Вообще, идеологические установки носителей языка играют важную роль при языковом контакте [*Pakendorf et al.*, 2021]. Эти установки могут касаться того, как строится идентичность. Если в сообществе идентичность строится по принципу «мы – такие-то, говорящие на таком-то языке», то это ограничивает влияние других языков (по крайней мере, в наиболее осознаваемой, лексической части). Если идентичность строится по принципу «мы – люди, говорящие на таком-то языке в таких-то ситуациях и на сязком-то в сязких-то», это может привести к тому, что лексика будет распределяться по сферам употребления. Если идентичность строится по принципу «мы – члены такого-то рода (а язык не важен, говорим на том, на котором удобнее)», это облегчает утрату языка и переход на другой язык (с каким-то количеством влияния прежнего языка). С чем связан тот или иной способ построения идентичности, в точности не известно; по крайней мере, степень хозяйственного и религиозного взаимодействия между группами не влияет на то, будет ли язык считаться маркером принадлежности к группе или нет [*Pakendorf et al.*, 2021: 845–846].

Установки могут поощрять смешение элементов разных языков в рамках одного высказывания или порицать такое смешение [*Pakendorf et al.*, 2021: 854–855 с лит.]. Соответственно, различается степень влияния одного языка на другой: в одном случае иноязычным словам будут подыскиваться какие-то аналоги в родном языке, в другом – более вероятны заимствования; если переходы с одного языка на другой в рамках одного высказывания допустимы, это снижает частотность встречающихся в речи грамматических структур (на каждом из языков), что ведёт к интерференции в области морфосинтаксиса.

Установки могут влиять на то, как язык передаётся детям, если родители – носители разных языков [*Pakendorf et al.*, 2021: 848–849]: в некоторых сообществах передаётся только язык отца (женщина обязана и с мужем, и с детьми говорить только на его языке – даже если владеет им в недостаточной степени), в других – и язык отца, и язык матери передаются детям с самого рождения, в-третьих – один из языков передаётся с рождения, а второму ребёнку учат позже, уже в сознательном возрасте. В первом случае дети будут нормальным образом наследовать отцовский язык (возможно, с небольшим влиянием материнского в области морфосинтаксиса), во втором – оба языка (но есть вероятность их грамматического сближения), в третьем – тот язык, который был выучен в раннем детстве, будет наследоваться нормальным образом, а второй подвергнется существенным изменениям. В некоторых сообществах принято передавать детям тот язык, который чаще всего используется вне семьи (даже если он не является родным ни для одного из родителей). В этом случае родительский язык может быть либо вовсе утрачен, либо сильно редуцирован (см. ниже). Во многих регионах мира распространено «рецептивное многоязычие» [*Pakendorf et al.*, 2021: 844–845]: считается правильным понимать другой язык, но не говорить на нём (например, потому, что у человека нет прав на этот язык – и, соответственно, на землю, принадлежащую носителям этого языка).

В этом случае при детях говорят на другом языке, но не учат их ему; соответственно, влияние этого другого языка оказывается сравнительно небольшим.

Стоит отметить, что язык-источник начинает влиять на язык-реципиент только тогда, когда у носителей языка-источника появляются права и возможность быть принятым в сообществе носителей языка-реципиента [Campbell, 2004: 197]. Но нередко группы, находящиеся в иноязычном окружении, проявляют особый консерватизм, поскольку в отсутствие общения с группами носителей того же языка, не затронутых контактами, носители, оказавшиеся в иноязычном окружении, не имеют доступа к изменениям, которые происходят в этом языке на не затронутых контактами территориях. При этом всякое языковое изменение (которое будет замечено) может осмысляться как сдача позиций родного языка под влиянием чужого и на этом основании порицаться.

Для результатов языкового контакта очень важно, какой процент носителей языка-реципиента владеет языком-источником (и насколько хорошо), а также то, каким способом был выучен язык, поскольку механизм освоения языка во взрослом возрасте, по окончании чувствительного периода, отличается от того, что задействуется в детстве. По данным психолингвистов, «нормальное овладение языком гарантировано детям до шестилетнего возраста, и с этого момента оно всё больше и больше ставится под угрозу до достижения ими пубертатного возраста, а потом редко имеет место» [Пинкер, 2004: 279]. Ребёнку за этот период необходимо выучить, какие фонемы и фонематические контрасты существуют в его языке, какие элементы окружающей действительности кодируются отдельными словами (в разных языках это устроено неодинаково) и как эти слова выглядят, как устроены слова, как из них строятся высказывания и т.д.

Если при овладении языком во время чувствительного периода человек способен не только запоминать слова, но и формировать порождающие алгоритмы, позволяющие производить и распознавать новые языковые формы и выражения, то по окончании чувствительного периода человек способен лишь выучивать отдельные языковые элементы без интеграции их в систему. Поэтому те формы, которые человек, выучивший язык в детстве (т.е. как L1), вычисляет грамматически при помощи процедурной памяти, у того, кто выучил язык во взрослом возрасте (т.е. как L2), обрабатываются в основном за счёт памяти декларативной. Человек, выучивший язык во взрослом возрасте, либо помнит какие-то формы и выражения целиком, либо строит их сознательно, применяя осознанно заученные правила, а при распознавании речи у него не получается автоматически прогнозировать, какое слово будет дальше [Барينو́ва, Овчинникова, 2012; Овчинникова, 2009] – не активируются необходимые для этого нейронные ресурсы [Roehm, Freunberger, 2012]. Даже те люди, выучившие некоторый язык X как L2, которые считают, что владеют им как родным, во-первых, весьма редко оцениваются природными носителями языка X как действительно знающие его на уровне родного, а во-вторых, практически все они в лингвистических тестах демонстрируют отличия от природных носителей языка X [Abrahamsson, Hylténstam, 2009].

При говорении на L2 люди нередко используют правила этого языка в слишком обобщённом или упрощённом виде, без тех тонкостей, которые хорошо знакомы его природным носителям, во многих случаях вместо грамматических правил этого языка используют правила своего родного языка [*Abello-Contesse*, 2008; *Gass, Selinker*, 2008]; кроме того, они нередко избегают применения тех правил выученного во взрослом возрасте языка, которым нет аналогов в родном языке. Как в грамматике, так и в лексике используется принцип «если какое-то смысловое различие в родном языке не выражено, то и во втором языке оно кажется “ненужным”» [*Воейкова*, 2004: 214].

Поскольку фонологические контрасты усваиваются достаточно рано (так что к 9 месяцам человек разучивается проводить фонологические контрасты, нехарактерные для своего родного языка [*Kuhl et al.*, 2006]), люди, выучившие язык как L2, обычно говорят на нём с акцентом [*Пинкер, Джакендофф*, 2008: 271].

В результате в языке, выученном как L2, оказывается огромное количество таких черт, которые не присущи языку тех, кто выучил этот же язык как родной [см., например: *Abrahamsson, Hyltenstam*, 2009]. Таким образом, одному «шагу» передачи языка соответствует очень разное количество языковых изменений: в языке, выученном как L2, оказывается гораздо больше отличий от предшествующего языкового состояния, чем в языке, выученном как L1, и эти отличия не обусловлены никакими особенностями предшествующего языкового состояния. В дальнейшем это оказывает сильнейшее влияние на последующие изменения.

Стоит отметить, что у человека может быть несколько L2, можно владеть разными языками на разном уровне (уровень обычно зависит от того, насколько часто требуется человеку тот или иной язык, причём в разные периоды жизни это может отличаться [*Grosjean*, 2012]). В языках, выученных во взрослом возрасте, бывает заметно влияние не только родного языка, но и ранее выученного (выученных) L2.

В реальности чёткую границу между овладением L1 и L2 провести не всегда возможно, поскольку и чувствительный период не имеет чётких границ, и способности к усвоению языка (и, в частности, достраиванию грамматических алгоритмов путём имплицитного научения) у разных людей разные, и угасают они у кого-то быстрее, у кого-то медленнее (а кто-то в течение всей жизни может легко осваивать новые языки и свободно говорить на них). Те свойства L2, что изложены выше, представляют собой наиболее экстремальный случай отличия от L1; реальные ситуации могут занимать любые промежуточные места на этой шкале.

Существует и противоположная возможность, когда люди выучивают язык во время чувствительного периода, но в недостаточной степени, поскольку он употребляется только в семье и отличается от основного языка, на котором говорят люди на данной территории [*Valdés*, 2000]. Такой язык получил название «херитажный» (или «унаследованный»). По мере взросления носителей такого языка и расширения их участия в социальных взаимодействиях за пределами семьи в их коммуникативном поведении унаследованный язык

всё больше уступает место языку доминирующему [Stanford, 2015: 476–478], так что часто языковая компетенция на унаследованном языке постепенно снижается. Общее количество используемых на нём слов и синтаксических конструкций сокращается [Левнов, 2007: 104], человек не может говорить на этом языке произвольно долго. Не осваиваются такие элементы языковой системы, как стили и регистры речи (и характерные для них языковые средства [Simpson, 2015: 550–551]), поскольку люди в норме овладевают ими на поздних стадиях усвоения языка. В этом случае на родной (унаследованный) язык человека сильнейшее влияние оказывает доминирующий язык: человек оказывается склонен использовать характерные для него (но не для унаследованного языка) способы произнесения звуков, фонологические контрасты, просодические и фонотактические схемы, синтаксические конструкции, а также закреплять за словами унаследованного языка в точности тот круг значений, который соответствует их наиболее частотным переводам на доминирующий язык, и те коннотации, которые имеются у эквивалентов этих слов в доминирующем языке.

Говорящие на унаследованном языке часто используют выражения с максимально прозрачной внутренней структурой, строят формы и высказывания по максимально частотным (встречающимся с большим числом лексем) моделям, заменяют синтетические формы аналитическими, редкие синтаксические конструкции – перифразами, избегают идиоматических (и вообще некомпозиционных) выражений – поскольку такой «говорящий, с одной стороны, не вполне уверен в своей собственной языковой компетенции, а с другой, не может в полной мере положиться и на общность своего языкового опыта с опытом слушающего. Риск быть непонятым для него слишком велик, так что он просто не может позволить себе быть сколько-нибудь идиоматичным. Именно у таких говорящих гораздо больше оснований для апелляции к принципу композиционности при построении текстов» [Выренкова и др., 2014: 4; Simpson, 2015: 541–542]. Такое же языковое поведение характерно и для тех, кто в детстве выучил язык L1 полностью, но впоследствии стал жить в сообществе, где не было возможности говорить на нём, и стал его забывать [Simpson, 2015].

Наличие в языковом сообществе носителей, чей язык является унаследованным, накладывает отпечаток и на языковое поведение тех, кто овладел этим языком в полной мере: чтобы добиться понимания от тех, кто знает язык недостаточно, они также могут избегать редких слов и грамматических структур, заменять синтетические выражения аналитическими, пользоваться перифразами и т.д.

В ситуации, когда хотя бы один из собеседников владеет языком плохо, нередко бывает проще перейти на доминирующий язык. Ещё один фактор, способствующий переходу на другой язык в конкретной ситуации общения – неуверенность говорящего в том, что требуемые грамматические формы и конструкции из своего родного унаследованного языка он построил правильно (и не ошибся в выборе лексики). Всё это ещё более сокращает возможности практиковаться в унаследованном языке.

В результате грамматическая система языка, прошедшего в своём развитии через стадию унаследованного, подвергается значительным изменениям, причём таким, которые не могут быть возведены к каким-либо тенденциям, существовавшим в этом языке в доконтактную эпоху. Лучшую сохранность демонстрирует базисная лексика: поскольку базисные слова в большинстве своём достаточно частотны и рано усваиваются в детстве [Бурлак, 2021; Бурлак, 2023], их успевают запомнить большее число носителей. Соответственно, если язык проходил в своём развитии стадию унаследованного, но потом возродился, базисная лексика в нём сохранится лучше, чем грамматические элементы. Именно поэтому базисная лексика, во-первых, является лучшим индикатором языкового родства, чем грамматика, а во-вторых, менее подвержена скачкам в скорости изменения (что даёт возможность использовать её для датирования).

Вообще, для понимания последствия языковых контактов для развития языка имеет смысл различать варианты языка по уровню компетенции носителей. «Если говорящий способен пользоваться языком X в любой коммуникативной ситуации с любым другим носителем этого языка, говорить на любую тему, то он демонстрирует полную компетенцию в употреблении языка X. Если же говорящий не способен использовать язык X в каких-то коммуникативных ситуациях, если у него возникают трудности при общении с другими говорящими на этом языке или же он испытывает затруднения при обсуждении каких-то тем, его язык X следует признать редуцированным» [Полинская, 2004: 29–30].

Лингвистическая теория в целом ориентирована на «полноценных» носителей языка, [ср., например, Хомский, 1972]; не является исключением и сравнительно-историческое языкознание. Установленные в его рамках законы наилучшим образом работают именно в случае передачи языка в качестве L1 (от людей, которые выучили L1 и обладают полной компетенцией в его употреблении). Как пишут Д. Риндж и его коллеги, «язык (или диалект) Y в некоторый период времени называется потомком языка (или диалекта) X в некоторый более ранний период времени тогда и только тогда, когда X развился в Y в ходе непрерывной последовательности событий усвоения этого языка в детстве естественным путём» [Ringe et al., 2002: 63]. Черты, возникшие в языке в результате его выучивания как L2, описываются как «субстратное влияние» [см., например: Thomason, Kaufman, 1988: 37–38].

Все вышеперечисленные факторы влияют на уровень компетенции носителей прежде всего через частотность: чем чаще человеку предьявляется тот или иной языковой элемент, тем выше вероятность, что человек запомнит его, будет воспроизводить, а также строить на его основе новые языковые формы. Это связано с общим механизмом усвоения языка: человек не выучивает осваиваемый во время чувствительного периода язык наизусть – он фактически самостоятельно конструирует его грамматику [Пинкер, 2004: 24; Fromkin et al., 2011: 528], и именно частотность играет в этом ключевую роль [Estes, 2012; Statistical... 2011], поскольку благодаря ей ребёнок оказывается способен вычленив в тексте отдельные слова (как наиболее часто повторяющиеся сочетания звуков, так и то, что находится между ними), поделить их на фонемы

и соотносить со значениями. Те языковые элементы, которые ребёнок слышит чаще всего, он запоминает как целостные единства и на их основе создаёт модели для обращения с другими, менее частотными элементами.

Это имеет нейробиологическую основу. Программы порождения и распознавания высказываний, в совокупности составляющие язык, существуют в виде межнейронных связей в человеческом мозге. Хотя у человека существует врождённая предрасположенность легко и эффективно овладеть языком, сами элементы конкретных языков в мозге изначально не закодированы (иначе не существовало бы разных языков), и соответствующие им межнейронные связи формируются в мозге в ходе прижизненного опыта.

Если какая-то межнейронная связь используется часто, клетки перестраиваются так, чтобы информация по этому каналу передавалась быстрее и эффективнее. В результате получается, что чем чаще какая-то группа нейронов активировалась вместе, тем более усилены соответствующие межнейронные связи и тем меньшего стимула достаточно, чтобы активировать всю эту группу нейронов целиком – формируется нейронный ансамбль. Это наблюдение получило название «правила Хебба» [Hebb, 2002: 62; см. так же *Pulvermüller, Fadiga, 2016*]. Каждая единица опыта (в том числе языкового) представлена в мозге своим нейронным ансамблем [Анохин, 2014]. Важное значение для формирования нейронных ансамблей имеют временная последовательность и перцептивное сходство – и то, и другое облегчает формирование ансамбля.

В первые годы после рождения количество межнейронных связей (синапсов) возрастает очень быстро. К возрасту 2–3 лет число синапсов на каждый нейрон (в среднем) в мозге ребёнка «составляет 15000, что гораздо больше, чем у взрослого человека» [Ахутина, 2014: 379]. Но затем начинается удаление лишнего (англ. pruning): всё большую роль начинает играть отмирание синапсов, оказавшихся невостребованными, и укрепление используемых межнейронных связей. Этим обусловлено различие между усвоением языков L1 и L2. Чем позже началось освоение L2, тем в большей степени оказываются закреплены в мозге языковые привычки, характерные для L1, и тем труднее бывает заменить их на те, что характерны для осваиваемого как L2 языка.

Конечный успех в овладении языком зависит не только от того, в каком возрасте человек начал его учить, но и от того, с какой частотой предъявляются человеку выражения на этом языке. Чем реже человеку удаётся получать доступ к языку X, тем в меньшей степени наработанными оказываются соответствующие межнейронные связи, и тем в большей степени он склонен при порождении и распознавании языковых выражений на этом языке пользоваться теми навыками, которые получил в ходе усвоения того языка, с которым ему приходится иметь дело чаще (поскольку необходимые для этого нейронные связи оказываются более наработанными – и сигнал идёт по ним быстрее и эффективнее, чем по альтернативным): использовать характерные для него (но не для языка X) способы произнесения звуков, фонологические контрасты, просодические и фонотактические схемы, синтаксические конструкции, а также закреплять за словами языка X в точности тот круг значений, который

соответствует их наиболее частотным переводам на более часто встречающийся язык, и те коннотации, которые имеются у эквивалентов этих слов в более часто используемом языке.

В случае L2 успешность освоения зависит также от того, насколько близок этот язык к тому, который человек выучил в детстве во время чувствительного периода. Чем ближе L2 к тому языку, на котором человек учился говорить в детстве, тем менее заметны отличия в этом L2 от языка тех, для кого этот язык является родным: если эти языки близко родственны, в них будет много общей лексики и круг значений (и коннотаций) для каждого отдельного слова будет отличаться не очень сильно, если эти языки близки типологически, то морфосинтаксические модели и звуковой строй в языке, выученном как L2, будут достаточно похожи на те, которые можно наблюдать у людей, выучивших этот язык как L1.

Если большинство носителей некоторого языка владеет им с детства, а тех, кто выучил другой язык как L2, мало и большим престижем они не пользуются, влияние языкового контакта будет минимальным: из этого L2 в язык-реципиент проникнет лишь небольшое количество слов – обозначений для тех понятий, которые в культуре носителей языка-реципиента по тем или иным причинам не используются. С большой вероятностью, эти слова будут подвергнуты в языке-реципиенте фонетической, фонологической, фонотактической, морфонологической и морфологической реинтерпретации (уподобляющей их исконным словам языка-реципиента), поскольку распространять их будут в основном люди, не знающие языка-источника. Поскольку таких слов будет мало, у людей не сформируется привычка к систематической замене определённых фонем языка-источника на определённые фонемы языка-реципиента, так что фонетические соотношения между звуковыми оболочками заимствований и их источников будут нерегулярными, ср., например, рус. *верстак* < нем. *Werkstatt*. Грамматической интерференции в такой ситуации не происходит.

Если тех, кто учил язык-источник как L2, мало, но они пользуются высоким престижем, проникающие в язык-реципиент слова не подвергаются реинтерпретации, даже если их немного. Вероятно, появление новых фонем (так, например, в русский язык проникла фонема *ф*), новых просодических и фонотактических моделей (ср. произнесение *поэт*, *поэзия* без редукции *о* в первом предударном слоге), а в некоторых случаях даже новых словоизменятельных аффиксов или моделей (ср., например, *Accusativus graecus* в латыни или ломаное множественное по арабскому образцу в персидском). Срок жизни таких заимствований в языке может быть невелик – поскольку по большей части язык будут передавать следующим поколениям люди, не знакомые с языком-источником, но какие-то отдельные элементы могут закрепиться в языке-реципиенте.

Если носители языка-реципиента обладают полной компетенцией в его употреблении, но при этом тех, кто выучил язык-источник как L2, много, его влияние будет более заметным: в язык-реципиент проникает много слов; может даже сформироваться привычка передавать определённые звуки языка-источ-

ника определёнными звуками языка-реципиента, так что появятся регулярные фонетические соответствия. Могут измениться представления о фонотактике (и вообще о том, какой внешний вид слова считается «нормальным»), могут проникнуть отдельные фонемы, а также аффиксы и синтаксические конструкции. Например, влияние английского языка на современный русский постепенно приводит к тому, что сочетание гласных типа [ou] начинает ощущаться как нормальное (ср., например, *ноутбук* и его сленговый вариант *ноут*, вытесняющий вариант *нотик*), к русским корням начинают присоединяться суффиксы типа *-ing* (ср. *избинг* от *изба*, *оказ*. *складинг* от *склад*), появляются конструкции, где определение стоит перед определяемым словом и при этом не содержит никаких специальных показателей своей синтаксической роли (*интернет-уроки*, *Гоголь-центр* и т.п.). Если на языке, выученном как L2, приходится общаться часто, его фрагменты могут проникать в родной язык, L1. Вероятно, примерно таким путём проникли в идиш многочисленные слова и различные синтаксические конструкции из славянских языков: идиш был распространён в еврейских местечках, жители которых знали окрестные славянские языки как L2 (при этом идиш для всех своих носителей был родным – носители окрестных славянских языков его не учили даже как L2) [Lucas, 2015: 526–527].

Чем выше престиж знающих язык-источник, тем сильнее его влияние. В частности, тем вероятнее заимствование такого количества лексики, которое уже не может не привести к формированию регулярных фонетических соответствий.

В случае, когда у большинства людей, говорящих на некотором языке, нет доступа к его стандартному варианту и нет возможности учить его во время чувствительного периода, но при этом этот язык пользуется престижем (так что люди стремятся пользоваться им, а не своим родным языком), передача языка осуществляется через не полностью компетентных носителей (англ. *incomplete acquirers* [Schmid, 2011]) – тех, кто не может подолгу говорить на этом языке, строить на нём длинные высказывания, кто избегает многих синтаксических и морфологических конструкций, заменяет сложные морфологические формы сочетаниями слов (что приводит к аналитизации грамматики), не так, как было принято в этом языке, произносит звуки и делит мир на слова. В результате изменения в этом языке будут более многочисленными, чем у тех, кто учил этот язык как L1, так что при сравнении этой языковой традиции с другими потомками того же самого языка (но передававшимися только через полностью компетентных носителей) будет возникать впечатление, что она отделилась от исходного языка раньше прочих.

Наибольшее влияние в таком случае претерпевают звуковой строй и грамматика: эти аспекты языка не осознаются, а выучиваются в детстве методом имплицитного научения, соответственно, они будут определяться родным языком – а не тем, на котором люди говорят, выучив его как L2. В то же время наибольшая часть слов будет происходить из того языка, на котором происходит большая часть общения (поскольку в наибольшей степени будут усилены те нейронные контуры, которые связывают представления о реалиях внешнего

мира именно с этими цепочками фонем). Соответственно, элементы родного языка тех, кто говорит на этом языке как на L2, могут быть описаны только как заимствования (субстратное влияние): от него может остаться либо небольшая часть базисной лексики (типа местоимений), либо часть, связанная с культурными практиками, для которых в языке, который люди используют в большинстве случаев общения, нет разработанной терминологии. Так, например, народ эльмоло, ещё в первой половине XX в. говоривший на языке кушитской ветви афразийской семьи, постепенно перешёл на язык нилотский язык самбуру – в настоящее время язык этого народа представляет собой диалект самбуру, заимствовавший из прежнего кушитского языка термины, касающиеся жизни на озере и ловли рыбы [*Dimmendaal*, 1989: 21–22, 27; *Heine*, 1980: 175–177].

Ещё одна сфера, где влияние языка-источника может быть достаточно сильным – это лексическая семантика, деление мира на элементы, соответствующие отдельным словам. Например, если люди привыкли к тому, что значения ‘высокий’ и ‘глубокий’ (или ‘плыть, активно двигаясь в воде’ и ‘плыть на лодке’) должны выражаться разными словами, они найдут в выученном ими L2 средства выразить эту идею. В итоге тот язык, на который они перейдут, станет проводить другие семантические различия, чем проводил тот реальный язык, который они стремились выучить. Этих различий может оказаться в одних местах больше, а в других меньше (например, если люди, привыкшие к тому, что глагол плавания всего один, учат язык, где их несколько, они выберут какой-то один из этих глаголов и не будут в своей речи употреблять остальные).

Если среди носителей некоторого языка, выученного как L2, много таких, у которых L1 (или ранее выученный L2) один и тот же, у них в этом L2 будут сходные ошибки, так что детям, получающим язык от таких носителей, окажется проще сформировать стройную языковую систему.

Те же эффекты зеркально повторяются в случае унаследованного языка: поскольку людям чаще приходится общаться на языке L2, чем на своём родном (унаследованном) языке, возможностей для овладения языковой системой унаследованного языка у его носителей оказывается недостаточно. Лексемы попадают в слишком небольшом числе контекстов, так что не всегда оказывается возможным отличить семантику слов унаследованного языка от сходных по значению слов языка доминирующего, и лексическая семантика, соответственно, подвергается калькированию [*Певнов*, 2007: 104]. Кроме того, лексемы с нетривиальной семантикой часто заменяются в речи на толкования – говорящий передаёт смысл, раскладывая значение лексемы или идиоматической языковой единицы «на семантически простые элементы» [*Выренкова и др.*, 2014: 9]. В результате словарь унаследованного языка сильно меняется: помимо заимствований из доминирующего языка, в языке унаследованном происходит утрата значительной части исконного лексикона.

Вообще, при овладении двумя языками, по некоторым данным, в первые годы жизни количество концептов, которые знает ребёнок-билингв, меньше, чем у монолингва (хотя слов примерно столько же) [*Core et al.*, 2013], при этом «в доминантном языке развитие лексикона похоже на развитие лексикона мо-

нолингвов, а в слабом языке большой разрыв между пониманием и говорением сохраняется в более старшем возрасте» [Елисеева, Соколова, 2021: 73]. Это приводит к тому, что язык, прошедший в своём развитии стадию унаследованного, не только испытывает сильнейшее контактное влияние в области лексической семантики, но и может заимствовать некоторое количество базисной лексики (из наименее частотной её части).

В унаследованном языке может достаточно сильно изменяться звуковой строй. С одной стороны, артикуляция звуков унаследованного языка сближается с артикуляцией близких звуков языка доминирующего [Левнов, 2007: 104; Thomason, 2003: 698], интонационные контуры унаследованного языка сменяются интонационными контурами, характерными для доминирующего языка [Thomason, 2003: 698], меняются представления о фонотактике. С другой, теряются прежде характерные для этого языка фонематические различия: например, в нивхском языке последних десятилетий у многих носителей всякое *n* заменяется на *ŋ* (хотя раньше в нивхском было различие зубного и велярного носовых согласных), поскольку произношение *n* (изначально – на месте *ŋ*) считается русским влиянием; на месте прежних велярных и увулярных произносятся увулярные [Груздева, 2007: 197].

Морфосинтаксис унаследованного языка испытывает влияние языка доминирующего. Ср. такие примеры из речи русско-шведского билингва: *за ничего* (вместо *ни за что* под влиянием шведского *för ingenting*); *Ты плохая на меня* (под влиянием шведского *du är dum mot mig*); *начался быть* (под влиянием шведского *börjar bli*), *я вижу ничего* (вместо *я ничего не вижу*) [Ринглом, 2004: 208; 211]. Дети с родным турецким языком, живущие в США в окружении английского, склонны приписывать турецкому местоимению *o* те же функции, что характерны для английского *he* [Gürel, 2004]: например, в таких английских фразах, как *John_i likes his_{i,j} father* ‘Джон_i любит своего_i / его_j отца’ или *John_i promised he_{i,j} would be on time* ‘Джон_i обещал, что \emptyset _i / он_j придёт вовремя’ местоимение 3 лица может отсылать к подлежащему, тогда как турецкое местоимение *o* в аналогичных предложениях может отсылать только к другому лицу (упомянутому в предыдущей фразе) – но турецкоязычные дети, живущие в окружении доминирующего английского языка, вполне готовы, слыша соответствующие фразы по-турецки (с местоимением *o*), считать, что местоимение *o* может обозначать и того, кто в предложении выражен подлежащим. Вероятно, при порождении речи они будут использовать такую же стратегию. Грамматические особенности, отличающие унаследованный язык от доминирующего (такие, как, например, различие отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности или инклюзивных и эксклюзивных местоимений 1 лица), часто игнорируются в речи. Также игнорируются в речи грамматические нюансы употребления конструкций, упрощается коммуникативная и интерпретационная структура высказываний, а также сочетаемостные и грамматические правила [Выренкова и др., 2014: 9].

Многие элементы грамматической системы в такой ситуации достраиваются неправильно (ср. выше *вижу* вместо *вижу*): поскольку один из языков доми-

нирует, люди не успевают получить достаточно материала другого языка, даже если начинают им овладевать с детства. При этом разные носители достраивают грамматику по-разному: например, одни помнят нерегулярную форму мн.ч. от одних слов, другие – от других, кто-то помнит глагольные окончания в точности, кто-то нет (и может либо выровнять их тем или иным способом, либо даже заменить на окончания, взятые из доминирующего языка), у разных носителей могут сформироваться разные модели отнесения лексем, например, к согласовательным классам, из-за чего возникает большая и хаотическая вариативность [Simpson, 2015: 541–542]. Кроме того, разные носители в такой ситуации помнят разные фрагменты лексики, что не только влияет на общую сохранность словаря, но и даёт разным носителям разное количество материала для достраивания грамматических моделей [Simpson, 2015: 541–542].

Для того, чтобы овладеть языком в полной мере (т.е. приобрести полную компетенцию в употреблении этого языка), необходимо, как минимум, 5–10 часов общения на этом языке в неделю [Flores, Barbosa, 2014]. Если такое количество часов общения набрать не удаётся, усвоение языка затягивается: те конструкции, которые монолингвы усваивают рано, носители унаследованного языка усваивают позже [Flores, Barbosa, 2014]. Кроме того, в условиях доминирования одного языка общение между носителями другого происходит слишком редко для того, чтобы они могли сформировать достаточно унифицированное представление о языковой структуре и лексике.

Иначе выглядит контактная ситуация, когда оба контактирующих языка люди осваивают в детстве, как L1, и ни один из языков не доминирует. Так бывает, когда появляются смешанные селения, где живут носители обоих языков, или даже смешанные семьи, где с детьми разрешается говорить и на языке отца, и на языке матери, так что люди с самого детства слышат высказывания на обоих языках достаточно часто. Это даёт возможность усваивать оба языка в течение чувствительного периода (путём имплицитного научения и неосознанной достройки грамматической системы). В такой ситуации люди вырастают полноценными носителями обоих языков: они обладают на любом из них достаточной компетенцией, чтобы понимать и производить неограниченное число высказываний.

Как показывают исследования, понимание того, что окружающие используют разные языки, появляется достаточно рано – уже в 2–3 года (уже в этом возрасте дети оказываются способны ответить на вопрос, на каком языке было то или иное слово, и выполнить просьбу сказать что-то на том языке, на котором говорит данный родитель) [Чиршева, 2012]. В 4 года можно наблюдать осознанный перевод в разговоре с носителями разных языков [Чиршева, 2012]. Как показывают исследования, уже в младенческом возрасте дети способны отличать один язык от другого. В эксперименте Джанет Веркер и Джудит Жервен [Gervain, Werker, 2013] семимесячные младенцы (из семей, где один из родителей был носителем английского, а другой – японского, корейского, хинди, турецкого или другого языка с порядком слов OV) отличали английский язык от не-английского в зависимости от того, как соотносятся знаменательные

слова (более выделенные просодически, но более редкие) и слова служебные (которые встречаются гораздо чаще, но просодически примыкают к знаменательным): если в речи частотные безударные слова примыкают в просодически выделенным слева – это язык с порядком слов VO (т.е. английский), а если справа – то, наоборот, с порядком OV (т.е. японский, корейский, хинди, турецкий или т.п.). Такого рода «ключи» позволяют детям хранить в памяти материал осваиваемых языков до некоторой степени отдельно, так, чтобы в итоге научиться строить высказывания, не смешивая языки (или, по крайней мере, осознавать включение в высказывание на одном языке элементов другого).

Доступ к двум языкам в раннем возрасте позволяет освоить фонологические контрасты, характерные для обеих систем, так что человек оказывается в состоянии говорить на обоих языках без акцента. В результате передача звукового строя языка оказывается такой же, как в одноязычном языковом сообществе, и фонетические соответствия между предшествующим и последующим языковым состоянием оказываются достаточно простыми.

Овладение грамматическими конструкциями зависит от их частотности в обоих языках. Если та или иная конструкция в одном из языков оказывается сильно менее частотной, чем в другом, она может быть заменена: при достраивании языковой системы главное значение имеет то, с какой частотой предъявлялась та или иная грамматическая модель и насколько, тем самым, нарабатанными оказываются соответствующие нейронные связи. Если какая-то конструкция на одном из языков оказывается слишком редкой, то возрастает вероятность, что при построении высказывания быстрее активируются нейронные связи, обеспечивающие построение не этой конструкции, а конкурирующей с ней конструкции из другого языка. Окружающие, скорее всего, смогут понять такое высказывание (поскольку владеют обоими языками) и не станут реагировать на него как на грамматически неправильное (поскольку обращают внимание в первую очередь на смысл высказывания, тогда как морфосинтаксис осознаётся не как собственно «язык», а как «манера выражаться» [Бурлак, Старостин, 2005: 10]). Результатом может быть достаточно сильная интерференция в области грамматической системы – даже при хорошей сохранности лексики в каждом из контактирующих языков. Кроме того, за лексикой люди могут следить сознательно, мотивируя себя и окружающих не вставлять в свою речь слова из другого языка – а за грамматикой следить труднее, поскольку владение ею не осознаётся.

Интерференции в такой ситуации подвергается и лексическая семантика: люди по умолчанию полагают, что мир нарезан на фрагменты, называемые отдельными словами, однозначным образом, так что разные языки представляют собой всего лишь различные переводы с одного и того же существующего в мозге универсального словаря концептов – «мыслекода» [Пинкер, 2004: 45–70]. В результате слова обоих родных языков нередко осознаются как переводы друг друга, так что контексты употребления слов, обозначающих в обоих языках сходные понятия, ещё более сближаются. Если какой-то фрагмент мира ощущается (под влиянием одного из языков) как заслуживающий отдельного

названия, он будет назван и на другом языке. При этом в качестве его названия не обязательно должно быть использовано заимствование: можно воспользоваться словообразовательными возможностями этого другого языка или сдвинуть значение какого-то уже существующего в нём слова.

Степень интерференции зависит от того, насколько велика у людей возможность говорить на одном языке, не переходя на другой. Такие возможности выше, если внутри населённых пунктов существуют достаточно большие (бóльшие, чем семья) группы, внутри которых принято общаться на одном языке. Наличие таких групп создаёт возможность услышать любую конструкцию достаточно много раз, чтобы наработать соответствующие нейронные связи, познакомиться с образцами любых стилей и регистров речи.

Если же таких групп нет, то один из контактирующих языков оказывается доминирующим, т.е. употребляется в гораздо большем числе ситуаций, чем другой. В этом случае на долю этого другого языка остаётся лишь небольшое количество ситуаций общения, так что многие названия для объектов, явлений и свойств окружающей реальности, а также многие грамматические конструкции в нём оказываются невостребованными. Если их не было в доконтактные времена, они не разовьются – в ситуациях, где они были бы необходимы, люди просто будут переходить на доминирующий язык. Если же в доконтактные времена эти названия и конструкции существовали, они будут утрачиваться.

Разные языковые элементы заимствуются с неодинаковой вероятностью [см., например: *Thomason, Kaufman*, 1988: 74–76]: культурная лексика заимствуется чаще, чем базисная, имена – обычно легче, чем глаголы, синтаксические структуры – легче, чем морфология, словообразовательные показатели – легче, чем словоизменительные и т.д. Легче всего заимствуются морфемы, имеющие, с одной стороны, единственное и при этом понятное (легко соотносимое с реалиями внешнего мира) значение, не требующее поправок на контекст, с другой – достаточное количество фонетической субстанции (так что нулевые морфемы заменяются ненулевыми, состоящие из малого количества фонем – состоящими из большего количества фонем, фонетически слабые на фонетически более сильные) и при этом не подвергающиеся чередованиям, с третьей – чётко отделяемые от соседних морфем [*Gardani*, 2008: 88–89]. По-видимому, здесь играет роль морфологическая прозрачность: чем проще оказывается сформировать нейронный ансамбль, связывающий данную форму с данным смыслом, тем вероятнее, что морфема будет заимствована (даже если она не заполняет лауну, а синонимична уже имеющимся в языке морфологическим средствам): для этого форма должна быть достаточно легко выделяемой (достаточно длинной, чтобы запускать однозначное распознавание, и, по возможности, всегда одинаковой) и данное значение должно ей всегда сопутствовать (и быть легко вычленимым).

По последствиям, видимым при сравнительно-историческом изучении языков, вероятно, имеет смысл делить языковые контакты на поверхностные, билингвальные и деградационные. При поверхностном контакте, когда язык-источник знает малая доля языкового коллектива, а языком-реципиентом владеют все в совершенстве, в язык-реципиент проникает лишь неболь-

шое количество культурной лексики (часто не только с фонетическими, но и с морфонологическими и народно-этимологическими преобразованиями), влияние на грамматику отсутствует. При билингвальном контакте, когда все члены сообщества владеют двумя языками и имеют возможность использовать их в разговорах на любую тему, в любых стилях и регистрах, вероятно не только проникновение в язык-реципиент большого количества культурной лексики, но и формирование регулярных фонетических соответствий, выполняющихся на её множестве. Базисная лексика, как и звуковой строй, остаются сохранными. Степень грамматической интерференции зависит, во-первых, от того, осваивался ли второй язык во время чувствительного периода или позже, во-вторых – от того, насколько осваиваемые языки близки типологически, в-третьих – от того, насколько часто встречаются в повседневной практике те или иные грамматические конструкции на одном языке и на другом. При деградационном контакте передача языка происходит через не полностью компетентного носителя – такого, который передаёт детям язык, либо выученный им во взрослом возрасте (L2) без доступа к его стандартному варианту, либо выученный в детстве, но лишь в качестве унаследованного. В этом случае передаётся лишь небольшая часть лексики (поскольку сложные идеи выражаются описательно), может быть частично утрачена даже базисная лексика; звуковой строй испытывает сильное влияние другого языка (так что соответствия между этим языком и его языком-предком будут весьма нетривиальными), грамматика перестраивается либо под влиянием языка-субстрата (в первом случае), либо под влиянием доминирующего языка (во втором).

При любом типе контактов степень влияния одного языка на другой может варьировать в достаточно широких пределах – в настоящей статье изложены лишь самые крайние возможные точки, но между ними возможны едва ли не любые промежуточные варианты. Существенно, однако, что при любом типе и любой степени влияния, по-видимому, не существует возможности смешать языки в пропорции 50% на 50%: равновесие непременно сместится в сторону одного из языков.

Литература

Анохин К.В. Когнитом: В поисках общей теории когнитивной науки // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. Калининград, 2014. С. 26–28.

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики // М.: Языки славянской культуры, 2014. 424 с.

Баринова И.А., Овчинникова И.Г. О влиянии коллокаций лексем осваиваемого языка на организацию ментального лексикона русско-английских билингвов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2012. № 4(2). С. 35–38.

Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. 432 с.

Бурлак С.А. Устойчивость и частотность: есть ли корреляция? // Вопросы языкового родства. 2021. Vol. 19/3–4. P. 293–307.

Бурлак С.А. Языковое наследование и языковое родство // Проблемы онтолингвистики – 2023: вариативность речевого онтогенеза. Материалы ежегодной Международной научной конференции. СПб.: Издательство «ВВМ», 2023.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.

Воейкова М. Формирование русско-немецкого двуязычия // Мустайоки А., Протасова Е. (ред.) Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. С. 213–221.

Выренкова А.С., Полинская М.С., Рахилина Е.В. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. 2014. №3. С. 3–19.

Груздева Е.Ю. Комплексное представление языковых изменений в условиях языкового сдвига (на материале нивхского языка) // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб: Нестор, 2007. С. 188–212.

Елисеева М.Б., Сокорова О.В. Пассивный и активный лексикон монолингвов и билингвов на разных языках // Проблемы онтолингвистики – 2021: языковая система ребенка в ситуации одно- и многоязычия. Материалы ежегодной Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 69–76.

Овчинникова И.Г. Ещё раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психоллингвистики. 2009. №10.

Очень очень affordable... 2010 год. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3W40tBACFbI>

Певнов А.М. Язык на грани смены // Языковые изменения в условиях языкового сдвига. СПб: Нестор, 2007. С. 99–114.

Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004. 456 с.

Пинкер С., Джакендофф Р. Компоненты языка: что специфично для языка и что специфично для человека? // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А.Д. Кошелев, Т.В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 261–293.

Полинская М.С. Русский язык в США // Мустайоки А., Протасова Е. (ред.) Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. С. 28–46.

Рингблом Н. Типичные ошибки русско-шведских двуязычных детей // Мустайоки А., Протасова Е. (ред.) Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki: Helsinki University Press, 2004. 203–212.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972.

Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М.: Изд-во Моск. унта: Наука, 2005. 400 с.

Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: Одновременное усвоение языков. СПб.: Златоуст, 2012. 488 с.

Abello-Contesse C. Age and the critical period hypothesis // *Elt Journal*. 2008. Vol. 63. P. 170–172.

Abrahamsson N., Hyldenstam K. Age of onset and native-likeness in a second language: listener perception versus linguistic scrutiny // *Language Learning*. 2009. Vol. 59. P. 249–306.

Campbell L. Historical linguistics: An introduction. 2nd edition. Edinburgh: Edinburgh University Press, MIT Press, 2004.

Core C., Hoff E., Rumiche R., Señor M. Total and conceptual vocabulary in Spanish-English bilinguals from 22 to 30 months: implications for assessment. // *Journal of Speech Language and Hearing Research*. 2013. Vol. 56(5). P.1637–49.

Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

Dimmendaal G.J. On language death in eastern Africa // N.C. Dorian (ed.). *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. Cambridge University Press, 1989. P. 13–32.

Dixon R.M.W. The rise and fall of languages. Cambridge, 1997.

Dobrushina N. How to study multilingualism of the past: Investigating traditional contact situations in Daghestan // *Journal of Sociolinguistics*. 2013. Vol. 17(3). P. 376–393.

Dunn M.J. A Grammar of Chukchi. Canberra: Australian National University, 1999. 386 p.

Estes K.G. Statistical learning and language acquisition // M. Tallerman, K.R. Gibson (eds.) *The Oxford handbook of language evolution*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. P. 621–625.

Flores C., Barbosa P. When reduced input leads to delayed acquisition: A study on the acquisition of clitic placement by Portuguese heritage speakers // *International Journal of Bilingualism*. 2014. Vol. 18(3). P. 304–325.

Frankham R., Bradshaw C.J.A., Brook B.W. Genetics in conservation management: Revised recommendations for the 50/500 rules, Red List criteria and population viability analyses // *Biological Conservation*. 2014. Vol. 170. P. 56–63.

Fromkin V., Rodman R., Hyams N. An Introduction to Language, 9th edn. Boston, Mass.: Wadsworth, 2011.

Gardani F. Borrowing of Inflectional Morphemes in Language Contact. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.

Gass S.M., Selinker L. Second language acquisition: an introductory course. 3rd Edition. New York: Routledge, 2008.

Gervain J., Werker J. Prosody cues word order in 7-month-old bilingual infants // *Nature Communications*. 2013. Vol. 4 (1490). P. 1490.

Grosjean F. Bilingualism: A short introduction // F. Grosjean, P. Li (eds.) *The psycholinguistics of bilingualism*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2012. P. 5–25.

Gürel A. Selectivity in L2-induced L1 attrition: a psycholinguistic account // *Journal of Neurolinguistics*. 2004. Vol. 17. P. 53–78.

Harcourt A. Empirical estimates of minimum viable population sizes for primates: Tens to tens of thousands? // *Animal Conservation Forum*. 2002. Vol. 5(3). P. 237–244.

Heath J. Linguistic diffusion in Arnhem Land. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1978.

Hebb D.O. The organization of behavior: A neuropsychological theory. New York: Psychology Press, 2002. 378 p.

Heine B. The Non-Bantu languages of Kenya. Berlin, 1980.

Holmes J., Wilson N. An introduction to sociolinguistics. 6th edition. London: Routledge, 2022. 710 p.

Jackson J. Language identity of the Colombian Vaupés Indians // Bauman R., Sherzer J. (eds.) Explorations in the ethnography of communication. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 50–64.

Khanina O. Languages and ideologies at the Lower Yenisei (Siberia): Reconstructing past multilingualism // International Journal of Bilingualism. 2021. Vol. 25(4). P. 1059–1080.

Khanina O., Meyerhoff M. A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: reconstructing patterns of multilingualism of a language community in Siberia // Journal of Historical Sociolinguistics. 2018. Vol. 4(2). P. 221–251.

Kuhl P.K., Stevens E., Hayashi A., Deguchi T., Kiritani S., Iverson P. Infants show a facilitation effect for native language phonetic perception between 6 and 12 months // Developmental Science. 2006. Vol. 9(2). P. F13–F21.

Lucas C. Contact-induced language change // Bowerman C., Evans B. (eds.) The Routledge handbook of historical linguistics. London, N.Y.: Routledge, 2015. P. 519–536.

Lüpke F., Watson R. Language contact in West Africa // Adamou E., Matras Y. (eds.) The Routledge handbook of language contact. Oxon, New York: Routledge, 2021. P. 528–549.

Matras Y. Language contact. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Mve P., Tschonghonge N.C., Di Carlo P., Good J. Cultural distinctiveness and linguistic esoterogeneity: the case of the Fang language of Lower Fungom, Cameroon // Akumbu P., Chie E.P. (eds.) Engagement with Africa. Linguistic essays in honor of Ngessimo M. Mutaka. Koeln: Ruediger Koeppel, 2019. P. 163–178.

Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. A typology of small-scale multilingualism // International Journal of Bilingualism. 2021. Vol. 25(4) P. 835–859.

Pulvermüller F., Fadiga L. Brain language mechanisms built on action and perception // Hickok G., Small S.L. (eds.) Neurobiology of language. Amsterdam: Elsevier, 2016. P. 311–324.

Ringe D., Warnow T., Taylor A. Indo-European and computational cladistics // Transactions of the Philological Society. 2002. Vol. 100(1). P. 59–129.

Roehm D., Freunberger D. Predicting the predictable: the effects of proficiency on lexical-semantic processing strategies in adult L2 learners // Conference: 25th Annual CUNY Conference on Human Sentence Processing. New York, 2012.

Schmid M.S. Language attrition. Cambridge: Cambridge University Press. 2011.

Simpson J. Language attrition and language change // Bowerman C., Evans B. (eds.) The Routledge handbook of historical linguistics. London, N.Y.: Routledge, 2015. P. 537–554.

Stanford J.N. Language acquisition and language change // Bower C., Evans B. (eds.) *The Routledge handbook of historical linguistics*. London, N.Y.: Routledge, 2015. P. 466–483.

Statistical learning and language acquisition / Ed. by Rebuschat P., Williams J.N. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2011. 523 p.

Thomason S.G. Contact as a source of language change // Joseph B.D., Janda R.D. (eds.) *The handbook of historical linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 687–712.

Thomason S.G., Kaufman T. *Language contact, creolization and genetic linguistics*. Berkeley, CA: University of California Press, 1988.

Valdés G. The teaching of heritage languages: an introduction for Slavic-teaching professionals // Kagan O., Rifkin B. (eds.) *The learning and teaching of Slavic languages and cultures*. Bloomington: Slavica Publishers, 2000. P. 375–403.

Российское интеллектуальное зарубежье XX – начала XXI века: глобальные миграции идей и технологий

Е.И. Пивовар, М.В. Катагощина

Аннотация. Российское зарубежье – феномен мировой истории и культуры, возникший вследствие масштабных миграционных процессов конца XIX – начала XXI в. Одной из ключевых особенностей формировавших его миграционных потоков с территории Российской империи, СССР, постсоветского пространства является высокий процент представителей интеллектуальной элиты, включая деятелей академической науки, университетскую профессию, молодых специалистов. Настоящая статья посвящена исторической роли российского научного зарубежья в мировом и отечественном научно-технологическом развитии. Ключевые факторы, этапы и специфика становления российской научной диаспоры рассматриваются в контексте истории глобальных и региональных миграций. В статье показано, что существенный вклад российского научного зарубежья в развитие принимающих стран сопровождался взаимодействием с научным сообществом на родине, которое заключалось в восприятии и развитии коллегами в СССР/России научных идей и открытий, принадлежавших российским учёным-эмигрантам, в репатриации деятелей науки, в совместных международных проектах, в различных формах современной академической мобильности и научно-информационного обмена. Авторы выдвигают предположение, что изучение исторического опыта и современных тенденций развития российского интеллектуального зарубежья имеет существенное значение для формирования научно-технической политики России в XXI веке.

Ключевые слова: российское зарубежье, российская научная эмиграция, мировые миграции, постсоветское пространство, академическая мобильность, научно-информационный обмен, научно-техническое развитие.

Российское зарубежье XX – начала XXI века представляет собой культурно-исторический феномен, уникальность которого определяется совокупностью целого ряда характеристик, прежде всего, качественными параметрами социума российской диаспоры, определяющими её заметный вклад в развитие мировой научной мысли и технологий. Российское зарубежье на всём протяжении своего существования характеризуется значительной долей лиц с высшим образованием, включая специалистов высокой квалификации, ряд которых получил мировую известность. Кроме того, в российском зарубежье XX века существовала плеяда выдающихся мыслителей, писателей, деятелей педагогики, права, культуры и искусства, творчество которых в настоящее время признано неотъемлемой частью отечественного исторического

наследия. Это позволяет говорить о российском интеллектуальном зарубежье, ключевым компонентом которого является историческая и современная научная диаспора.

К настоящему моменту проблематика российского зарубежья сложилась в крупную междисциплинарную отрасль гуманитарного знания с преобладанием исследований исторического, историко-философского и литературоведческого профиля¹. Примечательно, что формирование данного исследовательского поля изначально связано именно с темой русской науки и образования за рубежом. Так, первые попытки осмысления исторического пути российского послереволюционного зарубежья, предпринятые самими эмигрантами, посвящены интеллектуальной жизни зарубежной России [*Новиков*, 1935; *Ковалевский*, 1960; *Струве*, 1996]. Американские авторы В. Хантингтон и Марк Раев также видели сущность феномена российского зарубежья XX века именно в научной и культурно-просветительской деятельности российской эмиграции [*Huntington*, 1933; *Paev*, 1994].

С первых лет становления современной отечественной историографии российского зарубежья тема судеб и достижений русских учёных, работавших за границей, привлекала внимание исследователей, находя отражение в книгах, статьях, материалах научных конференций². Российское интеллектуальное зарубежье как социальное явление и аспект истории мировых миграций рассматривается в трудах Ю.А. Полякова [*Поляков*, 1993], Е.П. Чельшева [*Чельшев*, 2002], Е.И. Пивовара [*Пивовар*, 2008; *Пивовар*, 2019], З.С. Бочаровой [*Бочарова*, 2005], М.Н. Мосейкиной [*Мосейкина*, 2014; *Мосейкина*, 2019] и ряда других авторов, разрабатывающих вопросы истории и теории изучения российского зарубежья.

На всём протяжении развития данного историографического направления исследователи встречаются с такими обстоятельствами как фрагментарность и недостоверность официальной статистики, а также труднодоступность иностранных архивов, безвозвратная утрата источников личного происхождения, что затрудняет выявление и объективную оценку необходимой информации. Определённые сложности создаёт также вариативность идентичности и степени ассимиляции учёных и специалистов в принимающих странах. Тем не менее, к настоящему моменту создан комплекс научных исследований,

¹ См. Сабенникова И.В. Русское зарубежье: итоги и перспективы исследования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 130–143; Пивовар Е.И., Ершов В.Ф. Российское зарубежье XX – XXI веков в современной историографии: актуальные направления и перспективы исследований // Исторические записки. М.: РАН, 2023. № 22 (140). С. 401–433; Курамина Н.В. Русская школа за рубежом: исторический опыт и современность в отражении отечественной историографии Н.В. Курамина // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2023. № 3. С. 41–58.

² Иванов А.Е. Российское академическое зарубежье XVIII – начала XX века (К постановке научно-исторической проблемы) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в 19–20 вв.: Сб. статей ИРИ РАН. М., 1997. С. 16–30; Наука, культура и политика русской эмиграции: Сборник статей и материалов Всероссийской научной конференции: Санкт-Петербург. 24–26 июня 2002 г. СПб, 2004; Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: Сборник научных трудов, Москва, 09–10 октября 2014 года. Москва: Институт российской истории РАН, 2016; и др.

посвящённых политико-правовому и социальному контексту формирования российских научных диаспор в различные эпохи и в различных странах, достижениям и судьбам выдающихся учёных российского происхождения, работавших за границей. Среди них необходимо упомянуть исследования Г.М. Бонгард-Левина [*Бонгард-Левин*, 1997; *Бонгард-Левин*, 2001], Н.Н. Болховитинова [*Болховитинов*, 2005], В.П. Борисова [*Борисов*, 1993], Т.П. Пашуто [*Пашуто*, 1992], Е.П. Серапионовой [*Серапионова*, 1995], [*Вандалковская*, 2005], Г.И. Любиной [*Любина*, 2002; *Любина*, 2018], Т.И. Ульянкиной [*Ульянкина*, 2010], непосредственно посвящённые истории российской науки за рубежом. Кроме того, в разные годы были опубликованы книги и статьи биографического жанра о судьбах и деятельности выдающихся европейских и американских учёных, выходцев из дореволюционной России и СССР³. Существенно укрепилась в последнее время научно-информационная база подобных исследований благодаря появлению электронных биографических словарей и баз данных российского научного зарубежья XIX – XX вв. Так, проект Дома русского зарубежья им. Солженицына «Некрополь российского научного зарубежья» включает Биографический словарь «Российские учёные за рубежом», фотоматериалы, календарь памятных дат⁴. Вместе с тем необходимо констатировать существенное преобладание исследований по истории гуманитарного научного наследия российского зарубежья дореволюционной эпохи и российской эмиграции первой волны [*Наумова*, 2013], что определяет перспективы для дальнейшего освоения данной темы в рамках исторических и науковедческих исследований.

Крупным пластом научной литературы, отражающей проблематику истории и современности российского научного зарубежья, являются демографические и миграционные исследования В.М. Кабузана [*Кабузан*, 1996], В.А. Ионцева и С.В. Рязанцева [*Ионцев, Рязанцев, Ионцева*, 2016] и др., раскрывающие специфику перемещения различных социальных групп населения на постсоветском пространстве и в мире. Ряд публикаций последних лет непосредственно посвящён научным и образовательным миграциям из России и постсоветских стран. В частности, заслуживают внимания исследования Е.Ф. Некипеловой и Л.И. Леденевой [*Некипелова, Гохберг, Минделли*, 1994; *Некипелова*, 1998; *Леденева, Тюрюканова*, 2002; *Леденева, Некипелова*, 2003], фундаментальные, построенные на обобщении новейших статистических данных статьи В.А. Ионцева [*Iontsev, Zimova, Subbotin*, 2017], П.А. Земцова [*Земцов, Бедрина*, 2021], В.А. Кокшарова [*Кокшаров, Агарков*, 2018], А.Е. Судаковой [*Судакова, Тарасьев, Кокшаров*, 2021] и др., а также работы в области методики сбора

³ Бельнич Ю.В. «Русский творец» французского чуда // Наука в России. М.: Президиум РАН, 2003. № 5. С. 84–89; Михеев В.Р., Катышев Г.И., Сикорский. СПб.: Политехника, 2003; Воронцовский А.В. В.В. Леонтьев – выдающийся экономист XX столетия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2007. № 1. С. 3–10; Илья Ильич Мечников: Энциклопедия жизни и творчества / Шабров А. В. и др. СПб.: ДЕАН, 2008. 1264 с.; Борисов В.П. Звoryркин. Москва: Молодая гвардия, 2013. 218 с.; и др.

⁴ Некрополь российского научного зарубежья / Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына. URL: <http://www.russianguave.ru/>

информации о российской научной диаспоре на основе наукометрии и библиометрии [Юревич, Аушкан, 2018; Юревич, Еркина, Цапенко, 2020].

В совокупности, проведённые к настоящему моменту исследования создают обобщённую картину формирования и эволюции российского научного зарубежья на протяжении примерно полутора столетий. Имеющиеся факты позволяют дать оценку его роли в глобальных миграциях идей и технологий, взаимодействию с исторической родиной, включая диалог современной России с российской (и русскоязычной) научно-технической диаспорой.

Традиционно становление российского зарубежья разделяется на несколько исторических этапов, обусловленных крупными миграционными потоками (волнами) с территории Российской империи, СССР, Российской Федерации, а после 1991 г. также появлением русскоговорящих общин в постсоветских государствах. Общепринятым является разделение российских миграций на пять волн, начиная с 1917 г., хотя эта градация не является вполне устоявшейся. В настоящей статье авторы придерживаются этой наиболее распространённой схемы, исходя из особой значимости послереволюционного исхода, положившего начало становлению российского зарубежья как мирового историко-культурного феномена. Вместе с тем, говоря о международных перемещениях российской интеллигенции и учёных, нельзя сбрасывать со счетов и дореволюционную эпоху.

В конце XIX – начале XX в. около 4,5 млн. выходцев из России, главным образом, жителей Западного края и Царства Польского, эмигрировали в США и страны Европы по экономическим, политическим и религиозным мотивам. В данном миграционном потоке, в отличие от последующих, преобладали трудовые мигранты из крестьянского и мещанского сословий, отправлявшиеся на заработки в Америку, а представители образованного класса составляли меньшинство. Однако уже на этом первоначальном этапе формирования российской диаспоры происходит выдвижение ряда учёных, инженеров, предпринимателей, общественных деятелей из России, которые получают известность в странах проживания и на родине. Этот период в истории российского научного зарубежья определяется традиционными связями отечественных академических кругов с научными центрами в Европе, а также наличием во Франции, Германии, Швейцарии и других европейских странах сообществ российской интеллигенции – студентов, политических эмигрантов, художников и др., что создавало определённую питательную среду для развития за рубежом российской научной мысли. Существовали также условия для научно-информационного обмена между российскими учёными, работавшими за границей и в России, через публикации в научных журналах, выступления с докладами и лекциями, личную переписку. Деятели отечественной науки, по тем или иным причинам проживавшие за рубежом, нередко участвовали в жизни академических и университетских корпораций в России. Так, выдающийся биолог и физиолог И.И. Мечников (1845-1916), главные научные достижения которого связаны с работой в парижском институте Луи Пастера, являлся почётным членом Петербургской академии наук, занимался исследованиями чумы и туберкулёза

в России и т.д. Иностранном членом-корреспондентом Петербургской академии наук за свои заслуги в области математики была избрана С.Ф. Ковалевская (1850-1891), научная карьера которой состоялась в Германии и Швеции. Она состояла также в Московском математическом обществе, выступала с докладами на российских съездах естествоиспытателей и врачей. Талантливый инженер-электротехник и предприниматель А.Н. Лодыгин (1847-1923) работал в разные годы в России, Франции и США, куда окончательно эмигрировал после 1917 г., и т.п.

В XX в. миграционные потоки из России, включая международные перемещения учёных и лиц с высшим образованием, приобрели принципиально иной социальный облик: события революции 1917 г. и последующей гражданской войны спровоцировали массовый исход за рубеж военных, чиновников, широких кругов творческой и научной интеллигенции, причём основной мотивацией для их выезда за границу было не только разрушение привычного уклада, но и реальная угроза жизни в условиях «революционного террора», в которых находились будущие светила русской и зарубежной научной мысли.

Послереволюционная волна российской эмиграции, в отношении которой в научной литературе утвердилось наименование «первой» волны, характеризовалась многовекторностью и перемещением в короткие сроки за рубеж многочисленных масс людей (по разным оценкам от 1,5 до 3 млн. чел.) [Медведева, Бушueva, 2016: 33]. Направлениями их исхода были страны Запада (Европа, США, Канада, Латинская Америка), Азия (Китай, Япония), Ближний Восток, Северная Африка, что обусловило появление глобальной российской диаспоры, очаги которой были представлены фактически на всех континентах. В межвоенный период основными центрами российского зарубежья стали Париж, Берлин (в 1920-е гг.), Прага, Белград, София и другие европейские города, а также китайский Харбин.

Несмотря на крайне тяжёлые условия повседневной жизни в первые годы изгнания, российские эмигранты первой волны проявили высокий интеллектуальный потенциал в качестве преподавателей высших учебных заведений, учёных-исследователей и организаторов науки, инженеров-изобретателей, авторов философских трудов и др. Широкую известность получила под собирательным наименованием «философского парохода» высылка за границу деятелей науки и литераторов, среди которых оказались многие будущие светила эмигрантской философской и богословской мысли – Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, С.И. Гессен, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк и др. [Ермишин, 2019]. В 1970 – 1980-е гг. философская литература русского зарубежья была в определённой степени известна в среде советской гуманитарной интеллигенции, увлекавшейся «тамиздатом», а с конца 1980-х гг. труды зарубежных мыслителей начинают переиздаваться и изучаться в России, входят в программы высшей гуманитарной школы.⁵ Можно утверждать, что эта часть

⁵ История русской философии: Учебное пособие для студентов вузов / И. И. Евлампиев. М.: Высшая школа, 2002. 83 с.; и др.

интеллектуального наследия российской эмиграции оказалась наиболее востребованной и усвоенной соответствующими отраслями науки и образования в современной России.

В 1920-1930-е гг. представители российской интеллектуальной элиты стоят у истоков создания, либо модернизации научно-образовательных учреждений и различных государственных институтов целого ряда стран в различных регионах мира. Особенно значимым явился вклад российских эмигрантов первой волны в развитие национальных образовательных систем и научных школ молодых славянских государств Восточной Европы, обогатившихся, вследствие послереволюционного исхода из России многих деятелей высшей школы, первоклассными профессорско-преподавательскими кадрами. Помимо многообразной научно-образовательной и просветительской деятельности российской интеллигенции в Чехословакии, где действовала государственная программа помощи беженцам из России («Русская акция», инициированная президентом страны Томашем Масариком) [Вандалковская, 2005], представители русского университетского сообщества трудились в Болгарии, Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославии), Румынии, развивая востребованные в данных странах правоведение, исторические, экономические и сельскохозяйственные науки, медицину. Так, например, по инициативе правоведа и этнографа проф. П.М. Богаевского, в 1920 г. в Болгарии был основан Свободный университет политических и хозяйственных наук, который в 1940 г. получил статус государственного учебного заведения и действовал до 1990 г. (в первые послевоенные годы в качестве факультета Софийского государственного университета, а затем как Высший экономический институт «Карл Маркс») [Пономарева, 2015: 97]. Российские университетские медики составили в 1920-е гг. около половины преподавательского корпуса только что (в 1918 г.) созданного медицинского факультета Софийского университета, где возглавили целый ряд кафедр и клиник [Васильев, 2005]. Выдающийся учёный-клиницист А.И. Игнатовский стал одним из инициаторов создания и деканом медицинского факультета в Белградском университете, вёл широкую педагогическую, исследовательскую и лечебную работу в организованной им клинике [Гасанов, Батюшин, Терентьев, 2017: 412-414], и т.п. Основанные российскими эмигрантами в Китае Харбинский юридический факультет и Политический институт в свою очередь явились центрами формирования социально-гуманитарной и технической школ, впоследствии вошедшей в систему высшего образования Китая [Пономарева, 2014; Залесская, Орнацкая, 2016; Бочарова, Кротова, 2019].

Научные заслуги российских эмигрантов первой волны получили признание в Париже, Лондоне, Брюсселе и других европейских столицах. Среди них были и женщины-учёные, например, выпускница Московского университета Мария Гелен, работавшая в Пастеровском институте, стала лауреатом премии Французской медицинской академии [Баркова, 2016: 160].

В наиболее ярком и концентрированном виде достижения российского научного зарубежья в области точных наук проявились в США, где в межвоенный период начали новую жизнь и карьеру инженер-исследователь, специа-

лист в области гидродинамики Б.А. Бахметьев, физик-теоретик и астрофизик Г.А. Гамов, изобретатель телевидения В.К. Зворыкин, химик-органик, основатель науки гетерогенного катализа В.Н. Ипатьев, создатель видеоманитофона А.М. Понятов, авиаконструктор И.И. Сикорский, учёный-механик и деятель высшей технической школы С.П. Тимошенко, инженер-кораблестроитель В.И. Юркевич и др. Большинство представителей этой когорты выдающихся деятелей науки проявили себя не только в исследовательской работе, но и в бизнесе, сумев продвинуть свои изобретения в практической сфере, как правило, достаточно успешно адаптировались в американском обществе. Вместе с тем ведущие российские учёные и инженеры в Америке занимались благотворительностью в отношении своих соотечественников, в том числе обеспечивая их работой на своих предприятиях, приглашениями в университеты и т.п.

Среди российских эмигрантов «первой волны», состоявшихся в американской науке, следует также упомянуть П.А. Сорокина – социолога и культуролога, в 1931 г. основавшего социологический факультет Гарвардского университета, и экономиста В.В. Леонтьева, в 1988 г. избранного иностранным членом Академии наук СССР.

Необходимо отметить, что некоторые из вышеперечисленных учёных изначально успешно строили свою научную карьеру в СССР и стали эмигрантами уже в сталинское время, вследствие изменений политической обстановки в стране. В 1920-х – начале 1930-х гг. представители советской науки имели возможность для стажировок и участия в научных мероприятиях за рубежом. Статьи советских учёных, в том числе талантливой молодёжи, появлялись в иностранных научных журналах [Гамов, 1994: 48-49], что способствовало приобретению ими международной известности и профессиональной востребованности в Европе и США. Вместе с тем советское руководство предпринимало попытки собирания утраченных вследствие эмиграции и депортации научных кадров и возвращения их на родину. Известно, что академик И.П. Павлов в 1925 г., находясь в Канаде, посетил своего ученика Б.П. Бабкина, который после высылки из советской России быстро получил известность на Западе как физиолог и невролог, чтобы предложить ему профессорскую кафедру в Москве [Александров, 2005: 41]. Предложения вернуться в СССР на выгодных условиях получал и В.К. Зворыкин, который по официальному приглашению из Москвы посещал СССР в 1933, 1934 и 1936 гг. для чтения лекций и переговоров о продаже телевизионного оборудования фирмы RCA. В свою очередь советский учёный С.И. Катаев, также занимавшийся созданием передающих устройств, в течение нескольких месяцев изучал в США производство телевизионной техники [Самохин, Киндяков, 2014: 21]. Эти визиты явились одним из немногих примеров непосредственного диалога советских специалистов и российского научного зарубежья тех лет. С середины 1930-х гг. резко сократилась академическая мобильность советских учёных. Так, П.Л. Капица, более десяти лет работавший в лаборатории Э. Резерфорда в Кембридже, после возвращения в 1934 г. в СССР уже не получил разрешения на новый выезд. В условиях начинавшихся репрессий в отношении интеллигенции предпочли под разными предлогами оставь-

ся за границей академик АН СССР В.Н. Ипатьев, члены-корреспонденты АН СССР Г.А. Гамов и А.Е. Чичибабин, с 1930 г. работавший во Франции (все трое были лишены своего академического статуса и восстановлены в нём посмертно решением общего собрания АН СССР 22 марта 1990 г.).

В 1920 – 1930-е гг. страны Европы и Китай выступали центрами т.н. пульсирующих миграций российского зарубежья – постепенного перемещения эмигрантов первой волны в США, Канаду, Аргентину и другие страны Нового Света. Этот процесс принял массовый характер в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, когда российские эмигранты покидали страны Восточной и Центральной Европы, опасаясь насильственной репатриации в СССР. В 1949 г. в возрасте 73 лет выехал из американской зоны оккупации Германии в Нью-Йорк известный зоолог, ректор Московского университета в 1919-1920 гг. М.М. Новиков, до войны занимавшийся преподавательской и научной работой в Праге. В США учёный был награждён «золотым докторским дипломом» Гейдельбергского университета, а в 1957 г. избран действительным членом Американской академии искусств и наук. Одной из заслуг учёного в американский период жизни стало руководство Русской Академической группой (РАГ) в США и изданием её «Записок».

Вторичные миграции из довоенных центров российского зарубежья соединялись со «второй волной» эмиграции: исходом на Запад ди-пи и некоторых других категорий советских граждан, оказавшихся в 1941-1945 гг. за границей [Земсков, 1991]. В состав данного миграционного потока, насчитывавшего по разным оценкам от 130 до 700 тыс. человек [Медведева, Бушуева, 2016: 34], вошли антисоветски настроенные представители интеллигенции [Кодин, 2003: 58-63]. Часть из них осела в Западной Германии и других странах Европы, но большинство по возможности перемещалось в США и Канаду, ставшие во второй половине XX в. главными центрами российского зарубежья, в том числе его интеллектуальных сил. В США в послевоенные десятилетия сложилась российская научная диаспора, социум которой составили представители нескольких поколений российской эмиграции. Например, сыновья П.А. Сорокина Пётр и Сергей, в свою очередь, стали учёными, получив докторские степени в Гарвардском университете, соответственно, по физике и биологии⁶. «Вторая волна» как таковая, по сравнению с эмигрантами 1920 – 1930-х гг., дала более скромный вклад в мировую науку. Среди учёных – представителей данной группы, также работавших преимущественно в США, можно упомянуть биохимика А.И. Безкоровайного, биолога В.В. Брунста, химика Ю.А. Семенцова, геофизика В.С. Федюковича и др. Многие российские учёные-эмигранты первой и второй волны в США вошли в число основателей и активных деятелей Конгресса русских американцев, созданного в 1973 г.

Самостоятельным уникальным явлением в истории мировых миграций явилась третья (религиозная и политическая) волна эмиграции из СССР в Израиль,

⁶ Биография Питирима Сорокина // Центр «Наследие имени Питирима Сорокина. URL: <https://web.archive.org/web/20141024002344/http://rksorokinctr.org/index.php/2014-02-11-06-15-07.html#>

ФРГ, США, Канаду, составившая около 500 тыс. человек. Одним из следствий этого исхода стало возникновение феномена «русского Израиля», существенно изменившего социально-профессиональный и культурный облик страны. Позднее репатрианты из СССР и постсоветских стран составили более 40% всего корпуса израильской научно-технической интеллигенции, в том числе в сфере высоких технологий, ВПК, наукоёмком бизнесе, финансовой сфере [Медведева, Бушуева, 2016: 38]. Вместе с тем многие советские учёные, в особенности, представители точных и естественных наук, сотрудники НИИ и предприятий оборонного значения, входили в категорию «невъездных». Одним из немногих исключений стал выезд на Запад для чтения лекций участника правозащитного движения физика В.Н. Чалидзе, лишённого в период пребывания в США советского гражданства. Соответственно, среди известных лиц, покинувших СССР по собственному желанию, либо высланных из страны в 1970 – 1980-е гг., преобладали представители творческой интеллигенции и учёные-гуманитарии. Среди последних выделяется группа философов: А.А. Зиновьев, П.М. Егидес и Т.В. Егидес-Самсонова, А.М. Пятигорский, О.О. Яхот. Примечательно, что и в этом случае воссоединение с профессиональной корпорацией в России в конце 1980-х – 1990-е гг. опередило другие отрасли знания, причём происходило при непосредственном участии бывших политических эмигрантов. Так, супруги Егидес в годы «перестройки» и в постсоветский период многократно приезжали в Россию для чтения лекций и участия в научных форумах. В начале 1990-х гг. им было возвращено российское гражданство. В 1999 г. вернулся на родину А.А. Зиновьев, уже в России опубликовавший ряд новых трудов в области социологии. В Москве им был основан Исследовательский центр; художественные и философские произведения А.А. Зиновьева широко издаются в современной России.

Важной чертой периода 1960 – 1980-х гг. в истории российского научного зарубежья является возобновление контактов между советскими и иностранными учёными, включая представителей научной эмиграции. Была восстановлена практика участия советских учёных в международных научных конгрессах, СССР посещали иностранные учёные российского происхождения, в частности, многократно бывал в Москве и Ленинграде В.К. Зворыкин. В 1982 г. бельгийский физик и физикохимик российского происхождения, нобелевский лауреат И.Р. Пригожин, был избран иностранным членом АН СССР. В то же время, сфера диалога отечественного научного сообщества с российской/советской научной диаспорой была существенно ограничена, в технологической сфере – по причинам, связанным с вопросами безопасности и геополитической конкуренции, в гуманитарной – в рамках политической цензуры.

Четвёртая волна миграций из России, продолжавшаяся с 1989 по начало 2000-х гг., была направлена, главным образом, на Запад – страны Евросоюза, США, Канаду, а также в Израиль, страны АТР и ближнего зарубежья. Численность данного миграционного потока составила 1,3-1,6 млн чел. [Пальников, 2013: 253]. В условиях демократических реформ в России и

свободы трансграничных перемещений политические мотивации переезда российской интеллигенции за границу почти полностью вытесняются экономическими. При этом тяжёлое финансовое положение российской науки, приватизации и закрытие НИИ, падение престижа высшего образования, отсутствие зримой перспективы научной карьеры обусловило возникновение многолетней «утечки мозгов», включая как состоявшихся учёных молодого и среднего возраста, так и выпускников вузов. Среди известных деятелей науки, эмигрировавших на Запад в этот период, были будущие лауреаты Нобелевской премии по физике – академик РАН А.А. Абрикосов и молодые на момент отъезда за границу учёные А.К. Гейм и К.С. Новосёлов. Российские специалисты выезжали в США и страны Евросоюза на стажировки, для участия в совместных исследовательских проектах, чтения лекций. Следствием этой активности стало увеличение численности российской научной диаспоры и усиление её глобального характера.

Миграции с территории Российской Федерации 2000-х – 2010-х гг. обозначают как «пятую волну», которая имеет примерно те же направления исхода, как и в 1990-е гг., с некоторыми дополнениями: так, превращение Китая в одну из ведущих мировых держав и появление «восходящих стран» Латинской Америки вызвали рост миграций в соответствующие регионы. Численность пятой миграционной волны оценивается в параметрах от 1,7 до 5 млн чел., что связано как с различиями в системах работы миграционных служб и, соответственно, формируемых ими статистических данных, так и со спецификой современных мировых миграций, участники которых многократно перемещаются из страны в страну, в том числе, возвращаясь на родину и вновь отбывая за границу.

В социуме миграционных потоков конца 1980-х – 2010-х гг. наблюдается как быстрая полная ассимиляция в принимающих странах, как правило, с утратой русского языка уже во втором-третьем поколениях, так и наличие разнообразных личных и профессиональных связей с родиной, корпорациями своих вузов, научных школ и т.п. Для интеллектуальных кругов российского зарубежья – учёных, преподавателей, деятелей культуры и искусства неизменно свойственно стремление к сохранению своей культурно-языковой идентичности, исторической памяти о России и СССР. В русскоговорящих зарубежных сообществах конца XX – начала XXI в., сложившихся за пределами постсоветского пространства, имеет также место особая «советская идентичность», объединяющая мигрантов из различных стран постсоветского пространства, в том числе квалифицированных специалистов старших поколений, работающих в условной «силиконовой долине».

После 1991 г. возникли русскоязычные общины стран СНГ и Балтии, в социуме которых представлены деятели науки и высшего образования, студенты и выпускники вузов. Диаспоры русского ближнего зарубежья являются источниками репатриации, а также участниками научных и образовательных миграций в Россию, академических обменов, стажировок, совместных публикаций с российскими коллегами. На постсоветском пространстве сложился целый ряд институтов научной и образовательной интеграции. В качестве

альтернативы центробежным процессам на территории СССР были созданы Евразийская ассоциация университетов, основанная по инициативе МГУ им. М.В. Ломоносова в 1989 г., и Международная ассоциация академий наук (МААН), действующая с 1993 г. Обе организации явились продуктом общественной инициативы учёных и деятелей высшей школы и в течение ряда лет оставались важнейшими скрепами интеллектуального сообщества стран СНГ. Свою роль крупных площадок международного научного диалога они сохраняют и сегодня. Центрами взаимодействия русскоговорящих учёных постсоветских государств являются созданные совместно с Россией вузы: Кыргызско-Российский славянский университет в Бишкеке, Российско-Таджикский (Славянский) университет в Душанбе, Российско-Армянский университет в Ереване, Белорусско-Российский университет в Могилеве, сетевой университет СНГ, филиалы вузов РФ, а также опорные вузы и научные центры СНГ. Кроме того, институтами корпоративного взаимодействия учёных постсоветского пространства являются форумы ректоров вузов, форумы ректоров гуманитарных университетов, форумы творческой и научной интеллигенции, летние школы молодых учёных и др. Существенную роль в сохранении внутренних связей в сообществе российской научной диаспоры играют Ассоциации выпускников, существующие как в рамках конкретных учебных заведений, так и в региональном формате; в большинстве постсоветских стран созданы организации выпускников российских и советских вузов, которые входят также во Всемирную ассоциацию выпускников.

В 2000 – 2010-е гг. мир российского научного зарубежья испытывает многоплановое воздействие глобализации и цифровой революции. Наряду с развитием многовекторных научных и образовательных миграций возникают и быстро распространяются дистанционные формы научно-информационного обмена. Одновременно происходят позитивные сдвиги в финансировании и организации отечественной науки и высшего образования, что способствует восстановлению и укреплению контактов учёных, работающих за рубежом, с коллегами в России. Одной из характерных современных тенденций в данной сфере является сохранение российскими учёными, постоянно работающими за границей, аффилиации с научными центрами и университетами России. Возможности развития сотрудничества России с научной диаспорой обсуждались в 2002 и 2003 гг. в ходе международных конференций «Интеллектуальный мост Россия – Запад. Проблемы, Перспективы». В последующие несколько лет происходила институционализация российской научной диаспоры как сообщества передовых деятелей мировой науки. С 2002 г. действует Русско-Американская Медицинская ассоциация (Russian-American Medical Association – RAMA). В 2008 г. инициативными группами в Европе и США была создана Ассоциация русскоговорящих учёных (Russian-speaking Academic Science Association – RASA) с филиалами в США и Франции, позднее также был создан Азиатско-Тихоокеанский центр, Германское общество русскоговорящих учёных (DGRW). RASA были установлены партнёрские отношения с инновационными центрами России, в том числе с Российской корпорацией нано-

технологий «РОСНАНО» и несколькими университетами⁷. Ассоциация имела свой сайт под названием «Думаем по-русски», главной задачей которого было создание всемирной сети русскоговорящих учёных. Участники RASA специализировались в наиболее перспективных областях научных исследований: нанотехнологии, биомедицина, молекулярная биофизика, биология. Если RASA готова была содействовать российским учёным в стажировках за рубежом на своей научной базе, то RAMA была также активна непосредственно в России, направляя своих хирургов в клиники Волгограда, Кемерово, Краснодар, Нижнего Новгорода и Ярославля для проведения операций у детей, страдающих врождённым пороком сердца⁸.

Представляет интерес опыт создания за рубежом в 2000-е гг. совместных исследовательских центров, к работе которых привлекались российские учёные, в том числе молодёжь. Примерами подобной деятельности, которая перекликается с историей русской зарубежной науки в Европе конца XIX – начала XX в., была лаборатория академика РАН А.Р. Хохлова в Ульме (Германия).

Сегодня цифровые средства коммуникаций формируют пространство свободного трансграничного обмена идеями и технологиями. Открытость информации по широкому кругу научных проблем, имеющих значение для человечества, и быстрота её получения многократно возросла. Необходимость физических международных перемещений учёных и специалистов заметно снизилась, что повлияло на современную теорию научных миграций: так, выдвигается дискуссионная идея перехода от модели утечки умов (brain drain) из страны-донора с последующим ростом интеллектуального потенциала (brain gain) страны-реципиента к модели совместного создания и использования интеллектуального потенциала (brain sharing) двух и более стран. [Кокшаров, Агарков, 2018: 244]. Однако развитие глобального научно-информационного пространства не отменило задач защиты национальной информационной безопасности в соответствующих секторах. Это обстоятельство, с одной стороны, ограничивает взаимодействие с научной диаспорой, укоренённой в принимающих странах, с другой, актуализирует роль науки как фактора международной конкуренции и определяет заинтересованность государств в возвратных научных миграциях. Вместе с тем в рамках международных интегрированных содружеств, например, в Союзном государстве России и Беларуси, принцип brain sharing может эффективно работать.

Новым фактором в истории российского научного зарубежья стала государственная политика Российской Федерации 2010-х гг., направленная на привлечение научных сил диаспоры в экономику и инновационные проекты в России. 8 апреля 2010 г. было принято Постановление Правительства РФ о внедрении «Программы привлечения ведущих иностранных учёных к научно-педагогической деятельности в российских вузах». В том же году были образованы Инно-

⁷ Игорь Ефимов. RASA и RAMA: два моста между диаспорой и метрополией // Троицкий вариант. 3 августа 2010. № 15 (59). С. 6.

⁸ Сибилев В. Соотечественники и модернизация // Международная жизнь. 2010. № 11. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/355>

вационный центр «Сколково», который должен был стать центром притяжения для иностранных специалистов по образцу «кремниевой долины» США, в том числе для представителей российского научного зарубежья, и Российский фонд «Сколково» в качестве его управляющей компании. Был также учреждён Совет по работе с иностранными членами РАН и учёными-соотечественниками, проживающими за рубежом. Были оперативно организованы две международные научно-практические конференции, призванные стимулировать интерес представителей российского научного зарубежья к возвращению или сотрудничеству с Россией: «Развитие научно-технического сотрудничества российских научных и научно-образовательных центров с учёными-соотечественниками, работающими за рубежом» (Томск, 2-3 апреля 2010 г.) и «Научная диаспора и будущее российской науки» (Санкт-Петербург, 24-25 июня 2010 г.). В октябре 2010 г. в Москве состоялась Всемирная конференция соотечественников «О вкладе соотечественников в модернизацию России», в которой приняло участие более 140 делегатов из 140 стран мира, в том числе вице-президент RASA профессор Вашингтонского университета И. Ефимов и председатель Совета директоров РАМА Б. Виноградский.

В марте 2012 г. Российский фонд «Сколково» провёл встречу с зарубежными учёными-соотечественниками и заключил соглашение с несколькими ведущими научно-техническими центрами Германии и Франции, переведя тем самым программу сотрудничества «Сколково» с российским научным зарубежьем в практическую плоскость. В последующие годы в России на постоянной основе начали работу кристаллограф и химик, доктор физико-математических наук А.Р. Оганов и ряд других известных представителей российской научной диаспоры. Примечательно, что в последующие годы (2010-2018), численность прибывавших в Россию лиц с научными степенями превышала число выезжающих [Юревич, Еркина, Цапенко, 2020: 55]

В рамках утверждённого в 2018 году Нацпроекта «Наука» в задачи государственной политики в научно-технической сфере входит создание в России комфортных условий для ведущих учёных, в том числе иностранных, в целях повышения результативности российской науки.

В целом можно говорить о начавшейся на рубеже XX – XXI в. интеграции российского научного сообщества в пространство глобальных интеллектуальных коммуникаций, в орбиту которых вовлечено и российское научное зарубежье. Этот процесс имеет множество разнообразных проявлений, в том числе:

- академические обмены и стажировки российских специалистов за границей;
- синхронная академическая мобильность, «формирующая виртуальный международный рынок научного труда» [Гуреев, Гуськов, Мазов, 2021: 648];
- совместные, в том числе, электронные научные публикации российских и иностранных учёных;
- обучение и стажировки за границей российских студентов, в том числе на основе договоров между вузами-партнёрами с получением двойных дипломов, один из которых – российский.

Подводя итог обзору этапов развития российского интеллектуального зарубежья, можно сделать вывод о том, что в течение XX века это глобальное сообщество создало огромный пласт научных идей и технологических инноваций, в какой-то мере воспринятых – через глобальный трансфер технологий – на исторической родине.

Существующие нарративы, источники личного происхождения показывают, что главным миграционным фактором для подавляющего большинства уехавших учёных (помимо непосредственной угрозы жизни в 1920–1930-е гг.) был запрос на возможность эффективной, востребованной исследовательской работы и внедрения её результатов в экономику, либо в дальнейшее развитие фундаментального научного знания.

Данный исторический опыт в условиях острой геополитической конкуренции XXI века имеет существенное значение для формирования российской научно-технической политики. 28 февраля 2024 г. была утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, которая направлена на кардинальное преобразование всей системы науки и научно-технологической сферы, превращение науки в главный инструмент обеспечения технологического суверенитета страны и преодоления больших вызовов XXI века, стоящих перед Россией и мировым сообществом. В то же время, в соответствии со Стратегией сохранение идентичности российской науки и повышение её эффективности за счёт взаимовыгодного международного взаимодействия рассматривается как одно из условий защиты национальных интересов. В документе предусматривается усиление международного влияния российской науки с опорой на собственную теоретическую, технологическую и культурно-языковую базу, включая меры по укреплению и увеличению присутствия русскоязычной научной литературы в мировом информационном пространстве, создание условий для привлечения в Россию ведущих учёных и молодых исследователей, имеющих научные достижения высокого уровня⁹.

Очевидно, что для российского научного зарубежья решение масштабных задач в сфере научно-технологического развития России, в свою очередь, создаёт своего рода вызов, ставит вопрос о выборе личного и творческого пути. В какой степени и в каких формах этот выбор состоится – покажет будущее. Современная российская научная диаспора во многих странах сегодня встречается с событиями в международной жизни, которые затрудняют диалог и сотрудничество зарубежных соотечественников-учёных с исторической родиной. Вместе с тем научные контакты зарубежных соотечественников с российскими академическими и вузовскими корпорациями, инновационными центрами, а также возвратные миграции российских специалистов сохраняют значительный потенциал роста и вовлечения в развитие отечественной науки и технологий.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003?index=19>

Литература

Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь / Конгресс русских американцев. Хэмден (Коннектикут, США); Сан-Франциско (США), 2005. 598 с.

Баркова О.Н. «Они не могли уйти только в одну науку...»: женщины – учёные русского зарубежья 1917–1939 годов // Клио. 2016. № 12. С. 153–162.

Болховитинов Н.Н. Русские учёные-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 132 с.

Бонгард-Левин Г.М. (ред.) Скифский роман: Scythial novel: Сборник: О жизни и творчестве М. И. Ростовцева. М.: РОССПЭН, 1997. 623 с.

Бонгард-Левин Г.М., Захаров В.Е. (ред.) Российская научная эмиграция: Двадцать портретов / Сост.: А.В. Бялко, Н.В. Успенская. М.: УРСС, 2001. 367 с.

Борисов В.П. (ред.) Российские ученые и инженеры в эмиграции. М.: Перспектива, 1993. 186 с.

Бочарова, З.С. ...Не принявший иного подданства: проблемы соц.-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Санкт-Петербург: Нестор, 2005. 250 с.

Бочарова З.С., Кротова М.В. Харбинский политехнический институт – центр русской науки и образования в Китае (1920–1950-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18, № 4. С. 779–803.

Вандалковская М.Г. (ред.) Т.Г. Масарик и Русская акция Чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика / М.: Русский путь, 2005. 256 с.

Васильев К.К. Эмиграция отечественных врачей в Болгарию после 1917 г. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2005. № 1. С.59–62.

Гамов Дж. Моя мировая линия. Неформальная автобиография. М.: Наука, 1994. 300 с.

Гасанов М.З., Батюшин М.М., Терентьев В.П. Профессор А.И. Игнатовский как основоположник теории атеросклероза // Архивь внутренней медицины. 2017. Т. 7, № 6(38). С. 407–414.

Гуреев В.Н., Гуськов А.Е., Мазов Н.А. Российские учёные в мировых научных миграционных процессах // Вестник РАН. 2021. Т. 91, № 7. С. 648–659.

Ермишин О.Т. Философия русского зарубежья XX в. М.: Летний сад; Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2019. 304 с.

Залеская О.В., Орнацкая Т.А. Юридический факультет в Харбине и его вклад в развитие русско-китайского приграничья (1920–1937 гг.) // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 113–131.

Земсков В.Н. Рождение «Второй эмиграции» (1944–1952) // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 3–24.

Земцов П.А., Бедрина Е.Б. Пятая волна эмиграции из России как фактор адаптации // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XVI Международной конференции, Екатеринбург, 18-20 ноября 2021 года. Том 1. Екатеринбург, 2022.

Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. Новые тенденции и формы эмиграции из России. Экономика региона. 2016. № 2 (2). С. 499-509.

Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб: БЛИЦ, 1996. 352 с.

Ковалевский П.Е. Наши достижения (роль русской эмиграции в мировой науке). Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. 50 с.

Кодин Е.В. Гарвардский проект. М.: РОССПЭН, 2003. 208 с.

Кокшаров В.А., Агарков Г.А. Международная научная миграция: прогресс или угроза научно-технической безопасности России // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 243–252.

Леденева Л., Некипелова Е. Миграция выпускников вузов за рубеж - потеря для российской науки // Человек и труд. 2003. № 5. С.25–26.

Леденева Л., Тюрюканова Е. Российские студенты за рубежом: перспективы возвращения в Россию. М.: Страхование ревью, 2002. 140 с.

Любина Г.И. Русская научная эмиграция XIX в. в Париже: общий взгляд и уроки // Вопросы естествознания и техники. 2002. Т. 23. № 2. С. 281–299.

Любина Г.И. Париж и наши соотечественники в нем: взгляд русских литераторов и ученых (вторая половина XIX века) // Архив истории науки и техники / Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН. Том VI (XV). М.: Янус-К, 2018. С. 176–98.

Медведева Т.А., Бушуева С.В. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 2. С. 32–41.

Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира: XIX-начало XX века Том 1. М.: АИРО-XXI, 2014. 392 с.

Мосейкина М.Н. Российское научное зарубежье в странах Латинской Америки и его культурно-исторической наследие // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: Сборник научных статей. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 106–119.

Наумова Т.В. Вклад русских учёных-эмигрантов в науку // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 6. С. 65–80.

Некипелова Е.Ф. Эмиграция и профессиональная деятельность российских учёных за рубежом. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998. 100 с.

Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Минделли Л.Д. Эмиграция учёных. Проблемы, реальные оценки. М.: ЦИСН, 1994. 47 с.

Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага: Русский Свободный университет, 1935. 39 с.

Пальников М.С. Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия // Русское зарубежье: история и современность: Сб. ст. Вып. 2 / Ред.-сост. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 253–276.

Пацуто Т.В. Русские историки-эмигранты и учёные в Европе. М.: Наука, 1992. 398 с.

Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 546 с.

Пивовар Е.И. Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. М.: РГГУ, 2019. 439 с.

Поляков Ю.А. (ред.) Проблемы изучения истории российского зарубежья. М.: ИРИ, 1993. 102 с.

Пономарева В.П. Правовое наследие Юридического факультета в городе Харбине 1920–1937 // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 209–214.

Пономарева В.П. Русское высшее образование в Болгарии: Свободный университет политических и хозяйственных наук (Балканский ближневосточный институт). 1920–1940. По материалам Государственного архива Софии // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2015. № 1–2(7). С. 96–102.

Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М.: Прогресс-академия, 1994. 292 с.

Самохин В.П., Киндяков Б.М. Владимир Козьмич Зворыкин (125 лет со дня рождения) // Наука и образование. 2014. № 4. С.20–21.

Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.). М.: ИСБ, 1995. 196 с.

Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Русский путь; Париж: УМСА-press, 1996. 445 с.

Судакова А.Е., Тарасьев А.А., Кокиаров В.А. Миграционные тренды российских ученых: региональный аспект // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2. С. 91–104.

Ульянкина Т.И. Дикая историческая полоса...: судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950) / Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2010. 639 с.

Чельшиев Е.П. Российская эмиграция: 1920 – 1930-е годы. М., 2002.

Юревич М.А., Аушкан Д.С. «Утечка умов» в компьютерных и информационных науках: библиометрическая оценка // Информационное общество. 2018. № 6. С. 46–53.

Юревич М.А., Еркина Д.С., Цапенко И.П. Измерение международной мобильности российских учёных: библиометрический подход // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 9. С 53–62

Hantington W. The Homesick Million. Russia out of Russia. Boston: Stratford Company, 1933. 307 с.

Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A. The Problems of «Brain Drain» in Russia and Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU) // RUDN Journal of Economics. 2017. Vol. 25. No. 4. P. 510–517.

Коран Узбека: ильханидская рукопись для золотоордынского хана

И.В. Зайцев

Аннотация. В рамадане 718/ноябре 1318 г. некий Абдалла б. Мухаммад б. Махмуд Бадр ал-Хамадани закончил великолепный список Священной книги мусульман. Этот роскошный Коран, переписанный на бумаге почерком *рейхани*, ныне хранится в Библиотеке Вахид-паши в Кютахье (Турция). Высокопоставленным патроном переписчика, которому он преподносил рукопись, был «султан собственных царств, милостью владыки мира, султан султанов Узбек», то есть властелин Золотой Орды, незадолго до этого принявший ислам. Этот же переписчик в месяце Джумада I 713 / сентябре 1313 г. закончил 30-томный список Корана: этот комплект давно известен учёным под названием «хамаданского Корана Олджейту» по имени ильхана, которому и был, вероятно, предназначен (он хранится теперь в «Дар ал-Кутуб» в Каире). Абдалла б. Мухаммад б. Махмуд ал-Хамадани закончил его в особом скриптории, созданном великим Рашид ад-Дином (Раб-и Рашиди или иначе *дар ал-хайрат ар-рашидийа*). Таким образом, переписчик хамаданского Корана Олджейту и Корана Узбека из Кютахьи находился на службе у Рашид ад-Дина. Каким образом и при каких обстоятельствах золотоордынский владыка получил роскошную рукопись, созданную профессиональным придворным хулагуидским мастером книжного дела? Полагаю, что произойти это могло во время похода Узбека на Дербенд в том же 718 г.х. (осенью 1318 г.). Скрипторий Рашид ад-Дина работал до дня казни этого везира 18 Джумада I 718 / 17 июля 1318 г. Смерть всеильного везира сделала разом безработными какое-то количество профессиональных переписчиков и декораторов. Один из них, вероятно, и решил посвятить великолепно выполненную Священную книгу мусульман новому чингизидскому покровителю, который к тому же недавно принял ислам из рук ширванских проповедников.

Ключевые слова: ильханиды, Золотая Орда, ислам, исламская письменная культура.

Подлинных образцов золотоордынской книжной культуры сохранилось весьма немного. Впрочем, и дошедшие до наших дней не укладываются в привычные для западной модели описания не только потому, что их очень мало (единицы), и не только потому, что они происходят почти исключительно из Хорезма или Крыма, но и потому, что в них не просматривается наличие придворной школы, т.е. связи с правящей династией со всеми вытекающими последствиями (властный патронаж и заказ, наличие ханского скриптория, профессионализация занятия переписчика и т.д.), иными словами, заявить о наличии золотоордынской исламской книжности мы можем лишь с большой натяжкой и предположительно. Поэтому каждая рукопись, связанная с золото-

ордынским двором, особенно для нас ценна. Речь далее пойдёт об уникальном списке Корана (мусхаф), который предназначался переписчиком (или его патроном) для золотоордынского хана.

Мусхаф сохранился в Библиотеке Вахид-паши в Кютахье (Türkiye Yazma Eserler Kurumu Başkanlığı Kütahya Vahîd Paşa Yazma Eser Kütüphanesi 3313). Переписчик Абдалла б. Мухаммад б. Махмуд Бадр ал-Хамадани закончил его создание в рамадане 718 г.х. (ноябрь 1318 г.) и посвятил хану Узбеку, незадолго до этого принявшему ислам.

Библиотека, в которой хранится теперь *мусхаф*, носит имя одного из выдающихся османских деятелей первой трети XIX в. Килисли Мехмеда Эмина Вахид-паши (ум. 1244/1828 г.). Он носил должность реис-уль-кютаба, в 1806 г. стал *мевкуфатчи* (налоговым инспектором), а вскоре был направлен послом во Францию, где встречался с Наполеоном. Пробыл там около года, с 1806 по 1807 г. После неудачных переговоров Вахида-эфенди вызвали в Стамбул, он подумывал о возвращении морским путём, но в результате отправился с императором в Австрию, участвовал в австрийской и русской войнах Наполеона, написал отчёт о посольстве «Сефаретнаме-и-Франс», в котором он передал свои впечатления о европейских городах, а также передал информацию о деятельности Наполеона и этих битвах в Стамбул. В 1809 г. Мехмед Эмин стал *реис уль-куттабом* (министр иностранных дел). Отстранённый от дел, он в 1811-1812 гг. находился на службе в Кютахье, где и основал вакфную библиотеку, основой которого стала его личная коллекция из 900 рукописей. Библиотека была открыта 9 рамадана 1226 / 27 сентября 1811 г. По состоянию на февраль 2019 г. собрание насчитывало 3355 томов рукописей и 12 233 тома редких книг. Мехмеда Эмина описывают как стойкого, умелого человека, поэта и учёного, однако он также известен как слишком гордый, эгоистичный и немного скупой. Почти 20 лет он провёл на государственной службе на разных должностях, всё время перемещаясь по просторам Османской империи. Каким образом оказался у этого книголюбца Коран, предназначенный для золотоордынского хана, сказать пока невозможно.

Размер рукописи 225×325×75 мм. Объём 303 листов, по 14 строк на странице. Почерк *рейхани*. Бумага, чернила, золото. Диакритические знаки выделены красным цветом. Переплёт рукописи не первоначальный¹.

Размер рукописи говорит о том, что при её изготовлении использовалась бумага размера багдади (70×100 см), которая делилась четвертями, образуя при развороте листа именно размер 35×50 см [Blair, 2015: 179]. В это время для роскошных рукописей чаще использовали формат в пол-багдади (он преобладает и в рукописях, связанных с деятельностью Рашид ад-Дина)².

¹ 8-29 апреля 2022 г. *мусхаф* экспонировался на выставке «Священное послание» (“Kutsal Risâlet”) в Культурном центре Ататюрка в Стамбуле (İstanbul Atatürk Kültür Merkezi). [“Kutsal Risâlet”..., 2022].

² Вообще, стоит сказать, что, как сообщают нам каирские канцеляристы и мамлюкские историки, размер в пол-багдадского листа – формат султанских писем: именно он использовался для написания высочайших дипломатических посланий [см. Little, 2006: 33].

Рамки, окружающие текстовые панели, выделены золотым, синим и красным. На листе 199а названия сур написаны золотым *сульсом* и выделены зелёным; к ним прикреплены небольшие панели, содержащие текст о наградах, которые будут получены при чтении этой суры. Другой примечательной особенностью рукописи является перечисление стихов в алфавитно-цифровой системе (*абджад*). Буквенные эквиваленты чисел от 1 до 10 написаны на маркерах стихов свинцово-белыми чернилами на сине-чёрной поверхности и заключены в золотую и синюю рамки. Фронтиспис, заставка, титульный лист и розетки по краям также иллюминированы. На лл. 198b -199а айаты 47-60 суры ар-Рум и айаты 1-6 суры Лукман.

Открывается рукопись роскошным *унваном* в голубых с золотом тонах с посвящением «Султану собственных царств, милостью владыки мира, султану султанов Узбеку»³.

سلطان الممالك المخصوص بعناية رب العلم سلطان السلاطين ازبك وقد اعطاه الله
من خلق محمد صلى الله عليه وسلم

Внешний облик этой великолепной рукописи вполне соответствует тем ильханидским образцам, которые нам известны, и показывает тесную связь автора со школой Йакута Мустасими [The Museum of Turkish and Islamic Arts..., 2019]. Это сочетание крупных форм: геометрического орнамента с плетёнкой и многоцветными лепестковыми бордюрами. Всё это потом можно видеть в более позднее время при Инджуидах в Ширазе.

³ Голубой фон разворота листов с посвящением, кстати, ставит под сомнение утверждение О.Ф. Акимушкина и А.А. Иванова о том, что золото уступает голубому цвету в оформлении последнего разворота только после 1338 г. [см. также: Gray, 1985: 141-142].

Разворот мусхафа с посвящением хану Узбеку
(Kütahya Vahid Paşa Yazma Eser Kütüphanesi, № 3313). Переписчик Абдалла б. Мухаммад б.
Махмуд Бадр ал-Хамадани, рамадан 718 г.х. (ноябрь 1318 г.)

Переписчиком мусхафа из Кютахьи был, согласно колофону, Абдалла б. Мухаммад б. Махмуд Бадр ал-Хамадани. Он известен нам тем, что в 1313 г. переписал другой Коран – сохранившийся теперь в Египте (Дар ал-Кутуб в Каире, шифр Рашид 72). Каирский Коран – 30-томный комплект, размером 56×41 см – был закончен им Джумада I 713 / сентябрь 1313 г.⁴

Разворот т.н. хамаданского Корана («Дар ал-Кутуб», шифр Рашид 72). Переписчик Абдалла б. Мухаммад б. Махмуд Бадр ал-Хамадани, Джумада I 713 / сентябрь 1313 г.

Между этими списками видна явная близость: она заметна не только в почерке, общем цветовом решении, но и мелких деталях оформления (например, круглых розетках с затейливой цветочной фигурой на голубом фоне на полях списка 718 г.х., которые соответствуют угловым элементам унвана главного разворота списка 713 г.х.).

Как нам оценивать этот замечательный памятник культуры? Как дипломатический дар? Для этого как будто бы есть основания. Как символ двойного подданства? В пользу этого предположения также есть некоторые аргументы. Или как знак чего-то иного, проявление каких-то других исторических обстоятельств и следствие пока не понятых нами событий? Попытаемся рассмотреть все эти версии.

Мусхафы (наряду с рабами, животными – вьючными, беговыми, охотничьими и хищными, оружием, драгоценностями и проч.) составляли и важную часть

⁴ См. о нём подробно [Ohta, 2022]. В Каир он попал, как думают многие исследователи, в 1323 г. в качестве дипломатического подарка во время мирных переговоров ильханидов с мамлюками уже при Абу Саиде в Дамаске, а три года спустя обращён в вакф [Gray, 1985: 140, 145]. Но, может быть, это произошло и раньше. См. ниже.

мамлюкско-ильханидского дипломатического дарообмена. Именно так попал в Каир 30-томный список, выполненный ал-Хамадани Джумада I 713 / сентябрь 1313 г. (он сохранился в Дар ал-Кутуб в Каире, Рашид 72). В 721/1321 г., как сообщает нам ан-Нувайри, посол Абу Саида ас-Суллами прибыл в Каир со списком Корана в 60-ти частях [Little, 2006: 40]

Кораны присылались из Египта и золотоордынским ханам. Согласно средневековым мамлюкским летописям, наряду с многочисленными подарками Бейбарс подарил и отправил Берке Коран халифа ‘Усмана, об этом свидетельствует летопись личного секретаря султана Ибн ‘Абд аз-Захира, в которой написано: «Когда письмо это было окончено, то изготовили высочайшие подарки, как то: священное писание, написанное, как говорят, ‘Усманом, сыном ‘Аффана, да ниспослёт ему Аллах своё благоволение, в обложке из красного, шитого золотом атласа, в футляре из кожи, подбитой шёлком, налой для него из слоновой кости и чёрного дерева, выложенный частями серебра, с серебряным замком» [Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... Соч. В. Тизенгаузена. Т. 1, 1884: 60; Little, 2006: 42.]. Этот факт подтверждается и в сочинении Рукнаддина Бейбарса: «Султан обласкал послов Берке и послов Ласкариса, прибывших вместе с ними, изготовил для Берке в подарок всяческие прекрасные вещи, как то: писание священное, писанное, как говорят, (халифом) ‘Усманом, сыном ‘Аффана» [Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... Соч. В. Тизенгаузена. Т. 1, 1884: 100] и в летописи ан-Нувайри: «Берке в 661-м году (= 15 ноября 1262 – 3 ноября 1263 г.) вошел в сношение с султаном аль-Маликом аз-Захиром Рукнаддином Бейбарсом ас-Салихи, царем стран египетских и владений сирийских, известив его о том, что Аллах облагодетельствовал его исламом. Султан ответил ему, поздравив его с этой благодатью, и отправил к нему великолепные подарки, в числе которых: священное писание – как говорят (один) из Османовых списков» [там же: 152]. Список Корана ‘Усмана был отправлен в качестве дорогого подарка от мамлюкского султана Египта в знак уважения, признания легитимации власти хана и государственности Золотой Орды [Сайфетдинова, 2023: 263–272].

Как считают некоторые отечественные исламоведы (Е.А. Резван, Э.Г. Сайфетдинова), доставленный послами список Корана ‘Усмана был передан золотоордынскому мусульманскому духовенству и до вторжения Тимура хранился в одной из мечетей города Сарая, а позднее был увезён в Самарканд, который на тот момент являлся столицей империи Тимура, и долгое время находился в медресе. Впоследствии этот список Корана побывал во многих хранилищах России (Санкт-Петербург, Уфа), пока не обрел своё пристанище в Узбекистане [Сайфетдинова, 2023: 269; Резван, 2004].

Золотоордынско-хулагуидские отношения были далеки от идеала добрососедства. Их принято в целом оценивать как противостояние, почти постоянную войну, в которой не было места дипломатическим любезностям, но в действительности, это не совсем так. Вернее было бы сказать, что это противостояние было следствием ряда нерешённых ещё при жизни великого завоевателя вопросов престолонаследия, разделения улусов и административного порядка в них.

Как будто бы Хулагу приглашали на престол Золотой Орды после смерти Бату (конец 1255), а потом его сыновей Сартака и Улакчи. Бадр ад Дин Айни и Утемиш-хаджи пишут, что золотоордынские беки отправили Хулагу «ножны без сабли и рубаху без ворота: эль остался, государя нет, женщины остались, мужей у них нет» [*Утемиш-хаджи*, 2017: 33].

С другой стороны, и ханы Золотой Орды могли быть приглашены на ильханидский престол. Чопан, беклярибек Олджейту, был с Узбеком в тесной связи. Ибн Дукмак сообщает: «Говорят, что когда умер Харбенда, то Джубан послал к царю Узбеку в страны Северные приглашение придти к нему, для передачи ему царства. Узбек обратился к Кутлуктемиру, правителю государства его, который посоветовал ему не делать (этого), потому что когда он пойдёт в Хорасан, то Северное государство уйдёт из рук его и им овладеет другой. Часто трудно будет управиться с другим государством и пропадут они оба. Он (Узбек) согласился с его мнением и остался на месте» [*Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды...* Соч. В. Тизенгаузена. Т. 1, 1884: 324–325].

Нерешённость вопроса с административным подчинением также видна в источниках: Вассаф пишет о распределении прибыли с Бухары среди всех сыновей Чингиза. У ал-Омари можно найти упоминание о том, что сыновья Джучи получали часть прибыли от Тебриза, Мераги, Аррана и Хамадана⁵. До 695 /1295 г. мы видим в Иране джучидских чиновников – сборщиков доходов.

Фактически в этих пограничных областях в какой-то момент можно говорить и о ситуации двойного подданства. В известном смысле похожая ситуация была даже в Анатолии. В 733/1333 некий кадий Ахмад Нигдеви написал энциклопедию под названием «ал-Валад аш-Шафик», которую посвятил Абу Саиду, а в посвящение вставил славословие в адрес всё того же Узбека. Для Эндрю Пикока, который изучал этот текст, это было аргументом в пользу того, что это упоминание являлось своего рода реминисценцией, воспоминанием о былом единстве этих земель: Анатолия, которая была частью Золотой Орды до, как он считает, 1255 г. [*Ресок*, 2018: 152–153; см. также: *Миргалиев*, 2016: 368–369]. Это всё было бы так, однако тот же Нигдеви посвятил помимо Абу Саида и Узбека славословие и в адрес ан-Насира Мухаммада – мамлюкского султана, которому эта часть Анатолии точно не принадлежала. Значит, тут дело не в воспоминаниях или осознании подданства, а, скорее, в осознании равной легитимности сразу трёх исламских правителей (только двое из которых были чингизидами).

Более того, стоило бы сказать, что культурно оба государства также представляли собой единое пространство. Это очень хорошо подтверждается не только перемещением конкретных людей из Малой Азии и Закавказья в золотоордынские пределы, например, в Крым (я уже имел возможность писать о происхождении погребённых на крымских кладбищах 14 в.). Но и таким, казалось бы, далёким от этого времени источником, как Кырыми.

⁵ Взаимное использование уделов на территориях разных улусов было в истории чингизидских государств общим явлением. Например, Чагатаиды получали доходы с золотоордынских Кята и Хивы со времён Чингиз-хана вплоть до Тимура, а Джучиды пользовались некоторыми привилегиями в Трансоксании [См. *Биран*, 2016: 365].

Абд ал-Гаффар Кырыми в своём труде «Умдет ал-ахбар» (1747 г.) пишет, что сына Узбека – Джанибека сравнивали с халифом Умаром, вторым праведным халифом, словно намекая на то, что Узбек при этом был подобен первому, т.е. Абу Бакру [Кырыми, 2018. Кн. 2: 55; Кырыми, 2014. Кн. 1: 362]. Если внимательно присмотреться к составу шейхов, испытание силы веры которых убедило Узбека в принятии ислама, то мы увидим, что Абд ал-Гаффар Кырыми, в отличие от своего источника (Утемиш-хаджи) более подробно пишет об этих шейхах. Он называет, помимо Бабы Туклеса (который происходил как будто бы из рода Абу Бакра и был предком Едиге), сейида Меджудуддина Ширвани (из Ширвана), который был предком некоего Йахьи Ширвани, а также шейха Хасана Гургани (из Гургана) [Кырыми, 2014. Кн. 1: 53]. Это значит, что в этом месте Кырыми пользовался каким-то более полным и подробным рассказом, причём рассказ этот датировался серединой XIV в., ведь в тексте указано, что Йахья Ширвани «все еще жив» (очевидно, что со временем жизни Кырыми это никак не вяжется). Ясно, что Кырыми имел в виду знаменитого шейха тариката Халватийа, сейида Йахья Ширвани Бакуви, похороненного в Баку (ум. ок. 1466 г.). Он был тесно связан с Крымом (по преданиям, даже жил в Кафе [Зайцев, 2009: 50]), а его младший сын шейх Насруллах был в Крымском ханстве накыб-уль-эшрафом (заведующим делами потомков Пророка Мухаммада). Значит, местная крымская традиция связывала обращение Узбека в ислам с ширванскими проповедниками, потомки которых основали тарикат Халватийа, распространённый потом в Крыму.

Вернёмся к рукописям. Стоит сказать, что Абдалла ал-Хамадани был не только переписчиком, но и декоратором этого тридцатитомного списка [Gray, 1985: 139]. Это отличает его от других ильханидских мусхафов – двух багдадских и мосульского, где переписчик и декоратор – разные лица.

«Хамаданский Коран» был закончен, как сообщает колофон, в *дар ал-хайрат ар-рашидийа* (т.е. известном «Раб-и Рашиди») – скриптории, который был создан великим государственным деятелем и историком Рашид ад-Дином [См. Ben Azzouna, 2014:189; Ghiasian, 2018: 400] и работал до дня казни этого везира 18 Джумада I 718 / 17 июля 1318 г. Его имущество после казни было конфисковано, и скрипторий возобновил работу только после назначения везиром сына Рашид ад-Дина Гийас ад-Дина в 728/1328 г.

Это заведение работало не только при гробнице везира в Тебризе, но и в Султании, Хамадане и Йезде. По меньшей мере с 705/1305 г. Рашид ад-Дин заказывал там рукописи (об этом сообщает мамлюкский хронист Ибн ал-Фувати: именно в этом году он встретил некоего Мухаммада б. ал-Афифа ал-Каши, который выполнял заказ по оформлению рукописи для везира). А в месяце Раби I 709 / августе 1309 г. Рашид ад-Дин составил вакфийю, в которой подробно были описаны обязанности служителей скриптория: каждый год они должны были выполнять два 30-томных комплекта Корана, а также 4-томный свод по хадисам. В зульхидже 713/марте 1314 г. к вакфийе сделали важное дополнение: с этих пор переписчики должны были ежегодно переписывать и труды самого Рашид ад-Дина. В документе оговаривались также и обязанности по рас-

пространению изготовленных рукописей в мечетях и медресе по всей стране [См. подробнее: *Ben Azzouna*, 2014].

В настоящее время можно отождествить с продукцией этого книжного центра девять сохранившихся манускриптов: четыре рукописи Корана и пять списков трудов самого везира [Blair, 2006: 171–172]. Среди этих четырёх *мушхафов* – уже известный нам «хамаданский» Коран Олджейту из Каира. В его колофоне сказано, что Абдалла б. Мухаммад б. Махмуд ал-Хамадани закончил его в *дар ал-хайрат ар-рашидийя*. Таким образом, переписчик хамаданского корана Олджейту и Корана Узбека из Кютахьи работал в Раб-и Рашиди, т.е. находился на службе у Рашид ад-Дина.

Каким образом и при каких обстоятельствах золотоордынский владыка получил роскошную рукопись, созданную профессиональным придворным хулагуидским мастером книжного дела? Полагаю, что произойти это могло во время похода Узбека на Дербенд в том же 718 г.х.

Олджейту умер 27 рамадана 716 / 13 декабря 1316 г. На престол вступил его 12-летний сын Абу Саид. Воспользовавшись этим обстоятельством, Узбек предпринял очередную попытку захватить спорные земли. Причиной его быстрого продвижения вперёд был, возможно, союз с лезгинами (о нём сообщает Вассаф).⁶

Вполне вероятно, что изначально список Священной книги не был предназначен именно для Узбека. Чтобы изготовить такую рукопись, необходимо было довольно много времени. Например, мастер Абдалла б. Ахмад б. Фазлалла б. Абд ал-Хамид ал-Кади ал-Казвини 30-томный список Корана переписывал ровно год – между шеввалем 738 и шеввалем 739 г.х (апрель 1338 – апрель 1339), то есть средняя скорость переписки при этом составила несколько менее чем 3 джуза в месяц, или примерно две страницы в день⁷. Так называемый «анонимный Багдадский Коран», переписанный Ахмадом ал-Сухраварди и украшенный Мухаммадом б. Айбаком, был выполнен при скорости один джуз в полтора месяца⁸. Список Маджмуа-йи Рашидийя в Парижской национальной библиотеке по подсчётам специалистов был изготовлен примерно в течение 265 дней⁹. Более того, известные каллиграфы могли работать одновременно над несколькими рукописями: такие случаи нам известны, а, значит, время завершения списков удлинялось ещё сильнее [См. подробнее: *Liebrenz*, 2016: 185].

⁶ Очень тесной была связь Золотой Орды с Кавказом. Мать Узбека келин Биалин происходила из черкесов и его аталыком назван Инал-бек [См.: *Утемиш-хаджу*, 2017: 40-41]. Об Инале пишет и Кырыми.

⁷ См [Blair, 2015: 178]. Этот пример, правда, не совсем корректен, потому что ал-Казвини, во-первых, был очень пожилым человеком (78 лет отроду, когда он завершил переписку), во-вторых, работал довольно нестабильно по времени (с разной скоростью письма, а также забегая вперёд, т.е. переписывая некоторые джузы не в порядке их следования). К тому же, рукописи не всегда переписывались в благоприятных условиях: художники и переписчики часто следовали за своими повелителями и работали в прямом смысле в поле, например, Аффиф ад-Дин Мухаммед ал-Каши в 705/1305-6 гг. [(DeWeese, 2006: 27)].

⁸ Т.е. почти в пять (!) раз медленнее: правда, этот Коран имел более крупный формат - бумага в пол-багдади [см. Blair, 2015: 183]. Он, кстати, видимо остался незаконченным [см. *Liebrenz*, 2016].

⁹ Расчёт строится на указании в Вақфийа самого Рашид ад-Дина, предписывающем мастерам скорость переписки в 500 слов в день [Ben Azzouna, 2014: 196].

Как бы то ни было, совершенно очевидно, что Коран для Узбека должны были начать за несколько месяцев, предположительно в рамадане 717 г.х. (ноябрь 1317 г.)

Закрытый скрипторий сделал разом безработными какое-то количество профессиональных переписчиков и декораторов. И посвятить великолепно выполненную Священную книгу мусульман новому чингизидскому покровителю, который имел, как мы видели, некие права на хулагуидский престол и к тому же недавно принял ислам из рук ширванских проповедников – это, кажется, вполне логичный и оправданный выход для этих мастеров своего дела.

Литература

Биран М. Между степными ханствами: взаимоотношения Чагатаидов и Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.

Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2009.

Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.

Кырыми А. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Перевод с османского Ю.Н.Керимовой, И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.

Миргалиев И.М. Взаимоотношения с Ильханами // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.

Резван Е.А. «Коран ‘Усмана» (Катта-Лангар, Санкт-Петербург, Бухара, Ташкент). СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Сайфетдинова Э.Г. Рукопись Корана ‘Усмана в истории Золотой Орды // *Minbar. Islamic Studies*. 2023;16(2): С.263-272.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... Соч. В. Тизенгаузена. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

Утемиш-хаджи. Кара таварих. Серия «Язма Мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 4 / Перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017.

Ben Azzouna N. Rashīd al-Dīn Faḍl Allāh al-Hamadhānī’s Manuscript Production Project in Tabriz Reconsidered // *Politics, Patronage and the Transmission of Knowledge in 13th–15th Century Tabriz* Edited by Judith Pfeiffer. Leiden-Boston: Brill, 2014.

Blair S. Calligraphers, Illuminators and Painters in the Ilkhanid Scriptorium // *Beyond the Legacy of Genghis Khan*. Leiden, 2006.

Blair S. The Ilkhanid Qur'an: an Example from Maragha // Journal of Islamic Manuscripts. 2015. № 6.

DeWeese D. Cultural Transmission and Exchange in the Mongol Empire. Notes from the Biographical Dictionary of Ibn al-Fuwati // Beyond the Legacy of Genghis Khan. Leiden, 2006.

Ghiasian M.R. The Topkapı Manuscript of the Jāmi' al-Tawārikh (Hazine 1654) from Rashidiya to the Ottoman Court: A Preliminary Analysis // Iranian Studies, 2018, Volume 51, Issue 3.

Gray B. The monumental Qur'ans of the Ilkhanid and Mamluk ateliers of the first quarter of the fourteenth century // Rivista degli Studi Orientali LIX (1985).

The Museum of Turkish and Islamic Arts. Islamic Art. İstanbul, Kültür Sanat Basımevi, 2019.

“Kutsal Risâlet” Yazma Mushaf Sergisi Kataloğu / “The Holy Message”. Catalog of Exhibition of Qur'anic Manuscripts. Türkiye Yazma Eserler Kurumu Başkanlığı Yayınları: 208 Publications of The Turkish Institution for Manuscripts: 208. İstanbul, 2022.

Liebrenz B. Troubled history of a masterpiece. Notes on the creation and peregrinations of Öljejtü's monumental Baghdad Qur'ān // Journal of Islamic Manuscripts, Vol. 7. 2016.

Little D.P. Diplomatic Missions and Gifts Exchanged by Mamluks and Ilkhans // Beyond the Legacy of Genghis Khan. Leiden, 2006.

Ohta A. The Hamadan Qur'an of Öljaytü: Vestiges of a Binding Tradition // Journal of the Royal Asiatic Society, Volume 32, Special Issue 4: Studies in Honour of Barbara Brend, October 2022.

Peacock A.C.S. Islamisation in the Golden Horde and Anatolia. Some remarks on travelling scholars and texts // Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée № 143, 2018-1 (La Horde d'Or et l'islamisation des steppes eurasiatiques).

Дискуссия о типах письма древнерусских рукописей

А.В. Сиренов

Аннотация. Статья посвящена дискуссии об основных типах письма древнерусских рукописей. Автор предлагает рассматривать этот вопрос с учётом широкого контекста латинской и греческой средневековой традиции, чему посвящён крупный научный проект «История письма европейской цивилизации», который был реализован в 2020-2024 гг. рядом академических институтов (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека РАН, Архив РАН, институты Академии наук Республики Татарстан).

Ключевые слова: палеография, дипломатика, история письма, источниковедение, история Средних веков.

При изучении истории письма исследователи имеют дело не только с палеографией, изучающей средневековые рукописи, но и с эпиграфикой, объект которой – надписи на твёрдых предметах, а также с дипломатикой, поскольку история документа тесно связана с историей письма. Эта комплексность, привлечение разного по времени создания и по своему происхождению материала, а также разных методов изучения письма, на наш взгляд, в некоторых случаях позволяет предложить свой подход к решению даже узкоспециальной проблемы, относительно которой ведутся долгие дискуссии среди специалистов.

В ходе проекта «История письма европейской цивилизации», реализацией которого в течение четырёх лет занимались гуманитарные академические институты, имеющие в своих фондах коллекции рукописных памятников разных эпох (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека РАН, Архив РАН, институты Академии наук Республики Татарстан), был предпринят обзор истории европейской традиции письма от поздней античности до Новейшего времени. Весь привлечённый к исследованию материал составил два обширных блока: надписи и рукописи. Вполне логично и ожидаемо, что надписи представляют более раннюю традицию, чем рукописи, хотя традиции эпиграфики продолжали развиваться параллельно с книжным, деловым и актовым письмом на пергамене и бумаге. В позднесредневековое и раннее Новое время на характер письма существенное влияние стала оказывать традиция книгопечатания. И всё же письмо сохраняется, уже в наше время способствуя развитию каллиграфии как искусства [История письма от Античности до Нового времени..., 2022]. Столь широкий охват материала, безусловно, имеет свои недостатки, поскольку с неизбежностью приходится отдельные периоды или даже целые традиции письма рассматривать обзорно, и даже при таком подходе не удаётся избежать ла-

кун и неровности изложения материала, при которой одни темы рассмотрены обстоятельно, а другие оказались за пределами внимания исследователей. И всё же попытка проследить историю письма Европы на протяжении более чем двух тысячелетий предоставляет исследователю возможность рассматривать отдельные локальные вопросы с учётом контекста общеевропейской традиции письма.

При изучении письма средневековых рукописей, написанных кириллическим письмом (а это рукописи болгарские, сербские, молдавские, древнерусские, включая позднесредневековую традицию как великого княжества Московского – рукописи русские, так и великого княжества Литовского – рукописи рутенские), исследователи традиционно применяют единую трёхчленную классификацию, разделяя всё письмо на три типа: устав, полуустав и скоропись. Сами термины появились ещё в российской и рутенской традиции XVI-XVII вв., когда при описании книжных собраний указывалось, что та или иная рукопись написана уставом или полууставом, или скорописью. Этими терминами исследователи начали активно пользоваться ещё в XIX в., но со временем всё чаще заявляют о неадекватности этой терминологии по отношению к дошедшему до нас разнообразию письма рукописных памятников.

Термин «устав» вызывает споры в наименьшей мере, и это связано с очевидным и неоспоримым фактом, что кириллический устав представляет собой разновидность византийского унциала – крупного торжественного письма богослужебных рукописных книг. Появление устава в Болгарии в X в. также не вызывает споров, а дальнейшая эволюция в кириллических рукописях отчётливо прослеживается вплоть до смены материала письма: при переходе с дорогостоящего пергамента на дешёвую бумагу становилось более небрежным и письмо, и в большинстве случаев устав утратил присущий ему геометризм. Это случилось в конце XIV – первой половине XV в. Действительно, письмо пергаменных рукописей отличается от письма рукописей бумажных. Последние в большинстве случаев исполнены менее тщательно и каллиграфично. Однако и в традиции бумажных рукописей сохранялась практика крупного геометричного письма. Так писали, как правило, рукописи литургического характера (например, напрестольные Евангелия). И эта традиция дожила до XVIII в. Разумеется, крупное литургическое письмо бумажных рукописей отличается от письма рукописей пергаменных. Вопрос в том, как его называть? Если это устав, то иной устав, чем в пергаменных рукописях. Если же не устав, то уставом следует называть только крупное геометричное письмо пергаменных рукописей. В таком случае получается, что критерием для определения устава является материал письма, что нельзя признать безупречным с методологической точки зрения.

Ситуация с термином «полуустав» более сложная. Традиционно полууставом называют письмо бумажных рукописных книг. Можно без труда проследить процесс изменения уставных начертаний (в сторону упрощения) при переходе от пергаменных рукописей к бумажным. Однако существует, по меньшей мере, ещё одна традиция письма, также подпадающая по термин «полуустав».

Речь идёт о появившихся на Балканах в XIV в. грецизированных почерках, т.е. переносивших традиции византийского минускула на почву кириллических рукописных книг. Во времена Первого Болгарского царства в X в. кириллическое письмо было сформировано на основе византийского маюскула – унциала. Но существовал и византийский минускул – письмо нелитургическое, обиходное, деловое. Его влияние на кириллическое письмо и вызвало к жизни так называемый грецизированный полуустав. На разную природу происхождения манер письма, традиционно объединяемых термином «полуустав», обратил внимание А.И. Соболевский, предложив разделять старший и младший полуустав [Соболевский, 1901: 39-40]. Старшим полууставом исследователь предлагал называть изменившийся под влиянием перехода на более дешёвый материал письма устав. А под младшим полууставом он имел в виду южнославянскую традицию перенесения начертаний византийского минускула на кириллическое письмо. В XV в. так называемый младший полуустав в русле второго южнославянского влияния проник в Россию и оказал влияние на письмо рукописных книг. Получается, что одним термином «полуустав» исследователям приходится называть разные явления. Однако остаётся ещё несколько разновидностей письма, не укладывающихся в определение полуустава, пусть даже в предложенном А.И. Соболевским расширительном виде. На листах пергаменных рукописей встречаются маргиналии, иногда – фрагменты основного текста, написанные явно не уставом, а менее тщательным письмом. В памятниках древнерусской эпиграфики, в письме берестяных грамот встречаем ту же разновидность письма с отдельными уставными начертаниями, но по своей сути к уставу не относящуюся. Это простое, часто небрежное письмо. Каким палеографическим термином его следует обозначить?

Наконец, термин «скоропись» также вызывает споры. Скорописью традиционно называли канцелярское письмо, получившее распространение в России и великом княжестве Литовском в XV-XVII вв. Своеобразная разновидность курсивного письма, сложившаяся в России XVIII в., генетически связанная со скорописью XVII в., но графически от неё отличающаяся, также получила название скорописи. Проблема происхождения скорописи была решена ещё Е.Ф. Карским, который писал об истоках этого явления в южнославянской традиции XIII в. [Карский, 1928: 177]. И, несмотря на это, некоторые исследователи до настоящего времени предпринимают попытки либо вывести скоропись из полуустава, либо связать её появление с необходимостью ускорить процесс письма, последнее якобы происходило независимо в разных регионах. Результатом такой несогласованности является парадокс, когда почерк одной рукописи в научной литературе называют то полууставным, то скорописным. Соответственно, чёткого разграничения понятий устав, полуустав и скоропись в настоящее время не существует. Эта терминологическая путаница существенно затрудняет не только изучение средневекового кириллического письма, но и научное описание рукописей.

Обозначенную проблему исследователи вполне осознают и даже предлагают пути её решения. В 2010-е гг. опубликованы две проблемные статьи –

Е.А. Ляховицкого об уставе и полууставе и Е.С. Быстровой о скорописи [Ляховицкий, 2019: 78-87; Быстрова, 2011: 49-60]. Относительно статьи Е.А. Ляховицкого редакцией журнала *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* было организовано обсуждение затронутой проблемы с привлечением специалистов [Велинова, Груша, Ломанджистро и др., 2019: 103–123]. Исследователь со всей очевидностью продемонстрировал наименьшую конкретность термина «полуулав». Если относительно устава и скорописи в настоящее время можно достичь относительного единства определений, то к полууставу относят все образцы письма, которые по тем или иным основаниям невозможно отнести к уставу или скорописи. В целом, Е.А. Ляховицкий и Е.С. Быстрова придерживаются общей точки зрения о наличии терминологического кризиса в современной палеографической науке. Если это так, то, на наш взгляд, выйти из этого тупика можно двумя способами. Первый путь – это отказаться от прежней системы терминов (улав – полуулав – скоропись), вводя новые и изменяя некоторые прежние. Второй путь заключается в ревизии содержательной стороны существующей терминологии, т.е. предлагается от основных терминов не отказываться, но наполнить их новым содержанием, которое не вступало бы в противоречие с известным науке материалом.

Попытка ввести новый термин предпринята в статье Д.О. Цыпкина, который обратил внимание на присутствие в описях русских книжных собраний XVII в. термина «метное письмо» [Цыпкин, 2019: 124–135]. Анализ рукописей, исполненных «метным письмом», привёл исследователя к выводу, что этим термином называли обычное деловое письмо, которое не отличалось какими-либо стилистическими характеристиками (этот феномен уже несколько десятилетий является объектом изучения в письме разных традиций и культур). Постулируемое Д.О. Цыпкиным существование обычного письма уже в ранний период древнерусской письменности позволяет связать такие отдалённые по времени, но близкие типологически явления, как письмо берестяных грамот и некоторых крестьянских актов позднего Средневековья [Вовина-Лебедева, 2022: 338–368]. Вопрос об обычном письме тесно связан с исследуемой Д.О. Цыпкиным проблемой стиля в древнерусском письме. Если признать, что основные типы письма, улав, полуулав и скоропись и их разновидности являются также стилями со своей эстетикой и своими правилами, то неиспользование какого-либо стиля следует считать также особым приёмом. Вопрос состоит в том, следует ли для обозначения обычного письма использовать термин «метное письмо»? Вполне возможно, что этим термином русские книжники XVII в. и пытались обозначить обычное письмо, но в действительности они так называли образцы вполне определённых типов письма – полуустава и скорописи. Полагаем, что основным положительным результатом исследования Д.О. Цыпкина является введение нового для кириллической палеографии термина – обычное письмо. Если его принять, то придётся из сонма полуулавных почерков часть определять как обычное письмо. Кроме того, окажется возможным терминологически обозначить письмо и берестяных грамот, и большей части древнерусских граффити.

Второй путь, предполагающий не разработку новой терминологии, а модернизацию определений существующих терминов, давно и плодотворно осваивается исследователями. Относительно термина «устав» ещё И.В. Левочкиным предложено не ограничивать сферу его применения исключительно пергаменными рукописями, а считать написанными уставом также парадные литургические рукописи на бумаге, созданные в XV-XVII вв. [Левочкин, 1983: 75–77]. Это предложение, развитое М.А. Шibaевым, указавшим ряд таких рукописей, близких по своим графическим особенностям к пергаменным кодексам, приводит к необходимости нового определения термина «устав», а также несколько сокращает количество образцов письма, без достаточной аргументации относимых к полууставу [Шibaев, 2022: 289–290].

Поскольку наименее конкретным является наполнение термина «полуустав», то наибольшие усилия направлены на его уточнение. Вслед за А.И. Соболевским, предложившим выделять старший (русский) и младший (южнославянский) полуустав, исследователи немало сделали для изучения этих явлений. Так, выяснилось, что рукописей, написанных старшим полууставом, насчитываются единицы, причём наряду с рукописными книгами этот тип письма использовали в письме актов рубежа XIV-XV вв. (по преимуществу, это акты, написанные на Руси). Сделанные наблюдения позволили Е.Е. Барковой разделить старший полуустав на книжный и актовый, а также предположить, что впервые он стал использоваться в канцелярской среде московского великокняжеского двора, а затем перешёл в среду рукописной книжности [Баркова, 2013: 181-189]. М.А. Шibaев обратил внимание, что старший полуустав, как правило, использовали при написании небогослужебных книг, например, летописей, т.е. рукописных книг, близких к княжескому двору [Шibaев, 2018: 59–73; Шibaев, 2022: 284–289].

Из обширного комплекса рукописных книг XIV-XV вв., написанных младшим полууставом, исследователи выделили произведения болгарского писца второй половины XV в. по па Герасима, который максимально приблизил почерк написанных им кириллических кодексов к византийскому минускулу александрийского типа. Появился даже термин «Попгерасимово письмо» [Кочева, 1971: 369–402]. Впоследствии выяснилось, что сильная степень грецизации с подражанием александрийскому минускулу характерна и для ряда русских почерков того же времени, причём поставить эти почерка в зависимость от творчества по па Герасима едва ли возможно. Так, постепенно исследователи скорректировали определение младшего полуустава, и теперь его можно рассматривать как результат освоения византийского минускула кириллической традицией. Следует отметить также вводимый А.А. Туриловым термин «гибридный почерк», которым исследователь обозначил влияние южнославянского полуустава XV в. в русских рукописях [Турилов, 2012: 522]. Несколько проще дело обстоит с так называемым московским полууставом XVI в., который представляет собой соединение традиций уставных рукописей и младшего полуустава XV в. (с акцентом на традицию полуустава). Аналогичным образом сформировался и так называемый рутенский полуустав XVI в., но здесь наиболее заметна традиция устава [Жуков, Корогодина, Подковырова, 2023: 127].

Проблема определения скорописи состоит, на наш взгляд, в том, что исследователи подчас попадают в зависимость от буквального значения слова «скоропись» и, как следствие этого, пытаются любое ускорение письма отнести к скорописи. От этого предостерегал ещё Н.Н. Розов, настаивавший на необходимости различать скорописание в полууставе и скоропись как особый тип письма [Розов, 1969: 134–143]. Другой позиции придерживается Э.В. Шульгина, полагающая, что скорописание, которое выражается в связности написания нескольких букв, в написании одной буквы без отрыва пера от бумаги, и является главным признаком скорописи [Шульгина, 2000: 39–58]. Однако ещё Е.Ф. Карский выводил истоки скорописи из Балканского региона XIII в. В.А. Мошин предлагал видеть в скорописи особый тип канцелярского письма, который сложился в сербских землях XIII в. на основе византийского минускула под влиянием латинского курсива. В качестве примера такой среды, где соседствовали обе традиции, кириллическая и латинская, исследователь называл Дубровник [Мошин, 1946: 104–122; Мошин, 1973: 64]. Известны и написанные минускулом грамоты византийских императоров XII–XIII вв. сербским монашеским обителям (например, Хиландарскому монастырю) [Синдик, 1998: 9–134; Тријић, 2021: 49–68]. Почти параллельно формирование скорописи происходило в это время и в болгарской делопроизводственной традиции.

Пути распространения скорописи из балканского региона в Восточную Европу изучены недостаточно. Можно только утверждать, что это произошло в XV в. Изначально скоропись использовалась исключительно как канцелярское письмо. Примерно в середине XV в. она получает распространение на Руси, сменяя уставное или обычное письмо, употреблявшееся при составлении актов. Следует оговориться, что писание скорописью ускоряло процесс письма по сравнению с использованием устава. Но в тех случаях, когда скоропись приходила на смену обычному письму, об ускорении работы не могло идти речи, поскольку писать с соблюдением определённого стиля всегда труднее и дольше, чем писать обычным письмом.

Рассматривая же средневековую кириллическую традицию письма в общеевропейском контексте, как представляется, следует оперировать двумя важными категориями. Раннесредневековое европейское письмо, латинское и греческое, происходит от эпиграфического стиля римского капитального письма. Крупные буквы, геометрические пропорции – этот стиль письма оказал влияние на маюскульное письмо как в латинской, так и в греческой традиции [Антонец, 2022: 199–202]. Византийский унциал разных дуктов, положенный в основу кириллического устава, является одной из модификаций этого стиля, который в Средневековье весьма подходил для литургических текстов [Уханова, 2007: 59–85]. Параллельно с маюскульным во все времена существовало и обычное письмо, которое в ранний период находилось в известной зависимости от маюскула. Со временем, по мере развития государственных отношений и институтов, в канцеляриях появляется особый стиль письма, который получил название минускула или курсива. Его характеризует округлость и даже «скорописность» начертаний. Влияние курсива на маюскул, а также его

проникновение из сферы канцелярий в рукописную книгу можно считать определяющей тенденцией как латинского, так и греческого средневекового письма [*Гранстрем*, 1958: 226; *Антонец*, 2022: 210–211].

Кириллическое письмо в этом отношении не является исключением. И здесь уместно рассматривать историю средневекового кириллического письма в контексте истории латинского и греческого письма, как это делает, например, Б. Ломанджистро, которая определяет устав как кириллический маюскул, а полуустав и скоропись – как типы минускульного кириллического письма [*Ломанджистро*, 2020: 157–174]. Полагаем, что эту в целом верную картину следует дополнить описанным Д.О. Цыпкиным феноменом кириллического обычного письма. Письмо ранних кириллических рукописей относится к уставу, т.е. к маюскулу разных видов (дуктов). Однако в маргинальных записях либо в недостаточной степени качественно выполненных кодексах можно заметить влияние обычного письма. Ту же картину видим и в ранних русских актах. Они написаны либо уставом, либо уставом с элементами обычного письма, либо (московские акты рубежа XIV–XV вв.) обычным письмом. Русские земли в силу своей обособленности в XIII–XIV вв. гораздо меньше контактировали с Византией и Западной Европой, чем балканские государства этого времени. В Византии к XIII–XIV вв. минускул из деловой и актовой письменности уже давно проник на страницы рукописных книг, эта традиция была воспринята на Балканах и перешла на Русь вместе со вторым южнославянским влиянием в XV в. Таким образом, формирование полуустава в XIV–XV вв. происходило двумя путями: влиянием на устав обычного письма (старший полуустав) и влиянием на устав византийского минускула (младший полуустав). В продолжение XV в. второй возобладал, став основой московского полуустава XVI в., который генетически связан с полууставом XVII, XVIII вв., а также с богатой традицией старообрядческого полуустава XVII–XX вв. [*Маркелов, Панченко*, 2023]. На фоне развития полуустава представляется важным описание позднего устава как явления в истории кириллического письма.

Скоропись сложилась в сербских землях в XIII в. на основе византийского минускула под влиянием латинского курсива как исключительно канцелярское письмо и в таком качестве в XV в. была перенесена на Русь, в великое княжество Литовское и молдавские земли. Уже в XVI в. появились региональные разновидности скорописи (московская, рутенская), впоследствии скоропись стала проникать в рукописную книгу.

Таким образом, в отношении устава и скорописи можно внести определённую ясность, указать присущие им черты, представить образцы этих типов письма разного времени. Проблемным термином остаётся полуустав. По наблюдениям Е.А. Ляховицкого, термин «полуустав» был введён А.Л. Шлецером в 1768 г. при описании известных ему списков древнерусских летописей [*Ляховицкий*, 2019: 85–86]. Обратим внимание на другой термин, «полуунциал», который введён в оборот в классическом труде по латинской палеографии Р.-П. Тассена и Ш.-Ф. Тустена в середине XVIII в. [*Tassin, Toustain*, 1750; *Антонец*, 2022: 211]. Рукописи из парижского аббатства Сен-Жермен-де-Пре, которые описы-

вали французские палеографы, в конце XVIII в. были привезены русским дипломатом П.П. Дубровским в Санкт-Петербург, и в 1804 г. было опубликовано их описание на русском и немецком языках (А.С. Шишковым и Ф. Аделунгом соответственно). В публикации А.С. Шишкова применительно к латинским рукописям, написанным унциалом, встречаем термин «онциальные буквы, т.е. устав», а термин полуунциал он даёт без перевода [Известие о славном собрании рукописей г-на Дубровского, 1805: 224, 226]. К.Ф. Калайдович, который впоследствии широко пользовался термином «полуустав» (фактически он был первым в российской научной традиции, кто этот термин ввёл в оборот), был знаком с обзором коллекции Дубровского, поэтому вполне возможно, что термин «полуустав» в русской палеографической традиции является калькой латинского «semionciale», т.е. термина «полуунциал». А этим термином в латинской палеографии обозначают тип книжного минускульного письма, которое появилось в результате влияния курсивных начертаний на унциальное письмо. Этот же принцип можно соблюдать и при употреблении термина «полуустав» в кириллической традиции. Иными словами, если термины «устав» и «скоропись» обозначают определённые стили книжного и канцелярского письма, то термином «полуустав» можно называть разные варианты отклонения от уставного письма, в результате которых книжное письмо приобретало черты, характерные для минускула. Несомненно, имеет смысл детализировать разновидности полуустава. Однако не менее важно сформулировать чёткое определение устава, сопроводив его рядом образцов этого типа письма, относящихся к разному времени от XI в. до XVII в. Соответственно, традицию полуустава следует рассматривать от XV в. до старообрядческих образцов XX в., как и традицию скорописи – от XIII в. до начала XIX в. Характеристика типа письма на всём протяжении его существования, без ограничения только ранним периодом (как это часто встречается в палеографической литературе) является залогом наиболее объективного его определения и описания. Последнее имеет и существенный прикладной характер, поскольку многие тысячи кириллических рукописей в древлехранилищах (как рукописных книг, так и документальных источников) до настоящего времени не имеют адекватного научного описания.

Пособием для корректного определения типов письма, по нашему мнению, может стать интернет-портал «История письма европейской цивилизации», являющийся одним из результатов одноимённого проекта, о котором сказано выше. Здесь в разделе рукописей кириллического алфавита представлены образцы разных типов кириллического письма, от раннего устава до скорописи XVIII в.

Литература

Антонец Е.В. Письмо античных латинских рукописей (I в. до н. э. – VI в. н. э.) // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, отв. ред. А.В. Сиренов. М.; СПб., 2022.

Баркова Е.Е. Графико-орфографические особенности старшего полуустава XIV–XV вв. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 6.

Быстрова Е.С. Скоропись в русской палеографии // Фотография. Изображение. Документ. 2011. Т. 2. № 2.

Велинова В., Груша А.И., Ломаджистро Б., Ляховицкий Е.А., Мошкова Л.В., Уо Д. Спор о древнерусском письме // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 1.

Вовина-Лебедева В.Г. Крестьянское письмо XVI в.: по материалам актов Антониево-Сийского монастыря // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, отв. ред. А.В. Сиренов. М.; СПб., 2022.

Гранстрем Е.Э. К вопросу о византийском минускуле // Византийский временник. М., 1958. Т. 13. С. 226,

Жуков А.Е., Корогодина М.В., Подковырова В.Г. Рукописная книга в восточнославянских землях: Палеографические очерки и альбом рукописей БАН / Отв. ред. М.В. Корогодина (История письма европейской цивилизации). СПб., 2023.

Известие о славном собрании рукописей г-на Дубровского // Северный вестник. 1805. Ч. 5. № 2.

История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, отв. ред. А.В. Сиренов. М.; СПб., 2022.

Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.

Коцева Е. Александрийско-попгерасимово писмо в български ръкописи от втората половина на XIV в. // Старобългарска литература. Изследвания и материали. София, 1971. № 1.

Левочкин И.В. Русское уставное письмо и его хронологические параметры // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 15.

Ломанджистро Б. К новой классификации типов кириллического письма (X–XV вв.) // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика – 3. М., 2020.

Ляховицкий Е.А. К проблеме типологии древнерусского письма // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2019. № 1.

Маркелов Г.В., Панченко Ф.В. Книжное письмо поморских рукописей XVIII–XIX вв. По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб., 2023 (История письма европейской цивилизации).

Мошин В.А. Уговор св. Саве са светогорским протатом о земљи за виноград // Гласник државног музеја у Сарајеву. Нова серија. 1946. Св. 1.

Мошин В.А. Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1973. Вып. 1.

Розов Н.Н. Скоропись или скорописание? (Об уточнении термина) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Вып. 2.

Синдик Д. Српска средњовековна акта у манастиру Хиландару // Хиландарски зборник. Београд, 1998. Књ. 10.

Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. СПб., 1901.

Тријић В. Кодиколошки осврт на српске повеље Хиландарског архива // Хиландарски зборник. Београд, 2021. Књ. 15.

Турилов А.А. Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV вв. и «второе южнославянское влияние» // Турилов А. А. Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.

Уханова Е.В. Византийский унциал и славянский устав: проблемы источников и эволюции // Монфокоп: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. Вып. 1.

Цыпкин Д.О. Древнерусское метное письмо // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1.

Шибяев М.А. К вопросу о типологических признаках так называемого старшего полуустава // Историк и источник: Сб. в честь С.Н. Кистерева. СПб., 2018.

Шибяев М.А. Древнерусское уставное и полууставное письмо: терминологические проблемы // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / сост. В.Г. Вовина-Лебедева, отв. ред. А.В. Сиренов. М.; СПб., 2022.

Шульгина Э.В. Русская книжная скоропись XV в. СПб., 2000.

Tassin R.-P., Toustain Ch.-F. Nouveau traité de diplomatique. Paris, 1750.

Попытка реставрации монархии во Франции в 1873 году (по свидетельству российского посла князя Н.А. Орлова)

П.П. Черкасов

Аннотация. В статье исследован один из драматичных эпизодов в истории молодой Третьей республики. Этот эпизод связан с попыткой сторонников монархии в 1873 году ликвидировать республиканский режим, возникший во Франции после крушения Второй империи в сентябре 1870 года. Главным источником для автора статьи послужила секретная дипломатическая корреспонденция, которую направлял из Парижа в Санкт-Петербург посол России князь Николай Алексеевич Орлов. Русский дипломат был хорошо информирован, благодаря постоянному общению с президентом П. де Мак-Магоном, его министрами и депутатами Национального собрания, а также с лидерами монархических фракций – орлеанистами, легитимистами и бонапартистами. Депеши и аналитические записки Орлова, адресованные императору Александру II и канцлеру князю Горчакову, содержат богатый, во многом уникальный материал о попытке монархической реставрации, предпринятой осенью 1873 года. В этих документах даны интересные оценки президента Мак-Магона и других участников тех событий. В целом отчёты графа Орлова из Парижа отмечены достоверностью и объективностью, что делает их важным историческим источником. Орлов не скрывал от своих высоких адресатов, что не верит в возможность реставрации монархии во Франции, которая пережила глубокую трансформацию под влиянием революции 1789 года. Именно этого, на его взгляд, так и не поняли заговорщики-монархисты.

Ключевые слова: князь Орлов, республика, монархия, Национальное собрание, Мак-Магон, граф Парижский, граф де Шамбор, герцог Омальский, легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, республиканцы.

Для окончательного утверждения во Франции Третьей республики¹, спонтанно провозглашённой в сентябре 1870 года после Седанской катастрофы² и последовавшего за ней крушения Второй бонапартистской империи³, потребовалось почти десять лет. Все эти годы продолжалось ожесточённое противостояние между республиканцами и объединённой монархической коалицией,

¹ Третья республика – государственный строй, существовавший во Франции в период между 1870 г. и 1940 г. По истории Третьей республики см.: [Антохина-Московченко, 1986; Рубинский, 1973; Azéna, Witock, 1976].

² Важнейший эпизод франко-германской войны 1870-1871 гг. 2 сентября 1870 г. под Седаном, близ границы с Бельгией, капитулировала 100-тысячная французская армия во главе с Наполеоном III. Это событие вызвало 4 сентября революцию в Париже, свергнувшую бонапартистский режим.

³ Вторая империя – политический режим во Франции в 1852-1870 гг.

представлявшей интересы трёх свергнутых династий – Бурбонов, Орлеанов и Бонапартов. При всех существовавших между ними различиях, монархистов объединяло общее стремление к ликвидации ещё не успевшего укорениться, а потому неустойчивого республиканского строя, не получившего конституционного оформления. Высшие органы власти тогдашней Франции – Национальное собрание, президент и возглавляемое им правительство – считались временными до принятия конституции.

А с разработкой Основного документа избранный в феврале 1871 г. парламент явно не спешил. Из 645 депутатов Национального собрания более 400 были монархистами – орлеанистами (214 депутатов), легитимистами (180) и бонапартистами (20). Республиканцы получили в Национальном собрании всего 150 мест и не могли оказывать серьёзного влияния на принимаемые решения [Azéma, Winock, 1976: 66].

На затягивание вопроса с разработкой конституции влияли несколько обстоятельств. Прежде всего, монархисты не могли договориться между собой о том, какую монархию они желали бы восстановить. Одни (легитимисты) настаивали на возвращении к режиму Реставрации 1815-1830 гг. и даже к дореволюционному Старому порядку; другие (орлеанисты) желали восстановить обновлённую либеральную Июльскую монархию⁴; бонапартисты мечтали о Третьей империи. Соответственно, каждая из трёх монархических фракций выдвигала своего претендента на трон: орлеанисты – графа Парижского, внука короля Луи-Филиппа; легитимисты – графа де Шамбора, внука короля Карла X; бонапартисты – свергнутого Наполеона III или его сына. При таких острых противоречиях им было трудно прийти к согласию, потому они и не спешили с принятием конституции.

Вторым важным обстоятельством явились потрясения, связанные с Парижской коммуной (март – май 1871 г.), показавшие наличие в стране серьёзного революционного потенциала. Даже монархисты осознали угрозу своим реставраторским планам и вынуждены были взять паузу.

Их надежды на ликвидацию ненавистного республиканского строя ожились с избранием 24 мая 1873 года на пост президента Франции маршала Патриса де Мак-Магона, ставшего компромиссной для всех трёх монархических фракций фигурой. Связанный происхождением, родственными узами и внутренними убеждениями с легитимистами, граф де Мак-Магон после 1830 года проявлял лояльность к Июльской монархии, а пика своей военной карьеры достиг при Второй империи⁵. Но главной его заслугой монархисты считали безжалостное подавление им Парижской коммуны в мае 1871 г. Они не без оснований полагали, что маршал-президент не только не станет препятствовать реализации их реставрационных планов, но и окажет им необходимое содействие. Подготовка реставрации развернулась с середины 1873 года.

⁴ Июльская монархия во главе с «королём-гражданином» Луи-Филиппом Орлеанским просуществовала во Франции с августа 1830 г. до февраля 1848 г.

⁵ О нём см.: [Brogie de, 2000; Halévy, 1972; Laforge de, 1898; Sementérie, 1982; Silvestre de, 1960; Valynceele, 1980].

За действиями монархистов внимательно наблюдал князь Николай Алексеевич Орлов, посол России во Франции⁶. Его наблюдения, оценки и даже прогнозы, передававшиеся им в Санкт-Петербург и сохранившиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи, представляют оригинальный и ценный источник при изучении данного вопроса, как, впрочем, и всего начального этапа истории Третьей республики. Ценность этого источника определяется хорошей информированностью Орлова, имевшего тесные контакты с президентом Мак-Магоном, членами его правительства, с депутатами, а также с лидерами монархических фракций.

* * *

Поддержав избрание легитимиста Мак-Магона на пост главы государства, орлеанисты постарались уравновесить его влияние продвижением своего кандидата на пост вице-председателя совета министров (фактического главы кабинета). Им стал приверженец Орлеанской династии герцог Альбер де Бройль, депутат-орлеанист, бывший посол в Великобритании. Он сформировал правительство, состоявшее из монархистов всех трёх течений (четыре орлеаниста, три легитимиста и три бонапартиста)⁷. Единственным республиканцем в этом правительстве оказался представитель правого центра Альфред Дезелинья (Deseilligny), получивший портфель министра общественных работ. Министерство де Бройля, призванное подготовить реставрацию монархии во Франции, получило название правительства «морального порядка» (“*Ordre moral*”).

Повод к такому определению дал маршал Мак-Магон, который в одном из своих первых публичных выступлений сказал: «С Божьей помощью, опираясь на армию, которая всегда будет гарантом законности, при поддержке всех честных людей (“*honnêtes gens*”)⁸, мы продолжим дело освобождения нашей национальной территории⁹ и восстановление морального порядка (курсив мой – П.Ч.) в нашей стране» [*Azéma, Winock, 1976: 98; Grévy, 1998: 27*].

⁶ Сын одного из самых влиятельных вельмож николаевского царствования, грозного начальника Третьего отделения, а впоследствии сподвижника Александра II, который поручил Алексею Фёдоровичу Орлову в 1856 году переговоры в Париже о завершении Крымской войны, Орлов-младший был военачальником, дипломатом и государственным деятелем. Участник многих военных кампаний, получивший девять ранений, генерал-адъютант Орлов с 1857 г. занимал посольские должности в Брюсселе, Вене и Лондоне, а с конца 1871 г. – в Париже. Послужной (Формулярный) список Н.А. Орлова см.: [АВПРИ. 159. Департамент личного состава и хозяйственных дел. 464. 2490. См. также: Русский биографический словарь. Обезьянинов – Очкин, 1905 (1997): 360-361].

⁷ Орлеанисты возглавили министерства иностранных, внутренних дел и народного просвещения; легитимисты – юстиции, морского флота и сельского хозяйства; бонапартисты – военное министерство и министерство финансов, их представитель занял также пост заместителя министра внутренних дел (“*sous-secrétaire d’État à l’Intérieur*”). Первое правительство де Бройля продержится полгода. 26 ноября 1873 г. де Бройль сформирует второе правительство, в котором будут представлены исключительно монархисты (шесть орлеанистов, четыре легитимиста и три бонапартиста).

⁸ Со времён Директории, под определением “*honnêtes gens*” подразумевались люди, располагающие имуществом, т.е. собственники. – П.Ч.

⁹ Последние части германских оккупационных войск покинут территорию Франции в сентябре 1873 года.

«Моральный порядок», в понимании президента Мак-Магона и правительства герцога де Бройля, подразумевал, прежде всего, уничтожение «революционной партии»¹⁰ и восстановление во французском обществе «традиционных ценностей», главная из которых – католическая церковь. Не случайным в этой связи стало принятие 23 июля 1873 года правительственного решения о возведении на вершине Монмартрского холма величественной базилики Sacré-Cœur («Священное Сердце»), задуманной как символ торжества католицизма, «законности и порядка» над «бесчинствами» Коммуны 1871 года¹¹. Всё громче звучали голоса клерикалов-«ультрамонтанов»¹². 28 мая 1874 года во время паломничества в Шартр архиепископ Пий обратился к многотысячной толпе верующих с возгласом: «Франция ждёт вождя, ей нужен хозяин» [*Azéma, Winock, 1976: 99*].

С появлением Мак-Магона в Елисейском дворце началось формирование консервативно-клерикального (клерикально-монархического) блока. Церковь активно поддерживала консерваторов, а монархисты – католическое духовенство. При этом внутри этого блока сохранялись противоречия. Орлеанисты в отличие от легитимистов не склонны были поддерживать притязания католической церкви на духовное руководство французским обществом. Сам глава правительства, герцог де Бройль, был против тотальной клерикализации системы образования, на чём настаивали церковь и легитимисты.

Утверждение «морального порядка», наряду с усилением клерикальных тенденций, особенно в сфере народного образования, выразилось в жесткой борьбе с республиканским радикализмом, представляемым как главная угроза общественной безопасности. Наиболее серьёзным признаком усиления реакции стало принятие 24 января 1874 года закона, отменявшего избрание мэров городов и сельских коммун. Отныне все они назначались правительством и были подконтрольны префектам, представлявшим центральную власть.

Правительство ужесточило контроль над республиканской прессой. Воздвигались надуманные административные препятствия для деятельности традиционно популярных во Франции политических клубов, для проведения собраний и митингов. Без всяких объяснений увольняли префектов и чиновников, придерживавшихся республиканских убеждений. Дело доходило до того, что повсеместными стали случаи изъятия символических бюстов Республики (Марианны) из зданий мэрий и муниципалитетов. И всё это происходило не где-нибудь в монархическом государстве, а в провозглашенной в сентябре 1870 года Французской республике. С гриффов официальных документов стало исчезать даже название – «Французская республика».

¹⁰ Символичным в этом смысле было решение Национального собрания о восстановлении разрушенной коммунарами Вандомской колонны, воздвигнутой в 1806 г. в центре Парижа в честь Наполеона I и его побед.

¹¹ Строительство базилики, начатое в 1875 году, растянулось на несколько десятилетий. Оно завершилось только в 1929 году.

¹² Ультрамонтанство (ультрамонтанизм) – клерикальная политическая концепция в католицизме, декларирующая непогрешимость папы и духовно-политическое первенство Святого престола над светскими национальными властями. Применительно к Франции второй половины XIX в. ультрамонтанство противостояло как светскости, отвергавшей любое вмешательство церкви в дела государства, так и галликанству, последовательно отстаивавшему с середины XV в. независимость французской национальной церкви от Рима.

«Министерство 25 мая,¹³ откровенно связанное с амбициозной партией духовенства, лишено всякой разумной умеренности... – отмечал Орлов в аналитической записке, адресованной Горчакову [“Dernières nouvelles de la situation” (Записка Орлова от 20 июня 1873 г.). – АВПРИ. Канцелярия. 470. 92: 545-548.]. – Оно бросает вызов либеральному мнению, постоянно демонстрируя республиканской партии свои истинные мотивы и контрреволюционные намерения. Оно лишено как политических, так и ораторских талантов. Ему не хватает элементарной дисциплины. В сущности, Министерство состоит из людей, по-разному думающих. Оно является лишь инструментом коалиции¹⁴, которая в случае необходимости всегда способна изменить его состав.

Сложившаяся ситуация полностью определяется вовсе не Министерством, – продолжал Орлов, – а исключительно коалицией и большинством в Палате». Однако это большинство однажды может измениться, как в результате развития событий, так и в силу внутренних противоречий, особенно между орлеанистами и бонапартистами, подчёркивал русский посол.

Резюмируя свои наблюдения, князь Орлов выделил два вопроса, которые могут определить судьбу коалиции. Первый вопрос – «останется маршал Мак-Магон у власти или нет, и какие условия он поставит участникам коалиции для продления своего президентства»?

Второй вопрос, куда более важный, по мнению Орлова, был связан с неизбежным в обозримом будущем принятием новой конституции. Именно тогда и произойдёт чёткое размежевание между участниками правой коалиции, имеющими разные взгляды на характер монархии. Что касается левых и крайне левых, то они никогда не согласятся с реставрацией монархического строя. Всё это, полагал русский посол, обещает Франции новые политические баталии.

Пока же, констатировал Орлов в личном письме Александру II, «парламентская коалиция, которая свергла господина Тьера, сохраняет единство и энергично поддерживает правительство маршала Мак-Магона» [АВПРИ. Канцелярия. 470. 91: 192. Орлов – Александру II, 29 июня 1873 г.].

Орлов продолжал внимательно изучать политический облик и личные качества президента Мак-Магона, пытаясь глубже уяснить его реальную роль и степень влияния в системе власти. Встречаясь с Мак-Магоном и приближёнными к нему лицами, русский посол всё больше убеждался в том, что 65-летний маршал, заняв высший государственный пост, по-прежнему оставался «солдатом». Он так и не стал политиком, а главное – не желал им быть, констатировал Орлов.

Свою оценку Мак-Магону посол дал в записке, датированной 16 июня 1873 года [АВПРИ. Канцелярия. 470. 92: 613-618. “Le Maréchal Mac-Mahon” Записка Орлова от 16 июля 1873 г.]. Этот документ достаточно интересен и заслуживает того, чтобы представить наиболее важные выдержки из него.

¹³ Речь идёт о правительстве де Бройля, сформированном 25 мая 1873 г. – П.Ч.

¹⁴ Орлов имеет в виду коалицию орлеанистов, легитимистов и бонапартистов. – П.Ч.

«Маршал Мак-Магон – всего лишь солдат, и ему не хватает интеллекта и амбиций, которые помогли бы ему взять на себя личную ответственность в политических комбинациях или контролировать развитие событий в своей стране. Его способности явно не соответствуют занимаемой должности. Будучи человеком скромным, закрытым и расчётливым, он сознаёт свою неподготовленность перед лицом серьёзных испытаний. Он так и не избавился от тяжёлых воспоминаний о неудаче под Седаном, морально надломившей его. Он утратил способность к решительным действиям и тем более он не в силах, как я полагаю, решиться на государственный переворот.

Коалиция выбрала его в качестве, своего рода, главного прево¹⁵ (“Grand Prévot”) в ожидании возможной гражданской войны. Однако известно, что орлеанисты хотели бы видеть на его месте герцога Омальского, а бонапартисты – маршала Канробера.

Своим высоким положением Мак-Магон обязан легитимистам, которые благоволят ему из-за его отца, бывшего личным другом Карла X, а также из-за происхождения и родственных связей его жены, урождённой де Кастри. Преданность делу графа де Шамбора и незаурядные личные качества делают её одной из самых знатных дам Сен-Жерменского предместья. Маршал Мак-Магон во главе нового порядка вещей является президентом Республики лишь номинально...».

Любопытно суждение Орлова о позиции Мак-Магона в отношении готовившейся монархистами реставрации, предварительным условием для которой было объединение воедино, слияние (“fusion”) трёх соперничавших монархических фракций в единую партию. «Благодаря присущей ему известной доле здравого смысла, – подчеркнул Орлов, – маршал верит в такое слияние не больше, чем в реставрацию графа де Шамбора. Он полагает, что страна рано или поздно подойдёт к решению об окончательном выборе в пользу Республики. Однако, – сделал оговорку русский посол, – мы можем судить об этом только по конфиденциальным признаниям некоторых близких друзей маршала, а также по свидетельству господина Тьера¹⁶. Сам же маршал никогда открыто не говорит на эту тему».

Оценка, данная Орловым, отчасти объясняет сдержанное поведение Мак-Магона, когда монархисты попытаются преодолеть разногласия и выдвигнут единого претендента на французский трон.

Первый контакт между двумя претендентами произошёл в январе 1873 г. в Вене, куда для встречи с вождём легитимистов Анри д’Артуа, графом де Шам-

¹⁵ Главный прево – высшее должностное лицо в средневековой Франции, совмещавшее обязанности верховного судьи и министра юстиции. Должность была упразднена в середине XVIII в. – *П. Ч.*

¹⁶ Ещё в самом начале 1873 г., когда орлеанисты и легитимисты только приступили к переговорам об объединении, Орлов передал в Петербург мнение об этом тогдашнего президента А. Тьера. «Г-н Тьер, – докладывал посол, – не верит в слияние (fusion); он трактует его как тщеславную химеру. Эта семейная ссора лишена всякого политического значения и нация не проявляет к ней никакого интереса», – полагал Тьер. [АВПРИ. Канцелярия. 470. 92: 95-99 об. Записка Орлова от 27 января 1873 г.]. Очень скоро станет ясно, что Тьер, потерявший в мае того же года пост президента, недооценивал решимость монархистов свергнуть республику.

бором, внуком Карла X прибыл Филипп Орлеанский, граф Парижский. На этой встрече они не смогли преодолеть последствия «семейной ссоры», случившейся в далеком 1789 году¹⁷. Толчком для продолжения контактов между орлеанистами и легитимистами послужила смерть в изгнании бывшего императора Наполеона III. «Сразу же после похорон императора Наполеона, – сообщал в Петербург князь Орлов, – Орлеаны решили ещё раз попытаться договориться с графом де Шамбором. Граф Парижский пригласил за стол переговоров герцога де Ларошфуко, пылкого легитимиста (*légitimiste fougu*), который категорично заявил, что единственно возможная монархия во Франции – это монархия во главе с графом де Шамбором» [АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 90. Л. 30-30 об. Орлов – Горчакову, 1 февраля 1873 г.].

Некоторое время спустя, поразмыслив, граф Парижский согласился уступить первенство «Генриху V». Решающую роль здесь сыграл фактор бездетности 53-летнего вождя легитимистов и почти двадцатилетняя разница в возрасте двух претендентов. Правда, предстояло ещё договориться о том, что после смерти «Генриха V» его преемником на троне станет 35-летний граф Парижский, называвший себя Филиппом VII. Наличие у него сына (1869 г.р.) давало надежду на продолжение династии Орлеанов.

Одно из противоречий, разделявших орлеанистов и легитимистов, это их отношение к бонапартистам. Если орлеанисты вынужденно соглашались на сотрудничество с ними в борьбе против республики, то легитимисты решительно отвергали всякую возможность такого сотрудничества. Вернувшийся из Фрохсдорфа (Австрия), где проживал в изгнании граф де Шамбор, депутат-легитимист де Буиллери подтвердил непреклонность вождя легитимистов. Князь Орлов в депеше Горчакову писал по этому поводу: «Генрих V официально объявил Буиллери, что никогда не согласится на династическое сближение с Бонапартами» [Там же: 96. Орлов – Горчакову, 9 мая 1873 г.].

Но тогда же было сделано куда более важное признание. «Мой единственный наследник, – просил передать Шамбор, – это граф Парижский, и я хочу, чтобы все это знали». Подобное заявление свидетельствовало о том, что орлеанистам и легитимистам в ходе конфиденциальных переговоров удалось достигнуть принципиального согласия относительно порядка наследования престола – сначала «Генрих V», а после его смерти – «Филипп VII».

Понимая, что орлеанисты, чей лидер находился в самой Франции, имеют в связи с этим очевидные преимущества, Буиллери, как сообщал князь Орлов, «предложил главе старшей ветви [Бурбонов] предоставить специальные полномочия кому-то из видных деятелей легитимистской партии», представляющей здесь его интересы для того, чтобы действовать более эффективно. Однако

¹⁷ С началом революции представитель младшей ветви Бурбонов, первый принц крови Луи-Филипп-Жозеф, герцог Орлеанский перешёл на сторону революционеров и стал называть себя – «гражданин Филипп Эгалите» (Равенство). Как член Конвента, он проголосовал за смертную казнь Людовика XVI. В период Террора сам был приговорён к смерти и 6 ноября 1793 г казнён. «Семейная ссора» двух ветвей Бурбонов с новой силой разгорелась в 1830 г., когда Луи-Филипп Орлеанский, сын Филиппа-Эгалите, узурпировал трон, переданный отречьшимся Карлом X своему внуку Генриху V (графу де Шамбору). Граф Парижский, о котором идёт речь, приходился правнуком Филиппу-Эгалите и внуком королю Луи-Филиппу.

претендент отклонил это предложение, заявив, «что один только Господь знает, как воодушевить слуг своего короля». «В результате, – иронично заметил по этому поводу Орлов, – легитимисты остаются без земного руководства» [там же: 96 об.], уповая на высшие силы.

Действительно, легитимисты, не имевшие прямого общения со своим вождём, проигрывали не только республиканцам, но и своим партнёрам-орлеанистам. Они были скованны в действиях, постоянно находясь в томительном ожидании инструкций из Фрохсдорфа.

Между тем подготовка к окончательному сплочению сил монархической реакции вступила в решающую стадию. В первых числах августа 1873 года граф Парижский отправился в Фрохсдорф на встречу с Шамбором, с которым обсудил принципиальные условия их совместных действий. Согласовать остававшиеся детали должны были девять депутатов-орлеанистов, сопровождавшие своего лидера, который вернулся в Париж [АВПРИ. Канцелярия. 470. 92: 658-670 об. “La visite du Comte de Paris à Frohsdorf” Записка Орлова от 9 августа 1873 г.].

По возвращении граф Парижский встретился с Мак-Магоном и поинтересовался его позицией по вопросу о реставрации монархии, если он будет поставлен в повестку дня на предстоящей сессии Национального собрания. Маршал-президент выразил своё одобрительное отношение к такой инициативе [Антюхина-Московченко, 1985: 125].

Вояж графа Парижского, разумеется, не прошёл мимо внимания русского посла, который постарался из доступных ему источников получить интересующую его информацию. Главное, чего удалось достичь в результате переговоров, сообщал Орлов, так это «личного примирения двух ветвей Дома Бурбонов, до сих пор остававшихся враждебными друг к другу». Число претендентов на трон сократилось с трёх до двух. Это граф де Шамбор и сын покойного Луи-Наполеона¹⁸.

Граф Парижский, отказавшись от своих притязаний, поддержал кандидатуру Шамбора в обмен на то, что тот признал его своим наследником на троне. Таким образом, подчеркнул русский дипломат, речь идёт лишь о «династическом примирении», которое «нисколько не означает политического слияния (fusion) двух монархических партий, разобщивших страну ещё в 1830 году». «Неизвестно, – задавался вопросом Орлов, – смогут ли эти две партии, в свою очередь, политически объединиться и, что особенно важно знать, – смогут ли они возглавить нацию и заставить её согласиться с реставрацией легитимной монархии? На этом заканчиваются мечты, и начинается реальность, полная сомнений и трудностей».

Но и с самой реставрацией остаётся много вопросов, продолжал русский дипломат. Самый главный из них – возможно ли восстановить абсолютную монархию в том виде, какой она была «до великой Революции»? И, кроме того, уточнил Орлов, «где и как найти людей и партии, обладающих здравым смыс-

¹⁸ Наполеон III (Луи-Наполеон) умер 8 января 1873 г. в Англии, где проживал с семьёй после изгнания из Франции. – П. Ч.

лом и достаточно влиятельных, чтобы в 1873 году навязать новую политическую утопию республиканской и демократически настроенной Франции?».

У графа де Шамбора, развивал свою мысль Орлов, есть только один шанс встать во главе Франции – принять все условия, которые ему будут поставлены страной, не имеющей ничего общего с той, какой она была перед 1789 годом и даже перед 1830-м. В любом случае, подчёркивал русский дипломат, «граф де Шамбор будет конституционным монархом, или он вообще не станет королем; он либо принимает условия, или никогда не получит корону. Так или иначе, необходим будет новый пакт между ним и нацией».

Несколько дней спустя, в депеше на имя Горчакова, Орлов дополнил и уточнил свои наблюдения за процессом объединения монархистов [АВПРИ. Канцелярия. 470. 90: 136-139. Орлов – Горчакову, 12 августа 1873 г.]. Он отметил, что в рядах орлеанистов нет единого мнения относительно условий fusion, навязываемых легитимистами. По информации, которой располагал Орлов, недовольных чрезмерной уступчивостью графа Парижского возглавляет его дядя, герцог Омальский, один из сыновей покойного Луи-Филиппа. Он считал «совершенно недопустимым отступление от принципов 1789 года». Что касается графа Парижского, то, по мнению Орлова, его либеральные убеждения выражаются больше в словах, чем в поступках. В этом русский посол усмотрел зерно будущих разногласий среди орлеанистов.

Напротив, легитимисты, по наблюдениям Орлова, преисполнены оптимизма. «Роялисты, кажется, убеждены, – писал он, – что маршал Мак-Магон поддержит их проект¹⁹ и позволит Генриху V найти убежище где-нибудь в окрестностях Версаля до того момента, пока Собрание не признает его права. Только тогда король предстанет перед своими подданными и торжественно войдёт в столицу. Я не осмеливаюсь называть этот проект мечтой, – добавил Орлов, – потому что в сегодняшней Франции всё возможно, но я убеждён, что на пути своей реализации он встретит большие трудности».

Характеризуя возможности, которыми располагают противники реставрации Бурбонов, Орлов отметил, что «разоружение Национальной гвардии²⁰ сделало республиканцев менее опасными, зато, припёртая к стене бонапартистская партия может захотеть оказать сопротивление», тем более что империалисты «усиленно обрабатывают армию, которая всё ещё остаётся гораздо более бонапартистской, нежели бурбонской».

Важным фактором нестабильности, способным воспрепятствовать осуществлению плана реставрации, по мнению русского дипломата, оставалось всеобщее избирательное право, престиж которого в общественном сознании очень высок.

¹⁹ Легитимисты имели все основания рассчитывать на маршала-президента. Мак-Магон изначально рассматривал своё президентство как переходный этап к реставрации монархии «С момента моего назначения на пост президента, – признавался он в позднейших воспоминаниях, – я всегда считал..., что своим присутствием никогда не стану препятствием для реставрации Монсеньора графа де Шамбора» [Pisani-Ferry, 1965: 49].

²⁰ После подавления Парижской коммуны в мае 1871 г. Национальная гвардия, часть которой поддержала коммунаров, была разоружена и фактически ликвидирована. – П. Ч.

Тем временем, к концу сентября орлеанистам и легитимистам удалось прийти к компромиссу. План действий предполагал, что Национальное собрание, где они задавали тон, приглашает графа Шамбора занять восстанавливаемый французский престол под именем Генриха V, а после смерти бездетного короля трон должен будет унаследовать вождь орлеанистов граф Парижский (Филипп VII)²¹.

Со своей стороны, граф де Шамбор, вступая на престол, подписывает конституцию (в духе хартий 1814 и 1830 гг.), которая затем будет утверждена Национальным собранием.

Бонапартисты, отстранённые своими старшими партнёрами по коалиции от решения вопроса о возведении графа де Шамбора на престол, 25 октября объявили, что всеми силами будут противиться реставрации Бурбонов. Свои надежды они связывали с сыном и наследником покойного Наполеона III. Однако их мнение, по причине слабого представительства в Национальном собрании, орлеанисты и легитимисты всерьёз не воспринимали.

Казалось, все принципиальные договоренности достигнуты. Депутаты-легитимисты к концу октября даже составили текст законопроекта о приглашении «Генриха V» на царство и заручились одобрением президента Мак-Магона. Для торжественной церемонии уже были заказаны дворцовые кареты, парадные экипажи, знамена, белые кокарды...

И в этот решающий момент произошло непредвиденное. Граф де Шамбор категорически отказался признать трёхцветное знамя символом Франции, каким оно было на протяжении восьмидесяти с лишним лет при всех режимах, за исключением Реставрации. «Генрих V» неожиданно стал настаивать на возвращении к белому знамени Бурбонов, символу Старого порядка и Реставрации.

В получившем широкую огласку письме от 27 октября 1873 года к Шенелонгу (Chesnelong), одному из своих сподвижников, граф де Шамбор попытался объяснить это решение, повергнувшее в смятение всех монархистов. Воздав должное стараниям своих сторонников поставить его во главе Франции, а также усилиям маршала Мак-Магона по восстановлению порядка в ослабленной потрясениями последних лет стране, претендент заявил о невозможности пожертвовать своими принципами. «Моя личность – ничто. Мой принцип – это всё, Франция увидит конец своих испытаний только тогда, когда захочет это понять». Далее, ссылаясь на Провидение, «Генрих V» с пафосом добавил: «Франция не погибнет, потому что Христос всё ещё любит своих франков... Бог спасёт свой народ, вручив скипетр в твёрдые руки, способные его держать» [Duclert, 2014: 114].

Орлеанисты, как и часть здравомыслящих легитимистов, впали в отчаяние. Некоторые даже отказывались верить в подлинность письма и требовали его опровержения [АВПРИ. Канцелярия. 470. 91:72-72 об. Секретная телеграмма Орлова от 15 ноября 1873 г.].

²¹ Граф де Шамбор умрёт в 1883 г. Его права на трон по достигнутой в 1873 г. договорённости перейдут к графу Парижскому, а после смерти последнего в 1894 г. эти права унаследует его сын, герцог Орлеанский, называвший себя Филиппом VIII. См.: [Paoli, 2006; Poisson, 1999].

«Подлинным несчастьем для монархистов, – отмечают современные французские историки, – было то, что их претендентом стал человек, проживший почти всю свою жизнь за пределами Франции, о которой он не знал ничего, кроме того, что через испорченную призму ему доносили его преданные информаторы» [*Azéna, Winock, 1976: 101*].

«Граф де Шамбор никогда не уступит в вопросе о белом знамени, – докладывал в Петербург русский посол князь Орлов. – Его решимость в этом вопросе непоколебима. «Мне советуют, – говорит он, – сначала согласиться принять корону, после чего я мог бы ставить условия... Я не сделаю и шага в этом направлении, пока не узнаю, на каких основах я буду править; Я не намерен быть ни манекеном, ни неполноценным королем!» [АВПРИ. Канцелярия. 470. 92: 703-704 об. Записка Орлова от 19 сентября 1873 г.].

Ещё в середине сентября князь Орлов сообщал Горчакову о намерении Шамбора тайно приехать во Францию к открытию сессии Национального собрания и, обосновавшись в окрестностях Версаля, следить за его работой, чтобы в нужный момент продиктовать свои условия. Если же Собрание не примет этих условий, то оно само обречёт себя на тяжёлые испытания, якобы заявил претендент [Там же: 304 об.].

Неожиданное упрямство Шамбора в вопросе о государственном флаге Франции крайне озадачило и президента Мак-Магона, который был готов уступить верховную власть Генриху V Бурбону, если того пожелает Национальное собрание.

Сам маршал-президент, оставаясь приверженцем Бурбонов, давно уже смирился с триколором, под которым прошли сорок с лишним лет его военной службы. Под этим знаменем он многократно водил в атаки солдат, командовал полками, дивизиями, корпусами и армиями. Маршал, можно сказать, сроднился с трёхцветным флагом и рассматривал его не как символ революции 1789 года, а как символ доблести и славы французского оружия.

И здесь упрямство графа Шамбора неожиданно для многих натолкнулось на твёрдость президента, отказавшегося пожертвовать государственным флагом своей страны. Мак-Магон не одобрил поведение претендента, чем показал, что он не столь однозначный ретроград-роялист, как о нём говорили республиканцы. Старый легитимист сумел по-своему переосмыслить историю своей страны после 1789 года.

Потерпев неудачу, монархисты попытались реализовать запасной вариант удержания за собой властных позиций. Это вариант предполагал продление полномочий президента Мак-Магона. 20 ноября 1873 года по инициативе герцога де Бройля, неформального лидера правящего большинства, депутаты приняли закон о продлении полномочий главы государства на семь лет²².

Легитимисты неохотно поддержали эту инициативу, так как продление полномочий маршала-президента отдавало перспективу прихода к власти «Ген-

²² Первоначально планировалось установить срок президентского мандата в десять лет с возможностью переизбрания, но депутатам-республиканцам удалось добиться его сокращения до семи лет.

риха V». Тем не менее, они рассчитывали таким образом выиграть время для перегруппировки сил и подготовки нового антиреспубликанского заговора. Одновременно были продлены и полномочия Национального собрания, избранного в 1871 году.

Данный им дополнительный срок полномочий депутаты должны были употребить для составления и принятия новой конституции. Французская республика была провозглашена ещё в сентябре 1870 года, но отсутствие Основного закона предоставляло её противникам широкие возможности для попыток монархической реставрации. Именно такая попытка была предпринята осенью 1873 года, и лишь непостижимое упрямство графа де Шамбора сорвало их планы.

Незадачливый претендент, по-видимому, осознал, что совершил роковую ошибку, и попытался как-то её исправить. Накануне открытия парламентской сессии он, как и намеревался, тайно прибыл в Версаль, где встретился со своими сторонниками. Однако негласно санкционировавший этот приезд президент Мак-Магон отказался от встречи с Бурбоном. «Будучи убеждённым роялистом, – писала в своей книге Элизабет де Мирибель, правнучка Мак-Магона, – он всё же не встретился с графом де Шамбором, считая, что не может приносить свой долг президента республики в жертву желаниям этого принца» [Miribel de, 1981: 31].

Другое дело – если бы Шамбор снял своё вздорное возражение против триколора и был провозглашён королем Франции. Не исключено, что в этом случае маршал-президент с одобрения Национального собрания мог бы передать ему полномочия главы государства и, подавая пример остальным, первым присягнуть на верность Генриху V. «Граф де Шамбор вернулся в Фрохсдорф, но он не отказался от своих прав – сообщал в начале декабря из Парижа князь Орлов. – Экзальтированные легитимисты очень недовольны Мак-Магоном» [АВПРИ. Канцелярия. 470. 91: 147. Секретная телеграмма Орлова от 4 декабря 1873 г.].

Им не понравилось, что маршал-президент в решающий момент не оказал реальной поддержки графу де Шамбору, как не понравилось и то, что он не одобрил их идею об учреждении постов «наместника королевства» или регента, что совершенно очевидно противоречило существовавшему во Франции государственному строю. Сам Мак-Магон, как и принцы Орлеанские²³, решительно отказался принять эти сомнительные звания. При этом он с готовностью согласился на продление своих президентских полномочий. «Мак-Магон сказал мне, – сообщал в Петербург князь Орлов, – что уйдёт в отставку только после того, как исчерпает все возможные уступки, но он намерен оставаться на своём посту отведённые ему пять лет»²⁴.

Тогда, осенью 1873 года, поразившее всех решение графа де Шамбора, как будто, сняло с повестки дня вопрос о реставрации монархии во Франции. Од-

²³ Наряду с Мак-Магоном, «наместничество» и «регентство» предлагались также графу Парижскому и герцогу Омальскому, но оба они тоже ответили отказом.

²⁴ Разговор между ними происходил за одиннадцать дней до продления Собранием полномочий Мак-Магона. – П.Ч. [АВПРИ. Канцелярия. 470. 91: 72-72 об. Секретная телеграмма Орлова от 9 ноября 1873 г.].

нако монархисты не отказались от своих намерений, хотя их позиции после этого инцидента заметно пошатнулись. Одним из последствий провала с трудом согласованного двумя монархическими фракциями плана реставрации стало возобновление распрей между орлеанистами и легитимистами.

Другим последствием неудачной попытки монархического заговора стало оживление активности республиканцев, получивших от Шамбора неожиданный подарок, о котором они не могли и мечтать. На частичных выборах в Национальное собрание, проводившихся с октября 1873 года в различных департаментах, республиканцы понемногу, но неуклонно расширяли своё представительство в парламенте²⁵, что позволит им отстоять республиканский строй, который будет официально закреплён в конституции 1875 года.

Изучение дипломатической корреспонденции посла России во Франции князя Н.А. Орлова в критический момент становления Третьей республики, каким был монархический заговор 1873 года, показывает, что русский дипломат внимательно отслеживал развитие событий, не упуская сколь-нибудь важных деталей. В его переписке можно найти интересные, иной раз, неожиданные характеристики отдельных французских политиков. В целом информация, направляемая Орловым в Петербург, носила объективный характер, свободный от сословно-классовых предубеждений и без оглядки на ожидания и настроения своих высоких адресатов – императора Александра II и канцлера князя А.М. Горчакова. В этом её несомненное достоинство. Князь Орлов сумел понять глубину и необратимость перемен, происходивших во Франции со времён революции 1789 года, и не верил в успех реставраторов монархии в этой стране. Он был убеждён, что будущее Франции – это республика.

Литература

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел – ДЛСХД). Опись 464. Дело 2490.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Канцелярия. Опись 470. 1873 год. Дела: 90, 91, 92.

Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Франции. 1870-1918. М., 1986.

Рубинский Ю.И. Тревожные годы Франции. Борьба классов и партий от Версаля до Мюнхена (1919-1939). М., 1973.

Русский биографический словарь. Обезьянинов – Очкин. СПб., 1905. Репринтное воспр. М.: «Аспект Пресс», 1997.

Azéma J.-P., Winock M. La IIIe République. Paris, 1976.

Broglie G. de. Mac Mahon. Paris, 2000.

Duclert V. La République imaginée. 1870-1914. Paris, 2014.

Grévy J. La République des opportunistes 1870-1885. Paris, 1998.

²⁵ На дополнительных выборах в парламент, проходивших с мая 1873 г. по январь 1875 г. в 29-ти департаментах Франции, республиканцы получили 23 депутатских места, бонапартисты – 6, а орлеанисты и легитимисты – ни одного. [Антюхина-Московченко, 1985: 133].

Halévy D. La Fin des notables. Vol. 1-2. Paris, 1972.

Laforge de Vitanval L.-L. Histoire complète de Mac-Mahon, maréchal de France, duc de Magenta, d'après des documents originaux et des pièces officielles. Vol. 1-3. Paris, 1898.

Miribel É. de. La liberté souffre violence. Paris, 1981.

Paoli D. Fortunes et infortunes des princes d'Orléans, 1848-1918. Artna, 2006.

Pisani-Ferry F. Le Coup d'État manqué du 16 mai 1877. Paris, 1965.

Poisson G. Les Orléans. Une famille en quête d'un trône. 3me éd. Paris, 1999.

Sementérie M. Les Présidents de la République française et leur famille. Paris, 1982.

Silvestre de Sacy J. Le Maréchal de Mac Mahon, duc de Magenta, 1808-1893. Paris, 1960.

Valynceele J. Les Maréchaux de Napoléon III, leur famille et leur descendance. Paris, 1980.

«Спасительные гавани» историка, или о пользе изучения интеллектуальных традиций

Л.П. Репина

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы изучения интеллектуальных традиций в контексте интеллектуальной культуры и дискуссий о методе и статусе гуманитарного знания конца XIX – начала XX столетия и на материале истории понятий как нового научно-исследовательского направления, формирование которого происходило в быстро развивающемся трансдисциплинарном пространстве в конце XX – начале XXI века. Автор подчёркивает тесную связь изучения истории интеллектуальных традиций с функционированием интеллектуальных сообществ разного типа и их коммуникативных практик. Показаны принципиальные установки реализованной О.Г. Эксле неоклассической модели анализа прерванной эпистемологической традиции начала XX века. Обсуждаются последствия серии методологических поворотов и изменения в категориально-понятийном арсенале современной исторической науки.

Ключевые слова: интеллектуальные традиции, история науки, история понятий, история идей, интеллектуальные сообщества, теория познания, контекстуализация, категоризация.

«Есть науки, которым дарована вечная молодость, и к ним относятся все исторические дисциплины, перед ними в вечном движении культуры все время возникают новые проблемы. Для них главную задачу составляют преходящий характер всех идеально-типических конструкций и вместе с тем постоянная неизбежность создания новых» [Вебер, 1990: 406].

Как известно, традиции в самом широком смысле этого слова определяются (обычно со ссылкой на этимологию термина) как социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению, сохраняющееся и воспроизводящееся в течение длительного времени, причём жизнеспособность традиции зависит от её дальнейшего развития последующими поколениями в новых исторических условиях¹. Диалектика преемственности (традиции) и изменчивости (трансформации) через механизмы адаптации к изменившимся услови-

¹ См., в частности, словарные статьи «традиция» [Культурология..., 1997: 408; Новая философская энциклопедия, 2010], а также [Каиров, 1994]. Попытку развёрнутого теоретического осмысления самого понятия «традиция» см. в книге: [Захарченко, 2002].

ям представляет собой один из важнейших аспектов исторической динамики². При этом оппозиция «традиции и новации» в организации общественной жизни рассматривается во всём исследовательском пространстве социально-гуманитарных наук главным образом в контексте исследования модернизационных процессов. Примечательно, что выдающийся социолог, специалист по сравнительной истории цивилизаций и проблемам перехода от традиционных обществ к современным Шмуэль Эйзенштадт уже более полувека назад в своём предисловии к специальному выпуску журнала «Daedalus», посвящённой теме «интеллектуалы и традиции», обратил внимание на то, что обычно в социологии и в исторической науке, интеллектуалы рассматриваются «как критики существующих режимов, как их потенциальные или актуальные оппоненты, как создатели социальных или культурных ориентаций и действий в противовес традиции». И даже в большей степени Эйзенштадт отнёс это положение к исследованиям по истории идей, относительно мало интересующимся интеллектуалами как создателями, носителями и хранителями существующих традиций и «склонным представлять интеллектуалов как иконоклястов и еретиков» [Eisenstadt, 1972: 1; Eisenstadt, 1969; Eisenstadt, 1973].

В исследовательском поле интеллектуальной истории конца XX – начала XXI века тема «интеллектуалы и традиции» обрела более широкие перспективы. В этой связи стоит вспомнить, что традиция – это явление, «посредством которого содержание мышления, деятельности, созидания, а также чувствования становится самостоятельным по отношению к своему первоначальному носителю и может передаваться им дальше как материальный предмет. Это освобождение духовного продукта от его создателя... есть подлинное условие роста культуры» [Зиммель, 1996: 535]. Поэтому обширный комплекс проблем, связанных с феноменом исторической преемственности в идейно-духовной сфере, получил освещение в современной концепции истории идей и интеллектуальной культуры [Интеллектуальная культура... 2014: 7–19; Репина, 2008: 5–15].

Если в классической историографии XIX – первой половины XX века культурно-интеллектуальным традициям не уделялось должного внимания, поскольку они рассматривались как эпифеномены, а не как самостоятельные факторы жизни социума, то сегодня изучение интеллектуальных традиций – одна из основных задач интеллектуальной истории. Интеллектуальная традиция выступает одновременно как необходимое условие интеллектуальной деятельности и как её производное, а также как форма и способ сохранения интеллектуального наследия. Разумеется, на каждом этапе рецепция и усвоение интеллектуальной традиции в новых исторических условиях сопровождается отбором тех или иных элементов наследия, развитием самой традиции. Интеллектуальная традиция рассматривается, таким образом, не только как преемственность идей и способов мышления, непрерывность исторического наследования в интеллектуальной сфере, но также как сложный процесс вос-

² В институциональной истории это проявлялось как сочетание того, что на современном языке интердисциплинарной истории мы обозначаем как «принцип колеи, или зависимость от пройденного пути» (“path dependence”), с неизбежным и постоянным обновлением.

создания, активного восприятия, селекции, переформатирования, творческого преобразования, преодоления или возрождения.

В понимании теоретико-методологических оснований и аналитических процедур исследования интеллектуальной традиции на рубеже XX и XXI вв. произошли существенные изменения, связанные с обновлением всего арсенала интеллектуальной истории и укреплением позиций сторонников контекстуального подхода. Последний, в свою очередь, опирается на платформу «новой культурно-интеллектуальной истории», рассматривая культуру в духе Клиффорда Гирца – не как фактор или причину, обуславливающую события, процессы или институты, а как контекст, в котором они могут быть адекватно описаны [Geertz, 1973; Гирц, 2004]. В этом исследовательском поле изучение интеллектуальной традиции приобретает комплексный характер, отнюдь не ограничиваясь обзором основополагающих (преимущественно философских) идей, образующих её транслируемое сквозь века (или даже тысячелетия) «ядро», как это обычно представляется в многочисленных учебных курсах, например, по истории западной интеллектуальной традиции от Античности до Нового времени³.

В современной историографии изучение интеллектуальных традиций уже далеко выходит за рамки истории самих идей, теорий, концепций и систем мысли, систематически обращаясь и к анализу конкретных средств и способов их формулирования в соответствующих текстах, и к судьбам их творцов, и к более широкому социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, воспроизводились, интерпретировались и модифицировались. При этом неизменным остаётся интерес исследователей к предпосылкам, которые лежали в основе конкретных этапов развития интеллектуальной культуры и создавали импульс для изменений и инноваций. Именно в связи с таким радикальным сдвигом исследовательской перспективы особенно важно избежать ловушки культурного (как и любого другого) редукционизма. Очень точно сформулировал эту задачу известный американский историк Аллан Мегилл: «История идей (включая интеллектуальную историю, в том случае, если она не упрощает интеллектуальный объект, с которым имеет дело, старается поместить идеи в тот или иной исторический контекст и интерпретировать их в свете этой контекстуализации, не сводя идеи к эпифеноменам чего-либо более значимого» [Мегилл, 2005: 16].

Тем не менее, антиредукционистский пафос современной интеллектуальной истории не исключает, а, напротив, предполагает интерес исследователя как к общесоциальным условиям возникновения, бытования, сохранения и трансляции интеллектуальной традиции, так и к тем специальным социальным институтам, которые эти функции в обществе выполняют. Речь в данном случае идёт об интеллектуалах и их сообществах. Существуют различные определе-

³ Подобная модель воспроизводится также в обязательных для католических университетов курсах по истории христианской, католической, францисканской, бенедиктинской и др. интеллектуальных традиций (начиная с Отцов церкви и до сегодняшнего дня – как непрерывный диалог «веры» и «разума»). См. к примеру: [Holschneider, Morey, 1996; Examining the Catholic intellectual tradition, 2000]. О христианской духовной традиции см. также: [Захарченко, 2001].

ния понятия «интеллектуальное сообщество», подчеркивающие, как правило, одну из сторон явления – коммуникативную, институциональную либо содержательно-деятельностную. Исходя из того, что это понятие имеет не только нормативное, но и качественное содержание, интеллектуальное сообщество определяется «как общность людей, использующих интеллект как ресурс для производства новых смыслов. Его члены в идеале ориентированы на креативность – способность создавать новые социально значимые формы, и открыты для взаимодействия с внешним миром» [Семенов, 2007: 16]. Интеллектуальные сообщества – независимо от их конкретной формы или типа – выступают в качестве создателей, хранителей, интерпретаторов и трансляторов той или иной интеллектуальной традиции, формирование и функционирование которых составляли и в определённой мере продолжают до настоящего времени составлять главный предмет историко-социологического анализа в русле так называемой «истории интеллектуалов». Если в 1980-е годы «история интеллектуалов», по существу, вписывалась в «социальную историю элит» и опиралась на метод «социальной биографии», то «культурный поворот» в историографии конца XX столетия создал мощный импульс для дрейфа от «истории интеллектуалов» к новой культурно-интеллектуальной истории [Charle, 1990; Charle, 1996; Шарль, 2005: 13-18].

Таким образом, в современной историографии изучение интеллектуальных традиций неразрывно связано с историей формальных и неформальных (в том числе «невидимых» и «сетевых») интеллектуальных сообществ (самых разных масштабов и конфигураций), их исследование осуществляется как на макро-, так и на микроуровне, и опирается на междисциплинарный синтез истории идей, социальных и культурных систем, историко-социологического, историко-антропологического и социокультурного подходов [Rahman, 1982; Parman, 1990; Colish, 1997; Finding Europe..., 2007]. Важный ракурс анализа традиций мышления и интеллектуальной деятельности направлен на ключевой момент самоидентификации и так называемую *функцию взаимопризнания*, когда, согласно известной концепции Майкла Полани, «...каждый признает в качестве ученых нескольких других людей, которыми он в свою очередь признается ученым, и из этих отношений слагаются связи, транслирующие (уже из вторых рук) это взаимопризнание по всему сообществу. Так каждый его член оказывается прямо или косвенно признанным всеми. Эта система простирается и в прошлое (курсив мой – Л.Р.). Ее члены признают одних и тех же лиц в качестве своих учителей, на верности им основывают общую традицию и каждый развивает в ее пределах свою собственную линию...» [Полани, 1985: 234-235].

Как правило, в работах философов, социологов, культурологов и историков разных поколений подчёркивается нормативная и репродуктивная функция, инертная *связующая и принуждающая* сила традиции, а также ведущая роль интеллектуальных сообществ и образовательных институтов в её реализации. Так, исследуя историю идей Ренессанса через одну из наиболее представительных фигур интеллектуальной панорамы эпохи – Пико делла Мирандола, Эрнст Кассирер утверждал: «Кажется, что во многом он провозглашает и являет со-

бой новый тип мысли, но с другой стороны мы видим его все *еще совершенно связанным и даже ограниченным многовековой традицией, воспринятой из самых разнообразных источников* (курсив мой – Л.Р.). Рамки этой традиции Пико никогда не пытался разорвать...» [Кассирер, 2000: 227]. Между тем, в своей небольшой работе «Место Фичино в интеллектуальной истории» [Кассирер, 2000: 207-226], опубликованной в форме рецензии на книгу Пауля Оскара Кристеллера «Философия Марсилио Фичино» [Kristeller, 1943], Кассирер солидаризировался с подходом Кристеллера, выраженным следующей фразой: «Даже когда старые идеи повторяются видимо неизменными, они не просто механически повторяются, но воссоздаются на основании нового и оригинального убеждения и в терминах, наполненных новым интеллектуальным содержанием». Платоновская Академия «создала новую атмосферу философской и литературной жизни. Это оказалось более важным и решительным шагом для развития современного духа, чем вся работа основателей и членов академии. Работа вскорости устарела, но атмосфера осталась. <...> Даже если были бы забыты все результаты трудов Платоновской Академии, все равно сохранилась бы сама идея Академии. Здесь не было корпорации ученых или клириков, которые имели бы официальные обязанности и были *связаны необходимостью следовать определенной традиции* (курсив мой – Л.Р.). Академия была кругом друзей, которые свободно обсуждали свои философские проблемы [Кассирер, 2000: 212]. <...> важным в работе Академии были не столько те или иные доктрины, разработанные отдельными мыслителями. Эти доктрины все еще несут много стандартных черт. Новой была скорее сама тенденция мысли, новый дух свободного исследования» [Кассирер, 2000: 218].

Многовековая традиция, «воспринятая из разнообразных источников», будучи живой, содержит в себе следы множества опосредований, интеллектуальных коммуникаций и взаимодействий, идейных споров и конфликтов, порождающих ростки нового в старых культурных напластованиях. Новое (а, возможно, новая, ещё только зарождающаяся традиция) возникает и развёртывается в рамках сложившихся и конкурирующих традиций, креативный потенциал которых не стоит игнорировать. Метафорически и очень точно выразил эту ситуацию выдающийся социолог постнеклассической формации Рэндалл Коллинз: «Разум “изошренного” интеллектуала – наследника исторически сложной сети противостояний и изменений уровней абстракции – *интериоризирует невидимое сообщество разнообразных точек зрения* (курсив мой – Л.Р.), объединенных взглядом на них с еще более охватывающей позиции» [Коллинз, 2002: 1025].

Так, например, восприятие наследия разрушенной античной цивилизации в средние века и её последующее возрождение⁴ включает не только копирова-

⁴ Заметим, однако, что, характеризуя отношение в Европе Нового времени к античной культуре, Освальд Шпенглер предпочитал говорить не о продолжении традиции, а о «поклонении» ей: «Во всей истории не найти второго примера такого страстного культа, который воздавался бы одной культуре памятью другой» [Шпенглер, 1993: 161]. Этот вопрос о памяти культурных традиций мог бы, как представляется, стать предметом специального исследования.

ние /воспроизведение, но цепь «пересозданий», несущих в себе импульсы обновления. Немаловажную роль в этом процессе играют конкретные изменения условий интеллектуальной жизни (особенно в ситуациях радикальных социальных и культурных трансформаций) и создание новых институтов (например, таких как монастыри, средневековые школы и университеты). Вспомним, что именно монастыри стали центрами культурной жизни раннего средневековья, а в средневековых университетах, начиная с XII в., осуществлялось взаимодействие христианской, античной, арабо-мусульманской и иудейской интеллектуальных традиций. Впрочем, ни одна из этих традиций не была абсолютно монолитной, в каждой из них – в той или иной мере – присутствовали разнообразные элементы, как, впрочем, и в традициях мысли более поздних исторических эпох. На концептуальном уровне это также проявлялось в гетерогенности и многозначности используемых понятий. Данное обстоятельство легитимирует включение истории понятий, прежде всего теоретических, в проблематику интеллектуальной истории.

В этой связи я хотела бы привлечь внимание к статье Отто Герхарда Эксле, которая называется «История понятий – ещё не понятая история»⁵. Возникает вопрос, что дало основание автору считать, что ко времени написания этой статьи в 2009 году история понятий оставалась непонятой?

О.Г. Эксле обратил внимание на то, что в начале нынешнего века в ходе дебатов историков и философов об «истории понятий», «истории идей», «истории проблем», «истории дискурсов», о «кембриджской школе», «истории метафор» прозвучало мнение о «конце» движения истории понятий. Этот тезис вызвал у О.Г. Эксле недоумение, так как «даже относительно “начала” истории понятий (Begriffsgeschichte)», по его мнению, не было, к тому моменту, никакой ясности, и он поставил перед собой задачу объяснить причины этого пробела – подчёркиваю – с точки зрения истории науки. В этом деле опорой историку естественно послужила его обширная и глубокая эрудиция в области наук о культуре: как в их историческом измерении – вплоть до самых истоков, так и в сложных хитросплетениях современного развития. Для решения поставленной задачи Эксле вступил на исследовательское поле (подчеркну – поле междисциплинарное и интернациональное) интеллектуальной истории XIX-XX вв., и тем самым отступив по временной шкале от рубежа XX-XXI вв. сначала к 1970-1980 гг. и потом поочередно всё дальше – к 1930-м, 1920-м, 1910-м и даже к 1880-м годам, а затем в обратном направлении, меняя перспективу и контексты сравнительного рассмотрения двух противоположных интеллектуальных традиций – кантiansкой и ницшеанской в ключевых пунктах их пересечения на длительном и отнюдь не мирном пути. Причём в этом когнитивном процессе не только хронологические, но и географические рамки целенаправленно раздвигаются, с выходом за пределы германского «дома» в общеевропейское интеллектуальное пространство.

⁵ Опубликовано в оригинале на немецком языке в 2009 г. [Oexle, 2009], а русский перевод – в 2012 г. в альманахе «Одиссей. Человек в истории» [Эксле, 2012].

Автор подробно разбирает дискуссии между интеллектуалами двух указанных традиций, дискуссии, которые разворачивались в последовательных точках пересечения со значимыми переменами как в составе акторов, так и в радикально различающихся социально-политических контекстах. Между тем, по ходу размышлений над сделанными наблюдениями Эксле изменяет формулировку темы статьи. Здесь важно понять и объяснить, как именно происходит этот переход от проблемы самоопределения «истории понятий» как области исследований к основополагающему и «вечному» вопросу исторической науки – *в каких понятиях следует описывать прошлое (в современных научных или в терминах исторических документов)*. В этой связи стоит обратить внимание на ключевой и поворотный момент, который зафиксирован автором в самом начале XX века и выводит его рассуждения на так называемую «историю проблем» Макса Вебера и концепцию формирования понятий, разработанную Эрнстом Кассирером⁶.

Напомню, что Э. Кассирер, доказывая неразрывную связь между теорией познания и общей духовной культурой, утверждал, что научные понятия представляют собой не пассивные отображения случайных фактов, но самостоятельно созданные интеллектуальные символы, а сложившиеся на том или ином этапе научные системы понятий сами вовлечены в процесс исторических изменений. В своем труде «Логика наук о культуре» [Кассирер, 1998: 64-95] Кассирер очень точно и образно продемонстрировал сложность общей теоретической проблемы, которая возникает при использовании культурных и исторических понятий: «Природный объект кажется нам лежащим непосредственно перед глазами. И хотя более тонкий эпистемологический анализ показывает, как много сложных понятий требуется для определения своеобразия того же объекта как “предмета” физики, химии, биологии, это определение происходит в некотором неизменном направлении: мы в какой-то степени приближаемся к объекту с тем, чтобы еще точнее его узнать. В то же время, *объект культуры требует другого рассмотрения, поскольку он, так сказать, находится у нас за спиной* (курсив мой – Л.Р.). С первого взгляда он кажется нам более близким и более доступным, чем любой другой объект. Ведь что может человек понять больше и совершеннее... как не то, что он сам создал? И все же здесь выступает некая узость познания, которую трудно преодолеть, поскольку рефлексивный процесс постижения противоположен по своему направлению продуктивному процессу. Оба процесса не могут осуществляться одновременно. Культура постоянно создает в своем непрерывном потоке новые языковые, художественные, религиозные символы. Однако наука и философия должны разлагать эти символические языки на их элементы, чтобы сделать их понятными. Они должны обрабатывать аналитически то, что создано синтетически. Тем самым устанавливается постоянный поток и противопоток. Естественные науки учат нас, по выражению Канта, “прочитывать явления по буквам, чтобы иметь возможность читать их как элементы опыта”. На-

⁶ Стоит отметить, что на протяжении своей научной деятельности О.Г. Эксле неоднократно обращался к наследию Макса Вебера и других учёных, ориентированных на критицизм Канта, таких как Георг Зиммель, Эрнст Кассирер, Эрнст Трёльч, Карл Манхейм и Аби Варбург [см., например, Эксле, 2003; Эксле, 2004; и мн. др.].

уки о культуре учат нас прояснять символы, чтобы разгадать содержание, скрыто лежащее в них, *и снова сделать видимой жизнь, из которой они первоначально возникли* (курсив мой – Л.Р.)» [Кассирер, 1998: 94].

«Сделать видимой» прошлую жизнь – это, несомненно, задача для историка, а для ее выполнения необходимы такие инструменты, как система научных понятий, пусть и сами вовлеченные в процесс исторических изменений. Именно поэтому Макс Вебер, который подчеркивал значение рефлексии о понятиях как одной из основ и средств всякого научного познания, писал о том, что понятия являются “спасительными гаванями”, которые помогают историку «сориентироваться в устрашающем море эмпирических данных» [Эксле, 2012: 282]. Формулируя в 1904 году своё видение исторического познания, Макс Вебер подчёркивал, что невозможно раз и навсегда установить “истинный” смысл исторических понятий. Естественным образом из убеждённости Вебера в относительности понятий проистекает центральная для него тема, а именно *постоянное изменение понятий*, поскольку «образование понятий зависит от места, которое занимает в данной культуре рассматриваемая проблема, а оно может меняться вместе с содержанием самой культуры» [Вебер, 1990: 407].

Как бы в продолжение и развитие интеллектуальной интуиции О.Г. Эксле в предметное поле и эпистемологическую перспективу истории понятий оказывается помещённым само понятие «понятие». В статье «О понятии “понятие” в научном инструментарии историка» Ю.Е. Арнаутова [Арнаутова, 2017] обращается к тем же известным дискуссиям об историзме и статусе гуманитарного знания между представителями разных его направлений на рубеже XIX-XX вв., причём с той же целью – «показать, что все дискутируемые ныне темы о научном статусе исторического исследования и характере его результатов уже обсуждались в период т.н. осевого времени исторических наук о культуре (1880-1932)». В результате оба исследователя отмечают общее в позициях Кассирера и Вебера – разделяемые ими три фундаментальных установки неокантианской традиции (отказ от представления о воспроизведении или отражении действительности в понятиях, ориентация на критический рационализм и убеждённость в относительности понятий), из которых возникает осознание «субъективных предпосылок» научного исследования, а также изменчивости во времени самого познания и используемых им понятий [Эксле, 2012: 281-282; Арнаутова, 2017: 296]. В статье Ю.Е. Арнаутовой, в частности, рассмотрены взгляды Э. Кассирера на проблему образования и функции понятий, а также его метод сравнительного исследования образования понятий в отдельных дисциплинах точных наук [Арнаутова, 2017: 292-295]. Однако центральное место в статье занимает детальный и глубокий анализ классической работы Макса Вебера «“Объективность” социально-научного и социально-политического познания» [Вебер, 1990: 345-415], который раскрывает смысл, роль и функции тех самых «спасительных гаваней» историка. Вместе с тем, к сожалению, важное высказывание Вебера, приведённое им в качестве аргумента против представления о том, что идеальная цель «объективного исследования явлений культуры состоит в сведении эмпирических связей к “законам”», и дающее некоторое

представление о границах веберовского методологического индивидуализма, помещено автором в подстрочное примечание, рискуя остаться незамеченным. Вот оно: «Во-первых, знание социальных законов не есть знание социальной действительности, оно является лишь одним из целого ряда *вспомогательных средств, необходимых нашему мышлению для этой цели* (курсив мой – Л.Р.). Во-вторых, познание культурных процессов возможно только в том случае, если оно исходит из значения, которое для нас всегда имеет действительность жизни, индивидуально структурированная в определенных единичных связях» [Вебер, 1990: 378-379; Арнаутова, 2017, прим. 27].

Если попытаться восстановить в правах содержание этого негативного высказывания в его первой части, то можно понять, какую всё же позитивную роль отводил Макс Вебер «знанию социальных законов» в когнитивном процессе, – а это роль, хотя и «вспомогательная», но представляемая Вебером в качестве одного из интеллектуальных ресурсов познания, а потому необходимая историку, оперирующему «понятиями, которые могут быть точно и однозначно определены только в идеальных типах» [Вебер, 1990: 392]. Поскольку только выражение в форме общезначимых понятий того, что «постигнуто интуитивно, превращает субъективный мир представлений историка в объективный мир исторической науки» [ср.: Гайденко, 1990: 8-9], задача исторического исследования состоит в том, чтобы установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или же далека от него.

Эпистемологическая значимость обобщающей функции слова-понятия, связанной с образованием понятий в социальных и гуманитарных науках, не подлежит сомнению, но это лишь частный случай фундаментальной психологической операции по переработке информации, которая позволяет осмыслить разнообразные феномены реальности и в науках когнитивного цикла носит название *категоризация*. В результате операции категоризации происходит *сжатие многообразия*: «“особенное” и “неповторимое”, свойственное каждому отдельному объекту окружающего мира, отчасти теряет эту “неповторимость”, объекты объединяются и предстают в виде некоторых группировок, внутри которых их члены уже не подлежат дальнейшему различению» [Фрумкина, 2005: 132]. Выдающийся отечественный психолингвист Р.М. Фрумкина так разъясняла историкам важнейшие аспекты этой операции: во-первых, адекватность такой операции «базируется на способности устанавливать *значимые* сходства и различия и учитывать их, *пренебрегая незначимыми*»; во-вторых, определение значимости сходств и различий зависит от целей и характеристик наблюдателя или исследователя, вследствие чего «одна и та же социальная ситуация интерпретируется по-разному в зависимости от культурной практики, в которую она включена»; в-третьих, «категоризация как мыслительная операция, применяемая исследователем, совершается в пространстве культурных и интеллектуальных представлений и практик его времени», и это «самым очевидным образом проявляется в репертуаре используемых категорий, отражая наборы преобладающих как в обыденной, так и в научной среде метафор» [Фрумкина, 2005: 133-134].

Как видим, по меньшей мере этот третий момент был полностью осознан в теории познания Макса Вебера, включая и «то обстоятельство, что в “науках о человеческой культуре образование понятий зависит от места [...] рассматриваемой проблемы”, а место проблемы постоянно изменяется вместе с содержанием культуры» [Эксле, 2012: 289]. Почему же в дискуссиях об истории понятий, возобновлённых с середины 1980-х гг., эти предшествующие концепции во внимание не принимались и были просто преданы забвению?

Так и не предложив однозначного ответа на им же самим поставленный вопрос, О.Г. Эксле логически подвёл к его решению, констатируя наличие своеобразных *амнезии и деконтекстуализации*, которые «наносит вред современной истории понятий, поскольку та, предавая забвению свое происхождение и всю историю проблемы, в которую уходит корнями, не достигает заявленных ею же самой целей» [Эксле, 2012: 289]. (Не могу, однако, не отметить, что *амнезия и деконтекстуализация* одновременно являются необходимыми и неизбежными «порождающими» процессами в интеллектуальной истории и истории науки). Тем не менее, поставив в центр внимания ряд важнейших эпистемологических вопросов и опираясь преимущественно на вполне традиционный исторический метод, Эксле действительно удалось предпринять «всеобъемлющую, проникающую в диахроническую глубину реконтекстуализацию происхождения истории понятий». В то же время, оценка эвристического потенциала истории понятий возвратила дальнейшие размышления историка в трансдисциплинарную перспективу: Эксле очень точно связал возможный «вклад этого направления в историю научной мысли и фундаментальных проблем научного познания...» с развитием такой истории понятий, которая «по-настоящему и всесторонне была бы способна проследить “сложные опосредования между словами, понятиями и историческими процессами”» [Эксле, 2012: 290].

По сути, в статье О.Г. Эксле была представлена образцовая модель истории интеллектуальных традиций в её конкретной реализации на материале истории понятий. Среди принципиальных положений, чётко фиксирующих эпистемологические установки автора и закрепляющих постнеклассический / неоклассический статус этой модели⁷, следует отметить тезис о необходимости *рефлексии относительно исторической обусловленности понятий*, а также понимание контекста как *всей совокупности условий жизни*, включая «исторически сложившиеся и культурно-опосредованные ценностные установки» [Эксле, 2012: 285-286].

В конце XX в. отчётливо проявились принципиальные сдвиги в понимании характера взаимоотношений историка с источником, предмета и способов исторического познания, содержания и природы исторического знания, определения его статуса и формы изложения, а также возможностей последующих интерпретаций исторического текста. В ходе развернувшихся на рубеже 1980-х и 1990-х гг. теоретических дискуссий, в которых принимали активное участие

⁷ Об этих моделях см. специальные статьи в терминологических словарях: [Лебедев, 2020; Теория и методология исторической науки..., 2016: 291-293]. О типологии моделей исторического исследования: [Лубский, 2005; подробнее о неоклассической модели: Лубский, 2009].

и философы истории, и сами историки, в том числе признанные лидеры мирового научно-исторического сообщества, бурно обсуждались ключевые проблемы исторического познания, в центре которых неизменно оказывался вопрос о возможности достижения объективного, научного знания о прошлом. В результате по-новому был поставлен вопрос не только о возможной глубине исторического понимания, но и о привычных критериях достоверности источника и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью.

Разумеется, объективность предполагает дистанцированность от личных пристрастий и убеждений субъекта познания. Однако рациональные процедуры исторического исследования базируются на опыте исследователя, и полученный «продукт» не может быть свободен и от принадлежности его к определённой интеллектуальной традиции или научной школы. Субъективный характер творчества историка проявляется на каждом этапе его работы, начиная с выбора темы или объекта исследования. Любое историческое сочинение, выполненное в строгом соответствии с профессиональными нормами, критериями и правилами, имеет некую теоретическую основу, согласно которой автором был произведён отбор «фактов» (извлечена информация) из хаотического нагромождения фрагментарных «свидетельств», дана оценка их «качества», осуществлена их интерпретация и сформированные по их поводу высказывания превращены в связный текст. И в этот признаваемый конкретным профессиональным сообществом (и обществом в целом) как оснащённый адекватными методами критический анализ полноценного комплекса надёжных свидетельств, логически непротиворечивый, достоверный, приемлемый и ценный результат, создающий объективированное новое знание, оказывается включена и субъективная составляющая проделанной историком работы.

Уже в XX в. представления о том, что такое «истина», «объективность», «факт», «реальность» претерпели существенные изменения – произошла их релятивизация⁸. Так, наряду с корреспондентской концепцией истины появились противостоящие ей – прагматическая, экзистенциальная, когерентная и другие философские концепции истины, которые, так или иначе, обнаруживали себя – без обязательной рефлексии – и в историографической практике. Если философский идеал абсолютной объективности требовал *исключения* субъективности, то более «мягкий» дисциплинарный стандарт /критерий объективности (и, соответственно, мера относительной *истинности* /*правильности* получаемых результатов в той или иной области знания) направлен на *ограничение* субъективности, имеет консенсусный интерсубъективный характер (в рамках конкретного исследовательского сообщества)⁹ и может опираться на соблюдение совокупности методических правил, организующих процедуру исследования

⁸ Полемика вокруг проблем «объективности» и «истинности» исторического знания, с особой силой разгоревшаяся в наше время, имеет давнюю историю, которая, безусловно, заслуживает специального изучения.

⁹ Подробно о пересекающихся на практике, но концептуально различных типах объективности см.: [Мегилл, 2007: 358-391].

и обеспечивающих *проверяемость* приводимых документов, свидетельств и суждений¹⁰.

Без всякого сомнения, исчерпывающий теоретический анализ понятий «историческая истина» или «историческое знание» потребует от исследователей ещё немало усилий¹¹. Однако совершенно очевидно, что эпистемологическая ситуация в современном социально-гуманитарном знании качественно отличается от ситуации конца XIX – начала XX века. В конце XX столетия в гуманитарных науках традиция получила как критический, так и позитивный импульс, и «действенный момент традиций, составляющий их подлинное существо и характерную особенность» [Гадамер, 1988: 336], доказал свой творческий потенциал. Важнейшим итогом «постмодернистского вызова» в исторической науке стало переосмысление способов получения и представления знания, и вновь был актуализирован вопрос о соответствии истории критериям научности. Но при этом сама историческая наука в её эпистемологических основаниях уже включилась в процесс серьёзной трансформации, подобной той, о которой писал Майкл Полани, размышляя об «уроках коперниканской революции» в истории науки в главе «Объективность» своего классического труда «Личностное знание», где он также затронул столь живо ныне обсуждаемую проблему неискоренимой *перспективности* мышления. Хотя и сегодня в профессиональной среде далеко не изжиты утверждения, что история должна рассказывать о том, «как это было на самом деле», или о «восстановлении» прошлой реальности, тем не менее, как ответ на вызов новой интеллектуальной ситуации возникли новые интерпретации понятия исторической истины, вызвавшие методологические дискуссии 1990-х гг., бурные дебаты о «фактах» и «фикциях» [см. прежде всего: Экле, 2001].

Постнеклассическое состояние естественных наук позволило историографии в стремлении преодолеть навязанный ей комплекс научной неполноценности противопоставить радикальному постмодернистскому релятивизму «здоровый» релятивизм, позаимствованный из современного естествознания. Одно из предложений в этом духе – корреляционная теория истины, согласно которой наше знание о прошлом обусловлено, но не детерминировано культурой, и реализм в отношении прошлого состояния мира совместим с культурным релятивизмом в отношении знания о нём [McCullagh, 1998: 26-28]. Уже со второй половины 1990-х годов на авансцену выдвинулись новые теоретико-методологические подходы, ознаменовавшие переход «от одномерных интерпретаций истории к многомерным на основе синтеза “положительных” когнитивных установок классической и неклассической моделей» [Лубский, 2005:

¹⁰ Как писал в своё время М. Блок, «утверждение не имеет права появляться в тексте, если его нельзя проверить; и для историка, приводящего какой-то документ, указание на то, где его скорее всего можно найти, равносильно исполнению общеобязательного долга быть честным» [Блок, 1973: 50].

¹¹ Неслучайно даже такой выдающийся мыслитель как Поль Рикёр счёл необходимым в Предисловии к своей известной работе «История и истина» объяснить с читателями: «Название, данное этой книге, может показаться амбициозным, если предполагают, что найдут в ней систематическое изучение этих кардинальных понятий – Истина и История. [...] они для меня определяют не столько программу для исчерпывающего анализа, сколько тенденцию и направленность исследований» [Рикёр, 2002: 19].

86, 267]. В условиях формирования *критико-реалистического направления* и интегральной *неоклассической модели* исторического исследования непростительная, с точки зрения классической науки, «дефектность» исторической истины не может служить решающим основанием для лишения истории статуса науки в её современном понимании [подробнее см.: Репина, 2012].

Разделение наук на «науки о природе» и «науки о духе», проведённое в конце XIX – начале XX века представителями двух неокантианских школ, новые подходы оценивают как сугубо относительное. Современная постнеклассическая наука переходит к проблемно-ориентированным формам исследовательской деятельности на основе трансдисциплинарных стратегий, категорий, эпистемологических принципов (таких, например, как принцип дополнительности). В этих условиях и в исторической науке, под воздействием интегральных социальных теорий и в процессе усвоения и адаптации введенных ими специфических категориально-понятийных систем (как, например, теория структуризации Энтони Гидденса, теория социального пространства Пьера Бурдьё, теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса) формируются новые исследовательские модели и методологические стандарты с соответствующими сетями базовых теоретических понятий и концептуальных конструкторов [подробнее см.: Репина, 2011; Репина, 2019: 32-86]. Социальные нормы и институты рассматриваются в контексте культурных практик акторов, а социальная динамика – как процесс, который включает в себя не только структурную дифференциацию и реорганизацию деятельности индивидов и групп, но также и «реорганизацию умов» – изменения в идеалах, ценностях и понятиях, т.е. некое новое сознание или *новую культуру*, которая буквально видит окружающий мир (как природный, так и социальный) *с другой точки зрения*. Задача исследователя состоит в том, чтобы показать, каким образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов действуют в пространстве возможностей, ограниченном структурами, созданными предшествовавшей культурной практикой. «Прагматический поворот» привёл к укоренению категории «практик» в широком спектре предметных полей современного социогуманитарного знания¹². В профессиональном историческом сообществе пристально следят (и нередко следуют) за ведущими теоретиками-социологами в их поисках «третьего пути» в представлении теоретической модели социальной реальности как синтеза между объективизмом системно-структурного подхода и субъективизмом феноменологии. Соглашаясь с тем, что «для каждой дисциплины характерен свой, отличный от других способ включения новых теоретических понятий в исследовательскую традицию, свой способ концептуализации» [Волков, Хархордин, 2008: 12], добавим, что сегодня и внутри одной академической дисциплины они могут существенно различаться, но при этом, например, плюрализм исторических концепций понимается не как отрицание объективности исторической интерпретации, а, напротив, как условие её реализации, поскольку интерпретация рассматривается сквозь призму пересечения перспектив (точек зрения субъек-

¹² О социальной теории практик и становлении прагматической парадигмы см.: [Turner, 2018; The Practice Turn in Contemporary Theory, 2005]. Подробно о работах теоретиков «прагматического поворота» и многообразных концепциях «практики» в социальных науках см.: [Волков, Хархордин, 2008].

тов познания), соотносимых с различными идентичностями, или «вбирает их в себя как комплементарные» [Rüsen, 1996]. Иными словами, речь идёт о такой концепции плюрализма, которая базируется на принципе дополнительности, взаимной критике и взаимном признании.

В русле современной культурно-интеллектуальной истории всё дальше в прошлое стало уходить представление об объекте исследования истории науки, ограничивающее его научными текстами, понимание которых фиксируется в системе описаний, чаще лишь воспроизводящих смысл текста, или же интерпретирующих его с позиций современного состояния знания. Всё большую популярность стал завоевывать контекстуальный подход, требующий привязки научных идей к практике конкретных интеллектуальных сообществ.

Таким образом, в предметно-познавательном поле современной истории науки как части интеллектуальной истории тексты, идеи, понятия и конкретное содержание научного знания – тот самый «духовный продукт», освобождённый, по выражению Г. Зиммеля, «от своего создателя», – возвращается к его создателям и тем сообществам, которыми оно было выработано в социокультурном и интеллектуальном контекстах их существования – в конкретных обстоятельствах времени и места. При этом будет нелишним отметить, что осмысление и интерпретация интеллектуальных «продуктов» в их культурно-историческом контексте, а не в свете современных научных представлений вовсе не означает отказа истории науки от изучения важнейшей составляющей своего предмета – научных инноваций и порождаемых ими новых интеллектуальных традиций.

Литература

Арнаутова Ю.Е. О понятии «понятие» в научном инструментарии историка // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / Отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 285–307.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-исторического познания / Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред., послеслов. Ю.Н. Давыдова; Предисловие П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.:Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики: пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Бессонова М.: Прогресс, 1988.

Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред., послеслов. Ю.Н. Давыдова; Предисловие П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 5–43.

Захарченко М.В. Христианство: духовная традиция в истории и культуре. СПб., 2001.

Захарченко М.В. Традиция в истории: опыт типологической интерпретации. СПб., 2002.

Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М., 1996.

Интеллектуальная культура как предмет исследования // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 7-19.

Каиров В.М. Традиции и исторический процесс. М., 1994.

Кассирер Э. Логика наук о культуре. Очерк третий. Понятия в естественных науках и науках о культуре // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. С. 64-95.

Кассирер Э. Место Фичино в интеллектуальной истории // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 207-226.

Кассирер Э. Джованни Пико делла Мирандола. К исследованию истории идей Ренессанса // Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 227-270.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Культурология. XX век: Словарь. СПб., 1997.

Лебедев С.А. Философия науки: Терминологический словарь. М.: Академический проект, 2020.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005.

Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 158-168.

Мегилл А. Глобализация и история идей // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 11-20.

Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010 (Интернет-версия издания: <https://iphras.ru/page12557492.htm>)

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.

Репина Л.П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 2008. Вып. 22. С. 5-15.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011.

Репина Л.П. После «постмодерна»: историческая наука в поисках новой рациональности и объективности // Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции / Под ред. С.П. Карпова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 139-160.

Репина Л.П. Может ли история обойтись без теории? Вечные вопросы и поиски новаций в современной историографии // Историки в поисках новых перспектив / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 32-86.

Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. И.С. Вдовина, А.И. Мачульская. СПб.: Алетейя, 2002.

Семенов И.С. Интеллектуальные сообщества: диалектика консолидации // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М., 2007.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2016.

Фрумкина Р.М. Категоризация как познавательная процедура: сословия и социальные группы // Диалог со временем. 2005. Вып. 14. С. 132-149.

Шарль К. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. М.: Новое издательство, 2005.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1.

Эксле О.Г. «Факты» и «фикции»: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 49-60.

Эксле О.Г. Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре. Размышления о повороте в сторону наук о культуре // Одиссей. Человек в истории. 2003. М., 2003. С. 393-416.

Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 84-110.

Эксле О.Г. История понятий – ещё не понятая история // Одиссей. Человек в истории 2010/2011. М.: Наука, 2012. С. 268-299.

Charle C. Les intellectuels en Europe au XIX siècle: Essai d'histoire comparée. Paris: Seuil, 1996.

Charle C. Naissance des "intellectuels" (1880-1900). Paris: Éditions de Minuit, 1990.

Colish, Marcia L. Medieval Foundations of the Western Intellectual Tradition, 400-1400. New Haven, 1997.

Eisenstadt S.N. Intellectuals and Tradition // Daedalus. 1972, Vol. 101, No. 2: Intellectuals and Tradition. P. 1-19.

Eisenstadt S.N. Some Observations on the Dynamics of Traditions // Comparative Studies in Society and History. 1969. Vol. 11. No. 4. P. 451-475.

Eisenstadt S.N. Tradition, Change, and Modernity. N.Y.: John Wiley & Sons, 1973.

Examining the Catholic intellectual tradition / Eds. A. Cernera, O. Morgan. Fairfield: Sacred Heart University Press, 2000.

Finding Europe: Discourses on Margins, Communities, Images / Eds. A. Molho et al. N.Y., 2007.

Geertz, Clifford. The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973. Рус. пер.: Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.

Gorman J.L. Objectivity and Truth in History [1974] // *History and Theory: Contemporary Reading* / Ed. by B. Fay et al. Oxford, 1998. P. 320-341.

Gorman J.L. The Truth of Historical Theory // *Storia della storiografia*. 2006. No. 48. P. 38-48.

Holtschneider D., Morey A. Reclaiming the Catholic intellectual tradition // *Current Issues in Catholic Higher Education*, 1996. Vol. 16. N 2. P. 123-133.

Kristeller, Paul O. The Philosophy of Marsilio Ficino. New York. Columbia University Press, 1943.

McCullagh C. Behan. The Truth of History. L., 1998.

Oexle O.G. “Begriffsgeschichte” – eine noch nicht begriffene Geschichte // *Philosophisches Jahrbuch*. 2009. H. 2. S. 381-400.

Parman, Susan. Dream and Culture: An Anthropological Study of the Western Intellectual Tradition. N.Y.; Westport (Conn.); London, 1990.

The Practice Turn in Contemporary Theory / Ed. by Theodore Schatzki, Eike von Savigny, Karin Knorr Cetina. L.: N.Y.: Routledge, 2005. (1 ed. – 2001).

Rahman F. Islam and Modernity. Transformation of an Intellectual Tradition. Chicago; London, 1982.

Rüsen, Jörn. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation. Rice University. March 15-17. 1996. URL: <http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences>

Turner, Stephen P. The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge, and Presuppositions. Cambridge: Polity Press, 2018. (1 ed. – 1994).

Часть 5 ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Фольклор, этнография, религиозные верования ингушей в российских научных изданиях второй половины XIX – начала XX вв.

А.И. Алиева

Аннотация. В статье впервые в истории российского академического кавказоведения охарактеризована вся совокупность исследований, посвящённых фольклору, этнографии, религиозным представлениям и верованиям ингушей, опубликованным в XIX – начале XX вв. в российских (в том числе в кавказских) изданиях сотрудниками Императорской Петербургской академии наук, россиянами, состоявшими на военной или гражданской службе на Кавказе, и первыми представителями ингушской интеллигенции.

Ключевые слова: ингуши, фольклор, этнография, религиозные представления, верования.

Императорская Петербургская академия наук начала изучение народов Кавказа с первых лет своей работы: первые, нередко краткие сведения о быте, нравах, традициях, общественных отношениях, материальной культуре, фольклоре, религиозных верованиях разных народов Северного Кавказа, в том числе ингушей, были собраны и опубликованы участниками экспедиций, организованных Императорской Петербургской академией наук в конце XVIII – начале XIX вв. [Полиевктов, 1935: 21-75; Полиевктов, 1946: 8-62; Косвен, 1955: 265-374; Косвен, 1958: 139-274; Косвен, 1962: 159-281].

Следует заметить, что сотрудники Императорской Петербургской академии наук не только стояли у истоков изучения горских народов Северного Кавказа. На всём протяжении XIX и в начале XX вв. исследованием языков, истории, этнографии, фольклора, религиозных верований разных народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, успешно занимались академики А.А. Шифнер (1817-1879), В.Ф. Миллер (1848-1913), члены-корреспонденты П.К. Услар (1816-1875), И.А. Бартоломей (1813-1870) [Алиева, Мунаев, 2020: 11-18].

Наряду с сотрудниками Императорской академии наук в изучении народов Северного Кавказа, в том числе ингушей, активно участвовали россияне, находившиеся на гражданской или военной службе на Кавказе – они составляли основную массу исследователей народов Северного Кавказа. Именно они при-

нимали активное участие в создании в Тифлисе первых на Кавказе «учёных обществ» (Кавказского отдела Императорского русского географического общества, Общества любителей кавказской археологии, Кавказского отделения Московского археологического общества и др.), были их активными сотрудниками на протяжении десятилетий и также активно привлекали к их работе первых представителей национальной кавказской интеллигенции.

Уже в 20-30-е гг. XIX в. на Кавказе возникает русская периодическая печать, к началу XX в. представленная большим рядом изданий, внёсших значительный вклад в развитие российского кавказоведения [Косвен, 1955: 320-322; Косвен, 1958: 246-247, 272-273; Косвен, 1962: 186-189].

Исследования, посвящённые разным народам Северного Кавказа, регулярно публиковались также на страницах «Записок Кавказского отдела Русского географического Общества» (1872-1916), «Известий Кавказского отдела Русского географического общества» (1872-1917), «Кавказского календаря» (1845-1917), «Кавказского сборника» (1876-1912) и многих других кавказских изданий.

В этом ряду особое место занимает «Сборник сведений о кавказских горцах» – «...первое серийное издание, специально посвящённое истории и этнографии народов Кавказа» [Косвен, 1955: 246]. В 1868-1881 гг. вышли 10 его выпусков, в которых были опубликованы бесценные материалы по истории, этнографии, языкам народов Северного Кавказа, во многих случаях представленные «природными кавказцами» – дагестанцами А. Чиркеевским, А. Омаровым, М. Омировым, Г.-М. Амировым; осетинами Дж. Шанаевым, Г. Шанаевым, И. Кануковым, Б. Гатиевым; кабардинцем К. Атажукиным, чеченцем У. Лаудаевым, ингушами Ч. Ахриевым и А. Базоркиным, горским евреем И.Я. Чёрным.

Самое большое число исследований опубликовал в «Сборнике сведений о кавказских горцах» в 1868-1875 гг. «природный ингуш» Чах Эльмурзович Ахриев (1850-1914).

Вклад этого талантливого сына ингушского народа в изучение этнографии, фольклора, религиозных верований ингушей получил признание ещё в XIX в. Но только в начале XXI в. оно стало всеобщим, когда были переизданы труды учёного [Ингуши, 1996: Ахриев, 2000], охарактеризован его жизненный путь [Семёнов, 1928: 261-267; Косвен, 1958: 264; Яндаров, 1968; Яндиев, 2002: 116-119], его вклад в ингушеведение в целом [Дзарахова, 2014: 7-12], исследование этнографии ингушей [Дзарахова, 2010: 17-30], возникновение просветительства в Ингушетии [Угурчиева, 2006; Амерханова, 2009: 97-108; Туркаев, 2015: 75-88].

Несомненное признание вклада первого ингушского учёного – Чаха Ахриева – в исследование фольклора, этнографии, религиозных верований ингушей выразилось и в том, что центральное научно-исследовательское учреждение Республики – Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук носит его имя, а учёные института систематически с 1994 г. проводят «Ахриевские» чтения и конференции, на которых обсуждаются важнейшие проблемы ингушеведения. Последняя конференция состоялась в 2021 году [Просветительство в этнокультурных реалиях Кавказа..., 2021].

... Чах Эльмурзович Ахриев родился 10 мая 1850 г. в селе Фуртоуг Терской области в семье старейшины Джераховского общества. В возрасте семи лет он был взят в заложники – аманаты – их удерживание гарантировало верность кавказских горцев русским властям, был усыновлен бездетным полковником, служившим на Кавказе, и быстро усвоил русский язык. В 1857-1862 гг. Чах учился в военно-кантонской школе, которую успешно окончил в 1862 г., сразу поступил в 3-й класс Ставропольской гимназии и в 1868 г. успешно её окончил.

По состоянию здоровья молодой человек не мог сразу продолжить образование и, вернувшись в 1868 г. в родную Ингушетию, занялся сбором материалов по этнографии, фольклору, религиозным верованиям своего народа. Их результаты он опубликовал в 1870-1875 гг.

В 1870 г. Чах Ахриев поступил в Нежинский лицей, который также успешно закончил в 1874 г. и стал первым из ингушей, получившим высшее образование [Семёнов, 1928: 261-271].

С 1874 по 1882 г. Ч. Ахриев служил на Северном Кавказе «... кандидатом на судебную должность, мировым судьей, судебным следователем; с 1882 г. поселился в Азербайджане, где служил по ведомству государственных имуществ до 1912 г., когда вышел в отставку [Косвен, 1958: 264].

Исследователи научного наследия Чаха Ахриева по-разному объясняют сорокалетнее молчание этого бесспорно талантливой человека [Яндиев, 2002: 116-119], но вместе с тем единодушны в высокой оценке его замечательного вклада в изучение фольклора, этнографии, религиозных верований ингушского народа, как они бытовали во второй половине XIX в. [Яндиев, 1968; Дахкильгов, 2000: 5-12; Дзарахова, 2010: 17-30; 4-е Ахриев. чтения, 2014; Туркаев, 2015: 75-88].

Итак, переходим к характеристике научного наследия Чаха Ахриева. Его первые опубликованные работы – статья «Похороны и поминки у горцев» [Ахриев, 1870: 28-32] и серия очерков, напечатанных в газете «Терские ведомости» («Сказание о канаве Темира», «Ингушские каши (могильные склепы)», «Присяга у ингушей», «Нравственное значение присяги у ингушей», «О характере ингушей», «Об ингушских женщинах») [Ахриев, 1871, (Терские ведомости): №№ 13, 17, 20, 21, 30, 31] положили начало научному изучению этнографии ингушей в российском кавказоведении.

Статья «Похороны и поминки у горцев» содержит первое в ингушеведении полное описание похоронных обрядов и обычаев этого народа, как они сохранились «... в горах, где ещё весьма заметны следы язычества, с примесью христианства» [Ахриев, 1870 (Похороны и поминки...): 29].

Начинался обряд похорон со сборов аульчан – первыми сюда приходили женщины – не только жившие в одном ауле с покойным, но и из других аулов («... только на похоронах им позволяет обычай собираться из других аулов и составлять свой “женский круг”») [там же: 29].

Чах Ахриев подробно описал обряд оплакивания покойного, продолжавшийся и три дня, и неделю – до дня похорон – именно в этот день приходили мужчины, совершавшие этот обряд.

На другой день устраивали похоронный пир, для которого готовили щедрое угощение. Затем полагалось устроить поминки, для них резали много коров и овец, готовили не только напитки, но и подарки для победителей скачек, устроившихся в честь умершего.

Детально описана и подготовка к скачкам, и сами скачки, после которых начинался поминальный пир, а после него – посвящение коней, участвовавших в скачках, покойному, а также его родственникам, умершим до него. Завершались поминки джигитовкой всадников перед собравшимися.

Через два года после похорон родственники умершего должны были устроить большие поминки.

Вдове покойного положено было «по крайней мере, три года» носить траур, после чего она могла выйти замуж за его брата или кого-нибудь из его родственников. Перед этим она также должна была устроить в честь покойного мужа поминки и скачки [там же: 32].

Одним из первых российских кавказоведов Чах Ахриев подчеркнул, что многие ингушские семейства, строго следовавшие обычаю поминовения покойных, «обеднели вследствие такого разорительного обычая» [там же].

Выше был назван ряд очерков Чаха Ахриева, опубликованных в газете «Терские ведомости» в 1871 г. В 1878 г. часть этих очерков была перепечатана в I выпуске «Сборника сведений о Терской области» [Ахриев, 1878: 276-290], причём статьи «Присяга у ингушей» и «Нравственное значение присяги у ингушей», как справедливо заметил М.О. Косвен, здесь были «...перепечатаны под одним заглавием “Присяга у ингушей”» [Косвен, 1962: 264].

Особо выделим этот очерк – в нём Чах Ахриев одним из первых в ингушеведении не только охарактеризовал разные виды присяги, которую должен был принести человек, на которого пало подозрение, но и проследил эволюцию этого обряда от языческих времён до принятия ингушами ислама. Автор особо подчеркнул тесную связь присяги с культом предков у ингушей: «давший ложную присягу отнимал у своих покойников всё, что сам он или родственники его сделали для них. А по взгляду ингуша, это составляло величайшее несчастье» [Ахриев, 1878: 281].

В очерке «Об ингушских женщинах» Чах Ахриев одним из первых в российском кавказоведении охарактеризовал судьбу ингушской (и шире северокавказской) женщины – с самого рождения (когда предпочтительным в семье было рождение мальчика), и особенно в замужестве, в семье, где, как подчёркивал автор, «...поражает неравное распределение труда между мужчинами и женщинами: последние работают, по крайней мере, вдвое более мужчин» [там же: 283]. Чах Ахриев первый объяснил такое положение ингушской женщины (как и всех других женщин на Северном Кавказе) условиями «недавней воинственной жизни ингушей (и вообще всех горцев), постоянно отрывающей мужские руки от домашних работ» [Ахриев, 1878: 288].

Первым в истории российского кавказоведения Чах Ахриев не только подробно охарактеризовал ингушские могильные склепы – каши – «...четырёхугольные постройки из тесаного камня, служившие в языческие времена

могилами для влиятельных фамилий ингушей» в сравнении с аналогичными памятниками у адыгов [там же], но и объяснил их строительство древними представлениями ингушей о загробной жизни как о «зеркальном» отражении их земной жизни: «Вся разница между загробною и земною жизнью, по прежним понятиям ингушей, заключалась лишь в том, что солнце показывалось мертвецам в то время, когда оно скрывается от живых, почему и полагалось, что когда у нас день, у мёртвых – ночь, и наоборот» [Ахриев, 1878: 288-289].

Чах Ахриев особо подчеркнул, что ещё во второй половине XIX в. каша были для ингушей святынями: «Ингуши и теперь ещё клянутся, произнося, вместо имени Бога, название своих фамильных склепов» [там же], хотя по мере утверждения среди них ислама они всё чаще служили только памятниками прошлого» [там же]. «Особенно много кашей во второй половине XIX в. сохранилось в Джераховском, Кистинском и Галгаевском ущельях» [там же].

Разнообразные сведения по этнографии ингушей содержат не только статьи учёного, ей посвящённые, но и его примечания и комментарии к публикациям собранных им текстов ингушского фольклора, к характеристике которых мы переходим.

В 1870 г. в IV выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» была опубликована статья Чаха Ахриева «Несколько слов о героях в ингушевских сказаниях» [Ахриев, 1870, ССКГ, IV: 1-7] и русский перевод трёх ингушских эпических сказаний, записанных им самим [там же: 8-20].

В статье Чах Ахриев лапидарно, но очень точно охарактеризовал героев «ингушевских песен и сказок» (в XIX веке в кавказской фольклористике, которая находилась в стадии становления, ещё не было чёткой дифференциации фольклорных жанров) – няртов/нартов и орхустойцев, наделённых противоположными качествами. Няртов/нартов Ахриев охарактеризовал «...как людей в высшей степени добрых и нравственных, а потому неудивительно, что слово нярт сделалось между ингушами нарицательным именем. Ингуш, желая выразить посильнее похвалу кому-либо, говорит так: «нярт вох санна ва из», то есть: «он – молодец, как нярт», «он добр, как нярт» [Ахриев, 1870, ССКГ, IV: 1].

Именно с нартами, подчеркнул Чах Ахриев, ингуши связывали представление о «благодати земли»: «...в былое время, когда жили нярты, земля была до того благодатна, что если сжать её в кулак, то из неё вытекала капля масла; если сварить одно ребро быка, то можно было накормить целое войско; одним словом, во всём проявлялась благодать божья» [там же].

Также кратко, но чётко охарактеризовал Чах Ахриев и орхустойцев, которые являются «...в народных сказаниях как люди злые, коварные, завистливые. Орхустойцы необыкновенно сильны и всегда в сказках являются жаждущими борьбы с кем бы то ни было, без всякого повода со стороны вынужденного к борьбе соперника» [там же].

Одним из первых в ингушской фольклористике Чах Ахриев представил и предводителя орхустойцев Ботоко Ширтга, наделённого «...особенным сверхъестественным свойством – отправляться на тот свет и возвращаться обратно,

когда ему вздумается» [там же], и другого богатыря – Соска-Солсу, выделявшегося «... из ряда своих соплеменников-орхустойцев своею необыкновенной богатырской силой и прославленного различными победами» [там же: 2].

Характеристику орхустойцев дополняет упоминание об их «численности» – их 60, а рассказы обо всех событиях, связанных с ними, локализируются, как правило, в местах проживания ингушей – в Галгаевском ущелье, в Ингушском округе – т. е. как и в фольклоре других народов Северного Кавказа – в местах расселения создателей и носителей разных версий нартского эпоса.

Чах Ахриев описал и непростые отношения орхустойцев с Богом, в которых они верили и в то же время с которым постоянно боролись, и в конце концов, не вынеся этого «противодействия», выпили расплавленную медь и погибли; последним из них испустил дух Соска-Солса.

Важно подчеркнуть, что в рассказе о последних минутах этого эпического героя Ахриев – тоже впервые в нартоведении – привёл «этиологические мотивы» – его проклятия вороне и волку, отказавшимся помочь и умирающему герою утолить жажду, его «награду» голубю, принесшему ему воды, и определившему их важнейшие качества [Ахриев, 1870, ССКГ, IV: 3].

В заключение Чах Ахриев ещё раз подчеркнул, что именно орхустойцы играли главную роль во всех ингушских народных сказаниях, а нарты долго ещё жили на земле после гибели орхустойцев: некоторые ингушские фамилии ведут свою родословную именно от эпических богатырей – нартов.

Исчерпывающие характеристики основных персонажей героического эпоса ингушей убедительно подтвердил выполненный Чахом Ахриевым перевод на русский язык нарт-орстхойского сказания о том, как Соска-Солса одолел Колой-Канта хитростью, помещённый в финале статьи [там же: 4-7].

Здесь же опубликован русский перевод ещё двух ингушских сказаний – «Лял-Султа» и «Черкес Иса и чеченец Иса», также записанных Ч. Ахриевым [там же: 8-20].

Существенно дополняют и характеристику нарт-орстхойского эпоса ингушей и представления читателя о быте, нравах, обычаях этого народа ёмкие комментарии собирателя (о затворническом воспитании девочек, прежде всего в семьях высокого социального статуса; об обычае становиться присяжными друзьями/братьями, примирявшем даже кровников, об обычае давать бокал хмельного напитка человеку в знак благодарности и др.).

Но особо следует выделить *собственно фольклористические* комментарии Чаха Ахриева к эпическим текстам: объяснение значения имени персонажей – Колой-Канта, первую в российском кавказоведении характеристику «лесных людей» – причём не только «лесного мужа» с острой костью на груди, которой он убивал всякого встречного, кого опасался (этот персонаж позже был охарактеризован исследователями и других версий нартского эпоса), но и его жены – «лесной женщины», как правило, необыкновенной красавицы; а также изобретение народного ингушского музыкального инструмента – зурны из кости животного. Исполняемый на зурне «... мотив известен у горцев под названием “Колой-Кант” и в ходу у пастухов» [Ахриев, 1870, ССКГ, IV: 6].

Особо следует подчеркнуть, что Чах Ахриев первым в кавказской фольклористике в данной публикации чётко обозначил *место записи* публикуемых им фольклорных текстов: «аул Карак».

В 1871 г. в V выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» Чах Ахриев опубликовал ещё два нарт-орстхойских сказания – «Орхустойцы и Ботоко Ширтга» и «Шестьдесят орхустойцев и Цазик» [Ахриев, 1871, ССКГ, V: 38-46], по сюжетам и характеристике персонажей типологически сходных с осетинскими нартскими сказаниями, на что первой обратила внимание читателей редакция «Сборника сведений о кавказских горцах»¹.

В этой публикации Чах Ахриев назвал не только место, но и дату фиксации фольклорных текстов: «17 января 1871 г. в ауле Верхний Назран» [там же: 46].

К сожалению, не многие собиратели фольклора народов Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв. последовали его примеру.

И эту публикацию фольклорных текстов, зафиксированных Чахом Ахриевым, сопровождали содержательные комментарии. Прежде всего, исследователь подчеркнул, что ингуши любят слушать «...рассказы о жизни своих предков. От того кажется, что каждый горец имеет о происхождении своей фамилии историю, изукрашенную чудесными красками [там же: 42].

Здесь же впервые в кавказской фольклористике Чах Ахриев охарактеризовал такого традиционного персонажа ингушских сказок, как Горбож, в сопоставлении с персонажем русских сказок – Бабой-Ягой.

Примечательно, что комментарии к текстам ингушского фольклора позволяют Чаху Ахриеву органично включить эти тексты в рассказ о жизни своего народа: фольклорные персонажи собираются обсуждать аульские новости в специально отведённом месте – «пегата», как и жители любого аула, а имя Цазик носит не только фольклорный персонаж: «...в обыденном разговоре словом этим называют маленькую чашку, служащую для соли или рассола, которым приправляют баранину; для бедных же рассол этот служит единственной приправою сухого чурека (хлеба)» [Ахриев, 1871, ССКГ, V: 42].

Как видим, в этом комментарии охарактеризован не только сказочный персонаж, не только предмет бытового обихода, но и непростая жизнь ингушей в горах, в условиях нехватки земли, пригодной для обработки.

Самую большую коллекцию текстов ингушского фольклора включает статья Чаха Ахриева «Этнографический очерк Ингушевского народа с приложением его сказок и преданий», опубликованная в кавказской газете «Терские ведомости» [Ахриев, 1872, №№ 27–35, 39, 42, 43, 45, 46; Ахриев, 1873, №№ 3, 21, 22, 25, 26].

В переработанном виде она была опубликована в VIII выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» в 1875 г. под названием «Ингуши. Их предания, верования и поверья» [Ахриев, 1875: 1-40].

Публикацию в нём фольклорных текстов предваряет характеристика истории тех кистинских обществ, о которых Чаху Ахриеву удалось зафиксировать

¹ См. примечание к тексту «Шестьдесят орхустойцев и Цазик»: «Просим читателей сравнить эту сказку-загадку с осетинским анекдотом, озаглавленным “Бычья лопатка”» [Ахриев, 1871, ССКГ, V: 42].

народные предания. У ингушей, как и у других народов Северного Кавказа, не было «писаной» истории, и молодому исследователю, как и авторам работ об истории других горцев Северного Кавказа [Берже, 1859: 1-140], приходилось обращаться главным образом к произведениям национального фольклора.

Последовал этой традиции и Чах Ахриев.

Исследователь привёл исчерпывающий перечень ингушских обществ – Кистинское, Джераховское, Назрановское, Карабулакское, Галгаевское, Галашевское и Цоринское – и попытался воссоздать историю возникновения некоторых из них. С достаточной полнотой ему удалось охарактеризовать историю Кистинского и Джераховского обществ; за отсутствием достаточного фольклорного материала история других ингушских обществ была охарактеризована им совсем кратко, как и история народов, «населявших ингушскую территорию во времена, предшествовавшие историческому периоду жизни ингушского населения» [Ахриев, 1875: 5].

Но главное место в этой основательной работе Чаха Ахриева занимают тексты народных преданий и сказаний ингушей, впервые в северокавказской фольклористике XIX в. сгруппированные им в циклы: «Земля, человек и горы»; «Море»; «Туман, гром, молния, дождь, землетрясения и мороз»; «Небо, солнце, звёзды и разные изменения в их виде»; «Предания отчасти исторического, отчасти религиозного содержания» и «Сказания об орстхойцах».

Кратко представив предания об образовании земли, появлении на ней человека, образовании на земле моря, тумана, дождей, грома и молнии, землетрясений, ветра, Чах Ахриев подчеркнул особое влияние на судьбы людей небесных светил и обратил внимание на органичное сочетание в этих преданиях языческих и мусульманских представлений.

В цикле «Предания отчасти исторического, отчасти религиозного содержания» целесообразно особо выделить сказания «Елта» и «Орштохойцы (карабулаки)».

В сказании «Елта» впервые в российском академическом кавказоведении не только с достаточной полнотой охарактеризованы три сына Бога – Елта – покровителя в ингушской мифологии диких животных и охотников, Этер, который «заведует делами мертвых» и Воскресение «...олицетворено в форме дня Воскресения, считающегося священным и важным праздником» [Ахриев, 1875: 14], но и дана *суммарная* характеристика религиозных представлений ингушей во второй половине XIX в.: «так как давным-давно большая часть ингушей была христианами, то в позднейшие ингушские религиозные верования вошли в исковерканном виде понятия христианской религии. В настоящее время религия ингуш <...> представляет смесь понятий языческих, мухамеданских, христианских и т. п. <...> Между ингушами вследствие этого религиозных фанатиков гораздо менее, чем между соседними полудикими кавказскими народами» [там же: 14-15].

Особое место среди фольклорных текстов, опубликованных Чахом Ахриевым в его работе «Ингуши (их предания, верования и поверья)» занимает сказание «Орштохойцы (карабулаки)». Выше уже говорилось, что в примечании

к своим первым публикациям текстов ингушского эпоса Чах Ахриев первым в российском кавказоведении кратко охарактеризовал внешний облик «лесного мужа» и «лесной женщины». Сказание «Орштохойцы (карабулаки)» – первая и единственная в истории российского кавказоведения публикация народного сказания, бытующего у ингушей, в которой не просто упоминается «лесной муж», встретившийся в лесу герою нартского эпоса и «лесная женщина». Здесь подробно охарактеризована «семейная жизнь» горца-ингуша с «лесной женщиной», которая родила ему двух дочерей и сына, впрочем, закончившаяся трагически [Ахриев, 1875: 27-31]. Герой сказания, вступивший в семейные отношения с «лесной женщиной», нечаянно убил её брата, и за это был убит собственным сыном. Иначе говоря, в этом сказании причудливо контаминированы представления разных (и очень далёких) исторических эпох. С одной стороны, «лесная женщина» строго выполняет горские обычаи: так, узнав о гибели своего мужа-горца, она с дочерьми проникла в жилище, где лежало его тело, они оплакали его и приготовили к погребению. С другой стороны, в местности сына «лесной женщины» за смерть своего дяди по матери нельзя не видеть отзвуки далёких матриархальных отношений, когда дядя по матери считался более близким, чем родной отец.

Наконец, сказание «Орштохойцы (карабулаки)» примечательно тем, что связывает происхождение одного из ингушских тейпов – орштхойцев (карабулаков) с «лесными людьми» и таким образом объясняет такую особенность их характера как «беспокойного».

Специальный раздел в работе Чаха Ахриева «Ингуши. Их предания, верования и поверья» посвящён нарт-ортсхойскому эпосу ингушей. Его составили шесть текстов эпоса, из них четыре представляют самобытную ингушскую эпическую традицию, а два – «[Кто из нартов сделал самое удивительное]» и «[Сказание о былой земной благодати]» имеют параллели в нартском эпосе и других народов Северного Кавказа, причём впервые они были зафиксированы и опубликованы Чахом Ахриевым [Ахриев, 1875: 31-40].

Публикацию сочинения Чаха Ахриева «Ингуши. Их предания, верования и поверья», как и предыдущие публикации его работ, сопровождают примечания и комментарии, которые существенно дополняют не только характеристику «лесных людей» – персонажей ингушского эпоса, но и характеристику произведений ингушского фольклора, данную молодым исследователем в его статье «Несколько слов о героях в ингушевских сказаниях».

Представляя исследования Чаха Ахриева, посвящённые этнографии и фольклору ингушей, мы подчёркивали, что в их характеристике автор всегда учитывал своеобразие религиозных верований ингушей, в которых причудливо контаминированы религиозные представления разных исторических эпох – и языческие, и христианские, и мусульманские, причём в разном сочетании у ингушей, живших в горах и сохранивших древние религиозные представления, и у ингушей, переселившихся на плоскости и испытавших влияние ислама.

Сам уроженец Горского участка Ингушевского округа, Чах Ахриев имел возможность наблюдать религиозные обряды горных ингушей и описал их в статье «Ингушевские праздники» [Ахриев, 1871, ССКГ, V, отд. III: 1-16].

Кратко охарактеризовав «следы христианства» в районах проживания горных ингушей (развалины церквей и часовен греческой архитектуры, священные книги, написанные на греческом языке и др.), Чах Ахриев подчеркнул, что «...христианство существовало у ингуш <...> только как новый обряд» и потому не могло укорениться в среде ингуш, у которых «...составилась смесь религиозных верований, проявляющаяся, прежде всего, в многобожии и в установлении множества постов и праздников в честь разных богов и святых» [там же: 2].

Обряды в честь этих языческих богов или святых совершались в специальных помещениях и посвящались покровителю либо одного аула жителями этого аула, либо несколькими аулами и даже целыми обществами. Чах Ахриев подробно охарактеризовал три главных праздника, устраивавшихся несколькими аулами в честь трёх святых – Мятцели, Амгама-Ерда и Тамаж-Ерда.

Каждый из этапов этих праздников описан в статье достаточно подробно – от приготовления угощения, от пути собравшихся к месту обитания святого высоко в горах до возвращения участников праздника домой.

Детально охарактеризованы действия жреца во время обряда как посредника между богом и людьми, в чём Ахриев отметил влияние христианства.

В статье рассказано и о праздниках, проводившихся в Кистинском обществе и посвящавшихся громовержцу Сели, к которому ингуши относились с особым почтением: «Верования в силу Сели простираются до того, что убитого молнией считают блаженным и погребают совершенно отлично от других покойников. Оплакивать убитого молнией строго воспрещается. Ингуши верят в то, что если плакать над покойником, убитым священной стрелой, то покойнику это будет до того неприятно, что цвет трупа его изменится: из белого делается чёрным. Хоронили убитого молнией по-особому, а место, на котором убит человек или животное молниєю, служит для ингуш священным местом, куда ежегодно отправляются с жертвоприношениями» [Ахриев, 1871, ССКГ, V, отд. III: 15].

Завершая статью «Ингушевские праздники», Чах Ахриев подчеркнул: «Описанные мною праздники чтутся ингушами, живущими в горах, и только у них праздники эти имеют всю силу святости; но для тех ингуш, которые живут на плоскости, они потеряли всякое значение. <...> Однако и горские ингуши не остались совсем чужды религий Мухаммеда: между ними привились многие понятия ислама» [Там же: 15-16].

Существенно дополняют характеристику языческих представлений ингушей, их этнографических и бытовых реалий приведение их названий на языке оригинала: «святой» – «*ерда*» (по-чеченски), или, как называют его ингуши, «*ццу*» [там же: 2]; «гадание это известно под названием *кач-тох*, т. е. бросание жребия святыми [там же: 4] «*джара* – жертвоприношение» [там же: 10] и многие другие.

Серьёзный вклад в изучение разных сторон жизни, нравов и обычаев разных народов Северного Кавказа, в том числе ингушей, внёс известный кавказский юрист Н.Ф. Грабовский (1842-1904), занимавший на Северном Кавказе

в конце XIX в. ряд высоких должностей: «...в 1878 г. судебный следователь Кабардинского округа (в Нальчике), в 1882 г. участковый мировой судья Владикавказского округа (в Прохладной), в конце 80-х годов (XIX в. – А. А.) участковый мировой судья г. Владикавказа и неперменный член съезда мировых судей г. Владикавказа, в середине 90-х гг. частный поверенный во Владикавказе» [Косвен, 1962: 267-268]. Н.Ф. Грабовский по долгу службы прекрасно знал и обычное право кавказских горцев, и российское судебное законодательство на Кавказе, и практику горских народных судов, но главное – он стремился понять характер кавказских горцев, среди которых ему довелось многие годы жить и работать.

В 1868-1876 гг. Н.Ф. Грабовский опубликовал три основательные исследования, посвящённые этнографии ингушского народа: «Горский участок Ингушевского округа в 1865 году» [Грабовский, 1868, № 21-26], «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа» [Грабовский, 1870: 1-27] и «Ингуши (Их жизнь и обычаи)» [Грабовский, 1876: 1-110]. Поскольку материалы первой статьи в значительной мере были использованы автором в двух следующих его статьях, остановимся на их характеристике.

В статье «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа» убедительно охарактеризована жизнь горных ингушей в условиях постоянной нехватки земли, удобной не только для расположения их аулов, для занятий хлебопашеством и скотоводством, но даже для устройства кладбищ (именно этим исследователь объяснил строительство у ингушей наземных могильных склепов – кашей) [Грабовский, 1870: 1-15].

Нехваткой земли, по мнению учёного, были обусловлены и особенности расселения ингушей в горах, и размеры их жилищ, и экономические сложности, сопровождавшие их жизнь и быт. Но даже самый бедный ингуш имел, как всякий горец, специальное помещение для гостя – кунацкую, обустроенную в соответствии с его материальными возможностями, и свято выполнял обычай гостеприимства.

Н.Ф. Грабовский не ограничился чётким описанием «экономического и домашнего быта» горных ингушей – традиционного разделения обязанностей в семье между мужчинами и женщинами, но и охарактеризовал важные правила, по которым строилась жизнь этого народа. Он особо подчеркнул отсутствие «сословных подразделений» в ингушском обществе и обусловленную этим большую свободу ингушской женщины, на которую всё равно приходилось, как было сказано выше, большая доля работы в семье – и в доме, и в поле.

С достаточной полнотой учёным охарактеризованы религиозные верования ингушей, в которых причудливо сочетались мусульманские, христианские и языческие обряды, причём последние сохранялись особенно отчётливо: «...в 1865 году, – по свидетельству исследователя, – можно было видеть тех людей, на которых лежала роль жрецов различных церемоний» [Грабовский, 1870: 16].

Н.Ф. Грабовский не только назвал «священные места» у разных ингушских обществ – джераховцев, кистинцев, галгаевцев, но и достаточно точно описал празднества, которые они в этих местах устраивали [там же: 17-19].

Наряду с характеристикой языческих праздников Грабовский описал и обряды, сопровождавшие важнейшие этапы человеческой жизни – рождение, свадьбу и похороны.

В отличие от Чаха Ахриева, Н.Ф. Грабовский не заметил разницы в семейных обрядах горных и плоскостных ингушей, в частности, в их похоронных обрядах, которые он охарактеризовал «как совершенно одинаковые» [там же: 19-21]. Возможно, этим и было продиктовано решение редакции «Сборника сведений о кавказских горцах» опубликовать в приложении к этой статье Н. Ф. Грабовского статью Чаха Ахриева «Похороны и поминки у горцев», о которой было сказано выше.

Н.Ф. Грабовскому принадлежит первое в российском кавказоведении описание ингушских башен, которым и начинается, и завершается статья «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа» [Грабовский, 1870: 2, 27]. В этом описании органично сочетается высокая поэзия в представлении этих «пирамидальных башен, стройно возвышающихся одна над другою <...> Выглядывая из руин и уцелевших каменных построек, башни эти представляют весьма привлекательную группу, увлекающую зрителя в мир фантазии» [Грабовский, 1870: 2] с подробным рассказом о том, как искусно сложены эти чрезвычайно прочные строения, предназначавшиеся прежде всего «для оборонительных целей» и строившиеся всегда на самых неприступных возвышенностях...» [там же: 27].

Особое место в научном наследии Н.Ф. Грабовского занимает статья с неброским названием «Ингуши (их жизнь и обычаи)» [Грабовский, 1876: 1-111]. В ней впервые в российском кавказоведении была дана краткая, но исчерпывающая характеристика исторических судеб ингушского народа, в состав которого вошли потомки джераховцев, галгаевцев, кистов и других горских обществ, выселившихся с гор на территорию Терской долины, по-ингушски называвшейся «Ангушт», их стали называть *ингушами* [Грабовский, 1876: 21-24].

Н.Ф. Грабовский подчеркнул родство ингушей с чеченцами, с которыми они «...одного племени» – их объединяет родство языка, близкое территориальное соседство «по месту первоначального жительства» в горах, сходство в обычаях [там же: 24-25].

В то же время исследователь одним из первых в российском кавказоведении охарактеризовал разницу исторических судеб этих двух народов: в 1769 г. ингуши – по «их просьбе» – были приняты в подданство России, не покорились власти Шамиля и даже противостояли ему и долго сохраняли в своей памяти языческие и христианские представления; только после «замирения» Чечни в 1859 г. среди ингушей стал распространяться ислам. Но и после его утверждения ингуши ещё «...продолжают почитать воскресный день почти наравне с пятницею и признают за праздник Светло-Христово Воскресенье, хотя уже ничем не чувствуют этого праздника» [Грабовский, 1876: 25], и главным для них праздником остаётся общий магометанский праздник байрам.

Как и в статье «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа», и здесь Н.Ф. Грабовский подчеркнул, что на равнине,

как и в горах, ингуши страдали от малоземелья, не позволявшего в полной мере заниматься ни хлебопашеством, ни скотоводством.

Далее исследователь с достаточной полнотой охарактеризовал «общественное устройство у ингушей, у которых не было никаких сословных подразделений» [Грабовский, 1876: 25], – они делились на фамилии, причём более многочисленные из них пользовались особым уважением – к ним присоединялись небольшие фамилии, и создавалось своеобразное «фамильное братство» [там же: 37].

Достаточно подробно Н.Ф. Грабовский описал быт ингушей – двор, дом, его обстановку, одежду мужчин и женщин, специальное помещение для гостей – кунацкую [там же: 37-41].

Детально охарактеризованы семейные отношения ингушей – выбор невесты, все этапы свадебного обряда, отношения супругов, обязанности женщины в семье, многожёнство, право женщины на развод, измена одного из супругов, похищение женщин и девушек-невест. Подробно описаны отношения к детям, начиная с их рождения.

Многолетний опыт судебной практики, которой Н.Ф. Грабовский занимался ряд лет на Кавказе, позволил ему наглядно и вместе с тем аргументированно охарактеризовать многие обычаи ингушей, с которыми ему приходилось сталкиваться при разборе кровных, исковых, брачных «и других дел» [Грабовский, 1876: 71-111]. Особенно подробно в исследовании Н.Ф. Грабовского описаны обычаи ингушей, сопровождавшие кровную месть (вплоть до примирения кровников), решение вопросов о плате за нанесённые раны, за похищение или истребление чужой собственности, решение вопросов о наследстве.

В этой части исследование Н.Ф. Грабовского «Ингуши (их жизнь и обычаи)» может рассматриваться как квалифицированный и детальный комментарий компетентного знатока адатов народов Северного Кавказа к «Краткому описанию обычаев, существующих между туземцами Ингушевского округа, 60-х годов». Оно было опубликовано в 1883 г. проф. Ф.И. Леонтовичем в фундаментальном издании «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» [Леонтович, 1883, II: 148-184].

Проф. И.О. Косвену, чётко воссоздавшему историю фиксации и изучения материалов по обычному праву – адатов народов Северного Кавказа представителями российской науки в XIX в. [Косвен, 1955: 340-355], к сожалению, не удалось установить «ни обстоятельства, ни имена» составителей ряда сборников адатов народов Дагестана и Терской области, в том числе «Краткого описания обычаев, существующих между туземцами Ингушевского округа, 60-х годов», составленного в 1864-1865 гг. офицерами, служившими на Кавказе и представившими их в штаб Кавказской армии [Косвен, 1958: 245].

Адаты ингушей записывались ими уже после окончания Кавказской войны – вероятно, этим и можно объяснить, что собирателям удалось зафиксировать только *часть* ингушских адатов – прежде всего связанных с разбором спорных вопросов, которые приходилось решать чаще всего в суде (убийство, нанесение человеку ран; брак (увоз или изнасилование девушки, нарушение

супружеской верности, развод); порядок наследования; воровство, поджог, подрезание жил у скота и др.).

В конце XIX – начале XX вв. изучение разных народов Северного Кавказа, в том числе ингушей, в российской науке значительно активизировалось. Этому, несомненно, способствовало проведение Императорским Московским археологическим обществом в сентябре 1881 г. V Археологического съезда в Тифлисе [Алиева, 2017: 41-74]. По общему признанию, этот съезд не только способствовал активизации исследований истории, языков, археологии, этнографии, фольклора, традиционной культуры разных народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв., но и во многом определил направление исследований этого региона в XX в. по Кавказу с целью изучения сохранившихся здесь памятников христианства.

В июне 1886 г. профессор В.Ф. Миллер (1848-1913) – исследователь языков, истории, археологии, этнографии, религии, эпиграфики, фольклора ряда народов Северного Кавказа, один из активных организаторов Археологического съезда – провёл экспедицию в Чечне.

Результаты её работы были подробно охарактеризованы в основательном исследовании В.Ф. Миллера «Археологические наблюдения в области чеченцев» [Миллер, 1888: 1-42] и в ряде публикаций его «добровольца-помощника» Н.Н. Харузина (1865-1900) – будущего известного русского историка, археолога, этнографа, а в 1886 г. студента юридического факультета [Харузин, 1886; Харузин, 1888 а: 115-142; Харузин, 1888 б: 482-530].

В.Ф. Миллер и Н.Н. Харузин записали тексты трёх ингушских сказок в ингушском ауле Цори, и они также были опубликованы [Сказки, записанные в ингушском ауле Цори: 149-157].

Член Географического отделения Общества любителей естествознания, археологии и этнографии В.Н. Акимов, также работавший в экспедиции В.Ф. Миллера, опубликовал статью «Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей» [Акимов, 1888: 143-149].

Хотя статья В.Ф. Миллера названа «Археологические наблюдения в области чеченцев» (как и многие другие кавказоведы XIX в., этот учёный обозначал словом «чеченские» *всю совокупность* чеченских обществ), он уже в самом её начале чётко охарактеризовал места Чечни, в которых проводил свои исследования. Это была «...не вся обширная территория, населённая чеченцами, а западная и южная часть её, именно пространство между Сунжей на севере, Аргуном и его притоком Чанты-Аргуном на востоке и юге и Терекком на западе. Главное внимание было обращено на южную, горную часть этого пространства, в виду того, что она особенно богата памятниками старины» [Миллер, 1888: 1].

В примечании к этому абзацу В.Ф. Миллер детально охарактеризовал маршрут своей экспедиции: «Из Владикавказа чрез станицы Назрановскую, Алхан-Юртовскую, Карабулакскую, Слепцовскую, Михайловскую, Самашинскую, Закан-Юртовскую, Алхан-Юртовскую, в крепость Грозную; отсюда на юг чрез укрепление Воздвиженское и Аргунское в укрепление Шатоевское;

отсюда на юго-запад чрез аулы Нихалой, Барзой, Мазарой в общество Нашхой, в аул Хайбах; отсюда на юго-запад в аул Галанчодж и далее на юг в аул Vogti; отсюда на юго-запад южнее хребта Цоройлам в аулы Цоринского общества; отсюда чрез аулы Нью, Пеленг, аул Хайрых в Галгае; отсюда чрез аулы Хамхи, Таргин, Карт, Хули, Агенты, Арзи в аул Койрах; отсюда на северо-запад чрез Мецхали в аул Фортоуг и затем на север по правому берегу Терека мимо Джераховского укрепления и станции Балты во Владикавказ» [Миллер, 1888: 1-2].

Как видим, экспедиция В.Ф. Миллера работала в местах проживания *ингушей*, и главной её целью, как уже говорилось, «...было изыскание следов древнего христианства, которое некогда, под влиянием Грузии, было распространено в некоторых местностях Чечни» [там же].

Экспедиция имела целью выявление и исследование таких памятников старины, как: «1) Остатки древних христианских церквей, 2) Башни, встречающиеся в значительном числе почти во всех горных чеченских аулах; 3) Могильники с могильными памятниками разных типов, и 4) Памятные столбы, сооружаемые при дорогах» [Миллер, 1888: 1-2].

В.Ф. Миллер пытался отыскать и христианские обряды, сохранившиеся у ингушей, и убедился, что они «...сохранились ещё кое-где в захолустных местах в виде глухих и искажённых отголосков, исчезающих всё более и более под влиянием мусульманского духовенства» [там же].

Учёный подробно описал обряды, совершаемые ингушами в местах, «некогда освященных христианством» – у остатков христианских храмов близ аула Арзи Мецхальского общества (ингуши называли их «Амгали», «Тушоли», «Галиерды», «Албиерды») – их руины В.Ф. Миллер не только подробно описал, но и привёл план некоторых из них (святыищ Тушоли, Галиерды и Албиерды) [Миллер, 1888: 1-2].

О распространении среди ингушей христианства свидетельствовали, по мнению учёного, и кресты, как правило, не сохранившиеся, но высеченные на башнях или плитах, или описанные в работах европейских или русских путешественников XVIII – начала XIX вв.

От «...скудных и одиночно стоящих памятников христианской старины» [там же: 8] В.Ф. Миллер перешёл «...к одному из самых замечательных христианских сооружений, к древнему храму, известному у ингушей под именем Тхаба-ерды, т. е. *2 тысячи святых*» [там же: 8-9].

Даже в научном отчёте об археологической экспедиции В.Ф. Миллер особо подчеркнул красоту места, выбранного для строительства этого христианского храма: «Местность для построения этого храма была выбрана чрезвычайно удачно. Это небольшая равнина, в которой сходятся несколько горных долин, образуемых рекою Асси и её мелкими притоками. С одной стороны равнины возвышаются горы, покрытые до низу густым лесом, с другой, – её замыкают высокие утёсы причудливой формы. С пригорка, на котором расположена церковь и окружающий её могильник, открывается чудный вид во все стороны и виднеются башни аулов Хамхи и Таргана, стоящих при реке Ассе» [там же].

Пожалуй, ни один исследователь Ингушетии не упустил возможности с разной степенью полноты описать этот памятник христианства. Но только В.Ф. Миллер исследовал и охарактеризовал его так внимательно и подробно – его размеры, кладку стен, внутреннее устройство здания, его пол, двери, окна, барельефы, крышу, пристройки к храму.

Учёный достаточно детально описал и обряды, совершавшиеся в нём, подтверждавшие, что это был именно христианский храм – «приходская церковь окрестных аулов» [Миллер, 1888: 15].

Этот вывод учёного подтвердило и внимательное его исследование надписей, находившихся на западной стороне над барельефами, а с помощью известного знатока грузинской эпиграфики члена-корреспондента Петербургской академии наук Д.З. Бакрадзе, В.Ф. Миллер попытался определить и время постройки этого памятника [там же: 17-18].

Значительное внимание уделил В.Ф. Миллер характеристике ингушских «кашей» – могил, – надземных и подземных, а также «памятных столбов» разного типа – от высоких и узких каменных плит, до «самого простого способа увековечения умерших – небольших пирамидок из камней [там же: 35-36].

Как и все другие исследователи памятников ингушской истории, В.Ф. Миллер уделил специальное внимание «...высоким каменным башням, которые, как молчаливые свидетели прежних бурных времён, возвышаются почти в каждом древнем ауле. Эти массивные сооружения, живо напоминающие средневековые рыцарские замки берегов Рейна, встречались нам беспрестанно на пути от Шатоя на запад до Джераха» [там же]. Учёный подробно описал разные типы ингушских башен в аулах Хайбах, Галанчодж, Нью, Пеленг, Ирбит и др., подчеркнув, что они строились в самых неприступных горах [там же: 37].

Все характеристики христианских памятников в Ингушетии подкрепляет пересказ содержания разнообразных ингушских преданий, впервые в ингушеведении зафиксированных и опубликованных В.Ф. Миллером [Миллер, 1888: 8, 12, 13, 22-23, 37, 38, 41]; вместе с тем учёный ссылается и на предания, впервые опубликованные А.П. Берже и У. Лаудаевым.

Кроме преданий, во время экспедиции 1886 г. в Ингушетию В.Ф. Миллер фиксировал и сказочные тексты. Подтверждение тому – публикация «Сказки, записанные в ингушском ауле Цори» [Сказки... в Цори, 1888: 149-157].

Она включает тексты трёх ингушских сказок (без названия). К сожалению, указано только место записи текстов – ингушский аул Цори и имена записавших: «Две первые сказки записаны Н.Н. Харузиным, третья – В.Ф. Миллером» [там же: 149]. Имена исполнителей сказок и переводчиков на русский язык их текстов не названы. Однако не приходится сомневаться, что оба собирателя зафиксировали тексты ингушских сказок с помощью природных ингушей, помогавших им во время работы экспедиции в Ингушетии.

Третья часть путевого очерка Н.Н. Харузина «По горам Северного Кавказа», посвящённая описанию путешествия членов археологической экспедиции В.Ф. Миллера по трём ингушским аулам – Цори, Хайраку и Койраку [Харузин, 1888 в: 513-530].

В небольшом по объёму путевом очерке Н.Н. Харузин зримо представил общий вид ингушского аула:

«Масса башен самых разнообразных: шатровидные крыши высоких башен – могил делают его похожим на средневековый город; башни лепятся друг к другу, как бы стараясь превзойти одна другую своей вышиной» [Харузин, 1888 г: 513-514].

В то же время Н.Н. Харузин исчерпывающе обрисовал ингушские жилища, вид которых зримо свидетельствовал о переменах в жизни горцев Северного Кавказа. Так, в ауле Цори путешественники остановились в доме родителей невесты их проводника, похожем «...на настоящую крепость. Представьте себе большой четырёхугольный двор, вымощенный огромными плитами, обнесённый высокой каменной стеной; невысокие ворота соединяют двор с дорогой; слева, у самых ворот – кунацкая, за нею башня, в нижнем этаже которой помещается семья; узкая каменная лестница со ступеньками шириной в 2-2½ вершка ведёт наверх. Там тоже огромная жилая комната; из этой комнаты дверь ведёт на галерею, пристроенную ко второму этажу хозяйского дома» [там же: 514].

По-иному выглядел дом самого проводника в ингушском ауле Койрах – в нём «чувствовалось влияние городской культуры: «<...> Низкие треугольные столики, употребляемые повсюду в Чечне и у ингушей, были заменены нашими обыкновенными столами. Окна в комнату не запирались <...> одностворной ставней; в них были вставлены стекла. <...> Народная пандырь² заменялась русской гармоникой, к столу Саадула достал вилки и ножи» [Харузин, 1888 г: 526-527].

Но главное место в очерке занимает лапидарное, но чёткое описание обычаев ингушей. Прежде всего, почитания памяти предков – у их могил ингуши приносили присягу, которая должна была служить оправданием подозреваемому, а также обычая гостеприимства (Н.Н. Харузин особо выделил право гостя получить в дар любую вещь из хозяйского дома, приглянувшуюся ему), обычая многоженства, пришедший с мусульманством [там же: 516].

Особое внимание уделил Н.Н. Харузин описанию религиозных представлений ингушей, в которых были органично контаминированы языческие, христианские и мусульманские верования даже после того, как Шамиль «...старался всеми силами водворить в их среде магометанство» [там же: 516].

Как и другие путешественники по Ингушетии, Н.Н. Харузин не мог не остановиться на хотя бы кратком описании развалин храма Табай-Эрды [там же: 526], который, как было сказано выше, так подробно исследовал и описал В.Ф. Миллер.

Невозможно не упомянуть и многочисленные поэтические картины природы Ингушетии, которые открывались сотрудникам экспедиции по дороге от одного ингушского аула к другому.

² См. примечание к тексту «Шестьдесят орхустойцев и Цазик»: «Просим читателей сравнить эту сказку-загадку с осетинским анекдотом, озаглавленным “Бычья лопатка”» [Ахриев, 1871, ССКГ, V: 42].

По территории других, чем экспедиция В.Ф. Миллера, ингушских обществ – Ингушского и Кистинского – путешествовал летом 1897 г. Карл Фон Ган (С. Hahn, 1848-1925) – Карл Фёдорович Ган, как называли его коллеги и ученики в целом ряде тифлиских учебных заведений, где он работал с 1872 г. и до конца своих дней, навсегда связав свою судьбу с Кавказом, куда приехал из Германии [Меликсет-Бек, 1926: 142-145; Косвен, 1962: 217-218; Сатидзе, 2008: 169-170].

В Тифлисе К.Ф. Ган не только преподавал в учебных заведениях немецкий, латынь и греческий, но и был деятельным сотрудником первых «учёных обществ» на Кавказе – Кавказского отдела Русского географического общества, Общества любителей кавказской археологии, Кавказского отделения Московского археологического общества.

Не менее активно К.Ф. Ган занимался исследованием Кавказа. Превосходное владение латинским и древнегреческим языками во многом определило его интерес к истории кавказоведения на самых ранних этапах его истории. Вскоре после переезда в Тифлис – в 1881 г. – он опубликовал первый перевод на русский язык сочинений античных писателей о Кавказе [Ган, 1881: 18-44], за которым увидел свет ряд других изданий этого его основательного труда [Ган, 1884: 1-248; Ган, 1890: 1-213; Ган, 1913: 1-232].

К.Ф. Гана привлекала не только история кавказоведения, но и исследование быта, нравов и обычаев, религиозных представлений разных народов Кавказа, среди которых проходила его жизнь.

С 1888 г. учёный регулярно проводил экспедиции по разным регионам Кавказа – Кахетии, Мингрелии, Хевсуретии, Абхазии, Дагестану, Чечне, и своеобразные «отчёты» о них – свои путевые очерки – он публиковал не только в разных изданиях в России (в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества», в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа», в «Известиях Кавказского отделения Московского археологического общества», в «Кавказском вестнике»), но и в Германии, и таким образом способствовал знакомству европейских читателей с народами Кавказа [Косвен, 1962: 217-218].

В 1900 г. в шестом выпуске журнала «Кавказский вестник» была напечатана завершающая часть путевого очерка К.Ф. Гана «Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей» (летом 1897 г.) [Ган, 1900: 62-77]. Она была посвящена – как явствует из её названия – двум ингушским обществам – ингушскому и кистинскому.

Как и другие авторы второй половины XIX в., писавшие о народах Кавказа, К.Ф. Ган основательно изучил публикации, посвящённые разным чеченским обществам, прежде всего – работы А.П. Берже и Чаха Ахриева об ингушах. То обстоятельство, что К.Ф. Ган издавал свои сочинения о народах Кавказа не только в России, но и в Германии, возможно, обусловило и ту особенность его очерка, что своим этнографическим наблюдениям он предпослал несколько «Общих замечаний о чеченцах и Чечне» [Ган, 1900: 63].

С немецкой тщательностью К.Ф. Ган не ограничился «несколькими общими замечаниями», а достаточно подробно охарактеризовал историю разных чеченских обществ, в том числе ингушских, места их расселения, их историю, нравы и обычаи – т. е. достаточно подробно пересказал содержание работ А.П. Берже и Чаха Ахриева, а затем кратко описал некоторые обычаи кистинцев.

Не избежал К.Ф. Ган соблазна подробно охарактеризовать и руины храма Тхаба-Эрда, который, как мы уже видели, вызывали большой интерес и восхищение у всех путешественников и исследователей, проезжавших по территории ингушских обществ, начиная со второй половины XVIII в.

Наконец, в отличие от других авторов второй половины XIX – начала XX вв., нередко отмечавших «склонность ингушей» к «хищническим набегам даже на соседей», К.Ф. Ган объяснял её сложными условиями их жизни в горах, в частности, нехваткой земли, пригодной для развития хлебопашества и скотоводства – т. е. объективными условиями, в которых этому народу приходилось существовать на протяжении веков.

Как видим, К.Ф. Ган, как и другие исследователи истории этнографии, быта и нравов горцев Северного Кавказа, в том числе ингушей, публиковавшие свои работы в российских научных изданиях второй половины XIX – начала XX вв., опирался либо на исследования предшественников, либо на произведения ингушского фольклора (уже опубликованные или ими же записанные).

Продолжил эту традицию и исследователь родового быта, обычного права, этнографии, религиозных верований и фольклора народов Дагестана, чеченцев и ингушей Б.К. Далгат (1870-1934), уже во время учёбы в Петербургском университете – в 1892 и 1893 гг. опубликовавший работы, сразу обратившие на него внимание кавказоведов.

Судьба этого одарённого исследователя отвела ему немного времени на научные исследования. В основном он занимался ими либо во время школьных каникул в 1888 г., когда учился в Ставропольской гимназии и сумел собрать коллекцию даргинских («цудахарских») песен [Далгат Б.К., 1892: 9-72], либо во время студенческих каникул во время учёбы в университете.

В 1891-1892 гг. Б.К. Далгат, командированный Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии на Северный Кавказ, конкретно – в места компактного проживания ингушей в Мецхальском обществе Терской области, собрал не только ответы на вопросы различных «Программ» для изучения народов Кавказа, но и материалы для исследования первобытной религии ингушей, их родового быта и обычного права, и первую репрезентативную коллекцию образцов разных жанров ингушского фольклора.

Материалы, собранные Б.К. Далгатом во время экспедиций 1891-1892 гг., и легли в основу его работ, вписавших его имя в историю российского академического кавказоведения рубежа XIX – начала XX вв. Это монография «Первобытная религия чеченцев» [Далгат Б.К., 1893: 41-132] и рукопись исследования «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей», которые в 1895 г. он успешно защитил в Петербургском университете в качестве ди-

пломной работы [Далгат У.Б., 2008: 14], и публикация образцов ингушского фольклора в журнале «Этнографическое обозрение» в 1901 г. [Далгат Б.К., 1901: 35-85].

После 1917 г. Б.К. Далгат принимал самое активное участие в строительстве новой жизни на Кавказе, выполняя разные важные поручения «на государственном уровне» [Далгат У.Б., 2004: 9-11], и старался сочетать их выполнение с работой в Дагестанском научно-исследовательском институте, где выступал с научными докладами и опубликовал некоторые главы своего дипломного исследования «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей» [Далгат Б.К., 1930: 301-364; Далгат Б.К., 1934: 365-411].

После кончины Б.К. Далгата в 1934 г. его рукописи перешли к его дочери – упоминавшейся выше известному фольклористу-кавказоведу У.Б. Далгат, которая в 2004 г. подготовила и опубликовала второе издание работы своего отца «Первобытная религия чеченцев» по его авторской рукописи, хранящейся в её архиве [Далгат Б.К., 2004], поскольку опубликованный в 1893 г. в «Терском сборнике» текст этой работы был значительно сокращён. В 2008 г. У.Б. Далгат издала полный текст и второй дипломной работы Б.К. Далгата – «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей» (также по авторской рукописи, хранящейся в её архиве) [Далгат Б.К., 2008].

Во «Введении» ко второму изданию исследования Б.К. Далгата «Первобытная религия чеченцев» У.Б. Далгат подробно охарактеризовала не только жизненный путь своего отца [Далгат У.Б., 2004: 3-24], но и историю создания этого труда, содержание его основных глав («Христианство и магометанство в Чечне», «Представления чеченцев о загробном мире, душе и духах», «Боги природы. Культ предков у чеченцев», «Боги природы и вселенной») и включённые в него фольклорные тексты: различные предания, сказания, мифы, легенды, молитвы, проклятия, заклинания, клятвы, поверья, обрядовые песни и плачи, былички, мемораты, колядки, сновидения, архаические сказки» [там же: 19], которые «...приводятся не только ради иллюстрации прекрасных образцов неподдельной поэзии чеченцев и ингушей. Он и важен для автора в связи с изучением их первобытной религии» [там же: 19-23].

Подробная характеристика исследования Б.К. Далгата «Первобытная религия чеченцев», данная У. Б. Далгат, позволяет нам не останавливаться на ней и адресовать читателя данного издания к публикации 2004 г.

Охарактеризуем более подробно публикацию текстов ингушского фольклора, зафиксированных, как было сказано выше, Б.К. Далгатом в 1892 г. и опубликованных в 1901 г. в журнале «Этнографическое обозрение» [Далгат Б.К., 1901: 35-85]. Заметим, что это была *первая* в российской кавказской фольклористике – после публикаций Чаха Ахриева – такая полная подборка текстов ингушского фольклора, но не первая в списке работ молодого кавказоведа.

Выше уже была кратко упомянута изданная Б.К. Далгатом в 1892 г. в XIV выпуске знаменитого кавказского серийного издания «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа» коллекция даргинских («судахарских») песен, записанных им в 1888 г. на даргинском языке, с русским под-

строчным и литературным переводом, лингвистическим и фольклористическим исследованиями [Далгат Б.К., 1892: 9-72].

Тексты ингушского фольклора, изданные в 1901 г., Б.К. Далгат записывал, по его собственному свидетельству, в том же 1892 году, когда публикация даргинского фольклора уже была «в производстве» и молодому учёному были хорошо известны правила фиксации текстов фольклора горских народов Кавказа на языке оригинала.

Во «Введении» к работе «Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей» Б.К. Далгат кратко охарактеризовал упоминавшуюся выше свою экспедицию 1892 г., в которую его направило Отделение этнографии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, во время которой он не только собирал ответы на вопросы по юридической программе Императорского географического общества, но и «...записал довольно много преданий ингушей, частью изданных мною в «Этнографическом обозрении за 1901 год под названием «Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса» [Далгат Б.К., 2008: 39].

Поскольку в «Этнографическом обозрении» тексты фольклора кавказских горцев публиковались *только* в русском переводе, образцы ингушского фольклора, зафиксированные Б.К. Далгатом, также были изданы без текстов на языке оригинала.

Несмотря на это, у нас есть все основания рассматривать эту публикацию текстов ингушского фольклора Б.К. Далгата как научную. Гарантией тому – не только исключительная компетентность информаторов Б.К. Далгата, от которых он записывал образцы ингушского фольклора, но и его отличное знание правил записи произведений фольклора, которых он строго придерживался одним из первых среди исследователей фольклора кавказских горцев.

Прежде всего, все фольклорные тексты, представленные в публикации «Страничка из Северо-Кавказского богатырского эпоса...», сопровождается «научная документация» – сведения об исполнителях текстов, месте их записи, указание, что текст зафиксирован и публикуется впервые или уже известен по другим публикациям.

Но самое главное достоинство этой публикации Б.К. Далгата – то, что в ней впервые в истории не только ингушской, но и фольклористики всего Северного Кавказа представлена *совокупность* текстов разных жанров ингушского фольклора – не только произведения «северокавказского богатырского эпоса», как обозначено в заглавии, но ещё и мифологические, и исторические, и другие предания.

Поскольку изучение фольклора горцев Северного Кавказа во второй половине XIX в., когда им занимался студент Петербургского университета Б.К. Далгат, только начиналось, необходимо особо подчеркнуть его прекрасную подготовку к работе по фиксации, публикации, исследованию горского фольклора.

Она выразилась, прежде всего, в том, что произведения ингушского фольклора, записанные Б.К. Далгатом, во-первых, систематизированы и очень точно сгруппированы по жанрам: I. «Сказания о нартах», II. «Сказания о великанах» («вамполож»), III. «Предания о героях и богатырях».

Во-вторых, каждый фольклорный текст сопровождают разнообразные примечания. Прежде всего – «паспортные данные» об его исполнителе – имя, место его проживания, иногда – «родство» с фольклорными персонажами, о которых говорится в тексте [Далгат Б.К., 1901: 57]; иногда подчёркивается, что Б.К. Далгат долго искал знатока того или другого произведения фольклора и наконец нашёл его [там же: 52]. Он был первым среди исследователей фольклора кавказских горцев, который привёл разнообразные сведения об его исполнителях.

Б.К. Далгат сопровождал публикацию фольклорных текстов и другими комментариями, в которых пояснялось значение имён фольклорных персонажей и названий мест, где происходит действие; были кратко охарактеризованы обычаи ингушей (гостеприимства, устраивать поминки по умершим, установления «молочного» или «присяжного» родства (или дружбы) и др.; их мифологические представления; в комментарии локализуется место действия не только исторических, но и богатырских (нартских) сказаний и т. д.

Краткие, но ёмкие пояснения Б.К. Далгата к фольклорным текстам позволяют читателю составить более полное и чёткое представление об их содержании.

Кроме примечаний, каждый цикл фольклорных текстов сопровождают исследования разной степени полноты: более краткие – к «Сказаниям о великанах», более подробные – к «Сказаниям о нартах». Все они основываются на внимательнейшем изучении не только текстов фольклора разных народов Северного Кавказа, опубликованных к тому времени, когда готовилась эта публикация работы Б.К. Далгата, но и посвящённых им исследований. Б.К. Далгат продемонстрировал не только прекрасное знание работ исследователей северокавказского фольклора (прежде всего – В.Ф. Миллера), но и попытался подтвердить концепцию своего учителя, высказавшего, например, интересную гипотезу о кавказских сказаниях о героях, прикованных к горам, новыми записями ингушских сказаний, Миллеру ещё не известных.

Более настойчиво, чем В.Ф. Миллер, Б.К. Далгат акцентировал внимание на «затухании» нартского эпоса в конце XIX в., в частности, у чеченцев и ингушей: «Нартовские сказания на Кавказе, как известно, находятся в периоде вымирания. Что касается непосредственно чеченцев, то вымирание сказаний у них мы можем констатировать лично. Молодёжь не знает их вовсе. Из стариков – только немногие; как быстро идёт забвение их, можно судить из того, что расспрашиваемые нами оба старика – Газбык и Ганыж (первому 100-110 лет, а второму – 60 лет), одни из лучших знатоков народных обычаев и преданий среди ингушей, при всей готовности их удовлетворить нашей просьбе, могли сообщить лишь те немногие отрывочные рассказы о нартах, которые мы целиком приводим в настоящей статье» [Далгат Б.К., 1901: 78].

Хорошо знакомый с публикациями образцов фольклора разных народов Северного Кавказа, в том числе нартского эпоса, Б.К. Далгат понимал, что «затухание» нартского эпоса происходит в фольклоре не только чеченцев и ингушей, но и всех других народов Северного Кавказа, и потому особо подчеркнул необходимость их скорейшей фиксации как выдающегося памятника героическо-

го эпоса кавказских горцев: «...если любители кавказской этнографии и сами кавказские горцы теперь же не возьмутся спасти нартовские сказания, то все они в недалёком будущем канут в безжалостную Лету: Кавказ и Европа лишатся раз навсегда одной из лучших эпических поэм, когда-либо существовавших у юных народов и сохранившихся лишь у немногих счастливых, как у древних греков «Илиада» и «Одиссея», у германцев – «Нибелунги», у финнов – «Калевала», у персов – «Шах-наме», у индусов – «Магабгарата», у кавказцев – «Нартиада» [там же: 85].

Представления о жанровом разнообразии ингушского фольклора, как он бытовал на рубеже XIX-XX вв., существенно дополняет коллекция образцов ингушского фольклора, собранная в 1902 г. востоковедом, кавказоведом, археологом А.Н. Греном (1862-1932) [*Жеребцов, Семёнов, Таскаев*, 2021: 84-92].

В 1886-1891 гг. А.Н. Грен служил на Кавказе – был инспектором народных училищ в Тифлисской губернии, затем в той же должности в Терской области. В эти годы он успешно занимался фиксацией, публикацией и изучением фольклора народов Кавказа – сначала сванов, затем чеченцев. В 1890 г. А.Н. Грен опубликовал образцы произведений разных жанров сванетского фольклора [*Грен*, 1890: 76-160].

Предметом особого интереса А.Н. Грена на Кавказе был чеченский язык, и он, как, впрочем, и другие русские кавказоведы XIX в., например, П.К. Услар, занялся его изучением с помощью «природного чеченца» Ибрагима Магомаева из аула Гехи. «Наставник» А.Н. Грена в свою очередь под руководством своего «ученика» занялся фиксацией и переводом на русский язык текстов чеченского фольклора. Уже после отъезда с Кавказа – в 1897 г. – А.Н. Грен опубликовал собранные и переведённые на русский язык И. Магомаевым тексты чеченского фольклора в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» [*Грен*, 1897: 1-26], сопроводив их «Лингвистическими заметками» [там же: 26-28]. В них А.Н. Грен попытался выявить родство чеченского языка с другими кавказскими языками, в частности, с аварским [там же: 24]. Для нас важно подчеркнуть, что А.Н. Грен освоил чеченский язык настолько, что – как увидим дальше – в 1902 г. даже записывал тексты ингушского фольклора на языке оригинала.

А.Н. Грен навсегда сохранил интерес к Кавказу; даже поступив сначала в Харьковский, а затем в Киевский университет и став действительным членом «Исторического общества Нестора Летописца» в Киеве, он выступал на его заседаниях с докладами, посвящёнными народам Кавказа. Так, 16 декабря 1902 г. А.Н. Грен прочитал на заседании этого общества доклад «Некоторые сведения о народном праве и словесности ингушей, кумыков и осетин», к сожалению, оставшийся неопубликованным [*Жеребцов, Семёнов, Таскаев*, 2021: 84].

В том же 1902 г. А.Н. Грен провёл археологическую экспедицию в районе Кавказских Минеральных Вод – близ Пятигорска, Железноводска и Кисловодска, и достаточно подробно охарактеризовал ход своих археологических разведок в статье, опубликованной в газете «Кавказские Минеральные Воды» [*Грен*, 1902. № 127 и 129].

Логично было ожидать, что в этой статье А.Н. Грен хотя бы вскользь упомянет о текстах ингушского фольклора, собранных им также в 1902 г.

Но первое (и единственное) упоминание о записях А.Н. Греном в 1902 г. текстов ингушского фольклора обнаружилось в трёхтомном издании «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран», где эти тексты были напечатаны во II и III томах в 1930 г. [Фольклор Азербайджана..., 1930, Ч. II: 168-187; там же, Ч. III: 196-204].

В сносках к их публикации указано, что текст «из отчёта А. Н. Грена 1902 г.» [там же, Ч. II: 168-187; там же, Ч. III: 196-204], записанный либо им самим [там же, Ч. III: 197, 198, 201, 202, 203], либо одним из его «горских сотрудников» [там же, Ч. III: 196-198].

Абсолютное большинство текстов ингушского фольклора, опубликованных в этом издании, было зафиксировано А.Н. Греном. Во II томе – это сказки: «О лисе», «О чудовище-змие», «О трех братьях», «О сыне царя», «Состязание царских сыновей», «О сыне Лешем», «Зарбаш или семиголовый минотавр», «О трех богатырях», «О Гази Мухаммеде» [там же, Ч. II: 173-187]. Одна сказка – «Триста золотых» была зафиксирована Османом Мурзабековым [там же: 168-173].

К сожалению, ни в одном случае не названо ни имя исполнителя, ни место фиксации текста, ни место его хранения в архиве Л. Г. Лопатинского – во всех случаях указано только, что текст «из материалов Л.Г. Лопатинского».

В третьем томе издания «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран» опубликованы тексты ингушских народных песен «Жалоба невесты», «Сурхо», «Плач сестры», «Алдама Гяза», записанные «студентом Рижского политехнического института Джебагиевым в 1902 г.». В комментарии к каждому песенному тексту указано: «Ингушского текста не приложено. Из отчёта А. Грена. Из материалов Л. Г. Лопатинского» [Фольклор Азербайджана..., Ч. III: 196-202] и два текста, записанных А.Н. Греном – ингушская сказка «О хитреце и рыбе», «Песня» и ингушский рассказ «Сам себя», «записанный Ушаховым» [Фольклор Азербайджана..., Ч. III: 202-204].

Важное достоинство примечаний к текстам, записанным А.Н. Греном, – указание не только имени собирателя (т. е. А.Н. Грена), но и имени исполнителя фольклорного текста и места его проживания («Сказка о хитреце и рыбе» записана «...у Долт Мурзиева из Кесхема в 1902 г.»), «Песня» записана «у Витиева из Екашева»; ингушский рассказ «Сам себя» записан «Ушаховым из сел. Базоркино», от кого – не указано. К сожалению, такие сведения, приведённые А. Н. Греном, немногочисленны.

Наконец, в комментарии к двум текстам, зафиксированным А.Н. Греном, – «О хитреце и рыбе» и «Песня» сказано: «Подлинный текст в материалах имеется» – иначе говоря, эти тексты были записаны и на ингушском языке.

Есть основания предположить, что А.Н. Грен (выше было сказано, что он учил с помощью «природного чеченца» чеченский язык) сам и записал эти два текста ингушского фольклора на языке оригинала и перевёл их на русский язык.

Возможно, А.Н. Грен провёл в 1902 г. экспедицию не только в районе Минеральных вод, но и в местах проживания ингушей. Но если об археологической экспедиции он опубликовал, как было сказано выше, информацию в газете «Кавказские Минеральные воды», то в материалах, вошедших во II и III тома издания «Фольклор Азербайджана и прилегающих стран» в примечаниях к сказочным текстам, записанным в 1902 г. А.Н. Греном и его сотрудниками от ингушских сказителей, находим только ссылку «Из отчёта А.Н. Грена 1902 г.» [Фольклор Азербайджана..., Ч. III: 202, 203, 196, 197, 198].

Ингушским фольклористам предстоит провести серьёзный поиск в архиве Л.Г. Лопатинского, хранящемся в Баку, – возможно, их ждут важные открытия, если там будет найден и текст «Отчёта А.Н. Грена 1902 г.».

Среди публикаций, посвящённых ингушам, увидевших свет в первой половине XIX века, особое место занимает статья «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях», в истории российского академического кавказоведения более полутора столетий связанная с именем ординарного академика Петербургской академии наук по историко-филологическому отделению (филология и этнография финских и кавказских народов России) Андрея Михайловича Шёгрена (1794-1855), автора первой научной грамматики осетинского языка [Алиева, 2010: 12-161].

В течение более двух лет (с 9 сентября 1835 г. по 7 января 1837 г.) А.М. Шёгрэн проводил экспедицию по Кавказу и Крыму, где занимался изучением грузинского, армянского, осетинского, кабардинского и ряда других языков народов Кавказа, а также поисками опубликованных и рукописных работ, посвящённых этим народам [там же: 41-95]. В этом ему помогали представители и высшего военного руководства, и высшего православного духовенства на Кавказе, и первые представители кавказской интеллигенции. С их помощью А.М. Шёгрэн собрал внушительную коллекцию и опубликованных, и рукописных материалов о разных народах Кавказа, и сегодня хранящихся в его архивах и в России (в Санкт-Петербурге), и в Финляндии (в Хельсинки). Одна из таких рукописных работ (вероятно, скопированная А.М. Шёгреном – он нередко делал для себя копии работ, оригиналы которых не мог получить), – «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях» [там же: 70-91] и была передана им в редакцию журнала «Маяк», где была опубликована в 1843 г. без упоминания имени автора, но в первом же примечании к ней было сказано: «Сообщено Академиком А.М. Шёгреном» [Шёгрэн, 1843: 35].

В 1846 и в 1847 гг. в знаменитой тифлисской газете «Кавказ» и в сборнике этой газеты увидела свет републикация этой статьи с чётким обозначением А.М. Шёгрена как её автора [Шёгрэн, 1846].

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. принадлежность авторства этой статьи А.М. Шёгрэну не вызывала сомнений даже у таких авторитетных кавказоведов, как А.А. Шифнер [Осетинские тексты, 1868: 25], А.П. Берже [Берже, 1879: 36], В.Ф. Миллер [Миллер, 1882: V], М.О. Косвен

[Косвен, 1955. I: 294], Г.И. Цибилов [Цибилов, 1981], Л.А. Чибилов [Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах, 1981].

В 1994 г. доктор филологических наук, профессор Т.Т. Камболов одним из первых в российском кавказоведении высказал сомнение в том, что авторство статьи «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях» принадлежит А.М. Шёгрёну и предложил исключить её из перечня трудов этого учёного [Камболов, 1994: 82-91].

Более подробные аргументы в доказательство того, что А.М. Шёгрёну не является автором статьи «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников» Т.Т. Камболов привёл в своём «Предисловии составителя» к подготовленному им изданию «Шёгрёну А.М. Осетинские исследования» [Шёгрёну, 1998], хотя и включил эту статью в свою книгу [там же: 40-68].

В том же издании, подготовленном Т.Т. Камболовым [Шёгрёну, 1998], была напечатана статья В.С. Уарзиати «Осетинские штудии академика А.М. Шёгрёна», в которой автор высказал предположение, что в основу рассматриваемого очерка о религиозных верованиях были положены материалы, с одной стороны, грузинских миссионеров, а с другой – самого Шёгрёна, записанные им в Тагаурии и переведённые к публикации на русский язык. Возможно, существовал и третий источник, ибо атрибуция инициалов «А.М.» в конце остаётся открытой [Уарзиати, 1998: 146].

Наконец, в одной из последних по времени публикаций работ ингушских исследователей – монографии М.С.-Г. Албогачиевой, посвящённой исследованию отражения этнографии и истории ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XIX вв., статья «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях» представлена как собственное исследование академика А.М. Шёгрёна, которое «... содержит интересные сведения, касающиеся религиозных верований ингушей и осетин» [Албогачиева, 2011: 21-22].

Как видим, вопрос об авторстве статьи «Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях» остаётся спорным. Тем не менее, её невозможно исключить из истории исследования ингушского фольклора. И прежде всего потому, что в основе статьи – материалы по этнографии и религиозным представлениям ингушей, зафиксированные в первой половине XIX века. А это – самая первая в истории ингушеведения фиксация религиозных представлений джерахов, кистин, галгаев, цоринцев, назрановцев или ингушей, праздников и обрядов, сопровождающих разные этапы человеческой жизни (рождение, свадьба, похороны), в которых по-разному отразились и сочетаются языческие, христианские и мусульманские обычаи.

Особо следует выделить в ней первое в ингушеведении упоминание о нартах – но не как об эпических героях, а как о первопредках народа «нарт», некогда жившего около ингушского селения Назран, останкам которых ингуши поклонялись ещё в первой половине XIX в. «...в знак того, что и теперь не совсем разуверились в их святости» [Шёгрёну, 1843, статья 1: 44].

Итак, в XIX – начале XX вв. в России были зафиксированы, опубликованы и исследованы уникальные материалы по этнографии, фольклору, религиозным верованиям ингушского народа, собранные и первыми представителями ингушской интеллигенции, и сотрудниками Петербургской академии наук, и людьми, находившимися на гражданской службе на Кавказе и с интересом и восхищением относившимися к его народам.

Литература

Агиева Л.Т. Роль русской интеллигенции в становлении ингушской науки // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (К 90-летию Ингушского научно-исследовательского института). Материалы Международной научной конференции. Г. Магас, 14-16 ноября 2016 г. Магас, 2016. С. 10-13.

Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей, записанные В. Н. Акимовым // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее / Под ред. В. Ф. Миллера. Вып. III. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. С. 143-149.

[*Акимов В.Н.*] Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей, записанные В.Н. Акимовым // Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. М.: Литера, 2020. С. 575-580.

Албогачиева М. С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX в. СПб.: Наука, 2011. 179 с.

Алиева А.И. Академик А. М. Шёгрэн – основоположник российского академического кавказоведения // Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн. Исследование. Тексты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 12-161.

Алиева А.И. Работа двух председателей Императорского Московского Археологического Общества – графа А.С. Уварова и графини П.С. Уваровой по организации и координации исследования Кавказа на рубеже XIX-XX вв. // «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX – начала XX вв. Кавказоведческое наследие А.С. и П.С. Уваровых. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 5-190.

Алиева А.И., Мунаев И.Б. Фольклор и этнография чеченцев в научных изданиях российских исследователей XIX – начала XX вв. // Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. М.: Литера, 2020. С. 8-38.

Амерханова Л.Р. Ингушское просветительство. Истоки возникновения ингушской прессы // Вестник Росс. ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Научный журнал. № 4. 2009. С. 97–108.

Ахриев Чах. Похороны и поминки у горцев. Тифлис: Тип. Гл. Упр. Наместника Кавк. 1870. Вып. III. Отд. II. С. 28-32. (Приложение к статье Н.Ф. Грабовского «Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Там же. С. 1-27.).

Ахриев Чах. Из чеченских сказаний // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В тип. Гл. Упр. Наместн. Кавк., 1870. Вып. IV. Отд. II. С. 1-20.

Ахриев Чах. Из чеченских сказаний // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В тип. Гл. Упр. Наместн. Кавк., 1871. Вып. V. Отд. II. С. 32-45.

Ахриев Чах. Сказание о канаве Темира Хромого // Терские ведомости. Владикавказ, 1871, № 13.

Ахриев Чах. Ингушские каши (могильные склепы) // Терские ведомости. Владикавказ, 1871. № 17.

Ахриев Чах. Присяга у ингушей // Терские ведомости. Владикавказ, 1871. № 20.

Ахриев Чах. Нравственное значение присяги у ингушей // Терские ведомости. Владикавказ, 1871. № 21.

Ахриев Чах. О характере ингушей // Терские ведомости. Владикавказ, 1871. № 30.

Ахриев Чах. Об ингушских женщинах // Терские ведомости. Владикавказ, 1871. № 31.

Ахриев Чах. Ингушевские праздники // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В тип. Гл. Упр. Наместн. Кавк., 1871. Вып. V. Отд. III. С. 1-16.

Ахриев Чах. Этнографический очерк ингушевского народа, с приложением его сказок и преданий // Терские ведомости. Владикавказ, 1872. № 27–35, 39, 42, 43, 45, 46; 1873. № 3, 21, 22, 25, 26.

Ахриев Чах. Этнографический очерк ингушевского народа, с приложением его сказок и преданий // Терские ведомости. Владикавказ, 1873. № 3, 21, 22, 25, 26.

Ахриев Чах. Ингуши (их предания, верования и поверья) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. Упр. Наместн. Кавк., 1875. Вып. VIII. С. 1-40. Чах Ахриев в сноске к этой публикации заметил: «Некоторые из этих преданий были напечатаны в “Терских ведомостях” 1872 г.» // ССКГ. VIII. С. 12.

Ахриев Чах. Заметки об ингушах // Сборник сведений о Терской области. Изд. Терского Обл. Стат. Комитета, под ред. и. д. Секретаря Комитета Н. Благовещенского. Владикавказ: Тип. Терск. обл. правл., 1878. I. С. 276-290.

Ахриев Ч.Э. Избранное / Сост., отв. ред., автор научн. примеч. А.У. Мальсагов. Отв. ред. Л.М. Оздоева. Назрань: б/и., 2000. 147 с.

Берже А.П. Чечня и чеченцы // Кавказский календарь на 1860. Тифлис, 1859. С. 1-140 [I-VII].

Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. Сост. А.А. Берже. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1879. 36 с.

Ган К.Ф. Краткие известия древних писателей о Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1881. Вып. I. Отд. 1. С. 18-44.

Ган К.Ф. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. От Гомера до VI столетия по Р. Х // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1884. Вып. IV. Отд. I. С. 1-248.

Ган К.Ф. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Византийские писатели. Лазика и Иберия // Сборник материалов для описания

местностей и племён Кавказа. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1890. Вып. IX. Отд. I. С. 1-213.

Ган К.Ф. Путешествие в страну пшавов, хевсур, кистин и ингушей (летом 1897 г.) (окончание) // Кавказский вестник. Ежемесячный научно-литературный журнал. Год первый. Тифлис, 1900. № 6, июнь. С. 62-77.

Ган К.Ф. Описание Колхиды Ламберти в пер. К. Ф. Гана с предисловием от автора и картой, I-IV // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Гл. Упр. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1913. Вып. 43. Отд. 1. С. 1-232.

Грабовский Н. Горский участок Ингушевского округа в 1865 году // Терские ведомости 1868. № 21-26.

Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа (с приложением «Похороны и поминки у горцев» Чаха Ахриева) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. Упр. Наместн. Кавк., 1870. Вып. III. Отд. I. С. 1-27; 28-32.

Грабовский Н.Ф. Ингуши. (Их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: В тип. Гл. Упр. Наместн. Кавк., 1876. Вып. IX. Отд. I. С. 1-111.

[*Грен А.Н.*] Свенетские тексты. Собрал А.Н. Грен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1890. Вып. X. Отд. II. С. 76-160.

Грен А.Н. Лингвистические заметки А.Н. Грена // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, К. Козловского и А. Федорова, 1897. Вып. XXII. Отд. III. С. 22-26.

Грен А.Н. Чеченские тексты, запис. и перевод. под моим руководством Ибрагимом Магомаевым, из аула Гехи // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, К. Козловского и А. Федорова, 1898. Вып. XXII. Отд. III. С. 1-21.

Грен А. Кавказские Минеральные Воды в археологическом отношении // Газ. Кавказские Минеральные Воды. Пятигорск, 1902. № 127 и 129.

[*Далгат Б.К.*] Двенадцать цудахарских песен. Сообщил Б. Далгат // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частью на Кавказе, 1892. Вып. XIV. Отд. II. С. 9-72.

Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // Терский сборник. Приложение к «Терскому календарю» на 1894 год. Изд. Терск. Обл. Статистич. Комитета / Под ред. Секретаря Комитета Г.А. Вертепова. Владикавказ: Тип. Терск. Обл. Правл., 1893. Вып. 3. Кн. 2. С. 41-132.

Далгат Б.К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса. Ингушко-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 году // Этнографическое обозрение. М., 1901. № 1. С. 35-85.

Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения / Под ред. Г.К. Мартиросяна, В.Ф. Раздорского, Л.П. Семёнова. Владикавказ, 1930. Вып. II-III. С. 301-364.

Далгат Б.К. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Известия Ингушевского научно-исследовательского института краеведения. Владикавказ, 1934. Т. IV. Вып. 2. С. 365-411.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей / Отв. ред. член-корр. РАН С.А. Арутюнов. М.: Наука, 2004. 230 с.

Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 380 с.

Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. Исследование и тексты / Отв. ред. И.А. Дахкильгов. М.: Наука, 1972. 467 с.

Далгат У.Б. Введение // Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев. М.: Наука, 2004. С. 3-24.

Далгат У.Б. Предисловие // Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 3-14.

Далгат У.Б. Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах // Далгат У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды. Грозный: АО ИПК «Грозненский рабочий», 2015. С. 307-461.

Далгат У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды / Отв. ред. И.Б. Мунаев. Грозный: ИПК «Грозненский рабочий», 2015. 639 с.

Дахкильгов И.А. Он стоял у истоков ингушской науки // Ахриев Ч. Избранное. Назрань, 2000.

Дзарахова З. М.-Т. Чах Ахриев и этнография ингушей // Учёные записки Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. Серия ф-ра и этногр. Вып. 3. Магас, 2010. С. 17-30.

Дзарахова З. М.-Т. Чах Ахриев и ингушеведение // 4-е Ахриевские чтения. Материалы республиканской конференции // Сост. и отв. ред. З. М.-Т. Дзарахова. Ростов-на-Дону: ООО «Южный издат. дом», 2014. С. 7-12.

Жеребцов И.Л., Семёнов В.А., Таскаев М.В. Алексей Николаевич Грен: Вехи биографии кавказоведа // Народы Кавказа в XVIII-XXI вв.: История, политика, культура. Материалы III Международного форума историков-кавказоведов. (г. Пятигорск, 14-15 октября 2021). Ч. I. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2021. С. 84-92.

Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / Сост. А.Х. Танкиев; предисл. А. Танкиева. Саратов: Регион. волж. изд-во «Детская книга», 1996. 592 с.

Ингушские сказки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главноначальств. гражд. частию на Кавказе и К. Козловского, 1903. Вып. XXXII. Отд. II. С. 27-40.

Камболов Т.Т. Предисловие составителя // Шёгрэн А.М. Осетинские исследования / Сост. и пер. Камболов Т.Т. / Под ред. доктора ист. наук, проф. А.А. Магометова. Северо-Осет. Госуд. ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. С. 5-12.

Камболов Т.Т. О биографии А.М. Шёгрена // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвящённой 200-летию со дня рождения А.М. Шёгрена. Владикавказ, 1994. С. 89-91.

Корзоев Н.Д. Российские и иностранные исследователи и путешественники XVI-XIX вв. об Ингушетии и ингушах. ГБИНИИГН им. Ч. Ахриева, 2015. 170 с.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник, I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 376 с.; то же: II. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. 275 с.; то же: III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 287 с.

Косвен М.О. Чах Эльмурзович Ахриев // Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, II // Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. II. С. 264.

Косвен М.О. Карл Федорович Ган // Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, III // Кавказский этнографический сборник. III. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 217-218.

Косвен М.О. Н.Ф. Грабовский // Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. // Кавказский этнографический сборник. II. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. II. С. 267-268.

[*Леонтович Ф.И.*] Краткое описание обычаев, существующих между туземцами Ингушевского округа, 60-х годов // Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа Ф.И. Леонтовича, орд. проф. Имп. Новоросс. ун-та. Вып. II. Адамы осетин, чеченцев и кумыков. Свод адамов Северного Кавказа // Записки Имп. Новоросс. ун-та. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. Т. 38, изд. под ред. орд. проф. А.А. Кочубинского. С. 148-184.

Лингвистические заметки А.Н. Грена // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, К. Козловского и А. Федорова, 1897. Вып. XXII. Отд. III. С. 22-26.

Меликсет-Бек Л. Карл фон Ган // Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис, 1926. С. 142-145.

Миллер В.Ф. Археологические наблюдения в области чеченцев // Материалы по археологии Кавказа, собр. экспедициями Имп. Моск. Археол. об-ва, снаряжёнными на Высочайше дарованные средства / под ред. графини Уваровой. М.: Тип. А.М. Мамонтова и К^о, 1888. Вып. I. [Терская область. Археологические экскурсии Всева Миллера]. С. 1-42.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 11. Исследование Вс. Миллера // Ученые записки императорского Московского университета. Отд. ист.-филол. Вып. II. М., 1882.

Миллер В.Ф. Археологические наблюдения в области чеченцев // История Чечни в российских научных изданиях XIX – начале XX вв. // Сборник материалов / Сост. А.И. Алиева. Отв. ред. Я.З. Ахмадов. М.: Литера, 2020. С. 545-599.

Накостоев Х.А. Религиозность ингушей во второй половине XIX в. (по материалам Ч. Ахриева // Учёные записки Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. Серия фольклора и этнографии. Вып. 3. Магас, 2010. С. 59-67.

Осетинская грамматика с кратким словарём осетинско-русским и русско-осетинским. Сочинение Андрея Шёгрена. Часть первая. СПб.: в тип. Имп. АН, 1844. 973 с.

Осетинские тексты / Собр. Дан. Чонкадзе и Вас. Цораевым; издал акад. А.А. Шифнер // Приложение к XIV тому «Записок Имп. Академии наук». СПб., 1868. № 4. С. 1-50.

Осетинские этюды. Исследование Вс. Миллера. Ч. II // Учёные записки Имп. Моск. Ун-та Отд. ист.-филол. Вып. 2. М., 1882. 301 с.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Науч.-поп. сб. [Вып.] I. / Сост., предисл., примеч. и коммент., указ. Л.А. Чибиров. Кн. 1. Цхинвали: Иристон, 1981. 304 с.

Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: 1-я Тип. Сахелгами, 1935. 155 с.

Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. 1800-1830 гг. Тбилиси: «Заря Востока», 1946. 217 с.

Просветительство в этнокультурных реалиях Кавказа. Международная научная конференция, посвящённая 170-летию ингушского учёного и просветителя Ч. Э. Ахриева / Отв. ред. М.Б. Долгиева, М.А. Матиев, Т. У. Яндиева. Назрань: ООО «Кеп», 2021. 218 с.

Саитидзе Г. Карл фон Ган – выдающийся исследователь Кавказа // Кавказа глобализация. Тифлис, 2008. Т. II. Вып. 1. С. 169-174.

Сванетские тексты. Собрал А.Н. Грен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Тип. Канц. Главногоначальств. гражд. частью на Кавказе, 1890. Вып. X. Отд. II. С. 76–160.

Сказки, записанные в ингушском ауле Цори // Сборник материалов, изд. при Дашковском этнографическом музее / Под ред. В.Ф. Миллера. Вып. III. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1888. С. 149-157.

Семёнов Леонид. Чах Ахриев. Первый ингушский краевед // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928. С. 261-271.

Танкиев А. Предисловие. Об истории и культуре ингушского народа // Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / Сост. А.Х. Танкиев; предисл. А. Танкиева. Саратов: Регион. Приволж. изд-во «Детская книга», 1996. С. 3-12.

Туркаев Х.В. Проблемы формирования литературных традиций чеченцев и ингушей. Просветительские начала в творчестве Ч. Ахриева, У. Лаудаева, А. Базоркина // Туркаев Х.В. Художественный мир чеченцев в контексте русской истории и культуры. Избранные труды в 5 тт. М.: Наука, 2015. Т. 3. С. 75-88.

Уарзиати В.С. Осетиноведческие штудии академика А.М. Шёгрена // Шёгрэн А. М. Осетинские исследования. (Сост. и пер. Т.Т. Камболов). Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. С. 119-170.

Угурчиева Р.Х. Ингушское просветительство. У истоков становления национальной литературы (конец XIX – начало XX вв.) М., 2006.

Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Баку: Изд-во Азерб. Госуд. НИИ, 1930 / Под ред. проф. А.В. Багрия: – Ч. II. Ингушские сказки. С. 168-187; – Ч. III. Ингушские песни, драматический диалог между витязем и девицею и ингушская сказка. С. 196-204.

Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. М.: Литера, 2020. 708 с.

Харузин Н. Археологические экскурсии в Чечню и Осетию // Терские ведомости. Владикавказ, 1886. № 62, 64, 66.

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнографическом музее / Под ред. В.Ф. Миллера. Вып. III. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1888 а. С. 115-142.

Харузин Н.Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки // Вестник Европы. СПб., 1888 б. Октябрь. Кн. X. С. 482-530.

Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки. III. У ингушей // Вестник Европы. СПб., 1888 в. Октябрь. Кн. X. С. 513-530.

Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. М.: Литера, 2020. С. 557-574.

Харузин Н. По горам Северного Кавказа. Путевые очерки // Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX вв. М.: Литера, 2020. С. 581-604.

Цибиров Г.И. Осетия в русской науке (XVIII в. – первая половина XIX в.). Орджоникидзе: ИР, 1981. 104 с.

[*Шёгрэн А.М.*] Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях. Статья I // Маяк. Журнал современного просвещения, искусства и образованности, в духе народности русской. Изд.: С. Бурачек. Т. VII. Кн. XIII. СПб.: В тип. Конрада Вингебера, 1843. С. 35-52.

[*Шёгрэн А.М.*] Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях. Статья II // Маяк. Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. Изд. С. Бурачек. Т. VII. Кн. XIV. СПб.: В тип. Конрада Вингебера, 1843. С. 82-94.

Шёгрэн А.М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях // Газ. «Кавказ». 1846. № 27-30.

Шёгрэн А.М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях // Сборник газеты «Кавказ», 1846. II полугодие. Тифлис, 1847.

Шёгрэн А.М. Осетинские исследования / Сост. и пер. Камболова Т. Т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1998. 172 с.

Яндаров А.Д. Ингушский просветитель Чах Ахриев. 1850–1914. Грозный: Чечено-Инг. кн. изд-во, 1968. 54 с.

Яндиев М.А. Почему он молчал 40 лет // Литературная Ингушетия. № 2 (20). Назрань, 2002. С. 116-119.

4-е Ахриевские чтения: материалы республиканской научной конференции (май 2014 г.). Сост. и отв. ред. З. М.-Т. Дзарахова. Магас; Ростов-на Дону: Южный издат. дом, 2014. 91 с.

К истории списка трудов Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской

О.Б. Вахромеева

Аннотация. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская (1874-1939), чей 150-летний юбилей со дня рождения отмечается научным сообществом в 2024 г., была выдающимся историком культуры западного Средневековья, талантливый палеографом, представителем петербургской научной школы медиевистики и основателем нового исследовательского направления, латинской палеографии в Советской России. Она ушла из жизни накануне Второй мировой войны (1939-1945 гг.), поэтому интерес к изучению её научного наследия пришёл на вторую половину XX в., однако, он не ослабевает и в наши дни. В статье представлен первый сводный хронологический перечень работ историка, составленный на основе библиографий, генеральных каталогов Библиотеки РАН и РНБ, эпистолярных источников, неопубликованных списков трудов женщины-учёного. Данная публикация позволит существенно дополнить библиографию О.А. Добиаш-Рождественской.

Ключевые слова: О.А. Добиаш-Рождественская, список трудов, библиография, неопубликованные источники.

Список трудов женщины-учёного, первой удостоенной в Советской России степени доктора наук по всеобщей истории (1918 г.), члена-корреспондента Академии наук СССР (1929 г.), всемирно известного медиевиста и палеографа Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской (1874-1939) публикуется в связи со 150-летием со дня её рождения и в год 85-летия её кончины. Список представляет собой сводный перечень трудов историка, изложенный в хронологической последовательности на основе опубликованных библиографий (составленных А.Д. Люблинской, И.С. Шарковой, Е.Н. Чеховой), пристатейных списков литературы (О.А. Добиаш-Рождественская, А.Д. Люблинская), каталогов библиотек (РНБ, БАН), архивных списков трудов женщины-учёного (хранящихся в ОР РНБ, СПбФ АРАН, ЦГИА СПб, ЦГА СПб), научных работ, упомянутых в переписке (РГАЛИ, ОР РНБ, СПбФ АРАН). В перечне представлены известные исследования и неопубликованные сочинения О.А. Добиаш-Рождественской, сохранившиеся в виде черновиков и заметок.

Первым источником сводного списка научных трудов О.А. Добиаш-Рождественской выступает Curriculum vitae, составленное в мае 1915 г. по случаю начала её преподавания на историко-филологическом факультете Петроградского университета в качестве приват-доцента. Ольга Антоновна без разбивки по пунктам перечислила 15 работ с 1911 по 1914 г. В их числе две квалификационные работы (диссертация 1911 г. на французском языке – «La vie paroissiale en France au XIII siècle d'après les actes épiscopaux», и её переработанная версия, магистерское сочинение 1914 г. – «Церковное общество Франции в XIII-м веке:

Ч. I. Приход»), статьи в сборниках, посвящённых профессорам И.М. Гревсу и Н.И. Карееву, обстоятельные статьи в Новом энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (которые автор подписывала либо «О. Добиаш», либо «О. Добиаш-Рождественская», либо «О. Д.-Р.») и ряд рецензий, размещённых в «Научном историческом журнале» и «Вестнике Европы» (ЦГИА СПб. Ф. 14 (Императорский Петроградский университет). Оп. 3. Д. 16327. Л. 17. Curriculum vitae, 1915 г.).

«Историком-исследователем» и «историком-художником» называл Ольгу Антоновну Добиаш-Рождественскую исследователь Б.С. Каганович (1952-2021). Он связывал её неповторимое воплощение в медиевистике, вспомогательных исторических дисциплинах, в частности, латинской палеографии, с талантом и трудолюбием, указав на принадлежность историка к двум научным школам – русской (Г.В. Форстен, Н.И. Кареев, С.Ф. Платонов, М.И. Ростовцев) и французской (Ш.-В. Ланглау, Ф. Лот, К. Пфистер, К. Жюллиан, Э. Берже, Э. Маль, Г. Моно, Э. Лависс) [Каганович, 1987: 313-314]. Б.С. Каганович обращался к теме библиографии работ женщины-историка в комментариях к книге «О.А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского Средневековья: научное наследие» [Каганович, 1987: 324-338].

Особое значение в формировании научных взглядов О.А. Добиаш-Рождественской сыграл профессор Бестужевских курсов, на историко-филологическом отделении которых она училась в 1894-1899 гг., «раде», как с особым почтением называли его близкие ученики – историк-медиевист Иван Михайлович Гревс (1860-1941), который «вслед за Пелагием», признавал мастерство своей ученицы, «превзошедшей своего первого учителя в историческом искусстве» [Каганович, 2007: 91]. С И.М. Гревсом О.А. Добиаш-Рождественская написала в 1902 г. первую совместную статью для Нового энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, посвящённую «цветущему городу» Флоренция, к которому оба историка относились с особым трепетным чувством (Ольга Антоновна писала часть текста, дающую представление о развитии флорентийского искусства). Первую научную работу исследователь опубликовала в возрасте 37 лет в 1911 г. [Каганович, 1987: 315], но её публикаторская деятельность началась в 1900 г. с рецензий в журнале «Мир божий» [Люблинская, Шаркова, 1988: 104]. Семь фундаментальных работ историка, написанных на иностранных языках, были ещё впереди [Ерошкина, 2002: 481], как и признание научных заслуг историка всемирно известными учёными.

Дополнением Curriculum vitae 1915 г. выступает «Перечень важнейших научных работ и трудов с указанием их появления» 1923 г. в Личном листке научного работника. Ольга Антоновна номинировала 35 работ, указав название и дату выхода лишь 15-ти. В 1917 г. вышла её докторская диссертация, защищённая в 1918 г., «Культ св. Михаила в латинском средневековье V-XIII вв.», в которой она проследила «пути культурных связей и влияний в истории человечества» [Вахромеева, 2024: 329], новые сюжеты для энциклопедического словаря, ряд рецензий, статьи для журналов и переводы (последние автор не раскрыла в виду нехватки места на бланке) (ЦГИА СПб. Ф. 14 (Императорский

Петроградский университет). Оп. 3. Д. 16327. Л. 45. Личный листок научного работника. Перечень важнейших научных работ и трудов с указанием их появления. 9 декабря 1923 г.

В конце 1910-х – первой половине 1920-х гг. были написаны научно-популярные труды для издательств «Огни», «Всемирная литература», «Брокгауз – Ефрон» и «Издательства З.И. Гржебина». «Эпоха Крестовых походов (Запад в крестоносном движении)», «Западная Европа в Средние века», «Как люди научились считать время», «Западные паломничества в Средние века», «Приключения Ричарда I Львиное Сердце» – высоко научные сочинения по своему содержанию, отнимавшие у историка время, но, по её замечанию, написанные потому, что «никто другой в настоящий момент не может их написать, никто другой не владеет материалом в той мере, как я» [Вахромеева, 2024: 345].

В начале своего исследовательского пути, основательно увлечшись XIII в. – временем попыток католической церкви реформировать себя изнутри и возникновением мощных нищенствующих орденов, веком расцвета Парижского университета и веком П. Абеляра, периодом распространения теологической науки и еретического «Евангелия духа», историк убедительно доказала, что церковь руками рядовых священников пыталась воспитывать общество [Вахромеева, 2024: 327]. Используя обширнейший круг разнообразных источников, в большинстве своём неопубликованных, исследователь раскрыла «религиозную психологию средневекового человека, и притом не изолированно, а в тесной связи с окружающей его действительностью» [Люблинская, 1942: 216].

Ученица О.А. Добиаш-Рождественской по Стоюнинской частной женской гимназии и Бестужевским курсам, педагог, библиотечарь и мемуаристка Екатерина Николаевна Чехова (1891 – предположительно 1977 г.) писала: «Здесь всё оригинально – самый разрез вопроса, широта и глубина охвата, свежесть источников, непревзойдённое мастерство исследовательской работы. Она взяла предметом своего исследования духовную культуру – неосязаемое, неуловимое течение человеческой мысли, запечатлевающееся лишь косвенно в самых разнообразных местах и эпохах. Она сумела неуловимо уловить и предоставить его зримым» [Вахромеева, 2024: 331]. Ученица О.А. Добиаш-Рождественской по Бестужевским курсам и её коллега по Публичной библиотеке и Ленинградскому университету, профессор Александра Дмитриевна Люблинская (1902-1980) считала, что Ольге Антоновне, изучавшей психологию средневекового человека, в поиске исследовательского метода помогли «врождённый рационализм, усугублённый и отточенный французской школой и гармонически сочетавшийся – и в работе, и в жизни – с сильным поэтическим чувством» [Люблинская, 1941: 18]. Историк Н.Л. Пушкарёва полагает, что О.А. Добиаш-Рождественская, переориентировавшая «исторические исследования с изучения политических и дипломатических процессов на культуру и психологию средневекового общества», «открыла программу исторических исследований», которая стала чуть позже приоритетной у французских историков школы «Анналов» [Пушкарёва, 2011: 93].

Работая в 1939-1940 гг. над воспоминаниями об О.А. Добиаш-Рождественской, Е.Н. Чехова составила «Материалы к библиографии трудов О.А. Добиаш-Рождественской», опубликованные в авторской редакции не так давно [Вахромеева, 2024: 353-363]. Екатерина Николаевна использовала в своей работе библиографический список, который прислал ей академик Д.С. Рождественский, супруг Ольги Антоновны, а также библиографию трудов историка, подготовленную в 1940 г. выпускницей Московских Высших женских курсов, библиографом БАН СССР Наталией Михайловной Асафовой (1897 – не ранее 1962) [Вахромеева, 2024: 158, 188-189]. Список получился неполным и изобилующим ошибками. В наши дни в генеральной картотеке БАН отмечены 50 трудов Ольги Антоновны, включая отдельные переиздания, в генеральном алфавитном каталоге РНБ – 42 публикации историка. Ни та, ни другая «коллекции» и в меньшей доле не могут претендовать на исчерпывающий перечень трудов исследователя.

О.А. Добиаш-Рождественскую отличала широкая эрудиция, сочетавшаяся с глубоким знанием вопросов источниковедения и палеографии [Гайворонский, 2019: 157], что позволило ей сформулировать собственную методологию изучения западного Средневековья. Историю она полагала самой динамичной наукой, а исторический процесс нераздельным и постоянным: «социальная, экономическая и культурная жизнь – одно целое и мы всегда должны помнить это и не забывать, что мы делим историю на эти отдельные области лишь условно, в целях удобства изучения, но поток жизни человечества един, все стороны его взаимно обусловлены»; в своих исследованиях она оформила концепцию единства культуры: «в непрерывном взаимодействии культур выковывались культурные ценности, питавшие человечество и двигавшие его всё к новым достижениям и к новым исканиям» [Вахромеева, 2024: 345-346].

Обратившись в конце 1910-х гг. к латинской палеографии, Ольга Антоновна и тут проявила себя как историк-эрудит [Каганович, 2007: 117]. А.Д. Люблинская, дававшая оценку трудам историка в конце 1930-х – начале 1980-х гг., часто делала отсылки к библиографии О.А. Добиаш-Рождественской. В ОР РНБ хранится машинописная копия списка печатных трудов О.А. Добиаш-Рождественской, составленного А.Д. Люблинской, в переплёте 1939 г. (ОР РНБ. Ф. 254 (Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна). Оп. 717. Д. 72. Л. 1-14. Список печатных трудов О.А. Добиаш-Рождественской, составленный А.Д. Люблинской). Список стал откликом на просьбу академика Дмитрия Сергеевича Рождественского после ухода из жизни его супруги о составлении библиографии её трудов. А когда в 1940 г. не стало и Д.С. Рождественского, А.Д. Люблинская приступила к разбору, систематизации и описанию архива О.А. Добиаш-Рождественской. Упомянутый список был доработан А.Д. Люблинской и И.С. Шарковой, после чего издан в приложении к монографии В.М. Ершовой в 1988 г. [Люблинская, Шаркова, 1988: 104-110]. А.Д. Люблинская писала о том, что «начало изучения западноевропейских средневековых рукописей и преподавания латинской палеографии в СССР связано с именем члена-корреспондента Академии наук СССР проф. О.А. Добиаш-Рождественской» [Люблинская, 1969: 18]. Работая в Отделе рукописей Государственной Публичной

библиотеки, исследователь ввела новый принцип каталогизации латинских рукописей, разработала и теоретически обосновала его схему. Во многом благодаря Ольге Антоновне, сплотившей вокруг латинских рукописей своих учеников, начали систематически выходить описания латинского фонда Публичной библиотеки («Средневековье в рукописях Публичной библиотеки», 1925, 1927 и 1929 гг.), с 1929 г. стали публиковаться каталоги древнейших рукописей. В 1923 г. историк написала учебник по латинской палеографии «История письма в средние века», переизданный в 1936 г., который актуален и для современных медиевистов. О.А. Добиаш-Рождественская досконально изучила корбийские рукописи, атрибутировала их и ввела в научный оборот в новом качестве («История Корбийской мастерской письма в годы 651-830 по ленинградским кодексам», 1934 г.) [*Люблинская*, 1969: 85] и др.

В письме профессору Ленинградского университета, председателю Русского Палестинского общества и Русско-Византийской комиссии, академику Фёдору Ивановичу Успенскому (1845-1928) от 15 ноября 1926 г. академик, профессор Ямфака ЛГУ Николай Петрович Лихачёв (1862-1936) предоставил краткую научную биографию О.А. Добиаш-Рождественской, приложив список её работ из 14 названий. Несмотря на почтенный возраст, «патриарх отечественного византиноведения» активно участвовал в академических мероприятиях и судьбах отечественных учёных [*Лебедева, Якубский*, 2005: 73], поэтому он не остался в стороне и откликнулся на просьбу Лихачёва «всячески поощрить» научные и педагогические достижения Ольги Антоновны, которая в «наше роковое безвременье» выпустила «несколько «выводков» мужского и женского пола, дав им и подготовку, и развил любовь к научным занятиям» (СПбФ АРАН. Ф. 116 (Фёдор Иванович Успенский). Оп. 1. Д. 194. Л. 1. Письмо Н. Лихачёва от 15.11.1926 г. с приложением сведений об О.А. Добиаш-Рождественской). Биографические сведения об О.А. Добиаш-Рождественской полны неточностей, как и список её трудов. Однако письмо содержит малоизвестные подробности о научных командировках женщины-учёной в 1922 и 1926 г. (Там же. Л. 2). Н.П. Лихачёв не ставил своей задачей составления полной библиографии, он показал широту и охват научной работы исследователя. Николай Петрович отметил умение О.А. Добиаш-Рождественской привлекать своих учениц и учеников к совместной научной деятельности, указав на сборник статей 1924 г. «Средневековый быт». Среди рецензий Ольги Антоновны назвал статьи на работы Л.П. Карсавина (1913 г.), Д.Н. Егорова (1915 г.), А.А. Васильева (1924 г.) и др. Отметил проделанную ею значительную работу в Новом энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и в качестве нового направления – написание научно-популярных книг (Там же. Л. 1 об.). Статья Н.П. Лихачёва «Записка об учёных трудах проф. О.А. Добиаш-Рождественской» со «Списком учёных трудов проф. О.А. Добиаш-Рождественской. Специальные исследования» за подписью автора, а также академиков С.Ф. Платонова и В.П. Бузескула вышла в «Записках об учёных трудах членов-корреспондентов Академии Наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.». Ошибки в биографии историка были устранены [*Лихачёв, Платонов, Бузескул*, 1930: 27-30].

Письма могут выступать одним из источников при составлении списка трудов исследователя. В частности, в двух письмах О.А. Добиаш-Рождественской, от 12 июня 1928 г. и 19 сентября 1933 г. к выдающемуся семитологу, гебраисту академику Павлу Константиновичу Коковцову (1861–1942), который с 1919 по 1930 г. заведовал Отделом еврейско-арабских рукописей Публичной библиотеки, а после до конца жизни служил старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР, Ольга Антоновна упомянула статью «К вопросу о Рейградской рукописи» (РГАЛИ. Ф. 461. Оп. 2. Д. 80. Л. 1. Письмо О.А. Добиаш-Рождественской П.К. Коковцову от 12 июня 1928 г.) и «*Quelques considérations sur les origines de l'écriture dite «gothique»*» (*Mélanges Ferdinand Lot*) (Там же. Л. 3. Письмо О.А. Добиаш-Рождественской П.К. Коковцову от 19 сентября 1933 г.).

В 1930-е годы О.А. Добиаш-Рождественская подводила итоги своей научной деятельности. Она часто обращалась к вопросу библиографии своих трудов, не единожды экспериментируя со структурой списка. Так, в ОР РНБ сохранились 7 списков её работ в виде автографов и авторизованных машинописных копий (ОР РНБ. Ф. 254 (Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна). Оп. 1. Д. 73. Л. 1-9. Списки научных трудов О.А. Добиаш-Рождественской). В ЦГА СПб – оригинальный «Список главнейших научных трудов», датированный 1934 г., составлен по категориальному принципу. Историком были выделены следующие группы работ: по истории церковного общества, истории Крестовых походов, истории религиозного синкретизма, истории студенческой сатиры XII–XIII вв., истории агротехники в Средние века, по источниковедению, рукописному делу, западной палеографии, по истории быта, статьи в Новом энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона, рецензии на исторические сочинения учеников и коллег (ЦГА СПб. Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет. Научная часть). Оп. 12. Д. 41. Л. 2-2 об. Список (главнейших) научных трудов. 1 ноября 1934 г.).

В СПбФ АРАН в фонде Д.С. Рождественского, который работал с архивом покойной супруги, представлен «Самый полный собственноручный список» научных работ О.А. Добиаш-Рождественской (СПбФ АРАН. Ф. 341 (Дмитрий Сергеевич Рождественский). Оп. 4. Д. 3. Л. 1-4 об. Список научных работ О.А. Добиаш-Рождественской. Самый полный собственноручный список. 20 марта 1938 г.); он изобилует множеством библиографических неточностей в названиях, в датировке и др., но содержит уникальные сведения о рукописях историка. Ольга Антоновна датировала список таким образом: «Написано 20/III 1938 и дополнено потом» (Там же. Л. 1). К нему примыкает перечень договоров, которые она заключала с издательствами в 1937-1938 гг. (Там же. Д. 13. Л. 1-6. Договоры, заключённые с издательствами и др. 1937-1938 гг.); из него можно узнать о планировавшихся, но не написанных трудах, а также о тех из них, которые находились в стадии создания или публикации. Большая часть текстов договоров, заключённых историком с различными организациями в 1930-е гг., хранится в её персональном фонде в ОР РНБ.

Из-под пера Ольги Антоновны вышли несколько сотен работ на русском, польском, французском, немецком, английском, итальянском и других языках:

научные и научно-популярные монографии, диссертации, статьи в юбилейных сборниках и научно-исследовательских сериях, тематические научные статьи для научных журналов и энциклопедий в дореволюционный и советский периоды, рецензии, статьи-мемории, воспоминания, библиографии, доклады, протоколы, инструкции, очерки, описания, мысли, заметки, отчёты о поездках, тезисы, речи к диспутам, лекционные и семинарские материалы, конспекты и учебники; историк занималась переводами с русского и иностранных языков, комментированием и редактированием научных текстов и трудов. Настоящий список составлен на основе двуязычного описания; в ряде случаев для расширения коммуникативных свойств библиографии автор применяла разноязычные сведения, конверсию языка и др. Сводный перечень трудов О.А. Добиаш-Рождественской является материалом для биобиблиографии женщины-учёного и служит источником её биографики.

Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская была творцом лика давно ушедшей жизни, раскрывала имена, места, явления, исторические источники при помощи тонкого психологизма на основе всеобъемлющего осознания картины прошлого. Она мастерски владела критикой источников и обладала талантом аналитика. Историк воплощала свои идеалы, поэтому добивалась правдивости и убедительности в изображении эпохи, что находит сочувствие в сердцах и умах читателей её книг и статей на протяжении многих десятилетий.

Настоящий хронологический указатель трудов историка составлен в соответствии со стандартом «Библиографическая запись. Библиографическое описание» Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии 2018 г. В разных библиографиях отдельные труды имеют разночтения по названиям и датам выхода, в таком случае верным вариантом считался тот, который отображал информацию с титула, оборота титула и содержания издания. В случае если работа не была опубликована, в круглых скобках упоминается – «в рукописи»; в хронологическом перечне такие работы помещены за тот год, когда были созданы. В большинстве случаев Ольга Антоновна датировала свои труды, поэтому в ряде публикаций отображается дата их создания и место, тогда они ставились в квадратные скобки. В них же заключена информация о соавторах О.А. Добиаш-Рождественской. Рецензии на исследования учёного отмечены курсивом.

**Хронологический перечень опубликованных трудов
с указанием рецензий на ряд из них и неопубликованных работ
О.А. Добиаш-Рождественской**

1900

1. Рец.: Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия / пер. с фр.; под ред. и вступит ст. Р.Ю. Виппера // Мир божий. №1. С. 86–90.
2. Рец.: Гаусрат А. Средневековые реформаторы. Т. 1. Абеляр. Арнольд Брешианский / пер. с нем.; под ред. Э.Л. Радлова // Мир божий. №3. С. 97–100.

1902

3. Флоренция // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 71. Санкт-Петербург: тип. АО Брокгауза–Ефрона. С. 150–165. [В соавт. с И.М. Гревсом].

1904

4. Заметка к 600-летию со дня рождения Петрарки (в рукописи).

1906

5. Протоколы 2-го съезда учителей. [С 4 по 6 июня 1906 г. О.А. Добиаш-Рождественская приняла участие в качестве участника и секретаря во II Съезде учителей и деятелей средней школы, состоявшегося в С.-Петербурге].

1908

6. Общая история европейской культуры / под ред. И.М. Гревса, Ф.Ф. Зелинского, Н.И. Кареева и др. Т. 7: История Франции в раннее средневековье [сокращённый перевод «Истории Франции» в 2 тт. под ред. Э. Лависса]; пер. О.А. Добиаш-Рождественской. Санкт-Петербург: изд. «Брокгауз-Ефрон». – 536 с.

1909

7. Отчёт о командировке в Париж в 1909 г. (в рукописи).

1911

8. La vie paroissiale en France au XIIIe siècle d'après les actes épiscopaux. Paris: Librairie Aiphonse Picard et fils. — 191 p. [на фр.].

Кареев Н.И. Ещё о новых русских работах по французской истории [О работе О.А. Добиаш-Рождественской и др.] // Вестник Европы. 1911. № 11. С. 350–353.

Pfister Ch. Rojdesstvensky (Olga). La vie paroissiale en France au XIIIe siècle d'après les actes épiscopaux. Paris: Picard. 190 p. // Revue critique d'histoire et de littérature. Paris. 1911. № 3. P. 42–43.

Labande L.H. Dobiache–Rojdestvensky (O.) La vie paroissiale en France au XIIIe siècle d'après les actes épiscopaux. Paris: Picard, 1911. 190 p. // Revue critique d'histoire et de littérature. Paris. 1912. № 40. P. 283–284.

9. Предисловие // 1884–1909. К двадцатипятилетию учёно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса: Сб. статей его учеников. Санкт-Петербург: тип. т-ва «Общественная польза». С. I–VI.

10. «Jus procurationis» в церковной практике XIII в. (Страница из бытовой истории французского духовенства) // Там же. С. 139–157. [Париж, 10 сентября 1909 г.].

11. К изданию соборных актов Западной Церкви. (О некоторых рукописях Парижской Национальной Библиотеки) // Там же. С. 160–179. [Париж, 6 марта (22 февраля) 1910 г.].

12. Рец.: Niederle L. La race Slave, statistique, démographie, anthropologie, traduit du tcheque et précédé d' une introduction par Louis Leger de l' Institute. Paris, 1911 // Revue critique des livres nouveaux. С. 50–51. [на фр.].
13. Французская историография XVI–XX. (ВЖК, 1911 г.) (в рукописи).
14. Парижский университет XIII–XX в. (ВЖК, с 1911–1912 гг.) (в рукописи).
15. Абельяр Пётр // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 1. Санкт-Петербург: тип. АО «Брокгауз–Ефрон». Стлб. 39–46.
16. Арнольд Брешианский // Там же. Т. 3. Стлб. 688–691.

1912

17. Великое переселение народов // Там же. Т. 9. Стлб. 908–913.

1913

18. Галлия // Там же. Т. 12. Стлб. 484–494.
19. Генрих I Птицелов // Там же. Т. 13. Стлб. 27–28.
20. Генрих II Святой // Там же. Стлб. 28–29.
21. Генрих V // Там же. Стлб. 32–33.
22. Генрих VI // Там же. Стлб. 33–34.
23. Генрих–Лев // Там же. Стлб. 49–50.
24. Германцы // Там же. Стлб. 273–276.
25. Год // Там же. Стлб. 901–902.
26. Гревс Иван Михайлович // Там же. Т. 14. Стлб. 775–777.
27. Гунны // Там же. Т. 15. Стлб. 285–287.
28. Десятина церковная // Там же. Т. 16. Стлб. 7–10.
29. Дипломатика // Там же. Стлб. 207–210.
30. Дмитровский собор (в рукописи).
31. Некоторые проблемы иоакимизма и петербургская рукопись сочинений Иоахима Флорского. Санкт-Петербург: Сенатская тип. — 25 с.
32. То же // ЖМНП. Новая сер. Т. XLX. № 6. Отд. 2. С. 249–271.
33. Рец.: Langlois Ch.–V. La connaissance de la nature et du monde au moyen âge, d'après quelques écrits français à l'usage des laïcs. Paris, 1911 // Научный исторический журнал. № 2. С. 121–126.
34. Заметки и извлечения из латинских рукописей СПб. императорской Публичной библиотеки [И.В. Берман, В.З. Валленбургер, Е.В. Ершова, А.Д. Кучина, Л.А. Новицкая, К.В. Флоровская]. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича – 20 с.
35. Рец.: VII т. «История Франции в раннее средневековье» в «Истории Франции» под ред. Э. Лависса (в рукописи).
36. Источниковедение в XVII, XVIII и XIX вв. [на рус. и фр.] (ВЖК, 1911–1913 гг.) (в рукописи).
37. Феодализм в эпоху каролингов (ВЖК, 1912–1913 гг.) (в рукописи).
38. Габриель Моно (ВЖК, 1912–1913 гг.) (в рукописи).
39. Папские грамоты (Litterae pontificum) (ВЖК, с 1912–1913 гг.) (в рукописи).

40. Спор об инвеституре в начале XII в. (ВЖК, с 1912–1913 гг.) (в рукописи).
41. Вспомогательные исторические дисциплины: палеография, дипломатика, библиография, лингвистическая палеонтология и др. (ВЖК, 1912–1913 гг.) (в рукописи).

1914

42. То же // Историческое обозрение. Т. XIX. Приложение С. 1–20.
43. Предисловие // 1873–1913. Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе к 40-летию профессорской деятельности. Санкт-Петербург: тип. Брокгауза–Ефрона, 1914. С. V–IX.
44. Письмо князей–крестоносцев к папе Урбану II-му // Там же. С. 30–43.
45. Церковное общество Франции в XIII-м веке. Ч. 1: Приход. Петроград: тип. имп. АН. – 181 с.
Кареев Н.И. [Рец.] Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество Франции в XIII в. Ч. I. Приход. Пг., 1914 // Вестник Европы. 1915. № 7. С. 407–409.
Гревс И.М. [Рец.] Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество Франции в XIII в. Ч. I. Приход. Пг., 1914 // ЖМНП. Ч. 59. 1915. № 9. С. 152–183.
46. Рец.: Карсавин Л.П. Очерки религиозной жизни в Италии XII и XIII вв. СПб., 1912 // Вестник Европы. №8. С. 366–369.
47. Рец.: Lot F. Etudes critiques sur l'abbaye de Saint-Wandrille. Paris, 1913 // Научный исторический журнал. № 3. С. 79–81.
48. Архивный конфликт в Париже // Там же. С. 139–143.
49. Инвеститура // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. 19. Санкт-Петербург: тип. АО «Брокгауз–Ефрон». Стлб. 304–307.
50. Иоанна д'Арк // Там же. Т. 20. С. 83–86.
51. Иоанниты // Там же. С. 89–92.
52. Календарь // Там же. С. 464–472.
53. Клир и клирик // Там же. Т. 21. Петроград: тип. АО «Издат. дело бывшее Брокгауз–Ефрон». С. 897–899.
54. Юбилей И.М. Гревса // СПб. ведомости. № 71.
55. Крестовые походы (в рукописи). [В редакторской обработке статья получила название «Походы крестовые», но не была опубликована по причине прекращения издания].
56. Заметки на латинской рукописи. Исследование (в рукописи).
57. Крестовые походы (ВЖК, с 1913–1914 гг.) (в рукописи).

1915

58. Церковное общество Франции в XIII-м веке. Ч. 1: Приход. Пг.: тип. имп. АН., 1914: Тезисы к диссертации. Петроград: тип. М.М. Стасюлевича. – 3 с.
59. Бемон Ш., Моно Г. История Европы в средние века (395–1270) / под ред., предисл., библиогр. введение и доп. к библиогр. ук. О.А. Добиаш-Рождественской; пер. с фр. В.Э. Валленбургер, А.И. Хоментовской. Петроград: Об-во вспоможения, окончившим курс наук на Петроградских ВЖК. – 440 с., ил.

60. Рец.: Новый труд в области германо-славянских отношений в средние века. Д.Н. Егоров. Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII в. Т. 1. Материал и метод (VII+567 с.). Приложение: Registrum Raseburgense a. 1229/30. С. 53. Москва, 1915 // ЖМНП. Новая сер. № 10. С. 350–363 с.

61. «Потревоженные святыни». О некоторых памятниках северо-французской культуры, затронутых событиями войны. Петроград: тип. Кюгельген, Глич и К°. — 31 с.

62. То же // Вестник знания. № 1. С. 57–81 с. [Посвящается моим французским друзьям, Мирре и Фердинанду Лот].

63. Ланглуа Ш.–В // Новый энциклопедический словарь. Т. 24. Петроград: тип. АО «Издат. дело бывшее Брокгауз–Ефрон». С. 31.

64. Лот Ф. // Там же. С. 940.

65. Летоисчисление (в рукописи).

66. Летописи (анналы на Западе) (в рукописи).

1916

67. Рец.: Религиозная психология средневековья в исследовании русского учёного Л.П. Карсавина. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии // Русская мысль. 1916. № 4. С. 22–28.

68. Нормандия // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Петроград: тип. АО «Издат. дело бывшее Брокгауз–Ефрон». Стлб. 866–869.

69. Норманны // Там же. Стлб. 870–872.

70. Франция в позднее средневековье (ВЖК, 1915–1916 гг.) (в рукописи).

1917

71. Культ св. Михаила в латинском средневековье. V–XIII века. Петроград: Экон. типо-лит. — 410 с.

72. Что такое Франция в прошлом и настоящем и за что она воюет. Петроград: Лештуковская Паровая Скоропечатня «Свобода». – 31 с.

1918

73. Эпоха крестовых походов (Запад в крестоносном движении). Петроград: изд. «Огни». — 118 с., ил. [Сер. «Круг знания»].

74. Рец.: Васильев А.В. Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до Крестовых походов (до 1081). Пг.: тип. Я. Башмаков и К°, 1917 – 355 с. (в рукописи).

75. Доклад «Около старины романского севера» (ВЖК, 1918 г.) (в рукописи).

76. История раннего средневековья (Пг. ун-т, 1918 г.) (в рукописи).

77. История архивов романской Европы при старом порядке (Архивные курсы, 1918 г.) (в рукописи).

1919

78. Робеспьер. Предисловие и перевод отрывков из Ж. Мишле (в рукописи).

79. Речь на диспуте по поводу выхода книги Н.П. Оттокара «Опыт по истории французских городов в средние века» (Пермь: б.и. – 355 с.) (в рукописи).

1920

80. История архивов романской Европы при старом порядке / История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, читанные слушателям Архивных Курсов при Петроградском Археологическом Институте в 1918 году. Петроград: 2-я Гос. тип. С. 96–152.

81. Западная Европа в средние века / История / под ред. С.А. Жебелева, Л.П. Карсавина, М.Д. Присёлкова. Вып. 10. Петербург: Наука и школа; тип. «Тогблат». – 100 с.

82. Мишле Ж. Жанна д'Арк / пер. Т. Быковой, Е. Скржинской, М. Клименко; под ред. и с предисл. О.А. Добиаш-Рождественской. Петербург: «Всемирная литература» при Гос. изд. – 166 с.

83. Мишле Ж. Кордельеры и Дантон / пер. Т.А. Быковой; под ред. и с предисл. О.А. Добиаш-Рождественской. Петербург: «Всемирная литература» при Гос. изд. – 136 с.

84. Заметка о «Жизни Жанны д'Арк» А. Франса (в рукописи).

1921

85. Отчёт о конгрессе по истории искусств в Париже в 1921 г. (в рукописи).

86. Рец.: Norden E. Die Germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. Leipzig–Berlin, 1920. – 505 с. (в рукописи).

87. Доклад на Конгрессе по истории искусства в 1921 г. и библиографии в РАИМКе (в рукописи).

88. Средневековый быт (Пг. гос. ун-т, 1920–1921 гг.) (в рукописи).

89. «Germania» Тацита (Пг. гос. ун-т, 1921 г.) (в рукописи).

90. Археология и палеография (Археологич. ин-т, 1921 г.) (в рукописи).

91. Археология Галлии (Археологич. ин-т, с 1921 г.) (в рукописи).

92. Латинская палеография и эпиграфика (Ин-т истории искусств, 1921 г.) (в рукописи).

1922

93. Как люди научились считать время. Берлин–Петербург–Москва: изд. З.И. Гржебина. – 64 с. [1921].

94. Le culte de saint Michel et le moyen âge latin. Paris: Auguste Picard. – 72 p. [на фр.].

95. Освещение в средние века и лампочки Эрмитажа. Лекции и доклад в РАИМКе (в рукописи).

96. Башни в Холме. Доклад в РАИМКе (в рукописи).

97. Антифонарий музея Н.П. Лихачёва. Доклад в РАИМКе (в рукописи).

98. Лиможские эмали в Эрмитаже (в рукописи).

99. Книжное дело в средние века. Изобретение книгопечатания (в рукописи).

100. Впечатления академического Парижа // *Анналы*. № 1. С. 41–52.

1923

101. То же // Там же. № 2. С. 31–40.

102. Рец.: Разрушение и охрана исторических памятников. Léon P. Les monuments historiques. Conservation. Restauration. Paris, 1917 // Там же. № 3. С. 253–255.

103. *Oppletum est oppidum salariis.* (По вопросу о часах в раннем средневековье) // Из далёкого и близкого прошлого: Сб. этюдов на всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н.И. Кареева. Петроград; Москва: Мысль. С. 63–71.

104. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии: с приложением 4 таблиц. Петербург: изд. Брокгауз–Ефрон. – 197 с. [1922].

Малеин А. Рецензия на книгу О.А. Добиаш-Рождественской «История письма в средние века». Ленинград, 1923 // Анналы. 1924. № 4. С. 276–278.

105. Referat Eksperta Delegacji Rosyjsko-Ukrainskiej prof. O. Dobijasz-Rozdziestwienskiej // Dokumenty dotyczące akcji delegacji polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej w Moskwie. Zeczyt 8. Rewendikacja zbiorow polskich z Rosyjskiej Biblioteki Publicznej w Petersburgu i innych bibliotek Rosji i Ukrainy. Warszawa, 1923. S. 225–236. [На рус. яз. речь О.А. Добиаш-Рождественской вышла в 2001 г.: Речь, произнесённая на заседании Специальной смешанной комиссии 15 сентября 1922 г. / вступит. ст., публикация текста и примеч. Т.П. Вороновой // Российская Национальная библиотека: страницы истории: сб. ст. Санкт-Петербург: РНБ. С. 161–175.

106. Изъятие польских фондов из ГПБ (в рукописи).

107. Историография французского средневековья (Пг. гос. ун-т, 1923 г.) (в рукописи).

108. Франция в позднее средневековье (Пг. гос. ун-т, 1923 г.) (в рукописи).

1924

109. Западные паломничества в средние века. Петербург: изд. Брокгауз–Ефрон. – 74 с., ил.

110. Памяти Э. Лависса // Анналы. № 4. С. 256–261.

111. Рец.: Васильев А.В. История Византии: Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081–1185) и Ангелов (1185–1204). Л., 1923 // Там же. С. 271–273.

112. Рец.: Образы человечества. Рец. на книги из сер. «Образы человечества»: Бузескул В.П. Перикл. П., 1923; Кончаловский Д.П. Аннибал. Пг., 1923; Федотов Г.П. Абеляр. Пг., 1924; Хоментовская А.И. Кастилионе – друг Рафаэля. 1478–1529. Пг., 1923; Егоров Д.Н. Генрих Шлиман. Пг., 1923 // Там же. С. 288–291.

113. Часы в раннем средневековье (в рукописи).

114. Рец.: Vidal de La Blache P. Principes de géographie humaine. Paris: A. Colin, 1922. – 360 p. (в рукописи).

115. Заметки на книгу: Meitzen A. Wanderungen Anbau und Agrarrecht der Völker Europas nördlich der Alpen. Abt.1: Siedlung und Agrarwesen der

Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Romer, Finnen und Slaven. Bd.3. Berlin: W. Hertz, 1895. – 617 s. (в рукописи).

1925

116. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. Ленинград: изд. Брокгуз–Ефрон. – 150 с.

117. От редакции // Средневековый быт: сб. статей, посвящаемый Ивану Михайловичу Гревсу в сорокалетие его научно-педагогической деятельности / под ред. проф. О.А. Добиаш-Рожественской, А.И. Хоментовской, Г.П. Федотова. Ленинград: изд. «Время». С. 5–6.

118. Из жизни мастерских письма (преимущественно на французском севере) // Там же. С. 233–259.

119. Средневековые в рукописях Публичной библиотеки (Analecta Medii Aevi) / под ред. О.А. Добиаш-Рожественской. Вып. 1. Ленинград: Гос. Акад. тип. – 94 с., 2 табл.

120. Предисловие // Там же. С. 3–4.

121. К преданию поэзии голиардов (Рукопись Росс. Публ. библ-ки, lat. O. ch. XIV. № 11) // Там же. С. 7–48. [1 июня 1924 г.].

122. Сатира на полях средневековых рукописей // Там же. С. 49–61.

123. Quelques considérations sur les origines de l'écriture dite «gothique» // Mélanges d'histoire du moyen âge offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves. Paris. P. 691–721.

124. Un manuscrit français du XIVme siècle dans la Bibliothèque Publique de Leningrad (в рукописи).

125. О часовнике Якова Коны (т. наз. Люксембургском часовнике) (в рукописи).

126. Описание часовника (livre d'heures) из Юсуповского дворца (в рукописи).

127. Краткие описания часовников (livres d'heures) западного фонда ГПБ. Материалы к выставке (в рукописи).

Langlois Ch.–V. [Рец.] *Livre d'heures de la Bibliothèque Publique // Académie des Inscriptions et Bulles-Lettres. Comptes-rendus des séances de l'année 1925. Paris. P. 183–186* [на фр.].

1926

128. Греческие буквы в латинских рукописях // Сб. статей в честь Сергея Александровича Жебелева. Ленинград: Б.и. С. 434–455.

129. Культ вод на периферии Галлии и сказание о кельнских девах // Яфетический сб. IV: Проблемы. Ленинград: Гос. Акад. тип. С. 123–149.

130. Рец.: Жюллиан К. История Галлии. Vol. 1–8. Paris, 1907–1926 (в рукописи).

131. Сообщение о заграничной поездке в Берлин и Париж в 1926 г. (в рукописи).

132. О научно-исследовательской работе в Рукописном отделении. Доклад (в рукописи).

133. Доклад «годовой цикл» в РАИМКе (в рукописи).

1927

134. Средневековье в рукописях Публичной библиотеки (*Analecta Medii Aevi*). Вып. II / под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. Ленинград: Гос. Публ. библ.-ка. Сер. IV. *Occidentalia*. – 194 с.

135. О незамеченном. (На пути к каталогу древнейших латинских рукописей Публичной библиотеки) // Там же. С. 3–60. [2 марта 1927 г.].

Magoun Jr. Olga Dobiache-Rojdestvensky, ed. Государственная Публичная библиотека в Ленинграде. Серия IV. Occidentalia. Analecta Medii Aevi. – Средневековье в рукописях. Fasc. I. Leningrad, 1925. 93 p., 2 planes. Fasc. II. Leningrad, 1927. IV, 192 p. // Speculum. 1929. № 1. P. 135.

136. Выставка западных часовников с миниатюрами в Публичной библиотеке 28 марта – 4 апреля 1926 г. // Библиотечное обозрение. Ленинград: Гос. Публ. библ.-ка. Кн. 1–2. Стр. 3–18.

137. La Bibliothèque Publique de Léningrad. Dix ans après // *Revue des bibliothèques*. N. 7–8. P. 277–281.

138. Un scribe corbéien du XIIIe siècle // *Paléographia latina* / ed. W.M. Lindsay. Oxford. Pt. V. P. 50–51 [на англ.].

139. Петергофский («Люксембургский») часовник и его миньютюры (миниатюры – О.В.) (в рукописи).

140. Черновики описаний 7 латинских рукописей ГПБ V–VII вв. для 1-го выпуска каталога (в рукописи). [В соавт. с В.В. Бахтиным].

141. То же VIII–IX вв. 2-й выпуск каталога (в рукописи). [В соавт. с С.А. Ушаковым, В.В. Бахтиным].

142. Отчёт западной секции Рукописного отделения за 10 лет (в рукописи).

1928

143. К вопросу о Рейградской рукописи // Доклады АН СССР. Сер. В. № 9. С. 192–199.

144. Из курсовых воспоминаний // Ольга Константиновна Нечаева. 1860–1926: Сб. / под ред. Е.П. Летковой-Султановой, И.М. Гревса. Ленинград: Время. С. 88–93.

145. Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки VII–IX вв.» / под ред. О.А. Добиаш-Рождественской (средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Вып. IV) (в рукописи) [на фр.].

146. «Le Moyen âge». Заметка о работах русских медиевистов в 1927–1928 гг. (в рукописи) [на фр.].

147. Un manuscrit de Bède à Leningrad // *Speculum*. Vol. 111. № 3. P. 314–321, 3 tables [на англ.].

148. Arbeiten zur deutschen mittelalterlichen Geschichte in russischer Sprache (1917–1926) // *Jahresberichte für deutsche Geschichte*. 2 Jg. Leipzig. S. 734–737 [на нем.].

149. Доклад «Как описывать кодексы V–VII вв.» (ГПБ) (в рукописи).

1929

150. Средневековье в рукописях Публичной библиотеки (*Analecta Medii Aevi*). Вып. III. *Les anciens manuscrits latins de la Bibliothèque Publique de Leningrad*. Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. I. Рукописи V–VII веков / под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. Ленинград: Гос. Публ. библ.-ка. Сер. IV. *Occidentalia*. – 64 с., 4 табл.

151. Introduction // Там же. С. 3–17 [на фр.].

152. Западное средневековое искусство // История искусств всех времён и народов: ежемесячное приложение к журналу «Вестник знания». Кн. 4. С. 214–224.

153. По поводу фрагмента стихотворений Катулла в Библиотеке Академии Наук СССР // Доклады АН СССР. Сер. В. № 4. С. 59–61.

154. Западный фонд МУП АН СССР. Сообщение (в рукописи).

155. «Un livre d'heures historique». «Énigme de gloses marginales d'un livre d'heures historique». (О молитвеннике Марии Стюарт. Лат. Q.v. I 112). [Два варианта статьи] (в рукописи) [на фр.].

156. *La main de Paul Diacre sur un codex du VIIIe siècle evoyé à Adalhard* // *Memorie storiche Forogiuliesi*. Vol. XXV. P. 1–15 [на фр.].

157. *Arbeiten zur deutschen mittelalterlichen Geschichte in russischer Sprache* // *Jahresberichte für deutsche Geschichte*. 3 Jg. 1927. Leipzig. S. 688–693 [на нем.].

158. *Trois manuscrits commandés par Adalhard* (в рукописи) [на фр.].

159. Ш.В. Ланглуа. Заметка (в рукописи).

160. Отчёт о научной командировке в Берлин и Париж в июле–августе 1929 г. (в рукописи).

161. Принципы составления каталога западных рукописей и их существование на Западе и в СССР. Доклад (ГПБ) (в рукописи).

162. То же. Лекция для библиотекарей (в рукописи).

163. То же. Статья (в рукописи).

1930

164. Мастерские письма на заре западного средневековья и их сокровища в Ленинграде // Труды Комиссии по истории знаний АН СССР. № 10. / под ред. В.И. Вернадского и И.Ю. Крачковского. Ленинград: АН СССР. – 32 с.

165. О библиографировании рукописей. (На материале западных фондов) // *Библиотековедение и библиография*. № 1–2. С. 90–100.

166. *Un codex insulaire de VII–IX siècles à Corbie (Leninopolitani F.v. I 3)* // *Известия Академии Наук СССР. Отд. гуманитарных наук*. № 3. Стр. 183–193 [на фр.].

167. *Un manuscrit oublié. Le Codex Q.v. I. 6–10 de la Bibliothèque Publique de Leningrad* // *Speculum*. № 1. P. 21–28, tables [на фр.].

168. *Arbeiten zur deutschen mittelalterlichen Geschichte in russischer Sprache* // *Jahresberichte für deutsche Geschichte*. 4 Jg. 1928. Leipzig. S. 595–597 [на нем.].

169. Искусство средневекового Запада. Для украинского издания (в рукописи).

170. О языке нашего взаимного осведомления с Западом. Доклад в ГПБ (в рукописи).

171. Литературные и художественные мотивы в аквитанской культуре XI века (Рук. ГПБ. Q.v. IV 3) (в рукописи).

1931

172. Les poésies des goliards, groupées et traduites avec le texte latin en regard / Préface de F. Lot. Paris: Rieder, 1931. – 271 p.

Faral Ed. Dobiach–Rojdestvensky (Olga). Le Poésies des Goliards groupées et traduites avec le texte latin en regard. Paris: Rieder. 1931. 272 p. // Revue critique d'histoire et de littérature. 1931. № 5. P. 217–220.

Hanford J.H. O. Dobiache–Rojdestvensky. Les Poésie des Goliards groupées et traduites avec le texte latin en regard. Les Textes Christianism IX. Paris: Rieder. 1931. 272 p. // Speculum. 1931. № 4. P. 617–619.

173. Questions corbéennes // Studien zur lateinischen Dichtung des Mittelalters / ehrengabe für Karl Strecker. Heft 1. Dresden. S. 18–28.

174. Arbeiten zur deutschen mittelalterlichen Geschichte in russischer Sprache // Jahresberichte für deutsche Geschichte. 5 Jg. 1929. Leipzig. S. 639–642 [на нем.].

175. Comment dater la reglure du codex latin Q.v. I 21. En manuscript (в рукописи) [на фр.].

1932

176. Beschreibung der Leningrader Codices aus Weissenau / Lehmann P. Zentralblatt für Bibliothekswesen. Leipzig. S. 1–11 [на нем.].

177. Beiträge zur deutschen mittelalterlichen Geschichte in russischer Sprache // Jahresberichte für deutsche Geschichte. 6 Jg. 1930. Leipzig. S. 498–500 [на нем.].

178. Формула Ренда и складывание и линование корбийских рукописей (в рукописи).

179. Култ камней в северо-западной Франции в раннее средневековье (в рукописи).

1933

180. Проблема библиотечного шифра (в западных рукописных фондах) / Сб. статей по библиографии и работе научных библиотек / отв. ред. М.В. Буравцев. М.: тип. Гос. центр. книжн. палаты. С. 167–173.

1934

181. Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Leningrad. Leningrad: l'Académie des Sciences de l'URSS. – 173 p. [на фр.].

James L.W. Olga Dobias Rozdestvenskaia. Histoire de l'atelier graphique de Corbit de 651 à 830 reflétée dans les manuscrits de Leningrad. Leningrad: Académie des sciences de l'URSS. 1934. 173 p. Traveaux de l'institut de l'histoire de la science et de technique. Ser. II. Fasc. 3. Codices Corbeienses Leninopolitani // Speculum. 1936. № 3. P. 402–405.

Lindsay W.M. Рецензия на книгу О.А. Добиаш-Рождественской «*Histoire de l'atelier graphique de Corbie*» [на англ.] (в рукописи).

182. Корбийская мастерская письма (Corbeia antiqua) в VII–IX веках и её уники в Ленинграде // Известия АН СССР. Отд. общ. наук. № 4. С. 309–318.

183. Из каких источников мы узнаём о западной земледельческой технике эпохи феодальной формации? Ч. 1: V–XI века // Труды Ин-та истории науки и техники. Сер. I. Архив истории науки и техники. Вып. 3. С. 151–171.

184. Quelques considérations sur la date du Vatic. 3868 (C), Térence // Revue de philologie, de littérature, et d'histoire ancienne. Paris. V. 8 (60). P. 367–368 [на фр.].

185. Автореферат о Корби. Доклад в АН СССР (в рукописи).

186. Корбийский альбом (в 5-ти экз., 99 подлинных снимков) (в рукописи).

1935

187. Отзыв о диссертации Даниловой (в рукописи).

188. Источниковедение по средним векам (учебник для вузов) (в рукописи).

189. Старый и новый ИСТФАК. Заметка (в рукописи).

190. Экспозиция рукописного отделения в 1934 г. Лекции, читанные экскурсоводам в 1935 году (в рукописи). [В соавт. с А.Д. Люблинской].

191. Источниковедение западного Средневековья (ЛИФЛИ, ЛГУ, 1934–1935 гг.)

1936

192. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии / под ред. Б.Д. Грекова. 2-е изд., доп. Москва; Ленинград: тип. арт. «Печатня». – 227 с.

193. Агрикультура в памятниках Западного средневековья: Сб. статей / пер. и комментарии; под ред. проф. О.А. Добиаш-Рождественской и проф. М.И. Бурского / Труды Ин-та истории науки и техники. Сер. V. История агрикультуры. Вып. 1 / под общ. ред. Н.И. Вавилова, В.Р. Вильямса, А.М. Деборина и др. Москва; Ленинград: АН СССР. – 364 с.

194. Историческое предисловие к Агрикультуре в Западном средневековье (в рукописи).

195. Агро- и зоотехнические фрагменты у Исидора Севильского, в варварских правах и у Григория Турского // Агрикультура в памятниках Западного средневековья. С. 1–40. [В соавт. с В.В. Бахтиным].

196. Исидор Севильский и его «этимология». Предисловие к переводу отрывка из Исидора в сборнике «Агрикультура» (в рукописи).

197. Рец.: Franz A., Schimper W. Pflanzen-geographie auf physiologischer Grundlage. V. 1. Jena: Fischer, 1898. – 876 s. (в рукописи).

198. Выступление в прениях по докладу Г.М. Кржижановского «Программа работ Академии наук СССР на 1936 г.» на мартовской сессии АН СССР в 1936 г. // Вестник АН СССР. № 4–6. С. 49–50.

199. Унциальное письмо // БСЭ. Т. 56. Москва: ОГИЗ РСФСР. Стлб. 116.

200. Техника книги в эпоху феодализма для «Всеобщей истории техники в средние века» (в рукописи).

201. Тезисы к докладу «Мысли западного палеографа о палеографии славяно-русской» (в рукописи).

202. Палеография и дипломатика (ЛГУ, 1935–1936 гг.) (в рукописи).

203. Доклад «Ударные проблемы западной палеографии и как на них отзываются рукописи ГПБ?» (ЛГУ) (в рукописи).

1937

204. Акты Кремоны X–XIII веков в собрании Академии наук СССР / подгот. к изд. С.А. Аннинский; под ред. О.А. Добиаш-Рождественской. Москва; Ленинград: АН СССР. – 381 с.

205. Предисловие // Там же. С. I–XXIV.

206. Коллизии во французском обществе XII–XIII вв. по студенческой сатире этой эпохи // Исторические записки. Т. 1. С. 149–174.

207. Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. Москва; Ленинград: АН СССР. С. 109–139, 3 л. факс.

208. Доклад о женщинах–учёных в СССР [по случаю Творческой конференции женщин–учёных Ленинграда с 5 по 7 марта 1937 г.]. *Опубликован О.А. Вальковой в «Вопросах истории естествознания и техники» (2019. Т. 40. Вып. 4. С. 782–789).*

209. Исторические науки в Средние века // БСЭ. Т. 30. Москва: ОГИЗ РСФСР. Стлб. 38–43.

210. Капитальное письмо // Там же. Т. 31. Стлб. 391.

211. Рукописная книга // Там же. Т. 33. Стлб. 167–172. [Статья «Книга»].

212. *Les plus beaux manuscrits de la B.P.* [Рукопись переведена на рус. яз. для сб. «Литературное наследство», вставленного на Парижской выставке 1938 г.]. *Опубликовано соавтором А.Д. Люблинской под названием «Французские миниатюры из семи кодексов Публичной библиотеки. Сообщение». В «Литературном наследстве. Т. 33–34. (Москва: АН СССР. С. 861–869).*

213. Предисловие, перевод, комментарии к французским агрикультурным источникам XIV–XVI вв. (в рукописи).

214. Предисловие к роману В. Скотта «Талисман» (Ричард Львиное Сердце), пер. с англ. С. Вольского (в рукописи).

215. Фашизм в западноевропейском рукописном деле. Делаборд (в рукописи).

216. Рукописная книга для «Всеобщей истории техники в средние века» (в рукописи).

217. Редактирование статей для «Всеобщей истории техники в средние века» (в рукописи).

218. Повесть о средневековой рукописной книге (в рукописи).

219. Доклад «О формах взаимного осведомления в научно-исследовательской работе СССР и Запада» (в рукописи).

220. Заметка о 20-летней работе О.А. Добиаш-Рождественской в связи с юбилеем Великой Октябрьской революции [для стенгазеты] (в рукописи).

221. Парижская Коммуна. Лекция (Дворец пионеров) (в рукописи).
222. Сцены из рыцарских времён А.С. Пушкина. Лекция (БДТ) (в рукописи).
223. Отзыв о диссертации А.С. Бартенева (в рукописи).
224. Отзыв о диссертации И.В. Арского (в рукописи).
225. Отзыв о диссертации Ф.Я. Полянского (в рукописи).

1938

226. Рец.: *L'histoire des langobards, comment fut-elle conçue et achevée?* // *Classical and Mediaeval Studies in Honor of E.K. Rand* / Ed. L.W. Jones. New York // *Speculum*. № 3. P. 79–85 [на фр.].
227. Мабильон // БСЭ. Т. 37. Москва: ОГИЗ РСФСР. Стлб. 598.
228. Мауристы // Там же. Т. 38. Стлб. 489.
229. Монфокон // Там же. Т. 40. Стлб. 157.
230. Культура Западной Европы в период раннего средневековья (до сер. XI в.) для серии «Средние века» «Всемирной истории» (в рукописи).
231. Рукописная книга для юношества (в рукописи).
232. Рукописная книга на Западе (в рукописи).
233. Павел Орозий и его рукопись в ГПБ (в рукописи).
234. Нормандские пергаменные свитки XIII–XIV вв. ГПБ и что они дают для эпохи Столетней войны (в рукописи).
235. Исидор Севильский как историк и просветитель ранней Испании (в рукописи).
236. Тематическая картотека Западных рукописей в ГПБ до XV в. (в рукописи).
237. Агрикультурные фрагменты XIV–XV вв. (перевод, предисловие) (в рукописи).
238. Вестготы в Испании (в рукописи).
239. Мысли о плане Западного Средневекового Отдела. Книга по всеобщей истории АН СССР (в рукописи).
240. Эпиграфика в раннем западном Средневековье (в рукописи).
241. Отзыв о диссертации С.М. Пумпянского (в рукописи).
242. Отзыв о диссертации Г.С. Левина (в рукописи).
243. Отзыв о диссертации В.И. Холмогорова (в рукописи).
244. Отзыв о диссертации Б.Я. Рамма (в рукописи).
245. Отзыв о диссертации М.Э. Ицкова (в рукописи).

1939

246. Хроника Адемара Шабанского и её рукопись в Ленинграде // Учёные записки Ленингр. ун-та. Сер. исторических наук. № 39. Вып.4. Ленинград: ЛГУ. С. 146–161.
247. Павел Диакон // БСЭ. Т. 43. Москва: ОГИЗ РСФСР. Стлб. 737.
248. Палеография // Там же. Стлб. 797–799. [В соавт. с Н.В. Куном, С.В. Шервинским].

249. Палимпсест // Там же. Т. 44. Стлб. 14.

250. Париж. Исторический очерк // Там же. Стлб. 171–185. [В соавт. с Е.А. Менжинским].

251. Испанская рукопись в ГПБ XIV века. Доклад в ГПБ (в рукописи) / Опубликовано соавтором А.Д. Люблинской «Об одной испанской рукописи» в «Культуре Испании: Сб. ст.» (Москва; Ленинград: АН СССР (Таллин). С. 266–296).

1940

252. Письмо латинское [в рукописи «Письмена»] // БСЭ. Т. 45. Москва: ОГИЗ РСФСР. Стлб. 440–441.

1965

253. Древнейшие латинские рукописи. Каталог / сост. О.А. Добиаш-Рождественская. Ч. 2. VIII– нач. IX вв. Ленинград: б.и. – 153 с.

Литература

Вахромеева О.Б. Екатерина Николаевна Чехова и её литературные занятия в 1900-е – 1970-е годы (к 145-летию основания Бестужевских курсов и 150-летию со дня рождения О.А. Добиаш-Рождественской). СПб.: Арт-Экспресс, 2024.

Гайворонский И.Д. IX научные чтения памяти О.А. Добиаш-Рождественской (1874-1939): хроника конференции // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. 2019. № 5. С. 157-161.

Ерошкина О.Н. Историк О.А. Добиаш-Рождественская // Мавродинские чтения: Сб. ст. / под ред. Ю.В. Кривошеева, М.В. Худякова. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 476-481.

Каганович Б.С. О научном наследии О.А. Добиаш-Рождественской / О.А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского Средневековья: научное наследие / отв. ред. В.И. Рутенбург. М.: Наука, 1987.

Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007.

Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Ф.И. Успенский на склоне дней (по материалам академических протоколов 1927-1928 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 73-78.

Лихачёв Н.П., Платонов С.Ф., Бузескул В.П. Записка об учёных трудах проф. О.А. Добиаш-Рождественской / Записки об учёных трудах членов-корреспондентов Академии Наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г. Л.: АН СССР, 1930. С. 27-29.

Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как учёный // Учёные записки ЛГУ. 1941. Сер. исторических наук. Вып. 12. С. 10-26.

Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как историк // Средние века. 1942. Вып. 1. С. 212-226.

Люблинская А.Д. Латинская палеография. М.: Высшая школа, 1969.

Люблинская А.Д., Шаркова И.С. Основные труды О.А. Добиаш-Рождественской / Ершова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л.: ЛГУ, 1988. С. 104-110.

Пушкарёва Н.Л. Женщины в советской науке. 1917-1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92-102.

**«...поставить русскую науку в благоприятные условия
для плодотворной научной работы».
М.И. Ростовцев о политике археологических
исследований**

В.Г. Ананьев, М.Д. Бухарин

Аннотация. Впервые публикуется текст доклада крупнейшего российского антиковеда первой половины XX в. академика РАН М.И. Ростовцева (1870-1952) «Раскопки и охрана памятников, добытых путем раскопок». Доклад был подготовлен весной 1917 г. для работы подкомиссии по музейному делу и охране памятников комиссии по вопросу создания особого министерства искусств, действовавшей весной-летом 1917 г. при Институте истории искусств в Петрограде. Текст приводится по автографу, отложившемуся в архивном фонде Института истории искусств в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: археология, охрана памятников, Институт истории искусств, М.И. Ростовцев.

Публикуемый ниже документ характеризует ту грань научной деятельности крупнейшего российского антиковеда первой половины XX в. академика РАН М.И. Ростовцева (1870-1952), которая вплоть до настоящего времени практически не привлекала внимания исследователей. Речь идёт о его участии в разработке методики и практике охраны памятников, в России рубежа XIX-XX вв. (как и во многих других странах) имевших самую непосредственную связь с археологией [анализ этой связи см.: *Smith, 2004*].

Доклад на тему «Раскопки и охрана памятников, добытых путём раскопок», был сделан учёным на заседании подкомиссии по музейному делу и охране памятников комиссии по вопросу создания особого министерства искусств, действовавшей весной-летом 1917 г. при Институте истории искусств (далее – Институт) в Петрограде [о ней подробнее см.: *Ананьев, 2021: 37-149*]. Институт был основан в 1912 г. по инициативе мецената и искусствоведа графа В.П. Зубова по образцу немецкого Института истории искусств во Флоренции и был призван разрабатывать в России основы искусствоведения как дисциплины, поставленной на научные основания формального метода. М.И. Ростовцев был хорошо знаком с основателем Института. Как показала Т.Д. Исмагулова, В.П. Зубов во время своего недолгого обучения в Санкт-Петербургском университете (1904-1905 гг.) посещал занятия М.И. Ростовцева по курсу «Введение в археологию» [*Зубов, 2004: 230, прим. 67*]. В 1916 г., после введения звания почётных членов Института, в число первых троих, избранных советом учебного заведения, вошёл и М.И. Ростовцев (наряду с сооснователями Института М.Н. Семеновым и Т.Г. Трапезниковым) [Краткий отчёт о деятельности Российского института

истории искусств, 2012: 190]. В следующие полтора года М.И. Ростовцев принимал довольно активное участие в работе этого важного интеллектуального центра Петрограда. Кроме участия в деятельности упомянутой выше подкомиссии, следует отметить и его активное участие в организации и проведении весной 1918 г. «краткосрочных каникулярных курсов специально для преподавателей средней школы, с целью подготовки их к разбору памятников искусства в классе и к художественно-историческим экскурсиям с учениками» [Краткий отчет о деятельности ..., 2012: 192]. М.И. Ростовцев был председателем комиссии по устройству этих курсов и прочёл на них цикл лекций по античному искусству на Юге России [Краткий отчет о деятельности ..., 2012: 192; о курсах см.: *Ананьев*, 2021: 199-204]. Отчёт о преподавании в Институте в 1918-1919 учебном году содержит указание на читавшийся им курс под названием «История античной декоративной живописи» [Краткий отчет о деятельности ..., 2012: 220]. Впрочем, если вспомнить, что уже 30 июня 1918 г. учёный покинул Россию, это едва ли начинание, которое было хоть сколько-нибудь продолжительным. Вместе с тем, как видим, в революционные месяцы 1917-1918 гг. М.И. Ростовцев достаточно активно участвовал в жизни первого в России научно-учебного заведения, посвящённого проблемам изучения искусства.

Публикуемый доклад вполне логично встраивается в общую систему научных, научно-популярных и публицистических работ М.И. Ростовцева, датируемых рассматриваемым периодом. В нём можно найти точки пересечения и элементы совпадения с другими его статьями, как опубликованными в то же время, так и написанными тогда же, а опубликованными значительно позже. Анализ роли государства в развитии археологического расследования страны, а также указания на разрыв между научным и общественным пониманием ценности памятника находят явные параллели в статье М.И. Ростовцева «Наука и революция», опубликованной в 1917 г. в «Русской мысли» [см.: *Ростовцев*, 1917: 1-16; переиздание с комментариями см. в: *Ростовцев*, 2002]. Материал, связанный с причерноморской (античной греческой и скифской) тематикой, будет детально проработан им в статье «Классические и скифские древности северного побережья Чёрного моря», опубликованной лишь в 1993 г. И.В. Тункиной и приблизительно датируемой публикатором началом 1918 г. [*Ростовцев*, 1993; *Тункина*, 1993]. Наконец, общие представления о характере и динамике исторического процесса в контексте взаимодействия и взаимовлияния культур будут развиваться практически во всех специальных исследованиях М.И. Ростовцева следующих десятилетий.

Вместе с тем, именно этот текст представляет существенный интерес как попытка объединения всех этих направлений мысли в единое целое, точкой сборки которого выступает охрана памятников, – область одинаково близкая, одинаково важная и одинаково зависимая как от научного, так и от политического (в широком смысле слова) дискурсов. Дополнительное значение докладу придают сохранившиеся в том же архивном фонде отклики на него других членов подкомиссии по музейному делу и охране памятников: антиковеда, члена-корреспондента РАН Б.В. Фармаковского (1870-1928), археолога и этнографа, хранителя Этнографического отдела Русского музея императора Алек-

сандра III А.А. Миллера (1875-1934) и этнографа, антрополога, заведующего тем же Отделом Н.М. Могилянского (1871-1933)¹. Каждый из них дополняет и конкретизирует высказанные М.И. Ростовцевым идеи, опираясь на собственный научный опыт и область своих научных интересов.

Безусловно, в докладе есть и лакуны. Так, например, удивительным образом М.И. Ростовцев ни словом не упоминает свершения русской археологии на Востоке, в частности, в Русском и Китайском Туркестане. Экспедиции Д.А. Клеменца в Монголии и Восточном Туркестане, С.М. Дудина и В.В. Бартольда в Русском Туркестане, М.М. и М.Н. Березовских 1905-1907 и, особенно яркие, экспедиции П.К. Козлова в Монголии 1907-1909 и С.Ф. Ольденбурга в Восточном Туркестане 1909-1910 и 1914-1914 гг. остались вне поля зрения М.И. Ростовцева. Особенно странно выглядит умалчивание заслуг П.К. Козлова, экспедиция которого сделала выдающееся открытие – города Хара-Хото с целым комплексом замечательных памятников, в том числе тангутской литературы, и коллеги М.И. Ростовцева по Академии наук, неперменного секретаря РАН С.Ф. Ольденбурга, деятельность которого в Восточном Туркестане носила не только исследовательский, но и охранный характер.

Несмотря на это, публикация данного доклада М.И. Ростовцева и в настоящее время имеет не только чисто историографический интерес, но и вполне практическое значение, т.к. поставленные в нём вопросы охраны памятников, отношения к ним со стороны как государства, так и общества вне всяких сомнений сохраняют актуальность.

Раскопки и охрана памятников, добытых путем раскопок

I

В деле археологического обследования нашей родины, которое возможно только путём систематических и научных раскопок, мы далеко отстали от большинства крупных государств Западной Европы.

В наших руках богатейший материал первостепенной научной важности, часто первоклассного художественного значения, сделали же мы для систематического изучения этого материала чрезвычайно мало.

Напомню основные рубрики, на которые этот материал распадается, и постараюсь в двух словах указать на его значение. Для так называемой доисторической и протоисторической археологии Россия до сих пор является большим сфинксом особенно постольку, поскольку дело касается восточных составных частей – всей *Средней Азии* и *Сибири*. Между тем, выявить научно черты этого сфинкса так же важно, как разобраться в древнейших стадиях развития человечества в старейших носительницах культурной жизни человечества – областях

¹ Как следует из Отчёта института [Краткий отчёт о деятельности ..., 2012: 191], замечания на доклад М.И. Ростовцева дал также и ещё один сотрудник Этнографического отдела Русского музея К.К. Романов (1882-1942). В настоящее время обнаружить этот документ ни в фонде Института в ЦГАЛИ СПб, ни в фонде самого К.К. Романова в РО НА ИИМК РАН нам не удалось.

по течению Тигра и Евфрата и далее на Восток, где эти области непосредственно смыкаются с нашей Средней Азией и Сибирью. Здесь лежит, может быть, ключ к великой проблеме культурного развития иранства и к разрешению многих спорных вопросов о приоритете и руководящей роли в культурной жизни человечества Востока ли – колыбели человеческой культуры – или, как это в последнее время доказывала влиятельная школа германских ученых, Запада, специально Германии, доисторические древности которой были в последнее время предметом тщательнейшего научного систематического изучения, причём добытые результаты постепенно поставили Германию почти на уровень наиболее тщательно изученных в доисторическом отношении стран – Франции и Италии, в последнее время Испании. Не зная совершенно доисторического прошлого нашей Средней Азии, пока исследованной в археологическом отношении только иностранными учеными экспедициями (экспедиция американца Pompelly²), зная только островки в море культурной эволюции Сибири, мы не в состоянии, хотя были бы обязаны, сделать наш взнос в сокровищницу материала, от полноты которого зависит разрешение кардинальнейших вопросов истории человеческой культуры вообще.

Не меньшее значение имеет доисторическая и протоисторическая жизнь Кавказа. И здесь на очереди вопрос кардинальной важности, поставленный в последнее время лингвистами³, вопрос о культурной истории тех племен, которые не являются ни арийцами, ни семитами, и которых в новейшее время принято называть яфетидами⁴ (родоначальники армян, грузин и других сейчас еще существующих кавказских племен, связь которых с малоазийскими и сирийскими хеттами, а может быть, и с этрусками, весьма вероятна). Кое-что в этом отношении, частью русскими, частью иностранцами, сделано: напомним работы графа и графини Уваровых⁵, Сысоева⁶, Самоквасова⁷, Антоновича⁸,

² Пампелли, Рафаэль (Pumpelly, Raphael; 1837-1923) – американский геолог, историк архитектуры Средней Азии. Р. Пампелли одним из первых провёл на научной основе геологические работы в Китае, Монголии, в Сибири. В 1903 г. руководил Американской экспедицией Института Карнеги в Туркестане, исследовавшей, в частности, Старый Мерв. Экспедиция открыла Анаускую культуру позднего энеолита – ранней бронзы; см.: [Pumpelly, Davis, Huntington, 1905; Explorations in Turkestan, 1908]; о Р. Пампелли см.: [Rapp, 2015].

³ Имеется в виду, прежде всего, Николай Яковлевич Марр (1864-1934) – лингвист-кавказовед, археолог, академик ИАН (1912), впоследствии создатель псевдонаучных яфетической теории языкового родства и «нового учения о языке».

⁴ Яфетиды – обозначение носителей яфетических языков, получивших своё название по имени Иафета – сына Ноя, брата Сима и Хама. Яфетическая теория (теория родства яфетических языков) была разработана Н.Я. Марром. Содержательно наполнение яфетической теории эволюционировало. Изначально яфетические языки трактовались учёным как семья, в которую входили языки Кавказа, а также некоторые изолированные языки. Затем яфетический язык в трактовке Н.Я. Марра обозначал универсальную стадию в развитии языков вообще. О лингвистических теориях Н.Я. Марра см., в частности: [Алпатов, 2011].

⁵ Имеются в виду: Уварова (урожд. кн. Щербатова), Прасковья Сергеевна (1840-1924) – графиня, археолог, организатор науки, меценат, коллекционер древностей; почётный член ИАН (1894), РАО (22.04.1892), МАО (1885), РАИК (1895), АХ (1910) и МУ. С 1884 г. председатель МАО. Председатель Комиссии по изучению старой Москвы, Комиссии по сохранению древних памятников (1890), товарищ председателя Восточной комиссии МАО. Совершила шесть археологических экспедиций по Кавказу (1886-1910). Член Комитета по устройству в Москве Музея изящных искусств (1898). Основательница Музея старой Москвы при МАО (1909). Основные труды посвящены археологии Кавказа [Жебелев, 2017: 583-584].

Ресслера⁹, Ивановского¹⁰, с одной стороны, Вирхова¹¹, де Моргана¹² и других – с другой. Но настоящей системы и научного метода в этих исследованиях не было, и задача, хотя и осознана, но к разрешению ее едва-едва приступлено.

Уваров, Алексей Сергеевич (1824-1885) – граф, сын С.С. Уварова, муж П.С. Уваровой, археолог, благотворитель, член-корреспондент (1856), почётный член (1856) ИАН, один из основателей ИРАО, основатель МАО (1864), его первый президент, председатель Учёной комиссии по созданию Исторического музея в Москве и его Строительной комиссии, первый директор музея.

Основные работы посвящены истории Южной России и археологии Центральной России. [Жебелёв, 2017: 582-583].

⁶ Сысоев, Василий Михайлович (1864-1933) – археолог, преподаватель классических языков, член-корреспондент ИРАО (1892), действительный член МАО (1903). Основные труды посвящены археологии Прикубанья; один из основателей в 1898 г. Общества любителей истории Кубанской области (ОЛИКО). В дальнейшем работал в образовательных учреждениях Одессы и Кутаиси; см. работы: [Сысоев, 1904, 1896, 1899; Сысоев, Фелицын, 1898]. О нём см.: [Науменко, 2016].

⁷ Самоквасов, Дмитрий Яковлевич (1843-1911) – археолог, археограф, историк-архивист; действительный член РАО (17.03.1877); член-корреспондент (02.11.1873), действительный член (05.10.1876) МАО; член-корреспондент (1886), сверхштатный член (1891) ИАК.

Д.Я. Самоквасов внёс вклад в развитие археологии как исследователь Черниговских курганов, первооткрыватель ряда археологических памятников и как один из основоположников научной методики раскопок [Жебелёв, 2017: 529].

См., в частности: [Антонович, Самоквасов, 1874; Самоквасов, 1908, 1909, 1916].

⁸ Антонович, Владимир Бонифатьевич (1834, или 1830-1908) – историк, археолог, археограф, фольклорист, общественный деятель, один из основоположников украинской национальной историографии, глава киевской школы украинских историков; действительный член МАО (1874), РАО (30.03.1894), почётный член Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (1883); основатель и председатель (1881-1883, с 1896) Исторического общества Нестора-летописца при Университете Св. Владимира в Киеве; приват-доцент (1870-1878), ординарный (1878), заслуженный ординарный профессор кафедры русской истории, декан ИФФ УСВ (1880–1883) [Жебелёв, 2017: 187].

Основные труды посвящены истории Правобережной Украины и Великого княжества Литовского, археологии Украины; см.: «Археологическая карта Киевской губернии» (Приложение к: Древности. Тр. МАО. М., 1895. Т. 15), «Археологическая карта Волынской губернии с картой, указателем имен географических, указателем предметным и перечислением источников, послуживших при составлении карты» (Тр. XI АС в Киеве. 1899. М., 1901. Т. 1. С. 1-133).

⁹ Рёслер, Эмиль Александрович (?–?) – член-корреспондент ИАК (точные даты жизни неизвестны); см.: [Императорская археологическая комиссия (1859-1917), 2019: 59]. Э.А. Рёслер находился под подозрением у П.С. Уваровой в краже археологических находок и пересылке их Р. Вирхову. Но отстоял своё честное имя и вывел «на чистую воду» нечистоплотного раскопщика – горного техника Д.Г. Шульца. Все подозрения с Э.А. Ресслера были сняты [см.: Клейн, 2014: 477].

См.: [Ресслер, 1903; Рёслер, 1904, 1905; Реслер, 1906].

¹⁰ Ивановский, Лев Константинович (1845-1892) – антрополог, археолог-любитель, коллекционер древностей; действительный член (31.01.1873), секретарь Отделения русской и славянской археологии РАО (19.03.1879-18.04.1885), действительный член МАО (06.11.1875). В 1872-1891 гг. исследовал 5877 курганов и сопок в Новгородской, Ярославской и Петербургской губерниях [Жебелёв, 2017: 327-329].

См.: [Ивановский, 1877, 1880, 1881a, b, 1884a, b].

¹¹ Вирхов, Рудольф Людвиг Карл (Virchow, Rudolf Ludwig Karl; 1821-1902) – немецкий физиолог (основатель изучения клеточной патологии), антрополог, археолог. Участвовал в раскопках Трои Г. Шлимана, исследовал памятники Бронзового века в Европе и свайные постройки.

¹² де Морган, Жак-Жан-Мари (*de Morgan, Jacques-Jean-Marie*; 1857-1924) – французский геолог, антиквар, археолог, директор Верховного совета древностей Египта (1892-1897); также проводил исследования в Закавказье (Ахтала, Алаверди), где открыл ряд памятников, и в Иране – в частности, в Сузах он обнаружил копию законов Хаммурапи.

Тот же Кавказ ставит перед нами проблему колоссальной важности – вопрос о культурной физиономии великого Ванского царства, о его влиянии и о влиянии через него великих ассиро-вавилонских и иранских очагов культуры как на соседних ему горцев Кавказа, так и на население прилегающих к Кавказу степей южной России, которые не могли не быть передаточной инстанцией и местом смешения культурных элементов, двигавшихся с Востока на Запад и обратным порядком – с Запада на Восток.

Кардинально важным становится поэтому вопрос о доисторическом прошлом *Прикубанья*, частью Южного *Поволжья*, *Придонья*, *Приднепровья* и *Прибужья*, где даже едва намеченное пока систематическое исследование уже отметило как сильнейшую восточную струю, главным образом, на восточном берегу Черного моря и в Прикубанье, и не менее сильную волну западную, связанную тесными узами с развитием культурной жизни в Малой Азии.

К степям юга России примыкают степи Приволжья и Приуралья, соединяющие Россию с Сибирью и Средней Азией и несущие туда и оттуда взаимные культурные достижения, а с севера – вся Средняя и Северная Россия, теснейшим образом связанная с Северной Европой, специально со Скандинавскими странами.

Из этого беглого очерка видно, какие колоссальные задачи раскрываются для работы русских ученых в области доисторической археологии, какое море памятников должно дать систематическое изучение и расследование России в этом отношении, как важен общий план в этом деле, которое без него останется ненужным и бесплодным.

Провести грань между доисторическим, протоисторическим и историческим прошлым для России чрезвычайно затруднительно.

Уже Ванское царство на Кавказе, тесно связанное с историей Ассиро-Вавилонии и Персии и давшее ряд письменных памятников, выходит за пределы преистории и протоистории. С появлением первых *греческих колоний* на берегах Черного моря, вероятно, еще в VII веке до Рождества Христова, выходит на арену истории и Причерноморье, опоясывающееся целой серией цветущих греческих городов и на Кавказе, и на Тамани, и на берегах Керченского пролива, и по берегам Азовского моря, и в Крыму, и у устьев Днепра, Буга и Днестра. Исследование истории этих городов, имеющее огромное значение для истории человечества вообще, возможно, главным образом, путем археологических изысканий и раскопок, дающих богатый письменный и вещественный материал, последний иногда первостепенного художественного значения.

Через греческие города Причерноморья в область истории античного мира входит и великое *Скифское царство* – одна из великих иранских держав, упрочившаяся в степях Причерноморья, как Персия упрочилась в Передней и Малой Азии. Великой проблемой мирового исторического исследования является, прежде всего, изучение происхождения и рождения этого царства в эпоху второго могучего движения иранства на запад, причем ему пришлось столкнуться как с великими семитическими державами, так и с сильным поступательным движением фракийских племен на восток и юго-восток, в Малую Азию и в

степи Южной России. Не менее важно выяснить и историю этого царства, его отношение к греческим городам Причерноморья, к великой культурной семье кавказских племен, к надвигавшимся с востока новым волнам иранских племен и, наконец, к своим северным, частью финским, частью славянским, соседям, а также к великой соседившей с запада семье фракийских племен.

Для разрешения всех этих вопросов литературных данных и письменных памятников у нас чрезвычайно мало, одна надежда на систематическое археологическое расследование как населенных центров скифского царства и зависимых от него племен и народов, так и многочисленных богатых и бедных погребений эпохи, где нашли себе упокоение и цари, и вассальные им князья, и их дружина, и море оседлых и кочевых их подданных.

Большой экономический расцвет и огромное политическое значение скифского царства, постоянная связь с Элладой, Кавказом, великим иранским миром и его частью туранскими соседями, а также с миром западной и северной не эллинской фракийской, кельтской, германской, славянской и финской культуры наложили определенный отпечаток на смешанную культуру Скифского царства, давшую ряд чрезвычайно оригинальных и самобытных памятников, имеющих первостепенное значение как для развития культурной жизни позднейшей славяно-финской группы России, так и для некоторых аспектов культурного уклада фракийской, кельтской, иллирийской и германской Западной Европы. Выявить основные черты этой культуры, ее эволюцию, ее зависимость от соседей и ее влияние на них является задачей русской науки, осуществимой только путем планомерного и систематического археологического расследования, путем продуманных и правильно поставленных археологических раскопок.

Постепенное захирение и упадок Скифского царства, ослабленного напором и с запада, и с севера, и с востока повело, прежде всего, к непрерывной смене новых этнических волн, сначала иранских (сарматы), затем туранских в степях юга России. Эти волны, задерживаясь и оседая на время в наших степях, насыщаются элементами скифской культуры и, катясь дальше, несут ее в Западную Европу, подвергаясь в то же время повторному влиянию со стороны все развивающейся и меняющей свои аспекты античной культуры, а также тех восточных культурных очагов, которые, в связи с той же античной культурой, давали новые, иногда могучие отпрыски великой восточной цивилизации. И здесь только археология и раскопки могут дать нам представление о существовании культурной эволюции и ее мировом историческом значении.

Одновременно с постоянной сменой кочевых и полуоседлых племен в степях юга России идет процесс создания прочных *национальных государственных образований* как на юге, так и в пределах славянской России. В Крыму и на Кавказе, под сильнейшим влиянием античной культуры в ее византийском аспекте, создается ряд сравнительно прочных государств с высокоразвитой христианской культурой, памятники которой и сейчас еще поражают своим величием и красотой. Возрождение Ани, этого первостепенного культурного и политического центра, даст надежду на возможность ряда подобных воскре-

сений, которые помогут нам заполнить пробелы литературной и письменной традиции и восстановить в былом величии культуру Грузии и Армении.

Одновременно на берегах Днепра постепенно создавалась на базе старого культурного развития этих исконно культурных областей великая Киевская Русь, долетописная история которой может быть выявлена только путем систематического и планомерного археологического расследования всего Приднепровья и прилегающих областей, которое позволит, несомненно, восстановить те предпосылки, без которых необъясним пышный и богатый Киев X и следующих веков. Но и в летописный период история растущей, крепнущей и развивающейся Руси без помощи археологии написана быть не может. Культура, быт, социальный и экономический уклад Руси и в ее культурных центрах, и в ее постепенном продвижении вглубь финских племен, и в ее взаимоотношении к южным и восточным соседям, а также к западу только тогда будут нам действительно знакомы и близки, когда письменные памятники будут дополнены и объяснены всем богатством памятников археологических, добытых не случайно и хаотически, а планомерно и научно¹³.

II

Наброшенная картина культурно-исторической эволюции человечества на пространстве современной России показывает, какие бесконечно важные и бесконечно трудные задачи стоят перед делом археологического расследования России путем раскопок и систематизации равно как научного исследования добытых раскопками памятников.

Нельзя сказать, чтобы в этом отношении в России не было сделано ничего. Полувекковая деятельность Археологической Комиссии¹⁴, большая работа Ака-

¹³ Специально рассматривая эти вопросы, М.И. Ростовцев писал: "...l'histoire de la Russie remonte dans le passé bien au delà de celle des Slaves, et que l'on ne peut établir cette histoire isolément, indépendamment de celle du monde civilisé de l'époque gréco-romaine et de l'époque des migrations des peuples, la Russie, et surtout la Russie méridionale, ayant participé à la vie de ce monde civilisé" [*Rostovtzeff*, 1922: 7] – «...история России уходит вглубь прошлого далеко за пределы славянского прошлого, эту историю нельзя установить изолированно, независимо от истории цивилизованного мира греко-римской эпохи и эпохи (Великого) переселения народов, так как Россия, и особенно, Южная Россия, принимала участие в жизни этого цивилизованного мира».

¹⁴ Императорская археологическая комиссия – главный орган по руководству археологическими исследованиями в России в 1859-1919 гг. АК была сформирована на базе Комиссии для расследования древностей, учрежденной в 1850 г. В 1919 г. полномочия АК были переданы Российской академии истории материальной культуры. В 1889 г. АК была единственным учреждением, уполномоченным выдавать разрешения («открытые листы») на проведение раскопок. В 1862-1918 гг. ежегодно выходили «Отчёты ИАК», в 1901-1918 – «Известия ИАК».

М.И. Ростовцев был сверхштатным членом ИАК. Он неоднократно высказывался как критически о деятельности её членов, так и воздавал должное за их подлинные заслуги; см.: [Императорская Археологическая комиссия (1859-1917), 2009: 67-69].

¹⁵ Перечисление М.И. Ростовцевым структур, имевших отношение к развитию археологии в России, имеет свою внятную логику: сначала указаны структуры государственные – ИАК и ИАН, затем указаны два главных археологических общества – МАО и РАО, деятельность которых санкционировалась и частично финансировалась государством, затем – один из видимых результатов их деятельности – археологические съезды; затем перечисление спускается на уровень локальных учреждений – «местные» (городские общества) и комиссии.

демии Наук¹⁵, Московского¹⁶ и Петербургского Археологических Обществ¹⁷, упорные старания Археологических съездов¹⁸, интенсивные труды Одесского

Вклад Академии наук в развитие отечественной археологии был исключительным по своей значимости уже в первые десятилетия существования самой АН. В XVIII-XIX вв. развитие академической археологии, т.е. экспедиций, инициированных и поддержанных АН, связано как с именами отдельных энтузиастов, так и учреждений, находившихся в структуре ИАН – Кунсткамеры (основана в 1714 г.) и Азиатского музея АН (основан в 1818 г.).

К эпохальным событиям следует отнести организацию и проведение Великой Северной (Второй камчатской) экспедиции (1733-1743) под руководством В. Беринга: археологические работы вели Г.Ф. Миллер и И. Гмелин; важнейшим этапом в развитии науки XVIII в. в целом и археологии в частности были экспедиции П.С. Паласа 1768-1774 гг., избранного членом ИАН в 1767 г. и в 1767-1771 гг. бывшего директором Кунсткамеры. Для археологического направления дореволюционного периода истории музея важнейшее значение имела деятельность академика В.В. Радлова, бывшего директором музея в 1894-1918 гг.

В структуре АН не существовало учреждения, деятельность которого была напрямую ориентирована на ведение собственно раскопок. Эту роль выполняли негосударственные археологические общества и Императорская археологическая комиссия, подчинявшаяся Министерству императорского двора и уделов.

Определенно, М.И. Ростовцев должен был иметь в виду тот вклад, который внесли в развитие археологии сами члены АН. Среди них для М.И. Ростовцева особняком должна была стоять деятельность его учителя академика (с 1898 г.) Н.П. Кондакова (1844-1925), хотя сегодняшнее понимание археологии как науки существенно отличается от точки зрения рубежа XIX-XX вв., см.: [Ананьев, Бухарин, 2018]. Ср. работу Кондакова-археолога [Кондаков, 1904] – искусствоведческое и историко-архитектурное описание памятников без проведения раскопок.

¹⁵ Московское археологическое общество (с 1881 г. – Императорское) – научно-просветительское общество, основанное бароном С.Г. Строгановым и графом А.С. Уваровым в 1864 г. с целью развития археологических исследований. В структуре МАО действовали следующие комиссии: по сохранению памятников (с 1876), Восточная (с 1887), Славянская (с 1892), Археологическая (с 1896), по изучению старой Москвы (с 1909).

МАО занималось также охраной и реставрацией памятников старины, издательской деятельностью («Древности. Труды Московского археологического общества», 1865-1917 (также свою серию «Древностей» выпускала каждая комиссия), «Археологический вестник», 1867-1868, «Материалы по археологии Кавказа...», 1888-1916, «Материалы по археологии Восточных губерний России», 1893-1899, «Археологические известия и заметки», 1893-1900).

Датой основания считается 17 (29) февраля 1864 г., когда состоялось первое заседание МАО. МАО было закрыто в 1923 г., деятельность Комиссии по изучению старой Москвы продолжалась до 1930 г.

¹⁶ Имеется в виду Императорское Русское Археологическое общество – научно-просветительское общество, основанное в 1846 г. как Санкт-Петербургское археологическо-нумизматическое общество Б. Кёне и Я. Рейхелем. В 1849 г. переименовано в Императорское Археологическое общество.

Первоначальный акцент на классическую археологию, нумизматику и геральдику Запада и Востока сместился на более широкий спектр вопросов. В 1851 г. деятельность ИРАО направлялась по трём отделениям: 1) отделение русской и славянской археологии, 2) отделение восточной археологии и 3) отделение древнеклассической, византийской и западноевропейской археологии.

ИРАО издавало ряд авторитетных периодических изданий: «Mémoires de la Société archéologique et de numismatique de St.-Petersburg» (1847-1852), «Записки Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества» (1847-1858), «Известия Русского археологического общества» (1859-1884), «Записки Русского археологического общества (Записки новой серии)», 1886-1902.

Отделения Общества также выпускали свои периодические издания. Так «Записки Восточного отделения ИРАО» в 1887-1921 гг. были, фактически, главным периодическим изданием страны в области востоковедения.

М.И. Ростовцев избран членом ИРАО в 1897 г. (член-сотрудник с 1894 г.). См.: [Жебелёв, 2017].

¹⁷ Археологические съезды – важнейший научный форум, собиравший историков, археологов, архивистов, специалистов иных научных направлений. До 1917 г. было проведено 15 съездов (последний – в 1911 г.). Инициатива проведения была выдвинута МАО в 1864 г. Первый съезд был проведён в Москве в 1869 г. В дальнейшем съезды проводились в основном с периодичностью один раз в три года.

Также проводились областные археологические съезды, которые устраивали губернские учёные архивные комиссии. Всего было проведено четыре областных съезда.

По результатам работы съездов издавались «Труды». Под влиянием съездов появлялись новые исторические общества, устраивались музеи. Археологические съезды играли важнейшую роль в формировании научной среды в области исторических наук. См.: [Серых, 2014].

общества истории и древностей¹⁹, Киевских научных организаций²⁰ и целого ряда архивных комиссий²¹ добыла немало материала, разбросанного по разным музеям, и открыла немало памятников древности. Но во всей этой работе не было ни системы, ни плана, не было ясно осознанных научных задач и правильного представления о необходимости для каждой самой мелкой работы строго продуманного и выработанного метода.

Наиболее систематичной, руководящей и определяющей должна была бы быть работа Археологической Комиссии. На деле этого нет и не было. Я не вижу определенного и продуманного плана в тех спорадических раскопках в области предистории, которые, и то только в последнее время, производились Комиссией. Не вижу и руководящих указаний в ее публикациях и при разрешении тех или иных расследований частным лицам и организациям, которые определили бы пути и способы систематического археологического расследования доисторической России. Не вижу и попыток настоять на создании настоящих доисторических музеев как центрального, так и местных, столь настоятельно необходимых для России. Исторический музей в Москве²² создан был не по инициативе Комиссии и никогда не пользовался особым ее благоволением.

Не скажу, чтобы иначе обстояло дело и в области исследования классической и скифской эпохи в жизни южной России. Здесь, несомненно, сделано больше всего, и результаты кажутся блестящими и грандиозными. Достаточно пройти по соответственным залам Эрмитажа, залам классических и скифских древностей.

Но этот блеск не настоящий, так как всецело зависит от богатства самой эпохи и роскоши обряда погребения. Между тем, количество и качество от-

¹⁹ Одесское общество истории и древностей – научно-просветительское общество, учрежденное в 1839 г. по инициативе генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского графа, светлейшего князя С.М. Воронцова (1782-1856) с целью поиска, сбора, учёта и хранения памятников древности, сбора документальных источников и изучения истории Южной России, сбора научной литературы и публикации собственных периодических изданий. Записки ООИД (всего 33 тома) издавались с 1844 по 1916 г.

ООИД получило права на проведение раскопок в Южной России и вело археологические исследования в Ольвии, Керчи, Херсонесе и на ряде других памятников. См., в частности: [Наріжний, 1942; Дзис-Райко, 1983].

²⁰ Например: Временная комиссия для разбора древних актов в Киеве (1843-1921), Историческое общество Нестора-летописца при Университете Св. Владимира (1872-1917), Киевское общество охраны памятников старины и искусства (1910-1919), Киевская губернская учёная архивная комиссия (1914-?), Церковно-Археологическое Общество при Киевской духовной Академии (1872-?; с 1903 – Церковно-историческое и археологическое общества), Юридическое общество при университете Св. Владимира в Киеве. См., в частности: [Стенанский, 1975: 53-54].

²¹ Вероятно, М.И. Ростовцев имеет в виду губернские архивные комиссии, которые создавались с 1884 г. Всего была создана 41 комиссия. В задачу комиссий входила, в частности, организация архивов из тех документов, которые имели историческую ценность, но не требовались для текущего ведения дел. Многие комиссии издавали собственные «Труды», участвовали в организации археологических съездов и даже сами инициировали и проводили раскопки.

²² Государственный исторический музей был основан в 1872 г.

Непосредственным толчком к основанию музея послужила Московская политехническая выставка к 200-летию со дня рождения Петра I, послужившая также толчком к основанию Политехнического музея. В работе по основанию музея активное участие принимал граф А.С. Уваров – основатель МАО.

дельных поразительных вещей отнюдь не пропорционально могущим быть добытыми путем их изучения научным результатам.

Я не раз уже говорил об этом и в печати²³, и устно в публичных собраниях, и позволю себе здесь только вкратце резюмировать положение дела.

Работа раскопок до самого последнего времени в огромном большинстве случаев велась не с целью выяснения научно поставленных существенных вопросов, а с целью добывания возможно дешевым способом возможно большего количества по возможности наиболее драгоценных вещей для заполнения ими музеев.

При проведении такого принципа, который теоретически, конечно, никогда не провозглашался, получились нижеследующие результаты.

Старались копать, возможно, более дешево, то есть избегать сложных раскопок, требующих ряда специалистов, больших и квалифицированных знаний, большого технико-научного аппарата. Поэтому брались только за сравнительно легкие задачи, почему, например, к раскопке руин отдельных городов приступлено только в последнее время, и то только в двух пунктах – в Ольвии²⁴ и в Херсонесе²⁵. В Керчи – главном культурном городском центре классического юга – сделана была только одна бессистемная и ненаучная попытка²⁶, другие не менее важные центры лежат не тронутыми.

²³ Вероятно, М.И. Ростовцев имеет в виду следующие публикации: [Ростовцев, 1906, 1907].

В том же 1917 г., что и доклад «Раскопки и охрана памятников, добытых путём раскопок», но несколько позднее вышла ещё одна принципиальная статья на данную тему, одним из авторов которой выступил М.И. Ростовцев: [Бартольд, Дьяконов, Латышев, Марр, Ростовцев, 1917].

²⁴ В дореволюционное время археологическое исследование Ольвии связано с именами В.В. Латышева, Ю.А. Кулаковского и Б.В. Фармаковского. Последний руководил раскопками в Ольвии с 1901 г., став членом ИАК в 1900 г. В «Известиях ИАК» выходили его отчеты за 1901-1903 гг. См. отчасти итоговую работу: [Фармаковский, 1915]. См.: [Императорская Археологическая комиссия (1859-1917), 2009. Глава IV].

²⁵ Систематическое археологическое исследование Херсонеса Таврического было начато ИАК в 1888 г., хотя первые находки датируются 1830 г. До того, как к организации археологических раскопок подключилась ИАК, определённую роль сыграла деятельность севастопольского Кружка любителей истории и археологии Крыма. Проведение работ в дореволюционное время связано с именами К.К. Косцюшко-Валюжинича, А.Л. Бертъе-Делагарда, Д.В. Айналова, Р.Х. Лепера, Л.А. Моисеева.

Летом 1913 г. М.И. Ростовцев вместе с Р.Х. Лепером сопровождал Императорскую чету во время экскурсии по Херсонесу [Императорская Археологическая комиссия (1859-1917), 2009: 551].

²⁶ Мнение М.И. Ростовцева сочетается с историей археологического изучения Керчи, только если смотреть на методику ведения раскопок с высоты 1917 г.

Раскопки в Керчи велись уже в начале XIX в. В 1818 г. результаты раскопок на горе Митридат инспектировал лично император Александр I. В 1826 г. в Керчи на государственные средства был основан Музей древностей (устав окончательно утверждён в 1839 г.). В 1830 г. следующему императору Николаю I были представлены находки из кургана Куль-оба (близ Керчи), и он выделил средства на продолжение раскопок Керчи.

Действительно, Л.А. Перовский 27 октября 1851 г. представил императору Николаю I доклад «О проводимых близ Керчи археологических разысканиях», в котором обращал внимание на то, что эти работы ведутся «без всякого плана, связи и единства, отрывочно и так сказать наугад». В итоге императором были утверждены «Общие правила для предъявления правительству древних вещей, находимых в Керченском градоначальстве и его окрестностях», регламентирующие порядок и процедуру выплат находчикам. Тогда же Л.А. Перовским были разработаны и специальные «Правила производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», высочайше утверждённые 12 января 1852 г. Этот документ, по существу являвшийся первой правительственной инструкцией по проведению раскопок, требовал неукоснительного ведения специального журнала, в который бы заносились все сведения о производимых работах и

Принцип неразумной экономии повредил даже уже начатым и систематически ведущимся раскопкам Ольвии и Херсонеса. В Ольвии делается все, что требуется научным методом, но система ежегодных ничтожных ассигнований не дает возможности быстро и определенно отвечать на поставленные научные вопросы и заставляет тратить непроизводительно большие средства на ежегодное возобновление прерываемых осенью не более чем двухмесячных в каждом году раскопок.

В Херсонесе было поставлено таким же образом, причем, и самое руководство раскопками поставлено неудовлетворительно, нет ясного плана или он осуществляется непоследовательно и скачками.

Мы не захотели и не сумели научиться на примере Дельф²⁷, Делоса²⁸, Коринфа²⁹, Трои³⁰, Тиринфа³¹, Милета³², Приены³³ тому, как должны быть поставлены настоящие научные раскопки населенных центров.

Принцип затраты наименьших средств и добывания наибольшего количества археологического материала привел к тому, что в пределах Скифского царства до сих пор разрывались и расследовались только погребения и притом те, которые казались наиболее богатыми, населенные же центры или только разведывались, или остались совершенно нетронутыми. Этим закрыт был путь к настоящему познанию культурного уклада Скифии и его эволюции.

присутствии на раскопках чиновников, «занимающихся собственно археологической частью» [Императорская Археологическая комиссия (1859-1917), 2009: 29]. Ход работ был прерван Крымской войной.

Однако, если отдельное внимание археологическому изучению Керчи уделял такой авторитет как Н.П. Кондаков, проводивший там сезоны 1876, 1878, 1882, 1883, 1885 гг., то мнение М.И. Ростовцева выглядит все же слишком категоричным и повторяющим ранее высказанное мнение о петербургских археологах, работавших в Керчи: «хорошие чиновники, уделяя основное внимание поиску предметов из драгоценных металлов в ущерб их антуражу» [Ростовцев, 1914: 3].

²⁷ Дельфы – один из древнейших городов и культовых центров Балканской Греции, расположен на юго-востоке Фокиды (Средняя Греция), центр общезллинского культа Аполлона.

Кратко, но достаточно полно, история археологического изучения Дельф изложена В.П. Бузескулом в лекциях по истории Древней Греции [Бузескул, 2005: 484-489]. Учёный особенно выделяет вклад П. Фукара, К. Вешера, Г. Помтова и Ж.-Т. Омолля (и в целом роль французского государства и Французской школы в Афинах), см. их работы: [Foucart, 1865; серия работ: Fouilles de Delphes, 1892-1901; Bourguet, 1914; Pomtow, 1889 (и целый ряд статей Помтова); Wescher, 1868].

Раскопки французских археологов в Дельфах друг и коллега М.И. Ростовцева С.А. Жебелёв считал «грандиозными» [Жебелёв, 1923: 60].

Русская наука не оставалась в стороне от изучения истории Дельф. См.: [Лионперольский, 1869; Никитский, 1894-1895]. А.В. Никитскому принадлежит ряд статей, посвящённых исследованию дельфийской эпиграфики.

²⁸ Делос – остров в Эгейском море, один из Кикладских островов, центр мировой торговли, один из главных центров культа Аполлона.

Как и в случае с Дельфами, важнейший вклад в исследование Делоса внесла Французская школа в Афинах, работавшая на Делосе при финансовой поддержке герцога де Луба с 1902 г. Главной публикацией по раскопкам на Делосе В.П. Бузескул [Бузескул, 2005: 510, прим. 3] справедливо считал следующую серию, в рамках которой выходили отдельные тома по тем или иным сюжетам: [Exploration archéologique de Délos, 1909-1910].

Как указывает С.А. Жебелёв, «по своим результатам, делосские раскопки, приведшие к открытию изобилия памятников эллинской культуры, архаической, классической и эллинистической эпох, не уступают раскопкам олимпийским» [Жебелёв, 1923: 60].

²⁹ Коринф – город на Коринфском перешейке, соединяющем материковую Грецию и полуостров Пелопоннес, один из древнейших городов на территории Балканской Греции.

Гибельно сказался этот принцип и на расследовании некрополей отдельных греческих городов и погребений населения Скифского царства. Более или менее систематически расследованы только некрополи Херсонеса и Ольвии. Некрополь Керчи³⁴ был и, к сожалению, остается исключительно полем для полупрофессионального раскопательства. Только в последнее время замечаются попытки более систематического ведения дела, но целое столетие раскопательства испортило дело научного исследования в корне. То же нужно сказать и о некрополе Фанагории³⁵ и других городов Тамани³⁶ и о других попытках расследования отдельных некрополей.

Начальный этап археологических исследований в Коринфе связан с деятельностью Американской школы в Афинах; см., например: [Heermans, 1904].

³⁰ Исследование Трои, точнее холма Гиссарлык, связано с именем немецкого предпринимателя, путешественника, археолога, историка-дилетанта, российского подданного (с 1847 г.; с 1869 г. – гражданина США) Генриха Шлимана (1822-1890). На Гиссарлыке он работал в 1871-1873, 1878-1879, 1882, 1889 и 1890 гг. Деятельность Шлимана-археолога и историка-интерпретатора уже в ходе раскопок вызывала множество негативных отзывов со стороны профессионалов.

Раскопки Шлимана – один из немногих примеров реализации масштабных проектов на личные средства. Этот подход имел и положительные, и отрицательные стороны. К положительным относились оперативность в организации работ и публикации их результатов. К отрицательным – слабый уровень контроля за текущей деятельностью и судьбой памятников.

Раскопки Г. Шлимана на Гиссарлыке были продолжены его многолетним коллегой и близким другом, директором Германского археологического института в Афинах В. Дёрпфельдом.

³¹ Тиринф – один из центров Микенской цивилизации, исследование которого в конце XIX – начале XX вв. также связано с именами Г. Шлимана и В. Дёрпфельда. В частности, ими был открыт и исследован дворцовый комплекс Тиринфа. Российские антиковеды внимательно следили за ходом раскопок, о чём свидетельствуют их собственные обзоры, например: [Бузескул, 1891 (публикация представляет собой обзор работ Карла Шухардта (которая представляет собой обзор работ Г. Шлимана), Шарля Диля и Генриха Шлимана)]. Ср. призывы В.П. Бузескула пользоваться сочинениями Г. Шлимана «с некоторой осторожностью», ведь «Шлиман был всё-таки дилетант, без надлежащей серьезной научной подготовки» [Бузескул, 1891: 21].

³² Милет – важнейший политический и экономический эллинский центр в Малой Азии, история которого уходит в эпоху Бронзового века.

С 1899 г. археологическими работами в Милете руководил Т. Виганд; см. трёхтомную серию „Miletische Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahr 1899“ (Berlin, 1906–1929), вышедшую под его редакцией; при этом том первый состоял из пяти частей, а третий – из двух.

³³ Приена – город в Малой Азии, археологическое исследование которого связано с деятельностью Берлинских королевских музеев. См.: [Wiegand, Schraeder, 1904].

³⁴ Имеются в виду комплексы захоронений, расположенные на юго-западе и северо-востоке древнего Пантикапея. Наиболее известны – курганные (Царский курган, Куль-Оба) и склепные (склеп Деметры) захоронения (IV–I вв. до н.э.). Более древние – ямные и катакомбные захоронения.

Некрополь Пантикапея имеет более чем двухвековую историю изучения. Начало работам было положено П. Дебрюком (см.: [Бич, 1959]); первый рукописный план памятника см.: [Тункина, 2002: 149, рис. 42]. В дальнейшем работы проводились Д.В. Карейшей, А.Б. Ашиком.

Интенсивность раскопок Керченского (и не только) некрополей связана с тем, что именно из этих памятников поступало наибольшее количество предметов в музейные коллекции. На это обращал внимание ещё С.А. Жебелёв: «Так как наибольшую и наиболее богатую поживу в получении вещественных памятников могли обещать места погребений как греческих колонистов, так и скифских царей и вельмож, то раскопки сосредотачивались, преимущественно, на расследовании некрополей» [Жебелёв, 1923: 112].

³⁵ Исследованием фанагорийского некрополя занимался И.Е. Забелин. В 1869 г., к примеру, были проведены работы на 21 кургане, в них было открыто 14 жжёных гробниц (т.е. кремаций), 5 земляных и 4 каменные гробницы, но все они были разорены почти дотла. По этому поводу И.Е. Забелин писал 12 августа 1869 г., что «многочисленные курганы древнефанагорийского городища, как уже обысканные в древнее время, не

В высокой степени неудовлетворительна была и система расследования отдельных грандиозных погребений греческого или полугреческого населения городов Боспорского царства и скифского населения степей. Основными дефектами, коренящимися в основной неправильной точке зрения, надо считать: 1) недостаточное внимание к погребальному сооружению как таковому, выражающееся как в бессистемности его раскапывания без достаточного количества наблюдений, фотографий и чертежей, так и в отсутствии строгих и точных наблюдений; 2) недостаточное внимание к строго систематическому фиксированию состояния погребения и расположения вещей в момент открытия погребения, то есть, ко всему погребальному обряду; 3) систематическая незаконченность раскопок каждого данного курганного погребения, ведущая к повторному расследованию одного и того же кургана и к хищническим раскопкам в начатых раскопкой, но не законченных расследованием курганов.

В виду этого материал, добытый большинством раскопок курганных погребений, нельзя считать научно добытым, почему он и теряет с научной точки зрения значительную часть своей ценности.

Сказанное можно было бы иллюстрировать бесконечным количеством примеров как сравнительно отдаленного, так и недавнего прошлого. Научные раскопки курганов, к сожалению, редкое исключение.

Предотвратить хищнические раскопки было, конечно, не в силах Археологической Комиссии как в виду большой некультурности и распушенности русского народа, так и в виду отсутствия законоположений, на которые могла бы опираться Комиссия. Но в вину Комиссии надо поставить, что она недостаточно энергично и действительно настаивала на проведении закона о раскопках и об охране памятников³⁷, что она боролась с хищниками исключительно полицией-

могут доставить особенно счастливых открытий, однако прежние мои находки, сделанные в тех же курганах в 1864 г., не отнимают надежды, что при других, более счастливых изысканиях возможно ещё открывать и здесь, даже в обысканных уже гробницах, памятники высокого достоинства» [цит. по: Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917), 2009: 284].

О современном состоянии проблемы см.: [Паромов, 2004].

³⁶ Археологическим исследованием некрополей Азиатского Боспора (Боспора Киммерийского) занимались помимо И.Е. Забелина А.Е. Люценко, В.Г. Тизенгаузен, П.И. Хицунов, Н.П. Кондаков, С.И. Верebrюсов.

О современном состоянии проблемы см., в частности: [Паромов, 2002 а, б].

³⁷ Как известно, ко времени создания ИАК в 1859 г. в Российской империи отсутствовали единая законодательная система и планирование в деле охраны памятников архитектуры [Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917), 2009: 940]. В течение всего последующего дореволюционного периода предпринимались как многочисленные разрозненные, так и системные попытки по совершенствованию «археологического» и охранного законодательства. В ИАК поступали запросы на экспертное заключение о проектах соответствующих законов в 1905 и 1906 гг., однако ИАК устранилась от работы по анализу проектов законов ввиду их «легкомысленности». Активную роль в этом вопросе должен был сыграть XIV Археологический съезд в 1908 г. В 1909 г. при участии ИАК была создана особая Межведомственная комиссия под руководством представителя МВД И.Я. Гурлянда.

29 октября 1911 г. министр внутренних дел А.А. Макаров внёс проект «Положения об охране древностей», разработанный комиссией Гурлянда, в Государственную Думу. В Думе для предварительного редактирования проекта образовалась Комиссия под председательством Е.П. Ковалевского. В 1912 г. он пригласил ИАК участвовать в обсуждении законопроекта. Представителями ИАК были назначены А.А. Бобринский и Н.И. Веселовский. В мае 1912 г. Е.П. Ковалевский представил отредактированную версию законопроекта в Думе. Осенью 1913 г. ИАК представила свой отзыв (автор П.П. Покрышкин). В 1913 г. следующий вариант законо-

скими мерами, что она, наконец, нередко санкционировала неосмотрительной выдачей открытых листов недобросовестные и хищнические раскопки, не организовав соответственного наблюдения за исполнением ее требований теми или другими раскопчными предпринимателями.

Все эти дефекты, конечно, не могут быть поставлены исключительно за счет нежелания Комиссии вести дело нормально. Вина лежит на всей структуре Комиссии, на ее связи с равнодушным к науке ведомством Министерства двора, на общей некультурности русской жизни и ее угнетающем всякую новую волю бюрократическом строе, наконец, на отсутствии желанья или неумении привлечь к делу настоящие культурные научные силы. Принимая все это во внимание, надо сказать, что Археологическая Комиссия все-таки сделала многое, за что Россия и русская наука могут быть ей благодарны.

Если в самой России деятельность Комиссии была недостаточна и неудовлетворительна, то еще меньше сделано было ею для Кавказа, Средней Азии и Сибири. Блестящие раскопки в Ани – дело, главным образом, частной инициативы, поддержанной в последнее время Академией Наук, исследование древностей бронзового и железного века на Кавказе – заслуга Уваровых и Московского Археологического Общества, в Средней Азии³⁸ и Сибири³⁹ мы имеем только спорадические порывы, и полученные результаты добыты, главным образом, частной инициативой⁴⁰, находившей от времени и до времени поддержку в Комиссии.

проекта по охране памятников был внесён на рассмотрение Думы. В конце 1913 г. его планировали рассмотреть на пленарном заседании Думы, однако начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война окончательно прервала разработку данного вопроса [Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917), 2009: 147-151].

³⁸ Начало археологического изучения Средней Азии было стимулировано продвижением Российской империи в ходе «Большой игры» в южном направлении. Ещё в 1860-х гг. обследование региона провёл П.И. Лерх, на Сырдарье начал работы Н.Н. Пантусов [Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917), 2009: 69-70].

³⁹ Находки из Западной Сибири – Сибирская коллекция Петра I – положили начало формированию музейных археологических коллекций страны.

М.И. Ростовцев имеет в виду, прежде всего, работы академика В.В. Радлова, выполненные при президенте ИАК С.Г. Строганове в 1862-1866 гг. и составившие сборник «Сибирские древности» (Сибирские древности, СПб. Т. 1–2. (Материалы по археологии России, издаваемые ИАК № 3, 5, 15, 27)), но изданные в конце 1880-х – начала 1900-х гг.

По поручению ИАК в 1886-1887 гг. в Сибири проводил археологические разведки Н.М. Ядринцев (1842-1896).

В 1880-е гг. и вплоть до 1917 г. в Южной Сибири наиболее активно работали А.В. Адрианов (1883-1904 гг.); Д.А. Клеменц (1888-1890 гг., 1898 г.); И.Т. Савенков (1884-1901 гг., 1912 г.) и И.П. Кузнецов-Красноярский (1907-1911 гг.). Раскопки в Западной Сибири осуществляли С.К. Кузнецов (1887, 1889, 1891 гг.); А.О. Гейкель (1893-1894 гг.); С.М. Чугунов (1895-1897 гг., 1899 г.); Г.О. Оссовский (1895-1896 гг.), а также Н.Ф. Кашенко (1896 г.) и П.С. Проскуряков (1897 г.). Ю.Д. Талько-Грышневич (1897, 1899, 1900 гг.) и Б.Э. Петри (1913 г.) производили исследования в Забайкалье; С.Р. Минцлов (1914 г.) и А.В. Адрианов (1915-1916 гг.) – в Урянхайском крае [Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917), 2009: 594].

⁴⁰ Одним из ярких примеров ведения археологических исследований в Сибири за собственный счёт является деятельность горного инженера И.А. Лопатина (1839-1909), собравшего, в частности, богатую коллекцию предметов бронзового века. Выйдя в отставку в 1870 г., в течение 15 лет он вёл раскопки на свои средства. Находки составили основу работ В.В. Радлова, позднее коллекции были переданы различным учреждениям.

О нём. см.: [Клеонов, 1964].

Почти в таком же положении находится и дело археологического расследования остальной России. В самые последние годы кое-что сделано для Киева⁴¹, Новгорода⁴² и других мест, но и здесь почин, по большей части, принадлежит не Комиссии.

Почти везде во всей России мы имеем дело со случайными и бессистемными начинаниями, хаотически действующей не всегда просвещенной частной инициативы.

III.

Исторические судьбы России тесно связали ее с греческим классическим и византийским миром, с одной стороны, с Востоком, иранским, яфетическим и семитическим с другой, с соседним славянством, наслонившимся на фракийство с третьей, не говоря уже о северных и северо-восточных соседях, культурное влияние которых было гораздо менее значительно.

Это заставляет русских ученых и образованных людей внимательно приглядеться и поглубже изучить все те сопредельные культурные области, которые так тесно связаны с Россией и русской культурой. Знание Эллады, то есть, конечно, и всего классического мира, Византии, Малой Азии и всего Ближнего Востока, особенно же иранского мира, наконец, знание славянства обязательно для тех, кто интересуется старейшими основами культурной жизни России, для изучения которых археологический материал является главным и основным источником.

Естественно поэтому, что уже сравнительно давно высказывались пожелания работать в области археологического изучения не только в России, но поставить русскую науку в благоприятные условия для плодотворной научной работы в указанных выше странах. Давно уже слышатся голоса о необходи-

⁴¹ М.И. Ростовцев недооценивает масштабы археологических исследований, проведенных в Киеве. Ср. современный взгляд на вопрос: «исследования проводились Императорской Археологической Комиссией и были связаны с целым рядом таких значительных имён русской археологии, как В.В. Хвойко, П.П. Покрышкин, Б.В. Фармаковский и Д.В. Милев. За семь лет, с 1907 по 1914 г., были исследованы огромные площади в центре Киева, обнаружены и изучены древние поселения и укрепления, языческие и христианские некрополи, памятники монументальной архитектуры». Отдельного внимания заслуживает деятельность В.Б. Антоновича.

С другой стороны, на восприятие результатов работ могло повлиять следующее обстоятельство: «Материалы исследований не были обработаны, опубликованы были лишь их краткие результаты. Археологические находки и документация раскопок (чертежи и записи дневникового характера, фотоматериалы) оказались по большей части депортированы и рассредоточены по музейным и архивным собраниям Киева и Санкт-Петербурга» [Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917), 2009: 909].

⁴² История археологического изучения Новгорода восходит к 1854 г. В 1861 г. «в Новгород прибыл “служащий в ведомстве Святейшего Синода коллежский советник Львов” с предложением подготовить к открытию памятника “Тысячелетие России” выставку древностей, обнаруженных в процессе его “изысканий”, начатых ещё в 1854 г.». См.: [Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917), 2009: 820]. В дальнейшем исследования были сосредоточены в области эпиграфики (И.А. Шляпкин, В.В. Суслов, А.И. Соболевский) и памятников старины, хранившихся в церковных собраниях.

В широком смысле археологические исследования в конце XIX в. на Новгородской земле связаны с деятельностью Л.К. Ивановского (см. выше прим. 10), В.К. Агафонова, Н.К. Рериха, Н.И. Репникова, В.Н. Глазова, А.А. Спицына. Начало систематическим раскопкам в самом Новгороде ещё ждало своего часа.

мости создания археологических институтов в Афинах и Риме. Не менее настоятельно указывали и указывают на необходимость установления прочной научной связи России с Кавказом и Востоком.

Из этих пожеланий пока что осуществилось только одно и близится к осуществлению другое. Я имею в виду русский Археологический Институт в Константинополе⁴³ и Археологический Институт на Кавказе⁴⁴, ячейкой которого является научная организация, ведающая раскопками в Ани⁴⁵.

Возникновение института в Константинополе, весьма желательное само по себе и весьма нужное в научном отношении, осуществилось, все-таки, не без внешнеполитических целей, всегда вредных для научного дела, с одной стороны, и не без некоторого внутреннеполитического привкуса с другой, что было еще менее желательно и не могло не дать нежелательных результатов. Кроме того, деятельность Института протекала в очень неблагоприятных условиях общеполитического положения и при ненормально сложившихся условиях внутренней жизни Института, с другой. Ввиду этого деятельность нашего единственного, работавшего вне России, археологического учреждения не дала тех результатов, на которые можно и должно было рассчитывать.

Делу археологического образования и практической подготовки археологов-специалистов Константинопольский Институт принес весьма мало пользы. Я не вижу никого, кто бы там почерпнул ту сумму знаний и навыков, которые так нужны были России. Несколько лучше обстоит дело с осуществлением чисто научных задач Института. Если его богатая библиотека и хорошая коллекция древностей для России теперь погубили⁴⁶, по всей вероятности безвозврат-

⁴³ Русский археологический институт в Константинополе – научное учреждение по изучению истории Христианского Востока, первое отечественное учреждение подобного рода, открытое за границей. Датой основания считается 26 февраля 1895 г. (разрешительные документы были подписаны годом ранее). В 1894-1914 гг. директором РАИК был академик ИАН (с 1900 г.) Ф.И. Успенский (1845-1928). В декабре 1914 г. всё имущество РАИК было конфисковано турецким правительством. Формально РАИК был закрыт и распущен в 1920 г. См. об истории РАИК: [Басаргина, 1999].

⁴⁴ Вопрос о создании Кавказского историко-археологического института был поднят Н.Я. Марром на заседании ОИФ ИАН 18 мая 1916 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1916, Д. 34. Л. 9). Проект устава и штатного расписания Кавказского историко-археологического института был рассмотрен на заседании ОИФ ИАН 26 октября 1916 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1 Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 460, 464-465 об.), а утверждены они 27 июня 1917 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1916. Д. 34. Л. 184-187).

⁴⁵ Раскопки в Ани велись уже длительное время под руководством Н.Я. Марра (1882-1893, 1904-1917). В отзыве о трудах учёного, представленном на соискание Большой золотой медали имени А.С. Уварова, В.В. Бартольд и Я.И. Смирнов говорили о важности институализации раскопок в Ани: «За ту четверть века, которая отделяет нас от первого знакомства Николая Яковлевича Марра с развалинами Ани, имя его связалось с ними вечной и неразрывной целью, скованной из пятнадцатилетнего пребывания там, из четырнадцати кампаний раскопок, из ряда научных докладов и лекций, посвящённых Ани, из целой серии печатных трудов, из непрерывных археологических и исторических изысканий, из учреждения на самом городище двух музеев, из установления действительной охраны развалин, из предохранения многих памятников от грозившего им разрушения и, наконец, из создания если ещё не *de jure*, то *de facto* научного института специально для изучения древностей Ани и окрестной области древнего Ширака» (Отзыв В.В. Бартольда и Я.И. Смирнова о трудах Н.Я. Марра по исследованию древностей Ани // ЗВОРАО. 1916. Т. XXIII. С. 381).

⁴⁶ Сообщение о поездке на Кавказ в августе 1916 г. группы учёных в составе Н.Я. Марра, П.А. Фалева и С.В. Тер-Аветисяна с целью охраны и спасения памятников старины и культурных ценностей Н.Я. Марр сделал на заседании ОИФ ИАН 21 сентября 1916 г. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163. Л. 449-450).

но, то в этом только доля вины руководителей учреждения, главная же причина – неосведомленность и непредусмотрительность нашей дипломатии и шедшей у нее на поводу администрации Института.

В специально научной деятельности Института надо отметить, прежде всего, участие в ней почти исключительно самого состава Института без какого бы то ни было значительного притока сил извне. Тем не менее, дело поставлено было широко, слишком широко, сказал бы я, при сравнительной незначительности сил и средств Института. Работа шла порывами: тут и попытка изучения Малой Азии, Сирии и Палестины, и ряд начинаний в области изучения памятников Константинополя, и начатки исследований древностей Македонии, и стремление войти в научную жизнь Сербии и Болгарии. Но все эти порывы дальше первых шагов не шли, Институт как-то не умел и не хотел сосредоточиться на осуществлении какой-нибудь большой и цельной задачи. Чувствуется правильный и широкий захват, но не было систематического и строгого выполнения заранее обдуманного плана.

И все-таки, Константинопольский Институт – самая светлая страница в анналах нашего стремления выйти за пределы России в планомерной научной археологической работе. Во всем остальном мы не сделали даже первых шагов.

Исконная связь православной христианской России с Палестиной не привела к серьезному ее изучению и к планомерной научной в ней работе. Все благие начинания Палестинского общества в этом направлении заглушались осуществлением других ненаучных целей, которые Общество себе ставило⁴⁷.

Еще хуже обстояло дело с изучением классического Востока, с которым Россию связывают тесные и непосредственные узы. В деле изучения Египта, Ассирии-Вавилонии, Малой Азии, Ирана, даже Ванского царства мы сделали минимум того, что могли и призваны были сделать. Нас опередила туда даже Америка, так далеко стоящая от классического Востока в своем культурном развитии.

Институтов в Афинах и Риме мы так и не дождались, а без них живое чувство классической действительности, открывающей нам двери понимания нашего юга, для ученой России, как таковой, а не для отдельных исследователей классического мира останутся плотно закрытыми.

Не сумели мы создать живой научной связи и со славянством, которое связано было гораздо теснее с научной жизнью Германии, чем с близкой к нему по происхождению и культурной эволюции Россией.

IV

Вековая деятельность государственных учреждений, частных обществ и отдельных лиц на всем пространстве России (вне России не сделано почти ничего, а то, что сделано, погибло) обнаружила немало памятников первоклассного

⁴⁷ Устав Палестинского общества ставил среди прочих (собственно, научных) следующие задачи: 1) собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах; 2) оказывать пособие православным паломникам; 3) учреждать школы, больницы, странноприимные дома, а также оказывать материальное пособие местным жителям, церквям, духовенству 4) «вообще, ученой и благотворительной своей деятельностью стремиться к развитию православия в Палестине...» [Греков (Палеолог), 1891: 6].

значения, высокой художественной и исторической ценности. Как же обстоит дело с хранением памятников, первой и значительнейшей обязанности государства перед великими художественными ценностями своего прошлого?

Напоминаю, что закона об охране древностей, гарантирующего их целостность и сохранность, нормирующего их правовое положение, в России до сих пор нет.

Делом этим ведаёт общая администрация, для которой по существу не обязательны указания ведающих и близко интересующихся этими памятниками учреждений.

И это при малой культурности населения и общих разрушительных его тенденциях! Результаты не могли не быть печальными.

Напомню о некоторых фактах, мне особенно близких и особенно для меня печальных. Как правило, можно установить одно: все обнаруженные раскопками памятники, если к ним не приставлен особый сторож на вечные времена, неминуемо гибнут: их или разрушают из корыстных целей, либо портят и уничтожают из страсти к порче и уничтожению.

Так погибла почти вся внушительная серия расписных склепов юга России, памятников, начиная с IV века до Рождества Христова до II века по Рождество Христово⁴⁸, независимо от того, находились ли они в пределах городских центров или в степи, подальше от них. Последние, может быть, даже больше гарантированы от уничтожения.

Погибло и большинство памятников гробничной архитектуры, превосходных монументальных склепов юга России (особенно печальна гибель Золотого кургана около Керчи⁴⁹), погибли и каменные фундаменты зданий, открытых, но не охраненных специально. Напомню, Керменчик⁵⁰ около Симферополя, остатки Фанагории и многое другое.

Сохранилось и сохраняется только то, что немедленно после открытия или вновь засыпается и, причём, наглухо землю, или с первого же дня тщательно охраняется. При этом реально осуществляется только охрана государственная, в некоторых случаях охрана своего имущества частными собственниками. Наши общины – города, поселки, села, деревни – не имеют ни желания охранять свои памятники, ни живого интереса к ним. От многих из них приходится охранять их же памятники: они всегда склонны ими воспользоваться, вплоть до разрушения,

⁴⁸ М.И. Ростовцев посвятил исследованию античной декоративной живописи Южной России отдельную работу: [Ростовцев, 1914]. Всего учёный описал более 50 отдельных памятников, а также ряд памятников, объединённых в группы по тем или иным признакам.

⁴⁹ Золотой курган (Алтын-оба) – археологический памятник на западе Керчи, представляющий собой курган высотой ок. 100 м над уровнем моря с монументальной гробницей. Впервые описан П.-С. Паласом. Позднее памятник исследовали английский путешественник Э. Кларк, Дюбуа де Монперё, генерал А.Г. Розенберг, разрушивший взрывом часть памятника, И.А. Стемпковский, Д.В. Карейша, П. Дюбрюкс, А.П. Ашик, А.Е. Люценко. В 1860-х – 1870-х гг. памятник не охранялся и был растаскан местными жителями на строительные материалы. См.: [Гайдукевич, 1981: 6–24].

⁵⁰ Керменчик (Неаполь Скифский) – археологический тавро-скифский памятник, расположенный недалеко от Симферополя. Керменчик – название, которое местное население дало руинам городища. В дореволюционный период памятник исследовали И.П. Бларамберг, П.И. Кёппен, граф А.С. Уваров, Г.Э. Караулов (1872), Г.Д. Филимонов (1880), Н.П. Кондаков (1889), Н.И. Веселовский. Отождествление Керменчика и Неаполя Скифского предлагал, в частности, В.В. Латышев. См.: [Тункина, 2002: 538–546; Зайцев, 2003].

с практическими целями. Одни только курорты, может быть, в ближайшем будущем дойдут до понимания выгоды для них охранять свою старину.

Все, что сказано, относится и к движимым памятникам. Понимания их исторического интереса и художественного значения от случайных или профессиональных их находчиков, за самыми редкими исключениями, ожидать нельзя. Как всякий строитель дома на историческом месте постарается немедленно разрушить случайно открытые им остатки старого здания и не подумает их исследовать, нанести на план и сфотографировать, как такой же строитель дома или дороги найденный камень с надписью, если не будет надежды продать его по дорогой цене, немедленно употребит в качестве строительного материала, так и огромное большинство населения России на всякий предмет древности, попавший в его руки, смотрит с точки зрения того, за сколько он может его продать. Поэтому более чем обычно переплавка золотых художественных вещей в слитки, если есть хоть малейшее опасение, что предмет может быть конфискован или принудительно отчужден.

Условия охраны памятников в России поэтому в высокой степени неблагоприятны. К этому вопросу поэтому надо подходить с особым вниманием и осторожностью. Единственная настоящая охрана памятников может быть дана только школой и просвещением, на него только и надежда. До этого же времени памятники может и должно охранять исключительно только государство. На помощь ему должны прийти все общественные и просветительские организации, но рассчитывать на их деятельную поддержку в ближайшее время не приходится.

Для памятников движимых вопросом настоятельной необходимости, в силу выясненного положения вещей, является основание возможно большего количества музеев: общих, специальных, художественно-промышленных, общественных, государственных или частных. Как ни мала надежда на удовлетворительную их организацию, важен уже сам факт их существования и большего или меньшего сбережения в них памятников от гибели. Но вопрос о музеях не может войти в круг важнейших намечаемых мною проблем.

V

Выше набросанная схема современного состояния вопроса об археологическом расследовании России и об охране ее археологических памятников совершенно определенно приводит к выводу, что для организации здоровой постановки дела расследования и охраны необходим центральный государственный орган⁵¹, составленный из компетентных специалистов, который объединил бы на этом деле ученые, художественные и общественные силы России. Дело это настолько обширно и ответственно, частная и общественная инициатива в этом отношении так невелика, культурное состояние масс таково, что без государственной инициативы и государственных средств обойтись нельзя.

⁵¹ На смену ИАК в 1919 г. в качестве такого органа была организована Российская академия истории материальной культуры, принявшая на себя все полномочия ИАК. М.И. Ростовцев в определенном смысле был причастен к выработке программы последней. И.В. Тункина отмечает: «Многие его предложения были учтены при подготовке устава Российской государственной академии истории материальной культуры, созданной на базе РГАК в 1919 г.». [Ростовцев, 2002: прим. 14].

Каковы же должны быть задачи предполагаемого органа управления? Предуказанная характеристика положения дела *implicite* выясняет и его задачи.

Ясно, что во главе его должен стоять крупный специалист с организаторским талантом и около него должны сгруппироваться представители науки, искусства и общественности.

В деятельности предполагаемого коллективного органа на первом плане должна стоять выработка общей схемы, намечающей главнейшие очередные задачи археологического обследования России и важнейшие цели научной работы в других странах.

Для осуществления как этого плана, так и создания возможности единственно действенной системы охраны памятников необходимо в первую голову поставить дело *научно-просветительское*. Необходимо создать кадр научно подготовленных людей, который могли бы правильно поставить как дело раскопок и охраны памятников на местах, так и дело хранения памятников в музеях, и, в то же время, путем публичных лекций, собеседований, чтений в народных университетах и других учебных заведениях, а также путем издания популярных книг и брошюр, и помещения статей в газетах и журналах, прояснить сознание народа, ввести в его интеллектуальный обиход интерес и любовь к старине и памятникам старины. Для этой цели, а также для цели компетентного обследования отдельных областей России, должна быть создана в отдельных областях России, в крупнейших областных центрах сеть археологических институтов в тесной связи с университетами и другими высшими общеобразовательными установлениями, а также с местными музеями. Задачами института должны быть: 1) подготовка учащихся в высших учебных заведениях или окончивших таковые, преимущественно по историко-филологическому факультету, к специальной деятельности как практически археологической, музейной и раскопной, так и преподавательской; 2) популяризация археологических знаний; 3) расследование области в археологическом отношении и опубликование результатов расследования.

Создавая эти институты и руководя ими, центральный орган должен одновременно всячески облегчать деятельность ныне существующих общественно-научных организаций, работая рука об руку с ними, а также содействовать появлению возможно большего количества специальных обществ в крупных и мелких центрах, указывать им наиболее настоятельные задачи, требующие осуществления, помогать им советом и средствами, контролируя их деятельность, поскольку она ведется на народные средства, своими компетентными органами, входящими в состав археологических институтов данной области.

Этими же местными органами может воспользоваться учреждение, ведающее в центре охраной памятников, причем центральные органы, ведающие расследованием и охраной памятников совместно с институтами и обществами, должны выработать законы о раскопках и об охране памятников, внося в них от времени и до времени нужные поправки. Все эти законы и добавления проходят, конечно, общим порядком через законодательные учреждения.

Важным фактором общей работы должны быть также областные и общероссийские съезды, объединяющие все компетентные силы и указывающие центральному органу на очередные вопросы, требующие разработки и проведения в жизнь.

На обязанности центрального органа лежит также создание археологических институтов вне России, задачи которых параллельны задачам институтов в России. К ним прикомандировываются лучшие ученики институтов в России для длительного пребывания, они устраивают специальные экскурсии для всех вообще слушателей институтов, руководят общеобразовательными экскурсиями учащихся русских школ в соответственной стране и принимают посильное участие в расследовании страны, где они имеют пребывание.

Центральный орган, как таковой, кроме того, организует особо важные и особо крупные раскопки показательного характера, которые окажутся непосильными для областных институтов. Раскопки эти должны вестись интенсивно со всеми усовершенствованиями современной техники, при условии сосредоточения усилий в каждый данный момент на очередном крупном деле без распыления усилий на мелкие и второстепенные задачи.

Центральный орган, наконец, ведет крупные научные публикации общего характера, требующие коллективной работы, большой затраты средств и особо тщательной подготовки.

Он же издает свой орган, задачей которого является освещение положения научного расследования в России и за границей, то есть, тщательная археологическая хроника и библиография, причем орган этот должен находиться в постоянном контакте и обмене с соответственными органами, выходящими за границей.

На обязанности центрального органа лежат также международные сношения, участие и организация международных съездов специалистов для совместной разработки важнейших очередных вопросов археологии и охраны памятников.

М. Ростовцев.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 10. Л. 52-88, автограф

Замечания Б.В. Фармаковского по поводу доклада М.И. Ростовцева об организации дела археологических исследований в России

Из доклада М.И. Ростовцева видно, сколь грандиозны задачи русской археологической науки. Необходимое систематическое расследование России, однако, можно сказать, почти не начато. Докладчик прав, что в исследованиях, производившихся до сих пор, нельзя усмотреть ни единой строго продуманной системы, ни плана, ни строгого метода. Постановка дела археологического исследования у нас, конечно, была неудовлетворительной. Эта неудовлетворительность зависела частью и от общего состояния архео-

логических штудий в Европе. До раскопок Олимпии⁵² исследователи вообще задавались целью в своих работах, прежде всего, добыть ценные и видные предметы для музеев. Погоня за «музейными» предметами грех не одних русских, а вообще всех старых исследователей. Основанная в 1859 году Археологическая Комиссия, как и другие европейские учреждения того времени, особенно обращала внимание на то, чтобы раскопками обогащались коллекции музеев и частные коллекции тогдашнего Императорского Эрмитажа. Отчеты о деятельности Комиссии, издававшиеся на русском и французском языках, встречали, в свое время, полное сочувствие в ученом мире. Хищения древних могил в Керчи, производившиеся местным населением, были одною из побудительных причин для организации правительственных раскопок, которые должны были спасти отечественные древности и предупредить их вывоз за границу. Раскопки Комиссии чрезвычайно обогатили коллекции Эрмитажа. Но, в силу неправильной постановки археологического исследования с самого начала, блестящие залы южно-русских древностей Эрмитажа не дают правильной картины истории культуры нашей страны, чего обязательно нужно требовать от коллекций главного государственного музея. Стремясь к обогащению музеев и считая себя удовлетворенными в случае нахождения при раскопках ценных и эффектных «музейных» предметов, исследователи прежде мало обращали внимания на сами курганы как на памятники прошлого. Только современная наука считает ценными те раскопки, при которых сделано много наблюдений, а не те, при которых было обнаружено много материальных ценностей. Раз ученые ставили своей целью разыскание материальных ценностей, естественно, что очень часто их деятельность вызывала кладоискательство у местного населения. *(В Керчи это кладоискательство может праздновать свой 100-летний юбилей)*⁵³. Науке у нас и на ученые предприятия и, особенно, на их удовлетворительную с научной точки зрения постановку, отпускались гроши с тем, чтобы самоотверженно работавшие и жившие часто в невероятно тяжелых условиях исследователи привозили с раскопок груды золота *(Денег на организацию раскопок отпускалось так мало, что о сколько-нибудь удовлетворительной постановке исследования не могло быть речи. Надо удивляться, как находились люди, согласившиеся работать при существующих условиях. Конечно, ими руководила только исключительная любовь к делу)*⁵⁴. К недостаткам организации Археологической Комиссии, на которые указывает М.И. Ростовцев, конечно, нужно было бы прибавить и еще некоторые (хотя бы довольно случайное *(постановку дела)*⁵⁵ распределение предметов древности по музеям), но едва ли это интересно и нужно. Вся постановка тре-

⁵² Археологическое исследование Олимпии было начато французскими учёными в 1829 г. с основной целью пополнить коллекцию Лувра: [Nikolentzos, 2019: 92-93].

⁵³ Предложение вычеркнуто.

⁵⁴ Предложения вычеркнуты.

⁵⁵ Словосочетание вычеркнуто.

бует коренной переделки в виду другого состояния теперь науки, чем было то, при котором Археологическая Комиссия учреждалась. Если Комиссией почти не расследовались древние города, то это только к лучшему: тем лучше их можно будет расследовать в будущем. В последнее время характер деятельности Археологической Комиссии заметно изменялся: все больше и больше уделялось места чисто научному исследованию. Но нельзя сказать, чтобы раскопки, не дававшие материальных ценностей, привлекали всеобщие симпатии. В частности, раскопки демократических древних греческих городов побережья Черного моря, от которых некоторые ожидали особенно много «золота», вызывали заметное разочарование тех, кто от раскопок не ожидал ничего иного, кроме «музейных» предметов.

Столь большое и ответственное дело, как исследование античного города, нельзя вести на те скудные средства, которыми Комиссия (и иногда только в виде особой милости) могла располагать (*4000 рублей в год*)⁵⁶. Нельзя дело раскопки античного города возлагать на одного человека, силы которого не беспредельны. Такие раскопки (*древнего города*)⁵⁷ должны производиться обязательно особой Комиссией специалистов. Для издания всего добытого материала и его обработки также должен работать ряд специалистов. Для разборки материала необходимо большое помещение. Гораздо выгоднее и целесообразнее отпустить большие средства на раскопки одного города сразу, чем отпустить понемногу денег в течение многих лет, что было системой.

Для правильной организации дела археологического исследования России необходимы именно те учреждения, на которые указывает М.И. Ростовцев. Для образования кадра деятелей нет других путей, кроме основания ряда Археологических Институтов России и русских институтов за границей (особенно в Риме и в Афинах). Из Институтов выйдут и будущие научно-образованные деятели местных музеев, роль которых в исследовании страны должна быть весьма значительна.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 10. Л. 89–100, автограф

**По докладу М.И. Ростовцева.
Примечание А.А. Миллера**

Следует готовиться к изменению существующих законов о праве государства на производство раскопок. До сего времени Археологическая Комиссия была учреждением, которое могло производить раскопки на землях казенных, общественных и принадлежащих различным установлениям. В законопроекте, рассматривавшемся в комиссии законодательных предложений в Государственной думе, предполагалось несколько расширить права государства,

⁵⁶ Вычеркнуто.

⁵⁷ Вычеркнуто.

именно распространить их и на частные земли. Предположения эти, однако, встретили в Думе возражения и были отклонены.

Имея в виду чрезвычайную важность и неизбежность подобных ограничений прав собственников земли на курганы, городища и прочие памятники древности, желательно теперь же и при каждом случае высказываться за таковые ограничения. Законы о правах государства на раскопки тесно связаны с вопросом о земле в широком смысле. В случае полного ее раздела и закрепления за собственниками государство может быть поставлено в полную невозможность производить археологические раскопки где бы то ни было, или в этом отношении будет зависеть целиком от усмотрения каждый раз отдельных лиц.

Помимо этого, и в настоящее переходное⁵⁸ время желательно было бы декретировать какие-либо временные правила в ограждении памятников древности, находящихся как на казенных и общественных, так и на частных землях.

11 апреля 1917 г.

А. Миллер

ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 10. Л. 101-101 об., автограф

**Н.М. Могиланский по докладу М.И. Ростовцева
высказал следующее:**

Я желал бы доклад М.И. Ростовцева видеть дополненным в той части, которая касается раскопок доисторических памятников. Раскопки эти в некоторых случаях необходимо вести при участии натуралистов, так как часто решающий момент лежит в отношениях геологических. Затем остеологический материал, будь то человеческие кости или кости животных, если дело идет, например, о фауне четвертичной геологической эпохи, тоже нуждаются в очень тщательном и умелом с ним обращении. Территория России лишь затронута пока исследованиями подобного рода, но уже раскопки графа Уварова в Волосове⁵⁹, И.С. Полякова в Костенках Воронежской губернии⁶⁰ (*и на далеком Сахалине*)⁶¹, более поздние раскопки И.Т. Савенкова у Базаихи на Енисее⁶², г. Хвой-

⁵⁸ Имеется в виду временный характер политического строя России после крушения монархии в феврале 1917 г. и до созыва Учредительного собрания, намечавшегося на сентябрь 1917 г.

⁵⁹ Волосовская стоянка получила название по имени деревни, расположенной близ г. Муром. Материалы каменного века, обнаруженные здесь, были введены в широкий научный оборот графом А.С. Уваровым после его раскопок 1877 г. [Формозов, 1983: 84-102]. Как отмечал А.А. Формозов, однако, раскопки здесь начались несколько ранее усилиями местных энтузиастов [Формозов, 2000].

⁶⁰ Поляков, Иван Семенович (1845-1887) – археолог, этнограф, зоолог, первооткрыватель палеолита в Восточной Европе – стоянка Костёнки-1, 1879 г. См., например: [Формозов, 1983: 47-57]. О его работах на Сахалине в 1881 г., носивших комплексный характер, см., например: [Решетов, 2002].

⁶¹ Вычеркнуто.

⁶² Савенков, Иван Тимофеевич (1846-1914) – педагог, краевед, археолог, энтузиаст изучения Сибири. Археологические исследования в с. Базаиха (близ Красноярска, где служил педагогом) проводил в 1884 г.

ки Киевской губернии⁶³, наиболее новые в с. Мезин Черниговской губернии Ф.К. Волкова⁶⁴ показали, какой богатый материал находится у нас для изучения первоначальных стадий эволюции человеческой культуры. Нужно позаботиться о том, чтобы предстоящие в будущем работы были обставлены наибольшими гарантиями их правильной, научной постановки.

ЦГАЛИ СПб. Ф. 82. Оп. 1. Д. 10. Л. 102, автограф

Литература

- Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М., 2011.
- Ананьев В.Г.* Институт истории искусств как центр музееведческой мысли Петрограда – Ленинграда конца 1910-х – 1920-х гг. СПб., 2021.
- Ананьев В.Г., Бухарин М.Д.* История искусства и археология в образовательном пространстве революционной России: два неизвестных проекта 1917 г. // Вопросы образования. 2018. № 8. С. 268-286.
- Антонович В.Б.* «Археологическая карта Киевской губернии» (Приложение к: Древности. Тр. МАО. М., 1895. Т. 15).
- Антонович В.Б.* «Археологическая карта Волынской губернии с картой, указателем имен географических, указателем предметным и перечислением источников, послуживших при составлении карты» (Тр. XI АС в Киеве. 1899. М., 1901. Т. 1. С. 1-133).
- Антонович В.Б., Самоквасов Д.Я.* Инструкция для описания городищ, курганов и пещер. Киев, 1874.
- Бартольд В.В., Дьяконов М.А., Латышев В.В., Марр Н.Я., Ростовцев М.И.* Об охране земельных участков с памятниками историческими и археологическими // Известия РАН. 1917. Серия VI. Том. XI. № 15. С. 1221-1230.
- Басаргина Е.Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.
- Бич О.И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816-1817 гг. // МИА. 1959. № 69. С. 296-321.
- Бузескул В.П.* О раскопках Шлимана в Трое, Микенах и Тиринфе // Филологическое обозрение. Журнал классической филологии и педагогики. 1891. I. С. 19-46.

⁶³ Хвойка (Хвойко), Викентий Вячеславович (1850-1914) – археолог, коллекционер, член-сотрудник РАО (29.03.1908), действительный член МАО (28.03.1914) и других научных обществ. Проводил раскопки с начала 1890-х гг. Первооткрыватель и исследователь ряда памятников на территории Украины. См.: [Жебелёв, 2017: 602].

⁶⁴ Волков (Вовк), Федор Кондратьевич (1847-1918) – антрополог, археолог, общественный деятель. Член-сотрудник РАО (09.02.1907), в 1907 г. открыл позднепалеолитическую стоянку в с. Мезин. См.: [Жебелёв, 2017: 245-246].

Бузескул В.П. Лекции по истории древней Греции. Введение в историю Древней Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. СПб., 2005. 484-489.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские города / отв. ред. А.Л. Якобсон. Л., 1981.

Греков Ф. (Палеолог). Императорское православное палестинское общество. Очерк его деятельности за 1882-1890 гг. СПб., 1891.

Дзис-Райко Г. Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983.

Жебелёв С.А. Введение в археологию. Часть I. История археологического знания. Пг., 1923.

Жебелёв С.А. Русское Археологическое Общество за третью четверть века своего существования. 1897-1921. Исторический очерк. Приложение. Библиографический словарь членов РАО (1846-1924) / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. М., 2017.

Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.): монография. Симферополь, 2003.

Зубов В.П. Страдные годы России / Сост., подг. текста, вступ. ст. и комм. Т.Д. Исмагуловой. М., 2004.

Ивановский Л.К. Курганы Вотской пятины Новгородской земли. Раскопки 1874 г. (ИРАО. 1877. Т. 8. С. 225–230; отд. отт.: СПб., 1875).

Ивановский Л.К. Курганы Вотской пятины Новгородской земли. Раскопки 1875 г. (ИРАО. 1880. Т. 9. С. 93–101; отд. отт.: СПб., 1879).

Ивановский Л.К. Курское городище (Тр. II АС. 1881. Т. 2. Отд. 1. С. 68–69).

Ивановский Л.К. Материалы для изучения курганного периода Вотской пятины Новгородской земли (Тр. IV АС. 1884. Т. 1. С. ХСVII–ХСIX).

Ивановский Л.К. Материалы для изучения курганов и жальников юго-запада Новгородской губ. (Тр. II АС. 1881. Т. 2. Отд. 1. С. 57–67).

Ивановский Л.К. О раскопках курганов по берегам р. Сити, произведенных летом 1875 г. (Тр. IV АС. 1884. Т. 1. С. 37–41).

Ивановский Л.К. Отчет о раскопках курганов в Моложском уезде Ярославской губ. (Древности. Тр. МАО. 1881. Т. 9. Вып. 1. С. 7–20).

Императорская археологическая комиссия (1859-1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: коллективная монография: в 2 т. Т. 1 / науч. ред.-сост. А.Е. Мусин, М.В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2019.

Клейн Л.С. История российской археологии. Учения, школы и личности. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб., 2014.

Клеонов И.Л. И.А. Лопатин. Очерк жизни и научной деятельности. Иркутск, 1964.

Кондаков Н.П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

Краткий отчет о деятельности Российского института истории искусств // Задачи и методы изучения искусств / Отв. ред. А.Н. Некрылова. СПб., 2012. С. 187-247.

Люперсольский П.И. Храмовой город Дельфы с оракулом Аполлона Пифийского в Древней Греции. СПб., 1869.

Наріжний С. Одеське товариство історії й старовини // Праці Українського історично-філологічного товариства в Празі. 1942. Т. 4. С. 215-234.

Науменко В.Е. Деятельность кубанских историков по охране культурного наследия региона (XIX – начало XX века) // Наследие веков. 2016. № 3. С. 44-60.

Никитский А.В. Дельфийские эпиграфические этюды. I-VI. Одесса, 1894-1895.

Отзыв В.В. Бартольда и Я.И. Смирнова о трудах Н.Я. Марра по исследованию древностей Ани // ЗВОРАО. 1916. Т. XXIII. С. 381

Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы // Древности Боспора. 2002 а. Т. 5. С. 192-206.

Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. 2002 б. Ч. 1. С. 274-279.

Паромов Я.М. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. 2004. Ч. 1. С. 287-292.

Ресслер Э. 5. Елисаветпольская губерния // ОИАК за 1901 г. 1903. С. 92-96.

Реслер Э. Раскопки Э.А. Реслера // ОИАК за 1903 г. 1906. С. 86.

Рёслер Э. Археологические исследования Э.А. Рёслера в Елисаветпольской губ. в 1901 году (с 21 рис.) // ИАК. 1904. 12. С. 36-60.

Рёслер Э. 6. Археологические раскопки Э.А. Рёслера в Елисаветпольской губернии в 1901 г. // ИАК. 1905. 16. 1905. С. 1-26.

Решетов А.М. Исторические портреты. И.С. Поляков – учёный энциклопедист // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2002. № 9. С. 178-193.

Ростовцев М.И. Гибель памятников // Страна. 1906. № 177. С. 4.

Ростовцев М.И. Гибель памятников // ИАК. 1907. Вып. 21. С. 65-68.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.

Ростовцев М.И. Наука и революция // Русская мысль. 1917. 9-10. С. 1-16.

Ростовцев М.И. Классические и скифские древности северного побережья Черного моря // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 25-38.

Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи, 1906-1923. М., 2002.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908.

Самоквасов Д.Я. Значение Чернигова для русской археологии // Речи, произнесенные в Торжеств. юбил. засед. XIV АС. Чернигов, 1909. С. 9-13; отд. отт.: Чернигов, 1908.

Самоквасов Д.Я. Могильные древности Северянской Черниговщины: По смерт. изд. М., 1916 (на обл. 1917).

Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань, 2014.

Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 38-56.

Сысоев В.М. Краткий археологический очерк Кубанской области (и Черноморской губернии). Екатеринодар, 1896 (Кубанский сборник. IV).

Сысоев В.М. Краткий очерк возникновения ОЛИКО, цель и программа деятельности его // Известия ОЛИКО. Вып.1. Екатеринодар, 1899.

Сысоев В.М. Археологические экскурсии по Закубанью в 1892 г. // Материалы по археологии Кавказа. 1904. Т. IX. С. 89-169.

Сысоев В.М., Фелицын Е.Д. Краткий указатель археологических, естествен-ноисторических и этнографически-промышленных вещей и предметов, имеющих при Кубанском областном статистическом Комитете // Кубанский сборник. Т. 4. 1898. 15 паг. С. I-VI; 16 паг. С. 1-45.

Тункина И.В. Неизданная работа М.И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 22-24.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX века). СПб., 2002.

Фармаковский Б.В. Ольвия. М., 1915.

Формозов А.А. Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.

Формозов А.А. Муромские исследователи каменного века // Уваровские чтения – III. Муром, 17-19 апреля, 1996. Муром, 2000. С. 228-233.

Exploration archéologique de Délos, faite par l'Ecole française d'Athènes sous les Auspices du Ministère d'instruction publié et aux frais de M. Le duc de Loubat et publié sous la direction de Th. Homolle et M. Holleaux. Paris, 1909-1910.

Explorations in Turkestan. Expedition of 1904: Prehistoric Civilizations of Anau, Origins, Growth, and Influence of Environment. In Two Volumes / Ed. by R. Pumpelly. Washington, D.C., 1908.

Foucart P.-F. Mémoire sur les ruines et l'histoire de Delphes. Paris, 1865.

Fouilles de Delphes / sous la direction de Th. Homolle. Paris, 1892-1901.

Bourguet E. Les Ruines de Delphes. Paris, 1914.

Heermans T.W. Excavations at Corinth in 1904: Preliminary Report // American Journal of Archaeology. 1904. Vol. 8. No. 4. P. 433-441.

Miletische Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahr 1899. Berlin, 1906–1929.

Nikolentzos K. The Excavation of Ancient Olympia in the 19th Century: Notes from the Historical Archive of the Hellenic Archaeological Service // Die Abteilung Athen des DAI und die Aktivitäten deutscher Archäologen in Griechenland 1874-1933. Tagung DAI-Cluster 5 in Athen Deutsches Archäologisches Institut und Benaki Museum, 12. bis 13. Dezember 2016 / Hrsg. K. Sporn, A. Kankeleit. – Berlin, 2019. P. 91-119.

Pomtow H. Beiträge zur Topographie von Delphi. Berlin, 1889.

Pumpelly R., Davis W.M., Huntington E. Explorations in Turkestan, with an Account of the Basin of Eastern Persia and Sistan. Expedition of 1903. Washington, D.C., 1905.

Rapp G. Raphael Pumpelly (1837-1923): Pioneering Archaeological Geologist in Central Asia // *Earth Sciences History*. 2015. 34 (1). P. 23-37.

Rostovtzeff M. Les origines de la Russie kiévienne // *Revue des études slaves*. 1922. 2/1-2. P. 5-18.

Smith L. Archeological Theory and the Politics of Cultural Heritage. London; New York, 2004.

Wescher K. Étude sur le monument bilingue de Delphes. Paris, 1868.

Wiegand Th., Schraeder H. Priene. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in den Jahren 1895-1898. Berlin, 1904.

Академия наук и успехи космонавтики (малоизвестные страницы истории)

Ю.М. Батурин

Аннотация. Описывается роль Академии наук в исследовании космического пространства от теоретика космонавтики К.Э. Циолковского до современных экспериментов на Международной космической станции. Подчёркивается значение Всесоюзной конференции по исследованию стратосферы в 1934 году, на которой в одной секции делали доклады К.Э. Циолковский и С.П. Королёв. Рассказывается о не прекращавшихся во время Великой Отечественной войны научных экспериментах, проводимых с помощью высотных ракет. Обсуждаются подготовка к запуску первого искусственного спутника Земли и первый полёт человека в космос. Комментируется курируемая Академией наук исследовательская работа на орбитальных станциях.

Ключевые слова: космические исследования, научные эксперименты, Академия наук, высотные ракеты, пилотируемые полёты, история космонавтики.

Сегодня ни у кого нет сомнений в решающем вкладе Академии наук в развитие отечественной космонавтики [Вклад Академии наук..., 2021]. Однако вопреки сформировавшемуся мнению, ассоциирующему Академию наук с первыми искусственными спутниками Земли и полётом человека в космос в 1950-х – 1960-х годах, связь её с космонавтикой имеет историю, уходящую корнями в конец XIX века.

Отцом-основоположником современной космонавтики, бесспорно, считается Константин Эдуардович Циолковский – простой школьный учитель, великий изобретатель и учёный. Возможно, это историческая случайность, но однажды ему пришло в голову обратиться в Санкт-Петербургскую академию наук, и та выдала ему, говоря современным языком, грант на исследования. По-видимому, это был первый в мире академический «грант» приверженцу космонавтики, когда и слова-то такого ещё не придумали.

Дело было так.

К.Э. Циолковский получает академический грант

К.Э. Циолковский в 1897 году соорудил в Калуге аэродинамическую трубу. Изготовив более 150 моделей различной формы, он детально исследовал законы их сопротивления воздуху. Результат своих исследований Циолковский опубликовал в 1898/99 году в работе «Давление воздуха на поверхности, введённые в искусственный воздушный поток» в одесском журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики» и 10 сентября 1899 года послал её вице-президенту Академии наук академику Л.Н. Майкову: «...Прошу Ваше превосходительство сообщить Академии наук о моих последних опытах по

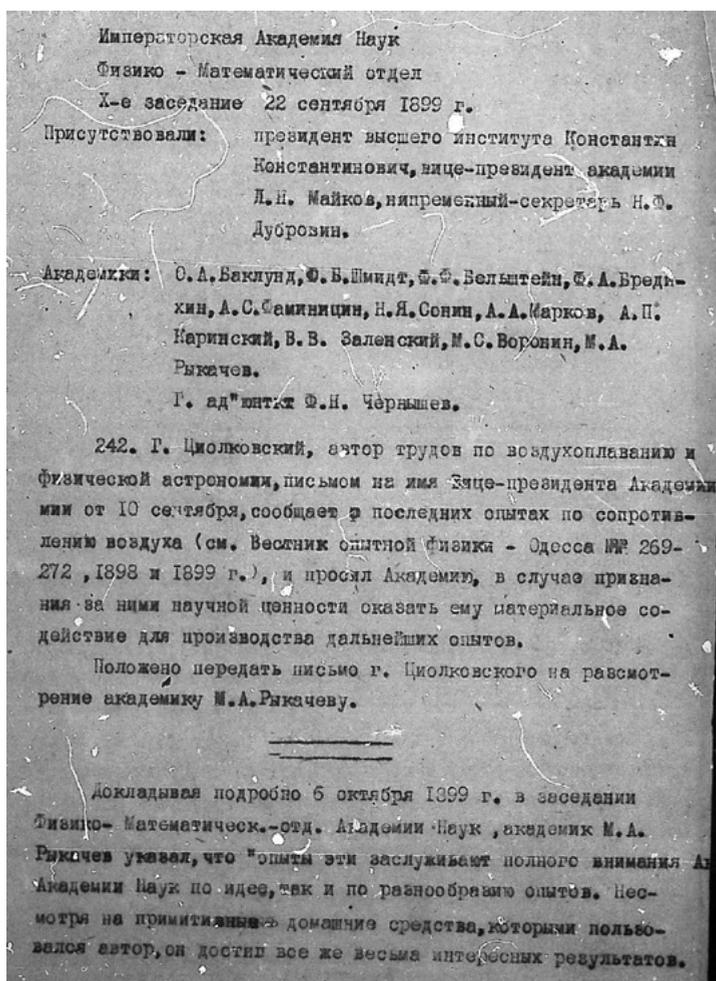
сопротивлению воздуха, описанных в «Вестнике Опытной Физики» (Одесса, №№ 269-272, 1898-1899 гг.)... Пусть компетентные господа члены Академии почтят мои труды их рассмотрением и оценкою. Если таковая окажется благоприятной для меня, то не могу ли я тогда надеяться на материальное содействие Академии к производству новых опытов... Лыщу себя надеждой, что высшее учёное учреждение России не откажется меня поддержать. Результаты опытов будут высланы в Академию и описание их с чертежами и вычислениями может быть напечатано в «Записках Академии» (если того буду удостоен) ...»¹.

Илл. 1. Письмо К.Э. Циолковского в Императорскую Академию Наук. 1899 г. Фрагмент. Автограф. АРАН. Ф.555. Оп.1. Д.5.

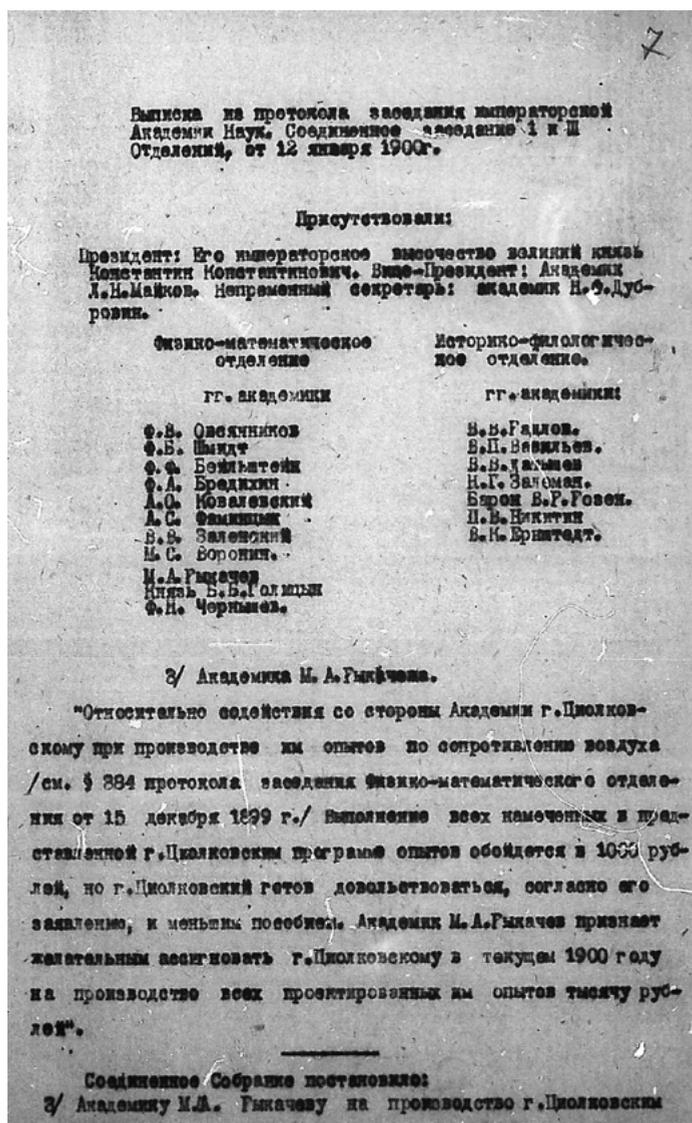
¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. ф. 38, оп. 2, дело № 561, л.1-2.

Спустя десять дней после того, как письмо было отправлено, академик Л.Н. Майков передал письмо К.Э. Циолковского в Физико-математическое отделение Академии наук, которое назначил рецензентом М.А. Рыкачева – академика по физике, директора Главной астрономической обсерватории и отнюдь не новичка в аэродинамике. Изучая статью К.Э. Циолковского, академик Рыкачев понял, что имеет дело с серьёзным исследователем, результаты работы которого, несмотря на примитивные домашние средства для экспериментирования, заслуживают внимания. Свои соображения Рыкачев доложил в октябре 1899 года (обратите внимание на быстроту реакции!) Физико-математическому отделению Академии, попросив его расширить опыты и провести их более точными приборами, а также оказать ему материальную поддержку из фонда, предназначенного на учёные потребности.

Илл. 2. Выписка из протокола заседаний Физико-Математического отдела Императорской Академии Наук от 22 сентября 1899 г. Просьба К.Э. Циолковского об оказании материального содействия для проведения опытов. 1899 г. АРАН. Ф.555. Оп.3. Д.112. Л.1.

Отделение согласилось и запросило у Циолковского программу предполагаемых экспериментов и смету расходов. Вместе с тем, академики предупредили Циолковского, что он должен быть весьма экономным. Императорская академия наук и тогда не располагала достаточными средствами. Циолковскому ассигновали 470 рублей, почти половину им запрошенной суммы. Циолковский в течение 1900-1901 годов провёл более обстоятельное исследование, результаты которого также сообщил Академии наук. Этот отчёт также получил положительную оценку.

Илл. 3. Выписка из протокола соединенного заседания I и III отделений Императорской Академии Наук от 12 января 1900 г. об оказании содействия К.Э. Циолковскому в проведении опытов. АРАН. Ф.555. Оп.3. Д.112. Л.7.

1 сентября 1901 года К.Э. Циолковский направил письмо академику М.А. Рыкачеву, в котором писал, что, несмотря на большой объём проведённой работы, программа исследований далеко не исчерпана, но он надеется, что работы завершатся к концу 1902 года [Циолковский, 1951: 258]. 13 февраля 1902 года академик М.А. Рыкачев дал своё заключение об отчёте К.Э. Циолковского, сделав ряд замечаний. Характер Константина Эдуардовича не позволил ему согласиться с критикой опытного физика: «...Жаль, что эта теоретическая погрешность, благодаря неправильной оценке почтенного академика, помешала мне поместить своевременно мои труды в изданиях Академии. Конечно, г. Рыкачев это сделал не намеренно, и я останусь весьма благодарным ему и Академии, поддержавшей меня материально и нравственно» [Циолковский, 1951: 122]. Только из-за упорствования К.Э. Циолковского, не пожелавшего исправить отмеченные рецензентом недостатки, его статья не стала академической и, может быть, несколько изменила его научную судьбу. И в конце жизни он признал правоту академика Рыкачева. Говоря о своём втором отчёте, Циолковский прямо сказал: «В Трудах Академии он не был напечатан отчасти по моему упрямству» [Циолковский, 2002: 109]. Позднее Академия наук СССР всё же дважды издаёт труды Циолковского – собрание сочинений в 1951-1964 годах и избранное в 1962 году, причём в избранном основные работы теоретика были опубликованы во всех известных вариантах.

Тем не менее, работу свою К.Э. Циолковский продолжал: воздухоплавание, дирижабли, ракетодинамика... Его статьи публиковались в других журналах, и он совершенно логично перешёл к ракетам (реактивным приборам): «Внутреннее давление газа заставляет делать форму ракеты в виде дирижабля с круговыми поперечными сечениями. Эта же форма полезна и для получения наименьшего сопротивления воздуха. Она же избавляет ракету и от излишних внутренних скреплений и перегородок» [Циолковский, 1926: 103].

Так два академика – литератор и физик оказались у истоков академической истории космонавтики.

Историческая встреча на академической конференции

Прошли годы, вместившие в себя три кровопролитные войны и три революции. Определяющую роль в мировой ракетной технике играли тогда инженеры. В 1926 году Р. Годдард запустил первую ракету с ЖРД (жидкостным ракетным двигателем). Учёные и инженеры активно организуются в научные общества: в 1926 году – Общество по исследованию межпланетных пространств в Вене (позднее на его основе было создано Австрийское общество ракетной техники), в 1927 году – Общество межпланетных сообщений в Бреслау (тогда Германия), в 1930 году – Американское межпланетное общество, в 1933 году – Британское межпланетное общество. Советский Союз не отстаёт от мировых тенденций и в чём-то даже опережает их. В 1929 году в Ленинграде в составе Газодинамической лаборатории (ГДЛ) создаётся подразделение под руководством В.П. Глушко по разработке электрических и жидкостных ракет.

В 1934-1938 годах оно входило в состав Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ), а с 1939 года выделилось в самостоятельное подразделение, в 1941 году выросшее в Опытно-конструкторское бюро (ОКБ). В 1929-1933 годах ГДЛ-ОКБ разработало первый в мире электротермический ракетный двигатель, в 1930-1933 годах – первые отечественные ракетные двигатели на жидком топливе. Именно на этом предприятии был создан самый мощный в мире жидкостный ракетный двигатель РД-170 для универсальной ракетной системы «Энергия»–«Буран». Сегодня это знаменитое НПО «Энергомаш» имени академика В.П. Глушко.

В 1930 году организованы общественные Группы изучения реактивного движения (ГИРД) при Осоавиахиме в Москве и Ленинграде. В 1932 году Московскому ГИРД предоставляют экспериментальную базу для разработки ракет и начальником ГИРД назначают С.П. Королёва. В том же 1932 году в Куммерсдорфе (Германия) организована испытательная станция для разработки ракет на жидком топливе под руководством В. Дорнбергера и В. фон Брауна, которая в 1937 году переведена в Пенемюнде и преобразована в ракетный центр. В 1933 году в Москве на базе ГДЛ и МосГИРД создаётся Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ). Как следствие, появляются первые серьёзные проекты. В 1928-1929 годах В.П. Глушко разработал проект «Гелиоракетоплана» – космического корабля с электрическими ракетными двигателями, питаемыми от солнечных батарей. В 1930-1932 годах в ГДЛ разработан проект и изготавливалась ракета РЛА-100 конструкции В.П. Глушко с расчётной высотой вертикального подъёма 100 километров, то есть до границы космоса. И В.П. Глушко, и С.П. Королёв в будущем станут членами Академии наук СССР.

Академию наук все эти годы трясло. Власти были недовольны классовым составом Академии и высказываемыми академиками взглядами. В результате долгой борьбы власти осуществили «покорение» Академии: была проведена «большевизация» её состава и принят её новый Устав. Академия наук не только не была ликвидирована, но заняла центральное положение в советской системе. Признав новую идеологию, учёные могли полностью отдаться науке.

Президиум Академии наук СССР созывает 31 марта 1934 года первую в мире конференцию по изучению стратосферы, организационный комитет которой возглавил С.И. Вавилов. Всесоюзная конференция, солидная даже по современным масштабам, открылась в большом конференц-зале Академии наук в Ленинграде. В ней приняли участие многие выдающиеся учёные – президент Академии наук А.П. Карпинский, академики А.Ф. Иоффе, Л.А. Орбели и другие [Труды Всесоюзной конференции..., 1935]. Сообщение «Достижение высот стратостатом» сделал К.Э. Циолковский [Труды Всесоюзной конференции..., 1935: 709-716], а С.П. Королёв выступил с докладом «Полет реактивных аппаратов в стратосфере» [Труды Всесоюзной конференции..., 1935: 857-868]. Кто-то его спросил:

«– Вы верите, что человек полетит в стратосферу на реактивном аппарате в ближайшем будущем?..»

– Нет, я не верю, я просто знаю, что он полетит, – ответил Королёв» [Голованов, 2007: 237].

Конференция констатировала начало комплексной работы по изучению стратосферы и одобрила, как в высшей степени правильную и своевременную, инициативу Академии наук СССР, собравшей все заинтересованные учреждения СССР и специалистов из всех областей знания, связанных с изучением и освоением стратосферы. Было предложено для общего руководства, планирования, координирования всех работ по изучению стратосферы, ведущихся в научных и других учреждениях Советского Союза, создать советский научный стратосферный Центр при Академии наук СССР, высшем научном учреждении Союза. Конференция пришла к выводу, что страна уже готова для постройки стратоплана: сперва для освоения системы управления герметической гондолой и изучения условий жизни в ней человека. Было отмечено большое будущее реактивного движения и рекомендовано в области реактивных двигателей сосредоточить особое внимание на освоении техники подъёма в стратосферу приборов с помощью ракет как переходного этапа к проектированию ракет для полёта человека [Резолюции Всесоюзной конференции..., 1935: 3-4, 14-15].

В том же 1934 году на сессии АН СССР была поставлена в концептуальном аспекте проблема надёжности, а следом по инициативе академика С.А. Чаплыгина была создана Комиссия по надёжности при АН СССР. Вопросы надёжности встали в первый ряд проблем ракетостроения, а затем и космонавтики.

Конференция по исследованию стратосферы 1934 года стала мощным импульсом для создания исследовательских ракет. Много было сделано в рамках созданной после конференции Комиссии по изучению стратосферы под председательством С.И. Вавилова. В 1937 г. вышла в свет книга А.А. Штернфельда «Введение в космонавтику». Перевод книги с французского языка на русский сделал Г.Э. Лангемак. Так, почти за четверть века до полёта Ю.А. Гагарина в отечественную практику стал постепенно входить термин «космонавтика».

Мобилизация науки и военные годы

Летом 1934 года Академия наук СССР была передана в ведение Совета народных комиссаров СССР и переведена в Москву. Советское правительство провозгласило АН СССР штабом советской науки. Ей было поручено координировать мобилизацию науки в предвоенный период. Теперь Академия наук работала по плану, утверждаемому СНК СССР, который предусматривал расширение работы по темам, поставленным как по прямым заданиям наркоматов, так и по инициативе академиков и институтов с согласия наркоматов. Задача исследования стратосферы оставалась в числе приоритетных. Геофизический институт АН СССР планировал запуск ракеты на высоту 50 км, а затем и на 100 км. Для этой цели Главная геофизическая обсерватория Гидрометеослужбы в Ленинграде создала малогабаритный блок десятка научных приборов (ДГУ-1, вес 1,5 кг). Среди работ, отмеченных в годовом отчёте вице-президента АН СССР академика О.Ю. Шмидта за 1939 г., обозначены темы,

важные для будущей космонавтики и космических исследований: Институт физических проблем (П.Л. Капица) – доработка установки для получения жидкого кислорода (топливо космических ракет); Физический институт им. П.Н. Лебедева (С.И. Вавилов) – изучение космических лучей и свойств быстрых частиц.

В тяжёлых условиях первых лет Великой Отечественной войны, уже в 1943 году по заданию Физического института имени П.Н. Лебедева АН СССР, промышленность приступила к созданию ракеты для подъёма приборов на высоту до 40 км. Запуск планировали произвести с высокогорной станции Академии наук СССР на Памире (высота около 4 тыс. м) [Вакулов, Ведешин, 1973: 123-132].

30 августа 1944 г. в адрес секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова поступило письмо от Президента АН СССР В.Л. Комарова и секретаря Президиума АН СССР Н.Г. Бруевича, в котором, в частности, говорилось: «Для ряда основных вопросов геофизики, радиофизики, астрономии и физики космических лучей исключительно большое значение имеют научные исследования состава и верхних слоев земной атмосферы... Единственный известный нам метод, в котором принципиально нет границы в достижимой высоте – это ракеты... Сейчас техника ракет достигла состояния, при котором применение их для научных исследований больших высот стало реальностью! (прим. Ю.Б.). Физический институт АН СССР выдвинул идею осуществления сверхвысотных наблюдений с помощью специальной ракеты, снабжённой соответствующей регистрирующей аппаратурой... Крайне желательно в интересах науки и с точки зрения приоритета нашей страны форсировать создание подобной аппаратуры, тем более, что, как мы недавно узнали в английском журнале «Флайт», в Англии также разрабатывается ракета для исследования очень высоких слоёв атмосферы» [Чернышева, 2002: 169-170]. Уже тогда появились проекты систем, сегодня применяемых в практике космонавтики: отделяемый спускаемый аппарат, отстрел кабины с помощью пиротехнических замков, система мягкой посадки с помощью парашютов и двигателей мягкой посадки. Главное в них – одобрение Академией наук приоритетов не только военных, но ориентированных на космические исследования, на науку, изучающую космическое пространство с помощью реактивных летательных аппаратов (реактивных приборов по К.Э. Циолковскому).

План полёта в космос в 1949 году

В начале 1945 года в Ракетном НИИ, созданном ещё М.Н. Тухачевским в 1933 году, инженер-полковник М.К. Тихонравов организовал группу специалистов (Н.Г. Чернышев, В.А. Штоколов, П.И. Иванов, В.Н. Галковский, Г.М. Москаленко, А.Ф. Крутов и др.), поставив задачу разработать проект пилотируемого высотного ракетного аппарата (герметичной кабины с двумя пилотами) на базе одноступенчатой жидкостной ракеты с характеристиками, рассчитанными для полёта на высоту до 200 километров. Через год проект

высотной ракеты (ВР-190) был подготовлен. Реализацию своей идеи разработчики начали с Академии наук СССР. Доложили академику-секретарю АН СССР П.Г. Бруевичу [Кантемиров, 2014: 112-113]. Сразу же в обращении к Президенту АН СССР С.И. Вавилову академики А.А. Орбели, В.Р. Фесенко, А.Д. Папалекси попросили поддержать проект: «Поскольку научное значение такого полета с исследовательскими целями исключительно велико, техническая осуществимость, по-видимому, вероятна, мы просим Вас поддержать инициативу этой группы. Со своей стороны мы примем необходимое участие в создании программы исследовательских работ и подготовке научной аппаратуры для этого полета» [Брыков, 1993: 39]. 16 марта 1946 г. записка была доложена Президенту АН СССР академику С.И. Вавилову. Вавилов дал указание подготовить соответствующее письмо в Министерство авиационной промышленности, высказав просьбу создать для осуществления проекта специальную лабораторию.

По поручению министра авиационной промышленности М.В. Хруничева проект был рассмотрен экспертной комиссией министерства под председательством академика С.А. Христиановича. Положительное заключение комиссии, предложившей вместо лаборатории создать специальное конструкторское бюро, передали на утверждение заместителю министра (и одновременно заместителю Главного учёного секретаря АН СССР) А.И. Михайлову, который, зная, что уже подготовлен проект Постановления Совета Министров СССР о создании Специального Комитета по реактивной технике при Совете Министров СССР, в числе первоочередных задач которого назывались и работы по ракетной технике, немного притормозил ход дела. (Постановление Совета Министров СССР «Вопросы реактивного вооружения», в котором говорилось о Специальном Комитете, было выпущено 13 мая 1946 года).²

Условия для начала реализации первого космического пилотируемого проекта сложились крайне благоприятные. Однако авторов первого обращения, М.К. Тихонравова и Н.Г. Чернышева, подвели недостаток выдержки и исключительно рациональное техническое мышление, не учитывающее психологию принятия решений. 21 мая они обращаются с письмом о проекте ВР-190 лично к И.В. Сталину. В своём письме авторы указали не только на *научную*, но и на *политическую* значимость этой работы. Об интересах науки они написали так: «В настоящий момент неизвестно, как будут влиять на этих высотах на организм человека и работу машин космические лучи, магнитные явления, условия абсолютной пустоты, условия температурных режимов, метеоритные условия и ряд других, быть может, пока не известных особенностей стратосферы и этих высот» [Кантемиров, 2014: 115]. Политику обозначили через указание на то, что США и Великобритания уже «приступили к широкому развертыванию работ в этом направлении... Борьба за приоритет полета ракеты с человеком уже началась, и мы, советские ученые и инженеры, не имеем морального права медлить» [Кантемиров, 2014: 115].

² Постановление Совета Министров СССР «Вопросы реактивного вооружения». 13 мая 1946 г. [Советская космическая инициатива... 2008: 30-36].

Сталин дал поручение министру М.В. Хруничеву рассмотреть проект М.К. Тихонравова и Н.Г. Чернышева. М.В. Хруничеву не составило труда вспомнить и обнаружить положенный в «долгий ящик» его министерства документ. 6 июня 1946 года он собирает у себя совещание, а уже 13 июня он ставит его на вторичное обсуждение на совещании у А.И. Михайлова, теперь совместно со специалистами не только авиапромышленности, но и министерств вооружения, электропромышленности. 20 июня 1946 года М.В. Хруничев докладывает И.В. Сталину о возможности создания пилотируемой космической ракеты, отмечая, что Тихонраов и Чернышев недооценили срок создания космического аппарата: за год не успеть, и даже двухлетний срок является минимальным и весьма напряжённым. Сталин, однако, никакой резолюции на докладе М.В. Хруничева не оставил, и попытка пилотируемого космического полёта в 1940-х годах предпринята так и не была. Но смелость научно-технической мысли поражает даже сегодня.

«Общее руководство возлагается на Академию наук»

После войны президентом АН СССР стал С.И. Вавилов, учёный с мировым именем. Он возглавлял Государственный оптический институт и Физический институт АН СССР, направлял и координировал все основные исследования в области оптики и принимал непосредственное участие в становлении оптико-механической промышленности. С.И. Вавилов планировал перейти от стратосферных к ионосферным, а затем и к космическим исследованиям. Он обратился к Д.Ф. Устинову с просьбой ознакомиться с достигнутыми возможностями ракетной техники. Оптико-механическая промышленность с начала войны находилась в ведении Наркомата вооружения, поэтому Устинов знал Вавилова раньше и считался с его мнением не только потому, что тот был президентом Академии наук. Просьба Вавилова совпала с настроениями Устинова, недовольного тем, что подчинённая ему отрасль до сих пор не установила рабочих контактов с Академией наук. Устинов расширил задачу, попросив его подумать, чем вообще Академия наук может помочь отрасли и кого из учёных следует привлечь к её работам [*Чертюк*, 2006: 98-100]. Это был важный шаг к объединению в единой системной государственной программе фундаментальных исследований Академии наук и передовой промышленности, со временем доказавшей свою высокую эффективность.

Академик О.Г. Газенко в своём сообщении «Человек в космосе – некоторые итоги и перспективы космической физиологии и медицины» на заседании Президиума Российской академии наук 11 мая 1999 года вспоминал, как примерно в 1947 году «С.И. Вавилов (это была его инициатива) по договорённости с Устиновым посетил НИИ-88, где работал Сергей Павлович Королёв, и таким образом впервые очень внимательно рассмотрел возможность использования новой техники – ракетной техники – в целях исследования верхних слоёв атмосферы. Была образована Комиссия Академии наук СССР по координации работ по исследованию верхних слоёв атмосферы, которая много в последу-

юшем трансформировалась и ныне существует в виде Комиссии по космосу при Президиуме нашей Академии. В результате деятельности этой комиссии было подготовлено техническое задание на проведение исследований на ракетах. Это задание было составлено в 1949-м году и утверждено в 1950-м. Ставились задачи, связанные с исследованием поведения животных организмов при полётах на ракетах в высокие слои атмосферы, и ставился вопрос, каким образом можно обеспечить жизнедеятельность животных в условиях этого полёта и обеспечить их благополучное возвращение на землю. Был утверждён порядок проведения работ. Первый пункт – указано, что общее руководство всеми работами возлагается на Академию наук».³

Первые результаты не заставили себя ждать. Летом 1947 года по предложению ФИАНа С.П. Королёв провёл совещание, на котором рассматривалась возможность установки на жидкостных ракетах приборов для проведения экспериментов в верхних слоях атмосферы, а 2 ноября 1947 года эти приборы уже были запущены на высоту около 80 км. Исследования проводились сотрудниками ФИАНа В.А. Хволесом, А.Е. Чудаковым, П.В. Вакуловым, М.И. Фрадким, В.И. Соловьёвой под руководством С.Н. Вернова. Целью экспериментов было измерение потоков заряженных частиц за пределами атмосферы и исследование процессов образования вторичной компоненты космических лучей при взаимодействии частиц первичного космического излучения с ядрами атомов различных элементов. В октябре 1948 г. эксперименты были продолжены ещё в двух полётах.

С.П. Королёв в 1949 г. подготовил «Техническое задание на проведение работ по исследованию высотных слоёв атмосферы» [С.П. Королев и его дело..., 1998: 156-160]. На основании этого документа вышло Постановление СМ СССР от 30.12.1949 г. за № 5891-2209сс «О дальнейшем развитии работ по исследованию верхних слоёв атмосферы» [Советская космическая инициатива..., 2008: 39]. Высотные исследовательские ракеты для геофизических и других научных исследований стали запускаться в СССР с 1949 г. первоначально на базе ракеты Р-1, а затем и Р-2 и Р-5 с Государственного Центрального полигона «Капустин Яр». Ракеты оснащались головными частями в различных вариантах в НИИ-88 по заказу АН СССР. Результаты научных измерений при таких запусках передавались на Землю с помощью радиотелеметрических систем.

В 1951 г. благодаря ракетным пускам получены новые данные о составе космического излучения и процессах взаимодействия космических частиц, проведены измерения космических лучей ионизационными камерами. Сотрудниками Ленинградского радиового института под руководством А.П. Жданова проводились исследования зарядов космических лучей с помощью фотопластинок. Блок кассет из пластинок упаковывали в стальной цилиндр и помещали в приборный отсек у стенки корпуса ракеты. После возвращения контейнер вскрывали, пластинки проявляли и по следам, оставленным на эмульсии ча-

³ Стенограмма заседания Президиума Российской академии наук. 11.05.1999. АРАН. Ф.2. Оп.31. Д.389. Л.79-80.

стицами, определяли их заряды. Лаборатория измерительных приборов Академии наук СССР под руководством Г.Н. Флёрова устанавливала на ракетах детекторы нейтронов с кадмиевым замедлителем [Вакулов, Ведешин, 1973: 126-130]. По докладу академика А.А. Благонравова президенту АН СССР А.Н. Несмеянову в 1951 году при проведении научных исследований в шести пусках ракеты 1-РБ проведены измерения атмосферного давления на высотах до 100 км. Собраны данные о составе воздуха на высотах 70-90 км. Получены данные о скорости и направлении движения слоёв атмосферы на высоте 80 км. Сняты аэродинамические характеристики модели крыла на больших высотах при сверхзвуковых скоростях и исследованы силы трения. Сделаны снимки спектра Солнца на высотах до 100 км. Доказана выживаемость живых организмов в условиях полёта на ракете до высоты 100 км без нарушения физиологических функций. Подопытные животные доставлялись на Землю с этой высоты без повреждений⁴. Как же много удалось сделать в первые же послевоенные годы!

Космический триумф Академии наук

После неслучившегося полёта пилотируемой ракеты ВР-190 М.К. Тихонравов на основе идеи «ракетного пакета» пришёл в 1948 году к выводу о технической возможности вывода на орбиту искусственного спутника Земли на достигнутой технологической базе [4 Центральный научно-исследовательский институт..., 1996: 18]. В июле 1949 года с расчётами был ознакомлен С.П. Королёв. В марте 1950 года М.К. Тихонравов сделал на научной конференции публичный доклад, в котором затронул перспективу создания искусственного спутника Земли (ИСЗ) *вплоть до полёта на нём человека*. Идею создания ИСЗ С.П. Королёв доложил 16 марта 1954 года на совещании у академика М.В. Келдыша. Тот, в свою очередь, получил одобрение этого предложения у президента Академии наук СССР А.Н. Несмеянова. 26 мая 1954 года М.К. Тихонравов подписал подготовленную им Докладную записку о технической возможности создания простейшего ИСЗ и перспективах осуществления полёта человека в космос. Он предлагал работы по спутнику и полёту человека вести параллельно. «Программа всех этих опытов должна, по нашему мнению, войти составной частью в программу работ Академии наук СССР», – писал он⁵. 27 мая 1954 года С.П. Королёв обратился к министру вооружения Д.Ф. Устинову с докладной запиской «Об искусственном спутнике Земли», подготовленной М.К. Тихонравовым. В августе 1954 года Совет Министров СССР утвердил предложения по проработке научно-теоретических вопросов, связанных с космическим полётом. На совещании, состо-

⁴ Телеграмма академика А.А. Благонравова Г.М. Маленкову, Л.П. Берия и Н.А. Булганину о результатах испытательных пусков ракеты 1-РБ [Советская космическая инициатива..., 2008: 38-39].

⁵ Докладная записка о технической возможности создания простейшего ИСЗ и перспективах осуществления полёта человека в космос, подготовленная М.К. Тихонравовым по результатам НИР, выполненных в НИИ-4 по заказу ОКБ-1 НИИ-88. 26 мая 1954 г. [Первый пилотируемый полёт, 2011: 38].

явшемся 30 августа 1955 г. в Академии наук СССР, в работе которого приняли участие С.П. Королёв, В.П. Глушко, М.В. Келдыш, М.А. Лаврентьев были поставлены более широкие задачи создания ракетно-космической техники для исследования космического пространства.

В самом начале 1956 г. Совет Министров СССР издаёт постановление о создании искусственного спутника Земли, которое начинается так: «Принять предложение Академии наук СССР (т.т. Несмеянова, Топчиева, Келдыша) ... – далее после перечисления министерств и ведомств, – ... и главных конструкторов т.т. Королёва, Глушко, Рязанского, Пилюгина, Кузнецова, Бармина о создании в 1957-1958 гг. на базе разрабатываемого изделия Р-7 искусственного спутника Земли (объект «Д») весом 1000-1400 кг. С аппаратурой для научных исследований весом 200-300 кг. Срок первого пробного пуска объекта «Д» установить – 1957 год» [Первый пилотируемый полёт, 2011: 57-61].

Это постановление Совета Министров СССР – одно из самых триумфальных в космической истории Академии наук СССР, ей посвящено более половины постановления. Правительство поставило Академии наук основную задачу по исследованию с помощью объекта «Д» важнейших научных проблем: по геофизике (исследование гравитационного и магнитных полей и формы Земли, изучение ионосферы и её влияния на прохождение радиоволн и изучение верхних слоёв атмосферы), по физическим проблемам (изучение космического излучения и наблюдение эффектов теории относительности), по биологии (выяснение возможности длительного пребывания живых организмов на искусственных спутниках Земли), по астрономии (изучение Солнца, метеоритной опасности и фотографирование земной поверхности).

Академия наук СССР была назначена головной организацией по общему научному руководству и обеспечению аппаратурой для научных исследований на спутнике. Она обязывалась разработать технические задания на научную аппаратуру и лабораторное оборудование. Президиуму Академии наук СССР было поручено разработать и утвердить перспективный план научных проблем, подлежащих изучению в космических полётах. При Президиуме Академии наук СССР была создана Комиссия по научному руководству созданием спутника во главе с академиком М.В. Келдышем и с участием ведущих учёных [Первый пилотируемый полёт, 2011: 57-61]. В плане работ по спутнику среди исполнителей назывались (в порядке упоминания) следующие институты Академии наук: Институт автоматики и телемеханики, Институт радиоэлектроники, Математический институт, Энергетический институт, Ленинградский физико-технический институт, Институт полупроводников и Физический институт [Первый пилотируемый полёт, 2011: 62-72]. Академия наук СССР была признана правительством ведущей научной организацией в области космических исследований.

В записке заместителя Председателя Совета Министров СССР М.В. Хруничева, Президента Академии наук СССР А.Н. Несмеянова и других в ЦК КПСС от 16 июня 1956 г. об исследовании верхних слоёв атмосферы с помощью ракет обосновывалась важность этих работ, а в прилагаемом проекте постановления

предлагалось возложить ответственность в части координации всех работ и обобщению материалов на Академию наук СССР [Советская космическая инициатива..., 2008: 68-70]. С этих пор без участия Академии наук или поручения Академии наук СССР не планировалось ни одно значимое мероприятие в области исследования космоса.

Как известно, космическая эра человечества была открыта 4 октября 1957 года запуском в Советском Союзе Первого искусственного спутника Земли.

Ровно за год до запуска спутника, 3 октября 1956 года, в ОКБ-1 главного конструктора С.П. Королёва появляется План ОКБ-1 «Ближайшие задачи по изучению космоса» [Первый пилотируемый полёт, 2011: 82-84], в котором были обозначены и пилотируемые полёты. По воспоминаниям лётчика-космонавта, проектанта космического корабля «Восток» К.П. Феоктистова о создании корабля для пилотируемого полёта, к тому времени С.П. Королёв оценивал начало пилотируемых полётов в СССР 1963-1964 годом [Человек. Корабль. Космос, 2011: 321-322]. Тогда же начались серьёзные работы по изучению возможности создания пилотируемого космического аппарата. Одна из целей – обеспечить приоритет нашей страны.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР 20 марта 1958 года поручают Академии наук СССР (Несмеянову, Келдышу и Королёву):

«а) с участием заинтересованных организаций в трехмесячный срок разработать и по согласованию с Комиссией Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам утвердить перспективный план научных проблем, подлежащих изучению с помощью космических ракет;

б) представить в Президиум ЦК КПСС предложения по развитию в организациях Академии наук СССР и в промышленности исследований в области космических проблем»⁶.

Распоряжением Совета Министров СССР от 26 мая 1958 г. о проведении пусков метеорологических и геофизических ракет Академия наук СССР (первой в списке ответственных министерств и ведомств) обязывалась обеспечить в 1958 г. проведение 196 вертикальных пусков ракет⁷.

Человек в космосе!

28 июня 1958 года в ЦК КПСС на имя Н.С. Хрущёва из Академии медицинских наук поступает записка «Предложение о создании специализированного научного учреждения по медико-биологическим проблемам космических полетов, представленное А.Н. Бакулевым, В.В. Париным, В.Н. Черниговским и В.И. Яздовским»⁸. 24 сентября 1958 года на государственный уровень выносятся

⁶ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании объекта “Е”» [Советский космос, 2011: 84].

⁷ Распоряжение Совета Министров СССР о проведении пусков метеорологических и геофизических ракет. 26 мая 1958 г. [Советская космическая инициатива..., 2008: 79-80].

⁸ Предложение о создании специализированного научного учреждения по медико-биологическим проблемам космических полетов, представленное А.Н. Бакулевым, В.В. Париным, В.Н. Черниговским и В.И. Яздовским в ЦК КПСС Н.С. Хрущёву. 28 июня 1958 г. [Первый пилотируемый полёт, 2011: 99-104].

ся предложение о создании Института космической биологии и медицины АН СССР⁹. И уже 2 декабря 1958 года по данному вопросу было принято решение: «...Представляется более правильным не расплывать научные и материальные ресурсы по нескольким организациям, а укрепить существующий Институт авиационной медицины Министерства обороны СССР, преобразовав его в Научно-исследовательский испытательный институт авиационной и космической медицины с тем, чтобы он мог совместно с Академией наук СССР и Академией медицинских наук СССР решить в ближайшее время вопросы медико-биологического обеспечения космических полетов»¹⁰.

5 июля 1958 года С.П. Королёв и М.К. Тихонравов пишут записку «Предварительные соображения о перспективных работах по освоению космического пространства»¹¹, которая начинается словами: «Околосолнечное пространство должно быть освоено и заселено Человечеством» [Первый пилотируемый полёт, 2011: 105].

К.П. Феоктистов, который в начале 1958 года был назначен начальником проектной группы по исследованию проблем полёта человека в космос, вспоминал, что «в самом КБ шла “внутренняя война”, ... были “защитники Родины”, которые говорили, что нужно не человека запускать, а спутники-разведчики» [Человек. Корабль. Космос, 2011: 322]. Чтобы Военно-промышленная комиссия не «зарубила» проект, одновременно предлагались пилотируемый и беспилотный варианты корабля для фото- и визуальной военной разведки. (Беспилотный космический аппарат «Зенит» в разных модификациях проработал до 1994 г.). 16 сентября 1958 года было представлено предложение о разработке спутника-разведчика с человеком на борту¹².

17 ноября 1958 года С.П. Королёв подписал отчёт «Материалы предварительной проработки вопроса создания спутника Земли с человеком на борту» [Решетин, 2010: 91]. Началась выдача технических заданий на разработку систем корабля и выпуск конструкторской документации.

В начале 1959 года под председательством академика М.В. Келдыша в Академии наук СССР прошло совещание, на котором подробно обсуждался вопрос о полёте в космос человека, вплоть до того, из кого выбирать будущих кандидатов в космонавты¹³.

⁹ Предложение о создании Института космической биологии и медицины АН СССР, представленное в ЦК КПСС и АН СССР О.Г. Газенко, А.М. Гениным, А.А. Гюрджианом. 24 сентября 1958 г. [Первый пилотируемый полёт, 2011: 113].

¹⁰ Предложения об усилении научно-исследовательских работ в области медико-биологического обеспечения полёта человека в космос, представленные в ЦК КПСС М.В. Хруничевым, К.Н. Рудневым, М.И. Неделиным, А.Н. Несмеяновым, А.Н. Бакулевым и Е.И. Смирновым. 2 декабря 1958 г. [Первый пилотируемый полёт, 2011: 118-119].

¹¹ Предварительные соображения о перспективных работах по освоению космического пространства. 5 июля 1958 г. [Первый пилотируемый полёт, 2011: 105-108].

¹² Предложения о разработке спутника-разведчика с человеком на борту, представленные в ГКОТ С.П. Королёвым [Первый пилотируемый полёт, 2011: 110].

¹³ Из воспоминаний доктора медицинских наук, профессора В.И. Яздовского о решении медико-биологических проблем полёта человека в космическое пространство [Человек. Корабль. Космос, 2011: 114].

22 мая 1959 года было подписано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по созданию корабля-спутника для полёта человека в космос и определены основные исполнители (в решении задачи участвовали 123 организации; среди институтов Академии наук помимо перечисленных выше участников работ по спутнику в списке появились Институт горючих ископаемых и Институт физики Земли)¹⁴.

Наконец, в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 декабря 1959 года №1388-618 «О развитии исследований по космическому пространству» была прямо поставлена задача «осуществление первых полетов человека в космическом пространстве» (первый отчёт о возможности космического полёта человека выполнен в ОКБ-1 в августе 1958 года) [Первый пилотируемый полёт, 2011: 141]. Тем же Постановлением вместо трёх междудомственных комиссий при Академии наук, образованных в период с 1953 г. по 1956 г., создавался постоянно действующий Междудомственный научно-технический совет по космическим исследованиям для научно-технического руководства работами по изучению космического пространства. Был утверждён Президиум МНТС в составе М.В. Келдыша (председатель), С.П. Королёва (заместитель председателя), А.А. Благонравова (заместитель председателя), К.Д. Бушуева (заместитель председателя) и членов Совета – Л.И. Седова, В.П. Глушко, М.С. Рязанского, М.К. Янгеля, Г.А. Тюлина, А.И. Соколова, Е.К. Федорова, В.А. Амбарцумяна, Ф.А. Агальцова, А.И. Лейпунского, Г.Н. Пашкова, Л.А. Гришина, А.И. Шокина. Помимо детального перечня задач, порученных МНТС, отдельным пунктом в целях обеспечения развития работ по динамике движения космических аппаратов разрешалось «Отделению прикладной математики Математического института Академии наук СССР построить на своей территории четырёхэтажный производственный корпус площадью 1500-2000 кв. метров» [Первый пилотируемый полёт, 2011: 168-170], [Советский космос, 2011: 151-152]. С этого постановления подготовка к пилотируемому полёту интенсифицировалась.

15 июня 1960 г. академик М.В. Келдыш вместе с Д.Ф. Устиновым и К.А. Вершининым пишут в ЦК КПСС предложения о подготовке полёта человека в космическое пространство [Первый пилотируемый полёт, 2011: 259]. В утверждённом 23 июня 1960 года Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О создании мощных ракет-носителей, спутников, космических кораблей и освоении космического пространства в 1960-1967 годах» Планы предстоящих работ значилось создание «новых средств для научных исследований космического пространства и обеспечении жизнедеятельности человека на космических объектах в течение длительного времени» [Советская космическая инициатива, 2008: 97]. Среди ответственных, помимо Академии наук СССР, назывались Академии наук Армянской ССР, Украинской ССР, Грузинской ССР, Узбекской ССР, а также Академия медицинских наук СССР

¹⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об объекте “Восток”». 22 мая. 1959 г. Приложение: План проектных, опытно-конструкторских и научно-исследовательских работ по созданию объекта «Восток» [Первый пилотируемый полёт, 2011: 126-157].

и Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. В рамках этого постановления был составлен и согласован план работы по изучению биологического действия космической радиации, которым было предусмотрено проведение лабораторных исследований в Объединённом институте ядерных исследований в Дубне. В реализации этого плана помимо физических институтов Академии наук приняли участие Институт биологической физики АН СССР, Институт биофизики АМН СССР, Институт экспериментальной биологии АМН СССР¹⁵.

10 сентября 1960 г. большая группа руководителей, среди которых были М.В. Келдыш, С.П. Королёв и другие главные конструкторы докладывают в ЦК КПСС о возможности запуска человека в космос в ноябре-декабре 1960 года [Советская космическая инициатива, 2008: 111-113]. В том же месяце академик М.В. Келдыш вместе с маршалом авиации С.И. Руденко утверждают техническое задание на изготовление космического корабля для полёта человека¹⁶.

3 августа 1960 года Совет Министров СССР принимает совершенно секретное постановление «О подготовке полёта человека в космическое пространство» [Первый пилотируемый полёт, 2011: 267-268; Советская космическая инициатива..., 2008: 101-103].

С целью ускорить решение этой задачи 24 сентября 1960 года Совет Министров СССР создаёт Междуведомственный научно-технический совет по космическим исследованиям при Академии наук СССР [Советский космос, 2011: 289-290].

Через месяц с небольшим, 10 сентября 1960 года, Д.Ф. Устинов, Р.Я. Машиновский, М.В. Келдыш, С.П. Королёв, В.П. Глушко, В.П. Бармин и другие – всего 16 подписей – направляют в ЦК КПСС совместную записку со своим видением этого проекта. В записке указывалось: «Осуществить полет человека в космическом пространстве в декабре 1960 г.» [Советская космическая инициатива..., 2008: 112].

3 апреля 1961 года под грифом «Строго секретно. Особая папка» вышло Постановление Президиума ЦК КПСС «О запуске космического корабля-спутника». В нём было дано разрешение на отправку в космос человека [Советская космическая инициатива, 2008: 123].

7 апреля 1961 года К.Н. Руднев утвердил программу полёта, которая предусматривала одновитковый полёт с посадкой в начале второго витка, и два резервных варианта – суточный полёт и длительный полёт со входом в атмосферу в результате естественного торможения [Советская космическая инициатива..., 2008: 385-392].

С.П. Королёв незамедлительно рассматривал любые предложения, направленные на повышение надёжности первого пилотируемого космического комплекса (ракеты-носителя и космического корабля). Так, 10 апреля 1961 года

¹⁵ Рабочие материалы к докладу В.И. Яздовского о подготовке и обеспечению полета человека на объекте «Восток-3» на заседании Главных конструкторов. 10 июня 1960 г. [Первый пилотируемый полёт, 2011: 246].

¹⁶ Техническое задание на разработку объекта «Восток 3А». Не позднее 25 сентября 1960 г. [Первый пилотируемый полёт, 2011: 300].

на совещании технического руководства было предложено вывести резервный комплект средств траекторных измерений из «холодного» резерва и уходить со старта с двумя работающими комплектами. Учитывая сроки старта, возражения против такого предложения выглядели очень серьёзно. Но поскольку речь шла о надёжности пуска, была создана рабочая группа под руководством академика М.В. Келдыша! Срочно провели необходимые расчёты, и предложение приняли [Белостоцкая, 2010: 172].

И вот наступило утро 12 апреля 1961 года. Стартовая позиция. Контакт подъёма.

На 156 секунде выведения произошёл отказ блока питания антенн системы радиоуправления центрального блока А. Команда на отключение двигателя не прошла. Двигатель отключился на 0,46 секунды позже положенного, по резервному варианту – по временной метке системы управления ракеты-носителя. Как следствие, задержалось на 0,51 секунды исполнение предварительной команды на выключение двигательной установки центрального блока. В результате вторая ступень набрала скорость на 22,0 м/сек выше расчётной. Двигатель третьей ступени также проработал на 2,4 секунды дольше расчётного времени. Суммарное завышение скорости носителя составило 25,43 м/сек [Лисов, Афанасьев, 2011: 3-4], и корабль вышел на более высокую орбиту. Апогей орбиты оказался 327 км вместо расчётных 230 км. Это сразу отменило резервный режим спуска – время существования корабля на данной орбите до спуска за счёт естественного торможения составляло около 30 суток. К этому времени космонавт бы погиб. Оставалось надеяться, что тормозная двигательная установка сработает штатно.

Региональная группа управления на Камчатском КИПе (Командно-измерительном пункте), возглавляемая будущим космонавтом А.А. Леоновым, не получила к сеансу связи с Ю.А. Гагариным сведений от Координационно-вычислительного центра в Москве о фактической орбите полёта «Востока». Траекторные измерения Камчатского КИП не соответствовали данным большинства КИПов из-за использования для привязки системы единого времени сигналов японской станции, а не Государственной эталонной станции. Тогда А.А. Леонов, чтобы не волновать Гагарина, взял на себя ответственность сообщить ему по УКВ-связи, что орбита нормальная. Оператор командной станции Камчатского КИП передал на космический корабль разовую команду включения программно-временного устройства без учёта отклонения фактической орбиты от расчётной. Это отличие было тогда неизвестно. Команда поступила от дублировавшей её автономной системы управления ракетой-носителем с некоторым сдвигом по времени. Это означало, что рассчитанные по этим измерениям параметры орбиты, на которую вышел корабль Гагарина, могли быть очень неточными, что в свою очередь создавало неопределённость в выдаче тормозного импульса необходимой продолжительности, то есть усложняло возвращение [История Командно-измерительного комплекса..., 2006: 76]. И нештатная ситуация произошла: тормозная двигательная установка (ТДУ) выключилась на 1 секунду раньше расчётного времени из-за окончания горю-

чего. В камере сгорания должен был закрыться обратный клапан наддува камеры (ОКНК). Однако клапан закрылся не полностью, в результате чего горючее после турбонасосного агрегата штатно поступало не только в камеру сгорания, но и нештатно, через незакрывшийся ОКНК, в полость «разделительного мешка» (нужен для предварительного наддува) бака горючего. Попавшее в «разделительный мешок» горючее не могло быть использовано для выработки тормозного импульса, то есть произошла нерасчётная потеря горючего. В результате горючего не хватило на отработку штатного импульса тяги. Следствием этой неполной секунды стал перелёт в 600 км и посадка в нерасчётном районе.

Но это ещё не всё. Арматура ТДУ осталась открытой. По открытым трактам газ наддува и окислитель под давлением 60 атмосфер продолжали поступать в камеру сгорания и рулевые сопла по тангажу, крену и рысканию. Процесс был произвольным и неконтролируемым. Результирующее возмущающее воздействие на космический корабль привело к его закрутке вокруг центра масс КК (смещён относительно геометрического центра) со скоростью 30 градусов в секунду. Гагарин: «Получился «кордебалет»: голова-ноги, голова-ноги с очень большой скоростью вращения. Всё кружилось. То вижу Африку, то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от Солнца, чтобы свет не падал в глаза. Я поставил ноги к иллюминатору, но не закрывал шторы. Мне было интересно самому, что происходит»¹⁷.

Мы описали только часть нештатных ситуаций, случившихся в полёте Юрия Гагарина. Несмотря на них, первый космонавт вернулся с орбиты благополучно. И не последнюю роль сыграли разрабатываемые теория и методы обеспечения надёжности – задача, поставленная Академией наук в далёком 1934 году.

Возвращение произошло со значительным перелётом по сравнению с расчётным: не в Волгоградской, а в Саратовской области. Продолжительность первого в мире космического полёта составила 106 минут. Неверная продолжительность полёта (108 минут), ставшая широко известной и вошедшей во все справочники объясняется тем, что сразу же для регистрации присутствовавшему на месте посадки спортивному комиссару ФАИ Ивану Григорьевичу Борисенко сообщили для регистрации мирового рекорда оперативные сведения. Когда же данные были уточнены, изменять их советская делегация в ФАИ не хотела, чтобы избежать лишних споров об обстоятельствах посадки Ю.А. Гагарина (раздельное парашютирование космонавта и спускаемого аппарата) [Лисов, Афанасьев, 2011: 9; Интервью спортивного комиссара Федерации авиаспорта..., 2011: 618-621].

В подготовке и осуществлении первого космического полёта велика роль Академии наук Союза ССР, о чём свидетельствует Постановление Президиума АН СССР [Советский космос, 2011: 52-54]. Особые полномочия это постановление предоставило члену Президиума АН РАН академику М.В. Келдышу. Работу, которую выполнил М.В. Келдыш, можно назвать выдающейся. Он внёс огромный вклад не только как математик, теоретик, но и как организатор,

¹⁷ Доклад Ю.А. Гагарина на заседании Государственной комиссии после космического полёта 13 апреля 1961 г. [Советская космическая инициатива, 2008: 155].

а также лично участвовал в практической работе, постоянно взаимодействовал с С.П. Королёвым, бывал на полигоне, в том числе и в дни подготовки ракеты-носителя и космического корабля Ю.А.Гагарина. В качестве примеров можно привести Научно-технический отчёт Математического института имени В.А. Стеклова АН СССР «Спуск с орбиты искусственного спутника Земли с торможением в атмосфере», утверждённый М.В. Келдышем [Первый пилотируемый полёт, 2011: 73-76].

Координацию работ в значительной мере осуществлял Межведомственный научно-технический совет по космическим исследованиям при Академии наук СССР, который также возглавлял академик М.В. Келдыш. Очень точно сказал о нём министр общего машиностроения СССР (1983-1988) О.Д. Бакланов: «Он нужен был космической среде для подтягивания академической науки к решению актуальных практических задач... И эта смычка большой науки и большой космической практики, начиная со второй половины пятидесятых годов, произошла. Роль в этом М.В. Келдыша безусловна» [Бакланов, 2014: 173].

В Постановлениях Совета Министров СССР с середины пятидесятых годов содержатся многочисленные поручения Академии наук СССР в целом и отдельным её институтам (с указанием фамилий ответственных), касающиеся теоретических расчётов, вычислений на ЭВМ, работ по изготовлению аппаратуры для освоения космического пространства, научных наблюдений, исследований в области космических проблем. Институты и учёные АН СССР прекрасно справились с поставленными задачами, о чём свидетельствует успешный полёт в космическое пространство Ю.А. Гагарина.

Интеркосмос

Полёт Ю.А. Гагарина был началом пилотируемых полётов, которые успешно продолжают по сей день. Трудно даже представить, какой объём работы предстояло ещё сделать нашим учёным и инженерам, Академии наук СССР/РАН и десяткам конструкторских бюро и производственных предприятий! Какой сложности задачи придётся им решать для выхода человека в открытый космос (П.И. Беляев и А.А. Леонов), обеспечение группового полёта космических кораблей (А.Г. Николаев, П.Р. Попович), для первой стыковки пилотируемых кораблей (В.А. Шаталов, А.С. Елисеев, Е.В. Хрунов, Б.В. Волинов), для эпохального экспериментального полёта «Аполлон» – «Союз» (А.А. Леонов и В.Н. Кубасов), для оживления «мёртвой» станции «Салют-7» (В.А. Джанибеков и В.П. Савиных, ныне академик РАН), для остающегося рекордом даже сегодня самого продолжительного космического полёта (438 суток, врач-космонавт В.В. Поляков), для международной программы пилотируемых полётов «Интеркосмос».

Совет «Интеркосмос» (полное название – Совет по международному сотрудничеству в области исследования и использования космического пространства при мирных целях) был создан в 1966 году при Академии наук СССР. Председателем Совета стал академик Б.Н. Петров (в 1981 году его сменил на этом посту академик В.А. Котельников). Целью Совета «Интеркосмос» было

объединение усилий социалистических стран в изучении и освоении космоса, включая и пилотируемые полёты. В 1967 году первую совместную программу приняли Болгария, Венгрия, ГДР, Куба, Монголия, Польша, Чехословакия, Румыния и СССР (приглашение к участию в программе «Интеркосмос» были также направлены Албании и СФРЮ, однако, эти две страны дистанцировались от совместной с СССР космической деятельности). В 1979 году к программе присоединился Вьетнам, а с 1982 года программа была расширена: в ней участвовали космонавты Франции, Индии, Сирии и Афганистана.

Советский Союз безвозмездно предоставил для космических исследований свою технику – ракеты и спутники, на которые устанавливалась научная аппаратура, созданная учёными и специалистами государств-участников. Всего для совместных экспериментов за время осуществления программы «Интеркосмос» было создано около трёх сотен уникальных приборов. Искусственные спутники Земли для совместных исследований получили название «Интеркосмос».

Первым космическим аппаратом, запущенным по программе «Интеркосмос», стал искусственный спутник Земли «Интеркосмос-1», стартовавший 14 октября 1969 года с полигона Капустин Яр. Его бортовая аппаратура была изготовлена в СССР, ГДР, ЧССР и предназначалась для исследования ультрафиолетового и рентгеновского излучений Солнца и влияния этих излучений на структуру верхней атмосферы Земли. С 1969 по 1991 год были запущены 25 спутников серии «Интеркосмос» и 11 геофизических ракет «Вертикаль». Первая из них, «Вертикаль-1», стартовала 28 ноября 1970 года также с полигона «Капустин Яр». Она предназначалась для исследования ультрафиолетового и рентгеновского излучений Солнца, ионосферы, метеорного вещества. Изучались распределения концентрации электронов и положительных ионов, температуры электронов по высоте, а также физические и химические свойства метеорных частиц. Значение запусков высотных ракет нельзя преуменьшать. Ракетные измерения существенно отличаются от измерений на спутниках. Они дают возможность определять высотное распределение измеряемых параметров, чего нельзя получить при исследованиях на спутниках.

На спутниках серии «Интеркосмос» и далее проводились исследования коротковолнового излучения Солнца, магнитосферы и ионосферы, радиационной обстановки, космического излучения, а также природных ресурсов Земли, океана и земной атмосферы.

Последний запуск по программе «Интеркосмос» спутника «Интеркосмос – 25» был осуществлён 18 декабря 1991 года с космодрома «Плесецк». Последний пилотируемый полёт по программе «Интеркосмос» выполнен 29 августа – 7 сентября 1988 года.

Более чем двадцатилетние международные исследования и эксперименты по программе «Интеркосмос» позволили сделать ряд научных открытий в изучении и практическом использовании околоземного космического пространства, Солнца, Луны, Марса, Венеры и других планет Солнечной системы, провести сотни космических экспериментов, совместно создать десятки научных и технических приборов и устройств, обеспечивших успешную работу учёных, специалистов и космонавтов.

Наука на советских и российских орбитальных станциях

Расцвет космической науки связан с созданием и выводением на орбиту ряда орбитальных станций «Салют» и «Алмаз» с вершиной – исследованиями на орбитальном комплексе (ОК) «Мир». В краткой статье невозможно рассказать о тысячах поставленных на космических станциях научных экспериментах и аппаратуре, о которой учёные не могли и мечтать в 1930-х – 1940-х годах. Поэтому сосредоточимся в основном на оборудовании и исследованиях, проведённых на борту ОК «Мир».

Базовый блок комплекса был выведен на орбиту 20 февраля 1986 года. За десять лет ОК был достроен до полной конфигурации, включавшей 6 модулей и стыковочный отсек. Базовый блок был основным для управления комплексом, а остальные пять модулей – научные.

Астрофизический модуль «Квант», оснащённый научной аппаратурой для исследования рентгеновских источников излучения в космическом пространстве, которые недоступны наблюдению с Земли, вступил в строй 9 апреля 1987 года. Научное оборудование модуля включало в себя собственно астрофизическую аппаратуру (ультрафиолетовый УФ телескоп «Глазар», аппаратура «Рябина-2», комплекс «Рентген-37КЭ»), геофизическую аппаратуру (инжектор плазмы «Ариель», инжектор электронов «Источник», аппаратура «Арфа-7», датчик «Зонд-Заряд») и аппаратуру биотехнологическую («Биокрист», «Луч», «Биоконт», «Рекомб-К», «Биомагнистат»). Для дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) предназначался оптический визир ОД-5. Кроме этого, в модуле были установлены опытные установки для технических экспериментов.

Модуль «Квант» оказался одним из самых результативных модулей ОК «Мир» по выполнению научных исследований работ в ходе полёта в составе комплекса. За 14 лет удалось получить важнейшие результаты. С помощью нескольких рентгеновских телескопов впервые было зарегистрировано рентгеновское излучение при вспышке Сверхновой звезды 1987А, произошедшей на расстоянии 180 000 световых лет от Солнца в соседней с нашей Галактике Большое Магелланово облако, и была отслежена временная эволюция её спектра, проведены успешные наблюдения пульсаров Геркулес-ХІ и Лебедь-ХІ и звезды Новой в созвездии Лисички. Результаты этих наблюдений стали приоритетными и признаны научной общественностью как выдающееся мировое достижение.

«Квант-2» – модуль дооснащения ОК «Мир» научной аппаратурой и обеспечения выходов экипажей в открытый космос был запущен 26 ноября 1989 года. Научное оборудование модуля предназначалось для следующих направлений исследований. ДЗЗ и экология: многоканальный фотоаппарат МКФ-6МА, телеспектрометр «Фаза», спектрометр МКС-М, телекамеры черно-белого и цветного изображения, видеокомплекс «Атлас». Астрофизика: рентгеновский спектрометр АРИЗ, аппаратура «Рябина-2А», «Спин-6000». Астрономия: оптический звёздный датчик, аппаратура «Вега», датчики «Спрут-6». И другая аппаратура. На корпусе модуля с внешней стороны была установлена поворот-

ная управляемая платформа с фотометрической, телевизионной и спектрометрической аппаратурой. Управлять этой платформой могли как члены экипажа, так и операторы ЦУП, что позволяло непосредственно с Земли исследовать интересные участки земной поверхности или небесной сферы.

Технологический модуль «Кристалл» предназначался для проведения экспериментов по получению в невесомости новых материалов, очистке биологически активных веществ в целях создания новых лекарственных препаратов. Научное оборудование модуля включало, прежде всего, технологические печи «Кратер-ВМ», «Галлар», «Зона-02», «Зона-03», комплекс управления «Оникс», зеркальная печь «Оптизон-1», экспериментальные установки: «Кристаллизатор ЧСК-1», «Титус-ЧСК-4», аппаратура «Алис-2», «Виброкристаллизация», платформа ВЗП-1К. Присутствовала и астрофизическая аппаратура: гамма-телескоп «Букет», УФ-телескоп «Глазар-2», спектрометр «Гранат-С», магнитный спектрометр «Мария-2». Интересна была медико-биологическая аппаратура: «Фертиль», оранжерея «Свет», электрофоретический комплекс «Айнурус».

Оптический модуль «Спектр» был ориентирован на научные исследования природных ресурсов Земли, экологический мониторинг атмосферы, океанов и космического пространства и включал аппаратуру по ДЗЗ и экологическому мониторингу: ИК-спектрометр «Мирас», лидар «Балкан-1», спектрометр «Феникс», фотографический комплекс «Природа-5». И вновь оборудование для астрофизических исследований: детектор межзвездного газа «КОМЗА», аппаратура «Рябина-4П», рентгеновская аппаратура «Гриф-1», «Таурас».

И, наконец, не имевший равных среди предшественников по насыщенности научной аппаратурой модуль «Природа» был рассчитан на проведение научных исследований и экспериментов по исследованию природных ресурсов Земли, космических излучений, геофизических процессов различного происхождения в околоземном космическом пространстве и верхних слоях земной атмосферы. В модуле были установлены 25 комплектов научной аппаратуры общим весом 2964 кг. В частности, для ДЗЗ и экологического мониторинга: радиометр «Икар-1», сканирующий радиометр «Икар-Дельта», ИК-спектрометрический радиометр «Исток-1», спектрометры: «МОЗ-Обзор», МСУ-СК, МСУ-2, «Озон-Мир», радиолокатор «Траверс-1», стереосканер МОМС-2П (обеспечивал разрешение около 5 м – лучшее на то время), аэрозольный лидар «Алиса». Не забыты и астрофизика (дозиметр ДК-1, анализатор С-11, спектрометр СПЭ-1) и геофизика (аппаратура «Ионозонд»). Для медицинских исследований предназначалась аппаратура «Когнилаб».

Необходимо отметить, что Академия наук рачительно относилась к доставленной на борт научной аппаратуре. Так, в июне 1986 года экипаж первой экспедиции на ОК «Мир» Л.Д. Кизим и В.А. Соловьёв, ныне академик РАН, выполнили первый в мире перелёт с одной станции («Мир») на другую («Салют-7») и обратно для того, чтобы перевезти на новую станцию 300 кг научной аппаратуры (электрофоретическую установку «робот», ультразвуковой кардиограф «Аргумент», многозональный спектрометр, широкоформатный топографический фотоаппарат КАТЭ-140, видеокомплекс «Нива», технологи-

ческую аппаратуру «Пион-М», биотермы). Перед тем, как провести сведение «Мира» с орбиты, Россия предлагала США перевезти подобным же образом часть научной аппаратуры с ОК «Мир» на Международную космическую станцию (МКС). Для этого требовалось только перенести запуск первого модуля МКС «Заря» на шесть часов позднее. Тогда бы орбиты «Мира» и МКС совпали, и двумя грузовыми кораблями «Прогресс» можно было выполнить операцию по перебазированию научного оборудования с «Мира» на МКС. Однако США согласия не дали, хотя и технических возражений тоже не выставили. Это означало только одно: МКС должна была восприниматься не как продолжатель «Мира», а как первая международная. Однако с фактами не поспоришь: на ОК «Мир» работали 104 космонавта, из них советские и российские – 42, иностранные пилоты и учёные – 62, в том числе 44 – американские астронавты. Кроме того, на «Мир» совершили полёты представители Франции (5), Германии (2), Европейского космического агентства (3) и по одному разу – Сирии, Болгарии, Афганистана, Японии, Великобритании, Австрии, Словакии и Канады. Таким образом, с полным основанием можно считать, что ОК «Мир» стал на деле первым международным пилотируемым космическим комплексом. ОК «Мир» на практике стал международной орбитальной научной лабораторией. По медицинскому, биологическому и биотехнологическому направлениям исследований большая часть экспериментов проводилась в рамках международного сотрудничества. С использованием иностранной аппаратуры выполнены более 7500 экспериментов из общего количества 31200.

На «Мире» довелось жить и «братьям нашим меньшим». В разное время для проведения научных экспериментов на нём побывали «экипажи» жучков-чернотелок, мух-дрозофил, японских перепелов, тритонов, виноградных улиток, японских древесных лягушек, рыбок гуппи и голубых японских рачков.

К середине 1996 г. после стыковки модуля «Природа» с ОК «Мир» сформировался его окончательный облик как научно-исследовательского комплекса, оснащённого уникальной научной аппаратурой более 240 наименований, произведенной в 27 странах общей массой 11,5 тонн. На завершающем этапе полёта ОК «Мир» на его борту находилось 161 наименование научной аппаратуры, из них: работоспособного оборудования – 124; системы, у которых истёк гарантийный срок – 25; приборы, требующие ремонта – 5. Работоспособный исследовательский парк позволял выполнять фундаментальные и научно-прикладные исследования по многим направлениям в различных областях науки и техники. От 1,5 тонн научной аппаратуры для проведения только астрофизических наблюдений на первой в мире орбитальной станции «Салют» до 11,5 тонн комплекса целевых нагрузок ОК «Мир» для проведения исследований был пройден непростой путь. Понятно, какой богатейший материал дали учёным институтов Академии наук результаты космических экспериментов! Если рассказывать историю научных экспериментов каждой экспедиции, они сольются в хвалебную песнь Науке.

Даже по сегодняшним меркам такой орбитальный научно-исследовательский комплекс вполне конкурентоспособен даже в сравнении с Международной космической станцией. В его создании значительную роль сыграли многие

предприятия и организации Советского Союза и институты АН СССР/РАН. Именно благодаря учёным удалось по требованию заказчиков и постановщиков экспериментов оперативно изменять направления исследований и уже в ходе полёта станции расширять их, учитывая интересы других научных организаций и государств. На практике ОК «Мир» не только сконцентрировал опыт решения разнообразных прикладных задач в условиях орбитального полёта, но и значительно расширил сферу применения научных методов в области космоса, что ранее было недоступно Человечеству.

22 марта 2001 года в 9.00 мск дежурный оператор в ЦУПе по громкой связи объявил, что орбитальный комплекс «Мир» прекратил своё существование [Батурин, 2016: 430-434]. У всех космонавтов и работавших с ними учёных, которые – кто в зале управления, кто по прямой телетрансляции смотрел на сведение его с орбиты, на глазах навернулись слёзы. Прощай великая научная космическая лаборатория, прощай удивительная эпоха космических экспериментов!

Международная космическая станция

После сведения с орбиты ОК «Мир» Россия стала участником проекта «Международная космическая станция» (МКС), которая сегодня после достройки её до полной конфигурации, продолжавшейся годы, представляет собой серьёзную научно-техническую лабораторию, оснащённую для проведения прикладных и фундаментальных исследований по изучению Земли, окружающего космического пространства и вселенной в целом. МКС стала космической платформой для установки научной аппаратуры и используется как полигон для отработки научного оборудования и методик в условиях орбитального космического полёта. Эксперименты курируются Российской академией наук и проводятся по нескольким тематическим направлениям:

- неатмосферная астрономия;
- Солнечная система;
- физика космических лучей;
- исследования Земли из космоса;
- космическое материаловедение;
- космическая биология, физиология и медицина.

Цели российских экспериментов на борту МКС:

- изучить в условиях микрогравитации различные физические и химические процессы;
- исследовать возможности получения новых материалов и веществ с недоступными или труднодоступными в наземных условиях свойствами;
- изучить физические процессы, происходящие на поверхности, атмосфере и ионосфере Земли, а также в ближнем и дальнем космосе;
- решить фундаментальные проблемы в области науки о жизни;
- изучить особенности жизнедеятельности живых организмов (животные, растения, микроорганизмы, клетки) в условиях космического полёта;
- изучить особенности регенерации органов и тканей, межклеточные взаимодействия.

МКС является удобной площадкой для внеатмосферной астрономии. Благодаря тому, что научная аппаратура вынесена за пределы земной атмосферы, стало возможным изучать излучение астрономических объектов во всём диапазоне длин волн – от жёсткого гамма-излучения до длинноволнового радиоизлучения. Появилась также возможность проводить непосредственные измерения в межпланетном пространстве, исследовать солнечный ветер, наблюдать атомы межзвёздной среды, проникающие в Солнечную систему, и т.д. Преимущества исследований на МКС в области внеатмосферной астрономии проявляются для экспериментов, не требующих высокой точности ориентации и стабилизации и не требующих очень низкого уровня электромагнитных помех. Это, например, относится к наблюдениям в коротковолновых участках спектра (гамма, рентгеновском). Эксперименты такого рода дают значительный вклад в развитие представлений о структуре вещества Вселенной, высокоэнергетических процессах, протекающих в космических объектах. Проведение аналогичных экспериментов с помощью наземных установок невозможно по принципиальным ограничениям из-за влияния атмосферы. За последние годы наиболее значительные результаты в области исследования Солнца достигнуты благодаря исследованиям на космической станции. Интерес учёных к физике Солнца и гелиосферы обусловлен тем, что процессы, протекающие в солнечном веществе и в околосолнечном пространстве, характерны для других космических объектов: звёздные осцилляции, пятна, вспышки, короны, ветры и глубокие и длительные минимумы активности. Солнце и гелиосфера представляют собой уникальную гигантскую лабораторию, где можно осуществить эксперименты по проверке сценариев и моделей эволюции звёзд, изучению основополагающих проблем магнитогидродинамики, физики плазмы, атомной физики и даже космологии и физики элементарных частиц. При этом многие виды наблюдений возможны только из космоса, и этим определяется незаменимость орбитальной станции для исследований физики Солнца. Всё возрастающее понимание влияния Солнца на геосреду и различные сферы человеческой деятельности определяет практическое значение исследований в этой области.

Чрезвычайно важны поставленные на борту российского сегмента МКС учёными РАН эксперименты по космическому материаловедению. Они уже приносят новые знания о процессах и явлениях в твёрдых и жидких средах в космических условиях и помогают разработке на их основе космических технологий производства материалов с уникальными свойствами. В рамках этого направления исследуются рост кристаллов, процессы получения новых материалов и возникновения упорядоченных структур, невозможных или затруднённых в условиях гравитации, физика горения и синтеза в условиях космоса, физика жидкости, фазовых переходов и явления переноса, физика низких температур, осуществляется синтез полупроводниковых эпитаксиальных гетероструктур. Решение задач в области роста кристаллов обеспечивает получение новых фундаментальных знаний о специфике кристаллизации в условиях микрогравитации, разработку эффективных методов управления процессами переноса в расплаве и у фронта кристаллизации для формирования высоких

микро- и макрооднородностей структуры и свойств монокристаллов полупроводников и диэлектриков и создание на этой основе перспективных технологических процессов их производства в космосе. Цель таких исследований – создание на МКС, а затем и на будущей российской космической станции монокристаллов сложных полупроводниковых соединений для микро- и оптоэлектроники и легированных монокристаллов гранатов для лазерной техники со свойствами, не достижимыми в земных условиях, а также совершенствование земных технологий производства этих и других материалов.

На российском сегменте МКС проводятся эксперименты по получению многослойных полупроводниковых структур, создаётся экспериментальная установка первого поколения для молекулярно-лучевой эпитаксии в космосе за молекулярным экраном, осуществляются эксперименты по выращиванию структур на основе арсенида галлия и других материалов в космических условиях. Помимо отработки технологий производства новых материалов указанные исследования также позволят установить области применения кристаллов фуллеритов в современных технологиях и технике будущего, создать технологии синтеза высокопористых тугоплавких теплоизолирующих материалов с уникальной структурой, определить ряд констант реакции полимеризации. Исследования процессов создания упорядоченных структур в космосе открывают качественно новую область изучения явлений, эксперименты с которыми в принципе невозможны или крайне затруднены на Земле. Примером таких исследований являются эксперименты в новой области – физике пылевой (комплексной) плазмы. Пылевая плазма – ионизованный газ, содержащий заряженные частицы конденсированного вещества. В условиях орбитального космического полёта искажающее влияние гравитации устраняется, силы кулоновского взаимодействия на два порядка превышают силы объёмного взаимодействия, что даёт возможность получения изотропной плазменно-пылевой системы, недостижимой в земных условиях. В связи с этим нельзя не упомянуть самый длительный (20 лет) в истории пилотируемых полетов бортовой космический эксперимент «Плазменный кристалл», которым руководил президент РАН (2013-2017) академик В.Е. Фортов. За два десятилетия получены важнейшие результаты по самоорганизации пылевой плазмы, её поведению при внешних воздействиях, фазовые переходы; изучены новые плазменные состояния – плазменная жидкость, плазменный кристалл; плазменно-пылевая система с большим числом взаимодействующих частиц и плоскостей кристаллических решёток [*Фортов, Батурин и др., 2015*]. Аналогов проводимых исследований не имеется.

Не забыта Академией наук и подготовка молодых научных кадров, начиная со школьников и студентов. Космонавты помогают учёным в создании новых образовательных продуктов и программ, повышающих у школьников и студентов мотивацию к овладению современными наукоёмкими технологиями путём использования в системе образования учебных экспериментов, проводимых на российском сегменте МКС. Необычность и новизна такой информации вызывают интерес и к новым технологиям, и к более углублённому изучению школьных и вузовских предметов, что в конечном итоге способствует популяризации космической науки у молодёжи.

Сегодня космонавты готовятся к полётам на Луну, к созданию там лунной базы. Ещё до полёта Ю.А. Гагарина учёные начали автоматическими космическими станциями осваивать Луну, Венеру, Марс. Выполнен гигантский объём работ. Всё это было бы невозможно без сотен членов Российской академии наук, без институтов РАН, без их научных коллективов. Академия наук превратила Космос в бескрайнее научно-исследовательское поле, а это гарантия того, что движение науки и практики в глубины Вселенной необратимо.

Литература

4 Центральный научно-исследовательский институт 1946-1996. Исторический очерк. М., МО РФ, 1996.

Бакланов О.Д. Космос – моя судьба. Записки из «Матросской тишины». В двух томах. Том I. М.: Общество сохранения литературного наследия», 2014.

Батурин Ю.М. Вспоминая «Мир». – В кн.: История науки и техники. Импровизации в стиле jazz. М.: «РТСофт» – «Космоскоп», 2016. С. 430-434.

Белостоцкая К.К. Роль ОКБ МЭИ в создании и обеспечении полётов первых пилотируемых космических кораблей. – В кн.: Юбилейный сборник докладов. Материалы юбилейных общественно-научных чтений, посвященных памяти Ю.А. Гагарина. – Гагарин: «Музей Ю.А. Гагарина», 2010. С. 167-173.

Брыков А.В. К тайнам Вселенной. М.: Инвекция, 1993.

Вакулов П.В., Ведешин Л.А. Первые ракетные эксперименты по исследованию космических лучей // Вестник Академии наук СССР, 1973, № 3. С.123-132.

Вклад Академии наук в освоение Космоса. М.: РАН, 2021. 348 с.; илл. 468.

Голованов Я.К. Королёв: факты и мифы. Том 1. М.: Фонд «Русские витязи», 2007.

Интервью спортивного комиссара Федерации авиаспорта СССР И.Г. Борисенко о встрече Ю.А. Гагарина после космического полета. – Человек. Корабль. Космос. М.: Новый хронограф, 2011. С.618-621.

История Командно-измерительного комплекса управления космическими аппаратами от истоков до Главного испытательного центра имени Г.С. Титова. Книга 1. Общий очерк. М.: Издательство ЗАО СП «Контакт-РЛ», 2006.

Кантемиров Б.Н. Михаил Клавдиевич Тихонравов. М.: Наука, 2014.

Лисов И., Афанасьев И. 106 минут Юрия Гагарина в свете рассекреченных документов. «Новости космонавтики», 2011, № 6. С.3-4.

Первый пилотируемый полёт. Сборник документов в двух книгах. Книга первая. Под ред. В.А. Давыдова. М.: Издательство «Родина МЕДИА», 2011.

Резолюции Всесоюзной конференции по изучению стратосферы 31 марта – 6 апреля 1934 г. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935.

Решетин А.Г. Решение проблемы полёта в атмосфере спускаемого аппарата «Восток» с Ю.А. Гагариным. – В кн.: Юбилейный сборник докладов. Материалы юбилейных общественно-научных чтений, посвященных памяти Ю.А. Гагарина. – Гагарин, «Музей Ю.А. Гагарина», 2010. С. 90-97.

С.П. Королёв и его дело. Свет и тени в истории космонавтики. Сб. док. Под общ. ред. Б.В. Раушенбаха. М.: Наука, 1998.

Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946-1964 гг. // Под ред. Ю.М. Батурина. М.: «РТСофт», 2008.

Советский космос. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М., 2011.

Труды Всесоюзной конференции по изучению стратосферы 31 марта – 6 апреля 1934 года. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935. XXIV. 927 с., 19 табл.

Фортв В.Е., Батурин Ю.М., Морфилл Г.О., Петров О.Ф. Плазменный кристалл. Космические эксперименты. М.: Физматлит, 2015.

Циолковский К. Исследование мировых пространств реактивными приборами. (Переиздание работ 1903 и 1911 г. с некоторыми изменениями и дополнениями). Калуга, 1926.

Циолковский К.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. Аэродинамика. М.: АН СССР, 1951.

Циолковский К.Э. Черты из моей жизни. Калуга: Золотая аллея, 2002.

Человек. Корабль. Космос. Сборник документов к 50-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина. М.: Новый хронограф, 2011.

Чернышева О.Н. Становление отечественной космонавтики. 1920-е – 1950-е годы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2002.

Черток Б.Е. Ракеты и люди. Том 2. Подлипки – Капустин Яр – Тюратам. М.: «РТСофт», 2006.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи МИД РФ

АК – см. ИАК

АН – Академия наук

АС – Археологический съезд

Ассоциация КМНСС и ДВ РФ – Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

АХ – Академия художеств

БАН – Библиотека Российской академии наук

БАН СССР – Библиотека Академии наук СССР

ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (1929-1992)

ГКОТ – Государственный комитет Совета Министров СССР по оборонной технике (1957-1963)

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина

ГРДНТ – Государственный Российский дом народного творчества имени В.Д. Поленова

ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАК – Императорская археологическая комиссия

ИАН – Императорская академия наук

ИИЕТ РАН – Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук

ИКОМ – Международный совет музеев (International Council of Museums, ICOM)

ИЛИ РАН – Институт лингвистических исследований Российской академии наук

ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук

ИПМИ КарНЦ РАН – Институт прикладных математических исследований Карельского научного центра Российской академии наук

ИРАО – Императорское Русское археологическое общество

ИФФ УСВ – Историко-филологический факультет Университета Святого Владимира

ИЯз РАН – Институт языкознания Российской академии наук

ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

КМНС – коренные малочисленные народы Севера

КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской академии наук

МАО – Московское археологическое общество

МАРХИ – Московский архитектурный институт (государственная академия)

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

МВД – Министерство внутренних дел

МУ – Московский университет

МФТИ – Московский физико-технический институт

НГУ – Новосибирский государственный университет

ОИФ ИАН – Отделение истории и филологии Императорской академии наук

ОЛИКО – Общество любителей истории Кубанской области

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РАИК – Российский археологический институт в Константинополе

РАН – Российская академия наук

РАО – см. ИРАО

РААСН – Российская академия архитектуры и строительных наук

РАХ – Российская академия художеств

РГАК – Российская государственная археологическая комиссия

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет

РГИА – Российский государственный исторический архив

РНБ – Российская национальная библиотека

РНФ – Российский научный фонд

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук

САФУ – Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

СОПС – Совет по изучению производительных сил – научно-исследовательское учреждение при АН СССР (1930-1960), Госплане СССР (1960-1992), впоследствии при Министерстве экономического развития Российской Федерации

СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ССКГ – серия книг «Сборник сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1868-1881)

СФРЮ – Социалистическая Федеративная Республика Югославия (1945-1992)

УрГАХУ – Уральский государственный архитектурно-художественный университет

ФСИН – Федеральная служба исполнения наказаний

ФИАН – Физический институт имени П.Н. Лебедева
Академии наук СССР / РАН

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы
и искусства Санкт-Петербурга

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга

Ямфак – факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского
государственного университета (1925-1929)

VK – международное название российской социальной сети «ВКонтакте»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиева Алла Ивановна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания Российской академии наук

Ананьев Виталий Геннадьевич – доктор культурологии, старший научный сотрудник лаборатории «Наука и научная политика в индустриальных и постиндустриальных обществах» Института всеобщей истории Российской академии наук

Артёмов Евгений Тимофеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Басаргина Екатерина Юрьевна – доктор исторических наук, заведующая отделом публикаций и выставочной деятельности Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук

Баскакова Ирина Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Батурин Юрий Михайлович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук

Бондарь Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук

Борисов Николай Александрович – доктор политических наук, доцент, начальник Управления по научной работе Российского государственного гуманитарного университета, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Бурлак Светлана Анатольевна – профессор РАН, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Бухарин Михаил Дмитриевич – академик РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель лаборатории «Наука и научная политика в индустриальных и постиндустриальных обществах» Института всеобщей истории Российской академии наук

Вахромеева Оксана Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Гриневиц Анна Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Дмитриева Екатерина Евгеньевна – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, заведующая Отделом русской классической литературы Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, руководитель группы по подготовке академического Полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя

Зайцев Илья Владимирович – профессор РАН, доктор исторических наук, заместитель генерального директора по выставочной работе Государственного музея Востока, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук

Катагощина Мария Всеволодовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института евразийских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета

Кошкарёва Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Крижановская Наталья Борисовна – ведущий инженер-исследователь лаборатории компьютерных технологий Института прикладных математических исследований Карельского научного центра Российской академии наук

Кузьмина Евгения Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Макаров Николай Андреевич – академик РАН, доктор исторических наук, вице-президент Российской академии наук, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института археологии Российской академии наук

Муллонен Ирма Ивановна – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Новак Ирина Петровна – кандидат филологических наук, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, старший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Павленко Ольга Вячеславовна – доктор исторических наук, проректор по научной работе Российского государственного гуманитарного университета, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Пивовар Ефим Иосифович – академик РАН, доктор исторических наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН – руководитель секции истории, научный руководитель Российского государственного гуманитарного университета, директор Института евразийских и межрегиональных исследований Российского государственного гуманитарного университета

Пиотровский Михаил Борисович – академик РАН, генеральный директор Государственного Эрмитажа

Побережников Игорь Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Репина Лорина Петровна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом историко-теоретических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета

Родионова Александра Павловна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Рынков Вадим Маркович – доктор исторических наук, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук

Силантьев Игорь Витальевич – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Сиренов Алексей Владимирович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Тирон Екатерина Леонидовна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Тункина Ирина Владимировна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук

Фандо Роман Алексеевич – доктор исторических наук, директор Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова Российской академии наук

Федина Наталья Никитовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Черкасов Пётр Петрович – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук

Черных Александр Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиала Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук

Чернышева Юлия Сергеевна – научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии Института гуманитарных исследований Уральского отделения РАН – филиала Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Шахов Павел Сергеевич – кандидат искусствоведения, заместитель директора по научной работе Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Швидковский Дмитрий Олегович – академик РААСН и РАХ, доктор искусствоведения, профессор, президент Российской академии архитектуры и строительных наук

Научное издание

**ТРУДЫ
Отделения
историко-филологических наук РАН
2023**

Том 13

Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
(постановление от 07.06.2024 г. № 37)

Формат 70x100 1/16
Гарнитура Times
Усл.-п. л. 34,45. Уч.-изд. л. 27,6
Тираж 300 экз.

Издатель – Российская академия наук

Публикуется в авторской редакции

Верстка – УНИД РАН

Издается по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 11.04.2024 № 1
и распространяется бесплатно